

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ

**Материалы
XXIV Международной научной конференции,
посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне**

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Ивановский филиал ЧОУ ВО «Институт управления»

Ивановский филиал РАНХиГС (Президентская академия)

ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ

**Материалы XXIV Международной научной конференции,
посвященной 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне**

Иваново, 26–27 марта 2025 г.

Иваново

Издательство «Ивановский государственный университет»

2025

ББК 63.3(2):86.372(2)

Г72

Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XXIV Междунар. науч. конф. : посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Иваново, 26–27 марта 2025 г. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2025. – 540 с.
ISBN 978-5-7807-1482-9

В сборнике представлены материалы XXIV Международной научной конференции «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков», посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, в которых анализируются различные проблемы истории Русской Православной Церкви в контексте истории российского государства и общества, исследуются малоизученные аспекты этого сложнейшего периода в истории нашей страны, вводятся в оборот неизвестные источники, делается попытка найти новые подходы в изучении новейшей отечественной истории.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук **А.А. Корников** (ответственный редактор),
д-р ист. наук **С.М. Усманов**,
д-р ист. наук **Ю.А. Ильин**,
д-р ист. наук **В.Л. Черноперов**,
канд. ист. наук **Н.Г. Юркин**,
канд. ист. наук **И.А. Комиссарова** (ответственный секретарь)

За содержание материалов ответственность несут авторы

ISBN 978-5-7807-1482-9

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2025

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Ivanovo State University

Institute of Management, Ivanovo branch

Ivanovo branch of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration”, Ivanovo, Russia

**STATE, SOCIETY, CHURCH
IN THE HISTORY OF RUSSIA
(20th – 21st CENTURIES)**

**Proceedings of the XXIV International Scientific Conference,
devoted to the 80th anniversary
of the Victory in the Great Patriotic War**

Ivanovo, March 26–27, 2025

Ivanovo
Ivanovo State University
2025

State, Society, Church in the History of Russia (20th – 21st centuries) : proceedings of the XXIV International Scientific Conference : devoted to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, Ivanovo, March 26–27, 2025. – Ivanovo : Ivanovo State University, 2025. – 540 p.

ISBN 978-5-7807-1482-9

The proceedings include discussion of the XXIV International Scientific Conference «State, Society, Church in the History of Russia in the 20th – 21st centuries», devoted to the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. A wide range of problems covering the history of Russian Orthodox Church, Russian State and society are analyzed. Aspects of the turbulent period of history that have not been studied a lot so far are explored. Unknown sources are introduced. An attempt to find new approaches to the study of Contemporary Russian History is made.

*Printed according to the decision
of the Editorial Board of Ivanovo State University*

Editorial board:

A.A. Kornikov, Doctor of History (Editor-in-Chief)

S.M. Usmanov, Doctor of History

Y.A. Ilyin, Doctor of History

V.L. Chernoperov, Doctor of History

N.G. Yurkin, Candidate of Science, History

I.A. Komissarova, Candidate of Science, History (Secretary-in-Chief)

The content is the responsibility of the authors

УДК 371.487

Л.В. Лукьянчикова,
профессор ИГСУ РАНХиГС (Москва)

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ЯНВАРЕ – ИЮНЕ 1941 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»)

Аннотация. Статья посвящена опыту военно-патриотического воспитания советского общества, представленного на страницах газеты «Правда» накануне Великой Отечественной войны. Отмечается, что данная деятельность внесла свой вклад в победу советского народа над фашизмом.

Ключевые слова: военно-патриотическая подготовка, Красная Армия, Осоaviaхим.

L.V. Lukyanchikova,
Professor of MIGSU RANEPА (Moscow)

MILITARY-PATRIOTIC TRAINING OF SOVIET CITIZENS IN JANUARY – JUNE 1941 (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER PRAVDA)

Abstract. The article is devoted to the experience of military-patriotic education of the Soviet society, presented on the pages of the newspaper Pravda on the eve of the Great Patriotic War. It is noted that this activity contributed to the victory of the Soviet people over fascism.

Keywords: military-patriotic training, the Red Army, Osoviakhim.

Военно-патриотическое воспитание в СССР являлось традиционным элементом образовательного процесса. Советской педагогической системой, с опорой на дореволюционный опыт были выработаны эффективные методики и приемы воспитания в каждой личности таких качеств как любовь к своей Родине, мужество, смелость, самостоятельность и т. д. Накануне Великой Отечественной войны программа военно-патриотического воспитания, возведенная на государственный уровень, была особенно востребована. Ярким тому свидетельством

являются материалы газеты «Правда» последнего «мирного» полугодия 1941 года.

В первую очередь, следует указать, что военно-патриотическое воспитание в СССР являлось целым комплексом мероприятий. Так, в январе 1941 года Главное управление политической пропаганды Красной Армии специальной директивой предложило политорганам соединений и частей создать их историю, боевой путь. Во многом этому способствовало выступление М.И. Калинина, который считал боевые традиции воинских частей серьезным фактором политического воспитания воинов Красной Армии, которые культивируются слабо. Признавалось необходимым, чтобы каждый новобранец, придя в воинскую часть, знал всю ее боевую историю, всех ее героев и боевые награды, чтобы он гордился его полком и повсюду отстаивал его честь. Также резюмировалось, что в военное время полк или дивизия быстро могут восстановить свою мощь после любого сражения, если только сохранился в них костяк, воплотивший в себе высокоразвитые боевые традиции части. Для того, чтобы эти истории были написаны литературно ярко, просто и доходчиво, в помощь политорганам воинских частей и соединений призывались к активному участию писатели и журналисты [2].

Также, одним из направлений военно-политического воспитания являлась пропаганда военных знаний. Из числа руководящего партийного актива, командно-политического состава армии и флота предусматривался отбор хорошо подготовленных агитаторов и пропагандистов, которые «могли бы увлекательно рассказать о военной работе большевистской партии, о величайшей роли Ленина и Сталина и их славных соратников в организации Красной Армии» и т. д. Кроме того, планировались встречи населения с участниками Гражданской войны и боев у озера Хасан и Халхин-Гола, с участниками боев против «финской белогвардейщины». Данные мероприятия должны были проходить на собраниях рабочих, колхозников, интеллигенции в свободное от работы время [3].

К одним из самых массовых мероприятий в данном контексте следует отнести спортивные эстафеты и состязания. Проводимые под эгидой Осоавиахима, комсомольских и профсоюзных организаций, различных спортивных обществ и т. п., данные акции, как указывалось в многочисленных выпусках «Правды», были направлены «в дело укрепления обороноспособности нашей Родины». В зимний период это были лыжные кроссы. Например, в Третьем Всесоюзном лыжном кроссе профсоюзов, состоявшемся 30 января 1941 г. участвовало 1 013 000 человек (рабочие, служащие и члены их семей), из них более 600 тысяч человек сдали лыжные нормы ГТО. В Первом всесоюзном лыжном ком-

сомольском кроссе имени XXIII годовщины Красной Армии принимали участие 6 млн 120 тыс. чел. Из них 84,9 % сдали лыжные и пешие нормы комплекса «Готов к труду и обороне». Большое значение придается статистике участников, сдавших нормы ГТО. Это объяснялось тем, что «кросс – лишь начало серьезной и планомерной работы комсомольца по физической и военной подготовке», необходимой для закалки организма, для службы в Красной Армии. Особенно отмечалось, что «военно-физическая подготовка – не частное дело комсомольца, а его прямая государственная, комсомольская обязанность [4; 7]. XXIII годовщине Красной Армии был посвящен и переход по маршруту Якутск-Алда-Якутск. Для преодоления этого 1200 – километрового маршрута, пролегающего по сильно пересеченной местности и бездорожью, команда лыжников спортивного общества «Молния» стартовала 12 февраля 1941 года из г. Якутска при 57-градусном морозе [6]. В весенне-летний период план массовых военно-физкультурных мероприятий предусматривал кроссы, велосипедные кроссы, соревнования по пятиборью, строевые занятия, горные походы, санитарные соревнования девушек, военно-тактические учения и игры, стрелковые соревнования и т. д. [5]. Так, 27 апреля в Сталинской и Ворошиловградской областях прошли гимнастические соревнования комсомольцев Донбасса. На шахтах и заводах, в городах и селах в соревнованиях участвовали более 308 тысяч человек, где более 175 тысяч – комсомольцы [9].

Значительное место в военно-патриотическом воспитании также отводилось тактическим учениям гражданского населения, организация и проведение которых возлагалось на общественную оборонную организацию «Осовиахим». Именно «Осовиахим» в предвоенный период должен был содействовать укреплению обороноспособности страны, распространению военных знаний среди населения, воспитанию его в духе советского патриотизма [19]. Следует отметить, что такие учения проводились повсеместно. Например, 29–30 марта 1941 г. в 10 смежных районах Московской области прошли массовые тактические учения на тему «Борьба с парашютными десантами». В учениях приняли участие местное население, а также осовиахимовцы Павло-Посадского, Ногинского, Мытищинского, Щелковского и других районов. В районах с самолетов и планеров были сброшены парашютные десанты, задача которых – деморализовать тыл: «захватить и уничтожить промышленные объекты», вести разведку и т. д. Против них выступили вооруженные отряды и команды осовиахимовцев с местным населением, также отряды кавалеристов, стрелков, мотоциклистов, связистов, проводников со служебными собаками. Для связи использовались почтовые голуби. Также в районах учений проводилась светомаскировка, были развернуты

посты противовоздушной и противохимической обороны, санитарные дружины, пожарные команды [9; 10; 11]. Две тысячи осовиахимовцев приняли участие в военных тактических учениях близ Еревана. Также были задействованы «и пехота, и «артиллерия», и химики, и связи-сты» [14]. В Полтавской области по инициативе райкома КП(б)У состоялось первое в районе двустороннее военно-тактическое учение колхозников двух соседних сел – Дмитровки и Песчаны. Как отмечалось, «военные знания и умение применять их в боевой обстановке демонстрировали стрелки, пулеметчики, конники, санитары, инструкторы ПВХО, подготовленные колхозными хатами обороны» [15]. Сталиногорский горком партии (г. Тула) организовал лагерную учебу партийного актива (работников горкома, исполкома горсовета, секретарей первичных партийных организаций, профсоюзных работников, руководителей городских учреждений, директоров предприятий). Проводились учения на темы: «Марш и его охранение», «Атака стрелкового отделения и бой отделения внутри оборонительной полосы противника» [16].

Также следует выделить занятия со школьниками. В «Правде» от 1 мая 1941 г. в репортаже под заголовком «Воспитаем советских детей патриотами» указывалось, что в одной из школ Смоленской области проводили военную игру. В ходе игры дети учились маскироваться, ползать, ходить строем, ходить на лыжах. Кроме того, отмечалось, что в школе имеются также кружки, где ребята готовятся к военно-спортивным соревнованиям, например, кружок санитарной обороны [13].

Наконец, большое значение отводилось допризывной подготовке молодежи и у тех, кто в свое время отслужил и находился в запасе. Центральным советом Осовиахима СССР для призывников 1941 г. была разработана специальная программа военного обучения. В результате прохождения этой программы они должны были овладеть минимумом оборонных знаний и навыков, сдать нормы на значки «Готов к противовоздушной и противохимической обороне», «Готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне»; усвоить все требования, установленные для одиночного бойца и для бойца в составе отделения, изучить основные положения внутренней, караульной службы и дисциплинарный устав Красной Армии. За время подготовки к призыву в группах, командах и отрядах будущих бойцов учили ходить на лыжах, преодолевать полосу препятствий полевого городка, отрывать окоп для стрельбы лежа, с колена и стоя. По окончании учебы призывники должны были сдать зачеты. Все сдавшие зачеты по оборонному минимуму получали специальные удостоверения с указанием оценок по каждой дисциплине [1]. В марте 1941 г. в селах Московской области формированиями по типу военных, объединивших молодежь будущего призыва, а также

бойцов и командиров запаса проводились тактические учения, организованные осовиахимовцами. Подготовка предусматривала знакомство с различными видами стрелкового оружия, изучение ружейных приемов, затем в полевой обстановке проводилась учеба действовать в составе отделений и взводов [8]. Призывники Приморья и Дальнего Востока получали военно-морские знания по штурманскому делу, такелажному хозяйству, плаванию, хождению на шлюпках под парусами и с веслами на большие расстояния. Кроме изучения уставов Красной Армии и занятий по боевой подготовке, призывники участвовали в тактических учениях на темы: «Ночной марш и его охранение», «Отделение в обороне», «Отделение в наступлении». Занятия проходили в вечернее и ночное время [18].

Отдельно следует выделить подготовку призывников регионов, которые сравнительно недавно вошли в состав СССР. Так, в Дрогобычской области, вошедшей в состав Украинской ССР в декабре 1939 г., призывники, кроме участия в военных и физкультурных мероприятиях, учились грамоте. Для неграмотных и малограмотных призывников, в этой связи, были организованы общеобразовательные школы. Многие старались овладеть и русским языком, как языком межнационального общения [17].

Таким образом следует отметить, что военно-патриотическая подготовка советских граждан в первой половине 1941 года явилась важнейшим направлением государственной деятельности, отвечающим запросам внешней обстановки и внутренних реалий Союза ССР. Учитывая неизбежность открытого противоборства с гитлеровской коалицией, советской системой в заявленном аспекте были максимально задействованы все необходимые составляющие, начиная с идеологической и заканчивая глубокой практической проработкой. Это также внесло свой вклад в победу советского народа над фашизмом в 1945 г. В настоящее время в оптимизации военно-патриотического воспитания российской молодежи и общества в целом, имеется настоятельная потребность. Думается, что обращение к данному опыту позволит учесть его положительную составляющую при формировании у граждан высоких нравственных начал и боевых навыков для защиты нашей Родины.

Библиографический список

1. Правда. 1941. 15 января. URL: Правда-№15-от-15.01.1941.pdf (дата обращения: 02.010. 2025).
2. Правда. 1941. 20 января // Там же.
3. Правда. 1941. 30 января // Там же.
4. Правда. 1941. 31 января // Там же.

5. Правда. 1941. 1 февраля // Там же.
6. Правда. 1941. 12 февраля // Там же.
7. Правда. 1941. 6 марта // Там же.
8. Правда. 1941. 27 марта // Там же.
9. Правда. 1941. 28 марта // Там же.
10. Правда. 1941. 31 марта // Там же.
11. Правда. 1941. 7 апреля // Там же.
12. Правда. 1941. 28 апреля // Там же.
13. Правда. 1941. 1 мая // Там же.
14. Правда. 1941. 12 мая // Там же.
15. Правда. 1941. 20 мая // Там же.
16. Правда. 1941. 28 мая // Там же.
17. Правда. 1941. 1 июня // Там же.
18. Правда. 1941. 3 июня // Там же.
19. Пузырев А.Ю. Вклад Осоавиахима в военную подготовку населения накануне Великой Отечественной войны. URL: <https://gaspito.68edu.ru/materials/publications/articles/292-2011-05-11-05-53-20> (дата обращения: 02.01.2025).

УДК 93/94

Г.Н. Крайнов,

д-р ист. наук, профессор, Российский университет транспорта (Москва)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ СССР ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В 1944 г.

Аннотация. В статье анализируются стратегические последствия поражения немецко-фашистских войск в ходе полного освобождения территории СССР от оккупантов. Обращается внимание на то, что после Курской битвы (5 июля – 23 августа 1943 г.) и коренного перелома в ходе войны фашистская Германия потеряла стратегическую инициативу – планировать и проводить наступательные операции, стала отступать с советской территории. Отмечается, что «десять сталинских ударов» (наступательные операции советских войск) в 1944 г. позволили полностью освободить территорию СССР от немецко-фашистских оккупантов и перейти к освобождению Европы от фашизма. В ходе «Большой Игры» среди стран антигитлеровской коалиции СССР сыграл решающую роль в победе над фашистской Германией.

Ключевые слова: Курская битва, коренной перелом, стратегическая инициатива, стратегические последствия, «десять сталинских ударов», немецко-фашистские войска, полное освобождение советской территории.

G.N. Krainov,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian University of Transport (Moscow)

THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE LIBERATION OF THE TERRITORY OF THE USSR FROM THE NAZI OCCUPIERS IN 1944

Abstract. The article analyzes the strategic consequences of the defeat of the Nazi troops during the complete liberation of the territory of the USSR from the occupiers. Attention is drawn to the fact that after the Battle of Kursk (July 5 – August 23, 1943) and the fundamental turning point during the war, Nazi Germany lost the strategic initiative to plan and conduct offensive operations, began to retreat from Soviet territory. It is noted that the "ten Stalinist strikes" (offensive operations of Soviet troops) in 1944 made it possible to completely liberate the territory of the USSR from the Nazi occupiers and proceed to the liberation of Europe from fascism. During the "Big Game" among the countries of the anti-Hitler coalition, the USSR played a decisive role in the victory over Nazi Germany.

Keywords: The Battle of Kursk, a fundamental turning point, strategic initiative, strategic consequences, "ten Stalinist strikes", German fascist troops, the complete liberation of Soviet territory.

Введение. Разгром немецко-фашистских войск в Курской битве (5 июля – 23 августа 1943 г.), в битве за Днепр (25 августа – 23 декабря 1943 г.) и развернувшееся общее наступление Красной Армии позволили захватить стратегическую инициативу – возможность планировать и проводить наступательные операции, создали благоприятные условия для полного освобождения территории СССР от оккупантов. Один из непосредственных разработчиков операции и участников Курской битвы, командующий группой армий «Юг» Э. фон Манштейн писал, что операция «Цитадель» является решающим, поворотным пунктом в войне на Восточном фронте, с её неудачей, равнозначной провалу, инициатива окончательно перешла к советской стороне [1].

Куратор Военно-исторического музея бундесвера в Дрездене Йенс Венер подчеркивал: «Главный результат Курской битвы заключается в том, что после поражения в ней у немцев больше не было возможности развертывать крупные наступательные операции. Это было последнее масштабное наступление вермахта на немецко-советском фронте в период Второй мировой войны, после которого нацистская Германия окончательно утратила инициативу на Восточном фронте» [2].

Современный немецкий историк Р. Тёппель пишет: «Курск был поворотным моментом в том смысле, что всем стало ясно, что война на востоке окончательно покатила назад. После провала летнего

наступления не только Гитлеру, но и многим немцам стало ясно, что выиграть войну на востоке невозможно» [3].

Последний месяц 1943 г. вошёл в историю как начало освобождения территории Советского Союза от гитлеровских захватчиков. Форсировав Днепр, бойцы Красной Армии подготовили плацдарм для окончательного изгнания врага с захваченных земель Советского Союза, которое успешно было продолжено в 1944 году.

«Десять сталинских ударов» (наступательные операции советских войск) в 1944 г. позволили полностью освободить территорию СССР от немецко-фашистских оккупантов и перейти к освобождению Европы от фашизма. В ходе «Большой Игры» среди стран антигитлеровской коалиции СССР сыграл решающую роль в победе над фашистской Германией.

В данной статье попытаемся проанализировать стратегические последствия поражения немецко-фашистских войск в ходе полного освобождения территории СССР от оккупантов.

Результаты исследования. 28 ноября – 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась первая конференция лидеров стран антигитлеровской коалиции – СССР (И. Сталин), США (Ф. Рузвельт), Англии (У. Черчилль). Основной задачей, которую ставила перед собой на этой конференции советская дипломатия, было достижение решения об открытии второго фронта в Европе (было решено, что открытие второго фронта произойдет в мае – июне 1944 г. в Европе, а не на Балканах, как предлагал У. Черчилль). Сталин заявил о готовности СССР вступить в войну с Японией после капитуляции Германии. Была принята Декларация о совместных действиях в войне и послевоенном сотрудничестве. Чтобы создать более благоприятные условия для союзников, Сталин проинформировал союзников о планах советского командования в 1944 г. провести ряд крупных наступательных операций на Восточном фронте.

Необходимо отметить, что наступательные операции замысливались и проводились, исходя из логики событий и общих стратегических планов на 1944-й год были подготовлены всем ходом боевых действий советских войск во второй половине 1943 г., героическим подвигом советских людей в тылу. Понятие «Десять ударов Советской Армии» появилось уже после того, как наступательные операции были проведены. 6 ноября 1944 г. Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин выступил на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, посвященном 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В своем выступлении вождь сказал: «Дело состоит теперь в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю

нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Чёрного моря до Баренцева моря... Решающие успехи Красной Армии в этом году и изгнание немцев из пределов советской земли были предпрешены рядом сокрушительных ударов наших войск по немецким войскам, начатых еще в январе этого года и развернутых затем в течение всего отчетного года»¹. Далее Сталин перечислил десять этих ударов в 1944 году: в зимнюю кампанию (1-й, 2-й, 3-й удары) были разгромлены немецко-фашистские войска под Ленинградом, на Правобережной Украине, в Крыму, а в летнюю кампанию (4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й удары) в районе Карелии, Белоруссии, Западной Украине, на Балканах, в Прибалтике, началось освобождение Европы. Из войны вышли Финляндия, Румыния, Болгария, Венгрия, вытеснялись немецко-фашистские войска из Норвегии, Польши, Югославии, Чехословакии.

Позже журналисты стали использовать словосочетание «Десять сталинских ударов». В годы хрущевского осуждения культа личности Сталина термин не использовался, но сегодня он входит в научный оборот.

В итоге десяти ударов советских войск были разбиты и выведены из строя 136 дивизий противника, из них около 70 дивизий были окружены и уничтожены. Последовательные мощные удары, обрушившиеся на немецко-фашистскую армию в 1944 г., разгромили вражеский фронт от Баренцева до Чёрного моря. Советская Армия смела создававшиеся противником в течение трёх лет «оборонительные валы» и с боями прошла на запад от 550 до 1100 км. Характерными особенностями этих операций стали высокие темпы наступления Красной Армии, согласованность действий всех родов войск, оперативная и тактическая внезапность, а также эффективная массированная авиационная и артиллерийская подготовка [4].

Победы Красной Армии в 1944 г. имели огромное международное стратегическое значение. Они продемонстрировали решающую роль СССР в борьбе против гитлеровской Германии, показали жизненную силу и непобедимость советского народа, героизм воинов Красной Армии и тружеников тыла.

Наступление Красной Армии в 1944 г. ясно указывало на близкую перспективу полной победы над фашистскими агрессорами и освобождение народов Европы от оккупантов. Это оказывало революционизирующее влияние на положение в мире. Обострился внутриво-

¹ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1951. С. 126.

литический кризис в Германии. Усилилось национально-освободительное движение. Возросли надежды человечества на установление после войны мирного будущего [5].

Победы Красной Армии в 1944 г. еще более поднимали международный престиж СССР, его роль как великой мировой державы. Вопреки расчетам реакционных кругов на Западе Советское государство выходило из всех тяжелых испытаний еще более политически сплоченным, окрепшим в военном отношении и сохранившим свою экономическую мощь. Его решающее влияние на ход мировых событий становилось все более неоспоримым. Рушилась тем самым вся концепция послевоенного соотношения сил, которая вынашивалась в Вашингтоне и Лондоне. В свете военно-политической обстановки 1944 г. монопольное господство США и Англии в послевоенном мире представлялось сомнительным. Великобритания в ходе войны ослабевала и постепенно переходила на положение «младшего партнера». США, помимо Европы, были заняты на тихоокеанском театре второй мировой войны. А в это время «великий противвес советской мощи» – гитлеровская Германия рушилась под ударами Советских Вооруженных Сил [6].

Решающие победы Красной Армии в 1944 г. создавали благоприятную обстановку для высадки союзников на Европейский континент и открытия второго фронта. К тому же их пугала вырисовывавшаяся перспектива разгрома Германии советскими войсками. Реакционные круги США и Англии стремились предотвратить освобождение всей Европы Советским Союзом, подавить левые демократические силы в освобождаемых странах, захватить стратегические позиции для проведения своей экспансионистской политики в послевоенный период. Вместе с тем английское и американское правительства не могли более игнорировать и ясно выраженного общественного мнения своих стран в пользу второго фронта. 6 июня 1944 г. началась высадка англо-американских войск на северо-западном побережье Франции, в Нормандии (операция «Оверлорд», командующий Д. Эйзенхауэр). Прошло несколько дней, пока немцы стянули силы к месту высадки. 12 июня против 15 полных союзных дивизий находилось лишь 9 потрепанных немецких. И все же более полутора месяцев союзники топтались на захваченных плацдармах.

10 июня 1944 г. в соответствии с договоренностью на Тегеранской конференции началось наступление Красной Армии на Восточном фронте. 7 июля 1944 г. командующий англо-американскими силами вторжения Эйзенхауэр писал американскому послу в Москве Гарриману

о действиях советских войск: «Меня поразила быстрота, с которой они разбивают борющиеся вражеские силы» [7].

25 июля перешли в наступление союзные войска. 15 августа последовала высадка на юге Франции, а спустя 10 дней англо-американские части вступили в Париж, уже освобожденный силами Сопротивления. Французскими партизанами были заняты также Тулуза, Лион и Бордо. К середине сентября союзные войска вышли на границу Германии.

Действия англо-американских войск в 1944 г. явились существенным вкладом в общее дело антигитлеровской коалиции, но они не изменили решающего значения Восточного фронта во второй мировой войне. По-прежнему на советско-германском фронте находились основные силы врага, состоявшие из наиболее боеспособных и хорошо оснащенных дивизий. Так, даже после открытия второго фронта Красной Армии противостояло 239 дивизий Германии и ее сателлитов, американским же и английским войскам – лишь 81 дивизия [8].

Победы Красной Армии в 1944 г. оказали большое влияние и на тихоокеанский театр Второй Мировой войны. Под их воздействием японское правительство пошло на урегулирование с Советским Союзом ряда спорных вопросов. В конце марта 1944 г. в Москве было подписано советско-японское соглашение о ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на севере Сахалина, о продлении рыболовной конвенции между СССР и Японией. Наличие крупных Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке связывало руки японским милитаристам, не давало им возможности использовать против американцев и англичан войска огромной Квантунской армии. Летом 1944 г. вооруженные силы США и Англии заняли Марианские острова. В октябре того же года они высадились на Филиппинах.

В Китае главной силой в борьбе против японских захватчиков были 8-я и 4-я армии, руководимые коммунистами. В результате успешных наступательных операций в январе 1944 г. народно-освободительные войска Китая не только вернули потерянные в 1941–1942 гг. территории, но и значительно расширили их. Однако из-за позиции гоминдановской группировки японцам к концу 1944 г. удалось соединить свои фронты в Центральном и Южном Китае. И только самоотверженные действия 8-й и 4-й армий спасли Китай от военного поражения [9].

В 1944 г. значительно усилилась национально-освободительная борьба народов Кореи, Вьетнама, Бирмы, Малайи, Индонезии против японских захватчиков.

Заключение. Таким образом, ход «Большой Игры» после Курской битвы и битвы за Днепр коренным образом изменился, началось полное освобождение территории СССР от оккупантов. Под ударами Советской Армии окончательно развалился фашистский блок; были выведены из строя союзницы Германии – Румыния, Болгария, Финляндия, Венгрия. В 1944 году вся территория СССР была очищена от немецко-фашистских захватчиков и военные действия были перенесены на территорию Германии и её союзников. Успехи Советской Армии в 1944 г. предрешили окончательный разгром фашистской Германии в 1945 г. Главными причинами поражения немецко-фашистских войск были стратегические просчеты гитлеровского командования, военное искусство командования Красной армии, мобилизация всей страны, всех тыловых ресурсов на борьбу с врагом, мужество и героизм советских солдат.

Библиографический список

1. *Маништейн Э.* Утерянные победы: пер. с нем. М., 1957. С. 423.
2. *Тёпфель Р.* Курск – 1943. Крупнейшее сражение Второй мировой войны. М.: Вече, 2019. 306 с.
3. *Крайнов Г.Н.* Современные западные мифы и легенды о Курской битве // Вторая мировая война и современные тенденции по искажению ее итогов и послевоенного мироустройства: в 3 т. Доклады и материалы международной научно-практической конференции: в 2 ч. Москва, 24–25 октября 2023 года. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте. 2024. С. 80–87.
4. *Крайнов Г.Н.* История современной России (1990–2022 гг.). М.: ПЕРО, 2022. 226 с.
5. *Крайнов Г.Н.* Вызовы цифровизации российскому высшему образованию // Вестник МИРБИС. 2021. № 1 (25). С. 55–60.
6. *Крайнов Г.Н.* Эволюция системы международных отношений и ее особенности на современном этапе // Ученые записки Худжанского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2015. № 1 (42). С. 47–54.
7. *Крайнов Г.Н.* История России. Новейшее время (1990–2023). М.: КноРус, 2024. 231 с.
8. *Крайнов Г.Н.* К вопросу об экономическом эффекте эффективного контракта в образовании // Фундаментальные исследования. 2017. № 5. С. 163–166.
9. *Крайнов Г.Н.* Глобализация и проблемы глобального управления. Крайнов // Вестник МНЭПУ. 2021. № S1. С. 258–264.

Д.В. Попов,

преподаватель, Костромской политехнический колледж (Кострома)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. НА ПРИМЕРЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Сложные отношения между государством и церковью, характерные для довоенного периода, сменяются диалогом во имя общей цели – победы над врагом. В 1944 году образована Костромская область, на примере которой рассматривается процесс диалога церкви и государства на местном уровне во время Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Православная церковь, Совет по делам религий, Костромская область, открытие храмов, диалог церкви и государства.

D.V. Popov,

Lecturer, Kostroma Polytechnic College, Kostroma

THE INTERACTION OF CHURCH AND STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 ON THE EXAMPLE OF THE KOSTROMA REGION

Abstract. The complex relations between the state and the church, characteristic of the pre-war period, are being replaced by dialogue in the name of a common goal – victory over the enemy. In 1944, the Kostroma Region was formed, using the example of which we consider the process of dialogue between church and state at the local level during the Great Patriotic War.

Keywords: Orthodox Church, Council for Religious Affairs, Kostroma region, opening of churches, dialogue between church and state.

Общеизвестным и многократно описанным является факт репрессий в отношении Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в первые годы становления Советского государства и в предвоенный период в целом. Костромской край в этом отношении не являлся исключением. Более того, с 1929 года Костромская губерния прекратила свое существование, восстановление ее как административной единицы произошло только 13 августа 1944 года, когда был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Костромской области в составе РСФСР». В виду тяжелого положения РПЦ в данный период Костромская епархия являлась вдовствующей, находилась под управлением

ярославских архиереев. Так, ею управляли в 1942–1944 годах архиепископ Ярославский и Ростовский Иоанн (Соколов; 1877–1968) (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий) и в 1944–1947 годах – архиепископ Ярославский и Ростовский Алексей (Сергиев; 1899–1960). Положение дел в Костромской епархии также характеризует тот факт, что на ее территории не было ни одного монастыря и духовного учебного заведения [6].

Все изменилось в сентябре 1943 года после встречи И.В. Сталина с иерархами Русской Православной Церкви. 14 сентября 1943 года подписали Постановление Совета Народных Комиссаров о создании Совета по делам Русской Православной церкви. Новый орган должен был осуществлять связь между правительством и церковью. Главой его назначили полковника государственной безопасности Г.Г. Карпова. Вскоре после этого были введены должности уполномоченных Совета по делам религий в краях и областях.

Следующей важной вехой можно считать 28 ноября 1943 года, когда постановлением Совнаркома утвердили порядок открытия церквей. Принципиальным моментом было то, что решение открыть храм вновь или же отказать верующим принималось именно на местном уровне – исполкомами Советов депутатов трудящихся. С 1943 года резко увеличилось количество обращений верующих об открытии храмов. Также стоит отметить, что должность уполномоченного Совета по делам религий Костромской области учредили спустя полгода после образования области: в феврале 1945 года. Этот факт положительно сказался на процессе возвращения церковью верующим, однако далеко не всегда решения выносились в пользу церковных общин.

Ярчайшим примером является переписка верующих села Стайново Антроповского сельсовета Антроповского района с Ярославским облисполкомом (Антропово в тот момент входило в состав Ярославской области), которая как раз велась в течение 1943 года (орфография сохранена): «Мы граждане верующие села Стайнова Воскресенской церкви просим Ярославский исполнительный комитет принять наше заявление рассмотреть и обратить внимание на нашу просьбу. В нашем храме в молитвенном здании не совершается служба (...). Нам, верующим, очень скучно без храма. Очень хочется нам сходить и свою тоску развлечь при такой невеселой жизни лишаясь своих детей и мужевей и внучат и отцов и была одна утеха жизни (...)» [2].

Нельзя сказать, что работа по заявлению верующих не проводилась совсем. Облисполком направил запрос о возможности проведения религиозных служб в церкви села Стайново председателю исполкома Антроповского районного Совета депутатов трудящихся, некоему

Лысову. Ответ был неутешительный: «В селе Стайново церковь закрыта по решению верующих и постановлению исполкома облсовета в 1934 г. В 1941 г. передана вновь организованному в то время райпромкомбинату. В настоящее время райпромкомбинатом в церкви организовано производство (...). Сейчас производство механизмуется. Церковь как здание переоборудовано и перекрашено. (...) если бы церковь можно было восстановить, тогда пришлось бы закрывать райпромкомбинат, так как помещения для райпромкомбината нет» [3].

В данном конкретном случае ответ председателя Антроповского райисполкома вызывает недоверие. Во-первых, здание церкви находится посреди местного, довольно обширного, кладбища. Во-вторых, даже на современных фотографиях из открытых источников, размещенных в сети Интернет, видно, что в храме даже не были забелены фрески; возникает сомнение в том, что в здании размещалось какое-либо производство [7]. А заложённые окна, скорее, говорят о том, что здание было переоборудовано в склад, перенести который было бы значительно проще, чем производство. В любом случае, до самого упразднения в 1997 году села Стайново как административной единицы церковь в нём так и не была открыта.

Длительная переписка по поводу открытия храма велась жителями села Пема Степановского сельсовета Галичского района. От лица верующих письма подписывались председателем церковного совета, жительницей деревни Лутьяново Александрой Васильевной Шестаковой. Фактически церковь не была закрыта, но священник отсутствовал, а когда он появился, возникли проблемы с его регистрацией, растянувшиеся на два года. Так, в июле 1943 года, еще до вышеупомянутой встречи Сталина с иерархами церкви, обращение было подано Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину: «Просим Верховный Совет и товарища Калинина разрешить нам открыть церковь для служения ввиду того, что у нас не имеется ближе 18 км службы в церкви. (...) мы обратились в сельский Совет, нас направили в райсовет, объяснили, что ваш храм не закрыт, подыщите себе священника. Тогда нашли священника, то его не регистрируют, обращайтесь в область. Но область (...) нам ничего не отвечает. Обратились в РИК, чтобы осмотреть храм (...). Но РИК заявление не принял, сказали, что ожидайте разрешения из области. (...) А во-вторых, масса погибших на фронте воинов. По христианскому обряду помянуть и помолиться за живых как учит религия. (...) нигде не можем добиться правды, везде только одна толкотня. Просим Вас, товарищ Калинин, пришлите хотя бы свое постановление «да» или «нет» (...)» [4].

Тремя днями ранее была направлена жалоба в Святейший Синод: «Просим вашего разрешения на право открытия церкви и регистрации священника, так как мы хлопочем второй год (...). Председатель сельсовета, а также и галичское районное начальство объясняет, что не время молиться, а надо работать. Храм наш в исправности и вполне пригоден к службе» [5].

Однако были и положительные примеры. Так, например, было поддержано ходатайство об открытии в селе Бушнево Чухломского района ранее закрытой Казанской церкви. Согласно представленным документам, основания были действительно веские: «Ходатайство об открытии Казанской церкви в с. Бушнево поддерживается значительной группой верующих. Церковь не функционирует с 1941 г. из-за отсутствия служителя культа. Здание церкви в исправности. От с. Бушнево на расстоянии 40 км действующих церквей нет. В Чухломском районе действующих церквей нет» [1]. Примечательно, что решение было отправлено на утверждение в Москву за день до окончания Великой Отечественной войны – 7 мая 1945 г.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что несмотря на налаживание диалога церковных и государственных властей, на местах существовали серьезные проблемы, подчас неразрешимые. Далеко не всегда местные партийные органы шли навстречу верующим в вопросе открытия ранее закрытых храмов и возобновления приходской жизни на подотчетной им территории. Ситуация значительно обострилась после смерти И.В. Сталина и с началом так называемой второй «хрущевской» волны гонений на церковь.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. Р-1538. Оп. 13. Д. 44. Л. 1 об.
2. ГАКО. Ф. Р-2102. Оп. 6. Д. 275. Л. 1–1 об.
3. ГАКО. Ф. Р-2102. Оп. 6. Д. 275. Л. 7–7 об.
4. ГАКО. Ф. Р-2102. Оп. 6. Д. 313. Л. 2–2 об.
5. ГАКО. Ф. Р-2102. Оп. 6. Д. 313. Л. 5–5 об.
6. Костромская епархия // Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/38331.html> (дата обращения: 09.01.2025).
7. Стайново, урочище. Церковь Воскресения Словущего // СОБОРЫ.РУ: Народный каталог православной архитектуры. URL: <https://sobory.ru/article/?object=52321> (дата обращения: 09.01.2025).

А.А. Корников,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

**НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ РАННИХ ЛЕТ ЖИЗНИ
МАРШАЛА А.М. ВАСИЛЕВСКОГО И ЕГО СЕМЬИ
(Обзор современной литературы)**

Аннотация. В статье на основе публикаций, вышедших в последние десять лет, дается обзор новых источников по истории ранних лет жизни маршала А.М. Василевского, его семьи. Оценивается источниковедческая значимость этих источников и их актуальность с точки зрения дальнейшего изучения деятельности талантливого полководца, блестящего стратега Великой Отечественной.

Ключевые слова: маршал А.М. Василевский, ранние годы жизни, семья, новые документы, биографическая литература.

A.A. Kornikov,

Professor, Ivanovo State University

**NEW DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE EARLY YEARS
OF MARSHAL A.M. VASILEVSKY AND HIS FAMILY
(Review of modern literature)**

Abstract. The article, based on publications published in the last ten years, provides an overview of new sources on the history of the early years of Marshal A.M. Vasilevsky's life and his family. The source study significance of these sources and their relevance from the point of view of further study of the activities of a talented commander, a brilliant strategist of the Great Patriotic War are evaluated.

Keywords: Marshal A.M. Vasilevsky, early years of life, family, new documents, biographical literature.

В 2025 году наша страна будет отмечать 80-ю годовщину победы в Великой Отечественной войне. В конце сентября 2025 года исполняется 130 лет со дня рождения Александра Михайловича Василевского, талантливого полководца, блестящего стратега Великой Отечественной. О жизни и деятельности маршала написано большое количество исследований, рассматривающих его вклад в Великую победу, анализирующих различные аспекты его полководческого искусства

Особый интерес вызывают исследования, рассматривающие ранние годы жизни будущего маршала, историю его семьи, его родных

и близких, т. е. изучение той атмосферы, в которой происходило формирование личности маршала. Однако рассматривая биографическую литературу, посвященную жизни и деятельности А.М. Василевского, необходимо отметить, что в ней очень часто встречаются недостоверные факты. И надо сказать, что в определенной мере этому способствовал сам маршал. В своих мемуарах он в силу ряда причин дал некоторые неточные сведения о своем происхождении и истории своей семьи. В частности, он указал неверные данные о месте и дате своего рождения. Подобные ошибки были повторены во многих исследованиях о жизни маршала. В частности в ряде исследований утверждается, также, что семья маршала происходила не из духовного сословия, а из простых крестьян [7, с. 9]. Еще один миф о А.М. Василевском, переходящий из книги в книгу о том, что его семья и его предки являлись старообрядцами.

Интерес к личности А.М. Василевского способствовал в последние десять лет глубокому изучению историками и архивистами архивных материалов, отражающих его жизнь и деятельность. Данные исследования в значительной степени уточнили и прояснили, многие факты об истории семьи маршала и ранних годах его жизни. Целью нашей статьи является обобщение этих материалов и актуализация их для широкой научной общественности.

Обзор материалов начнем с рассмотрения родословной семьи маршала. В данном направлении большую поисковую работу провела костромская исследовательница Г.В. Брезгина. Она выяснила, что представители род Василевских в течение длительного времени принадлежали к духовному сословию, но при этом они не являлись старообрядцами. По крайней мере, с середины XVIII века представители этого рода являлись священнослужителями и церковнослужителями. Их служение было связано с церковью святителя Василия Великого в селе Шохна Золотиловской волости Нерехтского уезда Костромской губернии (ныне – Вичугский район Ивановской области). По названию церкви произошла фамилия будущего маршала. Когда дед маршала – Александр – поступал в Кинешемское духовное училище, то ему дали фамилию по названию церкви в его родном селе [6, с. 782–788].

История происхождения близких родственников маршала – деда и отца, детально исследована ректором Костромской духовной семинарии священником Г.В. Андриановым. В ряде статей им были введены в научный оборот документы, рассказывающие, о том, что дед маршала Александр Андреевич Васильевский (1843–1866 гг.) происходил из семьи пономаря Васильевской церкви села Шохна (ныне Вичугский район Ивановской области). После окончания духовного училища Александр Андреевич служил дьяком в Христорождественской церкви города

Галича, а затем после женитьбе на Александре Малышевой был посвящен в диаконы Покровской церкви села Хреново (ныне Вичугский район Ивановской области) [4, с. 120–122].

Этим же исследователем найдены документы, рассказывающие о жизни и священническом служении отца маршала М.А. Васильевского. Михаил Васильевский окончил Кинешемское духовное училище и в 1883 г. поступил в Костромскую семинарию. Однако в семинарии он проучился только два года, и, по-видимому, из-за материальных трудностей из семинарии уволился. В 1886 г. Михаил Васильевский был определен псаломщиком в Николаевскую единоверческую церковь села Гольчиха Кинешемского уезда. На этом месте Михаил Александрович прослужил десять лет. В 1889 г. он женился на дочери псаломщика из села Углец Кинешемского уезда Надежде Ивановне, урожденной Соколовой. За время супружеской жизни у них родилось 9 детей. К сожалению, их первенец Александр умер в младенческом возрасте в 1890 г. Будущий маршал Советского Союза Александр родился в 1895 г. и был третьим сыном в семье.

В марте 1896 г. Михаил Александрович был рукоположен в сан священника и назначен настоятелем Воскресенского храма в селе Новопокровское Никитинской волости Кинешемского уезда [1, с. 10; 4, с. 113–130].

Интересные детали, дополняющие деятельность Михаила Александровича Васильевского, были выявлены костромским краеведом Е.П. Новиковым. В частности, им были найдены документы, рассказывающие об истории строительства Воскресенской церкви села Новопокровское, где отец маршала служил с 1896 г. до 1939 г., и с которой была связана история всей семьи маршала. На основании найденных им документов Е.П. Новиков доказывает, что церковь была построена уже в 1874 г., в этом же году образовалось и село Новопокровское [8, с. 33–40].

Интересные документы о жизни маршала были введены в научный оборот ивановскими архивистами. В частности, ими была обнаружена и опубликована актовая запись из Метрической книги Никольской церкви за 1895 г. о рождении и крещении Александра Михайловича. Из этой записи следует, что он родился 16 сентября и был крещен 18 сентября 1895 г. Таким образом, окончательно был решен вопрос о времени и месте рождения маршала [5].

Кроме того ивановскими архивистами были введены в научный оборот данные об учебе Александра Михайловича в Кинешемском духовном училище в 1905–1909 гг. В частности были опубликованы сведения об учебе маршала и свидетельство об окончании училища [5].

Уникальный комплекс источников об учебе маршала в Костромской духовной семинарии был введен в научный оборот Г.В. Андриановым. Так, им был найден в фондах Костромского областного архива копия свидетельства об окончании Александром Михайловичем Костромской духовной семинарии [4, с. 59–68]. Данный документ важен не только тем, что рассказывает, как учился в семинарии будущий маршал. В свидетельстве написано, что его владелец был посвящен в стихарь, т. е. будущий маршал прошел чин поставления в чтеца. Таким образом, Александр Михайлович с точки зрения канонического права стал клириком Православной Церкви [4, с. 61].

Г.В. Андриановым был введен в научный оборот еще комплекс документов, связанных с досрочным завершением обучения А.М. Василевским духовной семинарии и оформлением поступления в Алексеевское военное училище. Среди них представляет интерес характеристика данная Александру Василевскому руководством семинарии, посланная в ответ на запрос начальника Алексеевского училища. В частности, в характеристике отмечалось, что окончивший курс семинарии Александр Василевский (в документе Васильевский) «во время обучения своего в Семинарии был благонадежной настроенности, отличного поведения и добрых религиозных и нравственных качеств» [3, с. 116].

Из числа последних находок современных исследователей нужно отметить документ, найденный аспирантом ИвГУ Г.И. Дворцовым. Занимаясь темой взаимоотношения православных общин и местных органов власти в 1918–1929 гг., им в фонде Кинешемского уездного исполкома были найдены 208 анкет священно- и церковнослужителей Кинешемского уезда, написанные в декабре 1919 г. – январе 1920 г. Среди этих анкет была обнаружена анкета отца маршала – священника М.А. Васильевского. Данный документ представляет собой анкету из 20 пунктов, заполненную М.А. Васильевским в конце 1919 г. Данный документ интересен тем, что, во-первых, он содержит малоизвестные сведения о положении семьи А.М. Василевского в годы гражданской войны, об отношении его отца к Советской власти, к декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви. Во-вторых, документ является в целом интересным историческим источником о положении провинциального духовенства в первые годы Советской власти. В частности, в этой анкете М.А. Васильевский указывает свое положительное отношение к декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви, он детально указывает источники и объем доходов своей семьи в 1919 г. [8, с. 172–183].

Таким образом, подводя итог краткому обзору современной литературы о ранних годах жизни А.М. Василевского и его семьи, можно отметить, что благодаря усилиям многим отечественных исследовате-

лей и, в первую очередь краеведов, в научный оборот введено много ценных, вновь найденных, архивных документов о ранних годах жизни легендарного маршала. В первую очередь это документы о происхождении рода Василевских, месте и времени его рождения. Введены в научный оборот архивные материалы рассказывающие об образе жизни и материальном положении его родителей, родных братьев и сестер. Опубликованы документы о его учебе в Кинешемском духовном училище, Костромской духовной семинарии.

И как нам представляется, это создает предпосылки для создания обобщающих работ о жизни и полководческой деятельности известного маршала Победы, в том числе освещающих тот ранний период его жизни, когда происходило формирование личности, мировоззренческих позиций будущего полководца.

Библиографический список

1. Андрианов Г.В., *свящ.* Выпускник Костромской духовной семинарии маршал А. М. Василевский: новые материалы к биографии // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности: сборник трудов III Международной научно-практической конференции (11 сентября 2020 года, г. Кострома). Кострома: КГУ, 2020. С. 9–13.

2. Андрианов Г.В., *свящ.* Семинарский диплом маршала А.М. Василевского // Ипатьевский вестник. 2022. № 4. С. 59–68.

3. Андрианов Г.В. *свящ.* Маршал А.М. Василевский: между семинаристом и юнкером. Неизвестные материалы по биографии военачальника // Ипатьевский вестник. 2023. № 2. С. 116.

4. Андрианов Г.В., *свящ.* Маршал А.М. Василевский: духовные корни полководца // Ипатьевский вестник. 2024. № 3. С. 120–122.

5. Болтунова Е.В. Год памяти и славы. Документы сентября: «Сильная воеводою (документы сентября о выдающемся нашем земляке – Маршале Советского Союза Александре Михайловиче Василевском) // Государственный архив Ивановской области <https://ivarh.ru/75-let-pobedy/god-pamyati-i-slavy/god-pamyati-i-slavy-dokumenty-sentyabrya-silna-rat-voevodoyu-816> (дата обращения: 25.12.2024).

6. Брезгина Г.В. Поколенная роспись предков маршала А.М. Василевского – духовного рода Васильевских-Василевских // Костромская духовная семинария. Историческая энциклопедия. Кострома: Костромская духовная энциклопедия, 2019. С. 782–788.

7. Великанов Н. Василевский. М.: Молодая гвардия, 2014.

8. Дворцов Г.И. Отношение провинциального духовенства к Декрету СНК от 23.01.1918 г. и Советской власти (на материалах Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7, № 6. С. 172–183.

9. Новиков Е.П. Детскими тропами маршала Василевского // Губернский дом. 2020. № 1 (118). С. 33–40.

В.Л. Черноперов,

профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений
Ивановского государственного университета (Иваново)

МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ (СТРАГОРОДСКИЙ) И ОБНОВЛЕНЦЫ

Аннотация. В публикации рассмотрены причины, приведшие к отпадению митрополита Сергия (Страгородского), будущего патриарха Русской православной церкви, в обновленческий раскол в 1922 г., и возвращение его в лоно Церкви в 1923 г.

Ключевые слова: митрополит Сергий (Страгородский), патриарх Тихон (Беллавин), «Меморандум трех» 1922 г., обновленчество, церковный раскол.

V.L. Chernoperov,

Professor of the Department of General History and International Relations
of Ivanovo State University (Ivanovo)

METROPOLITAN SERGIUS (STRAGORODSKY) AND THE RENOVATIONISTS

Abstract. The publication examines the reasons that led to the fall of Metropolitan Sergius (Stragorodsky), the future patriarch of the Russian Orthodox Church, into the Renovationist schism in 1922 and his return to the bosom of the Church in 1923.

Keywords: Metropolitan Sergius (Stragorodsky), Patriarch Tikhon (Bellavin), "Memorandum of the Three" of 1922, Renovationism, church schism.

Настоящая публикация продолжает изыскания автора о жизни и богословском наследии патриарха Русской православной церкви Сергия (Страгородского) [12; 13]. Предваряя материал, сделаем следующее замечание. В тексте для предотвращения путаницы употребляется устоявшееся название – Русская православная церковь, хотя до утверждения патриаршества в 1943 г. данного словосочетания не было. Были иные названия – Православная католическая греко-российская церковь, Православная греко-российская церковь, Православная российская церковь и т. д.

Точкой отсчета настоящей публикации стал май 1922 г., когда инициативная группа сторонников всесторонней реформы (обновления) Церкви (священники В.А. Введенский, Е.Х. Белков, В.Д. Красницкий и др.), заручившись поддержкой государственных структур РСФСР,

объявила о создании Высшего Церковного Управления (ВЦУ) [11]. Вскоре появилась обновленческая «Живая церковь» (официальное самоназвание – Православная российская церковь).

Идея реформы Церкви не была злостным порождением исключительно большевиков. О ее необходимости говорили многие духовные и светские лица задолго до революционных потрясений 1917 г. [3] После переворотов в Феврале и Октябре многие из них перешли от разговоров к практике.

16 июня 1922 г., в период официального оформления обновленческой церкви, будущий патриарх Сергей, а тогда митрополит Владимирский и Шуйский вместе с архиепископом Нижегородским и Арзамасским Евдокимом (Мещерским) и архиепископом Костромским и Галичским Серафимом (Мещеряковым) подписали воззвание («Меморандум трех»), в котором заявили о каноничности ВЦУ, о законности и обязательности к исполнению всех его распоряжений [2, с. 218–219]. Завершался меморандум следующими словами: «Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви как вверенных нам, так и других епархий».

Что подвигло владыку Сергея подписать данный документ? Можно найти несколько причин. 1) Страх пред властями, особенно после двух арестов – в январе 1921 г. и апреле 1922 г. [9, с. 276, 277]. Известно, что Меморандум был подписан в нижегородском отделении ГПУ. Причем в то время, когда над митрополитом дамокловым мечом висел приговор суда г. Владимира от 6 июня 1922 г. о тюремном заключении на 3 года, которое было снижено до года [9, с. 277, 278]. 2) Желание сохранить место и надежда на включение в ВЦУ. 3) Стремление митрополита Сергея не допустить чрезмерного усиления власти патриарха, сохранив значительные полномочия за Священным Синодом, полученными по итогам Поместного собора [9, с. 276]. 4) Искреннее желание митрополита Сергея реформ, за которые он начал высказываться задолго до революции [3]. На последней причине мы и остановимся подробнее.

Еще в 1900-е гг. владыка Сергей выступал за введения нового Устава – т. н. Типикона Великой Константинопольской церкви 1864 г., который предполагал сокращение и упрощение богослужения. Ратовал он также за чтение вслух за литургией Евхаристической молитвы и оказался вовлеченным в одну из самых острых церковных дискуссий начала XX в. – о минимизации использования церковно-славянского языка. Дискуссия априори оказывалась неразрывно связана с вопроса богослужения и литургической традиции. Ситуация обострилась настолько, что в 1907 г. Священный Синод Русской православной церкви вынужден

был создать специальную Комиссию по исправлению богослужебных книг. Во главе был поставлен владыка Сергей, в то время архиепископ Финляндский и Выборгский. Синод же взял на себя финансирование предприятия. В Комиссию вошли или были тесно связанные с ее работой ведущие в России богословы, лингвисты, филологи, слависты, палеографы и византологи – члены Императорской академии наук В.В. Латышев и А.И. Соболевский, профессора Санкт-Петербургской Духовной академии Д.И. Абрамович, И.Е. Евсеев, В.Н. Бенешевич, Н.Н. Глубоковский, И.А. Карабинов и Е.И. Ловягин, профессор Киевской Духовной академии А.А. Дмитриевский, начальник архива и библиотеки Св. Синода К.Я. Здравомыслов, библиотекарь рукописного отделения Императорской публичной библиотеки Х.М. Лопарев и мн. др. Важнейшую роль играли также работники синодальной типографии [7]. Вовлеченные специалисты занимались сличением церковно-славянских текстов с греческими оригиналами и иными рукописями, уточняли правильность перевода, вносили изменения, стремясь сделать тексты более точно передающими смысл первоисточников и простыми для понимания. Пример усердного выполнения работы демонстрировал сам владыка Сергей. Им были исправлены каноны на Рождество Христово, Крещение Господне и праздник трех Вселенских Святителей. Правда, архиепископ иногда был излишне инициативен. Например, при работе над текстом Пентикостариона Комиссия в полном составе рассмотрела только первые две седмицы – Пасхальную и Фомину, остальные были исправлены владыкой Сергием «единолично», без обсуждения. Правда, как отмечалось Св. Синодом, «на началах», принятых Комиссией и одобренных Синодом [8, с. 42].

Новая редакция литургических книг устраняла отдельные грецизированные синтаксические конструкции и слова. Тексты распечатывались в синодальной типографии и распродавались, однако не получили широкого распространения ни до 1917 г., ни после революционных переворотов.

Надежды владыки Сергия на реформу языка церковных служб оживились во время подготовки к Поместному собору Русской православной церкви и во время его работы в 1917–1918 гг. Тем более, что в апреле 1917 г. после реорганизации Св. Синода он оказался единственным архиереем из прежнего состава (входил туда с 1911 г.), которого включили в новый. Но надежды не оправдались. Большинство иерархов Русской Православной Церкви во главе с избранным патриархом Тихоном (Беллавиным), прославленным в лике святых, отклонили идеи Комиссии, руководимой владыкой Сергием (подр. см.: [6]).

После Собора споры о реформе, которые велись знатоками, оказались заменены практическими действиями сторонников церковной реформы. Многие самочинные действия обновленцев, кроме как «чуждачеством», назвать сложно, но большевистская власть им не препятствовала, полагая, что это усугубляет раскол в среде христиан и ограничивает влияние Церкви, ведомой патриархом Тихоном, который с 1918 г. неоднократно критиковал советский режим.

В 1922 г. большевики перешли на Церковь в решительное наступление. Звеньями удара стали аресты и расстрелы духовенства под прикрытием борьбы с противниками изъятия церковных ценностей, якобы необходимых для борьбы с голодом, который охватил огромные пространства бывшей Российской империи. Особый удар власти нанесли по патриарху. В итоге им удалось добиться от Святейшего Тихона решения от 18 мая 1922 г. о временном сложении с себя полномочий. Патриарх оказался под строгим домашним арестом в Донском монастыре. Именно в этот тяжелый момент и появился «Меморандум трех». Это был удар в спину патриарху. И он был особо чувствительным потому, что митрополит Сергей как старейший по хиротонии член Св. Синода должен был председательствовать на его заседаниях при отсутствии патриарха. Меморандум усиливал обновленцев, лидеры которого на своем соборе в апреле 1923 г. объявили патриарха низложенным, лишенным сана, и провозгласили ВЦУ Высшим Церковным Советом, с августа того же года – Священным Синодом.

Владыка Сергей, вступив на обновленческий путь, полностью разрывая связи с церковными канонами и традицией не хотел. Ратуя за реформу, он желал проводить ее, «согласно божественному преданию нашей Святой Церкви», при «незыблемом соблюдении православной веры, издревле преданного церковного чина и церковных канонов» [4, с. 2]. Следуя этой линии, он издал указ о поминании патриарха Тихона в своей митрополии [10, с. 224].

Взгляды владыки Сергея на реформу шли вразрез с практикой обновленцев, разные структуры которых «чудили», «кто во что горазд»: возносили «многая лета благовернейшему Совнаркому»; заменяли кресты на могилах красными звездами; сокращали чинопоследование и даже Божественную литургию; переводили службу на русский язык; служили с постоянно открытыми алтарями или, вообще, переносили их на середину храма; заявляли о понимании Царства Божия как построения *земного* социализма и т. д. [3; 5, с. 53]. Чашу терпения владыки Сергея переполнили решения Всероссийского съезда белого духовенства и мирян «Живая Церковь» (6–17 августа 1922 г.): о рукоположении белого епископата, о второбрачии духовенства, о превращении

монастырей в городах в приходские храмы, а на селе – в сельские коммуны и др. [11]. Иерарх расценил многие из них как неканонические, о чем и написал руководству обновленцев. Не дождавшись ответа, в сентябре 1922 г. он порвал с ними. Ведомая им Владимирская митрополия перешла на положение автокефалии.

Решение митрополита вызвало раздражение большевиков. 31 октября 1922 г. Антираелигиозная комиссия ЦК РКП(б) постановила: «Епископа Сергия оставить в прежнем положении опального» [1, с. 337].

В конце июня 1923 г. патриарх Тихон был освобожден. Вступив в управление Церковью, он начал активную борьбу с раскольниками. 15 июля святейший обратился к пастве с посланием, в котором подробно изложил историю захвата обновленцами церковной власти весной – летом 1922 г. [11]. Слова патриарха возродили движение духовенства и мирян против обновленцев, которое, казалось, было задавлено жесткими репрессиями. Среди откликнувшихся иерархов был и митрополит Сергий. Он решает покаяться, понимая, что совершенное им могло трактоваться как раскол или как самочинное сборище (парасинагога), что могло повлечь извержение из сана. Патриарх потребовал от владыки Сергия раскаяния публичного, хотя у некоторых принимал таковое келейно. Само таинство покаяния произошло в Донском монастыре 25 августа 1923 г. Митрополит Мануил (Лемешевский) описал его так: «И вот, этот отец всех чаяний русской современной богословской мысли... стоит на амвоне, лишенный моментом покаяния и архиерейской мантии, и клобука, и панагии, и креста... Кланяется низко Святейшему Тихону, восседавшему на кафедре, в сознании своего полного уничтожения и признанной им вины просит он дрожащим от волнения, на этот раз негромким голосом свое покаяние. Он припадает до пола и в сопровождении патриарших иподиаконов и архидиаконов тихо сходит с солеи и приближается к вершителю его судьбы, к кроткому и всепрощающему Святейшему Тихону. Снова земной поклон. Постепенно вручаются ему из рук Святейшего панагия с крестом, белый клобук, мантия и посох. Патриарх Тихон в немногих словах, тепло, со слезами приветствует своего собрата во Христе взаимным лобзанием... / Все тяжелые переживания стыда и муки раскаяния остаются отныне позади. Митрополит Сергий соучаствует в сослужении с Патриархом Тихоном за Божественной всепримиряющей литургией» (цит. по: [3]).

Так завершилась история ухода с раскол митрополита Сергия, будущего патриарха Русской православной церкви. Покаяние оставило в его жизни неизгладимый след. В последующие годы он за глубокие реформы внутри Церкви более не выступал, боролся за традиционное

православное понимание канонов и традиций, а также за сохранение незыблемости апостольского преемства.

Библиографический список

1. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подгот. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Новосибирск: Сиб. хронограф; М.: РОССПЭН, 1997. Кн. 1. 597 с.
2. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М.: ПСТБИ, 1994. 1063 с.
3. Буфеев К., *прот.* Патриарх Сергей и несостоявшаяся реформация Русской Церкви XX века. К 80-летию со дня кончины Святейшего Патриарха Сергия // Благодатный огонь. 2024. 15 мая. URL: <https://blagogon.ru/digest/445/> (дата обращения: 13.11.2024).
4. Евдоким (Мецкерский), *митр.* Соборный разум или единовластие? // Христианин. Издание Учеб. комитета при Св. Синоде. 1924. Т. 1, № 2–3. С. 1–5.
5. Захарова Л.Б. Обновленческий раскол 1920-х гг. в Русской православной церкви // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер.: Гуманитарные науки. История. 2013. № 1. С. 52–57.
6. Кравецкий А.Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2. С. 68–87.
7. Кравецкий А.Г. Комиссии по исправлению богослужебных книг и синодальные типографии // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 9. С. 311–321.
8. Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. Патриарх Сергей как литургист // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 5. С. 37–49.
9. Сафонов Д.В. Митрополит Сергей (Страгородский) и советская власть в 1921–1926 гг. // XIX ежегодная богословская конференция ПСТГУ: в 2 т. М.: ПСТГУ, 2009. С. 273–281.
10. Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. М.: ИРИ РАН, 2001. Т. 1. (1922–1923 гг.) Ч. 1. 500 с.
11. Соловьев И., *свящ.* «Живая Церковь» // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XIX. С. 168–172. URL: <https://www.pravenc.ru/text/182247.html> (дата обращения: 13.11.2024).
12. Черноперов В.Л. Патриарх Сергей (Страгородский) о причинах падения духовности в России и чине последования над усопшими инославными // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Междуна. науч. конф., Иваново, 16–17 февраля 2011 г.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 272–279.
13. Черноперов В.Л. Критика Патриархом Сергием (Страгородским) протестантской сотериологии // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XX Междуна. науч. конф., Иваново, 31 марта – 1 апреля 2021 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2021. С. 452–458.

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX ВВ. – НАЧАЛО XXI В.)»

УДК 94(47).084.9

С.С. Беззубов,

учитель истории, обществознания, музыки

МКОУ Старогольчихинская основная школа, Вичугский муниципальный район,
аспирант кафедры культурологии Шуйского отделения
Ивановского государственного университета

ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ ВИЧУГСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Аннотация. На территории Вичугского района до начала 20-х годов XX века действовало 16 церквей. Среди них были как единоверческие, так и православного вероисповедания. Один храм принадлежал Древнеправославной Церкви Христовой. Он находился в селе Золотилово.

Православные храмы Вичугского края составили благочиние VII Кинешемского округа. В 1911 году сюда входили церкви: Троицкая и Сергиевская в Вичуге, Петропавловская в Новописцово, Воскресенская в Бонячках, Никольская в Новой Гольчихе, Воскресенская и Петропавловская в Тезино, Никольская в с. Углец, Благовещенская в с. Семигорье, Троицкая в с. Жирятино и Вознесенская в с. Новопокровское.

Ключевые слова: приход, Вичуга, храм, купец, майолика, деревня, село, деление.

S.S. Bezubov,

Teacher of history, social studies, music MKOU Starogolchikhinskaya Basic School,
Vichugsky municipal district, postgraduate student of the Department of Cultural
Studies of the Shuisky department of Ivanovo State University

PARISH LIFE OF THE VICHUG REGION AT THE TURN OF THE XIX –XX CENTURIES

Abstract. There were 16 churches on the territory of the Vichugsky district until the early 20s of the twentieth century. Among them were both co-religionists and Orthodox faiths. One temple belonged to the Ancient Orthodox Church of Christ. He was in the village of Zolotylovo. The Orthodox churches of the Vichug region formed the deanery of the VII Kineshma district. In 1911, these churches included: Troitskaya

and Sergievskaya in Vichug, Petropavlovsk in Novopistsovo, Voskresenskaya in Bonyachki, Nikolskaya in Novaya Golchikha, Voskresenskaya and Petropavlovsk in Tezino, Nikolskaya in the village of Ugolets, Blagoveshchenskaya in the village of Semigorye, Troitskaya in the village of Zhiryatino and Voznesenskaya in the village of Novopokrovskoye.

Keywords: parish, Vichuga, temple, merchant, majolica, village, village, division.

На юго-западной части территории Кинешемского уезда, из которой в 1926 году был образован Вичугский район, до начала 20 годов XX века действовало 16 церквей. Среди них были как Православного, так и единоверческого вероисповедания. Один храм принадлежал Древнеправославной Церкви Христовой. Он находился в селе Золотилово. Ниже приведен список храмов, действующих на Вичугской земле в начале XX века.

1. Владимирская церковь в селе Борщёвка. Построена в 1744 году.
2. Благовещенская церковь в селе Семигорье. Построена 1753 году.
3. Троицкая церковь в селе Вичуга. Построена в 1801 году.
4. Троицкая церковь в селе Жирятино. Построена в 1802 году.
5. Никольская церковь в селе Углец. Построена в 1815 году.
6. Воскресенская церковь в селе Сорокино. Построена 1822 году.
7. Покровская церковь в селе Хреново. Построена в 1828 году.
8. Сергиевская церковь в селе Вичуга. Построена в 1828 году.
9. Петропавловская церковь в селе Стрелка. Построена в 1842 году.
10. Никольская церковь в селе Новая Гольчиха. Построена в 1850 году.
11. Петропавловская церковь в селе Тезино. Построена в 1864 году.
12. Рождественская церковь в селе Бонячки. Построена в 1880 году.
13. Петропавловская церковь в селе Новописцово. Построена в 1903 году.
14. Воскресенская церковь в селе Бонячки. Построена в 1904 году.
15. Воскресенская церковь в селе Тезино. Построена в 1911 году.
16. Старообрядческая церковь Василия в селе Золотилово. Построена в 1915 году [7].

Центром огромного прихода в середине XIX века в Вичугском крае было село Хреново в состав, которого входили не только само Хреново, но и близлежащие крупные населенные пункты, такие как Тезиха, Бонячки, Гольчиха, Старая Гольчиха, и множество окрестных деревень. Эти места были не только сельскими, но и промышленными, что способствовало развитию местной экономики и, как следствие, росту населения.

С увеличением числа жителей и экономической активности в этих деревнях возникла необходимость в строительстве православных храмов. В 1850 году на средства Вичугских купцов, Морокиных была

возведена Никольская единоверческая церковь в Новой Гольчихе. Этот храм выделялся не только своими размерами, но и богатым внутренним убранством, что сделало его известным далеко за пределами села.

В 1864 году строится деревянный Петропавловский храм в селе Тезиха. В 1880 году в Бонячках строится Рождественская деревянная церковь, а в 1904 году в этом же селе на средства Вичугских купцов Коноваловых, возведен белокаменный Воскресенский храм. В 1911 году в Тезине была построена огромная Воскресенская (также известная как Красная) церковь, что свидетельствовало о продолжении традиции строительства храмов в ответ на растущие потребности местного населения [9].

Православные храмы Вичугского края составили благочиние VII Кинешемского округа. В 1911 году сюда входили церкви: Троицкая и Сергиевская в Вичуге, Петропавловская в Новописцово, Воскресенская в Бонячках, Никольская в Новой Гольчихе, Воскресенская и Петропавловская в Тезино, Никольская в с. Углец, Благовещенская в с. Семигорье, Троицкая в с. Жирятино и Вознесенская в с. Новопокровское [2].

В Вознесенском храме с. Новопокровское в начале XXвека служил отец маршала Советского союза Александра Михайловича Василевского – священник Михаил Василевский. Это подчеркивает важность религиозной жизни в формировании культурной идентичности региона, а также связь местных священнослужителей с историческими личностями нашей страны.

Не менее значимым аспектом религиозной жизни в Вичугском крае стало влияние Старообрядческой церкви, представленной деятельностью братьев Лакомкиных из села Золотилово. Старообрядцы, сохранившие традиции и обряды, отличные от официальной церкви, стали важной частью культурного ландшафта региона. Их приходы и общины играли значительную роль в жизни местных жителей, обеспечивая им духовную поддержку и сохраняя уникальные культурные традиции.

Церковно-приходское деление Российской империи представляло собой сложную и динамичную систему, глубоко интегрированную в социальную и административную структуру сельской жизни. Приходская церковь служила не только духовным центром, но и важнейшим хранилищем информации о населении. Метрические книги и исповедные росписи, ведшиеся в церквях, содержали систематизированные данные о крещениях, браках, смертях, а также о исповедавших прихожанах, фактически представляя собой уникальные демографические и генеалогические источники. Эти записи позволяют исследователям проследить динамику населения, миграционные потоки и социальные

изменения на протяжении столетий. Точность и полнота этих данных, однако, варьировались в зависимости от грамотности священника, состояния церковных архивов и степени сохранности документов, что представляет определенные сложности для историков [8].

Приход, являясь основной единицей епархиального деления, не был строго фиксированной территориальной единицей. Его состав неоднократно менялся в зависимости от демографической ситуации, административных реформ и даже экономических факторов. Село обычно служило центром прихода, объединяя под своей юрисдикцией несколько меньших населенных пунктов, иногда принадлежащих к разным уездам, а в некоторых случаях – даже к разным губерниям. Такое распределение было обусловлено географическими особенностями местности, расстояниями между селениями и доступностью церкви для населения. В крупных селах и городах ситуация была более сложной: часто одна населенная точка могла быть разделена между несколькими приходами, что приводило к сложным административным процедурам и не всегда удобно для жителей распределению пастырского окормления. Границы церковных приходов не были статичными. В зависимости от численности населения, строительства новых церквей и изменения административно-территориального деления, они претерпевали изменения, то укрупняясь, то сужаясь. Этот процесс был довольно динамичным и требовал постоянного учета и регулирования со стороны церковной иерархии. Значительным этапом в регулировании приходского деления стал указ Петра I 1722 года, утвердивший синодальное определение о церковных штатах. Этот указ впервые установил нормативы для формирования приходов в зависимости от численности населения, измеряемой в числе дворов. Согласно указу, за один приход принималась единица в 100–150 дворов, обеспеченных одной церковью, одним священником и двумя причетниками (диаконом и псаломщиком). Для больших населенных пунктов предусматривалось создание многоприходских церквей: двухприходская церковь обслуживала 200–250 дворов, трехприходская – 250–300 дворов. Эти нормативы, однако, не всегда строго соблюдались на практике, и размер приходов часто отклонялся от заданных параметров из-за различных обстоятельств [8].

Причины возникновения новых приходов также были разные: в сельской местности – удаленность от церкви и неудобство путей сообщения (разлив рек в осеннее время), а в городе главная причина – рост численности населения за счет его естественного прироста или включения окрестных деревень в черту города. При бедности приходов и ветхости их храмов они приписывались к другим церквам. Если у прихожан приписных церквей появлялись средства, то по их ходатайству приход вновь становился самостоятельным. Перераспределение

деревень внутри приходов, а также между ними входило в компетенцию правящих архиереев.

В московском журнале «Древности» русского императорского археологического общества за 1907 год упоминается еще один храм Вичугского края. В одной из статей рассказывается об очень интересном и древнем храме в селе Шохна ныне село Ломы Большие (Вичугский район). Село Шохна входило в состав Нерехтского уезда и находилось на самой границе с Кинешемским уездом Костромской губернии. Храм был деревянный с двумя шатровыми куполами. До нас дошло полное описание этого деревянного храма, которое было помещено в сборнике «Костромская Старина». «В селе Шехне есть старинная деревянная церковь с двумя престолами во имя Святителей Василия Великого и Николая Чудотворца. Время построения ее неизвестно: по устному преданию она существует около 200 лет. Здание одноэтажное, продолговатое, пятистенное о шести углах; срублено в лапу и поставлено на стульях. Кровля на нем тесовая, двухскатная с двумя конусообразными главами, крытыми железом, вероятно впоследствии; на главах осьмиконечные кресты. Окон в церкви восемь: из них четыре волоковых и четыре косячатых, с прямыми перемычками. Есть ходовая паперть, устроенная из одного тесу, как видно, в позднейшее время. В церкви заслуживает внимания жертвенник северного придела: он находится в углу и имеет вид небольшого шкафа, в котором под верхнюю доскою устроено помещение для богослужебных, алтарных принадлежностей» [3].

В июне 1893 г. глава Костромской епархии преосвященнейший Виссарион, епископ Костромской и Галичский во время своей поездки по приходам Кинешемского уезда посетил старинный деревянный храм в селе Шохна, о чем было отмечено следующее: «...Обозрел еще весьма древнюю о двух главах деревянную церковь во имя Василия Великого...» В сносках к этому сообщению было добавлено: «В честь этого же (Василия Великого) святителя освящен и главный каменный храм в с. Шехне; от того и самое село часто называется: Василий Великий. А Шехною называется целая местность, в селениях которой особый говор речи; при произношении слов, в которых встречается буква ч, шехонцы заменяют ее буквой ц» [3, с. 40].

Одним из важнейших событий религиозной жизни вичужан в начале XX века было строительство и освящение Воскресенского храма в селе Тезино. Пятиглавая церковь, поражающая своими размерами, резко выделялась на фоне одноэтажной застройки села, создавая впечатляющий зрелищный ансамбль. Особую величественность храму придавала высокая многоярусная колокольня с изящным куполом. Однако настоящая уникальность Тезинского храма заключается в майоликовых панно, расположенных на нижнем уровне колокольни и в глубо-

ких нишах с декоративными порталами. Эти произведения искусства, созданные на Абрамцевском заводе, являются выдающимся примером стиля модерн. Мастера завода, славящиеся своими инновациями и яркими цветами, создали несравненное творение, не имеющее аналогов в России. Технология создания майолики включает сложный процесс обжига и глазуирования, требующий высочайшего мастерства. Архитектурное решение Воскресенского храма также достойно внимания, так как оно гармонично сочетает традиционные русские формы с элементами модерна, указывая на величественные соборы Московского Кремля. Воскресенский храм является не только религиозной святыней, но и памятником человеческому духу, ценным наследием для будущих поколений.

С течением времени, особенно после революции 1917 года, ситуация с православными храмами и их ролью в жизни местного населения значительно изменилась. Многие церкви были закрыты или разрушены, а священнослужители подверглись репрессиям. Однако, несмотря на эти трудности, вера и религиозные традиции продолжали сохраняться в сердцах людей, что стало основой для возрождения духовной жизни в послевоенные годы.

Таким образом, история православных храмов и церковной жизни в Вичугском крае в XIX и начале XX века является ярким примером того, как религия и культура переплетались в повседневной жизни местных жителей. Храмы не только служили местом поклонения, но и становились центрами общественной жизни, сохраняя и передавая культурные традиции от поколения к поколению.

Библиографический список

1. *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. Санкт-Петербург, 1863. Электронное издание.
2. Краткая справочная книга о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911. Электронное издание. Текст электронный. С. 170.
3. Костромская Старина. Кострома, 1890. Выпуск 1. Электронное издание. Текст электронный. С. 40.
4. Костромские Епархиальные Ведомости. 1893. № 21. Электронное издание. Текст электронный. С. 426–427.
5. *Антонов И.П.* Негасимый свет. Судьбы храмов и судьбы людей земли Ивановской. Иваново: Ивановская газета. 2000. С. 76–80.
6. *Балдин К.Е.* Вичугская сторона. Иваново, 2001.
7. *Матершев И.В.* Вичуга и окрестности. М. 2005. С. 5.
8. *Смолич И.К.* История Русской церкви (1700–1917 гг.). М. Т. 4. С. 231.
9. *Тихомиров А.М.* Ивановская митрополия Русской Православной церкви. Иваново-Вознесенская епархия. Иваново: Референт, 2019. С. 277–279. <http://www.fond.ru/book/book2/2-03.htm>

Н.Э. Вашкау,

профессор, Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

Н.С. Новиков,

студент, Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В ГОДЫ ХРУЩЕВСКИХ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ НА СТРАНИЦАХ КОМСОМОЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНЕЦ»

Аннотация. Антирелигиозная пропаганда в печати являлась одним из методов борьбы с религией. Статьи в газетах на данную тему обычно освещали события через биографии конкретных личностей – комсомольцев, священников, молодых прихожан, стремясь вызвать у молодежи осуждение и разрыв с религией.

Ключевые слова: комсомол, атеистическое воспитание, пропаганда, православная церковь, периодическая печать, Н.С. Хрущев.

N.E. Vashkau,

Professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

N.S. Novikov,

Student, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA DURING THE YEARS OF KHRUSHCHEV'S PERSECUTION OF THE CHURCH ON THE PAGES OF THE KOMSOMOL NEWSPAPER «LENINETS»

Abstract. Anti-religious propaganda in the press was one of the methods of combating religion. Newspaper articles on this topic usually covered events through the biographies of specific personalities – Komsomol members, priests, and young parishioners, seeking to provoke condemnation and a break with religion among young people.

Key words: komsomol, atheistic education, propaganda, Orthodox Church, periodical press, N.S. Khrushchev.

Комсомольская печать регионального уровня, к которой относилась газета «Ленинец», в период хрущевской оттепели мало изменилась с точки зрения освещения событий, языка и проблематики. Она отвечала на запросы времени в том смысле, что подавала информацию в строгом соответствии с партийной линией и стремилась создать общественное мнение у молодого поколения как истины в последней инстанции.

Воспитанная на газетах 1930-х годов, немногочисленных, выходивших малыми тиражами, молодежная аудитория встретила появление специального издания с интересом. В стране повысился уровень грамотности, послевоенное поколение в основном уже имело среднее образование. Поэтому коллектив молодежной газеты должен был это учитывать. Язык прессы всегда рассматривался в СССР как политическая проблема. Почти все съезды партии принимали резолюции о роли печати, в которых большое внимание уделялось языку газет.

Первый номер газеты «Ленинец» вышел 1 мая 1957 г., как орган печати Липецкого областного комитета ВЛКСМ (область была образована 6 января 1954 года). Это периодическое издание было направлено на молодого читателя нашего края. Газета отличалась жанровым разнообразием, публиковались отрывки из литературных произведений, фельетоны, статьи, рассказы, очерки.

Ещё до начала массовой антицерковной компании в справке о работе редакции газеты «Ленинец» от 9 мая 1958 г. упоминается о плохой работе корреспондентов относительно освещения вопросов атеизма: «Из поля зрения «Ленинца» выпадает борьба против религиозных предрассудков...» [3, л. 63]. Сведения, имеющие отношение к атеистической тематике, располагались, как правило, на третьей или четвертой странице.

В ходе антицерковной компании 1958–1964 гг. распространение получает ренегатство, публичное отречение от религии и публикация таких фактов в газете, освещение их по радио оценивались как положительные явления. Отличительной особенностью таких статей в газете «Ленинец» было то, что акцент делался на возрасте, героями выступали молодые люди, которые отреклись от веры или оставили обучение в духовной семинарии: «Три года тому назад семнадцатилетний Александр Кухаренко, наш земляк, поступил в Ленинградскую духовную семинарию, намереваясь посвятить себя деятельности священника. Александр вовремя понял свою ошибку. Он порвал с семинарией. Сейчас он работает расточником на орденоносном заводе имени Кирова» [8, с. 2–3]. Статьи такой направленности имели общий план, который можно представить следующим образом:

1. Сведение о ренегате, его возраст, какой социальный статус имел (верующий, семинарист и т. д.);
2. История веры в Бога, которая преподносится в негативном ключе;
3. Осознание «неверного пути» и разрыв с религией.

Это подтверждает тезис о том, что такие публикации были массовыми и происходили по определенному сценарию.

Интересной является личность священника В.Г. Бессонова, которая представлена в двух информационных докладах Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Липецкой области А. Калугина. В отчете за первую половину 1958 г. священнослужитель характеризуется с положительной стороны [1, л. 34]. В докладе за 1959 г. описываются отрицательные черты и поступки этого человека [2, л. 123]. Стоит с большой осторожностью относиться к документам, которые направляли председателю Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР Г.Г. Карпову, поскольку уполномоченные на местах стремились сгладить углы, демонстрировать положительные стороны своей деятельности (уменьшение числа верующих, увеличение количества проведенных мероприятий и бесед). Упомянутое событие получило освещение в газете «Ленинец», о чем также упоминается в докладе за 1959 г. [10, с. 3]. Говоря в целом о ренегатах, следует сказать, что эта кампания проводилась функционерами при поддержке УКГБ и с использованием шантажа, подкупа и угроз [11, с. 370].

Любопытны статьи, осуждающие молодежь за совершение религиозных обрядов. Часто в таких публикациях присутствует герой-атеист или же группа комсомольцев-атеистов, которые пытаются «вернуть» заблудшего товарища. Это материалы, критикующие крещение, обряд венчания и религиозность молодых людей в целом. В черновиках стенограммы IV Липецкой областной комсомольской конференции мы находим упоминание о 20-летней комсомолке Воловского района Нине Котовой, которая совершила обряд крещения [5, с. 52]. Это не вошло в чистовой вариант стенограммы, однако получило яркое отражение в газете «Ленинец». Нина Котова изображена сидящей в бочке, которая собой символизирует крещенскую купель. Под карикатурой подпись: «Этот “ангел” еле-еле помещается в купели. Комсомолка... двадцать лет. Есть тут совесть или нет?!» [6, с. 3]. В этих строчках мы видим подмену понятий: декларируемая свобода совести заменяется другой «совестью» — комсомольской, коммунистической, правильной с точки зрения партии. Это один из приемов манипуляции сознанием — замена терминологии. В целом, факты исполнения религиозных обрядов населением говорят нам о том, что молодежь, несмотря на атеистическую пропаганду, продолжала относить себя к верующим людям, которые сохраняли традиционную православную веру.

Во второй половине 1950-х происходит подъем интереса к православию [11, с. 353–354], в том числе среди молодежи. В соседней Тамбовской области в 1956 г. прошла свадьба, где во главе свадебной процессии шел жених, член ВЛКСМ, с иконой в руках [7, с. 845]. На

территории Липецкой области в 1959 г. член райкома Чаплыгинского района Юрий Голобурдин обвенчался в церкви, а секретарь райкома был посаженным отцом на этой свадьбе [4, л. 22].

Крещение являлось самым массовым обрядом, который проводился в Липецкой области и зафиксирован в статьях как отрицательное явление, и в архивных документах. Согласно данным Уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Липецкой области в 1958 г. родилось 27779 детей, из них крестили 10530 ребенка (около 38 %); заключено браков 11424, из них венчаний 1150 (около 10 %); смертей зарегистрировано 7309, из них похоронено по религиозному обряду 2188 (около 29 %) [2, л. 141]. Отметим, что эта статистика отражает лишь часть случаев, большое количество обрядов совершалось молодыми семьями тайно на дому и не регистрировалось.

Происходила замена религиозных праздников и обрядов на комсомольские, в этом смысле мы обнаруживаем схожесть методов борьбы с религией 1920-е – 1930-х гг. В газете «Ленинец» помещен репортаж о «комсомольском крещении», при этом уточняется: «Сегодня мы навсегда отрицаем старое, утверждаем новое. Мы не можем и не должны больше никогда крестить детей в церкви» [9, с. 3]. По своей структуре такие мероприятия повторяли обряд крещения, но вместо священника, который дает крестильное имя, это делает секретарь комитета комсомола: «Выслушав ответы, он объявляет: сыну Коротких присваивает имя Александр, дочке Щербатых – Любовь» [Там же].

Встречаются карикатуры, большинство из них изображают священника в неприглядном виде или же героя-комсомольца, который защищает ребенка от влияния религии. Рисунки имеют второстепенное значение и иллюстрируют текстовый материал.

Антирелигиозная пропаганда в газете являлась одной из мер борьбы с религией. В основе этого была манипуляция сознанием населения. Духовенство, как социальная группа изображается пережитком старого капиталистического мира, ему приписываются пороки общества. Верующий человек изображается в негативном ключе, предстает перед читателем фанатиком. На страницах газеты «Ленинец» ярким персонажем является герой комсомолец-атеист, он предстает защитником всего нового, прогрессивного, его деятельность оценивается положительно. Официальные отчеты, отправляемые наверх по инстанциям, замалчивали информацию о реальном положении дел, однако она получала отражение в других источниках, что видно по архивным материалам. Поэтому очень важно при характеристике печатных изданий обращаться к материалам государственных архивов. Молодежь продолжала

сохранять религиозность, об этом говорят факты совершения церковных обрядов и посещение церквей в религиозные праздники. Эти факты невозможно было отрицать в газете, но редакция старалась подвергать их общественному осуждению.

Ментальность советского человека формировалась под лозунгами классовой борьбы с помощью резкой полярности оценок, окрашенных эмоционально. Гиперболизация достижений в экономике соседствовала с уничижительным изображением «классового врага», что отчетливо видно на противопоставлении «наши – не наши» по вопросу отношения к религии.

Библиографический список

1. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-2184. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАЛО. Р-2184. Оп. 1. Д. 6.
3. Государственный архив новейшей истории и документов по личному составу Липецкой области (ГАНИДЛС ЛО). Ф. 34. Оп. 9. Д. 166.
4. ГАНИДЛС ЛО: Ф. 156. Оп. 5. Д. 8.
5. ГАНИДЛС ЛО: Ф. 156. Оп. 5. Д. 9.
6. Голос делегата // Ленинец. 1959. № 151.
7. *Иошкин М.В., Ованесян И.Г., Слезин А.А.* Атеистическая деятельность комсомола в годы хрущевской «оттепели» // Политика и общество. 2016. № 6.
8. *Кухаренко А.* История моей веры и неверия // Ленинец. 1959. № 89.
9. *Некрасов А.* Человек родился... // Ленинец. 1964. 14.
10. *Хурин М.* С крестом и взяткой // Ленинец. 1959. 124.
11. *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М., 1999.

И.Ф. Верещагин,

доцент, Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова (Архангельск)

ПРОЦЕСС ДЕСЕКУЛЯРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В данной статье автор анализирует десекуляризацию социального пространства на примере взаимодействия Русской Православной Церкви с государственными и общественным институтами в Архангельской области.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государственно-церковные отношения, конфессиональная политика

I.F. Vereshchagin,

Associate professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk)

THE PROCESS OF DESECULARIZATION OF SOCIAL SPACE (ON THE EXAMPLE OF THE ARKHANGELSK REGION)

Abstract. In this article the author analyzes the desecularization of social space using the example of the interaction of the Russian Orthodox Church with state and social institutions in the Arkhangelsk region.

Keywords: Russian Orthodox Church, relationship between state and church, denominational politics

Начиная с 90-х гг. XX века, мы наблюдаем постепенно нарастающее сближение российского государства и Русской Православной Церкви, как двух институтов. Подобный процесс мог быть вполне ожидаем, так как десятилетия официального атеизма завершились идеологической пустотой. Новый демократический вектор развития российской государственности должен был предполагать свободу вероисповедания и равноудаленность религиозных организаций от государственных органов и политики. Однако пока ещё далекие для большинства населения идеалы, традиции и ценности, вырабатывавшиеся столетиями революций, реформ и философских дискуссий в западной демократии, не смогли стать идеологической основой российской власти в 90-е гг. Более простым оказался путь возрождения тех институтов и традиций, которые скорее относятся к «России, которую мы потеряли».

В результате государственная власть в лице сначала своих наивысших акторов (а затем уже политиков и чиновников средней руки) стала привлекать на свою сторону Русскую Православную Церковь. Стихийная реституция церковного имущества (официально узаконенная, правда, только в 2010 г.), медийная поддержка (в том числе через появление первых лиц государства и регионов на основных богослужениях), признание доминирования РПЦ при уважении других конфессий (что отражено и в преамбуле федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», и в том, что православное рождество стало выходным днем в светском государстве) – всё это были первые шаги десекуляризации социального пространства в России в конце XX века.

В 2000 г. РПЦ в Основах социальной концепции закрепляет подход, согласно которому светскость государства не предполагает полное вытеснение религии, а лишь разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга [1]. Однако рост влияния на федеральном уровне именно Русской Православной Церкви в начале XXI века вызывал вопросы о том, какая модель государственно-конфессиональных отношений реально действует в России. Когда политические акторы решают свои задачи с учетом религиозных ценностей, отдают предпочтение одной определенной конфессии, нередко в ущерб другим, подобное положение можно назвать клерикализацией политики. По мнению Ж.Т. Тощенко, клерикализация государства начинается с доступа религиозных деятелей к принятию государственных решений [2]. С одной стороны, Церковь сама в Основах социальной концепции запрещает участие клириков в исполнительных и представительных органах власти. С другой стороны, в реальности взаимовыгодное сотрудничество государственных и церковных акторов (в Основах это названо «сотрудничеством») приобрело довольно широкий размах в России. Оно затрагивает различные социальные институты: образование, культуру, армию, семью и прочее. Но не всякое усиление влияния Церкви на общество и государство можно считать клерикализацией. М.О. Шахов в свое время считал, что в России скорее наблюдается «синодализация», т. е. зависимость Церкви от государства, которое предоставляет различные блага и льготы в обмен на идеологическую поддержку [4]. Так или иначе подобные процессы приводят к десекуляризации социального пространства, что является противоречивым процессом, так как, с одной стороны, может представляться восстановлением исторической преемственности и возвращением к корням, но с другой – может выглядеть как политическая задача в рамках идеологической работы государства по распространению духовно-нравственных ценностей и укреплению собственной легитимности.

Рассмотрим этот процесс на примере десекуляризации социального пространства в Архангельской области. Взаимодействие митрополии с государственными региональными органами за последние тридцать лет претерпевали изменения в своей интенсивности, что, по нашему предположению, зависело от главных акторов. Наиболее активным десятилетием стоит назвать время, когда митрополитом Архангельским и Холмогорским был Даниил (Доровских) с 2010 по 2019 г. На своем посту он был крайне деятельным. И если его предшественник епископ Тихон (Степанов) занимался вопросами возрождения православия на Севере, то митрополиту Даниилу пришлось заниматься вопросами интенсивного развития и церковной организации на территории области, и сотрудничества с государственными и общественными структурами. Нынешний митрополит Корнилий (Синяев) продолжает начатое. Однако присутствие Церкви в социальном пространстве не ограничивается только контактами с политическими институтами. Налажено взаимодействие с институтами культуры и образования (в частности, с Северным государственным медицинским университетом). Клирики выполняют волонтерскую работу, помогают нуждающимся категориям населения (например, бездомным), сотрудничают с различными социальными группами (например, с казачеством). Их присутствие в социальном пространстве является логичным и воспринимается местным сообществом вполне естественным. Так, например, протоиерей Валерий Суворов входит в Общественную палату Архангельской области.

Также можно увидеть десекуляризацию социального пространства на территории городов области. Как и везде, в период советской власти храмы и монастыри в основном были закрыты, а их помещения и территории приспособлены для светских нужд и много раз передавались разным ведомствам. После распада Советского Союза восстановление исторической справедливости и возвращение отнятой собственности религиозным организациям не могло пройти быстро и безболезненно. Тем более что в силу социально-экономических обстоятельств государство не всегда могло обеспечить свои учреждения должными условиями, лишая их бывшей церковной собственности. Поэтому процесс передачи религиозным организациям отнятого затянулся и будет продолжаться, видимо, еще довольно долго и с конфликтами. В частности, в Архангельске ряд зданий уже передан Архангельской митрополии (например, здание архиерейского дома, где располагались помещения Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики УрО РАН), но со зданием мужского епархиального училища произошла нелепая история. В свое время оно было

получено от муниципалитета частной средней школой, но в 2018 г. Церковь потребовала освободить помещение, и учителям с учениками пришлось искать другое здание. Государство и муниципалитет в решении данной социальной проблемы самоустраились, что конечно было воспринято горожанами негативно. Но, с точки зрения права, всё вполне законно. Еще в 2010 г. был принят Федеральный закон № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», определяющий порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения. Однако часть собственности всё еще остается спорной. Например, Северному (Арктическому) федеральному университету принадлежат два перестроенных здания (духовной семинарии и женского епархиального училища), на которые Церковь может претендовать лишь частично. Еще сложнее с теми объектами, которые до сих пор принадлежат министерству обороны, на них Церковь не всегда публично претендует.

В остальных городах области из бывшей церковной собственности оставались редкие храмы, которые в основном уже переданы Церкви. Другое дело, что в городах (в т. ч. в Архангельске) всё больше выделяется земли под строительство новых храмов. Насколько это согласуется с уровнем потребности горожан в духовном окормлении, является дискуссионным вопросом. В программе Всеобщей переписи населения нет вопроса о конфессиональной принадлежности граждан, поэтому остается полагаться на социологические данные. Один из последних опросов, проведенный в 2023 г. ГАУ Архангельской области «Центр изучения общественного мнения», показал, что 73 % опрошенных жителей области считают себя православными (при 18 % атеистов). Мы полагаем, что руководствоваться только данными массовых опросов при решении о строительстве новых храмов не следует. Скорее нужно дополнять их качественными исследованиями, поскольку человек, называя себя православным, может и не быть прихожанином, не исполнять обряды. Отсюда вопрос: насколько строительство новых храмов будет восстановлением исторической преемственности? Или же это политическая задача, потому что постройка храма – это уже создание основы для привлечения к конфессии неопитов, а значит, и возможность идеологической работы с ними. Строительство храмов в Архангельске тоже не обходится без проблем. Так, например, возведение кафедрального Михайло-Архангельского собора (вместо снесенного Свято-Троицкого собора, на месте которого сейчас Театр драмы) растянулось на несколько лет, привлекало значительное внимание админи-

страции области и потребовало перенесение памятника Доблестным защитникам Севера, что вызвало волну негодования.

Более яркий пример именно клерикализации пространства связан с Соловецкими островами. Как известно, до революции монастырь был полноправным владельцем и территории островов, и множества зданий и производств. Это было исключительно церковное пространство. Но за семьдесят лет советской власти очень многое произошло на Соловках: лагерь особого назначения, школа юнг, гражданское заселение островов. К началу XXI века на островах было несколько центров власти: например, восстановленный монастырь, музей-заповедник, администрация поселения (некоторое время даже отдельного района) и прочее. Однако начиная с 2009 г., со сменой патриарха чувствуется повышение внимания к Соловкам и рост церковной власти на островах. Этот процесс тоже затянулся, но, вероятно, по причине того, что острова привлекательны для туристов и Правительство Архангельской области не хотело бы лишиться таких доходов. В последние годы было много планов по созданию на островах туристической инфраструктуры (реконструкция аэропорта, причала, гостиниц), сохранению местного светского населения (в среднем на островах проживает около 800 человек) и выводу музея за пределы исторических помещений монастыря. Однако при заявлениях о желании сосуществования церковной и светской составляющих на островах очевидно стремление к единоначалию. В 2014 г. был принят принцип «пяти ключей» для тех субъектов, кто должен решать проблемы Соловков – Правительство России, руководство Архангельской области, муниципалитет Соловков, монастырь и музей-заповедник [3]. Однако руководство области зависит от Правительства России, которое продвигает концепцию религиозно-исторического места для Соловков. Муниципалитет также полностью зависит от Правительства области, а простые жители островов с 2024 г. уже не могут избирать даже собственный совет. Кроме того, директором музея-заповедника с 2009 г. является наместник монастыря епископ Порфирий (что само по себе нонсенс). Таким образом, идея «пяти ключей» скрывает движение к церковному единоначалию на Соловках. И конечно, с одной стороны, можно говорить о восстановлении исторической справедливости, но, с другой стороны, местное светское население не может автоматически стать трудниками монастыря и не может быть выдвинуто с островов без нарушения их гражданских прав.

Десекуляризация социального пространства может выступать политической задачей в рамках идеологической работы. Это работает на продвижение духовно-нравственного воспитания, традиционных семейных ценностей и прочего, но на пути решения этой политической

задачи государственные и церковные акторы могут столкнуться и с отторжением у населения, если будут нарушаться его права и законные интересы.

Библиографический список

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 08.01.2024).
2. *Тощенко Ж.Т.* Государство как субъект теократии // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 3–14.
3. У арктического архипелага появится новая модель развития. URL: <https://rg.ru/2023/11/14/reg-szfo/u-arkticheskogo-arhipelaga-poiavitsia-novaia-model-razvitiia.html?ysclid=lr1vomq0qs403059553> (дата обращения: 08.01.2024).
4. *Шахов М.О.* Клерикализация России: миф или реальность? // Национальные интересы. 2002. № 5. С. 56–62.

УДК 930.1

А.И. Ганчар,

доцент, Гродненский государственный аграрный университет (Гродно)

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОГРАММЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЗАКОНА БОЖИЯ ДЛЯ УЕЗДНЫХ УЧИЛИЩ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА (1893)

Аннотация. В статье показано рассмотрение изменений программы преподавания Закона Божия православного исповедания, преподаваемого в уездных училищах Виленского учебного округа. Попечительский совет округа 4 сентября 1892 г. признал наиболее пригодной и целесообразной для уездных училищ программу Закона Божия 2-го и 3-го классов городских училищ.

Ключевые слова: Православная Церковь, Виленский учебный округ, уездное училище, обучение, Закон Божий.

A.I. Hanchar,

Associate professor, Grodno State Agrarian University

CHANGE OF THE CURRICULUM FOR TEACHING THE LAW OF GOD IN THE COUNTY SCHOOLS OF THE VILNA DISTRICT (1893)

Abstract. The article deals with the changes in the teaching programme of the Orthodox Law of God taught in the county schools of the Vilna school district. On September 4, 1892, the Board of Trustees of the district acknowledged the programme of the Law of God of the 2nd and 3rd grades of the city schools as the most suitable and expedient for the county schools.

Keywords: Orthodox Church, Vilnius School District, County College, Teaching, Law of God.

В заседании 4 сентября 1892 г. попечительским советом рассматривался вопрос об изменении программы преподавания Закона Божия православного исповедания, введённой в уездных училищах Виленского учебного округа, согласно предложению Министерства народного просвещения (далее – МНП), от 25 августа 1865 г. за № 6745. Совет нашёл целесообразным ввести в указанных учебных заведениях, вместо указанной программы Закона Божия, одобренную по данному предмету Св. Синодом для второго и третьего классов городских училищ с тем, чтобы более легкие и уже знакомые ученикам уездных училищ отделы Закона Божия (священная история нового и ветхого завета и краткое учение о богослужении) были проходимы в 1-м классе училищ, а менее известные, требовавшие для их уяснения больше умственного развития (церковная история и краткий катехизис), были отнесены к курсу второго класса училищ. Вполне соглашаясь с таким заключением попечительского совета, попечитель Виленского учебного округа (далее – ВУО) Николай Александрович Сергеевский 18 декабря 1892 г. представил о том на разрешение министра народного просвещения (Дело об изменении программы преподавания Закона Божия, введенной в уездных училищах Виленского учебного округа (28 декабря 1892 г. – 21 февраля 1893 г.) // РГИА. Фонд 733. Оп. 174. Д. 861. Л. 1–2).

В 1865 г. были рассмотрены учебным комитетом МНП и введены в действие, согласно предложению МНП от 25 августа 1865 г. за № 6745 программы для преподавания предметов в двухклассных уездных училищах ВУО, по которым в 1-м классе по Закону Божию православного исповедания положено было сообщать священную историю ветхого завета, объяснение важнейших праздников, краткие понятия о суточном богослужении и первую часть пространного катехизиса, а во 2-м классе – историю нового завета, краткие сведения из церковной истории, построение церковных служб и две последние части пространного катехизиса. В 1882 г. законоучитель Кобринского уездного училища, ссылаясь на свой многолетний опыт, сделал заявление о необходимости несколько иначе распределить по классам учебный материал этого предмета, а именно: проходить в 1-м классе всю священную историю ветхого и нового завета и учение о вере, вместе с отсальной частью пространного катехизиса, а учение о богослужении во 2-м классе. С таким заявлением отца-законоучителя согласился как педагогический совет уездного училища, так и гродненский директор народных училищ, вошедший по этому вопросу с представлением к попечителю, признавшего нужным потребовать об нём заключения и директоров народных училищ округа.

Из поступивших донесений от директоров оказалось, что директора Виленской, Ковенской и Витебской губерний были согласны на проектируемое изменение по следующим причинам:

1) христианское вероучение, равно как большая часть богослужения, заключало в себе умозрительную часть христианства, более трудную для усвоения, чем священная история, а значит она должна преподаваться более взрослым и развитым ученикам;

2) практика преподавания Закона Божия во всех средних учебных заведениях, по которой вероучению и учению о богослужении предшествовало изучение священной истории, не без основания узаконила такой порядок и могла быть признана в данном случае общим руководящим показателем педагогически правильной постановки преподавания указанного предмета и в низших учебных заведениях МНП.

Впрочем, витебский директор признавал проект удобоисполнимым только в том случае, если будут даны точные указания относительно объёма преподавания всех отделов Закона Божия применительно к 2-х годичному курсу уездных училищ.

Минский директор народных училищ представил отзыв двух штатных смотрителей уездных училищ Минской губернии, из которых один игуменский признал взгляд законоучителя кобринского училища педагогически правильным, а другой – мирский – существовавшее распределение учебного материала по Закону Божию находило более предполагаемым современной методикой. Сам же минский директор присоединился к мнению первого смотрителя. Могилёвский директор народных училищ, приняв во внимание, что в уездные училища поступали ученики, имевшие уже определённое умственное и нравственное развитие и что данные МНП программы представляют нечто определённое и законченное для каждого класса, так что выбывавшие из 1 класса (а таковых бывало значительное количество) выносили не отрывочные, а довольно полные сведения по всем предметам курса, что сами программы удовлетворяют потребности веками воспитанного в православном русском народе чувство церковности, тесно и неразрывно связанной с преподаванием Закона Божия, признал невозможным согласиться с новым распределением материала указанного предмета по классам. Окружной инспектор Н.О. Одинцов, на рассмотрение которого были переданы донесения директоров народных училищ, полагал возможным и наиболее целесообразным проходить в 1-м классе священную историю ветхого и нового завета, а во 2-м – православный катехизис, учение о богослужении и краткие сведения из истории вселенской и отечественной церкви. Последние сведения, как тоже исторического

характера, по усмотрению законоучителя, в видах облегчения учениками усвоения по Закону Божию курса 2-го класса, могли бы быть также преподаваны в 1-м классе.

Рассмотрев дело в заседаниях 16 мая 1890 г. попечительский совет нашёл, что кобринский законоучитель, практикуя новое распределение по классам учебного материала по предмету Закона Божия в уездных училищах, не указал никаких оснований для такого изменения, голословно ссылаясь на свой опыт. Неизвестно также было, в чём собственно убедился кобринский законоучитель: в трудности ли только усвоения пространного катехизиса учениками 1-го класса уездного училища или же в излишней обширности программы для особых классов этого заведения. Из представления гродненского директора народных училищ можно было вывести заключение, что вместе с новым распределением учебного материала отец-законоучитель имел ввиду и сокращение самой программы по Закону Божию, т. к. перечисляя отдели этой программы оно не упоминало не об апостольских, не об евангельских чтениях на дни двенадцатых и других важнейших праздников, ни о сведениях из истории вселенской и отечественной церкви. Директоры народных училищ ВУО, равно как и окружной инспектор Н.О. Одинцов, рассматривая проект законоучителя, приняли во внимание только одно изменение распределения учебного материала и не касались вопроса о сокращении программы.

Попечительский совет, не найдя в мнении кобринского законоучителя и заключении педагогического совета Кобринского уездного училища, равно как в представлении гродненского директора народных училищ, никаких мотивов ни для изменения распределения учебного материала по Закону Божию, ни для уменьшения его объёма в уездных училищах, обратился к рассмотрению действовавшей программы, причём оказалось, что программа эта сама по себе была достаточна удовлетворительна и содержала все необходимые для ученика низшего учебного заведения и без затруднений могла быть выполнена в течение двухлетнего учебного курса, но только изложена была очень кратко, в самых общих чертах и требовала более подробного развития. Почему попечительский совет полагал просить законоучителей уездных училищ ВУО, на основании существовавшей программы, или лучше сказать общего плана преподавания Закона Божия, выработать подробную программу Закона Божия и представить её на рассмотрение училищных советов дирекций народных училищ, которые должны были представить свои заключения на усмотрение попечителя ВУО. Но т.к., по заявлению окружного инспектора Н.О. Одинцова и виленского директора народных училищ

О.В. Стивровича, в уездные училища ВУО поступало немалое число мальчиков, слабо подготовленных (50 % их обыкновенно оставалось в 1-м классе на 2-й год), для которых успешное изучение пространного катехизиса в 1-м классе оказывалось непосильным, то попечительский совет признал целесообразным преподавание всего катехизиса отнести ко 2-му классу с исключением части о блаженствах и объяснение богослужения, как более лёгкого отдела, из 2-го класса перевести в 1-й. Согласно с таковым постановлением попечительского совета директорам народных училищ ВУО было предложено 21 июня 1890 г. за № 4168 сделать необходимые распоряжения о выработке более подробной программы для преподавания Закона Божия в уездных училищах и перенесении катехизиса во 2-й класс.

Теперь же директора народных училищ Виленской, Гродненской, Минской, Ковенской и Могилёвской губерний представили заключения училищных советов вверенных им дирекций по училищному вопросу. Директор народных училищ Ковенской губернии не смог представить заключения совета дирекции по причине непредоставления отзыва по данному предмету местного законоучителя Россиенского уездного училища, по причине его перевода на другой приход.

Училищный совет Виленской дирекции народных училищ полагал, что наиболее обстоятельной и целесообразной программой Закона Божия для уездных училищ могла быть готовая, утверждённая Св. Синодом программа этого предмета для 2 и 3 классов гродских училищ по положению 31 мая 1872 г., тем более, что, по мнению совета, указанная программа исключала излишние подробности учебного материала и обнимала собой лишь те предметы, которые составляли необходимую принадлежность преподавания Закона Божия в низших учебных заведениях. Единственно следовало лишь заменить краткий катехизис пространным. При распределении учебного материала по классам, училищный совет дирекции находил целесообразным, чтобы в 1-м классе были преподаны ученикам история ветхого завета и краткое учение о богослужении православной церкви, а во 2-м – священная история новго завета, краткая история христианской церкви и православный катехизис по пространному руководству митрополита Филарета, с исключением учения о блаженствах. Точно такое же распределение учебного материала по Закону Божию между классами в уездных училищах и почти в таком же объёме проектировал совет Витебской дирекции народных училищ. По мнению училищного совета Гродненской дирекции, для устранения проиовзола и с целью соблюдения единства в преподавании необходимо было, чтобы во всех училищах была принята одна нормальная программа, но какая именно, совет не указал. В распределении учебного материала по Закону Божию

между классами совет предполагал, чтобы в 1-м классе проходила вся священная история ветхого и нового завета и краткое учение о богослужении, а во 2-м – история христианской церкви и православный катехизис. Оснований для такого распределения учебного материала по Закону Божию между классами совет не указал. Училищный совет Минской дирекции выработал новую программу по Закону Божию, которая в курсе священной истории ветхого завета была менее пространной такой же программы для городских училищ, в курсе же священной истории нового завета, которую предположено было проходить в 1-м классе, она была совершенно тождественна с ней, а в курсе учения о богослужении православной церкви и истории христианской церкви – значительно обширнее. Православный катехизис предположено было производить по пространному руководству митрополита Филарета и без всяких ограничений. По мнению училищного совета Могилёвской дирекции народных училищ никаких изменений не следовало производить. Окружной инспектор Н.О. Одинцов, на рассмотрение которого были отданы мнения училищных советов и представленные законоучителями программы, в распорте своём от 3 июня 1892 г., пришёл к заключению о необходимости введения одинаковой программы для всех уездных училищ округа. Существовавшая программа, по своей краткости и неопределённости, открывала слишком широкий простор для законоучителей. Сам же попечитель ВУО Н.А. Сергеевский, ещё в рапорте на имя управляющего МНП, от 29 апреля 1890 г., находил целесообразным применить к уездным училищам ВУО программы по Закону Божию, указанные для 2-го и 3-го классов городских училищ по положению 31 мая 1872 г. с тем, чтобы православный катехизис был изучаем по пространному руководству митрополита Филарета с исключением учения о блаженствах и с опущением из него несущественных подробностей, а также и текстов, не имевших прямого существенного отношения к разъяснению истин христианского учения. С введением таковой программы по Закону Божию в уездных училищах все данного рода учебные заведения объединялись между собой, что было важно при определении сравнительной их успешности в прохождении курса Закона Божия.

Проанализирова составленные проекты, попечительский совет 4 сентября 1892 г. признал наиболее пригодной и целесообразной для уездных училищ ВУО программу Закона Божия 2-го и 3-го классов городских училищ (циркуляры по ВУО за 1877 г., № X, стр. 438). Что касалось распределения учебного материала по классам, то попечительский совет полагал священную историю ветхого и нового завета и краткое учение о богослужении проходить в 1-м классе, а менее

известные и требовавшие для усвоения их большего умственного развития церковную историю и краткий катехизис отнести к курсу 2-го класса. Рассмотрев представление попечителя ВУО, 21 февраля 1893 г. управляющий МНП граф Делянов нашёл целесообразным оставить прежнюю программу преподавания Закона Божия в уездных училищах ВУО, тем более что они сами, согласно высочайшему повелению 31 мая 1872 г., подлежали преобразованию в городские училища [Там же. Л. 3–16 об.].

УДК 908

М.Ю. Горожанина,

доцент, Кубанский государственный университет (Краснодар)

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ КУБАНИ В ПЕРИОД ЕГО ВХОЖДЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль православия в укреплении российских позиций на Черноморском побережье Кавказа. В исследовании обозначаются основные трудности налаживания церковной жизни, рассматривается сложный процесс церковного строительства на вновь присоединенных территориях.

Ключевые слова: православие, духовенство, Черноморское побережье, церковное строительство.

M.Yu. Gorozhanina,

Associate Professor of the Department of Russian History, Kuban State University

CHURCH CONSTRUCTION ON THE BLACK SEA COAST OF KUBAN DURING ITS INCORPORATION WITH THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. The article examines the role of Orthodoxy in strengthening Russian positions on the Black Sea coast of the Caucasus. The study identifies the main difficulties in establishing church life, and examines the complex process of church construction in the newly annexed territories.

Keywords: Orthodoxy, clergy, Black Sea coast, church construction.

В современных реалиях определения основ российской цивилизации особенно значимо изучение роли православия в отечественной истории. Именно православие долгие годы выполняло функции госу-

дарственной идеологии, являлось духовной основой российской государственности. Как верно замечал Ф.М. Достоевский: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нём и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие всё... Кто не понимает Православия – тот никогда и ничего не поймёт в народе. Мало того: тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть» [5, с. 321]. Эту же мысль развил И.А. Ильин: «...вся русская культура слагалась, крепла и расцветала в духе православия... Православие определило её облик, стало основным источником традиционных духовных ценностей русского общества. Православная церковь оказала прямое нравственно-воспитательное воздействие на всю русскую цивилизацию и культуру» [6, т. 1, с. 28].

Таким образом, современное возрождение традиционных ценностей невозможно без обращения к православным канонам. В этом плане не может не настораживать стремления ряда государственных чиновников преуменьшить роль православия в формировании российской государственности и культуры, не может не огорчать и повсеместное убирание крестов с изображений православных храмов. Все это актуализирует изучение вклада православного духовенства в укрепление российских позиций на окраинах монархической России.

Как известно к концу XVIII в. Северный Кавказ стал входить в зону геополитических интересов Российской империи. Победоносная русско-турецкая война 1828–1829 г. усилила положение России на Черноморском побережье Кавказа. Согласно Адрианопольскому мирному договору к России переходило все восточное побережье Черного моря от устья реки Кубани до северной границы Аджарии.

В 1838 г. генерал-майор Андрей Симборский докладывал командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанту Евгению Головину: «Представляя Вашему Превосходительству план и профили вновь возводимого при устье реки Соча-Пста укрепления, имею честь почтительнейше просить об исходотайствовании Высочайшего соизволения назвать его фортом Александрия, по случаю того, что заложено оно 21-го текущего месяца, в Высокоторжественный день рождения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы». Через месяц после основания численность гарнизона форта Александрия (позднее Навагинский) достигала уже 4 тыс. чел. Всего на Черноморском побережье Кавказа с 1830 по 1842 год было возведено 17 подобных укреплений. Сопrotивление строительству укреплений шло под аккомпанемент непрерывающегося сопротивления горцев. В феврале 1840 г. воинственные аборигены захватили форты Лазаревский и Головинский, однако через несколько месяцев российский десант их отвоевал. С этого

времени горцы участвовали в своих нападениях. В 1846 г. у Навагинского форта произошло 19 боестолкновений, возле Головинского – 10. Местные жители – абадзехи – нападали не только на укрепленные гарнизоны, но и на солдат, заготовлявавших дрова, выпасающих скот или проводивших строительные работы. Кроме вылазок горцев военнослужащих поджигали и другие напасти: непривычный для жителя северных широт влажный субтропический климат, плохое питание, недостаток лекарств – все это приводило к цинге, простудным и инфекционным заболеваниям. Смертность в гарнизонах достигла угрожающих масштабов. К примеру, в феврале 1840 г. в форте Головинском из 230 военных болело 120 человек, в Навагинском в том же месяце были больны 134 человека из 243 [1, с. 269].

В этих условиях особенно важным стало налаживание церковного богослужения. Нельзя было допустить, чтобы православные воины умирали без принятия святого Причастия, да и в военной обстановке пасторская проповедь приобретала особое значение.

Еще в 1828 г. была заложена церковь преп. Онуфрия Великого и Петра Афонского в Анапе. С 1830 по 1842 г. на Черноморском побережье было возведено 17 укреплений (Геленджикское, Михайловское, Навагинское, Вельяминовское, Головинское, Раевское, Варениковское и др.), которые образовали Черноморскую береговую линию. 5 мая 1838 г. был объявлен императорский указ командиру Отдельного Кавказского корпуса: «Все крепости и укрепления на восточном берегу Черноморского моря, в коих находится не менее двух рот солдат снабдить церквями и священниками с причтом» [8]. Что в скором времени и было выполнено. Правда, церкви были небольшими и в основном гарнизонными. Так, в 1852 г. в одном из докладов сообщалось, что укрепления ЧБЛ имеют церкви «в одной половине полубревенчатой солдатской казармы» [2]. Неслучайно приходское духовенство в этих местах появилось лишь после окончания Кавказской войны, до этого же все требы выполнялись полковыми священниками, основной костяк которых составили иеромонахи.

Как показало время, сооружение небольших храмов при солдатских казармах в условиях боевых действий было правильным решением. Построенная в 1846 г. каменная Николаевская церковь в Новороссийске была разрушена в годы Крымской войны. В память о героических защитниках русского Черного моря она была восстановлена в 1859 г. в укреплении Константиновском, основанном в Цемесской бухте. Несмотря на то что храм был возведен на средства прихожан, долгое время он не имел церковного причта. Священник был прикреплен к церкви лишь в 1869 г., когда храм из войскового ведомства был

переведен в епархиальное. 1864 г. ознаменовал начало нового периода в истории православной церкви на Черноморском побережье, начиналась эпоха мирного его освоения. В 1866 г. был образован Черноморский округ, вновь учреждены портовые города Анапа и Новороссийск (на месте Константиновского редута). Николаевская церковь становится главным городским собором. В 1875 г. состоялось торжественное освящение двух храмов в Анапе и Геленджике. В 1879 г. была освящена Свято-Николаевская церковь в с. Веселое.

Вместе с тем в других населенных пунктах Черноморского округа церковное строительство велось крайне медленно. Так, в 1881 г. начальник Главного управления Наместника Кавказского генерал-лейтенант Д.С. Старосельский уведомлял епископа Кавказского и Черноморского Германа о том, что «недостаточно средств к удовлетворению религиозных нужд православного населения особенно в южной части округа (совр. район большого Сочи)... Бедность поселян мешает придать зданию для богослужения приличный вид, и оно ничем не отличается у них от жилых строений: только крест на уродливой камышовой, редко деревянной крыше, да столбы с небольшими колоколами наружно свидетельствуют о святости этого места; затем все установленные церкви чтутся переселенцам и свято...» [7, с. 330].

Часто жители Черноморского округа жаловались на священников, отказывающих им в совершении христианских треб, из-за чего многие «дети часто умирали не крещенными, взрослые без причастия и предавались земле без христианского погребения». По мнению Д.С. Старосельского, основной причиной этого было не нерадение священников, а отсутствие нормальных условий. Плохие дороги, постоянные разливы рек, загруженность иереев делами не позволяла им справиться сразу со всем. Ситуация усугублялась наличием греческих священнослужителей, которым разрешалось вести только богослужения. Нередко они настраивали своих соотечественников против русских пастырей [3]. Для изменения ситуации Д.С. Старосельский предложил улучшить пути сообщения, а также для селений Адлер, Первинка, Высокое, Молдаванка, Лесное и Красная Поляна, которые до этого относились к Сочинскому приходу, учредить особый церковный причт (с центром в Адлере) из священника и псаломщика. Дополнительный церковный причт (с центром в с. Вуланское) учредить и для селений Вуланское, Пшадское и Береговое. Уже в 1883 г. в смету Св. Синода было заложено по 2 350 р. ежегодно на содержание двух новых причтов в селениях Адлере и Вуланском и на поездки церковнослужителей по вверенным им селениям [7, с. 337]. В 1898 г. была построена церковь в честь Св. Духа в Адлере (разрушена в 1947 г.).

А двумя годами раньше в 1896 г. Черноморский округ был преобразован в Черноморскую губернию, все ее приходы были переведены из Ставропольской епархии в Сухумскую в состав Грузинского экзарха, так как Черноморская губерния была включена в состав Закавказья. В 1916 г. Св. Синод рассматривал вопрос о создании самостоятельной Черноморско-Новороссийской епархии. Окончательно она была учреждена на Ставропольском съезде духовенства в 1919 г. Первым епископом был назначен Сергей (Петров) (умер в 1935 г. в сербском монастыре Привина Глава). Начавшаяся гражданская война помешала ее дальнейшему развитию и в 1920 г. она была упразднена.

К 1913 г. В Черноморской губернии числилось 154 177 православных, 5 694 римо-католика, 3 770 лютеран, 10 008 магометан, 3 623 иудея, 637 старообрядцев, 87 караимов, 77 евангельских христиан, 66 адвентистов, 8 молокан. К этому времени на данной территории действовало 29 церковно-приходских православных школ, в которых обучалось 1178 чел. [4].

До революции в Черноморской губернии действовало два мужских монастыря: Свято-Троицкий (ныне с. Монастырское) открыт в 1902 г. и Покровский (г. Новороссийск), учрежден в 1912 г., а также одна женская Иверо-Алексеевская община, создана в 1910 г. (ныне с. Кирпичное).

Таким образом, анализ архивных документов показывает важную роль православия в укреплении позиций российских позиций на вновь присоединенных территориях.

Библиографический список

1. Военно-историческое обозрение Восточного берега Черного моря // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008.
2. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 815. Л. 117.
3. ГАКК. Ф. 468. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
4. ГАКК. Ф. 468. Оп. 2. Д. 544. Л. 2–10.
5. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М., 1989.
6. Ильин И.А. О православии и католичестве // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993.
7. Кавказские епархиальные ведомости. 1882. № 10.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. СПб., 1839. Т. 13. (1838). Ст. 11213.

Игумен Герман (Г.И. Дворцов),

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ОБРАЗОВАНИЕ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ ЕПАРХИИ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОГО КРАЯ
В 1920–1940-е гг.**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы образования Иваново-Вознесенского викариатства и получение им статуса самостоятельной епархии в связи с процессом административно-территориального развития Ивановской области.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Иваново-Вознесенская губерния, Иваново-Вознесенское викариатство, Ивановская епархия, Ивановская область, епископ Иерофей (Померанцев), митрополит Павел (Гальковский).

Abbot Herman (G.I. Dvortsov),

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

**THE FORMATION OF THE IVANOVO-VOZNESENSKAYA
DIOCESE IN THE CONTEXT OF STATE-CHURCH RELATIONS
OF THE 1920–1930s.**

Abstract. The article discusses the issues of the formation of the Ivanovo-Voznesensky vicariate and its obtaining the status of an independent diocese in connection with the process of administrative and territorial development of the Ivanovo region.

Keywords: Russian Orthodox Church, Ivanovo-Voznesenskaya province, Ivanovo-Voznesensk vicariate, Ivanovo diocese, Ivanovo region, Bishop Hierotheus (Pomerantsev), Metropolitan Pavel (Galkovsky).

В 2000 г. был установлен церковный праздник – Собор Ивановских святых (с 2015 г. – Собор святых Ивановской митрополии), который празднуется 20 июня, в День Ивановской области. Причина установления праздника именно 20 июня была обоснована тем, что точная дата создания Ивановской епархии не известна [16, с. 42]. В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть вопросы создания Иваново-Вознесенской епархии в связи с процессом формирования Ивановской области.

А.А. Федотов утверждает, что «Ивановская епархия основана в 1918 г. (по другим данным в 1920 или 1929 г.) в связи с образованием Иваново-Вознесенской губернии» [15, с. 5]. В работе монахини Евстолии (Егоровой) [3, с. 75] говорится, что Иваново-Вознесенское викариатство Владимирской епархии было создано в 1921 г., а только лишь с 1946 г. можно говорить о «самостоятельной Ивановской епархии». Н.А. Зонтиков также считает, что самостоятельная Ивановская епархия существует с 1946 г. [7, с. 336], хотя в более ранней своей работе связывает ее образование с созданной в 1929 г. Ивановской Промышленной областью [5, с. 660].

Таким образом, исследователями были выделены две проблемы: 1) создание полусамостоятельного Иваново-Вознесенского викариатства Владимирской епархии; 2) создание самостоятельной Иваново-Вознесенской епархии. Для решения этих проблем нами были проанализирована неопубликованная документация Канцелярии Патриарха Тихона за 1918–1920 гг. [13], и опубликованные решения Временного Патриаршего Синода за 1928–1935 гг. [4].

20 июня 1918 г. коллегия при НКВД приняла решение о создании Иваново-Вознесенской губернии из частей Владимирской и Костромской губерний [8, с. 248–249]. Но это решение не повлекло за собой церковно-административных изменений: православные общины новой губернии по-прежнему входили в состав Владимирской епархии и Кишемского викариатства Костромской епархии.

25–26 августа 1918 г. г. Иваново-Вознесенск посетил Патриарх Тихон [2, с. 307], но никаких решений об организации новой епархии или викариатства за ним не последовало.

Вопрос о необходимости создания новых епархий и полусамостоятельных викариатств, свободных в своих внутренних делах, был поставлен на Поместном Соборе 1917–1918 г., где предлагалось создать шесть новых епархий и четыре полусамостоятельных викариатства. В их перечне наименование «Иваново-Вознесенская» отсутствует [13, д. 246, л. 32–33].

В Определении Поместного Собора «Об учреждении новых епархий и викариатств» от 8.08.1918 г. была разработана процедура создания [13, д. 39, л. 2–2 об.]. Совместным постановлением Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета (далее – ВЦС) от 16.05.1919 г. епархиальным архиереям предписывалось: 1) «поселить на жительство» викарных епископов «в тех местах епархии, где чувствуется особая нужда в архиерейском попечении»; 2) в двухмесячный срок представить свои предложения по созданию новых епархий и полусамостоятельных викариатств [13, д. 23, л. 83–86 об.].

В течение лета 1919 г. Патриарху Тихону поступали представления об учреждении новых епархий и викариатств, которые 5.09.1919 г. были направлены «на рассмотрение Комиссии об умножении архиерейских кафедр» [13, д. 1, л. 76]. Через две недели в заседании Синода от 19.09.1919 г. митрополит Владимирский Сергей (Страгородский) доложил, что «вопрос о необходимости открытия отдельного викариатства в г. Иваново-Вознесенске будет поставлен на обсуждение в первую очередь» [13, д. 24, л. 126]. Это первое известное упоминание об Иваново-Вознесенском викариатстве.

Перечень епархий в списке рассылки циркулярных писем Синода за 1919 г. не упоминает ни Иваново-Вознесенскую епархию, ни викариатство [13, д. 9, л. 112]. Таким образом, оснований для утверждения о создании Иваново-Вознесенской епархии в какой-либо форме в 1918 г. или 1919 г. не имеется.

Образование Иваново-Вознесенского викариатства Владимирской епархии связано с именем епископа Иерофея (Померанцева).

22.12.1919 г. Патриарх Тихон и члены Священного Синода избрали архимандрита Иерофея (Померанцева) епископом Юрьевским – викарием Владимирской епархии [13, д. 1, л. 132 об.]. 26.12.1919 г. он был рукоположен его в сан епископ [11, с. 256]. Но в связи с отсутствием средств на содержание кафедры 02.01.1920 г. епископ Иерофей был назначен наместником Боголюбского монастыря «с правом на присвоенное наместнику содержание...впредь до устройства ему местопребывания в г. Юрьеве или другом городе его удела» [13, д. 13, л. 167]. При этом необходимо учитывать, что еще 16.05.1918 г. Шуйский уезд с г. Иваново-Вознесенском был вверен попечению именно епископа Юрьевского, стал частью его «удела» [1, с. 1]. С 3.07.1920 г. епископ Иерофей (Померанцев) стал именоваться не Юрьевским, а Иваново-Вознесенским, но продолжал управлять и приходами Юрьевского уезда [10, с. 178, 573], входившего в состав Владимирской губернии [9, с. 20].

В фонде Канцелярии Патриарха Тихона отсутствует документация за период с марта 1920 г. по июнь 1923 г., поэтому протокол решения о создании Иваново-Вознесенского викариатства не обнаружен. Но учитывая отраженную в протоколах 1919–1920 гг. практику Синода на одном заседании принимать решение о создании викариатства, назначении и титуловании викарного епископа, мы можем предположить, что датой образования Иваново-Вознесенского викариатства является 3 июля 1920 г.

С середины 1920-х гг. в РСФСР постепенно шел процесс укрупнения административно-территориальных единиц: из нескольких губерний создавались края и области.

В связи этим Временный Патриарший Синод 27.12.1928 г. произвел изменения и в церковно-административном делении: были образованы «церковные области, причем...некоторые полусамостоятельные епископии получили права самостоятельных». На архиереев главного города области возлагались обязанности принимать во временное управление освободившиеся по каким-либо причинам кафедры и быть представителем всех епархий области перед «областной гражданской властью» [4, с. 218].

14.01.1929 г. из четырех губерний – Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской, была создана Ивановская Промышленная область с центром в г. Иваново-Вознесенске [9, с. 22–23].

Иваново-Вознесенское викариатство в этот период управлялось пожилым и тяжело больным архиепископом Николаем (Покровским), который одновременно являлся временно управляющим Пермской епархией и проживал в г. Пермь [12, с. 350]. В этих условиях он не мог стать Иваново-Вознесенским «областным архиереем». Поэтому 13.11.1929 г. на Иваново-Вознесенскую кафедру был назначен более молодой и энергичный епископ Павел (Гальковский), до этого временно управлявший Владимирской епархией. Через несколько месяцев после своего назначения он был возведен в сан архиепископа, а в 1935 г. – в сан митрополита [10, с. 100, 178–179]. С 1930 по 1936 г. Павел (Гальковский) был постоянным членом Синода [4, с. 14, 94, 104, 123, 164].

В связи с переименованием г. Иваново-Вознесенска в г. Иваново, Синод своим решением от 1.02.1933 г. постановил «Иваново-Вознесенской епархии усвоить наименование “Ивановской”» [4, с. 165].

О высоком положении в церковной иерархии архиепископа Павла (Гальковского) свидетельствует то, что в Акте об усвоении митрополиту Сергию (Страгородскому) титула Блаженнейшего от 27.04.1934 г., его подпись стоит первой после подписей митрополитов и выше подписи Владимирского архиерея [4, с. 216]. Исходя из этого мы можем утверждать, что на основании решения Временного Патриаршего Синода от 27.12.1928 г. Иваново-Вознесенская епархия стала полностью самостоятельной с 13.11.1929 г.

Решением Синода от 12.03.1934 г. полномочия «областных архиереев» были значительно расширены: им были предоставлены дополнительные контрольные и административные функции [4, с. 219–220]. В «Положении о полномочиях архиерея главного города области», принятом Синодом 14.03.1934 г. [4, с. 221], содержится список укрупненных областей, епископам которых «предоставляются полномочия областного архиерея». Девятое место в этом списке принадлежит Ивановской [Промышленной] области. В этом же документе содержит-

ся предписание о придании статуса епархии всем полусамостоятельным викариатствам и передаче их в общее ведение областных архиереев. Таким образом, Кинешемское викариатство выводилось из состава Костромской епархии и получало статус самостоятельной епархии, деятельность которой должна была контролироваться Ивановскими архиереями. Но в связи с массовой ликвидацией православных общин, арестами священнослужителей и процессом уничтожения системы церковного управления это решение было реализовано только 1.07.1936 г., когда епископ Кинешемский Борис (Воскобойников) был назначен на Ивановскую кафедру, с которой одновременно управлял приходами Кинешемской епархии [10, с. 178, 222].

Огромная Ивановская Промышленная область просуществовала недолго: в 1936 г. из ее состава была выделена Ярославская, а в 1944 г. – Владимирская и Костромская области [9, с. 26]. В связи с этим статус «областного архиерея» в системе церковного управления утратил свое значение, а границы Ивановской епархии стали совпадать с границами Ивановской области.

Откуда же взялось утверждение о том, что самостоятельность Ивановской епархии связана с 1946 г.? В решении Священного Синода от 20.06.1946 г. было сказано, что Ивановская область, «входящая в состав Владимирской епархии», выделяется в самостоятельную Ивановскую и Шуйскую епархию (цит. по: [5, с. 662]). Видимо, эта формулировка и стала основанием для подобных утверждений. Но, на наш взгляд, решение Синода имеет другой смысл. С 1939 по июнь 1946 г. Ивановская епархия не имела своего епископа и находилась под временным управлением Ярославских и Горьковских архиереев. А епископ Владимирский Онисим (Фестинатов) был временно управляющим Ивановской епархией всего два месяца – с 24 апреля по 24 июня 1946 г. [10, с. 178]. Поэтому говорить о вторичном пребывании Ивановской епархии в составе Владимирской нет никаких оснований и решение Синода от 20.06.1946 г. говорит именно о прекращении временного управления Ивановской епархией Владимирским архиереем.

Таким образом, процесс формирования Ивановской епархии проходил постепенно: 1) в церковно-каноническом отношении – от викариатства к самостоятельной епархии; 2) в территориальном отношении – от отдельных уездов Иваново-Вознесенской губернии до территории всей Ивановской области. Создание Иваново-Вознесенского викариатства было предопределено решениями Поместного собора 1917–1918 гг. об увеличении количества архиерейских кафедр независимо от появления Иваново-Вознесенской губернии. Но приобретение викариатством статуса самостоятельной епархии и определение ее границ находились

в прямой связи с процессом территориально-административного формирования Ивановской области.

Библиографический список

1. Владимирский епархиальный вестник. 1918. № 9.
2. *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. М., 2009.
3. *Евстолия (Егорова)*, монахиня. Иваново-Вознесенская епархия и ее святые // Церковно-исторический ежегодник. Вып. II–III. Иваново, 2004.
4. Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 гг. М., 2001.
5. *Зонтиков Н.А.* Иваново-Вознесенская и Кинешемская епархия. // Православная энциклопедия. Т. XX. М., 2009.
6. *Зонтиков Н.А.* Кинешемское викариатство // Православная энциклопедия. Т. XXXIII. М., 2013.
7. *Зонтиков Н.А.* Макариево-Решемский монастырь: вехи истории. Кинешма, 2019.
8. Иваново-Вознесенская губерния: история рождения и становления нового субъекта Российской Федерации (1917–1919 гг.). Иваново, 2018.
9. Ивановская область. Административно-территориальное деление по состоянию на 1 января 2001 года / сост. В.А. Ельфин; под ред. Н.К. Бровцына. Иваново, 2001.
10. История иерархии Русской Православной Церкви. М., 2019.
11. *Лавринов В.В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М. 2016.
12. Николай (Покровский) // Православная энциклопедия. Т. L. М., 2018.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1.
14. *Савва (Тутунов), игумен.* Епархиальные реформы. М., 2011.
15. *Федотов А.А.* История Ивановской епархии // Федотов А.А. Сборник статей. Иваново, 2006.
16. *Федотов А.А.* Собор Ивановских святых // Федотов А.А. Сборник статей. Иваново, 2006.

В.Н. Дежнев,

доцент, Шадринский государственный педагогический университет (Шадринск)

АРМИЯ И ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКИХ ПОТЯСАНИЙ

Аннотация. В статье показаны причины развала старой армии и участие значительной части ее командного состава в становлении РККА, в ее победе в гражданской войне. Представлена роль церкви в легитимизации новой власти, причины противостояния с советской властью, участие церковных деятелей в гражданской войне на стороне белого движения. Заявлен тезис о необоснованности считать виновником противостояния только одну из сторон.

Ключевые слова: армия, церковь, первая мировая война, падение монархии, Февральская революция, Октябрьская революция, Советская власть, гражданская война.

V.N. Dezhnev,

Associate Professor, Shadrinsk State Pedagogical University (Shadrinsk)

THE ARMY AND THE CHURCH IN THE YEARS OF GREAT UPHEAVAL

Abstract. The article shows the reasons for the collapse of the old army and the participation of a significant part of its command staff in the formation of the Red Army, in its victory in the civil war. The role of the church in legitimizing the new government, the reasons for the confrontation with the Soviet government, and the participation of church leaders in the civil war on the side of the white movement are presented. The thesis is stated that it is unreasonable to consider only one of the parties as the culprit of the confrontation.

Keywords: army, church, World War I, fall of the monarchy, February revolution, October revolution, civil war.

Обращаясь к прошлому, мы ищем ответы для сегодняшнего дня. Происходящее очередное противостояние России с Западом заставляет всматриваться в события столетней давности, когда участие страны в войне привело ее к великим потрясениям.

Армия и церковь во все века были надежными опорами русской государственности, но в годину великих испытаний они оказались не в лучшем состоянии. Тем не менее в событиях революции и гражданской войны, а в перспективе и в Великой Отечественной войне, они сыграют важную, а часто и решающую роль.

Судьбу монархии в феврале-марте 1917 года решили независимо друг от друга и несогласованно между собой солдатские массы петроградского гарнизона и высший генералитет армии. Начав 26–27 февраля 1917 года переход на сторону восставшего народа, воинские части обеспечили успех революционных выступлений в столице. Давление на царя со стороны руководства Ставки и командующих фронтами и флотами вынудило Николая II отречься от престола.

Это запустило процесс крушения государственности и катастрофу, начало которой ошибочно связывают с Октябрем 1917 года. Именно в первые дни марта 1917 года одновременно с фактическим отказом от монархической формы правления после непринятия короны Михаилом Александровичем произошел подрыв двух опор государственности. Армия после тяжелых испытаний 1914–1916 гг. и так испытывала массу проблем, включая падение дисциплины вплоть до первых солдатских бунтов и дезертирство, но Февраль через приказ Петросовета № 1 добил её. Он дал главный толчок к развалу армии, подрывал дисциплину, лишая офицерский командный состав власти над солдатами. Вооруженные силы России стали разваливаться буквально на глазах, армия из столпа порядка сама стала источником анархии и смуты.

Армия в условиях политического противостояния не могла быть нейтральной, более того, часть государственно ориентированных генералов, видя распад государства, искали способы сохранения тысячелетней России.

Причинами такой ситуации они видели фактический государственный переворот Февраля 1917 года, установление либерально-социалистического режима западного образца, полная несамостоятельность правительства в своих действиях, подчинение интересам «западных союзников» вопреки интересам России, неспособность решить стоящие перед страной острейшие проблемы. Действия в этот период Колчака в его поездках в Британию и США, выступление Корнилова интересам России также не служили.

Некоторые авторы [2] считают, что часть высших военных руководителей организовали системное участие военных структур Российской империи в Октябрьской революции и преодолении катастрофических последствий февральской смены власти. Прямых доказательств этому нет, есть масса косвенных, подтверждающих такую версию.

В частности, свидетельства в пользу такой версии имеются в отношении генерала Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, который первый открыто перешел на сторону Советской власти, был назначен после Октябрьской революции начальником штаба Верховного главнокомандующего, генерал-квартирмейстера (разведка и контрразведка) Генерального штаба генерала Николая Михайловича Потапова, сотрудни-

чавшего с большевиками до Октября, а после назначенного начальником Генштаба, членом Высшего военного совета и многих других. Именно они стали организаторами армии молодой советской республики. Всего на стороне «красных» сил участвовали в гражданской войне до 70 тысяч генералов и офицеров царской армии. Они вместе с талантливыми выходцами из других слоев составили кадровую основу Красной армии, победили в гражданской войне, подготовили армию и победили в Великой Отечественной войне.

В церкви, по мнению М.А. Бабкина, произошла переориентация официальной политической линии РПЦ в период с начала XX века по весну 1917 г. от традиционно-монархической до содействия революционной демократии в свержении императора и приветствия февральско-мартовских политических событий 1917 г.

Высшее руководство церкви в ходе событий конца февраля – начала марта 1917 года заняло выжидательную позицию, не откликнулось на просьбу призвать от имени церкви к порядку участников волнений в Петрограде, не оказало никакой поддержки императору. А уже 7–9 марта признало необходимым принятие новой присяги и участие в этих церемониях духовенства. Таким образом, российское духовенство спокойно и достаточно легко пошло не только на изменение государственной присяги и на служение совершенно другой – светской, не миропомазанной власти, но и на нарушение предыдущей своей присяги «на верноподданство», по сути – на клятвопреступление [1].

Спустя 100 лет глава синодального Отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ Владимир Легойда признал часть ответственности РПЦ за трагические события революции 1917 года в России. «Как раз эти люди, которые потом и сыграли большую роль в событиях октября 1917 года и последующих – солдаты, матросы, – эта среда в особенности была расцерковлена», – заявил Легойда. «Конечно, это во многом вина и ответственность тех священников, которая тогда была. Это одна из причин, и причин очень серьезных, потому что церковь, конечно, не может быть успокоенной», – отметил Легойда [3].

Свержение монархии и власть Временного правительства приняли все слои церкви, оправдались ожидания позитивных перемен, открылся Поместный Собор, появились перспективы налаживания свободной и самоуправляемой церковной жизни. Хотя некоторые шаги правительства, в частности, лишение православной церкви привилегированного положения, изъятие церковно-приходских школ, вызывали недовольство иерархов церкви. Поэтому к отстранению от власти Временного правительства церковь отнеслась равнодушно.

Отношение церкви с властью после Октябрьской революции современные церковные исследователи считают predetermined

атеистическими идеологическими установками партии большевиков. Вместе с тем не исключено, что новая власть надеялась найти компромисс с церковью, церкви предлагалось сосредоточиться на духовных делах и не вмешиваться в дела светской власти. К глубокому сожалению, все пошло иначе. Советская власть не препятствовала выборам патриарха, Собор продолжал свою работу до сентября 1918 года, хотя и многие действия и законы Советской власти прямо осуждались Собором (или лично Патриархом). Из этого можно сделать вывод, что ответственность за раскол светской и духовной власти лежит на обеих сторонах.

Противоречия церкви с новой властью в значительной степени перешли в экономическую плоскость. Церковь перестала получать субсидии от государства, лишилась привычных источников доходов. Земля, заводы и пр. были национализированы, были запрещены принудительные поборы с прихожан. Поэтому, не отрицая полностью идейного противостояния, следует признать, что корнем проблемы был все-таки имущественный спор, усугубленный *первоначальным* непониманием, чего хотят большевики. Отсюда и всевозможные эксцессы 1918–1919 гг. Однако уже спустя год-два Церковь фактически, а потом и юридически признала и национализацию имущества, и свой новый статус. Патриарх Тихон, ныне причисленный к лику святых, в 1920 г. безоговорочно признал благотворность для внутренней жизни Церкви принципа ее отделения от государства. Церковь довольно быстро адаптировалась к новым условиям, выработала вполне эффективные экономические механизмы своего существования.

Что касается участия церкви в вооруженном противостоянии в Гражданскую войну, то, с одной стороны, были призывы Собора и патриарха ко всем враждовавшим сторонам проявить милосердие, покончить с братоубийственной войной, отказ патриарха благословить действия белых армий.

С другой стороны, к 1919 году в православных епархиях, находившихся под контролем белых войск, оказалось около двух с половиной десятков православных иерархов, в том числе два действовавших митрополита: Киевский – Антоний (Храповицкий) и Одесский – Платон (Рождественский). Уже к началу 1919 года в армии Деникина и на территории находившейся под его контролем, имелось более 500 священников, бежавших из Советской республики на юг. Среди духовенства, оказавшегося по своей воле на юге России, у весьма многих имелось осознанное желание принять участие в белом движении в качестве военных священников.

Помимо военного духовенства на занятых белогвардейцами территориях продолжали нести службу многочисленные приходские

священники, которые отнюдь не стремились настраивать верующие массы против белого движения. Напротив, в большинстве случаев они оказывали ему поддержку. Так, епископ уфимский Андрей приветствовал так называемый мятеж белочехов, начавшийся 25 мая 1918 года. Он возглавил молебен на центральной площади города, в ходе которого призвал население оказать всяческое содействие новой власти.

Однако тяжкая участь выпадала на долю тех архипастырей и пастырей, которые оставались на территории, переходившей в результате поражения белых войск под контроль Советов. Одна только лояльность духовенства белым властям рассматривались красными как контрреволюционное преступление; пение молебнов о победе белого оружия служило основанием для вынесения смертных приговоров или бессудных расправ.

Но подобная судьба ждала и большевиков, оказавшихся на территории, контролируемой белыми войсками – политических комиссаров и вообще членов ВКП(б), не признавали за пленных. В приказе Колчака говорилось: «Гражданская война по необходимости должна быть беспощадной. Командирам я приказываю расстреливать всех захваченных коммунистов. Сейчас мы делаем ставку на штык» [6].

Трагична была судьба попавших в плен к белым бывших офицеров царской армии, выбравших службу советской власти. В ноябре 1918 года Деникин отдал приказ, согласно которому «всех [офицеров], кто не оставит безотлагательно ряды Красной армии, ждёт проклятие народное и полевой суд Русской армии – суровый и беспощадный». Впоследствии он уверял, что приказ «был только угрозой» и «не соответствовал фактическому положению вещей». Факты, однако, упрямая вещь, и слово с делом у белогвардейцев не расходилось. Так, в октябре 1919 года под Орлом был раненым взят в плен служивший в РККА генерал-майор Антон Станкевич и, после отказа вступить в Добровольческую армию, был предан военно-полевому суду и повешен [4].

Таким образом, в действиях всех сил в годы Гражданской войны были именно политические мотивы. Большевики, а точнее Советская власть, боролась с церковью и ее представителями как с соперниками в борьбе за власть, а не как с носителями религиозной веры.

Церковь же через внутреннюю борьбу, усилиями митрополита Сергия заявила в 1927 году: «Мы хотим быть православными и хотим осознавать Советский Союз своей Родиной, радости которой – наши радости и печали которой – наши печали» [5]. В ходе Великой Отечественной войны она вновь стала опорой государства, вдохновителем нашей Победы.

Библиографический список

1. *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и Февральская революция. «Старая» и «новая» присяги // Русское знамя: сайт. URL: http://www.teopolitika.ru/?catid=7:2009-02-04-13-08-06&id=15:2009-02-07-19-11-01&Itemid=9&option=com_content&view=article) (дата обращения: 05.09.2024).
2. *Бурцев В.* Июль 1917-го: «квартирмейстеры» делают выбор В. Бурцев. Текст: электронный // Красная звезда: ежедневная электронная версия. 2010. 15 дек. http://old.redstar.ru/2010/12/15_12/5_01.html (дата обращения: 01.09.2024).
3. В РПЦ признали часть вины за Октябрьскую революцию // Интерфакс: сетевое издание. 2017. 1 марта. <https://www.interfax.ru/russia/551865> (дата обращения: 03.09.2024).
4. Как красные и белые поступали с пленными в Гражданской войне. Текст: электронный // Рамблер: медийно-сервисный интернет-портал. <https://weekend.rambler.ru/other/41296768-chto-delali-belye-i-krasnye-s-plennymi-vo-vremya-grazhdanskoj-voyny/> (дата обращения: 03.09.2024).
5. Послание заместителя патриаршего местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Священного Синода: («Декларация» Митрополита Сергия): Датировано 16/29 июля 1927 года. Текст: электронный // Древо: открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/2463.html> (дата обращения: 13.09.2024).
6. *Ратьковский И.С.* Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм, 2017. 462 с. http://militera.org/books/pdf/research/ratkovskiy_is01.pdf. Текст: электронный.

УДК 930.1

Н.А. Дмитриев,

ассистент, Тверской государственный университет (Тверь)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается политика советского государства и немецких оккупантов по отношению к церкви, проявления религиозной жизни на оккупированной территории и свободных от немцев районах Калининской области в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Калининская область, Великая Отечественная война, немецкая оккупация, духовенство, приход, верующие.

N.A. Dmitriev,
Assistant, Tver State University (Tver)

RELIGIOUS LIFE OF THE KALININ REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines the policy of the Soviet state and the German occupiers towards the church, the manifestations of religious life in the occupied territory and German-free areas of the Kalinin region during the Great Patriotic War.

Keywords: Kalinin region, Great Patriotic War, German occupation, clergy, parish, believers.

Большинство исследователей отмечают изменение государственно-церковных отношений с началом Великой Отечественной войны. В историографии называются разные причины перехода государства от конфронтации к диалогу с РПЦ: немецкая вероисповедная политика, патриотическая и благотворительная деятельность, которая развернулась с началом войны, открытое проявление религиозности населения [7, с. 578].

Следует отметить, что границы Калининской области / епархии изменялись на протяжении 1930–1940-х гг. за счет присоединения / исключения территорий Великолукской и Смоленской областей. После войны часть районов перешли в Новгородскую и Великолукскую области. Под немецкую оккупацию попали 40 из 69 районов Калининской области и 3 города областного подчинения из 7 – Калинин, Ржев, Великие Луки [9, с. 54, 55].

Религиозная политика нацистов на территории Калининской области была неоднозначной – с одной стороны, поощрение открытия храмов и введение Закона Божьего в школе, с другой – надругательство над святынями. Инициатива об открытии храмов шла от народа, так как вера за годы гонений не угасла, ему нужна была духовная поддержка во время войны.

В Калининской области, по данным уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви, на 1 августа 1944 г. немцами было открыто 11 церквей [1, л. 128], хотя подробности в документах не приводятся. В единичных случаях встречается строительство храмов в период оккупации. По воспоминаниям местных жителей, храм святителя Николая Чудотворца в д. Плёссы Бежаницкого района Псковской области (до 1944 г. район относился к Калининской области) построил во время оккупации не ранее 1942 г. «волостной Алексей Иванович Барканов, верующий добросердечный человек, вместе с мужиками из д. Селиваново из старых, но крепких амбаров» [18]. Жители Плёсса и окрестных деревень были рады этому событию.

Из донесения представителя штаба Западного фронта старшего лейтенанта Р.Д. Щемелева известно, что в Торопце немцы открыли три церкви [10, с. 224]. В г. Опочке, согласно донесению партизан от 23 августа 1941 г., в церкви служил поп Константинович, который до прихода немцев играл в духовом оркестре в летнем саду. Городское население и жители окрестных деревень в большом количестве посещало церковь [13, л. 68, 69].

Состояние религиозной жизни на оккупированной территории Калининской области затрагивается в докладной записке Калининского Штаба партизанского движения 4 управлению НКВД СССР от 1 июля 1943 г. Отмечена поддержка населением немецкой вероисповедной политики: «Для использования в своих целях религии, немцы с момента оккупации Калининской области начали успешно проводить агитацию за открытие церквей, производили ремонт церквей за счет населения, подыскивали священников. В своих газетах всячески иллюстрировали фотографии сосланных священников, перестроенные церкви и так далее. Население открытие церквей приветствовало» [17, л. 70, 71].

Открытые храмы немцы использовали в пропагандистских целях для расширения своего влияния. К примеру, из документов, захваченных партизанами при разгроме управы немецких оккупантов известно следующее: 5 марта 1942 г. Новоржевское уездное управление объявило населению, что в воскресенье 8 марта 1942 г. в Новоржеве возле церкви будет прочтен приказ Верховного главного командования «О роспуске колхозов». После этого в церкви будет отслужен благодарственный молебен. Сбор населения был назначен в 10 часов утра [16, л. 12].

Большая часть духовенства на оккупированной территории Калининской области, согласно донесениям партизан, относилась к немецким властям «не сочувственно», богослужения проводили «согласно своих священных книг, в большинстве случаев, не касаясь политической стороны, молились вообще». Священники церквей д. Неведрово и Жуково Невельского района деньги, которые собирали от богослужений с населения, вносили в партизанские отряды. Но были и исключения: священник церкви в д. Лобок Невельского района в проповедях восхвалял немецких захватчиков, большинство населения к нему относилось с презрением. Эту церковь посещали единицы [17, л. 70].

Агентурные материалы 4 отдела УНКВД по Калининской области свидетельствуют, что кроме открытия храмов, почти во всех оккупированных районных центрах немцами были открыты школы. В качестве одного из основных предметов изучался Закон Божий, для преподавания привлекались священнослужители [6, с. 273]. На предмете «пение» позволялось петь только русские народные и церковные

песни, пение песен политического содержания запрещалось [17, л. 61], в планах воспитательной работы отмечалась необходимость «научить детей молиться богу...» [6, с. 273].

Не следует преувеличивать степень лояльности оккупантов к православию и верующим. В ходе отступления немцы храмы взрывали, поджигали, разграбляли. По свидетельству настоятеля храма в с. Первитино Старицкого района о. Алексея Зеленева, «служба не прекращалась во время оккупации, но 18 января 1942 г. немецкие банды при отходе сожгли храм внутри» [12, л. 100]. После этого Зеленев вынужден был совершать богослужения по воскресным дням у себя на квартире без разрешения властей, в праздник Богоявления на освящение воды на улице собралось около 200 человек [4, л. 1 об.]. Сожжен был при немецком отступлении и Никольский храм в с. Емельяново Старицкого района, а Ильинский в г. Старице осквернен и разграблен [11, с. 423, 424].

Случаи кощунственного отношения немецких захватчиков к православным святыням отложились и в памяти верующих: «Наш Петропавловский храм в Селижарово немцы разрушили – сняли купола и крест, чтобы он не был ориентиром для обстрела» (Галина Ивановна К., 1938 г. р., д. Старая, Селижаровский район); «Немцы осквернили в д. Волговерховье храм и без того разрушенный» (Антонина Ивановна И., 1940 г. р., д. Люшино, Осташковский район) [8, № 198, 175].

В донесениях партизан зафиксировано глумление оккупантов над верой: «При занятии немцами деревень, очищая избы, они выбрасывали вместе с ненужными вещами на улицу и иконы, часто используя их для растопки печей» [17, л. 70]. В с. Городня Конаковского района немцы у священника заняли квартиру, отняли мебель, посуду и валенки, а верующую крестьянку связали и застрелили [11, с. 422].

Сразу после возникновения ведомства уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области туда начали активно поступать ходатайства верующих об открытии храмов. Так, только за 4 месяца 1944 г. поступило 500 заявлений об открытии 106 церквей [2, л. 1]. По данным уполномоченного, перед войной в Калининской области были зарегистрированы 25 церквей. В период войны открыто 56 церквей – из них 11 во время немецкой оккупации и 11 – по решению правительства СССР [1, л. 125], остальные – по решению местных органов власти.

На 20 апреля 1944 г. всего на учете уполномоченного по Калининской области состояла 571 церковь, из них действующих 64. Из 507 недействующих 305 использовались под культурные и хозяйственный нужды, 202 пустовали [2, л. 1]. Действующие церкви Калининской

области располагались неравномерно – больше всего на 1 августа 1944 г. их оказалось в районах, не подвергшихся оккупации – в Кашинском (9), Овинищенском (8), Молоковском (5), Кимрском, Завидовском, Удомельском (по 4). В 28 районах функционирующих церквей не было [2, л. 6].

На незанятых немцами и освобожденных районах Калининской области агитация в военные годы велась по следующим направлениям: укрепление дисциплины на фабриках и заводах, в колхозах засеивание сверх плана и уборка урожая без потерь, вера в разгром противника. Антирелигиозная пропаганда не являлась первоочередной задачей [14, л. 12].

Усиление проявлений религиозности в годы войны подтверждаются в первом после вступления в должность отчете уполномоченного Совета по делам РПЦ по Калининской области В.И. Хевронова за 1 квартал (по состоянию на 20 апреля) 1944 г. Торжественно и многолюдно прошла пасхальная служба в ночь с 15 на 16 апреля: «Пасхальная служба прошла во всех действующих церквях области. Посещаемость в сельской местности в среднем 750–1000 человек, в городах 1500–2000» [2, л. 1 об.]. Выделяется посещаемость церквей в с. Раевское, Дубровское Брусовского района – 1500 верующих, с. Селихово Конаковского района – около 3500, в с. Городня Завидовского района – 1500, в г. Калинин – 2000, Кашине – 1700, Бежецке – 1000. Примечательно, что из общего количества 25 % молодежь, 25 % среднего возраста, остальные – «старики» [15, л. 144 об.].

Совершались в военные годы богослужения и без священников. Около 70 верующих с. Матвеево Спировского района в пасхальную ночь 16 апреля 1944 г. пришли к недействующей церкви и совершали около нее религиозные обряды – «молились Богу, пели “Христос Воскрес”». В июле 1944 г. прошел крестный ход с пением «Христос Воскрес» от с. Завидово до Козлово [2, л. 2, 8]. В с. Кострецы Максатихинского района верующие обошли крестным ходом вокруг церкви, «чтобы бог спас деревню от пожара», в с. Башарово Максатихинского района служили три месяца сами «не желая иметь священника старого по возрасту». Выгон скота в поле сопровождался религиозными шествиями с иконами, особенно в Новоторжском районе [5, л. 20]. Встречалось религиозное поведение на фронте во время войны. Многие солдаты молились, матери зашивали в одежду крестики и пояски с текстом псалма 90 «Живый в помощи» [8, № 20, 119, 120, 151, 221, 238].

Во время войны и в послевоенные годы верующие Калининской области активно собирали деньги на помощь фронту, детям-сиротам, вкладывали свои средства в благотворительные фонды, произносились патриотические проповеди [3, л. 10 об.]. По данным уполномоченного, на 1 августа 1944 г. по Калининской епархии на приходах было собрано

602997 рублей в фонд обороны СССР, кроме того, верующие подписались на военный заем на 684425 рублей [1, л. 127]. В большинстве действующих церквей пасхальная служба 16 апреля 1944 г. сопровождалась сбором средств на оборону страны. В церквях Кимрского района собрано для обороны 17845 рублей, в с. Шульги Невельского района церковные службы предварялись колокольным звоном, прихожане делали подарки бойцам, находящимся в госпитале. Кроме сбора средств в храмах произносились патриотические проповеди с призывом к любви к Родине, помощи Красной Армии, благодарности Богу [2, л. 1 об., 2, 8]. О помощи фронту свидетельствуют и сами верующие. Например, жители д. Роги Осташковского района сдавали на нужды Красной армии яйца и молоко, в д. Дальнее Залучье указанного выше района – «хлеб по 100 г, чаю, по картофелине» [8, № 120, 130].

Таким образом, в Калининской области с началом Великой Отечественной войны и изменением государственно-церковных отношений произошла активизация религиозной жизни. На оккупированных территориях на это повлияла немецкая вероисповедная политика, на свободных от нацистов районах – желание вместе молиться о победе, умерших на войне, помогать фронту. Война дала импульс для активности верующих по вопросу открытия храмов Калининской епархии.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–6991. Оп. 2. Д. 13.
2. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАТО. Ф. Р–2723. Оп. 1. Д. 23.
6. Из докладной записки начальнику 4 управления НКВД СССР старшему майору государственной безопасности товарищу Судоплатову об административном устройстве и политико-экономическом состоянии оккупированных районов Калининской области // От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края. 1918–1998 / отв. сост. В.А. Смирнов, А.В. Борисов, М.В. Цветкова. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1998.
7. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011.
8. Леонтьева Т.Г., Беговатов Д.А., Дмитриев Н.А., Леонтьева О.Г. Банк данных: Религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях «детей войны». 1940–1950-е гг. Свидетельство о регистрации № 2023620533 от 9.02.2023. URL: <https://history.tversu.ru/pages/301> В ссылках указан номер респондента.
9. Перечень городов и районов Калининской области, временно оккупированных в годы войны // Тверские архивы в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: к 60-летию освобождения г. Калинина. Тверь, 2001.

10. Поведение немцев в тылу временно оккупированной зоны Советского Союза. 14 октября 1941 г. // От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края. 1918–1998 / отв. сост. В.А. Смирнов, А.В. Борисов, М.В. Цветкова. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1998.

11. Правда о религии в России. М., 1942.

12. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 9.

13. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 137.

14. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 456.

15. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 530.

16. ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637.

17. ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16.

18. Церковь Николая Чудотворца д. Плессы // Группа храма Вконтакте. URL: https://vk.com/nicola_plessy?from=search&w=club100053492 (дата обращения: 21.12.2024).

УДК 281.93(510)''1940/50''

Е.В. Дроботушенко,

директор гуманитарно-педагогического института
декан историко-филологического факультета,
Забайкальский государственный университет (Чита)

СОСТОЯНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В КИТАЕ В СЕРЕДИНЕ 1940-х гг.: ПО СЕКРЕТНОЙ ЗАПИСКЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С.К. БЕЛЫШЕВА

Аннотация. В статье характеризуется состояние православия в Китае в середине пятого десятилетия XX в. с точки зрения заместителя председателя Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) Сергея Константиновича Бельшева. Взгляды на ситуацию автором изложены в секретной записке на имя заместителя министра иностранных дел СССР тов. Я.А. Малика. В исследовании приводятся некоторые количественные данные, говорится о видении ситуации правящим архиереем архиепископом Виктором (Святым)

Ключевые слова: православие, духовенство, Китай, Восточно-Азиатский Экзархат, Виктор (Святин).

E.V. Drobotushenko,

Director of the Humanitarian and Pedagogical Institute
Dean of the Faculty of History and Philology
Transbaikal State University (Chita)

**THE STATE OF ORTHODOXY IN CHINA IN THE MID-1940s:
ACCORDING TO A SECRET NOTE BY DEPUTY CHAIRMAN
OF THE COUNCIL FOR THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
S.K. BELYSHEV**

Abstract. The article describes the state of Orthodoxy in China in the middle of the fifth decade of the XX century from the point of view of Sergey Konstantinovich Belyshev, Deputy Chairman of the Council for the Russian Orthodox Church (ROCh). The author's views on the situation are set out in a secret note addressed to the Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR, Comrade Ya.A. Malik. The study provides some quantitative data and talks about the vision of the situation by the ruling bishop, Archbishop Victor (Svyatin).

Keywords: Orthodoxy, Clergy, China, East Asian Exarchate, Victor (Svyatin).

История православия в Китае в середине пятого десятилетия XX в. в определенной степени нашла отражение на страницах научных публикаций [2; 3; 4; 5 и др.]. В то же время можно с уверенностью говорить о том, что в полной мере она не воссоздана, имеются скорее выдержки из названной истории, характеристики отдельных фактов, явлений, личностей.

Архивные хранилища и сегодня дают нам интереснейшую информацию по проблематике, заявленной в названии статьи. Она представлена в самых разных документах, одним из которых является секретная записка заместителя председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Сергея Константиновича Бельшева на имя заместителя министра иностранных дел СССР тов. Якова Александровича Малика. Данный документ относится к фонду 1106 «Переписка МИД СССР по вопросам заграничной деятельности церкви по Дальнему Востоку (Китай, Япония, Корея). 1953» первой описи «Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965» фонда Р6991 «Совет по делам религий при Совете Министров ССР. 1931–1991». В заголовке дела читаем: «Справочные сведения о переписке МГБ ССР по вопросам церкви» [1].

Записка отпечатана на машинке, подписана помимо С.К. Бельшева, заведующим заграничным отделом Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Т. Уткиным. В дате составления документа стоит 28 марта и через прочерк «3» [Там же, л. 7]. Опираясь на то, что все дело, к которому относится анализируемый документ от 1953 г., можно предположить, что и записка составлена 28 марта 1953 г.

В приводимых ниже выдержках из письма, используется транскрипция из источника.

Самым важным при оценке документа, по нашему мнению, является не основная его часть, в которой излагаются отчасти широко известные факты, хотя и этой части встречается интересная информация, а заключением, в котором авто от лица Совета по делам РПЦ просит Министерство иностранных дел ответить на несколько вопросов в связи с изменением общей ситуации.

В начале записки автор дает краткие общие и широко известные данные. Он пишет, что для управления православными приходами в Китае, а также проведения там миссионерской деятельности православной церкви Московский Патриархат имеет там экзархат и духовную миссию. Экзархат и миссия располагали «большим движимым и недвижимым имуществом». До 1945 г. православные приходы и миссия подчинялись «раскольничьему “архиерейскому заграничному синоду” (карловчане)». В 1945 г. приходы и миссия признали юрисдикцию Московской Патриархии [Там же, л. 7].

Далее речь идет о том, что в лоно Московского Патриархата перешло подавляющее большинство православного духовенства в Китае, в том числе Экзарх и Начальник русской духовной миссии архиепископ Виктор (Святин) и его заместитель епископ Никандр (Викторов) [Там же].

Интересным для исследования истории православной церкви в Китае представляется упоминание объемов средств, выделяемых ежемесячно Московским Патриархатом на содержание экзархата и духовной миссии. Речь шла о 3600 руб. в китайских юанях, что в год составляло 43200 руб. в китайских юанях [Там же].

Важными, на наш взгляд, являются рассуждения о создании самостоятельно китайской православной церкви. Идея об этом, как отмечается в записке была высказана Патриархом Алексием (Симанским) во время обсуждения доклада «Положение Русской Православной Церкви в Китае», сделанного Экзархом Восточно-Азиатского экзархата, Начальником русской духовной миссии архиепископом Виктором (Святиным) во время его приезда в Москву в 1950 г.

Отмечается, что после возвращения в Китай Виктор (Святин) сделал несколько шагов в сторону усиления православия в среде китайцев. Он стал посещать китайцев, «даже недостаточно подготовленных в священники и назначать их вторыми священниками в русские приходы, организовал перевод церковно-служебных книг на китайский язык, открыл школу на 250 человек детей, где в качестве обязательного предмета введен «закон божий» и т. д. [Там же, л. 8].

Насколько названная деятельность была реально активной и могла принести плоды, сказать сложно, тем более, что сам Виктор (Святин)

высказывал сомнения и опасения, что «...преждевременная организация самостоятельной китайской церкви при отсутствии китайских приходов, богословски образованных кадров епископов и священников из китайцев, церковной литературы на китайском языке и переводчиков, хорошо знающих китайский и славянский языки, при отсутствии материальной базы, может привести к тому, что китайская православная церковь делается добычей инославных церквей, располагающими более подготовленными кадрами и материальными средствами [Там же].

Автор записки отмечает, что русское духовенство в своем большинстве идею создания самостоятельной китайской православной церкви не поддерживает и никакой работы в этом направлении не ведет [Там же].

В документе акцентируется внимание на том, что активную работу по приобретению самостоятельности ведет епископ Шанхайский Симеон (Ду). Будучи не довольным работой Виктора (Святина) он занимался организацией самостоятельной китайской православной церкви без его ведома, для чего разослал священникам и православным – китайцам по происхождению в Харбинской и Пекинской епархиях свое обращение об этом и анкету с вопросами об их отношении к идее [Там же, л. 8].

Помимо названной большой проблемы с организацией самостоятельной китайской православной церкви, в записке называлась и еще, не менее значимая. Это не ясный правовой статус Восточно-Азиатского Экзархата. Возникал вопрос его деятельности на территории Китая (миссионерской, благотворительной, учебно-воспитательной и издательской). Власти Китайской Народной Республики официально не признали архиепископа Виктора (Святина) Экзархом и Начальником духовной миссии [Там же, л. 9].

И наконец, заключение записки. В нем, с учетом социально-политических изменений в Китае в последние годы, Совет по делам РПЦ просит через Министерство иностранных дел СССР выяснить мнение Посольства СССР в Китае относительно ряда вопросов. Также выражается просьба через посольство выяснить мнение относительно тех же вопросов Правительства Китайской Республики:

1. «Как смотрит Правительство Китайской Народной Республики на существование экзархата и миссии русской православной церкви и если считает возможным и целесообразным дальнейшее их существование, то в каком направлении должна вестись работа...

2. Следует ли Московской патриархии вести в Китае миссионерскую деятельность по обращению китайцев в православие и иметь для этой цели духовную миссию с ее благотворительной, издательской и учебно-воспитательной работой и целесообразно ли оказывать денежную помощь эмигрантскому духовенству.

3. Целесообразно ли поддерживать мысль об организации самостоятельной китайской православной церкви и оказывать материальную поддержку в проведении этого мероприятия.

4. Как целесообразнее разрешить вопрос об имуществе, принадлежащем экзархату и миссии» [Там же, л. 9].

Поставленные в рассматриваемом документе вопросы, по сути, полностью отражали проблемные чаяния православной церкви в Китае в рассматриваемые годы. От ответа на них зависело дальнейшее существование экзархата и духовной миссии. Это понимали представители советской власти и искали пути выхода из сложившейся ситуации. В то же время, на наш взгляд, риторика вопросов сама подводила к отрицательным ответам на них.

По получению ответом от посольства Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР планировал дать соответствующие рекомендации Московскому Патриархату [Там же].

В документальном виде ответы на вопросы нами в архивных хранилищах, на сегодня, не встречены, однако дальнейшая судьба православной церкви Московского Патриархата в Китае говорит о том, что ответы были очевидны.

Таким образом, можно уверенно говорить о том, что рассмотренный в исследовании документ дает дополнительные материалы к истории православной церкви в Китае. В совокупности с иными аналогичными записками, отчетной документацией он позволяет более полно воссоздать картину состояния православия в Китае переходное для него время середины XX в.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1106.
2. *Дацзышен В.Г.* История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
3. *Священник Дионисий Поздняев.* Православие в Китае (1900–1997 гг.) // Православие в Китае. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1998. 277 с.
4. *Дионисий (Поздняев).* Китайская Православная Церковь на пути к автономии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4. С. 125–134.
5. *Священник Дионисий Поздняев, Прозорова Г.В.* Восточноазиатский Экзархат // Православная энциклопедия: в 75 т. / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (электронная версия). М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 9. Владимирская икона Божией Матери – Второе пришествие. С. 473–475.

Игумен Агафангел (Гагуа),

Помощник Митрополита, Представительство Митрополичьего Округа Русской Православной Церкви в Республике Казахстан в г. Москва, д-р мед. наук, кандидат богословия, профессор, проректор Алма-Атинской православной духовной семинарии (Республика Казахстан)

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ АЛМА-АТИНСКОЙ ЕПАРХИИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о времени и обстоятельствах учреждения Алма-Атинской епархии в контексте общих исторических процессов эпохи; показаны разные точки зрения на время ее образования в качестве самостоятельной епархии Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: Алма-Атинская епархия, г. Верный, г. Алма-Ата, епископ Лев (Черепанов), архиепископ Тихон (Шарапов).

Hegumen Agafangel (Gagua),

The assistant to the Metropolitan in the Office of the Metropolitan District of the Russian Orthodox Church in the Republic of Kazakhstan in Moscow; Doctor of Medicine, Candidate of Theology, professor, Vice Rector of Alma Ata Orthodox Theological Seminary (Republic of Kazakhstan)

ON THE FORMATION OF THE ALMA ATA DIOCESE

Abstract. The article examines the issue of the time and circumstances of the establishment of the Alma Ata diocese in the context of the general historical processes of the era; shows different points of view on the time of its formation as an independent diocese of the Russian Orthodox Church.

Keywords: Alma Ata diocese, Verny, Alma Ata, Bishop Lev (Cherepanov), Archbishop Tikhon (Sharapov).

В «Православной энциклопедии» утверждается, что «первая самостоятельная епархия в Казахстане с центром в Алма-Ате учреждена в 1927 г.» [14]: «В 1871–1916 гг. г. Верный (с 1921 Алма-Ата) был центром учрежденной в 1871 г. Туркестанской и Ташкентской епархии. После перемещения в декабре 1916 г. кафедры в Ташкент Верный стал центром Семиреченского и Верненскоговикариатства, в состав которого вошла территория Семиречья (Джетысу) на юго-востоке Казахстана. В 1927 г. викариатство было преобразовано в самостоятельную Алма-Атинскую и Туркестанскую епархию, правящим архиереем которой митр. Сергей (Страгородский) назначил епископа Льва (Черепанова)» [14].

Преемник епископа Льва на Алма-Атинской кафедре, епископ Алма-Атинский Герман – управляющий Алма-Атинской епархией в 1930–1932 гг. – вызывался для участия в зимней сессии Патриаршего Священного Синода 1932–1933 гг. в качестве его временного члена [7].

Архиепископ Тихон (Шарапов), будучи последним Алма-Атинским архиереем периода открытых антицерковных репрессий, написал краткий очерк, посвященный положению Алма-Атинской епархии в 1937 году, который был опубликован в изданной Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом книге «История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г.» [9], также публиковался О.И. Ходаковской [13, с. 17–21].

Архиепископ Тихон (Шарапов) вел начало истории Алма-Атинской епархии не с 1927 года, когда она была образована как самостоятельная епархия, а с 1871 года, когда была образована Туркестанская епархия с центром в городе Верном. Он сознательно или ошибочно включает во время существования епархии и период с 1917 года, когда Туркестанская кафедра была перенесена в Ташкент, а в Верном образована викарная кафедра, в период существования самостоятельной Алма-Атинской епархии. С этого момента он вел двойную нумерацию архиереев: от момента образования Туркестанской епархии и от момента появления Верненской кафедры. Поэтому первый управляющий Алма-Атинской епархией епископ Лев (Черепанов) по его подсчетам оказался тринадцатым (третьим) [13, с. 17–18]. Впрочем, есть точка зрения, что то, что архиепископ Тихон «не дробит список иерархов, не следует за переименованием кафедры, за перенесением ее изначального именования в иной град, последовательность имен архиереев у него не прерывается и когда статус кафедры понижается и из самостоятельной она становится на некоторое время викарной», наоборот, делает его работу имеющей «немаловажное методологическое значение для церковной истории и истории церковной иерархии в частности» [9, с. 895].

Исходя из вышеизложенного, представляется правомочным и ведение истории Алма-Атинской епархии с 1871 года (с десятилетним перерывом в 1917–1927 гг., когда она была викариатством) и с 1927 года.

Изучение положения Русской Православной Церкви в Казахстане в конце 1920-х – 1930-е гг. показывает, что, как и в целом в СССР, система епархиальных управлений в этот период была разрушена. К этому времени ни епархиальные, ни викарные архиереи не имели уже реальных возможностей управления, а число действующих приходов постоянно уменьшалось.

Согласно совместного постановления Наркомюста и НКВД РСФСР от 19 июня 1923 года «Инструкция по вопросам, связанным с проведением Декрета об отделении Церкви от государства» «...ни одна религиозная организация не имеет право вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли» [8, с. 66] – то есть государство не просто не признавало иерархического церковного устройства, но и на нормативно-правовом уровне побуждало не признавать его местные религиозные организации. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1929 года «О религиозных объединениях» предусматривало возможность проведения религиозными объединениями съездов с созданием исполнительных органов (пп. 20–24), однако фактически без прав реального управления местными религиозными объединениями. Положения, существовавшие в РСФСР, при отсутствии единого союзного законодательства, регулирующего эти вопросы, распространялось и на союзные республики.

10 июня 1926 года заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) обращался с заявлением в НКВД СССР в том числе с просьбой «дать распоряжение о регистрации местными административными органами местной староцерковной иерархии: епархиальных и викарных архиереев» [4, л. 18]. Однако его просьба не была удовлетворена, а сам он в ноябре 1926 года был арестован по обвинению в попытке провести тайные выборы патриарха [12]. 30 марта 1927 года он был освобожден из под ареста.

20 мая 1927 года административный отдел НКВД выдал справку, что информация о Временном Патриаршем Синоде принята к сведению, «препятствий к деятельности органа впредь до утверждения его не встречается» [1, с. 499]. 27 мая Синод предписал епархиальным архиереям обратиться в органы местной власти с заявлениями «о регистрации их, Преосвященных, с состоящими при них епархиальными советами, <...> равно и о регистрации Преосвященных викариев» [1, с. 499–500].

Однако в отношении регистрации епархиальных управлений 17 ноября 1927 года был разослан циркуляр Наркомата внутренних дел РСФСР, в котором в частности говорилось о том, что «...в настоящих условиях следует воздержаться от выдачи каких-либо справок о регистрации т[ак] н[азываемых] епархиальных управлений или о принятии к сведению списков членов этих организаций. Однако в тех случаях, когда по обстоятельствам времени и места кой-где могут возникнуть епархиальные управления, административные отделы, не регистрируя таковых, вместе с тем не должны и препятствовать их функционированию» [5, л. 40]. Как отмечает историк П.В. Каплин, «сведения о регистрации епархиальных управлений в современных исследованиях фактически не приводятся» [10, с. 119].

Нужно также принять во внимание, что обновленцы пытались следить за тем, чтобы их административные структуры соответствовали государственному административному делению. В Казахстане в 1931 году существовала отдельная Казахстанская митрополия обновленцев в составе 7 епархий, которую возглавлял обновленческий митрополит Мелхиседек Николаев [11]. В этих условиях, и митрополит Сергей считал необходимым сделать крупные административные центры имеющими статус епархий, а не викариатств. 27 декабря 1928 года митрополит Сергей выступил на Синоде с тем, что «наступило время для разрешения вопроса об учреждении в Патриаршей Церкви в СССР церковных округов, в соответствии новому гражданскому делению на области и округа <...> некоторые (окружные) викариатства придется постепенно преобразовать в самостоятельные епархии» [6, с. 220].

А 12 марта 1934 года митрополит Сергей сообщил на Синоде: «Определением нашим от 27 декабря 1928 года <...> некоторые полусамостоятельные епископии получили право самостоятельных» [6, с. 218]. На этом заседании Синода были приняты решения о статусе и полномочии «областных архиереев» [6, с. 221], своего рода аналог современных митрополий Русской Православной Церкви. На этом заседании Синода были перечислены и те епархии Казахстана, которые объявлялись самостоятельными: Алма-Атинская в Алма-Атинской области, Семипалатинская в Восточно-Казахстанской области, Уральская в Западно-Казахстанской области, Петропавловская в Карагандинской области, Кустанайская в Актюбинской области [6, с. 222]. Таким образом, де-юре в Казахстане в 1934 году были утверждены как самостоятельные 5 епархий, но де-факто с 1937 года они не замещались, а уже к концу 1930-х гг. в Казахстане «не осталось ни одного действующего православного храма, священники тайно совершали литургии в частных домах» [14].

Географические рамки территорий, входивших в каноническую юрисдикцию первых Алма-Атинских архиереев, были невелики. Про епископа Льва (Черепанова) известно, что его «полномочия не выходили за пределы Семиречья» [14]. В 1944 году начавшими открываться на территории Казахской ССР православными приходами временно управлял епископ Ташкентский и Среднеазиатский Кирилл (Поспелов). В 1945 году была восстановлена Алма-Атинская и Казахстанская епархия, включившая в себя почти всю территорию Казахской ССР. С 1947 по 1955 г. возобновляла свою деятельность Семипалатинская епархия, с 1957 по 1960 г. Петропавловская, но уже на 1 января 1961 года, как писал недавно назначенный управляющим епархией архиепископ Иосиф (Чернов) «В состав Алма-Атинской епархии ... входит весь

Казахстан» [2, л. 1]. Появление в Казахстане епархий кроме Алма-Атинской произошло только в конце советского периода истории. Решением Священного Синода от 31 января 1991 года на территории Казахской ССР были образованы три самостоятельные епархии – Алма-Атинская, Чимкентская и Уральская [3, л. 2]. Это было негативно воспринято руководством Казахстана. 15 ноября 1991 года архиепископ Алексей (Кутепов) был принят Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым [3, л. 17]. В ходе этой встречи Нурсултан Абишевич Назарбаев, по словам архиепископа Алексея (Кутепова), оценил «образование трех самостоятельных, не объединенных единой внутриреспубликанской структурой епархий дестабилизирующим началом, вокруг которого группируются различные националистические движения и партии. По его мнению, в современной ситуации необходимо иметь единый духовный центр в Алма-Ате, объединяющий все структуры православных религиозных объединений республики» [3, л. 17–18]. Однако Митрополичий Округ Русской Православной Церкви в Республике Казахстан появился лишь существенно позднее – он был образован решением Священного Синода 7 мая 2003 года.

Библиографический список

1. Акты Святейшего Патриарха Тихона Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сб. в 2 ч. / сост. М.Е. Губонин. М., 1994. 1064 с.: ил.
2. Архив Митрополичьего Округа в Республике Казахстан (АМО РПЦ РК). Отчет по Алма-Атинской епархии за 1960 год.
3. АМО РПЦ РК. Отчет по Алма-Атинской епархии за 1991 год.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263.
5. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1730.
6. Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. Издательский совет Русской Православной Церкви. М., 2001. № 20–21. 1934.
7. Журнал Московской Патриархии. 1932. № 11–12.
8. Законодательство о религиозных культах: (Сборник материалов и документов). 2-е изд., доп. М.: Юрид. лит., 1971. 335 с.
9. История иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М.: Православный Свято-Тихоновский государственный университет, 2006. 926 с.
10. Каплин П.В. Легализация православной церкви в СССР: правда и вымысел // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 116–120.
11. Пидгайко В.Г. Православие в Казахстане // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1319864.html> (дата обращения: 25.12.2024).

12. Сергей // Большая Российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/3658111 (дата обращения: 26.12.2024).

13. Тихон (Шарапов), еп. Алма-Атинская епархия в 1937 году. Публикация Ольги Ходаковской // Восток свыше. Духовный литературно-исторический журнал. Ташкент. 2015. № 4. Ноябрь-декабрь. С. 17–21.

14. Ходаковская О.И. Астанайская и Алматинская епархия. <https://www.pravenc.ru/text/76700.html> (дата обращения: 25.08.2024).

УДК 93/94+69.01

Ю.А. Лабынцев,

ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

ВИТЕБСКОЕ И МОГИЛЕВСКОЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА И ИХ ОРГАНИЗАТОР Е.Р. РОМАНОВ (ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. В статье на материалах различного рода источников, в том числе архивных, рассматривается история создания известным белорусским ученым Е.Р. Романовым (1855–1922) Витебского и Могилевского церковных музеев в 1890-е – начале 1900-х гг.

Ключевые слова: Православие, церковные музеи, Полоцко-Витебская и Могилевская православные епархии.

Ju.A. Labyntsev,

Leading research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

VITEBSK AND MOGILEV DIOCESAN ANCIENT REPOSITORIES AND THEIR ORGANIZER E.R. ROMANOV (THE LAST YEARS OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES)

Abstract. The article uses materials from various sources, including archival ones, to examine the history of the creation of the Vitebsk and Mogilev Church museums by the famous Belarusian scientist E.R. Romanov (1855–1922) in the 1890s – early 1900s.

Keywords: Orthodoxy, church museums, Polotsk-Vitebsk and Mogilev Orthodox dioceses.

Подготавливая в конце 1980-х – начале 1990-х гг. по благословению Патриаршего Экзарха всея Беларуси митрополита Филарета историко-справочное издание, посвященное тысячелетию Полоцкой епархии

и Православия на белорусских землях [9], мы специально заинтересовались судьбой первых православных музеев на Витебщине. К сожалению, за прошедшие годы до сих пор каких-либо обстоятельных работ об этой интереснейшей стороне культурно-научной и религиозной жизни огромного Полоцко-Витебского края так и не появилось, хотя общее число небольших статей и различного рода заметок, часто не безосновных, опубликовано уже немало. (В качестве редкостного положительного примера таких небольших публикаций самого последнего времени, написанных на основе в том числе оригинального архивного материала, можно привести статью Н.Ю. Шарковской [20, с. 105–110]). Очень важно, что сейчас в Витебске церковные власти и православная общественность пытаются как бы воссоздать былое Витебское епархиальное древлехранилище в виде особого «Церковно-археологического музея Витебской епархии» [18, с. 90–91], в чем определенную помощь стараются им оказать и городские светские власти.

Зимой 1912 г. известный белорусский православный деятель П.М. Красовицкий с некоторою горечью и большой надеждой на будущее писал: «И много пройдет еще времени, пока у нас в среде духовенства и православного народа привыкнут различать существенное от второстепенного, ... ценить и уважать родную Белорусскую старину и беречь памятники искусства, какому бы вероисповеданию и народу они не принадлежали... К счастью для нашей Белорусской церковной старины, наряду с разрушительным, привнесенным извне, течением, возникло и другое течение в сторону бережного и любовного отношения ко всему родному» [5, с. 48]. Это течение, возникшее «в среде уроженцев Белоруссии, трудившихся на разных поприщах государственной и общественной службы в родном крае», в число самых деятельных его представителей выдвинуло и выдающегося белорусского ученого-гуманитария и педагога Евдокима Романовича Романова (1855–1922), инициатора создания целого ряда музеев, в том числе трех церковных древлехранилищ [7, с. 63–73; 8, с. 59–74].

Самым первым из них было Витебское, развернувшее свою работу в середине 1890-х гг. [11], вторым – Могилевское, активизировавшееся несколькими годами позднее. И в первом, и во втором случае главным деятелем по продвижению идеи организации этих музеев являлся Е.Р. Романов, о чем он сам, правда, иногда анонимно, всегда признавался [4, с. 222–236] и что подтверждается его личными многочисленными архивными и опубликованными документами, в которых речь идет об устройении «местных церковных хранилищ» музейного типа [13, с. 9]. Е.Р. Романов был и едва ли не главным автором концептуальных основ Витебского древлехранилища, во всяком случае, точно, одним из

основных, а также одним из самых первых дарителей музея и участников специальных музейных экспедиций по собиранию памятников старины [12, с. 656–657]. После отъезда в начале 1895 г. Е.Р. Романова из Витебска его связь с Витебским древлехранилищем не прекращается. Он, как «почетный член, удостоенный этого звания за особую... любовь к местным древностям,... учредитель древлехранилища, собравший несколько сот предметов» [17, с. 397], продолжает оказывать свое влияние на музей и в дальнейшем, хотя само древлехранилище, просуществовавшее вплоть до 25-летнего юбилея [19, с. 5–7], уже не могло похвастаться приобретением таких значимых памятников церковной старины как это было в первые годы его существования в бытность Е.Р. Романова.

Тогда, например, в Древлехранилище появилось «Евангелие на престольное... Рукопись XV века», переписанное уставом с множеством маргиналий, в том числе 1645 г. о принадлежности «церкви Шерешевской Рождества Пресвятой Богородицы оправленное... коштом и накладом... Савы Оникеевича», а также с целым рядом других весьма информативных вкладных записей, раскрывающих богатейшую историю этой весьма объемной и богато украшенной книги, переместившейся за несколько столетий из западнобелорусских пределов в «Городокскую церковь Велижского уезда», нынешнее пограничье Смоленской и Псковской областей России [15, с. 47–49]. Из Троицкой церкви Маркова монастыря в Древлехранилище был пожертвован деревянный восьмиконечный крест – свидетель сложных противоуниатских борений витебских православных с надписью 1691 г. на его лицевой стороне: «Сей храм благословением преосвященного... Лазаря Барановича,... Архиепископа Черниговского, благочестивым иеромонахом Феофаном Ивановичем, игуменом сего монастыря Марковского... освятися» [14, с. 28]. Тогда же в Древлехранилище поступило большое число различного рода памятников униатского времени, например, грамота польского короля Станислава Августа, данная осенью 1768 г. виленским базилианам на перенос их типографии в Витебск [16, с. 87–89], что практически не могло уже состояться в условиях приближавшегося в 1772 г. первого раздела Речи Посполитой, а затем в дальнейшем и закрытия самого Витебского базилианского монастыря. Грамота эта ныне берегается в фондах Витебского областного краеведческого музея [1, с. 70–71], в котором со временем оказались и некоторые другие предметы из фондов Древлехранилища.

После перевода Е.Р. Романова на службу в Могилевскую губернию он подает в январе 1896 г. могилевскому архиерею Евгению записку о необходимости учреждения собственного епархиального древле-

хранилища, что уже через год удастся начать осуществлять с помощью Могилевского Богоявленского братства. При этом сам Евдоким Романович вплоть до конца 1906 г. является административным руководителем Могилевского древлехранилища, а также едва ли не главным его спонсором. Как инспектор народных училищ Могилевской губернии и редактор неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей» он тратит много сил на борьбу с чиновничьим произволом и в конце концов впадает в немилость к местному губернатору, одну из причин этого Е.Р. Романов раскрывает в своей рукописной басне «Волк и козел»: «Ах, это белорус, что горы книг издал для белорусов. И разбудил у них самосознание. Вы больше занимаетесь наукою, чем службой» [2, с. 134]. Несмотря на все трудности Е.Р. Романову удастся добиться перемещения Древлехранилища из небольшой комнатки при Воскресенской церкви в новое здание, где осуществилось еще одно, повторное, открытие Могилевского церковного музея в декабре 1904 г. [10, с. 592]. Знаменателен научный доклад, сделанный на открытии хранителем музея В.В. Доброславским об истории Древлехранилища, опубликованный затем в «Могилевских губернских ведомостях» и «Могилевских епархиальных ведомостях» [3, с. 24–29]. В докладе, в частности, с грустью отмечается, что инициатор создания музея Е.Р. Романов долгое время «остаётся один..., благодаря которому приток новых поступлений не прекращается». Евдокиму Романовичу удастся отыскать для музея большое число церковных памятников, многие из которых были весьма важны не только для местной церковной истории, среди них рукописные и старопечатные книги, огромное число разнообразных архивных документов, иконы, различные церковные предметы, пожалованные московскими царями в белорусские монастыри, подлинные грамоты свв. Георгия Конисского и даже его митра.

К началу I Мировой войны в Могилевском музее церковных древностей находилось уже несколько тысяч предметов, а также свыше четырех тысяч различного рода и объема документов, в том числе ценнейшие подлинные рукописные источники, отражающие события восстановления православной жизни на белорусских землях в XVIII в., включая принадлежавшие свв. Георгию Конисскому. С каждым годом музей все активнее посещается и в 1916 г., когда в Могилеве находилась Ставка Верховного главнокомандующего императора Николая II, даже издается специальный путеводитель по музею [6]. В эти годы непосредственная связь Евдокима Романовича с Могилевским краем заметно ослабевает, он несколько лет пребывает в Вильно, некоторое время живет в Одессе и Витебске, и только в течение ряда месяцев военного времени проживает в Могилеве. Все эти сведения, часто с большими

подробностями, в том числе касающимися его музейной работы, содержатся в многочисленных рукописных материалах самого Е.Р. Романова, сохранившихся в архивах нескольких стран, правда, часто в весьма разрозненном виде.

В наши дни стараниями православной общественности и священства Могилевской епархии в организованном в Могилеве Духовно-просветительском центре имени святителя Георгия Конисского создан церковно-археологический кабинет, который можно считать и прямым наследником давнего Могилевского музея церковных древностей, основанного Е.Р. Романовым.

Библиографический список

1. Абрамава І. Грамата Станіслава Аўгуста базыльянам Літоўскай правінцыі 1768 года // Віцебскі сшытак. Віцебск, 1996. № 2.
2. Бандарчык В.К. Еўдакім Раманавіч Раманаў. Мінск, 1961.
3. Доброславский В. Историческая записка, читанная при открытии Могилевского церковно-археологического музея 18 декабря 1904 г. // Могилевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная (далее МЕВ). 1905. № 1.
4. Историко-археологические музеи С.-З. Края // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. Вильна, 1910. Кн. I.
5. Красовицкий П. Памятники церковной старины в Витебской губернии и их сохранение // Полоцко-Витебская старина. Витебск, 1911. Кн. 1.
6. Краткий путеводитель по Могилевскому музею церковных древностей 1916 г. Могилев, 1916.
7. Лабынцев Ю. Древлехранилище Литовской православной епархии, основанное в начале XX в. в Вильно и его создатель Е.Р. Романов // Традиции и современность. 2024. № 37. С. 63–73. DOI:10.33876/2687-119X/2024-37/64-73
8. Лабынцев Ю. Евдоким Романов – создатель предтечи Белорусского музея в Вильнюсе // Vilniaus kultūrinis gyvenimas. Вып. 7. Vilnius, 2013.
9. Лабынцев Ю.А., Толкачева (Щавинская) Л.Л. Полоцк – колыбель Православия на Беларуси. Минск-Полоцк: БПЦ, 1992.
10. МЕВ. 1904. № 36.
11. Национальный исторический архив Беларуси в Минске. Ф. 2502. Витебский губернский статистический комитет. Оп. 1. Ед. хр. 797.
12. Полоцкие епархиальные ведомости Часть неофициальная (далее ПЕВ). 1896. № 14.
13. ПЕВ. 1897. № 24.
14. ПЕВ. 1898. № 10.
15. ПЕВ. 1898. № 11.
16. ПЕВ. 1899. № 22.
17. ПЕВ. 1908. № 40–41.
18. Півавар М.В. Музеі Віцебска на пачатку XXI ст. Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2012.

19. Пр. С.А. Витебский церковно-археологический музей (К 25-летию его существования) // Витебское церковно-общественное слово. 1918. № 6.

20. Шарковская Н.Ю. Евдоким Романович Романов и витебские музеи // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў. Новаполацк, 2021.

УДК 274.5

В.П. Литвинов,

доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец);
старший научный сотрудник, Институт стратегического анализа и прогноза
Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (Бишкек)

ДУХОВЕНСТВО НА ОКРАИНЕ ИМПЕРИИ: ВОЕННЫЕ СВЯЩЕННИКИ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

Аннотация. Институт военного духовенства в российской армии кроме сугубо утилитарного назначения имел и важный политический смысл. Военные первыми водружали знамя Российской империи на завоеванных территориях, а военное духовенство утверждало там духовную власть господствующей конфессии в государстве.

Ключевые слова: военное духовенство, Средняя Азия, Туркестанское генерал-губернаторство.

V.P. Litvinov,

Associate Professor, I.A. Bunin Yelets State University (Yelets);
Senior Researcher, Institute of Strategic Analysis and Forecasting,
B.N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek)

CLERGY ON THE OUTSKIRTS OF THE EMPIRE: MILITARY PRIESTS IN THE TURKESTAN REGION

Abstract. The institution of military clergy in the Russian army, apart from its purely utilitarian purpose, had an important political meaning. The military was the first to plant the banner of the Russian Empire in the conquered territories, and the military clergy there asserted the spiritual authority of the dominant denomination in the state.

Keywords: military clergy, Central Asia, Turkestan General Government.

Православие на всех этапах российской истории играло важную роль в духовно-нравственном окормлении российского воинства. Примеры присутствия священнослужителей в княжеских дружинах известны

нам еще по летописям. Выдающийся российский историк Татищев сообщает, что во время противостояния за киевский престол в середине XII в. между Юрием Суздальским (Долгоруким) и Изяславом Мстиславовичем последний «приговорил всех Чернецов и Церковников наряжать, и ходили» [8, с. 371]. В тяжелейший период русской истории, во время монгольского нашествия, православное духовенство стало объединяющей силой для разрозненного русского воинства. Значимым событием этого периода нашей истории стало благословление Сергием Радонежским московского князя Дмитрия Донского на битву с Мамаем и направление ему в помощь монахов, находившихся под его духовным влиянием. Количество монахов точно не известно, поскольку исторические источники, повествующие о Куликовской битве, включая «Сказание о мамаевом побоище» и «Задонщину» не дают конкретных цифр. Часть историков склонны предполагать, что их могло быть десятки и даже сотни. Однако предание достоверно зафиксировало имена двух монахов – Александра Пересвета и Андрея Аслябе, которые отличились в этой битве. Это факт русской истории является не только важным моментом церковной истории, но и одним из главных примеров гражданского патриотизма, нашедший свое отражение даже в советских школьных учебниках истории.

Процесс укрепления русской государственности, в котором Русская Церковь сыграла известную роль, привело к тому, что взаимодействие государства и церкви стало носить более системный и организованный характер. Известно, что первый русский царь Иван IV во время похода на Казань в 1552 г. задействовал целый штат священнослужителей и монахов, которых возглавлял личный духовник царя – протопоп Андрей [2, с. 33]. Вообще, поход на Казань был обставлен как «крестовый поход». Иван Грозный взял в поход хоругвь с Нерукотворным образом Спасителя и крест, которые были с Дмитрием Донским на Куликовом поле, после взятия города отправил туда миссию под началом святителей Гурия и Варсонофия, а в 1555 г. учредил Казанскую кафедру [3, с. 99–102].

В конце XVI – начале XVII в. священники при воинских формированиях встречались еще редко. Как указывают источники, при стрелецких полках служили в основном бесместные попы, которых привлекали для укрепления морального духа и утешения в горе и страдании. Первые упоминание о назначениях властью священников в воинские формирования встречаются в царствование Алексея Михайловича (1645–1676), однако это еще было скорее исключением, чем правилом [1, с. 42].

Важным моментом в отношениях Русской церкви и государства стали реформы Петра I (1682–1725), который реформируя армию создал институт военного духовенства. Воинский устав 1716 г. несколькими

статьями законодательно закрепил положение военных священников в армии. Устав достаточно подробно определял штат и регламентировал порядок управления. Так, 29 глава Устава гласила: «Обер полевой священник при фелт маршале или командующем генерале быть должен... Онный имеет управление над всеми полевыми священниками» [9, с. 203–453]. Обер священник напрямую находился в подчинении главнокомандующего армией. Еще более подробно деятельность военных священников регламентировалась Воинским артикулом Петра I. Вторая глава – «О службе Божии и о священниках», артикулы с 9 по 17 устанавливали нормы и правила подведения священников и определяли наказания за провинности [9, с. 203–453].

Первый Морской Устав 1720 г. также достаточно подробно регламентировал управление священниками на флоте. Во главе морских священнослужителей стоял обер-иеромонах, который подчинялся аншеф командующему и должен был находиться на его флагманском корабле [4, с. 93–94]. Главное их отличие от полевых священников состояло в том, что они назначались, как правило, из числа черного монашества или вдовствующего клира.

Заключительным этапом петровских реформ стало учреждение Святейшего Синода 1721 г., как главного органа государственно-церковного управления. После церковной реформы главный священник армии и флота стал напрямую подчиняться Обер-прокурору Св. Синода. Одновременно с этим все военные священники в действующей армии должны были подчиняться распоряжениям военных структур управления российского государства, что иногда приводило к конфликтным ситуациям между Св. Синодом и военными. В XVIII–XIX вв. система управления военным духовенством несколько раз реформировалась, однако суть и назначения института военных священников оставался неизменным – укрепление морального духа и пастырская забота о русском воинстве.

На наш взгляд, помимо сугубо утилитарного назначения института военного духовенства, его появление в имперской структуре, созданной Петром I, имело важное политическое значение. Как известно, фундаментальным фактором существования любой империи было ее территориальное расширение, Россия в этом не была исключением. Понятно, что при таком положении дел армия была важнейшим инструментом достижения результата. Военные первыми водружали знамя Российской империи на завоеванных территориях, в этой ситуации не менее важным было духовенство, водворявшее духовную власть господствующей православной веры Империи, исключительное значение это имело на тех территориях, где господствовали другие конфессии.

Последним серьезным расширением имперской России стало завоевание территорий Средней Азии с многочисленным мусульманским населением. Видный отечественный туркестановед П.П. Литвинов применительно к этому отмечает, что «Процесс колонизации Туркестана (Средней Азии. – *В. Л.*) неизбежно вел к повседневному и практически повсеместному сосуществованию двух, по сути, религиозных цивилизаций: российской-христианской и среднеазиатской-исламской. Характер такого существования – конфликтный, или мирный – тоже напрямую зависел от религиозной политики российского правительства» [5, с. 15–16]. Первые православные приходы на территории Средней Азии появились еще до организации Туркестанского генерал-губернаторства (края) в 1867 г. Уже в 1847 г. первый православный приход был учрежден на восточном побережье Каспийского моря, в форте Александровский. Поступательное продвижение России вглубь Средней Азии расширяло духовное присутствие, к моменту появления имперских структур управления на завоеванных территориях, в Средней Азии уже было учреждено более 30 приходов Русской Православной Церкви, практически все они находились в ведении Главного священника Армии и Флота.

Территории Средней Азии, включенные в состав Российского государства, имели свою специфику в административном управлении. Главная особенность состояла в том, что управление ими осуществлялось военными, соответственно Туркестанский край находился в административном подчинении Военного министерства. В связи с этим у первых военных администраторов Туркестана возникла идея о подчинении всех среднеазиатских приходов Главного военному священнику края, функции которого исполнял благочинный военных церквей Сырдарьинской области и одновременно настоятель главного православного храма в крае – Спасо-Преображенского собора [6, с. 1]. Однако Св. Синод наотрез отказался от этой идеи, мотивируя это тем, что в крае уже жило достаточно много гражданского православного населения. Первый генерал-губернатор К.П. фон Кауфман в мае 1869 г. обратился к тогдашнему Ober-прокурору Св. Синода, графу Д.А. Толстому с официальным прошением об учреждении в генерал-губернаторстве новой православной епархии, она была официально учреждена 1 января 1872 г. с центром в г. Верном, административном центре Семиреченской области. Первым главой новой епархии стал епископ Софоний.

Учреждение самостоятельной епархии не в столице края, а во втором по значению городе было требованием самого К.П. Кауфмана, который в своем обращении на имя Ober-прокурора Св. Синода подчеркивал, что в Семиреченской области проживает большинство православного

населения края [7, с. 203]. До недавнего времени историография связывала учреждение новой епархии исключительно с именем Кауфмана. В своей монографии «Благовест над землями ислама: Русский Туркестан» П.П. Литвинов убедительно доказал, что подлинным инициатором такого учреждения был военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский, который еще летом 1868 г. начал «сепаратную» переписку об учреждении новой епархии с епископом Томским и Семипалатинским Алексием. Кауфман узнавший через «своих» людей о содержании этой переписки, решил действовать на упреждение [7, с. 202].

Появление епархии в Средней Азии не означало, что военное духовенство утратило свое самостоятельное положение. Однако практически сразу же между епархиальными властями и армейскими «пастырями» возник конфликт. Дело в том, что военное духовенство в решении вопросов окормления гражданской паствы должно было подчиняться распоряжениям местных епархиальных властей, чего делать оно не желало и всячески подрывало все даже здравые начинания архиерейской власти. Так, епископ Софоний потребовал от военных священников подавать отчеты о своей деятельности в отношении гражданской паствы, однако те откровенно саботировали вполне законное требование Софония. За это последний отстранил от должности «благочинного» А.Е. Малова, имевшего большой авторитет как в среде своих коллег по духовному поприщу, так и у местной паствы. Малов действительно был человеком заслуженным, удостоенных многих правительственных и церковных наград. Современники свидетельствовали о том, что Малов при осаде г. Ташкента первым ворвался в город с крестом в поднятой руке, чем ошеломил защитников города, которые впервые увидели православного священника. Малов был участником взятия Самарканда и покорения Хивы, принимал участие в военно-научной экспедиции на Алай под руководством генерала М. Скобелева. Отстранение Малова от должности вызвало открытый протест и недовольство не только со стороны военного духовенства, но и общественности Туркестана. Это событие не осталось даже без внимания петербургской прессы, газета «Церковно-общественный вестник» написало о конфликте «коренного» туркестанского духовенства с новой епархиальной администрацией [10]. При этом надо признать, что случай с Маловым не стал уроком для военного духовенства, оно и в дальнейшем продолжало манкировать в своих отношениях с епархиальными властями, о чем свидетельствуют более поздние отчеты туркестанских архиереев. Правда, по данным на 1878 г. число военных священников значительно сократилось, а количество епархиальных священнослужителей увеличилось, поэтому проблема сошла на нет сама собой [6, с. 23].

Если говорить об условиях, в которых служило военное духовенство в Туркестане, то их можно без преувеличения назвать тяжелыми, и дело даже не в климате, который для русского человека был непривычным. Проблемы в первую очередь были связаны с обширными малонаселенными пространствами. Многие приходы, которые обслуживались военным духовенством, были огромными и не уступали по своим размерам уездам в европейской части России. На территории Средней Азии было большое количество «безпричтовых» русских поселений, требовавших пастырского окормления, поэтому священники вынуждены были постоянно передвигаться. При этом уровень материального достатка большинства священников был крайне низким. Это в своем отчете отразил Протопресвитер Армии и Флота А. Желобовский после посещения Средней Азии в 1901 г. В связи с крайне тяжелым материальным положением большинства военных священников, краевая администрация вынуждена была открыть отделение всероссийского «Общества попечения бедных военного духовенства», которое возглавил сам генерал-губернатор Туркестана. Из средств, собранных обществом, оказывалась помощь многодетным и особо бедствующим военным священникам [6, с. 21]. Кроме того, военные священники Туркестана не имели даже тех льгот, которые полагались их коллегам в военных округах европейской части России. Только в 1900 г. Св. Синод исправил положение, и военные священники, служившие в Туркестане, после 35 лет безупречной службы имели право на орден св. Владимира 4-й степени, что давало определенные льготы и ежегодную пенсию в 100 руб. [11, с. 68]. При этом надо отметить, что и положение епархиальных священников в Средней Азии также было нелегким.

Таким образом, туркестанское православное духовенство, лишенное нормальной социальной поддержки со стороны государства, трудилось в тяжелейших условиях. Служба в Средней Азии для духовенства была малопривлекательна, по этой причине здесь редко оказывались высококвалифицированные и опытные кадры российских священнослужителей. Несмотря на это, большинство священников, служивших в Туркестанском крае, самоотверженно выполняли свой долг, который был еще более значим в условиях иногo конфессионального и культурного окружения.

Библиографический список

1. *Исакова Е.В.* Периодизация истории Института военного духовенства // Вестник военного и морского духовенства. 2005. № 1 (622). С. 40–48.
2. *Капков К.Г.* Очерки по истории военного и морского духовенства Российской империи XVIII – начала XX века: Итоги к 1917 году. М.: Летопись, 2009. 256 с.
3. *Котляров Д.А.* О ритуальном поведении Ивана IV в Казанском походе 1552 г. // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 3. С. 99–102.
4. Книга Устав морской. СПб: Императорская Академия наук. 314 с.
5. *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998. 320 с.
6. *Литвинов П.П.* Неисламские религии Средней Азии (вторая половина XIX – начало XX в.). Елец: ЕГПИ, 1998. 245 с.
7. *Литвинов П.П.* Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. 537 с.
8. *Татищев В.Н.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Ладомир, 1996. 488 с.
9. Устав воинский // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. V. 1713–1719 № 3006. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 203–453.
10. Церковно-общественный вестник. 1874. № 132. 15 ноября.
11. *Яковлев В.А.* Из церковной жизни Туркестана. Верный: тип. Семиреченской обл., 1902. 130 с.

УДК 281.93(476)

С.И. Минько,

магистр исторических наук, главный специалист Дзержинского райисполкома (г. Дзержинск, Минская область)

4-й ВСЕБЕЛОРУССКИЙ КРЕСТНЫЙ ХОД «ЦЕРКОВЬ И АРМИЯ»

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы проведения в Республике Беларусь 4-го Всебелорусского Крестного хода «Церковь и армия», посвященного 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков.

Ключевые слова: Белорусская Православная церковь, православие, воинское захоронение, крестный ход, литургия, военно-патриотический слет православной молодежи, выпел, капсула.

S.I. Minko,

Master of Historical Sciences, chief specialist of the Dzerzhinsk District Executive Committee (Dzerzhinsk, Minsk region)

4th ALL-BELARUSIAN RELIGIOUS PROCESSION «CHURCH AND ARMY»

Abstract. The article reveals the main stages of the 4th All-Belarusian Religious Procession «Church and Army» in the Republic of Belarus, dedicated to the 80th anniversary of the liberation of Belarus from the Nazi invaders.

Keywords: Belarusian Orthodox Church, Orthodoxy, military burial, religious procession, liturgy, military-patriotic gathering of Orthodox youth, pennant, capsule.

8 мая 2024 года у стен Гомельского кафедрального собора святых апостолов Петра и Павла был дан старт проведению 4-го Всебелорусского крестного хода «Церковь и армия», который был приурочен к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и проведен под девизом «Память. Вера. Отечество».

Инициаторами Крестного хода выступили Белорусская Православная Церковь, Министерство обороны Республики Беларусь, Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Министерство по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Государственный пограничный комитет Республики Беларусь, внутренние войска и ДОСААФ. Первый крестный ход «Церковь и армия» прошел в мае 2005 года и посвящался 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вдохновителем начинания стал первый Патриарший Экзарх всея Беларуси Митрополит Филарет (Вахромеев) [6].

4-й Всебелорусский Крестный ход «Церковь и армия» прошел по благословению Митрополита Минского и Заславского Вениамина, Патриаршего Экзарха всея Беларуси с 9 мая по 29 июня 2024 года по двум маршрутам: первый протяженностью 2080 км включал 38 городов и сел, второй протяженностью 1632 км – 33 города и сельских населенных пункта.

Особенностью этого Крестного хода стало включение в маршрут тех 9 населенных пунктов, которые Указом Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко от 2 февраля 2024 года № 44 были награждены вымпелом «За мужество и стойкость в годы Великой Отечественной войны» – Барановичи, Дзержинск, Дятлово, Калинковичи, Любань, Осиповичи, Чаусы, городские поселки Оболь и Освея [3].

Населенные пункты, получившие вымпел, являются достойным примером боевого и трудового подвига, всенародного сопротивления, проявленных в годы Великой Отечественной войны.

6 октября 2004 года Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко поддержал идею продолжить традицию награждения населенных пунктов, особо отличившихся в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками учредив новый знак отличия – выпел «За мужество и стойкость в годы Великой Отечественной войны». До последнего Указа выпела были удостоены 27 населенных пунктов республики – города Брест, Бобруйск, Борисов, Витебск, Гомель, Гродно, Жлобин, Заславль, Кличев, Кричев, Лепель, Лида, Минск, Могилев, Молодечно, Орша, Пинск, Полоцк, Рогачев, Скидель, городские поселки Ушачи, Бегомль, Лоев, Октябрьский (Карпиловка), Россоны, Сураж, деревня Острошицкий Городок.

Целями 4-й Всебелорусского Крестного хода явились молитвенное почтение и воздание воинских почестей всем защитникам нашей Родины, павшим на полях сражений в годы Великой Отечественной войны, а также сбор в капсулу земли с мест захоронения воинов-освободителей, защищавших родную землю ценою своих жизней.

Ярким примером проведения мероприятий 4-й Всебелорусского Крестного хода «Церковь и армия» стал г. Дзержинск Минской области, удостоенный выпела «За мужество и стойкость в годы Великой Отечественной войны» в 2024 г.

Участники Крестного хода посетили Дзержинск 20 июня 2024 года. В торжественных мероприятиях приняли участие представители местных органов власти и силовых структур, духовенство Дзержинского благочиния, военнослужащие воинских частей, расположенных в Дзержинском районе, военно-патриотические клубы учреждений образования района, работники культуры, общественные объединения, профсоюзы и политические партии Дзержинского района, прихожане православных храмов и местные жители.

После проведения богослужения в Храме Покрова Пресвятой Богородицы в г. Дзержинске Молодечненской епархии Белорусской Православной Церкви участники Крестного хода выдвинулись по маршруту его проведения: Братское кладбище г. Дзержинска – воинское захоронение № 732 (сквер д. Станьково Станьковского сельсовета и место упокоения Героя Советского Союза М.И. Казея) – воинское захоронение № 760 (аг. Негорелое Негорельского сельсовета, на территории Государственного учреждения образования «Негорельская базовая школа № 2»).

На Братском кладбище г. Дзержинска прошел торжественный митинг, заупокойная лития, возложение цветов и венков на могилы воинов. Председатель Дзержинского районного Совета депутатов А.Н. Пищик обратился к участникам Крестного хода: «Очень значимо, что именно в этот юбилейный год проводится такое мероприятие. Мы

собрались на Братском кладбище, где захоронено более 220 воинов, которые мужественно сражались за наше мирное небо и независимость. Мы должны помнить и чтить подвиг этих героев».

Заключительной точкой в маршруте Крестного хода на дзержинской земле стало воинское захоронение в аг. Негорелое: «Именно на территории этой школы (ГУО «Негорельская базовая школа № 2» – прим. авт.) фашистами был создан филиал концлагеря, огражденного колючей проволокой. По его периметру стояли пулеметные вышки. Именно здесь над людьми издевались: морили голодом и жаждой, заставляли работать на износ. А после военнопленных расстреляли, – рассказал председатель Негорельского сельисполкома К.А. Суша во время торжественного митинга – В нашем Совете 15 воинских захоронений, памятных знаков и обелисков. Ежегодно, приобщая молодежь и жителей всех возрастов, мы посещаем эти захоронения. Помним и чтим память героев».

После проведения заупокойной литии и возложения цветов к воинскому захоронению была освящена земля с воинского захоронения и помещена в Памятную капсулу. Далее Памятная капсула Крестного хода была передана представителям Борисовской епархии Белорусской Православной Церкви.

По завершению Крестного хода на Дзержинщине, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в г. Дзержинск протоиерей Борис Полторжицкий произнес: «Хочу поблагодарить всех присутствующих, организаторов, военнослужащих за участие в совместном Крестном ходе, за вашу память, которую вы храните в своих сердцах, за наших дедов и прадедов, которые свои жизни положили за наше Отечество. Мы с вами храним и не забываем те дни, когда они, несмотря на все тяготы войны, верили, что победа будет за нами. И мы действительно с вами ее празднуем: 80 лет со дня Освобождения. Храни Господь вас на многие и благие лета!» [4].

Вместе с тем, 20 июня 2024 г. в г. Дзержинске завершилось еще одно мероприятие, объединившее церковь и армию. Митрополит Минский и Заславский Вениамин, Патриарший Экзарх всея Беларуси, совершил Божественную литургию на территории войсковой части № 1463 города Дзержинска по случаю закрытия 16-го военно-патриотического слета православной молодежи. В течение пяти дней более 150 участников из 13 команд, представлявших православные епархии республики, соревновались в ловкости, силе и выносливости. Участники слета православной молодежи – юноши от 10 до 17 лет, воспитанники военно-патриотических клубов и кадетских училищ Беларуси.

Программа пятидневного слета была насыщенной: обзорная экскурсия по территории и объектам воинской части, спортивная эстафета (сборка/разборка АК-74, стрельба, подтягивание на перекладине), проведение викторин по командам, обзорная экскурсия на наивысшую точку Беларуси – гору Дзержинскую с посещением архитектурной композиции «СцягРадзімы», а также места упокоения святой блаженной Валентины Минской (гражданское кладбище в д. Заболотье Дзержинского района), показательные выступления кинологов и пр. [1].

28 июня 2024 года завершился 4-й Всебелорусский крестный ход «Церковь и армия» на площади перед Свято-Духовым кафедральным собором Минска. Участников крестного хода встречали Патриарший Экзарх всея Беларуси Митрополит Минский и Заславский Вениамин, архиепископ Гомельский и Жлобинский Стефан, епископ Несвижский Авксентий, викарий Патриаршего Экзарха всея Беларуси, Уполномоченный по делам религий и национальностей Александр Румак, председатель Синодального отдела Белорусской Православной Церкви по взаимодействию с Вооруженными Силами и другими воинскими формированиями Республики Беларусь, настоятель прихода храма Рождества Пресвятой Богородицы в деревне Тарасово Минского района протоиерей Сергей Кузьменков, руководители епархиальных отделов по взаимодействию с Вооруженными Силами и другими воинскими формированиями Республики Беларусь.

Предстоятель Белорусской Православной Церкви, Митрополит Минский и Заславский Вениамин отметил: «Мы с благодарностью вспоминаем на сегодняшний день и со скорбью вспоминаем события, связанные с Великой Отечественной войной. Крестным ходом мы свидетельствовали нашу память о подвиге дедов и отцов, о тех, кто погиб в годы войны. Какой ценой нам досталась Победа: жара и холод, грязь, пот, кровь, смерть, ужасы войны... Все это преодолели наши соотечественники, предыдущие поколения. В память о них возрождаются мемориалы, создаются новые музеи, идет молитва о почивших» [2].

По завершении заупокойной литии архиепископу Гомельскому и Жлобинскому Стефану была передана капсула, в которую участники крестного собрали землю с мест воинских захоронений в разных уголках Беларуси. Капсула с землей будет на постоянной основе храниться в часовне в честь святого благоверного князя Александра Невского города Гомеля. Вечером того же дня капсула с землей была доставлена в Гомель. Это событие собрало представителей духовенства, военных и граждан со всей страны для того, чтобы отдать дань памяти погибшим воинам и напомнить о духовных ценностях, защищающих наше государство. Архиепископ Стефан в сослужении духовенства совершил

молитву, после чего капсула была внесена в часовню в честь святого благоверного князя Александра Невского города Гомеля [5].

Торжественные мероприятия закрытия 4-го Всебелорусского Крестного хода «Церковь и армия» завершились в Минской городской ратуше открытием экспозиции, посвященной патриотическому служению Белорусской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Выставка была подготовлена Синодальным информационным отделом и Синодальным отделом по взаимодействию с Вооруженными силами Белорусской православной Церкви при содействии Минской городской ратуши, Свято-Духова кафедрального собора города Минска, унитарного предприятия «Минская спадчина», Церковно-исторического музея Белорусской Православной Церкви при Минской духовной академии, потомков священнослужителей-ветеранов.

Выставка рассказывала о помощи Православной Церкви армии и фронту в годы Великой Отечественной войны, священниках, участвовавших в боевых действиях, сражавшихся в партизанских отрядах, о помощи фронту мирян и духовенства. Среди уникальных экспонатов: иконы Божией Матери и Святителя Николая, перед которыми верующие молились в годы войны, переписанное от руки священнослужителем Пятикнижие Моисеево, облачение священника начала XX века.

Здесь также можно было ознакомиться с книжными изданиями и статьями, посвященными участию духовенства в Отечественной войне и роли Православной Церкви в приближении победы над врагом, в том числе воспоминания Митрополита Филарета (Вахромеева) о своем военном детстве.

Библиографический список

1. В Дзержинске прошел 16-й военно-патриотический слет православной молодежи Беларуси. Районная газета «Узвышша» <https://dzt.by/21062024/v-dzerzhinske-proshel-16-yj-voenno-patrioticheskij-slet-pravoslavnoj-molodezhi-belarusi/>.

2. В Минске завершился 4-й Всебелорусский Крестный ход «Церковь и армия», приуроченный к 80-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Официальный портал Белорусской православной Церкви <http://church.by/ru/news/zavershilsja-4-j-vsebelorusskij-krestnyj-hod-cerkovi-armija>.

3. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/maj/77670/>.

4. Память. Вера. Отечество. По территории Дзержинского района прошел 4-й Всебелорусский Крестный ход. Районная газета «Узвышша» <https://dzt.by/20062024/pamyat-vera-otechestvo-po-territorii-dzerzhinskogo-rajona-proshel-4-j-vsebelorusskij-krestnyj-hod/>.

5. Память и Духовное Наследие: в Гомель доставлена капсула с землей из братских могил и памятных мест. Гомельская епархия Белорусской православной Церкви <https://eparhiya.by/2024/06/28/v-minske-torzhestvenno-vstretili-uchastnikov-4-ogo-vsebelorusskogo-krestnogo-hoda-tserkov-i-armiya/>.

6. Продолжается 4-й Всебелорусский крестный ход «Церковь и армия». Официальный портал Белорусской православной Церкви <http://church.by/news/prodolzhaetsja-4-j-vsebelorusskij-krestnyj-hod-cerkov-i-armija>.

УДК 2 / 322

А.Н. Ожиганов,

старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений,
Алтайский государственный университет (Барнаул)

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОПАГАНДА В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ В ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х гг. XX в.*

Аннотация. В работе рассматривается политика государственных и местных органов власти в отношении верующих с конца 1940-х – до начала 1960-х гг., в частности на активизацию и проведение атеистической пропаганды. На основе анализа материалов Национального архива Республики Хакасия исследуется реализация атеистической пропаганды в регионе в отношении детей верующих и молодежи. Основными формами ведения атеистической пропаганды являлись лекции, коллективные и индивидуальные беседы, кинолектории, агитация в СМИ и пр. Несмотря на проведение атеистической работы, в Хакасии местные органы власти отмечали, постоянные недостатки в антирелигиозной агитации, характер и эффективность ее проведения.

Ключевые слова: атеистическая пропаганда, антирелигиозная пропаганда, Хакасия, молодежь, протестанты, агитация, религиозная политика.

© Ожиганов А.Н., 2025

* Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23-18-00117).

A.N. Ozhiganov,

Senior Lecturer at the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University (Barnaul)

ANTI-RELIGIOUS ACTIVITIES AND PROPAGANDA AGAINST CHILDREN AND YOUTH IN THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION IN THE SECOND HALF OF THE 40s – THE FIRST HALF OF THE 60s OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The paper examines the policy of state and local authorities towards believers from the late 1940s to the early 1960s, in particular, the intensification and conduct of atheist propaganda. Based on the analysis of materials from the National Archive of the Republic of Khakassia, the implementation of atheist propaganda in the region against children of believers and youth is being investigated. The main forms of atheist propaganda were lectures, collective and individual conversations, film lectures, media agitation, etc. Despite carrying out atheistic work, local authorities in Khakassia noted constant shortcomings in anti-religious agitation, the nature and effectiveness of its conduct.

Keywords: atheistic propaganda, anti-religious propaganda, Khakassia, youth, protestants, agitation, religious policy.

Атеистическая пропаганда в СССР как элемент государственно-конфессиональной политики является одной из актуальных тем в отечественной исторической и религиоведческой науке. Общесоюзные тенденции реализации атеистической (антирелигиозной) пропаганды представлены в трудах В.А. Алексеева [1], М.В. Шкаровского [15], Т.К. Никольской [11] и других исследователей. Атеистическую пропаганду в Сибири исследовали Л.И. Сосковец [12, 14], А.В. Горбатов [2], В.П. Ключева [5], П.К. Дашковский, Н.П. Зиберт [3], и др. При этом остается неизученной проблематика атеистической работы на территориях национальных автономий Южной Сибири в советское время, в том числе в Хакасской автономной области, в т. ч. в отношении учащих и молодежи.

В 1945 г. согласно отчету Абаканского горкома КПСС об агитационной и пропагандистской работе, среди перечня тем лекций и докладов, которые должны были быть проведены, самыми частыми являлись: «Краткий курс истории ВКП(б)», «Великая Отечественная война», «Подъем народного хозяйства после войны», биографии И.В. Сталина и В.И. Ленина и др. [6, л. 30–31]. К концу 1940-х гг. антирелигиозная повестка снова начинает присутствовать в агитационной работе, при этом уступая в массовости прежним темам. Так, например, среди лекций и докладов в рамках массово-политической работы на весеннем севе Усть-Абаканского района, лишь только одна лекция затрагивала тему пагубности религии [10, л. 7–8].

Следствие такой политики отразилось на качестве антирелигиозной пропаганды и ее эффективности, о чем констатировали чиновники и партийные работники на местах. Так, согласно справке «О состоянии антирелигиозной пропаганды в городе Абакан на 15.4.1949 г.», сообщалось, что за последнее время, в силу ослабления антирелигиозной пропаганды, в городе Абакане активизировали свою деятельность религиозные секты, в частности баптисты и православная церковь, которые пытались распространять свое влияние на широкие массы населения, в частности на детей. Упоминались факты, когда баптисты ходили по домам и приглашали посетить их молельни, говоря, что «пора подумать о спасении души». Примером такой деятельности баптистов, приводится случай местной учительницы, к которой приходили на квартиру, с предложением посетить их молельную, при том что, ее младшая дочь была уже «завербована» баптистами. Отмечались факты посещения молелен учащимися школы № 10, фельдшерско-акушерской школы, молодежи, работающей на железнодорожном транспорте. Автором справки резюмировалось, что «вся деятельность религиозных сект и культов направлена на засорение сознания трудящихся, противопоставление нашей борьбе с пережитками капитализма в сознании людей». В связи с этим указывалось на необходимость со стороны горкома партии начать действия по распространению научно-естественных знаний, в частности по вопросам антирелигиозного характера [7, л. 5].

В связи с вскрытием фактов посещения учащимися церкви и баптистских молелен горком ВКБ(б) провел совещание с руководителями школ города с постановкой на нем вопросов об усилении антирелигиозного воспитания среди учащихся. Работниками отдела пропаганды и агитации горкома ВКБ(б) были проведены индивидуальные беседы с учащимися, которые посещали баптистские молельни (у большинства из которых родители были баптистами). В школе № 10 стали проводить антирелигиозные вечера, выпускать стенную газету «Антирелигиозник». Для учителей города было прочитано антирелигиозные лекции [7, л. 6]. Тем не менее, как отмечали сотрудники отдела пропаганды и агитации, этих мер было крайне недостаточно.

Необходимо также упомянуть учебную работу в сети партийного политического просвещения Абаканского горкома КПСС. Согласно итогам 1960/61 учебного года активно прошло изучение темы «Атеистическое воспитание молодежи». Одним из вопросов этой темы было воспитание у учащихся научно-атеистических взглядов в процессе преподавания основ наук, а также формы и методы внеклассной и внешкольной работы по атеистическому воспитанию в начальной школе. К этому занятию были подготовлены фотовыставки «Происхождение

жизни на земле» и «Наука и религия». Библиотека сделала подборку литературы и постоянную выставку книг по атеистическому воспитанию в помощь классным руководителям и учителям начальной школы. Помимо этого, была намечена примерная тематика бесед с учащимися по атеизму. В планы классных руководителей были включены и проведены такие мероприятия, как обсуждение повести Тендрякова «Чудотворная», «Спасите наши души». Для учащихся демонстрировались кинофильмы «Правда о мощах», «Сон и сновидения». В марте месяце был проведен вечер опытов и показа кинокартины «Правда о сектантах». В рамках подготовки учительских кадров, для выпускников педагогического училища был проведен семинар по теме «Содержание, формы и методы атеистической пропаганды». Готовилась конференция – «Об атеистической работе в начальной школе». Все эти меры были направлены на подготовку педагогов для проведения работы по атеистическому воспитанию школьников, когда они практически столкнутся с этими вопросами в работе [9, л. 38].

В начале 1960-х гг., одним из направлений атеистической работы и пропаганды, была деятельность непосредственно в отношении детей верующих. Так в справке об атеистической работе в г. Черногорске, отмечалось, что с 1954 г. в городе действует община пятидесятников, насчитывающих около 80 человек. Отмечалось, что в 1960–62 гг. пятидесятники усилили свою реакционную деятельность, особенно это было заметно среди детей. Дети пятидесятников посещали молитвенные собрания, не посещая в это время школу. Родители запрещали носить им пионерские галстуки, октябрятские звездочки. Аналогичные тенденции по активности протестантов в привлечении новых адептов и в т. ч. «втягивания в свои сети молодежь» отмечали и в других сибирских регионах, в частности Новосибирской области [13, с. 103].

На одном из родительских собраний школы № 4, где больше всего училось детей пятидесятников, было предложено провести собрание на всех улицах, где собираются верующие – о запрещении их сборищ. В г. Черногорске также был организован показательный суд над родителями, входившие в общину пятидесятников, которые не отдали своих детей, в школу, под предлогом что там ничего не говорят о боге. Их детей по решению суда у изъяли и передали в интернат [8, л. 1]. Практика лишения родительских прав и отправки детей из семей верующих в интернат, также существовала и в других регионах РСФСР, например, в 1960 г. в г. Казани в отношении члена СЦЕХБ, из-за недостаточного обеспечения «правильности воспитания своей дочери и воспитании ее в религиозном духе» [4, с. 104], также были приняты аналогичные меры, как и в отношении упомянутых родителей из г. Черногорска.

Всего в школах г. Черногорска обучалось 30 детей пятидесятников, которые «в результате большой упорной работы учительского коллектива» посещали уроки музыки и просматривали учебные диафильмы. На родительских комитетах часто рассматривались вопросы о неправильном воспитании детей в семьях верующих. Так, например, на родительском комитете в школе № 10 стоял отчет о родителях баптистах о воспитании детей в их семье. На этом заседании также присутствовали секретари парторганизаций шахты № 7 и № 15, где работали эти родители. В 1960/61 учебном году в школе № 9 и школе № 12 дети членов баптистской общины вместе со всеми посещали просмотр фильма «Бей барабан», что вызвало возмущение их родителей. При горкоме КПСС в апреле 1961 г. был организован атеистический совет, руководителем которого являлся В.М. Марчук. Этот совет организовывал периодическое посещение молитвенных собраний, проведение бесед, работу с парторгами, где работали верующие, а парторги в свою очередь закрепили по месту работы агитаторов за каждым членом общины для индивидуальной работы. За этот период среди трудящихся города и учащихся школ было прочитано ряд лекций и бесед на темы: «Вред религиозных предрассудков», «Международное положение и церковь», «Сон и сновидение», «Изображение художниками религиозных тем», «Наука и религия», «Кто такие пятидесятники?», «Отношение КПСС и религия», др. Проведено 8 вечеров на атеистические темы. В городской газете «Шахтер» систематически публиковались статьи на атеистические темы, главным образом разоблачающие «реакционную деятельность» пятидесятников с привлечением местного материала. Как отмечали в горкоме партии, несмотря на недостаточную учебу и консультацию агитаторов-атеистов, пятидесятники города продолжали собираться, но уже в строгой тайне, с присутствием на этих собраниях не более 30–35 человек, включая детей 10–15 человек [8, л. 2].

Таким образом, во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. в Хакасской автономной области Красноярского края, как и в целом по Советскому Союзу, в атеистической пропаганде в отношении детей и молодежи большую роль играли пропагандистские мероприятия, ставился акцент на распространение научных знаний. За два десятилетия был выработан список мер по агитационной работе с верующими и пропаганды атеистических идей в противовес религии. Основными формами атеистической пропаганды стали проведение лекций, коллективных и в особенности индивидуальных бесед, вечеров вопросов и ответов, кинолекториев, проведение безрелигиозных праздников. При этом к верующим, наряду с мерами административного воздействия, денежными штрафами за нарушение законодательства о культах, продолжали применять меры общественного порицания за исполнение

религиозных обрядов и вовлечение в них детей – осуждение в коллективах, общественные суды. Несмотря на проведение атеистической работы в Хакасии местные органы власти отмечали высокую степень активности верующих в Черногорске, Абакане. Проведение атеистической пропаганды в Хакасии, как и по всей стране, незначительно снижало количество верующих, но не привело к исчезновению религиозных взглядов и убеждений. Причинами этого как неоднократно отмечали на местах представители отделов пропаганды и агитации: качество и количество проводимых просветительских мероприятий, сложность работы с целевой аудиторией, отсутствие долгосрочной стратегии такой работы.

Библиографический список

1. *Алексеев В.А.* Иллюзии и догмы: Взаимоотношения Советского государства и религии. М., 1991.
2. *Горбатов А.В.* Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59).
3. *Дашковский П.К., Зиберт Н.П.* Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул, 2020.
4. *Ибрагимов Р.Р.* Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань, 2005.
5. *Клюева В.П.* «В настоящее время религия переживает серьезный кризис»: реакция советских верующих на антирелигиозную пропаганду // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31).
6. Национальный архив Республики Хакассия Ф. П-2. Оп. 1. Д. 121. Л. 30–31.
7. Там же. Д. 183. Л. 5.
8. Там же. Д. 2577. Л. 2.
9. Там же. Д. 353. Л. 38.
10. Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 17. Л. 7–8.
11. Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009.
12. *Сосковец Л.И.* Антирелигиозные практики советского государства: цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории.
13. *Сосковец Л.И.* Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск, 2005а.
14. *Сосковец Л.И.* Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник Томского гос. ун-та. 2005б. № 288.
15. *Шкаровский М.В.* Последняя атака на Русскую православную церковь // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. 1997.

Т.А. Пенькова,

аспирант, Государственный университет просвещения (Москва)

ЦЕРКОВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ВЕКТОРЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ СССР В НАЧАЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается феномен церковной дипломатии как одного из главных компонентов «культурной дипломатии» Советского государства в период начала Холодной войны, когда контуры противостояния еще не были достаточно ясны. В этих условиях для церковной дипломатии были сформулированы непростые геополитические и идеологические задачи.

Ключевые слова: религиозная дипломатия, культурная дипломатия, РПЦ, Московский патриархат, Холодная война.

T.A. Penkova,

PhD student, State University of Education (Moscow)

CHURCH DIPLOMACY IN THE VECTOR OF CULTURAL DIPLOMACY OF THE USSR AT THE BEGINNING OF THE COLD WAR

Abstract. The article examines the phenomenon of "church diplomacy" as one of the main components of the "cultural diplomacy" of the Soviet state during the beginning of the Cold War, when the contours of the confrontation were not yet clear enough. In these circumstances, difficult geopolitical and ideological tasks were formulated for "church diplomacy".

Keywords: religious diplomacy, cultural diplomacy, Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate, Cold War.

Сегодня историю Холодной войны исследователи все чаще рассматривают с новых, ранее игнорируемых ракурсов. Тот факт, что идеологическое противостояние имело огромное значения в борьбе коммунистического и капиталистического блоков мотивирует современных исследователей к изучению феномена «культурной дипломатии». Один из ведущих специалистов в данной области О.С. Нагорная характеризует её как «вид политической коммуникации с участием государственных органов, общественных организаций, а также отдельных индивидов нацеленный на формирование заданных культурных смыслов и их трансляцию как на зарубежную так и на внутреннюю аудиторию» [5, с. 1599]. В годы Холодной войны, когда силовые или экономические

методы внешнеполитического воздействия не могли быть использованы или не позволяли достигнуть желаемого результата, «культурная дипломатия» нередко выступала в качестве решающей силы, которая прокладывала путь советской внешней политике и сглаживала острые углы в моменты кризисов международных отношений.

В годы Холодной войны задачи советской «культурной дипломатии» сводились к необходимости создать положительный имидж, который позволил бы сделать социалистический строй привлекательным, противостоять западной пропаганде, и, наконец, обеспечить доминирование Восточного блока и СССР на международной арене.

Среди прочих акторов советской «культурной дипломатии» Русская православная церковь стала настоящим феноменом для страны, где атеизм был объявлен государственной идеологией, а церковь не так давно была признана врагом и прошла через жернова репрессивного аппарата. Тем не менее трансформация послевоенной системы международных отношений в сторону демократизации и необходимость противостоять идеологической войне мотивировало советское руководство в поиску компромиссов.

К середине 1940-х гг. Русская православная церковь начала постепенно выходить из тени как внутри советского государства, так и на международном поле, расширив свою функцию за счёт ориентации на внешнюю политику. Это оказалось весьма кстати для советского руководства, которое, сочло возможным использовать растущую дипломатическую активность РПЦ для достижения собственных политических целей на международной арене, популяризации советской идеологии и расширения зоны влияния Союза [6]. Церковь в начальном этапе Холодной оказалась важным элементом на международной арене, который одновременно выступал в качестве инструмента пропаганды и пространства для диалога и сотрудничества двух противоборствующих систем.

Внутренняя и внешняя активность Церкви находилась под пристальным государственным контролем и высшее политическое руководство было в полной мере осведомлено о планах церкви. В качестве связующего звена между РПЦ и государством в 1943 г. при Совете народных комиссаров СССР был учрежден Совет по делам Русской православной церкви [8, л. 179]. На практике Совет контролировал и координировал внешнюю деятельность церкви и принимал непосредственное участие в ней. Именно на основании докладов, возглавившего Совет Г.Г. Карпова, политическое руководство СССР ставило перед церковной дипломатией те или иные задачи. К моменту начала Холодной войны в число акторов церковной дипломатии Советского государства входили непосредственно русская православная церковь, представ-

ленная Московским патриархатом, отдел внешних церковных сношений, учрежденный при Московском патриархате в 1946 г., и Совет по делам РПЦ.

На этапе оформления контуров противостояния Холодной войны деятельность советской церковной дипломатии включала в себя «программу минимум» и «программу максимум», которые предполагали борьбу с Ватиканом и «закрепление системы православного единства путём созыва Вселенского Собора Православных Церквей и избрание Вселенского патриарха» [2, с. 18] (по замыслу Советского руководства им должен был стать Московский патриарх). Для этого было необходимо ликвидировать греко-католических структуры в Украине и странах Восточной Европы и пресечение влияния Рима на католические епархии СССР [1, с. 131]. Таким образом Советский союз стремился достичь превосходства над Западом на идеологическом фронте, обеспечив Московскому патриархату международный статус равный Ватикану, а затем вовсе превзойти его.

В контексте изучения различных аспектов феномена «культурной дипломатии» наибольший интерес представляет направление деятельности соответствующее «программе максимум», так как «программа минимум» истощалась контрпропагандистской деятельностью РПЦ, направленной на предотвращение попытки Ватикана разыграть антисоветскую карту, а также борьбой за «сердца и умы» в странах третьего мира.

В направлении «программы максимум» церковная дипломатия с большим размахом использовала характерные для «культурной дипломатии» средства, в числе которых были визиты делегаций, отдельных духовных лиц, участие РПЦ в негосударственных международных организациях и движениях, политика памяти и др.

Ближневосточное направление церковной дипломатии являлось одним из важнейших шагов в выполнении «программы максимум», а также позволяло обеспечить достижение геополитических интересов СССР в регионе. Миссия церковной дипломатии состояла из двух пунктов: проложить путь советской дипломатии, используя контакты РПЦ с восточными православными церквями, которые имели некоторое влияние в регионе [9, с. 143]; склонить восточные патриархии к участию во Вселенском соборе и обеспечить поддержку кандидатуры Московского патриарха на пост Вселенского патриарха. Успех церковной дипломатии в этом регионе позволил бы Москва значительно приблизиться к статусу центра мирового православия.

В более благоприятной международной обстановке Московский патриархат и СССР могли бы одержать блестящую дипломатическую

победу. В короткие сроки Ближневосточная миссия церкви потерпела поражение по причине сильного влияния англо-американских сил на местные церкви и информационной кампания, дискредитировавшей в глазах восточных православных церквей имидж Московского патриархата как структуры полностью зависимой от советской власти.

В рамках «программы максимум» Московский патриархат начал активно участвовать в экуменическом движении и взял курс на достижение в нём лидерства. Союз с экуменистами был особенно выгоден Москве по той причине, что участники движения имели влияние среди протестантских церквей и находились в оппозиции к Ватикану. В перспективе лидерство РПЦ в экуменическом движении позволяло выполнить «программу максимум» и обеспечить статус общехристианского центра. Однако в этом направлении амбициозные планы советской церковной дипломатии также потерпели поражение. Не смотря на вступление РПЦ в 1948 г. во Всемирный совет церквей (из которого она вскоре вышла), Московскому патриархату не удалось занять лидирующую позицию и преодолеть идеологические противотечения с западными церквями.

Более успешным для церковной дипломатии оказалось Восточно-европейское направление. Задача, которая заключалась в том, чтобы объединить под главенством Московского патриархата православные церкви Восточной Европы и создать восточный церковный блок, была решена частично. Однако Московскому патриархату, во-первых, удалось отстоять влияние на Польскую, Болгарскую и Чехословацкую православные церкви, что соответствовало программе борьбы с Ватиканом в направлении зоны советского влияния [3, с. 22]. Во-вторых, успешно реализовать политику памяти по средствам организации торжественных мероприятий. В 1948 г. В Москве всё же состоялся Всеправославный собор, приуроченный к празднованию 500-летия автокефалии РПЦ, где было представлено максимально возможное число автокефальных церквей [4, с. 94]. Совместными усилиями представителей церковной дипломатии и МИДа удалось добиться всеправославного единства в вопросе противостояния Ватикану и отношения к экуменическому движению. Однако, эта победа, хоть и было значима, но не означала закрепления за Москвой статуса всеправославного центра.

Наконец, остается отметить ещё одно не менее важное направление деятельности церковной дипломатии. Речь идет о налаживании связей между РПЦ и эмигрантскими православными структурами (РПЦЗ) с целью снизить градус антисоветских настроений среди эмигрантов и расширить влияние Московского патриархата, включив РПЦЗ в структуру РПЦ (последнее сделать не удалось) [1, с. 131]. В этом

направлении активно применялась практика визитов представителей церкви за границу. Несомненно их деятельность за рубежом строго регламентировалась и контролировалась, но тем не менее позволяла формировать «регулярную систему коммуникаций, иногда выступавшей своеобразной альтернативой официальной советской дипломатии» [7, с. 143].

В заключении остается отметить, что в начале Холодной войны церковная дипломатия выступала в качестве главного элемента советской культурной дипломатии. Тем не менее кроме успехов в некоторых направлениях она не принесла желаемых результатов вследствие сложной конфигурации международных отношений и нереалистичных задач, сформулированных перед Московским патриархатом Советом по делам РПЦ. Задуманный Иосифом Сталиным «Московский Ватикан», как центр православия и христианства, построить не удалось. Использование церковной дипломатии, как средства достижения глобальных геополитических целей, оказалось менее эффективно, чем средства создания и поддержания положительного международного имиджа и усиления влияния советского миротворческого движения. Тем самым РПЦ в качестве союзника советского государства выполняла главную функцию «культурной дипломатии»: позволило сформировать образа свободного государства, где даже в отсутствии государственной религии, в атеистической стране, Церковь полноценна, что оказало положительное влияние на международную аудиторию.

Библиографический список

1. *Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю.* Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы Холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2018. Т. 11, № 4. С. 131–149.
2. *Болотов С.В.* Роль Русской Православной Церкви в международной политике СССР в конце 1930-х начале 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.
3. *Каиль М.* «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2017. № 1 (35). С. 19–40.
4. *Монгуш М.В.* Всеправославное совещание 1948 г.: новые документы к истории его подготовки // *Восточный архив.* 2021. № 2 (44). С. 94–102.
5. *Нагорная О.С.* Во имя социалистического содружества: культурная дипломатия Восточного блока // *Quaestio Rossica.* 2020. Т. 8, № 5. С. 1597–1611.
6. *Онищенко А.Б.* О роли и значении Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1953 гг. // *Церковь и время.* № 55. 2014. URL: <https://church-and-time.ru/717> (дата обращения: 20.12.2024).

7. Пивоваров Н.Ю. Кого приглашали в СССР и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943–1985 гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1 (35). С. 185–215.

8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 218. Л. 179.

9. Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего востока. 1943–1953 годы // Вестник ЧелГУ. 2014. № 22 (351). С. 142–148.

УДК 94(470.342)“18/19”

М.Ю. Половникова,

доцент, Вятский государственный университет (Киров)

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ И АФОН В ИСТОРИИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. В статье на основе опубликованных источников и материалов рассматривается история паломничества представителей Вятской губернии к святым местам. Интерес к святым местам Палестины и святому Афону был высок не только среди представителей духовенства, но и светского населения.

Ключевые слова: Российская империя; Вятская губерния; Русская православная церковь; паломничество; Святая земля; святые места, Афон.

M.Yu. Polovnikova,

Associate Professor, Vyatka State University (Kirov, Russia)

THE HOLY LAND AND MOUNT ATHOS IN THE HISTORY OF THE VYATKA PROVINCE (XIX – EARLY XX CENTURY)

Abstract. Based on published sources and materials, the article examines the history of the pilgrimage of representatives of the Vyatka province to holy places. Interest in the holy sites of Palestine and St. Athos was high not only among the clergy, but also among the secular population.

Keywords: the Russian Empire; the Vyatka province; the Russian Orthodox Church; pilgrimage; the Holy Land; holy places, the Mount Athos

На протяжении всего периода существования человечества в жизни людей большую роль играет вера. С оформлением религиозных представлений для человека большую роль стали играть святые места и святыни. Паломничество к таким местам до сих пор считается важной, знаковой и зачастую кульминационной частью жизни.

В современном мире интерес к святыням христианства не угасает. Такие места как Святой Афон и Святая земля продолжают оставаться важными местами религиозного почитания как для представителей духовенства, так и для светского населения.

Святая земля, которая территориально совпадает с Палестиной, включает Иерусалим и прилегающие территории, отличается богатой историей. Иерусалим зачастую именуют колыбелью трех религий – иудаизма, христианства, мусульманства. «Иерусалим издревле, с незапамятных времен, был городом, куда стекались на поклонение тысячи богомольцев» [8, с. 9]. Этот город продолжает играть значимую религиозную роль и в современном мире.

В истории России христианская вера играет важную роль на протяжении более тысячи лет. Православное христианство легло в основу русской культуры и русского самосознания. Православие тесно переплело светской и духовное начала в политической, социальной и культурной сферах жизни Российского государства и населения страны.

Когда в конце XVIII – начале XIX в. становится модным посещать святыне места, Российская империя стремится облегчить путь для паломников. Несмотря на трудности, проигрыш в Крымской войне и ослабление положения России на Ближнем Востоке Российская империя продолжает налаживать религиозно-политические, экономические, культурные и научные контакты с Палестиной, а также Афоном. После облегчения пути до таких отдаленной для России территорий в связи с созданием Русского общества пароходства и торговли в 1856 г. поток паломников, несмотря на сохраняющиеся трудности и длительность путешествия к святыням, постоянно возрастал. Впоследствии для организации поездок в Святую землю «в 1858 г. был создан специальный Палестинский комитет, во главе которого был поставлен великий князь Константин Николаевич, при том что инициатором и душой предприятия стал чиновник особых поручений Морского министерства Б.П. Мансуров» [11]. Этот комитет просуществовал шесть лет, а в 1864 г. его заменила Палестинская комиссия во главе с Б.П. Мансуровым (просуществовала до 1888 г.). Пример монаршей семьи, члены которой постоянно совершали такие поездки, был примером для подражания как для русского духовенства, так и для светского населения Российской империи.

Представители Вятской губернии, несмотря на отдаленное положение Вятки, также совершали такие паломнические поездки. Вятская земля не осталась в стороне от проводимой в России политики. Представители вятского духовенства во главе с вятскими архиереями на протяжении XIX – начала XX в. активно устанавливали духовные связи со

Святой землей, а также Афоном, организовывали и совершали по мере возможности паломнические поездки. Кроме того, на территории Вятской губернии активно поддерживался интерес к святым местам и их истории, проводили чтения и беседы о святых местах и святынях, проводились денежные сборы для поддержки российских организаций (например, Императорского Православного Палестинского общества).

В XIX – начале XX в. история святых места и освещение паломнических поездок вызывали большой интерес, на страницах периодических изданий публиковались исторические очерки, новости и записки паломников. Одним из главных общероссийских изданий был журнал «Русский паломник», который не только рассказывал об истории и современности святых мест, но и иллюстрировал информацию [4, с. 476–478].

В Вятской губернии основным периодическим изданием, где публиковалась подобная информация, были «Вятские епархиальные ведомости» (издавались с 1863 по 1918 г.). На страницах газеты публиковались история святых мест Палестины и Афона, информация о деятельности Вятской епархии в плане установления более тесных контактов со святыми местами [7; 8]. Также важными и интересными были заметки и записки паломников из Вятской губернии [2; 10].

Одним из первых паломников на Афон был вятский монах Серафим (Веснин). Семен Авдиевич Веснин родился в 1814 г. в селе Пищальском Орловского уезда Вятской губернии в семье дьячка. Во время учебы в Вятском духовном училище он начал писать стихи. После окончания в 1834 г. Вятской духовной семинарии Семен Авдиевич женился и получил место священника. В 1835 г., овдовев, он постригается в монахи с именем Серафим, исполняет должность казначея при Вятском архиерейском доме и несколько лет служит учителем в начальном училище в г. Вятка.

Его мечтой было совершить паломничество в Палестину и Афон. В 1843 г. отец Серафим посещает Святой Афон, знакомится с жизнью святогорцев – монахов Афона и принимает решение остаться здесь навсегда. В 1844 г. он принимает схиму с именем Сергей. На Афоне он продолжает свое литературное творчество и для окончания работы над своим произведением – книгой писем о Святой горе Афон в 1847 г. – он возвращается в Россию, посещает Санкт-Петербург и Москву. А в 1850 г. в Санкт-Петербурге выходит отдельной книгой его «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой горе Афонской, и стихотворения его» [9]. Эта книга вызвала большой интерес со стороны российского общества. В 1851 г. иеросхимонах Сергей возвращается на Афон, где ведет аскетический образ жизни и занимается литературной работой.

В 1853 г. он умирает на Афоне. После его смерти была опубликована еще одна работа отца Сергия – «Русские иноки на Святой горе Афонской от исхода X в. до пол. XIX в.».

В середине – второй половине XIX в. вятские архиереи подхватывают актуальную работу по установлению контактов со святыми местами. Так, епископ Агафангел (в миру Алексей Федорович Соловьев) возглавлял Вятскую епархию с 1860 по 1866 гг., но еще до своего назначения на Вятку он интересовался историей Святой земли. Именно с епископа Агафангела начинается история связей Вятки и святых мест, в первую очередь, Палестины [3, с. 171].

При епископе Сергии (Серафимов), который возглавлял Вятскую епархию с 1887 по 1896 гг., начинает свою работу Вятский отдел Императорского Православного Палестинского общества. Епископ Вятский и Слободской Алексей (в миру Алексей Алексеевич Опоцкий) управлял Вятской епархией с 10 августа 1896 г. по 10 ноября 1901 г. [6, с. 141–146] и активно занимался просветительской работой. При нем деятельность Вятского отдела Православного Палестинского общества достигает своего наивысшего расцвета, на постоянной основе проводятся чтения и собеседования о Святой земле.

Главные организаторы чтений о Святой земле, члены Вятского отдела Императорского Православного Палестинского общества, Н.Г. Гусевым и С.С. Липяговым [5, с. 197] также совершили паломнические поездки и лично посетили святыни Святой земли и Афона. На основе своих впечатлений и опубликованных рассказов они проводили чтения и беседы, иллюстрируя их демонстрацией «туманных картинок». Чтения о Святой земле «приносят несомненную пользу русскому православному населению, служа действительным средством в деле религиозно-нравственного воспитания его, что особенно важно в настоящее время, когда по лицу Русской земли размножились и рассеялись самозванные учителя и проповедники новых измышленных вер и учений, старающиеся с ревностью, достойною лучшего дела, соблазнять православных христиан» [7, с. 18]. Кроме того, в начале XX в. в связи со сложной революционной ситуацией в Российской империи и на фоне ослабления роли Русской православной церкви чтения и беседы были дополнительным средством для привлечения местного населения под опеку церкви и государства.

В своих записках о днях паломнической поездки вятские паломники делились впечатлениями как от самой дороги, так и собственно о тех святых местах, которые посетили. Так, священник А. Трапицын («Из впечатлений паломника в Св. землю» [10, с. 1204–1211]) и группа коллег – преподаватель Вятского женского епархиального училища

Н.Г. Гусев, преподаватель Вятской духовной семинарии А.И. Одоев и помощник смотрителя Вятского духовного училища С.С. Липягов – совершили свое путешествие в 1898 г. во время летних каникул в учебных заведениях. «Все путешествие вятчан заняло промежуток времени с 8 июня по 3 августа 1898 г. Однако в Палестине путешественники были всего неделю – с 8 по 14 июля, все остальное время ушло на дорогу» [1, с. 35].

Н.Г. Гусев опубликовал свои воспоминания и описание путешествия в Святую землю в «Вятских епархиальных ведомостях», а также оставил свои мемуары «Путешествие в Святую землю» [2, с. 272–295].

С.С. Липягов также был лектором чтений о Святой земле. Он совершил паломничество в Святую землю в 1898 г. После путешествия С.С. Липягов использовал свои впечатления для более эмоционального восприятия истории и современности святых мест.

Заметки и мемуары вятских паломников были полны восторгов о самих святынях Иерусалима, но при описании положения православного населения в Османской империи были отображены негативные моменты.

Таким образом, несмотря на отдаленность Вятской губернии, представители вятского духовенства и светского населения изъявляли желание совершать паломнические поездки в Святую землю и на Святой Афон, не боялись долгой дороги и трудностей. Такие поездки были необходимы как для соприкосновения с истоками православной веры, так и для понимания реальной ситуации в Святой земле. На протяжении XIX – начала XX в. с повышением доступности таких поездок численность паломников как из Российской империи, так и из Вятской губернии возрастает. Связи Вятки с Афоном и Святой землей постепенно усиливаются.

Библиографический список

1. Балдин К.Е. Мемуары Н.Г. Гусева о паломничестве в Палестину (конец XIX в.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: История. 2015. Вып. 3 (8). С. 33–43.

2. Гусев Н.Г. Путешествие во Святую Землю // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 7. Отдел неофициальный. С. 272–275.

3. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007): 350-летие Вятской епархии / под ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. Вятка: Буквица, 2007. 640 с.

4. По Святой земле // Русский паломник. 1889. № 40. С. 476–478.

5. Половникова М.Ю. Взаимодействие власти и духовенства Русской православной церкви в организации религиозно-просветительской и миссионерской деятельности во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии) / М.Ю. Половникова, Е.Н. Немчанинова. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2020. 227 с.

6. Половникова М.Ю. Деятельность епископа Вятского и Слободского Алексия (Опоцкого) в конце XIX – начале XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIX Международной научной конференции Иваново, 25–26 марта 2020 г. Иваново, 2020. С. 141–146.

7. Приложение. Отчет Вятского отдела Императорского Палестинского общества, за 1911–1912 (восемнадцатый) год // Вятские епархиальные ведомости. 1912. № 48. 28 с.

8. Русское паломничество и Императорское Православное Палестинское Общество // Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 1. Отдел неофициальный. С. 9–18.

9. Серафим (Веснин, Симеон Авдиевич, иеромонах) Биография Святогорца, письма его к друзьям своим о святой горе Афонской донные неизданные и келейные записки С портр. авт. и видом келлии, в коей он жил. 2-е изд. Санкт-Петербург: тип. А.А. Соколова, 1873. 197 с.

10. Троицын А. Из впечатлений паломника во св. землю // Вятские епархиальные ведомости. 1896. № 24. Отдел неофициальный. С. 1204–1212.

11. Юзбашян К.Н. Палестинское Общество. Страницы истории // Исторический вестник. 2000. № 6. URL: <https://www.ippo.ru/old/history/ippo/obz/9/index.html> (дата обращения: 14.11.2023).

УДК 271.2

О.А. Рашитова,

кандидат исторических наук, преподаватель Академии реставрации и дизайна (Санкт-Петербург)

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЯМБУРГА

Аннотация. Духовенство Ямбурга занимались организацией школ, досугом обывателей города. Соборные священники преподавали в церковно-приходских школах уезда, коммерческом училище. Полковые священники проводил духовно-нравственную работу среди различных чинов Царицынского полка.

Ключевые слова: духовенство, просвещение, полковая церковь, Ямбург.

О.А. Rashitova,

Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Academy of Restoration and Design (Saint Petersburg)

THE CLERGY OF PROVINCIAL YAMBURG

Abstract. The clergy of Yamburg were engaged in the organization of schools, leisure activities for the inhabitants of the city. Cathedral priests taught in the parish schools of the county, a commercial college. The regimental priests carried out spiritual and moral work among the various ranks of the Tsaritsyn regiment.

Keywords: clergy, enlightenment, regimental church, Yamburg.

К 1917 в Петроградской епархии насчитывалось 790 храмов при 1700 священниках, в Ямбургском уезде имелось 30 церквей. В городе Ямбурге действовали полковая церковь Георгия Победоносца, кладбищенский храм Всех скорбящих радости и собор Святой великомученицы Екатерины.

В конце XIX века в Петербургской епархии появились викариатства. На территории уезда их было два – Нарвское и Ямбургское.

С 1897 года Екатерининский собор города получил статус кафедрального. Первым епископом ямбургским стал Вениамин (Муратовский), но уже 9 мая 1899 года его место занял епископ Борис (Плотников). Это был человек широких научных интересов, занимался пастырским и нравственным богословием, метафизикой, апологетикой, церковной историей, философией, педагогикой. Епископ Борис написал большое количество значимых трудов, как по лингвистике, так и в области богословия и церковной истории. Его статьи публиковались в разных духовных и светских журналах. Он обладал феноменальной памятью. Глубокий знаток слова Божия, умел своим красноречием привлекать к себе слушателей, обладал даром убеждения. В жизни был аскет и молитвенник. Он был, по выражению современников, «украшением Церкви» [1, с. 219]. Следующим епископом ямбургским стал Сергей (Страгородский). Хиротония состоялась 25 февраля 1901 г. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. В 1905 году ямбургское викариатство возглавил епископ Сергей (Тихомиров), но уже 21 марта 1908 года назначен епископом Киотским, викарием Токийской кафедры, и в июне отбыл в Токио. Пятым епископом стал Феофан (Быстров), духовник царской семьи. В 1910 году владыка принял самостоятельную Таврическую кафедру. На смену ему в 1910 году пришел Георгий (Ярошевский), который впоследствии возглавил Калужскую кафедру. В 1913–1918-м, в трудные годы Первой мировой войны и революции возглавлять ямбургское викариатство довелось епископу Анастасию (Александрову).

Епископы, возглавлявшие Ямбургскую кафедру, одновременно занимали пост ректора Духовной академии столицы. Все они обладали высшим богословским образованием, достаточным опытом управления, отличались приверженностью к каноническому правопорядку, пользовались доброй репутацией и доверием иерархов, клира и народа.

Настоятелем Екатерининского собора с 1896 года был Братолюбов Алексей Васильевич. Это был очень деятельный человек: председатель церковно-приходского попечительства, благочинный Ямбургского уезда, депутат общепархиального съезда. Особое значение для него имело образование. Отец Алексей являлся уездным наблюдателем

церковно-приходских школ, возглавлял Ямбургское уездное отделение Епархиального училищного совета, преподавал закон Божий в церковно-приходских школах уезда, а также городских училищах. Епархиальное начальство выразило признательность за ревностное проповедование Слова Божия и протоиерей был награжден Библией за труды по народному образованию. Кроме этого священник имел множество других наград [2, с. 164].

Следующий настоятель Богоявленский Иван Яковлевич, не только выполнял своими непосредственные обязанности и преподавал в училище города, он еще и занимался наукой. Отец Иоан был автором ряда статей и книг, принимал активное участие в создании «Православной богословской энциклопедии»

Протоиерей Дмитрий Люцернов стал настоятелем 3 марта 1909 года. Совместно с епархиальным архитектором А.П. Аплаксиным отец Дмитрий был одним из инициаторов создания комитета по реставрации ямбургского Екатерининского собора архитектора Антонио Ринальди. Неоднократно обращался в епархиальное управление и к общественности города.

Также, как и все настоятели батюшка занимался благотворительностью. В начале 1912 года газета «Нарвский Листок» сообщал о том, что настоятель ямбургского Екатерининского собора о. Дмитрий Люцернов организовал в Народном доме елку для бедных детей города. В маленьком Ямбурге с четырьмя тысячами взрослого населения набралось 450 бедных детей. Батюшка организовал для них бесплатный кинематографический сеанс, а затем малышню развлекали играми, хороводами и танцами. По окончании елки всем были предложены сладости [3, с. 9].

Настоятели Екатерининского собора организовывали и контролировали хозяйственную и финансовую деятельность прихода, несли ответственность за приход перед начальством, занимались благотворительностью и духовно-просветительской деятельностью. Особое внимание уделялось приходскому попечительству, которое давало приют престарелым мужчинам и женщинам.

Еще одним храмом в городе была кладбищенская церковь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте». Храм возвели по проекту архитектора К.И. Брандта на средства ямбургского купца Дмитрия Васильевича Полякова и пожертвования горожан. Таинства крещения и венчания в церкви не проводились на содержание храма ежегодно Поляков ассигновал крупные суммы. В начале XXвека здесь служил Лавров Николай Иванович. Он бесплатно совершал богослужения и требы в колонии прокаженных Ямбургского уезда, являлся помощником благочинного,

был казначеем и делопроизводителем комитета ямбургской уездной богадельни. В 1919 эмигрировал с армией Юденича в Эстонию.

Последним настоятелем храма стал Беспалов Владимир Михайлович. В 1937 году перемещен в Троицкую церковь Красного села, где и был арестован. Осужден особой тройкой при УНКВД по Ленинградской области по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Начиная с 1832 года в Ямбурге были расквартированы военнослужащие и вплоть до революции 1917 года, они составляли значительную часть населения. Многолетнее нахождение военных оказало значительное влияние на социально-экономическую и культурную жизнь уезда. Полковая церковь св. Георгия Победоносца 146-го Царицынского полка была освящена 16 октября 1893 года. Первым настоятелем храма, который считался лучшим полковым храмом в дивизии, стал законоучитель протоиерей Иоанн Невдачин, прошедший через несколько войн. Грудь этого священника была в наградах, словно у боевого офицера, был у него и наперсный крест, подаренный из кабинета Его императорского величества.

Находясь на должности полкового священника, о. Иоанн Невдачин преподавал Закон Божий при учебной команде 146-го Царицынского полка. В Ямбурге им был написан учебник «Уроки по Закону Божию для полковой учебной команды», изданный в Нарве в 1895 г. и утвержденный во многих воинских подразделениях Русской императорской армии. В начале XX века протоиерей Невдачин стал известен как автор многих публицистических произведений на духовные темы [4, с. 135].

После Ямбурга служил в Гвардейском Преображенском соборе и Троицком Измайловском соборе в Петербурге, а позже в Кронштадте. В начале марта 1921 года было жестоко подавлено восстание моряков Кронштадтской крепости. В это время старому священнику шел 71-й год. Он не был ни повстанцем, ни пропагандистом. В воскресенье, 18 марта, отец Иоанн шел в Кронштадтский собор Владимирской Божией Матери отслужить обедню и зашел к коменданту за пропуском по городу, комендант разрешил священнику отслужить обедню, но потом передумал и отправил о. Иоанна в Особое отделение. Там батюшка оказался в числе семерых обвиняемых, совершенно не связанных между собой. Подозреваемые были объединены в одно дело № 209 исключительно по причине одновременного ареста. За мнимое участие в Кронштадтском мятеже протоиерей Иоанн Иоаннович Невдачин был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. После приведения приговора в исполнение тело батюшки бросили под лед Финского залива [5].

В полковом храме служили такие священники как Виктор Глотов, затем Николай Николаевский, Александр Ласкарев, Александр Надеждин, Михаил Щербаков. Священники Царицынского полка снимали квартиру на центральной улице Ямбурга – Большой Петербургской, в доме потомственного дворянина Владимира Семеновича Попова. Первый этаж доходного дома был каменный, а второй деревянный. Кроме сдаваемых квартир в доме размещался фотосалон В. Попова.

Полковые батюшки неустанно вели работу по духовно-нравственному воспитанию христоролюбивых воинов. В разные годы при полковой церкви действовали школы грамоты, где обучали детей нижних чинов полка и детей беднейших жителей Ямбурга. При школах существовала и «потешная рота» – прообраз современного кадетского класса.

Дважды за историю полкового храма при нем устраивались школы. В сентябре 1897 г. была открыта и освящена школа грамоты для детей нижних чинов и городских обывателей. Она находилась в наемном доме и была рассчитана на 27 человек. Поводом к открытию учебного заведения послужило отсутствие в Ямбурге приходской школы и желание улучшить пение полковых певчих. Инициатива открытия школы принадлежала полковому священнику Виктору Глотову, который занимался сбором пожертвований, которые доходили до 500 рублей в год. Однако по прошествии двух лет школа закрылась, возможной причиной стало назначение священника Глотова на другое место службы [6].

Вторая попытка была сделана в 1902 г. отцом Александром Ласкаревым, именно он стал инициатором открытия бесплатной школы грамоты для детей чинов полка и бедных жителей Ямбурга. Преподавание Закона Божия и заведывание школою было возложено на полкового священника. Отец Александр преподавал Закон Божий шесть раз в неделю совершенно бесплатно. В школе обучались 18 мальчиков и 13 девочек. Желających посещать школу, несмотря на то, что большинство детей было уже отдано в существующие в городе учебные заведения, оказалось более, чем могло вместить в себя отведенное под школу помещение. В свободное от своих специальных занятий время посещали школу и воспитанники музыкантской команды [4, с. 28].

Кроме обучения и воспитания детей ямбургских бедняков, побуждением открыть школу грамоты при полковой церкви было желание улучшить церковный хор, который под управлением мало знакомых с церковным пением солдат из музыкантов, нередко отвлекаемых при том от храма музыкальными вечерами, с каждым годом все более и более падал [7, с. 259–260].

Отец Александр проводил большую духовно-нравственную работу среди нижних чинов Царицынского полка. Многие служивые давали письменную клятву перед Святым крестом и Евангелием отказаться от пьянства, игры в карты, грубого отношения к младшим товарищам и выполняли свое обещание. В отчете благочинного 37 дивизии говорилось следующее: *«Отношение к пастве у о. Ласкарева самое доброе, проникнутое искренним желанием принести ей посильное благо»* [8, л. 514].

В полковой церкви проводились не только богослужения, но и различные беседы с показом «туманных картинок», которые служили наглядным пособием при рассказе о предметах Священной истории, истории России и событиях из военной жизни. Церковная библиотека насчитывала 150 томов.

Последним полковым священником Царицынского полка стал Михаил Щербаков. Он прибыл в Ямбург 25 октября 1913 года после окончания академии и рукоположения в сан священника. Отец Михаил прошел с полком Первую мировую войну, награжден Золотым наперстным крестом на Георгиевской ленте и орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Священнослужители города Ямбурга заботились о нравственном состоянии прихожан, оказывали помощь в духовном совершенствовании, занимались общественной деятельностью, принимали участие в учреждении благотворительных организаций, помогали нуждающимся. По уровню грамотности ямбургское духовенство не уступало дворянству. Полковые батюшки неустанно вели работу по духовно-нравственному воспитанию христолюбивых воинов.

Библиографический список

1. *Аристов В.В.* Страницы Яма-Ямбурга-Кингисеппа в истории России и Европы. СПб., 2017.
2. *Белобородов А.* Ямбургский Екатерининского собора зодчего Антонио Ринальди. СПб., 2013.
3. *Белобородов А.Н.* Во благо простого народа // Восточный берег. 2023. № 35. С. 9.
4. *Белобородов А.Н.* Символ Отечества. Церковь св. Георгия Победоносца 146-го Царицынского полка в Ямбурге. СПб.: Реноме, 2015.
5. *Ляхов Ю.* Иван в честь Иоанна // Санкт-Петербургские ведомости. 2015. № 048 (5421).
6. *Катов В.* Открытие школы при полковой церкви // Вестник военного духовенства. СПб., 1898. № 8. С. 259–260.
7. *Ласкарев А.* Учреждение школы грамоты при церкви 146-го пехотного Царицынского полка в Ямбурге, С.-Петербургской губернии // Вестник военного духовенства. СПб., 1903. № 9. С. 259–260.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 806. Оп. 5. Д. 7319.

М.И. Реброва,
редактор, ООО «Доброе слово» (Москва)

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1945–1946 гг.

Аннотация. 1945–1946 гг. в Ворошиловградской области характеризовались всплеском давления на Русскую Православную Церковь. Деятельность уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви сводилась к сбору материальных средств, противодействию церковной жизни и укрупнению приходов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви, церковная жизнь, епископ, священники, приходы.

M.I. Rebrova,
Editor, ООО Dobroeslovo (Moscow)

ON THE QUESTION OF THE ACTIVITIES OF THE COMMISSIONER FOR THE AFFAIRS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE VOROSHILOVGRAD REGION IN 1945–1946

Abstract. The years 1945–1946 in the Voroshilovgrad region was characterized by a surge of pressure on the Russian Orthodox Church. The activities of the the Commissioner of the Council on the Affairs of the Russian Orthodox Church were limited to collecting material resources, counteracting church life, and consolidating parishes.

Keywords: Russian Orthodox Church, the Commissioner of the Council on the Affairs of the Russian Orthodox Church, church life, bishop, priests, parishes.

Даже беглый просмотр отчетов назначенного после оккупации в Ворошиловградскую область уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви П.Н. Карикова показывает, что это был очень исполнительный и крайне подозрительный человек. У него было высшее образование. И в отличие от уполномоченного по Сталинской области, который (в начальный период) вполне мог позволить себе работать спустя рукава (например, пропустить отчет) и писать с огромным количеством ошибок [4, л. 33], Кариков «трудился истово». Меньше чем

за год он сумел собрать сведения не только о храмах, но и обо всех священнослужителях области, включая их место рождения, состав семьи, образование, «перемещения» по региону, доходы от подсобного хозяйства и количество коров [3].

Уполномоченный создал себе сеть осведомителей как на приходах, так и во властных структурах. Эти люди помогали ему собирать информацию о протекании в регионе церковной жизни. Он опрашивал сотрудников не только облисполкома и Облпо КПУ, но и райисполкомов (последние заходили к нему, когда заезжали по своим делам в Ворошиловград). Когда в Ворошиловграде были организованы курсы для председателей и секретарей с/сов он также использовал их для сбора информации о жизни приходов и духовенства.

Кроме того, Кариков сам постоянно выезжал в командировки, особенно в сельские районы. Как следствие, его отчеты были очень объемными и подробными [3, л. 72].

При этом условия, в которых работал чиновник, оставляли желать лучшего: сырое помещение (об особняках, о которых говорилось в других отчетах, речи не было [1, л. 14]), отсутствие личного транспорта (как, впрочем, и у уполномоченного по Сталинской области [4, л. 47]). Складывается впечатление, что Кариков работал исключительно «за идею». В целом его деятельность сводилась к трем пунктам:

- сбор материальных средств с приходов (прежде всего в рамках «патриотической деятельности» православных верующих);
- противодействие внешним проявлениям церковной жизни (служению вне храмов, проведению молебнов, треб вне храмов, освящению воды, общению с людьми вне храмов);
- укрупнение приходов (с целью сокращения общего количества храмов в области).

Так как и владыка Никон (Петин), и благочинные, действовавшие по его благословению, пытались противостоять подобной политике, их взаимодействие превратилось в скрытую войну со стороны уполномоченного и «лавирование» (в кавычках) со стороны владыки.

При этом, если, к примеру, у уполномоченного по Сталинской области в отчетах проскальзывали какие-то следы человеческих взаимоотношений с архиереем и верующими (он мог, например, невзначай назвать владыку преосвященным [9, л. 4] или отмечал, что владыке свойственны многие положительные черты [8, л. 41], то у Карикова это начисто отсутствовало. Он безапелляционно заявлял, что «популярность» владыки обусловлена его «внешними данными» и хорошими проповедями [3, л. 71].

Между тем, популярность владыки действительно имела место (чему подтверждением может быть, например, эпизод, когда верующие захотели сделать из фото владыки открытку) [2, л. 43].

Хотя, конечно, в значительно большей степени, нежели популярность преосвященного, уполномоченного интересовала патриотическая деятельность православных верующих Ворошиловградской области. При этом ни патриотические проповеди, ни призывы помочь восстающей из разрухи стране [6, л. 15] как положительные моменты уполномоченным не рассматривались. Основным показателем патриотической работы для него были взносы. За 1945 г. приходы Ворошиловской области сдали на благотворительные цели до 7 млн руб. (деньгами и облигациями) [3, л. 58].

И здесь, с одной стороны, Кариков требовал, чтобы взносы сдавались неукоснительно (и жаловался, если они становились меньше), а с другой – указывал как на недостаток на излишнюю строгость епископа в сборе денежных средств [2, л. 41].

Стоит отметить, что средства в епархии сдавались, несмотря на то, что доходность храмов в этот период «вызывала тревогу». Тем не менее, Кариков всех верующих подозревал исключительно в меркантильных целях. По его мнению, церковные старосты рассматривали труд в церкви только как «источник наживы», горные техники бросали работу на руднике, чтобы поскорее перейти на «церковное содержание», а верующие области в целом «все больше и больше внимания» уделяли «материальным вопросам» [2, л. 41–44].

Военные годы настроили церковную жизнь в регионе на определенный лад. Для жителей Ворошиловградской области стало вполне естественным ходить в храмы, приглашать священника домой (причастить больного), заказывать молебен или тем более освящать воду на Крещение или надевать на ребенка-школьника крестик [2, л. 53].

Между тем, с появлением в регионе Карикова на все это было наложено негласное табу. При этом «напрямую» запрещающих указаний чиновник не давал. Но выстраивал «беседу» с владыкой так, что последний вынужден был соглашаться с его «доводами». К примеру, когда на Крещение встал вопрос об освящении воды на реке Лугани, Кариков заявил, «что река очень загрязнена и будет целесообразнее освящение воды провести в ограде церкви» [3, л. 50]. Аналогично «убеждал» он проводить водосвятие в оградах церкви и священнослужителей. А когда сельчане хотели заказать молебен и окропить скот, уполномоченный заявил, что «в стаде будет и скот неверующих», и тоже отклонил просьбу [3, л. 51]. Запрещая «общественное служение», уполномоченный давал понять, что заказать молебен в своем доме

верующим можно. Но когда, например, священник с прихода с Ново-Астрахань совершил такой молебен «на дому», а на молебен собралось значительное количество жителей села, уполномоченный тут же вызвал священника к себе [3, л. 52].

По сути любые инициативы верующих отмечались Кариковым пометкой: «Не нашел поддержки у уполномоченного» [2, л. 43].

В этот период священников в Ворошиловградской области было значительно больше, чем храмов, и люди настойчиво ходатайствовали об открытии церквей. Чему уполномоченный также всячески препятствовал. Подобная политика была обусловлена разнарядкой, присланной П.Н. Карикову «сверху»: так как регион промышленный и бедный, приходы рекомендовалось укрупнять. (Высказывалась даже мысль «лишних» священнослужителей Луганщины переселить в Черновцы [2, л. 69–70]).

И уполномоченный Кариков просто-напросто не давал верующим открывать храмы. Обычно ситуация складывалась следующим образом: активные верующие искали помещение для храма и находили его, а уполномоченный отказывал им в регистрации или заявлял, что здание не подходит под храм. Так, к примеру, было в Айдар-Николаевке, в Мостки и других населенных пунктах [3, л. 48–49].

Понимая, что ситуация становится напряженной, владыка Никон (Петин) старался избегать прямого конфликта с уполномоченным. В разговоре с Кариковым он обычно заявлял, что также считает нецелесообразным открытие молитвенных домов. Но, как писал Кариков, отказывался «взять на себя отказ верующим», и передавал вопрос на усмотрение благочинных, которые ходатайства верующих об открытии храмов поддерживали [3, л. 51].

Как следствие, священники зачастую или совершали богослужения втайне от Карикова, или пытались (тоже втайне) организовывать в собственных домах молитвенные дома. Как со временем выяснилось, и епископ, и благочинные знали, что верующие приобретали дома, а священники тайно в них служили. Конечно, такие случаи резко пресекались, а «виновные» строго наказывались (райсовет штрафовал священника на 5000 руб.), но они имели место [3, л. 52].

При этом уполномоченный понимал, что правящий архиерей все не спешит делиться с ним «вопросами о религиозном движении», личными «жалобами на священников» и т. д. [3, л. 48–49]. То есть явно скрывал от него то, что происходит в регионе.

Все это происходило на фоне общего «повышения посещаемости храмов», которых не хватало, и просьб людей «о разрешении богослужений вне храмов, под открытым небом». Вполне предсказуемо подоб-

ные просьбы Кариков объяснял «не изжитыми традициями из прошлого» и «недостаточной» культурно-просветительской и политико-воспитательной работой [5, л. 2]. Было очевидно, что в области идет наступление на Церковь, а Кариков был его верным проводником. Забегая вперед, можно отметить, что в целом вся эта история закончилась для уполномоченного очень грустно. В 1958 г. он умер от туберкулеза легких. Интересно, что перед его смертью священник епархии попытался (за свой счет!) отправить его в санаторий. А «верный себе» чиновник в последний раз попытался «привлечь» сострадавшего ему священнослужителя. В итоге после смерти Карикова жена заказала по нему в кафедральном соборе панихиду. А епархиальное управление выделило на его похороны 5000 руб. [7, л. 33–36]. И записало на поминование.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 33.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 99.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ФР-6991. Оп. 1. Д. 100.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 101.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 102.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 235.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1588.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 92.
9. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 4648. Оп. 1. Д. 8.

М.В. Рослякова,

доцент кафедры, Ивановский филиал РАНХиГС (Иваново)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВОЗМОЖНОСТИ БАЗЫ ДАННЫХ ПО СОЦИАЛЬНОМУ СЛУЖЕНИЮ

Аннотация. Рассмотрена структура и содержание базы данных по социальному служению Русской православной церкви. Представлены рекомендации по совершенствованию социальной деятельности церкви.

Ключевые слова: социальное служение, Русская православная церковь; социальная работа; социальные учреждения; База данных; цифровизация.

M.V. Roslyakova,

Associate Professor, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ivanovo)

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND SOCIAL ACTIVITIES: THE POSSIBILITIES OF A DATABASE ON SOCIAL SERVICE

Abstract. The structure and content of the database on the social ministry of the Russian Orthodox Church are considered. As a result, recommendations for improving the social activities of the church are presented.

Keywords: social service, Russian Orthodox Church; social work; social institutions; Database; digitalization.

Политика Российской Федерации как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Для преодоления социальных проблем – ситуаций, которые препятствует нормальному развитию общества и несовместимы с ценностями значительного числа граждан, создана система социальной защиты. Но государственные органы и организации не в состоянии помочь всем социально уязвимым группам, для этого требуются коллективные усилия общества. Русская православная церковь (РПЦ) изначально поддерживала нуждающихся, «милосердие и благотворительная деятельность находится в основе всего исторического развития восточно-христианской церкви» [5, с. 427]. Сегодня церковь выступает партнером государства в решении социальных вопросов. «Практика соработничества для церкви не нова, в ходе исторического становления она фактически была укоренена в православной традиции

и модернизировалась в силу политических изменений конца прошлого столетия» [3, с. 65]. В современном мире для повышения эффективности социальной деятельности церкви и взаимодействия с внешними заинтересованными лицами (профильными государственными органами, благотворителями, волонтерами, благополучателями) целесообразно использование цифровых инструментов и технологий. Согласимся, что Интернет-пространство является перспективным ресурсом для распространения информации о социальном служении РПЦ [7, с. 19]. В статье рассматривается структура, содержание и перспективы использования базы данных по социальному служению Русской православной церкви (social.diaconia.ru).

Среди работ, в которых обсуждается тема социального служения РПЦ, отметим исследования Е.А. Сипягиной [6] Г. Андрианова и Н.Ф. Басова [1], Б. Кнорре [4] А.Б. Шигуровой [8]. Вопросы использования информационных ресурсов затрагивались О.А. Устиновой [7], М.Г. Ковтунович [5], но целенаправленно база данных РПЦ в работах не анализировалась.

Понятие «социальное служение» включает акты милосердия, благотворительности, помощи нуждающимся и другие организованные формы социальной деятельности, служение проявляется в создании условий для социальной реабилитации нуждающихся членов общества [1, с. 53]. Б. Кнорре [4, с. 69–70] предлагает рассматривать социальное служение в узком смысле – как духовно-психологическую и материальную помощь социально не защищенным категориям населения, и в широком смысле, как деятельность, направленную на улучшение жизни социума, в первую очередь, ориентированную на молодежь (воспитание, образование, организацию досуга, создание перспектив реализации потенциала), а так же диалог общества с государством с целью принятия программ, направленных на решение социальных проблем. Широкий спектр направлений социальной деятельности церкви отображен в программном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (<https://azbyka.ru>).

Отметим, что возрождение церковной социальной деятельности в постсоветский период началось с учреждения Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению (1991 г.). Первоначально организация социального служения была хаотичной, нескоординированной, целостное представление о социальной деятельности в епархиях отсутствовало [4, с. 72–73]. Недостаток и фрагментарность информации о количестве и сфере деятельности церковных социальных объектов затрудняли координацию на общецерковном и межепархиальном уровне. В 2010 году отдел инициировал создание

базы данных по церковному служению РПЦ, для «соединения эффективных современных технологий благотворительности с подлинно христианским служением ближнему» (<https://www.diaconia.ru>). Сформированная база данных содержит совокупность систематизированных материалов о социальных учреждениях, проектах и инициативах РПЦ, действующих как в России, так и за рубежом. Единая база обеспечивает функционирование в рамках общего информационного пространства, что необходимо для эффективного управления и организации межприходского и межепархиального взаимодействия. База размещена в открытом доступе (social.diaconia.ru).

Сбор и обработка информации осуществляется во взаимодействии с епархиальными отделами по церковной благотворительности и социальному служению. Для внесения в базу церковные службы заполняют анкету на сайте, но данные добавляются после одобрения редактора. Важно, что база включает сведения об организациях, которые учреждены или созданы непосредственно церковными единицами – епархиями, приходами. Это позволяет выявлять организации, которые используют мнимый церковный статус или имитируют сотрудничество с РПЦ.

Социальные объекты в базе распределены по трем крупным категориям – 1) церковные социальные учреждения; 2) храмы, участвующие в социальном служении; 3) государственные учреждения, которым оказывается помощь. На 06.01.2025 в базе зарегистрировано социальных учреждений – 5659; храмов – 3290; государственных учреждений – 1796. База данных предоставляет возможности для количественных оценок, характере и видах социального служения. Так, количество храмов в пределах Российской Федерации в 2009–2024 гг. увеличилось с 14 290 до 25 098, монастырей – с 464 до 608 (www.patriarchia.ru). В базе данных зарегистрировано (по России) 3038 храмов и монастырей, которые участвуют в социальном служении, что составляет 11,8 % от общего количества храмов и монастырей. Доля приходов, вовлеченных в служение, остается стабильной с 2012 года (11 %) [2, с. 357]. Несколько отличаются данные по Ивановской митрополии (всего 324 храма) (elitsy.ru), в базу данных включены 45 храмов (13,9 %), что выше, чем по стране в целом.

База включает информацию о территориальном распределении социальных объектов по странам: Россия (9948); Беларусь (726); Киргизия (24); Казахстан (15); Таджикистан (9); Эстония (6); Украина (3); федеральным округам РФ, регионам, епархиям и благочиниям. Предполагалось создание интерактивной карты с церковными благотворительными проектами всех европейских епархий РПЦ. Данные по территориальному размещению социальных учреждений помогают установить,

в каких регионах наибольшая и наименьшая концентрация учреждений, выявить тенденции и причины такого распределения, оценить специфику церковной социальной работы в епархиях.

База показывает категории нуждающихся, которым помогает церковь: люди с зависимостями (алкоголь, наркотики, др.); семьи и дети (многодетные, малоимущие, неполные); бездомные; беременные; душевнобольные; инвалиды; мигранты, беженцы; пострадавшие от чрезвычайных ситуаций; престарелые и другие проблемные категории.

В базе представлен перечень типов церковных социальных служб и организаций: медицинские (аптеки; патронажные службы; пункты проката предметов ухода за больными); предоставляющие питание и бытовые услуги (столовые; душевые и прачечные самообслуживания для бездомных и малоимущих); оказывающие поддержку (богадельни; группы самопомощи; центры защиты материнства; временные приюты); образование и просвещение (курсы для нуждающихся; православные библиотеки; досуговые центры) и другие. Эта информация помогает понять, какие типы учреждений наиболее востребованы в разных регионах и епархиях.

База обеспечивает возможность определить виды помощи, которая оказывается церковными социальными учреждениями – материальная (вещевая, продуктовая, финансовая, лекарственная); медицинская, в том числе посещения больных; социальная помощь (организация ночлега; покупка билетов; трудоустройство; бытовая помощь и ремонт; уход); культурная и духовная (раздача подарков; распространение духовной литературы; организация досуга и отдыха; паломнические поездки; переписка; поздравления с церковными праздниками), а так же психологическая, транспортная, юридическая и иная помощь.

Обобщается в базе данных информация о взаимодействии с государственными учреждениями при решении социальных проблем. Перечень государственных учреждений, которым оказывает помощь РПЦ, разнообразен, включает медицинские (больницы; госпитали; женские консультации; родильные дома); образовательные (школы; детские сады); военные и правоохранительные (воинские части; колонии; подразделения полиции; следственные изоляторы); дома ночного пребывания для бездомных; центры реабилитации и другие учреждения. Церковь стремится максимально расширить социальное служение и полностью охватить социальную деятельность, т. е. показать, что связь государства и церкви в решении социальных проблем должна быть неразрывной [4, с. 78–79].

Определимся с возможными направлениями использования базы данных по социальному служению РПЦ. В первую очередь, предоставляется систематизированная информация по социальным объектам,

обеспечивается достоверность и актуальность данных о характере социального служения РПЦ. Анализ данных позволяет обобщать опыт церковной социальной работы, оценить ее масштаб и эффективность, координировать и разрабатывать проекты для улучшения социальной деятельности. Включение объекта в базу может рассматриваться как форма сертификации деятельности социальной организации и гарантия безопасности взаимодействия с ней. На основе данных осуществляется координация работы на разных уровнях и между различными участниками процесса (епархия, благочиние, приход), обмен опытом по направлениям деятельности, группам нуждающихся и территориям. Возможно организовать поиск и привлечение партнеров, волонтеров и благотворителей по направлениям деятельности, группам нуждающихся и территориям. База гарантирует максимальную открытость, доступность и прозрачность информации о социальных проектах для повышения доверия общества к РПЦ.

Государственные социальные службы и учреждения получают информацию о возможности привлечения церковных добровольцев в государственные учреждения, закрепления за каждым храмом социальных и медицинских учреждений. Использование базы данных целесообразно для решения образовательных задач в сфере социальной работы, государственного и муниципального управления.

Отметим, что возможности, которые предоставляет база данных, ограничены, в первую очередь, регистрация в базе – добровольная, поэтому информация не является исчерпывающей. Вероятно, что сведения реестра неполные, имеется дублирование информации, требуется точная классификация по типам объектов, видам деятельности и категориям нуждающихся, но наличие базы значимо с точки зрения актуализации темы социального служения в информационном пространстве.

Таким образом, социальное служение РПЦ играет важную роль в решении социальных проблем, охватывая широкий круг социальных практик и инициатив. В условиях цифровизации создание и развитие Базы данных по социальному служению РПЦ является неотъемлемой частью современной церковной деятельности. База данных предназначена для координации и управления социальными проектами РПЦ, включает перечень возможных видов церковных социальных служб, направления деятельности, показывает взаимодействие РПЦ с государственными организациями социальной сферы. Актуальное использование базы данных для анализа и улучшения церковной социальной деятельности.

Библиографический список

1. *Андреанов Г. (святиц), Басов Н.Ф.* Социальное служение Русской Православной Церкви: традиции и современность // Ипатьевский вестник. 2020. № 3. С. 51–58.
2. *Забаев И.В.* Специфика социальной работы на приходах Русской православной церкви: проблема концептуализации / И.В. Забаев, Д.А. Орешина, Е.В. Пруцкова // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 3. С. 355–368.
3. *Зенков А.Р.* Деятельность Русской православной церкви в социальной сфере: институты и социальные практики // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 63–73.
4. *Кнорре Б.* Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума // Православная церковь при новом патриархе. М., 2012. С. 69–121.
5. *Ковтунович М.Г.* Вопросы подготовки служителей и религиозного персонала религиозных организаций к работе с детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию // Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии. Ялта, 2019. С. 426–432.
6. *Сипягина Е.А.* Преобразование социального служения русской православной церкви в период патриаршества Алексия II 1990–2008 гг. // Ипатьевский вестник. 2019. № 7. С. 266–276.
7. *Устинова О.А.* Интернет как канал информирования о деятельности Русской православной церкви и ее социальном служении // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия. 2016. № 1. С. 16–20.
8. *Шигурова А.Б.* Современные практики социального служения и благотворительности Пензенской епархии (1991–2024 гг.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 3. С. 14–157.

Д.И. Сазонов,
протоиерей, Костромская епархия (Кострома)

ОЦЕНКА ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ I В СВЕТЕ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1945–1948 ГОДЫ

Аннотация. На основании источников следует, что экклезиологическое восприятие Патриарха Алексия характеризуется верностью церковным традициям единства и соборности Церкви, при понимании реалий жизни в атеистическом государстве. В послевоенное время, при совпадении интересов государства и Церкви, были воплощены ряд международных проектов, которые возвышали авторитет Русской Церкви как лидера объединяющего Православные Церкви и которые давали возможность налаживать церковную жизнь в СССР. Курс, выбранный Патриархом, позволяет сделать вывод о соответствии единства его призвания и служения.

Ключевые слова: Патриарх, Церковь, государство, догмат, собор, гонения, верующие.

D.I. Sazonov,
Archpriest, Kostroma Diocese (Kostroma)

AN ASSESSMENT OF THE ECCLESIOLOGICAL BELIEFS OF PATRIARCH ALEXY I IN THE LIGHT OF HIS ACTIVITIES IN 1945–1948

Abstract. Based on the sources, it follows that Patriarch Alexy's ecclesiological perception is characterized by fidelity to the church traditions of unity and conciliarity of the Church, while understanding the realities of life in an atheistic state. In the post-war period, with the interests of the state and the Church coinciding, a number of international projects were implemented that raised the authority of the Russian Church as a leader uniting Orthodox Churches and which made it possible to establish church life in the USSR. The course chosen by the Patriarch allows us to conclude that the unity of his vocation and ministry is consistent.

Keywords: Patriarch, Church, state, dogma, council, persecution, believers.

На Поместном соборе Русской Церкви 2 февраля 1945 года Патриархом Московским и всея Руси был избран митрополит Ленинградский Алексий (Симанский). При рассмотрении и анализе его деятельности в 1945–1948 гг., а также, при изучении его эпистолярного и проповеднического наследия следует признать, что экклезиологическое сознание Патриарха Алексия твердо базировалось на догмате IV Все-

ленского собора, провозглашавшего равенство двух природ во Христе – божественной и человеческой, и не претерпело изменений на протяжении всей его жизни. Именно в понимании догмата о соработничестве Бога и человека, о понимании которого он часто заявлял, можно точнее понять взгляды и саму деятельность Патриарха как главы Русской Церкви и выбранный им курс жизни Церкви в атеистическом государстве. Сам Патриарх поясняет, что халкидонский догмат о двух природах во Христе «представляет для нас незыблемое основание богочеловеческой жизни. Средоточием оной является Церковь Христова как видимый союз Бога с людьми, как Царство Божие на земле» [3, с. 158]. Именно с позиций догмата богочеловеческого соработничества Патриарх направлял курс Церкви, призывал духовенство и верующих бороться против религиозного обмирщения, наряду с этим, указывал, что евангельское благовестие должно помочь христианину правильно воспринимать вызовы времени и давать на них правильный ответ. В условиях государственного атеизма он предлагал воспользоваться формулой «христианского реализма» – воплощать заветы Христа в секулярном мире, используя при этом современные формы проповеди [11, с. 9].

О Патриархе Алексие, как о человеке большого духовного величия вспоминал его бывший иподиакон, митрополит Питирим (Нечаев), характеризуя Патриарха как личность большого духовного содержания и высоты, которые выделяли его среди современных ему иерархов [1, с. 136]. Следует отметить, что во время своего управления Русской Церковью Патриарх Алексей много раз оказывался перед различным ситуативным выбором, который требовал не только глубоких богословских познаний, но также таких качеств как сила веры, чуткость, интуиция, владение инструментарием тонкой дипломатии.

Послевоенное время и ситуация требовали поиска новых путей, анализа и переоценки уже возникших форм и моделей церковного управления. Широкий диапазон деятельности Патриарха был наполнен пастырским служением, интенсивными международными и межцерковными контактами, восстановлением разрушенных в 1930–1940-е годы церковных структур, работе с кадрами. Наглядно духовная величина Патриарха, его верность своему призванию видна из его выступлений в защиту Церкви и паствы как в начале 1940-х, так и в 1960-е годы, годы «хрущевских гонений против Церкви. Опубликованная переписка с Г. Карповым также показывает позицию Патриарха, в которой твердо выражена глубокое понимание им международной и религиозной обстановки, определены приоритеты интересов Русской Православной Церкви внутри страны. Наглядно видна взвешенная и продуманная позиция Патриарха, например, в рекомендациях Совету по делам РПЦ по поводу процесса воссоединения украинских греко-католиков с Православной Церковью, не

должного вызывать двусмысленности [2, с. 92–93]. К сожалению, власть не прислушалась к доводам Патриарха. Принятая Советом концепция дала повод для дискредитации воссоединения в 1946 году, и основание, в 1990-е годы, восстановить структуры УГКЦ.

В послевоенное время, в русле нового церковного курса Патриарх предлагал подкрепить авторитет страны-победительницы над фашизмом образом церковного объединения Православных Церквей вокруг Русской Церкви, возрожденной славы Отечества как возрожденной имперскости России. Победой церковной дипломатии во главе с Патриархом в 1946–1948 годы можно назвать выход Русской Православной Церкви на уровень международного сотрудничества, завоевание высокого авторитета среди Православных Церквей и неправославных религиозных объединений. В частности, в 1946 году в советском руководстве было принято решение поддержать инициативу Русской Православной Церкви по объединению всех Православных Церквей в мире, а также объединение вокруг нее епархий Русской Церкви в Америке, Финляндии и Европе. Учитывая желание государственной власти к возвышению роли СССР в мировой политике, 13 января 1947 года Патриарх обращается к Г. Карпову с мыслью созыва Всеправославного совещания, которое могло бы перерасти во Всеправославный собор в Москве, как в объединительном центре Православного мира (царства). В той же парадигме, к категориям вселенского масштаба и к извечной геополитической формуле «Москва – Третий Рим» следует отнести просьбы Патриарха о «Русском Афоне», о восстановлении русского присутствия в Европе, Америке, на Балканах и Ближнем Востоке, в Японии. В них говорится, что Советский Союз проводит политику «защиты традиционных интересов Родины» [5, с. 85–86]. Он, как и сменеховцы, готов принять Советский Союз как форму имперской России, справедливо считая, что преемственность «русской идеи», «Православного царства», не подвержены изменениям времени, и всегда будут востребованы людьми, желающими развития своему Отечеству.

По ряду причин, в первую очередь политических, Вселенский всеправославный собор в Москве не состоялся. С 8 по 18 августа 1948 года в Москве прошло Всеправославное совещание по случаю празднования 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. В 1948 году международная обстановка изменилась – период холодной войны противостояние систем, набирали обороты. Крушение некоторых амбициозных международных проектов государства сказались непосредственным образом на отношении к Церкви. В данной ситуации, интересы Церкви и интересы государства расходились. Основу единства автокефальных Православных Церквей, как и основу единства всех христиан, Патриарх Алексей видел, в первую очередь, в верности Боже-

ственному Откровению и подлинной христианской свободе духа, которая полагается в свидетельстве Истины, подтвержденным опытом неразделенной Церкви и раскрываемой соборным сознанием. Но видение Патриарха, как следует из переписки с Г. Карповым, не совпадали с желанием руководства государства использовать религиозный инструментарий для решения своих задач по созданию «второго Ватикана» и геополитических проектов [12, с. 7–8].

Выход Русской Церкви на мировую арену, заявка на ее лидерство в мировом экуменическом движении, была задумана и подана Патриархом в его обращениях к Г. Карпову как возможность посредством создания «Всемирной Ассамблеи Мира», а также, как религиозного единения на площадках ООН, воплотить давнюю мечту Православной России и объединить Православные Церкви, и всех христиан, в единую Православную семью, возглавляемую Русской Церковью [7, с. 133–134; 181–185]. В последствии, концепцию Патриарха Алексея по утверждению Русской Церкви как объединительной силы Православия подтвердит его приемник, Патриарх Пимен, который в своей речи на общественной встрече Всемирного Совета Церквей 17 сентября 1973 года заявлял, что вопросы христианского единения, а также, связанные с единением христиан отношение Церкви к нехристианам и неверующим, ставились и намечались к разрешению в России задолго до их возникновения на площадках экуменического движения на Западе [9, с. 312]. Актуальность и востребованность предложений Патриарха Алексея подтвердится через много лет. Идеи справедливости, мира и целостности творения, появятся на повестке дня вновь в 1990-е годы. Например, работа знаменитого ученого д-ра Карла Фридриха фон Вайцзеккера «Время не ждет» посвящена идее созыва в 1990-м году Всехристианской ассамблеи мира, что подтверждает актуальность предложений Патриарха Алексея, высказанных им в 1946 году [4, с. 46].

Из переписки Патриарха в Совет по делам РПЦ видно, что международные проекты, привлечение Русской Православной Церкви к дипломатической деятельности, рост ее авторитета во всем мире, помогали решению внутренних задач по возвращению Церкви храмов и монастырей, возвращению к своей деятельности репрессированных священнослужителей, умножению количества духовных учебных заведений. Патриарх при возможности защищал духовенство от произвола местных чиновников и уполномоченных Совета по делам РПЦ. Увеличение количества храмов только за год с 1947 по 1948 составило цифру 526 единиц (с 13803 до 14329). Количество священнослужителей на 3 477 человек (с 9627 до 13 104). В Академиях (2) и Семинариях (8) обучалось 562 человека [13, с. 2–28, 70]. К 800-летию юбилею Москвы

в 1947 году были возвращены мощи святителя Алексия Московского, Виленских мучеников, в Троице-Сергиеву лавру для поклонения верующих вернулись мощи преподобного Сергия Радонежского.

Настойчивым призывом звучат ходатайства Патриарха в Совет по делам РПЦ по восстановлению Духовных школ. Он, следуя логике своих убеждений, дальновидно считал образование не только «рассадником для кадров нашей Церкви, но и центром научно-богословской мысли Вселенского Православия» [8, с. 14–16]. В этой связи достаточно указать, что Патриарх Грузинский Илия II получил духовное образование в Московских духовных школах. Патриарх Алексий мыслит Лавру преподобного Сергия как комплексный духовный центр Русской Православной Церкви: академические и монастырские помещения как научно-богословскую базу и как площадку для производства предметов предназначенных для богослужебных целей [6, с. 80–81]. Именно в Лавре преподобного Сергия, постепенная передача Церкви которой проходила с 1946 по 1956 гг., проходили все последующие Поместные и Архиерейские соборы Русской Православной Церкви, международные конференции, куда приезжали главы правительств государств Запада и Востока, духовные лидеры Православия и мира.

Главным итогом деятельности Патриарха Алексия было то, что проложенный им курс Церкви на присущую ей всегда патриотическую деятельность и верности догматам Церкви был продолжен его преемником Патриархом Пименом, который, как и его предшественник, воплощал в жизнь соборную экклезиологию, руководствуясь халкидонским догматом в рамках христианского реализма.

Таким образом, деятельность Патриарха Алексия I вполне соответствует истине, что Бог, в тяжелые для Церкви времена выбирает для управления ее людей мудрых и мужественных, людей, без которых, не было бы того содержания времени, и последующие в 1960-е годы гонения трудно было бы перенести.

В завещании, в котором Патриарх передает паству в ведение Бога, желая ей мира и благоденствия, слышится его вера в единство небесной и земной Церкви, которую он, как пастырь, не оставит без своей молитвы [10, с. 14].

Библиографический список

1. *Александрова Т.Л., Суздальцева Т.В.* Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007.
2. Алексий I – Г.Г. Карпову 7 декабря 1945 г. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Том 1. 1945–1953 гг. / под ред.

Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

3. *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Слова, речи, послания, обращения статьи (1948–1954). М.: Издание Московской Патриархии, 1954. Т. II.

4. *Время не ждет! // Журнал Московской Патриархии*. М., 1989.

5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 21.

6. ГАРФ. Ф. Р-6991-ю. Оп. 1. Д. 30.

7. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 80; Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 142.

8. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 38.

9. *Пимен, Патриарх Московский и всея Руси*. Слова, речи, послания, обращения (1957–1977). М., 1977.

10. Пострадавшие за Христа на Радонежской земле в годы гонений и репрессий XX века. Синодик с краткими биографическими справками [в 2 т.] / Сост. иером. Пафнутий (Фокин). Сергиев Посад: СТСЛ, 2021. Т. 1.

11. Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на официальном приеме в честь Генерального Секретаря Всемирного Совета Церквей д-ра Юджина Карсона Блейка (Троице-Сергиева Лавра, 29 марта 1967 года) // *Журнал Московской Патриархии*. 1967. № 5.

12. Речь Святейшего Патриарха Алексия на приеме, устроенном в его честь Генеральным Секретарем Всемирного Совета Церквей в Женеве 24 сентября 1965 года // *ЖМП*. № 11.

13. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИ ДНИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 7. Л. 228; Д. 109.

УДК 908

О.С. Смирнова,

кандидат исторических наук, преподаватель воскресной школы
Свято-Покровского женского монастыря г. Суздаля

ЗАКРЫТИЕ ПОСЛЕДНИХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ХРАМОВ ГОРОДА СУЗДАЛЯ В 1937 г.

Аннотация. В статье на основе делопроизводственных документов анализируется процесс закрытия суздальских храмов в 1937 г. Делается вывод о том, что предпосылкой закрытия последних действующих храмов было новое антирелигиозное наступление властей, причиной – арест настоятелей этих храмов из-за нового витка политических репрессий в стране.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, закрытие храмов, Казанский храм г. Суздаля, Варваринский храм г. Суздаля, приходское собрание, политические репрессии.

O.S. Smirnova,

Candidate of Historical Sciences, teacher of the Sunday school
of the Holy Intercession Women's Monastery in Suzdal

THE CLOSURE OF THE LAST FUNCTIONING CHURCHES IN SUZDAL IN 1937

Abstract. The article analyzes the process of closing Suzdal churches in 1937 based on documents. It is concluded that the prerequisite for the closure of the last functioning churches was a new antireligious offensive by the authorities, the reason was the arrest of the priests of these churches due to a new round of political repression in the country.

Keywords: state-church relations, temple closing, Kazan Temple in Suzdal, Varvarinsky Temple in Suzdal, parish meeting, political repressions.

Изучение государственно-церковных отношений в советский период остается актуальной научной проблемой. Этому способствуют новые публикации исторических источников, а также совершенствование методологической базы исследований.

В ходе масштабной реставрации памятников архитектуры г. Суздаля, начавшейся вскоре после Великой Отечественной войны, шел процесс изучения истории отдельных храмов. Но тогда целей указать причины закрытия церквей не ставилось. Первые научные публикации об истории суздальских приходов и об их ликвидации принадлежат сотрудникам Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Эти труды вышли только в постсоветский период. Они основаны как на делопроизводственных документах советских и партийных органов власти, так и на источниках личного происхождения: дневниках, воспоминаниях старожилов [17, 1]. Чуть позже вышла коллективная монография «История религии во Владимирском крае (советский период)», где обобщались выводы краеведческих исследований, в научный оборот вводились документы Владимирского епархиального управления [12].

Тема закрытия суздальских храмов в 1930-е годы традиционно затрагивается в ходе ежегодных краеведческих конференций. Исследователи выделяют несколько периодов активизации этого процесса, связывая их с ходом коллективизации и усилением политических репрессий в стране. Большой интерес представляет раскрытие индивидуальных особенностей взаимоотношений прихожан с местными органами власти. Эти исследования в основном основываются на делопроизводственных документах [10, с. 96].

Некоторые стороны церковной жизни г. Суздаля и округа отражены в материалах местной прессы 1930-х годов. Информация, содержащаяся в этих публикациях, представляет определенный интерес, как

документ эпохи, но требует сверки с другими видами исторических источников [16, 4]. В связи с новым открытием Казанского храма в 1996 г., его история освещалась в суздальских газетах, но эти материалы носили, конечно, исключительно публицистический характер [8]. Т. о. актуальным является изучение предпосылок, причин и самого хода закрытия последних действующих храмов города Суздаля.

Литургическая жизнь в храмах г. Суздаля прервалась весной 1937 г. Причиной прекращения богослужения в последних оставшихся открытыми – Варваринской и Казанской церквях – был арест их настоятелей. 17 апреля 1937 г. был арестован протоиерей Виталий Кулинский – настоятель Казанского храма, староста церкви Ольга Алексеевна Лужнова. В 1934 г. о. Виталий уже подвергался репрессиям, был арестован в Киеве, где служил в Пантелеимоновском храме, обвинен в критике советской власти через проповедь. В связи с преклонным возрастом был осужден на 3 года ИТЛ условно и выслан сначала в Харьков, потом во Владимир. Владимирский архиерей назначил его служить в Казанский храм г. Суздаля [11, с. 74]. Настоятеля Варваринской церкви иерея Алексея Извольского арестовали 19 апреля 1937 г. [11, с. 40]

25 апреля 1937 г. в районной газете появилась статья о том, что в г. Суздале «обезврежена контрреволюционная группа церковников». В статье сообщались вымышленные сведения о признании обвиняемыми их вины, говорилось об инициативе прихожан Казанской церкви закрыть храм [16]. Подлинного заявления приходского собрания с просьбой о закрытии церкви обнаружить не удалось. В архивном деле о закрытии Казанского храма имеется только его копия, датированная 18 мая 1937 г., подозрительно повторяющая газетные формулировки о том, что церковь – «рассадник контрреволюции». Происхождение этого документа вызвало сомнение и в Комиссии по вопросам культов при Ивановском облисполкоме. Заявление было возвращено в Суздальский райисполком для проверки. Официальное закрытие Казанского храма последовало только 15 июля 1937 г. [6, л. 10].

Прихожане Варваринской церкви также не торопились отказаться от храма. После ареста настоятеля членов приходского собрания вызвали в Суздальский райисполком, «настоятельно предлагали отказаться от аренды храма, предупреждая о тяжелой ответственности, если новый поп впоследствии окажется контрреволюционером» [7, л. 34]. Все же верующие от храма не отказались. Даже собирались, по требованию властей, отремонтировать здание. Разрушение Варваринской церкви началось вскоре после прекращения в ней богослужений, когда была продана на слом ее ограда [17]. Окончательное разрушение летней Похвалынской и зимней Варваринской церквей пришлось на послевоенное время [9, с. 81].

В 1937 г. закрылся и ближайший к г. Суздалью действовавший храм в селе Михайлова Сторона (примыкает к городу) [5, л. 96]. 21 ноября был арестован настоятель этого храма иерей Михаил Димитров [13]. После этого верующие города Суздаля стали посещать богослужения в храме селе Кидекша (4 км от города) и селе Санино (18 км от города). Но в январе 1941 г. они лишились и такой возможности: 18 января 1941 г. был арестован настоятель Никольской церкви села Санино иерей Евгений Взоров [9, с. 186]. 11 января решением Ивановского обл-исполкома за отказ верующих ремонтировать здание старинной белокаменной Борисоглебской церкви с. Кидекша договор аренды с религиозной общиной был расторгнут. К тому времени уже несколько лет богослужения совершались только в зимнем Стефановском храме с. Кидекша, а летний старинный храм построенный князем Юрием Долгоруким в 1152 г. с 1937 г. стоял в запустении, «с разбитыми стеклами, захламленный и сырой» [2, л. 15]. Оставшийся без места бывший настоятель Стефановского храма протоирей Василий Скандовский переселился в г. Суздаль, где тайно совершал богослужения на дому, до его ареста 29 апреля 1942 г. [11, с. 63].

В 1937 г. происходило повсеместное закрытие храмов на всей территории СССР, было закрыто около 8 тысяч церквей [3, с. 382]. Закрытие суздальских церквей было результатом как продолжавшейся институциональной борьбы с Русской Православной Церковью, так и последствием начавшегося в стране «большого террора». Решение Политбюро от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах» спровоцировало новую, самую мощную волну репрессий, которые захватили и представителей духовенства и мирян. Этот документ призывал усилить бдительность за кулаками и бывшими осужденными, вернувшимися из мест ссылок. Представителям НКВД полагалось всех их взять на учет, чтобы «наиболее враждебные были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки», а менее активные, но все же враждебные были бы переписаны и высланы [14, с. 235].

Причины нового витка репрессий исследователям видятся по-разному. Это и сталинский тезис об усилении классовой борьбы, и попытка окончательно подавить возможную активность «пятой колонны». Отмечается, что начавшись, эта акция устрашения приняла катастрофически большой размах. Приказом наркома НКВД Ежова от 30 июля 1937 г. список нежелательных лиц, отмеченных ранее в решении Политбюро, значительно расширился за счет кулаков, церковников, сектантов, оппонентов большевиков времен гражданской войны, членов политических партий и национальных движений. Для разных регионов

страны было определено количество обвинительных приговоров ссылки и расстрела репрессируемых. Местным органам НКВД было дано право увеличивать количество репрессируемых, с согласия центральных властей [18, с. 80]. Уничтожив ранее заклеянных репрессиями граждан, террористическими методами власти запугали все население страны. Предполагаемого большого числа диверсантов и вредителей, испугались не только сами чекисты, но и простые обыватели. Широко распространилось доноительство.

Например, 28 сентября 1937 г. в Суздале была арестована бывшая игуменья Покровского женского монастыря. За участие в «контрреволюционной группе церковников» в 1930 г. она уже была приговорена к ссылке в Архангельск на три года. Вернувшись в Суздаль, иг. Мария поселилась в доме бывшей послушницы Покровского монастыря. Несмотря на скрытную жизнь и все предосторожности (выходила на улицу она только ночью), иг. Мария была арестована. Ее обвинили в антисоветской агитации, приговорили к высшей мере наказания, расстреляли 14 октября 1937 г. [15, с. 44].

6 апреля 1938 г. был вновь арестован иерей Константин Орлов, служивший в разных храмах г. Суздаля и Суздальского района. С 1930 по 1933 гг. он был заключен в концентрационном лагере. Новый срок наказания составлял уже 8 лет. В Суздаль о. Константин вернется только в 1946 г., несмотря на подорванное здоровье, продолжит церковное служение [11, с. 55].

Закрытие последних действовавших суздальских храмов в 1937 г. подтверждает общесоюзную тенденцию государственно-церковных отношений в довоенный период. Предпосылки закрытия – очередное антирелигиозное наступление властей, видевших угрозу в сохранявшейся религиозности населения. Всесоюзная перепись начала 1937 г. показала тщетность попыток искоренения религии, посеянный советской властью обновленческий церковный раскол не дал желаемых плодов, работа Комиссии по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК, контролировавшая соблюдение закона в отношении религиозных объединений, не смогла подавить сопротивление верующих.

Причиной закрытия суздальских храмов в 1937 г. стал начавшийся в стране новый виток политических репрессий. Владимирская область в контексте «большого террора» была наиболее уязвима по сравнению с соседними регионами, т. к. здесь концентрировались ранее заключенные священники и миряне, ограниченные в праве выбора места жительства. Казанский, Варваринский храм и церковь в селе Михайлова Сторона закрылись по причине ареста священнослужителей, из-за чего прекратились регулярные богослужения. Пригласить новых

священников у прихожан уже не было возможности, т. к. предполагаемые кандидаты недолго оставались на свободе.

Библиографический список

1. *Аксенова А.И.* Суздаль XX век. Владимир, 2002.
2. Архив Суздальского музея. Фонд А.Д. Варганова. Оп. 1. Д. 3а (дневник).
3. *Бычков С.С.* Большевики против Русской Церкви. Очерки по истории Русской Церкви (1917–1941). Т. 2. М., 2006.
4. *Варганов А.Д.* Преступное отношение к памятнику // Колхозный клещ. 1937. 16 мая.
5. ГАВО. Ф. Р-45. Оп. 5. Д. 7.
6. ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 775.
7. ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 3. Д. 845.
8. *Горбатов М.* Казанская церковь г. Суздаль // Вечерний звон. 1997. № 36.
9. *Ершов А.Л.* Взаимоотношения Русской православной церкви и советских властей в 1929–1941 гг. (на материалах Владимирского края): дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2012.
10. *Ершов А.Л.* Судьба храма в с. Борисовском Суздальского района в XX веке // Суздальский сборник за 2023: сборник научных статей / [редкол. А.Л. Ершов (отв. ред.) и др.]. Владимир, 2024.
11. За Христа пострадавшие в земле Владимирской: Синодик и биографический справочник. Александров, 2000.
12. История религии во Владимирском крае (советский период): монография / Е.И. Аринин [и др.]; отв. ред. Е.И. Аринин. Владимир, 2018.
13. Комиссия по канонизации святых Владимирской митрополии. URL: <http://www.vladkan.ru/personal/0512040000.html> (дата обращения: 10.12.2024).
14. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2004.
15. Настоятельница суздальского Покровского монастыря игумения Мария (Либеровская): к 80-летию со дня кончины. Владимир, 2016.
16. О контрреволюционной деятельности церковников // Колхозный клещ. 1937. 25 апреля.
17. *Тимофеева Т.П.* Лежит в развалинах Твой храм... О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918–1939). Документальные хроники. Владимир, 1999. URL: <http://www.rusarch.ru/timofeeva16.htm> (дата обращения: 11.12.2024).
18. *Thurston R.* Life and terror in Stalin's Russia. 1934–1941. New Haven, 1996.

А.С. Соколов,

профессор, Рязанский государственный радиотехнический университет
имени В.Ф. Уткина (Рязань)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ «РЕЛИГИОЗНОГО НЭПА»

Аннотация. Рассматривается вопрос о взаимоотношениях православной церкви и советского государства в середине 1920-х гг. Анализируются мероприятия, в связи с политикой уступок, в том числе «либерализацией» церковной жизни. Особое внимание уделяется настроениям населения в связи с неурожаем

Ключевые слова: либерализация, крестьянство, неурожай, общество, Русская православная церковь.

A.S. Sokolov,

Professor, Ryazan State Radioengineering University named after V.F. Utkin (Ryazan)

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CONTEXT OF THE «RELIGIOUS NEP»

Abstract. The article examines the issue of the relationship between the Orthodox Church and the Soviet state in the mid-1920s. It analyzes the measures taken in connection with the policy of concessions, including the "liberalization" of church life. Special attention is paid to the mood of the population in connection with the crop failure

Keywords: liberalization, peasantry, crop failure, society, Russian Orthodox Church.

1925 г. явился периодом максимального расцвета новой экономической политики. Нормализация экономической жизни и укрепление товарно-денежных отношений позволили в этом году завершить реконструкцию промышленности. В 1925 г. были полностью восстановлены довоенные посевные площади [4, с. 109]. В октябре 1924 г. пленум ЦК РКП(б) провозгласил курс «лицом к деревне». Был снижен объем сельскохозяйственного налога, увеличены сроки аренды земли, сняты ограничения для участия зажиточных крестьян в кооперативах. Стала проводиться линия на оживление деятельности сельских Советов. В январе-феврале 1925 г. кампания перевыборов в Советы прошла успешно при большом наплыве избирателей. Для некоторых категорий «эксплуататорских элементов» временно отменили лишение избирательных прав, установленное Конституцией 1918 г. В рамках проводившейся партией

политики уступок наблюдался курс на либерализацию общественных отношений, в том числе на церковные организации. В сентябре 1924 г. ЦК партии направило в партийные организации циркулярное письмо, в котором разъяснялось какими методами они должны вести антирелигиозную пропаганду в новых условиях: широкой разъяснительной и агитационной работой, при решительном отказе от таких административных мер как огульное закрытие церквей, преследование крестных ходов и т. п. [2, с. 207]. Вместе с тем советская власть по-прежнему усматривала опасность в деятельности православной церкви. В информационной сводке ОГПУ, направленной руководству страны в январе 1925 г. отмечалось, что тихоновское течение окончательно кристаллизуется как антисоветская группировка. «Епископами назначаются бывшие офицеры и другие антисоветские элементы. Церковноприходские советы тихоновских церквей являются почти повсеместно опорными пунктами для монархистов», — указывалось в документе [8, с. 47]. В феврале 1925 г. секретарь Антирелигиозной комиссии при ЦК Е.А. Тучков представил доклад о положении различных религиозных групп. В нем Тучков отмечал, что «тихоновская» церковь, изжившая столкновения с государством в 1922 году, приобрела вновь вид идеологического и органического целого». По его мнению в целом церковь имела явно антисоветский и реакционный характер, и это относилось не только к епископату, но и к мирянам, особенно членам приходских советов [7, с. 51].

На политику большевистского государства по отношению к церкви повлияла смерть патриарха Тихона. С его смертью, в апреле 1925 г., церковь лишилась своего первоиерарха и ОГПУ получило возможность действовать таким образом, чтобы это привело к ослаблению «группировки тихоновцев». После смерти патриарха в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано его послание, которое было передано в редакции местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Петром. Смерть Тихона вызвала противоречивую реакцию среди духовенства. По сообщениям Рязанского отдела ОГПУ священник села Чембор Спасского уезда Беляев распространял среди крестьян слух, что смерть патриарха Тихона — есть смерть преждевременная и «в этом всецело виновата советская власть, так как таковая его отравила, ибо это ей нужно было, и чтобы не было его среди крестьян» [3, л. 176]. В информационной сводке ОГПУ, направленной в ЦК в апреле 1925 г. указывалось, что «большое разложение в тихоновщину внесло опубликованное завещание Тихона ввиду его просоветского характера. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр, бывший чиновник синода, не авторитет как чересчур явный пьяница и развратник. Монархическая

часть епископата заняла выжидательную позицию» [8, с. 245]. Такие же настроения среди православного духовенства наблюдалась и в мае. По данным информационной сводки ОГПУ смерть Тихона продолжала служить источником различных суждений среди церковников. «Наиболее реакционная часть их смерть Тихона считает тяжелым ударом. Более примирительно настроенные к Советской власти считают смерть Тихона началом новой эры, когда на церковь прекратятся гонения за ее контрреволюционность. Большинство же держится выжидательно», – говорилось в сводке [8, с. 307].

Некоторые епископы не одобряли назначение Петра местоблюстителем патриаршего престола. Среди них был епископ Борис Рязанский, человека, по мнению рязанского краеведа С.Д. Яхонтова «с могучей силою воли, незаурядным умом, настойчивостью и апостольскою верою в свое дело» [11, с. 640]. В июне 1925 г. Борис при посещении Спасского уезда Рязанской губернии дал наказ духовенству вести беспощадную борьбу с безбожниками, на основании чего стали распространяться слухи о скором падении советской власти [3, л. 204].

Кончина патриарха Тихона обострила борьбу между сторонниками обновленчества и тихоновцами. Обновленцы надеялись на скорый крах патриаршей церкви. С одной стороны, они использовали метод очернительства перед властями тихоновцев, с другой – предлагали тихоновцам воссоединение на «примирительном соборе», который состоялся в октябре 1925 г. в Москве. Обновленческому предложению о примирении был дан отпор. Из столицы по всем епархиям было разослано воззвание митрополита Петра занять непримиримую позицию по отношению к обновленцам. Только в некоторых губерниях тихоновцы участвовали совместно с обновленцами в подготовительных съездах и выборах (Вятка, Тула, Самара) [9, с. 513]. Успех в борьбе с обновленцами окрылил тихоновцев. Местами они оказывали физическое сопротивление при передаче властям церквей.

Однако в компромиссных условиях середины 1920-х гг. государство продолжало проводить политику «воинствующего атеизма». Одним из центров антирелигиозной пропаганды стал Союз безбожников, основанный в 1925 г. Активно велась борьба с православной обрядовостью и праздниками. За решение об организации крестного хода в престольный праздник Борисо-Глебского собора г. Рязани 2 мая 1925 г. был отстранен от регистрации в качестве епископа Михайловского епископ Глеб (Покровский) [1, с. 21].

На повышение уровня религиозности сельского населения оказал неурожай 1925 г. Ряд регионов с июля по сентябрь охватили сильные дожди. В ряде регионов население страдало от голода. На почве голода

среди крестьян усилились религиозные воззрения. Большинство жителей деревни, особенно старших возрастов, считали, что голод зависит от Бога, ибо он нас наказал «за грехи». Существенно увеличился процент посещаемости церквей, в том числе и молодежи. Возросло количество случаев «обновления» икон. В селе Песковатое Липецкого уезда священник заявлял на проповеди: «В одном селе член РКП выбросил икону наружу и даже изломал ее, но утром, встав, увидел, что икона стоит на месте, вся новая» [5, с. 356]. На почве голода жители деревни Петровка Тамбовской губернии в мае взяли из каждого дома по иконе, ходили по полям, прося бога о дожде, и пели: «Святый Боже», «Богородицу» и «Христос Воскресе» [10, с. 328]. Правительство централизованно выделило 108 млн рублей на ликвидацию последствий недородов и голода [6, с. 411].

После смерти Тихона переговоры о нормализации отношений между православной церковью и советским государством вел митрополит Петр. Он ставил перед собой цель легализации церкви и регистрация органов церковного управления. Однако в декабре 1925 г. местоблюститель, митрополит Петр, был арестован.

Либерализация религиозной и церковной жизни в середине 1920-х гг. была непоследовательной и касалась, прежде всего, повседневных реалий. С одной стороны, официальные заявления гласили, что недопустимо вызывать негативные реакции среди верующих, в особенности среди крестьян. С другой стороны, власть преследовала прежнюю цель расколоть и сокрушить церковь.

Библиографический список

1. Гераськин Ю.В. Государство и Церковь: (из истории Православной Церкви Рязанского края в XX столетии). Рязань, 2003.
2. Гимпельсон Е.Г. НЭП и советская политическая система 20-е годы. М., 2000.
3. Государственный архив Рязанской области. Р-4. Оп. 2. Д. 53.
4. Давыдов А.Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России 1921–1929. СПб., 2021.
5. Ипполитов В.А. Влияние голода 1924–1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 2. С. 336–362.
6. Кондрашин В.В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М., 2024.
7. Роккучи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М., 2016.
8. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): сб. док.: в 10 т. Т. 3. в 2 ч. 1925 г. Ч. 1. М., 2002.

9. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): сб. док.: в 10 т. Т. 3. в 2 ч. 1925 г. Ч. 2. М., 2002.

10. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2: 1923–1929 гг. М., 2000.

11. *Яхонтов С.Д.* Воспоминания 1917–1942. Т. 2 / под ред. П.В. Акульшина. М.; Рязань, 2017.

УДК 94(47)

А.В. Степанов,

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ, ГАЗЕТНАЯ ПЕЧАТЬ И НАРОДНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ В ЯНВАРЕ 1905 г.

Аннотация. Рассмотрена реакция газет и некоторых священников русской Православной церкви на события 9 января 1905 г. в Петербурге. Автор считает, что в дни начавшегося политического пробуждения народа церковь и ее пресса не предлагали рабочим привлекательной альтернативы левой пропаганде.

Ключевые слова: Г.А. Гапон, русская печать 1900-х гг., православное духовенство.

A.V. Stepanov,

Associate professor, Ivanovo State University, Ivanovo

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH, DAILY PRESS AND POPULAR AWAKENING IN JANUARY, 1905

Abstract. Response of periodicals and clerics of the Russian Orthodox Church to January 9th, 1905 workers' massacre in St. Petersburg is explored. The author's point is that in the days of popular political awakening the Church and its media failed to offer to the workers a more attractive alternative than left-wing propaganda did.

Keywords: George Gapon, Russian daily press of the 1900s, Russian Orthodox Church clergy.

120-я годовщина начала первой революции в России дает историкам повод, среди прочего, вновь взглянуть на то, как повела себя в январские дни 1905 года, последовавшие за трагедией в Петербурге, Русская православная церковь. Этот вопрос не представляется праздным. В отечественных условиях начала XX века одна лишь РПЦ располагала

реальными средствами обращения к безграмотному или в лучшем случае малограмотному большинству населения, которому было недоступно печатное слово. Приходские священники могли донести народу особый взгляд церкви (буде он имелся) на внезапно и резко обозначившее-обозначившееся гражданское противостояние, или хотя бы выступить в роли ретрансляторов «государственной правды», стать если не ее защитниками, то, по крайней мере, распространителями. Но чтобы далекие до той поры от вопросов политики батюшки могли справиться с подобной ролью, им следовало получить соответствующие разъяснения от своего священноначалия. Единственный способ оперативно дать такие разъяснения массе приходского духовенства состоял в их публикации на страницах епархиальной печати.

Однако, судя по изученным нами материалам, в первые дни после «Кровавого воскресенья» официальные издания РПЦ трагическим событиям в столице империи, инициатором которых стал священник Г.А. Гапон, не уделили ни строчки. Например, «Известия по С.-Петербургской епархии» в номере за 20 января 1905 г. поместили, среди прочего, «Проповедническую памятку», которая советовала в качестве «прекрасного пособия для поучений на воскресные дни» книгу архиепископа Владимирского и Суздальского Сергия, опубликованную в 1898 г. Об актуальности подобного пособия, о его связи с современностью говорить не приходилось.

В «Московских церковных ведомостях» за 16 января 1905 г. о трагедии, происшедшей неделю назад, тоже нет ни слова. Газета публикует познавательную статью «Религиозные верования врагов наших – японцев». В номере рекламируется подписка на журнал «Ребус», который «главное место отводит обзору таинственных и загадочных явлений: телепатии, ясновидения, медиумизма, спиритизма и т.п. явлений психизма». Подобаает ли православному верующему читать оккультный журнал, редакция «Ведомостей», судя по всему, не задумывалась.

«Владимирские епархиальные ведомости» тоже обошли «Кровавое воскресенье» полным молчанием [4]. «Тамбовские епархиальные ведомости» 25 страниц своего номера от 15 января (40 % общего листажа) отвели подробному разбору учения Ф. Ницше, но о Девятом января даже не обмолвились.

Объяснять подобное поведение органов печати, издававшихся в епархиях РПЦ, цензурными запретами нет оснований. Достаточно познакомиться с номерами газеты «Московские ведомости» за начало января 1905 г., чтобы убедиться в том, что власти не препятствовали, например, публикации сообщений о забастовке, стремительно разгоравшейся на заводах и фабриках Петербурга. Заметим, что эта газета,

которую редактировал В.А. Грингмут – в скором будущем один из основателей и вождей «Союза русского народа» [5, с. 156] – отечественному освободительному движению отнюдь не симпатизировала [5, с. 337].

Немедленно сообщить о силовом разгоне рабочего шествия «Московские ведомости», конечно, не смогли. Но уже 11 января газета опубликовала длинную (около 200 строк) корреспонденцию из Петербурга с пометой «официальная». В ней, прежде всего, подробно излагалась история той организации, которую возглавлял Г. Гапон, причем подчеркивался ее легальный характер. Изначальными целями организации названо «удовлетворение духовных и умственных интересов рабочих и их отвлечение от влияния преступной пропаганды». В сообщении признавалось, что начавшаяся 2 января на Путиловском заводе стачка быстро охватила «почти все фабрично-заводские предприятия столицы», причем «не была соединена с нарушением порядка», т. е. не сопровождалась актами насилия со стороны бастующих.

Почти летописный объективизм изменяет автору официального коммюнике, когда речь в нем заходит о петиции столичных рабочих, предназначенной для вручения императору. В этом документе, составленном, якобы, лично Гапоном, «рядом с пожеланиями изменений условий труда были изложены дерзкие требования политического свойства». Заметим, что об авторстве петиции сам Г.А. Гапон, даже находясь в зените шумной славы, высказывался туманно: несколько ее проектов, якобы, предложили активисты «Собрания», но ни один их текст не устроил Гапона, и он написал петицию, используя отдельные наброски рабочих [6, р. 160]. Естественно, перечислить экономические «пожелания» петиции, а тем более – огласить ее «дерзкие требования», автор пресс-релиза не решился. Зато он заявил, что о политической части петиции рабочие не ведали; в дальнейшем этот тезис станет одним из лейтмотивов официальной пропаганды. (Гапон утверждал в мемуарах, что петицию подписали 135 тыс. рабочих [6, р. 261]; вероятно, перед этим они ее всё же прочли).

События самого «Кровавого воскресенья» изложены в пресс-релизе хотя и смягченно, особенно в части числа жертв, но по сути верно: рабочие не разошлись по требованию полиции, войска «вынуждены были произвести залпы», «произошли кровопролитные столкновения». Выделим суждение официоза, касавшееся вожака пролетарских масс столицы: «Фанатическая проповедь, которую, в забвении святости своего сана, вел священник Гапон, возбудила рабочих». Подчеркнем, что имя этого общественного деятеля – явного противника властей – в депеше упомянуто шесть раз, всегда с указанием профессии и без всяких

хулительных эпитетов. Такая корректность являет разительный контраст с разнузданным тоном революционных прокламаций, буквально наводнивших в те январские дни обе столицы. Чего стоит хотя бы повторяющееся в них бездоказательное утверждение, будто приказ стрелять в рабочих отдал лично император Николай II [1, с. 6; 2, с. 159, 185].

Не встретила возражений цензуры и редакционная колонка в номере «Московских ведомостей» от 12 января 1905 г. Лексика ее заголовка словно заимствована у властей: «Рабочий вопрос и политическая смута» (кличкой «смута» официальный мир именовал революцию). Ключевой тезис статьи весьма прост: «Не Гапоны и не Нечаевы должны являться руководителями рабочих, а сами рабочие, люди труда, живущие одной жизнью со своими товарищами по работе». Призвать православное духовенство выступить в роли рабочих вожakov, создать в России нечто вроде христианских профсоюзов, существующих в Европе, публицист «Ведомостей», вероятно, даже не мечтал, хотя опыт Гапона, казалось бы, давал такую надежду.

Молчание епархиальной прессы о «Кровавом воскресенье» в первые дни после трагедии не означает, что об этом событии не говорили с прихожанами хотя бы некоторые пастыри. Однако документальных свидетельств подобных бесед мы не нашли. Единственный известный нам случай – проповедь протоиерея Александра Хотовицкого, настоятеля кафедрального собора Святителя Николая Чудотворца в Нью-Йорке. 9/22 января 1905 г. на его службе в храме на Восточной 97-й улице, присутствовали первые лица дипломатического представительства России в США, прибывшие из Вашингтона: посланник граф А.П. Кассини, военный и военно-морской атташе, а также финансовый агент. В соборе их встречали генеральный консул России в Нью-Йорке граф Н.Н. Ладыженский и маэстро Василий Сафонов, в тот день дирижировавший концертом в зале Карнеги-холл.

По окончании службы отец Александр произнес проповедь, которую 12/25 января изложила газета «Нью-Йорк таймс». Вот что сказал русский священник в передаче американского журналиста: «Всего несколько дней назад мы слышали, как наш император едва не был убит в столице своей империи, где его так любят. Этот год кажется несчастливый для России. Он открылся катастрофой на Дальнем Востоке, а сегодня толпы дерутся на улицах столицы. Мы с полным основанием можем спросить, что сделала Россия, какие грехи совершили ее сыны, чтобы навлечь гнев Божий? Что мы должны сделать, чтобы снискать его прощение? Боже, спаси Россию!» Под «катастрофой на Дальнем Востоке» отец Александр имел в виду сдачу крепости Порт-Артур 5 января (по новому стилю), а словами о том, что император «едва не был убит», напомнил о инциденте 6/19 января во время религиозной церемонии

в Петербурге с участием Николая II, когда одно из салютующих орудий выстрелило поверх голов членов царской свиты зарядом боевой картечи.

Таким образом, на взгляд протоиерея Хотовицкого, в одном ряду стояли три события: падение давно обреченной крепости в сотнях верст от русских рубежей, халатность артиллеристов Петропавловки, обошедшаяся без особых последствий – и невиданный в нашей истории сотысячный марш питерских рабочих, их поход за правдой к царю-батюшке, организованный легально действующим союзом, возглавляемый православным священником и разогнанный военной силой. Впрочем, мирное народное шествие вряд ли вообще существовало для отца Александра; в оптике его мировоззрения «Кровавое воскресенье» виделось лишь стычками каких-то уличных «толп», а все упомянутые им в проповеди несопоставимые по значимости события охватывались одним понятием «гнев Божий». Заметим, что к вечеру (по времени Нью-Йорка) 9/22 января американская пресса успела достаточно подробно обрисовать читателям картину событий того дня в Петербурге; отговариваться отсутствием достоверных сведений у русского священника уже не было оснований.

Автору известна трагическая судьба, постигшая в 1937 г. А.А. Хотовицкого, равно как и факт причисления его к лику священномучеников РПЦ через 57 лет. Однако мы думаем, что это не опровергает следующего нашего тезиса: приписывая разворачивавшееся в России стачечное движение не комплексу давно копившихся причин, поддающихся хотя бы отчасти устранению силою государства, а непостижимой для простых смертных воле Божьей, отец Александр словно снимал с отечественной верховной власти всякую ответственность за решение «рабочего вопроса».

Вызывает удивление тот факт, что епархиальная пресса РПЦ с явным запозданием опубликовала «Послание» Святейшего синода от 14 января 1905 г., которое подписали пять высших духовных чинов православной церкви, в частности, митрополиты Петербургский, Московский и Киевский, скромно именующие себя «смирненными». Не менее странно, что «Московские ведомости», обычно оперативно освещавшие значимые события в жизни РПЦ, вовсе не напечатали его. Текст Послания мы нашли в «Тамбовских епархиальных ведомостях» за 22 января 1905 г.; по этой публикации мы его и цитируем. «Костромские епархиальные ведомости», например, поместили этот документ только в номере от 1 февраля.

Послание открывалось напоминанием о том, что Россия «уже скоро год, как ведет с язычниками войну за свое историческое призвание насадительницы христианского просвещения на Дальнем Востоке». Далее авторы горестно констатировали, что ныне «новое испытание

Божие посетило наше Отечество»: в стране «начались стачки рабочих и уличные беспорядки». Умело возвышая градус риторики, Послание едва не рыдало: «Люди русские, искони православные, от лет древних навывих стоявшие за Веру, Царя и Отечество, десятками тысяч побросали мирные занятия, решили скопом добиваться своих будто бы поправленных прав». Устроили всё это «преступные подстрекатели, имея в своей среде недостойного священнослужителя» (имя Гапона не упоминается). Почти дословно повторяя официальную версию, запущенную сразу после 9 января, Послание утверждало, будто «беспорядки вызваны подкупом со стороны врагов России», которые стремятся «расшатать твердыни наши – веру православную и самодержавную власть царскую» (столь «дерзкие требования» гапоновской петиции – отделение церкви от государства и созыв Учредительного собрания – в цитированном нами выше пресс-релизе не оглашались).

Иными словами, авторы Послания настаивали на том, что никаких уважительных причин для недовольства у русских рабочих нет, а «бунтует» их иностранная агентура. Заметим, что неоднократно озвученные в те дни полуофициальными кругами обвинения в подкупе забастовщиков английскими деньгами вызвали настоящий дипломатический скандал. 19 января 1905 г. столичная газета «Русь» сообщала: «По поводу расклеенных в Москве и Либаве объявлений о том, что стачка в Петербурге произошла вследствие присылки Англией 18 млн рублей, секретарь великобританского посольства сказал: “Наш посол возмущен этой выдумкой”. Посол отправился к министру иностранных дел Ламздорфу, и тот уверил посла, что, вероятно, вышло какое-то недоразумение, и обещал опровергнуть это сообщение».

Словно возражая отцу Александру Хотовицкому, авторы Послания призывают видеть в выпавших на долю России новых испытаниях не кару божью «по беззакониям нашим», а «благодетельную к нам Десницу Всевышнего», который «наказует нас, дабы мы не погибли в конец, но пришли к покаянию». «Всех чад» русской церкви пятеро смиренных вразумляют цитатой из 1-го Послания апостола Петра: «Бога бойтесь, Царя чтите!» (при этом ссылка на Библию приведена в документе с ошибкой: вместо 1 Пет. 2:17 напечатано «1 Пет. 1:17», т. е. вместо главы 2 указана глава 1; исправить эту ошибку членов Синода при публикации их текста в «Епархиальных ведомостях» редакторы не дерзнули). Духовные отцы призывают рабочих: «Трудитесь в поте лица своего, памятуя, что нетрудящийся недостоин и пропитания. Берегитесь ложных советников, под видом радения о ваших нуждах лишаящих вас крова и пропитания. Они суть пособники или наемники злого врага, ищущего разорения земли русской». Очевидно, что пять смиренных, составивших Послание, даже не пытаются подарить рабочим какую-то

надежду на лучшую жизнь, фактически оставляя эту площадку левым пропагандистам – мастерам рисовать, не вдаваясь в прозаические детали, картины светлого социалистического будущего.

Трудно сказать, как Россия восприняла Послание Синода. Вероятно, оно встречало понимание в сельских храмах, чья паства и без того недолюбливала «городских белоручек». Возможно, ему одобрительно внимали в мещанских слободках – этих оплотах «истинно-русских людей». Но приходить с Посланием в заводские кварталы Петербурга или в фабричные казармы Твери и Орехово-Зуева вряд ли следовало. Заметим лишь, что, «умоляя» забастовщиков покаяться, вернуться в цеха и не просить ничего, что им не дано от Бога, авторы этого документа оказывались правее самого императора. Принимая 19 января 1905 г. группу столичных мастеровых, Николай II осторожно признался: «Знаю, что не легка жизнь рабочего. Многие надо улучшить и упорядочить» [3, с. 55, орфография оригинала].

Можно сделать еще одно наблюдение. Листовки питерских и московских социал-демократов, выпущенные по следам «Кровавого воскресенья», содержат обширный перечень «врагов рабочего класса». В нем фигурируют неизменные «казнокрады чиновники», «кровопийцы фабриканты», «шпики», «придворная сволочь», жандармы, городовые. Однако еще один традиционный объект левацкой ненависти – «попы» – там не встречается, а предводитель рабочего шествия уважительно-нейтрально именуется «священник Гапон». Вероятно, даже самые твердолобые социалисты не могли игнорировать тот факт, что десятки тысяч столичных рабочих поверили именно *священнику*, а не агитатору из мирян; в таких условиях открывать еще один фронт борьбы – против церкви и духовенства – было бы для противников пока что весьма сильного старого режима контрпродуктивно.

Библиографический список

1. Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии. М.: ГИЗ, 1926. 471 с.
2. Листовки петербургских большевиков. 1902–1917. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1939. 576 с.
3. Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб.: Друг народа, 1906. 80 с.
4. Степанов А.В. События 1905 года на страницах газеты «Владимирские епархиальные ведомости» // Церковь, государство и общество в истории России XX века: материалы IV Междунар. науч. конф. Иваново, 2004. С. 123–128.
5. Черная сотня: Историческая энциклопедия / А.Д. Степанов, А.А. Иванов, сост. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
6. Gapon, George. The story of my life. New York: E.P. Dutton, 1906. 261 p.

А.А. Федотов,

профессор, Ивановский государственный химико-технологический университет; заместитель директора, Ивановский филиал Института управления

ГОРОД ИВАНОВО В 1930-е гг. КАК ПРАВОСЛАВНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР

Аннотация. В статье показан короткий исторический период, когда г. Иваново в 1930-е годы на короткий период стало центром церковного округа, а ивановский архиепиеей – «областным архиепиеем», в ведении которого находилось несколько епархий.

Ключевые слова: Иваново, церковный округ, епархия, областной архиепиеей.

A.A. Fedotov,

Professor, Ivanovo State University of Chemical Technology; Deputy Director, Ivanovo Branch of the Institute of Management

THE CITY OF IVANOVNO IN THE 1930s AS AN ORTHODOX ADMINISTRATIVE CENTER

Abstract. The article shows a short historical period when the city of Ivanovo in the 1930s briefly became the center of the church district, and the bishop of Ivanovo became the "regional bishop", under whose jurisdiction there were several dioceses.

Keywords: Ivanovo, church district, diocese, regional bishop.

Иваново-Вознесенское викариатство Владимирской епархии возникло в сложное время, когда в России отсутствовали какие-либо твердые законы, шла Гражданская война. Митрополит Владимирский Сергей (Страгородский) в тех условиях разбил свою епархию на пять викариатств, с правами полусамостоятельных епархий [8, с. 277]. Когда именно Иваново-Вознесенское викариатство получило статус самостоятельной епархии, пока точно неизвестно. 27 декабря 1928 года митрополит Сергей выступил на Синоде с тем, что «наступило время для разрешения вопроса об учреждении в Патриаршей Церкви в СССР церковных округов, в соответствии новому гражданскому делению на области и округа <...> некоторые (окружные) викариатства придется постепенно преобразовать в самостоятельные епархии» [6, с. 220]. Скорее всего, это произошло практически сразу после данного решения. В «Православной энциклопедии» также написано, что епархия «учреждена, по-видимому, в 1929 г. преобразованием Иваново-Вознесенского викариатства Владимирской епархии» [7].

В 1929 году была образована Ивановская промышленная область, объединившая в себе Иваново-Вознесенскую, Владимирскую, Костромскую и Ярославскую губернии. До революции 1917 года в этих губерниях действовали 2701 православный храм и 45 монастырей [4, л. 3 об.]. В таком виде область просуществовала до 1936 года.

Обновленцы быстро откликнулись на создание Ивановской промышленной области объединением и епархий этих областей в митрополитанский округ. 3 июля 1929 года пленум Иваново-Вознесенского епархиального управления (обновленческого), на котором присутствовали представители Костромской, Владимирской и Ярославской епархий, вынес решение об образовании Иваново-Вознесенской митрополитанской области. Постановлением областного Ивановского митрополитанского собрания от 4 октября 1929 года на пост митрополита области был избран архиепископ Иоанн (Миртов) [5].

Патриаршая Церковь приняла соответствующие решения позднее. 12 марта 1934 года на заседании Временного Патриаршего Синода было принято решение об учреждении церковных округов в соответствии гражданскому делению на области. Полномочия главного архиерея области включали в себя созыв с разрешения или по поручению Патриархии (по сношению с гражданской властью) совещаний архиереев области (областные соборы), решение о временном замещении самостоятельной епархии области, в случае, если она останется без архиереев (епархиальных и викарных), донося о сем Патриархии» [6, с. 220–221]. Полномочия областного архиерея были предоставлены 22 архипастырям, причем на Москву и Московскую область был один областной архиерей, как и на всю БССР. Одним из областных архиереев стал архиерей главного города (Иваново) Ивановской области [6, с. 221].

Необходимо еще отметить, что 1 февраля 1933 года на заседании Временного Патриаршего Синода было принято решение о том, что в связи с переименованием города Иваново-Вознесенска в Иваново, а Иваново-Вознесенской области в Ивановскую, соответственно, и Иваново-Вознесенской епархии было усвоено наименование «Ивановской», а Иваново-Вознесенскому архиерею титул «Ивановский» [6, с. 165].

Собственно Иваново-Вознесенская (Ивановская) епархия была не очень большой. Подтверждают это слова из заявления митрополита Павла в Ивановский облисполком от 4 августа 1932 года, в котором он писал: «Район деятельности моей в настоящее время, с назначением для управления Владимирской епархией архиепископа Суздальского Иннокентия Летяева остается только Иваново-Вознесенская епархия, в состав которой входят районы: г. Иваново-Вознесенск и районы: Ивановский, Шуйский, Середской, Тейковский, Родниковский, Писцовский, Миловский,

Лежневский, Пестяковский и Южский» [2, л. 171а]. Из этого заявления видно, что первоначально Иваново-Вознесенская епархия, даже и в 1932 году, не включала еще в свой состав Кинешмы и прилегающих районов, продолжавших входить в состав Костромской епархии. Ивановской и Кинешемской же она стала лишь в 1947 году [10, с. 707].

Возведение ивановского архиерея в сан митрополита свидетельствует о признании его статуса, как правящего архиерея города, являющегося таким крупным административным центром.

Все православные, обновленческие и единоверческие епископы, и руководители иных централизованных религиозных организаций губерний, вошедших в состав Ивановской промышленной области, в период ее существования проходили регистрацию с определением района их деятельности в комиссии по вопросам религиозных культов при Ивановском облисполкоме [2, л. 3, 130, 151, 171а].

Приводимые ниже статистические материалы показывают, каким было реальное количество храмов, сохранившихся на момент их составления в Ивановской промышленной области (необходимо не забывать, что с 1929 по 1936 в ее состав, кроме современной Ивановской входили еще и Владимирская, Костромская и Ярославская области). При этом нужно учитывать, что таблица «Сведения о церквях ИПО» показывает количество сохранившихся храмовых зданий вне зависимости от того, каким именно религиозным направлением они использовались. Две же следующие таблицы показывают реальное соотношение приходов Российской Православной Церкви (так называемое в советских документах того периода «тихоновское направление»), входящих в ее же структуру единоверческих приходов, а также с другой стороны обновленческих. Под «группами верующих», по всей видимости, понимается то, что современное Российское законодательство о религии определяет, как «централизованные религиозные организации», то есть епархии.

Таблица 1

Сведения о церквях ИПО [4, л. 1]

Было церквей до Октябрьской революции			Действует церквей по состоянию на 1.1.1935 г.			Закрyto церквей по постановлению облисполкома с 1.1. по 1.9.1935 г.			Действует церквей по состоянию на 1.8.1935 г.		
всего	из них		все-го	из них		все-го	из них		всего	из них	
	в городах	в селах		в городах	в селах		в городах	в селах		в городах	в селах
3206	свед. нет	свед. нет	1975	150	1825	31	5	26	1944	145	1799

Таблица 2

**Сведения о религиозных объединениях ИПО
по состоянию на 1.07.1934 года [3, л. 7]**

№	Название культов	Групп верующих	Религиозных обществ	Молитвенных зданий не спец. постройки	Молитвенных зданий в пользовании религиозных обществ	Служителей культа, действительно отправляющих культ
1	Тихоновского направления	6/1	122/1459	3/3	119/1505	181/1602
2	Обновленческого направления	1/1	50/304		54/365	91/317
3	Единоверческого направления		2/1		1/1	2/1

Примечание: числителем во всех графах показаны данные по городу, а знаменателем данные по сельской местности.

Таблица 3

**Сведения о религиозных объединениях ИПО
по состоянию на 1 января 1935 года [4, л. 6]**

№	Название культов	Групп верующих	Религиозных обществ	Молитвенных зданий не спец. постройки	Молитвенных зданий в пользовании религиозных обществ	Служителей культа, действительно отправляющих культ
1	Тихоновского направления	/2	105/1407	1/3	105/1435	183/1810
2	Обновленческого направления	/7	34/317		35/319	68/347
3	Единоверческого направления		3/4		3/5	6/5

Примечание: числителем во всех графах показаны данные по городу, а знаменателем данные по сельской местности.

С 1939 по 1944 год Ивановская епархия, как реально функционирующая административная структура фактически не существовала. Правда, есть данные, что в 1939–1942 годах ее временно управляющим был управляющий Ярославской епархией архиепископ (позднее митрополит) Иоанн (Соколов), известный, как Патриарший Экзарх Украины [1, с. 923; 9, с. 116], но не сохранилось каких-то сведений о его служении в этом качестве. А затем два года здесь и вовсе не было назначенного правящего архиерея.

В то же время в первой половине 1930-х годов город Иваново был важным церковным административным центром. Решением Священного Синода от 7 июня 2012 года из состава Иваново-Вознесенской епархии были выделены Кинешемская и Шуйская епархии. Иваново-Вознесенская епархия вместе с этими двумя епархиями была включена в состав Ивановской митрополии. Правящему архиерею Синод постановил иметь

титул Иваново-Вознесенский и Вичугский [7]. Таким образом, канонической руководство главы Ивановской митрополии распространяется только на Ивановскую область, в отличие от Ивановского областного архиерея в середине 1930-х годов, в ведение которого относились все епархии Ивановской промышленной области. Но при этом нужно учитывать разницу в полномочиях и возможностях современного митрополита и митрополита в 1930-е годы, а также очень краткий период существования Ивановского церковного округа (предположительно два года, до распада Ивановской промышленной области).

Библиографический список

1. Акты Святейшего Патриарха Тихона Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: сборник: в 2 ч. / составитель: М.Е. Губонин. М., 1994. 1064 с.: ил.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАИО. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАИО. Архивная справка № 158-14 от 17.12.1997 года.
6. Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. Издательский совет Русской Православной Церкви. М., 2001. № 20–21. 1934.
7. *Зонтиков Н.А., Копылова О.Н.* Иваново-Вознесенская епархия // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/200499.html> (дата обращения: 27.12.2024).
8. История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. 1917–1970. СПб., 1997. 1020 с.
9. *Киреев А., протод.* Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943–2002 гг. М., 2002. 479 с.
10. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. 830 с.

А.В. Шадрина,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону)

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1947 г.

Аннотация. В докладе на основании впервые вводимого в научный оборот информационного доклада уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Ростовской области Г.Д. Амарантова анализируются такие направления его деятельности как решение вопросов взаимодействия с епархиальным архиереем и духовенством, а также осуществление контроля. Выполнял функции связующего звена между государственными органами и клириками, уполномоченный нередко устранял конфликтные ситуации, связанные с работой различных государственных организаций. Осуществление контроля позволило выявить особенности внутренней жизни Ростовской епархии первых послевоенных лет.

Ключевые слова: Совет по делам Русской православной церкви, Ростовская область, уполномоченный Совета по Ростовской области Г.Д. Амарантов, епископ Ростовский и Таганрогский Серафим (Шарапов).

A.V. Shadrina,

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don)

FEATURES OF STATE-CHURCH RELATIONS IN ROSTOV REGION IN 1947

Abstract. The report, based on the information report of the authorized representative of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Rostov Region G.D. Amarantov, which is being introduced into scientific circulation for the first time, analyzes such areas of his activity as resolving issues of interaction with the diocesan bishop and clergy, as well as exercising control. He served as a link between government agencies and clergy, and the authorized representative often resolved conflict situations related to the work of various government organizations. Exercising control made it possible to identify the features of the internal life of the Rostov diocese in the first post-war years.

Keywords: Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Rostov Region, authorized representative of the Council for the Rostov Region G.D. Amarantov, Bishop of Rostov and Taganrog Seraphim (Sharapov).

Государственно-церковные отношения в СССР продолжают оставаться актуальной проблемой исторической науки. Одним из аспектов, особенно привлекающим внимание исследователей, является послевоенный период – время не только смягчения государственной политики в отношении религиозных организаций, но и начала работы учрежденного в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви – органа, который выполнял функции осуществления связи правительства с церковным руководством для решения возникающих вопросов [10; 7], а также контроля церковной жизни на всех уровнях.

Представляет интерес формирование государственно-церковных отношений в 1940-х годах в Ростовской области – регионе, в котором период оккупации был отмечен как открытием значительного числа приходских церквей [6, с. 172–174], организацией епархиальных управлений [8, с. 58], так и осуждением Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополитом Сергием (Страгородским) архиепископа Николая (Амасийского) и фактического руководителя ростовского епархиального управления того времени протоиерея Вячеслава Серикова за сотрудничество с нацистами [5, с. 43–45], что стало причиной сложностей с устройством церковной жизни в регионе после завершения оккупации.

Тесное взаимодействие органов власти Ростовской области с епископом и духовенством фактически началось только с апреля 1944 г., когда решением Ростовского облисполкома на должность уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви был назначен Амарантов Григорий Дмитриевич [1; 2]. На протяжении двух с половиной лет он занимался организационными вопросами, сбором сведений о зарегистрированных храмах, сбором анкет священнослужителей и установлением контакта с епископатом [9, с. 559–564].

Начиная с 1947 г., в Совете по делам Русской православной церкви была введена ежеквартальная форма отчетности уполномоченных Совета, что стало фактически единственным источником, дающим представление о церковной жизни в регионах СССР в 1947–1949 гг. Как свидетельствует отчет Г.Д. Амарантова, его деятельность в 1947 г. в Ростовской области развивалась в двух направлениях: решение вопросов взаимодействия с епархиальными архиереями и духовенством, а также осуществление контроля.

К области взаимодействия уместно отнести решение вопросов, затрагивающих интересы и государства, и Церкви. Так, в 1947 г. оставался животрепещущим вопрос о налогах: к уполномоченному обратилось несколько священников Ростовской епархии по поводу неверного расчета налогов [3, л. 5]. Уполномоченный направил письменную жалобу

по этому вопросу в Ростовский городской финансовый отдел [3, л. 6, 26], который спустя время, сделал перерасчет налогов.

Условия открытия храмов в период оккупации обусловили произвольное занятие верующими колхозных зданий, которые до политических трансформаций 1920–1930-х гг. принадлежали Церкви. В связи с вопросом принадлежности этих помещений, который неизбежно возник в послевоенный период, Г.Д. Амарантов обратился в Совет с просьбой «разрешить в Правительстве вопрос о зданиях церквей, состоящих на балансах колхозов и хозорганизаций, занятых сейчас верующими и могущих быть переданными верующим при разрешении открытия церкви» [3, л. 9].

В феврале 1947 г. епископом Ростовским и Таганрогским Серафимом (Шараповым) по указанию Московской Патриархии был поставлен вопрос о прекращении сбора денег приходскими церквами на патриотические цели. Уполномоченный, контролируя состояние данного вопроса, сделал вывод, что сбор, несмотря на указ Патриархии, в Ростовской области был продолжен [3, л. 4].

1947 г. был отмечен инициативой правительства СССР награждения священнослужителей медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». По просьбе уполномоченного епископом Серафимом были представлены списки на награждение 31 священнослужителя. После проверки «с соответствующими органами», для награждения медалью были оставлены имена только 17 человек, которые и были утверждены исполкомом Облсовета [3, л. 6].

2 января 1947 г. епископом Серафимом перед уполномоченным был поставлен вопрос о необходимости открытия в Ростове-на-Дону духовной семинарии [3, л. 3]. После рекомендации Г.Д. Амарантова решить этот вопрос с Патриархией, 15 января 1947 г. патриарх Алексей (Симанский) обратился к председателю Совета по делам Русской православной церкви с письмом, в котором изложил ту же просьбу. Однако 5 октября 1947 г. управляющий делами Совета министров СССР Я.Е. Чадаев сообщил Г.Г. Карпову о том, что Совет министров считает нецелесообразным открытие в Ростове-на-Дону духовной семинарии.

Функции контроля, выполняемые уполномоченным, обусловили заслуживающий интерес факт: он воспринимался приходским духовенством как государственный чиновник, во власти которого было наведение порядка во внутренней жизни епархии. Например, отдельные священники просили Г.Д. Амарантова, чтобы он повлиял на епископа, чтобы тот не переводил духовенство из одного прихода в другой. Позиция уполномоченного во всех случаях была однозначна: он сообщал

просителям, что «назначение и перемещение священнослужителей – дело епископа» [3, л. 4].

Восприятие уполномоченного как государственного чиновника, ответственного за церковную жизнь, характеризовались жалобами последнему на епископа. Так, прихожанин кафедрального собора С.И. Лобанов жаловался, что епископ Серафим не позволяет «верующим проявить собственную и инициативу при переизбрании церковного совета и ревизионной комиссии» [3, л. 5].

Помимо жалоб на епископа, Г.Д. Амарантову неоднократно поступали жалобы на священников, причем уполномоченный – атеист и коммунист – призывался в качестве судьи над клириками. Как сообщал Г.Д. Амарантов, «был у меня церковный староста, [который] жаловался, что благочинный Сальского округа священник Покровский делает не богоугодные дела, что он не верит в Бога, а только прикидывается верующим и обманывает прихожан» [3, л. 5].

Несмотря на внутренние конфликты, отражающие отсутствие единства в среде прихожан и их отношение к священнослужителям, как клирики, так и верующие Ростовской области проявляли себя как достойные граждане СССР, что выразилось в период выборов в Верховный Совет РСФСР. По свидетельству прихожанина церкви пос. Целина, приходской священник «о[тец] Козьма помогал этому делу... 9 февраля о. Козьма службу в церкви начал пораньше обыкновенного, и когда кончил служить, обратился к верующим с речью, в которой указал, что мы не только верующие, но и мы граждане нашей Великой Родины. Перед нами стоят и гражданские обязанности, которые мы обязаны с честью выполнять... Я надеюсь, что все присутствующие здесь верующие сейчас прямо из церкви пойдут на избирательный участок и отдадут свои голоса за кандидатов Сталинского блока коммунистов и беспартийных. После этого все верующие из церкви дружно пошли на избирательный участок» [3, л. 7–8].

Уполномоченный Г.Д. Амарантов в отчете в Совет зафиксировал примечательные факты наличия в Неклиновском районе Ростовской области группы «непоминающих», «отрицательно относящихся к Православной Церкви, возглавляемой патриархом Алексием» [3, л. 9; 4], а также существование народной религиозности – почитания людей, представляющихся «пророками» и др. [3, л. 9].

Как видно, уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Ростовской области в 1947 г. выполнял функции связующего звена между государственными органами и клириками и приходами Русской православной церкви, нередко устраняя конфликтные ситуации, связанные с работой различных государственных организаций.

Осуществление контроля позволило выявить особенности внутренней жизни Ростовской епархии.

Библиографический список

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 1.
2. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 10.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 200.
4. Православное церковное сопротивление в СССР. Биографический справочник. 1927–1988 / авт.-сост. М.В. Шкаровский и Д.П. Анашкин, отв. ред. М.В. Шкаровский. М.: РОССПЭН, 2013. 287 с.
5. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сборник церковных документов. М.: [Б. и.], 1943. 100 с.
6. *Табунщикова Л.В.* Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60): в 3 ч. Ч. I. С. 172–174.
7. *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРОХХ, 1999. 248 с.
8. *Шадрин А.В.* Анкеты священнослужителей Ростовской области 1943–1944 гг. как источник по истории Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы II Всероссийской научной конференции, приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23–24 сентября 2021 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. в 2 ч. Ч. 1. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. 576 с.
9. *Шадрин А.В.* Основные направления деятельности уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви при СНК СССР по Ростовской области в послевоенный период // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. 576 с.
10. *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 гг. От «перемирия» к новой войне. СПб.: ДЕАН+АДИА-М, 1995. 216 с.

Л.Л. Щавинская,

старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва)

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ИМПЕРСКОЙ РОССИИ
В ГРАНИЦАХ НОВОЙ МЕЖВОЕННОЙ ЕВРОПЫ:
СУДЬБА ОДНОЙ ПОЛЕССКОЙ МАТУШКИ**

Аннотация. Среди возвратившихся из беженства православных бывших западных губерний Российской империи была матушка София Прорвич, уроженка Припятского Полесья, ставшая одной из самых заметных православных писательниц межвоенной Польши.

Ключевые слова: Православие, межвоенная Польша, «Воскресное чтение», София Прорвич.

L.L. Shchavinskaja,

Senior research fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

**ORTHODOXES OF IMPERIAL RUSSIA WITHIN THE BORDERS
OF THE NEW INTERWAR EUROPE:
THE FATE OF ONE POLESIE MOTHER**

Abstract. Among the Orthodox refugees from the former western provinces of the Russian Empire was Mother Sofia Prorvich, a native of Pripjat Polesie, who became one of the most prominent Orthodox writers of interwar Poland.

Keywords: Orthodoxy, interwar Poland, «Sunday Reading», Sofia Prorvich

В новую возрожденную в межвоенное двадцатилетие Польшу были включены огромные восточные территории, заселенные преимущественно православным многомиллионным населением, почти исключительно крестьянским. Именно тогда в их среде стал все активнее ставиться вопрос о национальном самоопределении, при котором главнейшее формирующее его начало – православие, продолжало оставаться общеобъединяющим. Уроженка Припятского Полесья София Федоровна Прорвич, вошедшая в высший интеллектуальный круг светских деятелей Польской автокефальной православной церкви, стала одним из самых заметных литературно-художественных аналитиков и идеологов национально-религиозного процесса.

Родилась она в потомственной священнической семье в 1860 г. Ее отец, Федор Чистяков, по окончании в 1843 г. Минской духовной семинарии переменяв несколько мест службы, был назначен настояте-

лем Троицкой церкви в глухом полесском селе Оздамичи, где осела его семья. Здесь же прошло детство Софии. В 1872 г. ее принимают на обучение в Паричское женское духовное училище, основанное в 1860 г. в своем имении известной великорусской меценаткой Марией Яковлевной Пушиной. В те времена в полесских Паричах и далеко окрест всюду чувствовалось польско-католическое влияние. Как отмечала позднее в своих воспоминаниях М.Я. Пушина тамошний белорусский народ представлял резкую противоположность «крепкому, уверенному в себе, глубоко преданному церкви населению православной центральной России. Жалкий, забитый... белорусс изнемогал под тяжелым социально-экономическим и религиозным давлением чуждого, польско-латинского элемента», даже представители православного духовенства «искали образования для своих детей в домах польских помещиков и стыдились иногда употреблять родной язык в собственной своей семье» [8, с. 253–254]. В то же время именно тогда в глухой западнополесской стороне все чаще начинают говорить об историческом прошлом местного коренного восточнославянского народа и уже называют его белорусским.

В 1882 г. София выходит замуж за Николая Прорвича, который вскоре принимает священнический сан и назначается на приход настоятелем одной из церквей Мозырского уезда. После целого ряда его переводов по службе на разные приходы в 1901 г. семья Прорвичей окончательно обосновывается в Лунинце, где они и проживали всю оставшуюся жизнь. В их семье родились три дочери – Любовь, Надежда и Вера – и сын Николай. Здесь произошло знакомство семейства Прорвичей с Якубом Коласом, белорусским классиком, который в 1911–1912 гг. жил и работал учителем в Лунинце. В знаменитом романе Я. Коласа «На ростанях» одним из прототипов его персонажей был Николай Прорвич, описанный им как трудолюбивый деятельный священник, дипломатичный в общении, который «осторожненько и в завтрашний день заглядывает, а при встрече с человеком, чье сочувствие на стороне революции, так тихонько пошепчется с ним» [5, с. 354]. Образ же супруги священника Колас обрисовал лишь словами «немного чопорная маленькая матушка» [5, с. 271]. В тот период София Прорвич к литературной деятельности если и имела какое-то отношение, то скорее всего только внутрисемейное.

Революция 1917 г. и последовавшие за ней события принесли семье Прорвичей большие испытания. «Великая, стихийная война, встряхнувшая весь мир и оставившая свои жуткие следы на всем» – как написала впоследствии С. Прорвич – «Война всегда творит беды неисчислимы: гибнут люди, разрушаются заветные драгоценности, разбивается семья, шатаются нравственные устои, религия, вера» [18, с. 444].

В 1920 г. трагически обрывается жизнь супруга Софии Николая Прорвича и их единственного сына, офицера русской императорской армии, связанных с белогвардейским подпольем.

Вскоре после начала Первой мировой войны София Прорвич с сестрой в 1915 г. эвакуируются в Торжок, в то время приютивший большое число беженцев. Время пребывания Софии Прорвич в беженстве стало началом активизации ее литературной деятельности, как о том позднее сообщала она сама. Массовая эвакуация местного православного населения из западных губерний Российской империи, именуемая беженством, явилась колоссальным жизненным испытанием в судьбах миллионов людей, огромная часть которых осталась жить в глубинах России, но большая часть все же вернулась с огромными усилиями в родные разоренные места в новое независимое государство – II Речь Посполитую. Среди последних была и София Прорвич, вынесшая из беженства конкретное знание об особенностях жизни великорусского народа, в том числе религиозной, окончательно убежденность в значении православия для всей восточнославянской общности.

II Речь Посполитая была многонациональным государством. На долю национальных меньшинств приходилось более одной трети населения, общая численность которого составляла около 30 миллионов человек. По данным государственной переписи 1931 г. православными были около 12 % всех жителей межвоенной Польши, причем в Полесском воеводстве на их долю приходилось около 80 % населения [1, s. 20]. К 1939 г. в стране в пяти православных епархиях насчитывалось более четырех миллионов верующих, около 2500 церквей и часовен и почти 3000 духовных лиц, 17 монастырей и скитов, в том числе знаменитая Почаевская лавра. Начиная с 1925 г. Православная церковь в межвоенной Церкви считалась автокефальной. При этом процесс национального самоопределения в ту пору в самой многочисленной части православных страны – крестьянской, составлявшей около 93 % общего их числа, находился в самой начальной стадии. Особенно это касалось Полесья, где православные именовали себя перед официальными переписчиками «тутейшими», «мейсцовыми», «полешуками» и «рускими» [1, s. XI; 2, s. 44], осознанно и неосознанно сберегая при этом глубинную историческую память о давней Руси. В целом же можно сказать, что межвоенные польские переписи местного восточнославянского населения в силу целого ряда причин и не в последнюю очередь политических никак нельзя считать точными и объективными, особенно это бросается в глаза при рассмотрении подходов при их проведении, когда, например, великороссы, преимущественно многочисленные русские эмигранты, попадали при итоговых подсчетах в рубрику «inna narodowość». Любопытно, что в первых по времени проведения переписях отсутствует

украинская национальность, есть только «polska, białoruska, rusińska, niemiecka, żydowska i tutejsza» [3, с. 56].

По возвращении из беженства в родные места с течением некоторого времени София Прорвич становится деятельным сотрудником известного русскоязычного еженедельного журнала «Воскресное чтение», выходявшего с 1924-го по 1939-й г. Этот единственный тогда подобный «церковно-народный иллюстрированный журнал» стал своего рода всеобъемлющим православным архивом межвоенного двадцатилетия не только II Речи Посполитой, но и всего Русского зарубежья, о чем мы много писали в своих работах, посвященных судьбам Православия в первой половине XX в. [7; 6, с. 55–57]. Помимо огромной редакторской работы в этом издании София Федоровна печатает в нем десятки своих поэтических и прозаических произведений, призванных, как она сама признавалась, развивать «в своих читателях не отвлеченное, а жизненное, христианское миропонимание». Эти ее сочинения проникнуты идеями созидания «великого, святого – братской семьи», возвращенной на христианских идеалах [11, с. 12].

Стихи Софии Федоровны наполнены особым лиризмом, здесь и стремление «утомленному брату в страданьи / тихую радость надежды подать» [14, с. 411] и призыв к молодежи: «Не гаси суетой свет небесный, / золотящий мечты твоей доли; / он – от Бога; он силы чудесной» [15, с. 603]. Многие в ее произведениях было связано с полесской тематикой. Любовь к родному Полесью она пронесла через всю свою жизнь. Описывая местную жизнь и природу, Прорвич рисует незабвенные очаровывавшие полесские вечера, когда во власти их «могуче опьяняющей красоты неудержимо хочется не то плакать, не то молиться, не то благодарить Того, Кто властвует над миром, над красотой» [13, с. 219]. Часто в своих произведениях она вспоминает о прежних временах, когда в «старое, доброе время... люди... крепко держась за веру отцов и прадедов своих, ревниво оберегали ее от наносного, противного их традициям, заморского веяния» [12, с. 78]. Как утверждает она в одном из своих стихотворений – истинная душа и радость поэзии состоит именно в религии: «В религии – ее основа, / свобода духа – имя ей» [10, с. 218]. По ее словам «невозможно даже представить себе: какой был бы мир без религии Православной!» [9, с. 514].

Последнее стихотворение Софии Прорвич «Думы слепой» было опубликовано в 1938 г. «Воскресном чтении» за месяц до ее кончины: «Душу измучили ноченьки черные.. / Больно мне выстрадать тьму беспросветную. / Божия Матерь, люблю тебя Светлую: / Дай мне мечту о Тебе лишь спокойную. – / Мысль о родном мне Почаеве стройную» [16, с. 303].

София Федоровна часто посещала Почаевскую лавру что нашло свое отражение и в ряде ее произведений. Описывая свою первую поездку в Почаевскую обитель, которую она, к тому времени уже плохо себя чувствующая, совершила в сопровождении своей младшей дочери, тоже матушки, и внучки, полесская православная писательница восклицает: «наконец-то осуществилась моя заветная мечта, целые годы лелеянная в глубине моей души: я собралась в Почаев» [9, с. 512]. В своих стихах С. Прорвич нередко обращается к Почаевской лавре и ее чудотворной иконе Божией Матери. Летом 1938 г. в Почаеве после скоропостижной болезни она скончалась и была похоронена с большими монастырскими почестями «сонмом духовенства во главе с Архимандритом Вениамином» на местном «кладбище вблизи кладбищенской церкви» [4, с. 370].

София Прорвич, вступившая на литературную стезю в весьма зрелом возрасте, характернейший пример религиозной писательницы, чье творчество было вызвано судьбоносными событиями, изменившими все вокруг – государственный строй, государственные границы, само существование государств и жизнь всех слоев их населения. Ей же, Софии Федоровне Прорвич, суждено было признанным бытописателем национально-религиозной жизни восточнославянского населения II Речи Посполитой, о которой ее земляк архимандрит Почаевской лавры, будущий архиепископ новомученик Вениамин (Новицкий) скажет как о самой «светлой, родной всему православному в особенности духовному миру личности» [4, с. 370].

Сборник избранных произведений С.Ф. Прорвич, подготовленный ее земляком лунинецким историком-краеведом В.Н. Тумиловичем, был издан в 2004 г. в Минске Белорусским Экзархатом Русской Православной церкви [17].

Библиографический список

1. Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII 1931 r. Mieszkania i gospodarstwa domowe. Ludność. Stosunki zawodowe. Województwo poleskie. Warszawa, 1938.
2. *Krysiński A.* Ludność polska a mniejszości w Polsce w świetle spisów ludności 1921 i 1931. Warszawa, 1933.
3. Pierwszy powszechny spis Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 30 września 1921 roku. Warszawa, 1927.
4. *Дюков Т., прот.* Отошла в лучший мир // Воскресное чтение. 1938. № 33–34.
5. *Колас Я.* На ростанях. Т. 1. Кн. 1-2. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1955.

6. *Лабынцев Ю., Щавинская Л.* Журнал «Воскресное Чтение» // *Cerkiewny Wiestnik. Warszawa.* 2006. № 1.

7. *Лабынцев Ю., Щавинская Л.* Православная литература Польши (1918–1939 гг.) Минск, 2001.

8. Памяти Марии Яковлевны Пущиной, основательницы Паричского женского училища духовного ведомства // *Минские Епархиальные Ведомости.* 1895. № 9.

9. *Прорвич С.* В Почаеве // *Воскресное чтение.* 1930. № 33.

10. *Прорвич С.* Истинная радость // *Воскресное чтение.* 1929. № 14.

11. *Прорвич С.* На грани Нового Года и нового десятилетия. С Новым годом // *Воскресное чтение.* 1934. № 1.

12. *Прорвич С.* Пять просфорок // *Воскресное чтение.* 1927. № 6.

13. *Прорвич С.* Согрешила я // *Воскресное чтение.* 1927. № 20.

14. *Прорвич С.* [Солнца хочу я и ласк его нежных] // *Воскресное чтение.* 1927. № 34.

15. *Прорвич С.* Молодежи // *Воскресное чтение.* 1928. № 40.

16. *Прорвич С.* Думы слепой // *Воскресное чтение.* 1938. № 25–26.

17. *Прорвич С.* Любили отцы наши Бога: Сборник рассказов. Минск: Белорусский экзархат, 2004.

18. *С.П.* Письмо мужчины // *Воскресное чтение.* 1928. № 28.

Секция 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ИСТОРИИ РОССИИ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. НЕПРАВОСЛАВНЫЕ ДЕНОМИНАЦИИ

УДК 271.2

А.В. Апанасенок,

ведущий научный сотрудник, Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (Москва)

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. В работе поднимается проблема возможностей плодотворного изучения позднесоветского церковного прошлого путем обращения к устной истории. Опираясь на опыт собственных историко-антропологических исследований, автор демонстрирует эвристический потенциал комбинированной архивно-полевой работы. Приводимые в тексте примеры из исследовательской практики показывают важность верификации данных официальной советской документации путем обращения к источникам личного происхождения и «живой памяти» старшего поколения граждан России.

Ключевые слова: история позднесоветского периода, православие, Русская православная церковь, методология истории, полевые исследования.

A.V. Apanasenok,

Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

STUDYING THE CHURCH HISTORY OF THE LATE SOVIET PERIOD: REFLECTIONS ON METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE CONTEMPORARY RESEARCH PRACTICE

Abstract. The paper raises the problem of fruitful study of the late Soviet church past by referring to oral history. Based on the experience of his own historical and anthropological research, the author demonstrates the heuristic potential of combined

archival and field work. The examples from research practice given in the text show the importance of verifying the data of the official Soviet documentation by referring to sources of personal origin and the "living memory" of the older generation of Russian citizens.

Keywords: history of the Late Soviet period, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, methodology of history, field research.

На протяжении всего постсоветского периода история православия была и остается популярной среди исследователей сферой научного поиска. Дефицит трудов о прошлом Русской православной церкви, закономерно возникший в советский период, в значительной степени ликвидирован. Сегодня трудно даже приблизительно подсчитать количество статей по соответствующей проблематике, вышедших в конце XX – начале XXI в.: они исчисляются многими тысячами. В России нелегко найти традиционно-православный регион, где не было бы подготовлено и защищено несколько диссертаций, посвященных страницам истории РПЦ. Множество постсоветских исследований посвящено трагическим страницам истории Церкви в советскую эпоху: гонениям со стороны атеистически ориентированной власти, государственным антирелигиозным кампаниям, феномену новомучеников. Значит ли все это, что научное сообщество может считать задачу осмысления конфессионального фактора в новейшей истории нашей страны в целом выполненной?

Разумеется, дать положительный ответ на сформулированный вопрос значило бы проявить чрезмерный оптимизм. И не только потому, что историк, по выражению В.О. Ключевского, не имеет права «на самоуспокоение». Дело еще и в том, что ряд важных проблем, связанных с ролью православной культуры в жизни отечественного социума на протяжении XX столетия, по-прежнему не исследованы должным образом. Насколько религиозным (не формально, а внутренне) было российское общество накануне революции 1917 г. и на каждом из последующих этапов развития советского общества? Насколько эффективной (опять же, не номинально, а в действительности) была атеистическая пропаганда? Каковы причины церковного ренессанса конца 1980-х – начала 1990-х гг.? Как случилось, что акторами этого ренессанса стали люди, воспитанные в рамках советской системы ценностей?

Приблизиться к ответам на некоторые вопросы такого рода был призван научно-исследовательский проект «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг.», реализованный автором в 2021–2022 гг. при поддержке коллег из нескольких исследовательских центров России, в том числе Московского государственного университета

и Московской духовной академии. Прежде всего этот проект, а также написанная по его итогам одноименная монография стали попыткой выяснить, как люди, считавшие себя советскими, в то же время оставались и православными верующими (см.: [3]). В фокус внимания исследовательского коллектива попали как архивные документы, так и опубликованные воспоминания, светская и церковная периодика позднесоветского периода, а также те данные, которые могла обеспечить устная история. Существенной частью исследования стало анкетирование и интервьюирование представителей старшего поколения россиян – «советских людей» в прошлом, проживающих в четырех регионах страны (Москва, Курская, Белгородская и Орловская области). В общей сложности проекту помогли состояться более 200 респондентов. Собственно, именно их воспоминания заставили обратить внимание на некоторые важные проблемы, которые стоят перед исследователями новейшей истории православия. Чтобы проиллюстрировать их, обратимся к конкретным случаям.

Весной 2021 г. в ходе интервьюирования пожилой прихожанки одного из курских храмов нами был задан вопрос: «Посещали ли Вы церковь в советское время?». Прихожанка ответила: «Что вы! Разве в советское время можно было ходить в церковь или в Бога верить? За это наказывали! Я только после перестройки стала ходить» [1]. По всей видимости, женщина не собиралась лукавить, однако невольно исказила прошлое: посещение православных храмов в послевоенном СССР не состоявшимися в партии гражданами, конечно, не приветствовалось, но и не запрещалось. И вообще, на практике религиозная жизнь оставалась заметной составляющей общественного бытия вплоть до конца советского периода: люди крестили детей, многие помнили о церковном календаре, так или иначе отмечали Пасху и некоторые другие религиозные праздники. А после семидесятилетий атеистической пропаганды, в 1988 г., по данным СДР, 70 % граждан СССР относили себя к верующим либо колеблющимся. В общем, атеистический проект провалился. Однако, в ходе наших бесед с другими прихожанами, тоже пришедшими в храм конце 80-х гг. мы еще несколько раз услышали, фразы типа в советский период посещать церковь «вряд ли было возможно», «почти все были атеистами» и т. п. Нечто подобное членам исследовательского коллектива не раз приходилось слышать и от студентов исторических факультетов, и даже (в смягченной форме) от их преподавателей.

Почему же многие люди, в том числе образованные, склонны преувеличивать уровень церковного упадка в позднем Советском Союзе? Видимо, решающую роль тут играет распространившаяся во время перестройки и в СМИ, и в науке установка смотреть на СССР исключи-

тельно через призму его «богоборчества». Начиная с 1990-х гг. главным предметом для исследователей православия стала государственная антирелигиозная политика, в результате чего история православной культуры оказалась представлена преимущественно трудами, посвященными противостоянию государства и Церкви. Конечно, свою роль сыграли здесь и особенности отечественного историописания, которое почти всегда было довольно-таки государственноцентрично. История страны видится сообществу историков прежде всего как процесс реализации проводимых властью реформ или контрреформ, при этом общество рассматривается преимущественно в качестве объекта приложения сил со стороны государства. Последнее же фактически воспринимается и описывается как некий демиург, формирующий либо преобразующий социум. Следование такому подходу закономерно приводит исследователей к противопоставлению «православной» Российской империи «атеистическому» СССР вследствие противоположных установок власти в отношении церковной жизни. Соответственно, если история конфессиональной культуры императорской России рассматривается через призму представления о союзе государства и Церкви, то церковное прошлое советского периода изучается в категориях подавление/сопротивление. В итоге мы обладаем едва ли не исчерпывающей информацией о закрытых приходах, преследованиях священнослужителей и верующих, но мало что знаем о православной жизни этого времени как таковой.

Разумеется, нелепо было бы отрицать, что государственную политику изучать надо; необходимо помнить и о трагических моментах гонений на Церковь, но концентрироваться исключительно на этом вряд ли стоит. Думается, что важно помнить о субъектности общества и его отдельных членов. Иначе сообщество историков рискует слишком упростить понимание прошлого и не обратить внимание на многие показательные явления. Например, на то, что в середине XX в. в атеистически ориентированной стране на Рождество или Пасху храмы порой посещало больше людей, чем в современной России, престольные праздники нередко де-факто оставались главными событиями колхозной жизни, а накануне 1 сентября некоторые пионеры приходили в церковь попрощаться с пророка Наума ума перед предстоящим учебным годом.

Первый пример из недавней практики интервьюирования был призван показать односторонность картины прошлого православия в СССР, которая бытует в обществе в силу государственноцентричности нашего восприятия происходящих явлений. Теперь приведем другой пример, который высвечивает важные методологические проблемы источниковедческого характера. Летом того же 2021 г. нам с коллегой довелось брать интервью у пожилого прихожанина из Черемисиновского

района Курской области. Будучи человеком вдумчивым и при этом общительным, респондент (Сергей Кузьмич) изъявил желание поделиться воспоминаниями о конфессиональной жизни села, в котором вырос (оно расположено в Беловском районе той же Курской области). К моменту встречи исследователи уже имели представление о ситуации в этом районе: из документов уполномоченных Совета по делам религий было известно, что местная церковь в позднесоветский период оказалась закрыта и занята колхозным продовольственным складом, а о православных практиках ее бывших прихожан местный уполномоченный СДР по Курской области отзывался как об умирающих. Однако, знакомство с этой информацией вызвало довольно бурную реакцию у интервьюируемого. «Да что там в ваших документах может быть написано? У нас на престольный праздник, на Троицу, наезжало гостей видимо-невидимо, яблоку негде упасть. И три дня село гудело праздником!», – возразил Сергей Кузьмич, фактически указывая на неудовлетворительную осведомленность исследователей. Далее он рассказал о традициях празднования других важных дат православного календаря в родном районе, существовавших в 1960–1970-е гг. (довольно богатых и не вполне «затухших» даже к началу 1980-х гг., судя по его словам). Еще он поведал о клирике из соседнего села, отмечавшем не только православные праздники, но и День труда – 1 мая. В конце беседы респондент добавил: «А этот уполномоченный что мог знать и что мог написать в своих рапортах? Он, наверно, только к председателю колхоза приезжал да с ним и разговаривал. Приедет, пообедает, рюмку выпьет, поговорит и – айда обратно в Курск. А там уже пишет, что ему надо» [2].

Думается, что во время своей неподготовленной, но длинной и информативной речи сельский житель, по сути, сформулировал сразу две важные проблемы, стоящие едва ли не перед всеми исследователями религиозности в советскую эпоху. Первая из них связана со ставшим почти традиционным ограничением круга источников. Большинство историков изучает церковное прошлое в СССР, опираясь на архивные документы, чаще всего – уже упоминавшуюся делопроизводственную документацию уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви и сменившего его Совета по делам религий. Однако трудно сказать, насколько объективно эти материалы отражают реалии духовной жизни советских людей, в том числе советских верующих. Круг вопросов, попадавших в поле зрения среднестатистического советского наблюдателя, конечно, не был всеобъемлющим. Безусловно, уполномоченные скрупулезно вели доступную им статистику легальных церковных действий, фиксировали те или иные публичные поступки священнослужителей, контролировали и описывали деятельность церковно-

приходских советов и т. п. При этом бытование православных традиций в «домашних» условиях или вне официальной церковной организации вполне могло оставаться за рамками их внимания.

Вторая методологическая проблема связана с особым углом зрения, под которым собиралась и затем подавалась информация советских функционеров. Их рапорты (равно как и любые другие документы, созданные советскими официальными лицами) явно ограничивались господствовавшим в СССР дискурсом, предполагавшим противопоставление традиционной православной и советской культур. Православные практики в этом дискурсе – терпимое (особенно если речь идет о пожилых и малообразованных людях) явление, которое, однако, изживается по мере роста образованности и материального благосостояния общества. Советская же культура в «чистом виде» должна быть свободна от «пережитков». Соответственно, многолюдное празднование православного праздника в преуспевающем социалистическом колхозе – неестественное явление; исповедующий советские ценности священник – тоже нонсенс. Такие «нонсенсы» редко находили отражение на страницах официальных отчетов, стремившихся представить реальность в рамках заданных официальной идеологией категорий. Очевидно, что их авторы осознавали ненужность «лишней» информации для вышестоящего начальства, предвидели неудобства при ее интерпретации, а потому не стремились собирать такого рода сведения. Отсюда и случаи яркого контраста между документальными свидетельствами и «живой памятью», один из которых описан выше.

Что вытекает из сказанного? Прежде всего: попытки отразить многообразие процессов и явлений духовной жизни советского общества, опираясь лишь на документы официального происхождения из архивов, изначально обречены на неудачу. Тут, кстати, можно привести массу аналогий. Например, вряд ли исследователь, который собрался изучать реалии университетской жизни, согласится использовать в качестве источника лишь утвержденные рабочие программы и отчеты преподавателей.

Очевидно, что для создания объективной, многогранной картины прошлого православия в Советском Союзе необходимо искать оптимальное соотношение между источниками разного происхождения и апробировать пути их взаимной верификации. Если говорить об архивах, то кроме материалов уполномоченных по делам религий есть еще фонды условно-общественных организаций, вовлеченных в советское время в обсуждение вопросов религиозности. Это и комсомольские структуры, и партийные организации, и общество «Знание», которое в позднесоветский период было плотно вовлечено в обсуждение связанных

с религией вопросов. Довольно слабо используется документация из епархиальных фондов. Конечно, получить ее не всегда просто, но, справедливости ради, надо сказать, что далеко не каждый историк пытается это сделать. Ценным источником являются и церковные издания: как периодические, так и неперiodические, посвященные тем или иным личностям и явлениям. В постсоветский период Православная церковь предприняла огромные усилия, чтобы восстановить собственную историю советского периода. И, наконец, самое главное, что сегодня должен делать исследователь позднесоветского периода в истории православия – это обращаться к живой памяти, пока такая возможность еще есть.

Библиографический список

1. Запись интервью Зинаиды Петровны К., 1955 г. р. Курск, 21.05.2021 / Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг.». Полевые материалы 2021 г.
2. Запись интервью С.К. Толмачевым, 1956 г. р. Пос. Черемисиново Курской области, 5.06.2021 г. / Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.». Полевые материалы 2021 г.
3. Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг. Коллективная монография / под ред. А.В. Апанасенка. Курск: Изд-во РОСИ, 2022. 321 с.

УДК 930.85(379.85)

Е.Т. Атаманова,

доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец)

ПРАВОСЛАВНАЯ СВЯТЫНЯ ЕЛЬЦА В СТАНОВЛЕНИИ ПАЛОМНИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Аннотация. В предлагаемой работе определяется роль одной из древних православных святынь Ельца – Знаменского женского монастыря на Каменной горе – в становлении паломнического туризма Елецкой земли. Актуальность заявленной темы не вызывает сомнений не только потому, что в условиях разного рода ограничений, обусловленных многочисленными санкциями в отношении РФ, отдельные святыни православного мира оказываются недоступными, но и в связи с необходимостью активного развития внутреннего туризма, в том числе паломнического. Паломнические путешествия, как никакие другие, укрепляют в вере, дают силы во всех добрых начинаниях, способствуют духовному преображению человека и постижению Высшей Истины.

© Атаманова Е.Т., 2025

Ключевые слова: православные святыни, Елец, паломнический туризм, базовые ценности, Знаменский женский монастырь, святители Митрофан Воронежский и Тихон Задонский.

E.T. Atamanova,

Associate professor, Bunin Yelets State University (Yelets)

YELETS ORTHODOX SHRINE IN THE DEVELOPMENT OF PILGRIMAGE TOURISM

Abstract. The proposed work defines the role of one of the ancient Orthodox shrines of Yelets, the Znamensky Convent on Kamennaya Gora, in the development of pilgrimage tourism in Yelets land. The relevance of the stated topic is beyond doubt, not only because under the conditions of various restrictions caused by numerous sanctions against the Russian Federation, certain shrines of the Orthodox world are inaccessible, but also due to the need for active development of domestic tourism, including pilgrimage. Pilgrimages, like no other, strengthen faith, give strength in all good endeavors, contribute to the spiritual transformation of a person and the comprehension of the Highest Truth.

Keywords: Orthodox shrines, Yelets, pilgrimage tourism, basic values, Znamensky Convent, Saints Mitrofan of Voronezh and Tikhon of Zadonsk.

Золотые вертикали,
Голубые купола.
Догорает тёплый вечер...
Предосенняя пора...
Древний город над рекою
Смотрит в розовую даль.
Над родным покоем вечным
Ничего уже не жаль.
Нам нельзя теперь не верить,
Родина зовёт, пора!
Храм откроет скоро двери,
Зазвонят колокола.

*Г.П. Климова**

Елец – старинный русский город (его ещё иногда называют «городом церквей» и «местом, где остановилось время»), раскинувшийся на берегах реки Быстрая Сосна, не перестаёт удивлять путешественников

* В качестве эпиграфа приводится стихотворение д-ра филол. наук, проф., чл.-корр. Международной Славянской Академии, многолетнего руководителя кафедры историко-культурного наследия ЕГПИ (ЕГУ им. И.А. Бунина) Г.П. Климовой (1949–2024) «Елец», опубликованное в Вестнике Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Вып. 12: Историко-культурное наследие (1) [5, с. 352].

своим богатейшим православным наследием. Не случайно святитель Тихон Задонский называл его «Вторым Сионом», слава которого откроется во втором пришествии. В атеистическом XX веке в Ельце пришли к православной вере очень многие известные люди России, среди которых кинорежиссёры Ренита и Юрий Григорьевы, Роллан Сергиенко, писатели Владимир Крупин и Валентин Распутин, лётчица Мария Орлова и др.

Православные культовые сооружения старинного Ельца, безусловно, оказывают воздействие на формирование не только базовых духовных ценностей, но и способствуют соединению жизни мирской с религиозной. И те, и другие не имеют чётких границ, но их объединяет ряд общих, взаимосвязанных тенденций, которые формируются в национальном социально-экономическом, историческом и культурном контексте [7, с. 80]. При этом всегда необходимо понимать то, что «...осознание глубинных основ и принятие национального своеобразия России, русской культуры, её религии могут в дальнейшем стать своего рода важным объединяющим и мобилизующим фактором в налаживании межкультурной и межнациональной коммуникации...» [2, с. 12].

На территории города в настоящее время находится достаточно много православных святынь (попутно отметим, что до революции, по легенде, их было более трёх десятков, сегодня, конечно, гораздо меньше), являющихся объектами туристского показа. Среди них и визитная карточка Ельца – Вознесенский собор, возводимый в течение сорока четырёх лет в XIX столетии (проект К.А. Тона), и Великокняжеская церковь («жемчужина» елецкой архитектуры), построенная в начале XX века (к 300-летию дома Романовых), и единственная в России церковь Елецкой Божией Матери, также созданная на рубеже XIX–XX веков, но освящённая лишь в 1990-е годы, и храм Михаила Архангела воздвигнутый в XIX столетии и неоднократно воспетый И.А. Буниным в поэзии и прозе, и т. д.

Однако особое место среди православных святынь Ельца занимает Знаменский женский монастырь, расположенный на Каменной горе, так как именно с ним связано становление паломнического туризма в древнем городе. Путешествие в Знаменский монастырь иногда называют «турпутёвкой к Богу». Истоки этой обители уводят нас в XVII–XVIII века и так или иначе обращают наши взоры к святителям Митрофану Воронежскому и Тихону Задонскому, которые не только духовно кормили насельниц монастыря, но и оказывали обители посильную помощь и покровительство. Первоначально там был основан скит Троицкого мужского монастыря, несколько позднее ставший женским монастырём [6]. Указ Петра I закреплял за монастырём земли и крестьян.

Расцвет монастыря приходится на XIX столетие (второе его официальное открытие связано с именем Александра I и датируется 1822 годом). Территория обители окружена достаточно высокими стенами (кстати отметим, что в былые времена люди, поднимаясь в обитель по ступеням из тёсаного камня, останавливались на каждой из них для покаяния в собственных грехах, в связи с чем стену монастырской ограды стали именовать «стеной плача» или «Лестницей Покаяния» (рис. 1)) из камня общей протяжённостью по периметру более километра. С этих древних стен (практически с высоты птичьего полёта!) открывается великолепная панорама, которая охватывает не только историческую часть города, но и близ лежащие слободы и окрестности. Впечатления от увиденного остаются незабываемые (рис. 2). Об этом с большим пиететом в своё время высказался один из основателей и руководителей Московского Художественного театра Народный артист СССР В.И. Немирович-Данченко: «Есть женский монастырь в Ельце, монастырь в высшей степени интересный и заслуживающий посещения. Там почивает подвижница Мелания, там существует рисовальная школа, разумеется, маленькая, есть красивый собор, и, главное, оттуда виды такие, что художник, разумеется, позавидовал бы инокиням» (цит. по: [4]). В тот период в монастыре существовала бесплатная церковно-приходская школа для девочек, где они обучались грамоте и рукоделию.

Рис. 1. Вход в Елецкий Знаменский женский монастырь.
«Стена плача» или «Лестница Покаяния» (современный вид)
Фото из открытых источников

Рис. 2. Елецкий Знаменский женский монастырь.
Панорамный вид
Фото из открытых источников

К величайшему сожалению, за долгую историю на долю обители выпало немало испытаний: и упразднение по Указу Екатерины Великой, и пожар, спаливший почти весь город и не пощадивший монастырских построек, и революция XX столетия, после которой последовало его закрытие и переименование в Рабочий городок, и разруха советского периода, и др. Каждый раз монастырь восставал заново, как птица Феникс из пепла.

К началу XXI столетия сохранилось весьма немного: колокольня, часть стен монастыря и спуск к источнику. В 2004 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II началось последнее (третье) масштабное восстановление монастыря, которое продолжается и по сей день. К настоящему времени из руин восстали (по сохранившимся чертежам) главный Знаменский собор и деревянная церковь святителя Николая Чудотворца, рядом с которой находятся могила и памятник блаженной старицы Мелании (по легенде, в час её кончины над Каменной горой был виденяркий столб света, устремленный в небеса), прожившей в монастыре около шести десятилетий, а также келии для монахинь и отдельные хозяйственные постройки. В наши дни это монастырь действующий, молитвами и руками монахинь превращённый в «город-сад», утопающий в цветниках и клумбах, с просторными вольерами для павлинов, перепёлок и курочек (рис. 3).

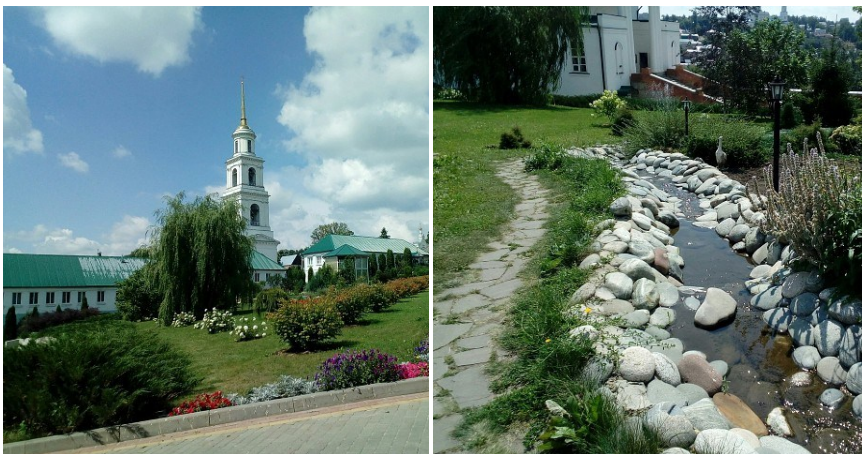

*Рис. 3. На территории Елецкого Знаменского женского монастыря
Фото из открытых источников*

У подножия Каменной горы, перед входом в монастырь, располагается часовня в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник», а также святой источник и купель.

Среди главных святынь монастыря иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» и Христа Спасителя, чудесным образом уцелевшие при пожаре XVIII века, прижизненный портрет святителя Тихона Задонского, икона «Троеручица», написанная в Хиландарском монастыре на Святой горе Афон и, конечно, могила затворницы Мелании, где желающие, как правило, оставляют записочки о самом сокровенном, о чём возносят свои молитвы (и воистину – «по вере воздаётся каждому»).

Посещение Литургии, участие в молебне, получение благословения создают молитвенный настрой, дают ощущение великой Благодати, так необходимое для спасения каждой души, и рождают желание помогать ближнему, памятуя о том, что «Бог есть Любовь!» Тихая радость, умиротворение, душевное тепло и благодатное спокойствие, исходящие от великих святынь и духовных даров, наполняют каждого верой, терпением и силой, так необходимых в бушующем современном океане соблазнов и страстей. Вместе с тем «актуализация ретроресурсов локальных территорий в сложных геополитических условиях в ближайшем будущем способна предотвратить утрату самобытности, повлиять на их объединение...» [3, с. 9]. В свою очередь, презентация в рамках паломнического туризма духовного и историко-культурного потенциала Елецкой земли даёт новый импульс в сохранении истории края, его архитектуры и природы, тем самым происходит осознание того, что «кто не знает и не помнит прошлого, у того нет и не может быть будущего» [1, с. 252].

Путешествие в Елец (в «город, с остановившимся временем») и, соответственно, в Елецкий Знаменский женский монастырь на Каменной горе даст возможность не только увидеть старый русский город (ведь, наверное, недаром говорят о том, что «кто в Ельце не бывал, тот России не видал!») и поклониться древним святыням, но и позволит отключиться от мирской суеты, полюбоваться поистине райской природой и удивительными ландшафтами, почувствовать широту русской души и истинное дыхание русского мира, увидеть мощь и величие уникальной архитектуры и тем самым погрузиться в мир русской истории и культуры.

Библиографический список

1. Атаманова Е.Т. Православные некрополи Ельца: туристский дискурс // Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас: материалы XIII Междунар. форума «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения». Липецк – Задонск, 27–29 апреля 2017 г. / под ред. Н.Я. Безбородовой,

Н.В. Стюфляевой (отв. ред.). Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 251–253.

2. *Атаманова Е.Т., Матвиенко В.А.* Иностранные путешественники о религиозной ситуации в России: исторические аспекты восприятия // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 3 (31). С. 5–14.

3. *Атаманова Е.Т., Матвиенко В.А.* Ретроресурсы внутреннего туризма как детерминанта экономической аттрактивности локальных территорий // Бизнес и дизайн ревю. 2022. № 4 (28). С. 1–11. DOI 10.56565/25419951_2022_4_1. EDN ENLYNL.

4. Елец. Знаменский монастырь, что на Каменной горе // Семейные путешествия по России [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YH00gr4Rt0JbYBkG>

5. *Климова Г.П.* Елец // Отрада // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Вып. 12: Историко-культурное наследие (1) / отв. ред. Е.Т. Атаманова. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 352.

6. *Клоков А.Ю., Найдёнов А.А., Новосельцев А.В.* Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Елец. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2006. 512 с.

7. *Матвиенко В.А.* Политико-правовые аспекты деятельности Русской Православной Церкви в современной России. Москва: Директ-Медиа, 2015. 198 с. EDN UDINJB.

УДК 130.2; 130.3

М.А. Афанасьева,

старший преподаватель,

Ивановский государственный энергетический университет (Иваново)

НООСФЕРИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется процесс ноосферизации религиозного сознания, включающий формирование системности глобального религиозного сознания, общего информационно-семиотического религиозного поля, козволюцию религиозных учений. Ноосферизация религиозного сознания в данном контексте представляет переход религиозного сознания от уровня национальной, этнической, культурной идентификации к уровню когнитивизации и систематизации религиозных знаний и учений.

Ключевые слова: религиозное сознание, система религиозного сознания, уровни религиозного сознания, ноосферизация религиозного сознания.

M.A. Afanasyeva,

Senior Lecturer, Ivanovo State Power Engineering University (Ivanovo)

NOOSPHERIZATION OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS: MAIN DIRECTIONS

Abstract. The article examines the process of noospherization of religious consciousness, including the formation of a systemic global religious consciousness, a common information and semiotic religious field, and the co-evolution of religious teachings. The noospherization of religious consciousness in this format represents the transition of religious consciousness from the level of national, ethnic, and cultural identification to the level of cognitivization and systematization of religious knowledge and teachings.

Keywords: religious consciousness, system of religious consciousness, levels of religious consciousness, noospherization of religious consciousness.

Современный мир находится в стадии динамичных преобразований, они затрагивают все области жизни, включая науку, философию, искусство, технологии, не остается в стороне и религия. С одной стороны, религиозная сфера обладает традиционными представлениями, передаваемыми из поколения в поколение, а с другой, наблюдается его эволюция – появление новых религиозных учений и организаций, эзотерических учений, новых религиозных движений, цифровизации религиозного сознания, которая меняет отношения между верующими и церковными иерархиями. Одна из тенденций, которой охватывается религиозная жизнь – это ее ноосферизация, которая в общих словах может быть представлена как развитие в массах религиозного мышления, внедрение в общественное сознание религиозных принципов любви, сотрудничества, поиска компромиссов, резкое увеличение религиозной коммуникации, ведущей к самоорганизации сетевого религиозно коллективного разума.

Рассмотрим некоторые направления ноосферизации религиозного сознания. И.В. Дмитриевская рассматривая ноосферу как систему, дает следующее ее определение: «Ноосфера определяется как системно организованное Всеобщее, тем самым, понятие «ноосфера» сближается с Живым Космосом Платона, Единым Плотина, Природой-Богом Спинозы, Абсолютом Шеллинга, Абсолютной Идеей Гегеля и т. п.» [3, с. 10]. В этом определении ноосфера сближается с религиозными представлениями о творении мира и в принципе с пониманием духовной иерархии, отражающей социальную плоскость бытия. И.В. Дмитриевская определяет ноосферность как совокупность следующих качеств: системности, целостности, уровней системной организации – концепта,

структуры, субстрата, созидательности, утверждения жизни творческого потенциала [3, с. 11].

Легко показать, что религиозное мировоззрение обладает всеми указанными качествами. Религиозное мировоззрение целостное, охватывает весь мир сверху донизу, оно начинается с диалектики первооснов Бытия, далее идет религиозное учение, его смысловые структуры, разделы (структурный компонент системы), наконец, конфессиональный аспект – организация религиозных общин, ритуалов, служб, праздников, молитв и т. д. Религиозное мировоззрение рассказывает о пути жизни, обладает качеством жизнеутверждения в явном виде, выступает на стороне добра во вселенском противостоянии Космоса и Хаоса. В.И. Вернадский отмечал, что в ноосфере такое противостояние (между добром и злом) продолжается. Творение в религиозном мировоззрении отвечает основному ноосферному закону, поскольку оно начинается с первой мысли, наполняется космическим желанием, овеществляется в Живом Космосе. Наконец, религиозное мировоззрение обладает творческим потенциалом, который в массовом религиозном сознании еще не проснулся, но формируется все увеличивающаяся группа людей, для которой религиозное мышление проснулось и развивается, формируя мост между мирами – вещественным и информационным. Творческим потенциалом проникнуты высшие уровни религиозного сознания – область диалектического мышления об Абсолюте, развёртывании творения, ступенях эволюции Космоса, природы, человека. Эволюция сознания человека продолжается, достигнутый уровень требует новых объяснений религиозных фактов, новых религиозных смыслов, дальнейшего откровения об обществе, человеке, ближайших шагах эволюции. Таким образом, религиозное мировоззрение обладает качествами ноосферности, указанными И.В. Дмитревской. Еще одной иллюстрацией целостности и системности и нового религиозного мышления является творчество Д.Л. Андреева, выраженное в его произведении «Роза Мира» [1]. В данной работе глобальное религиозное сознание представлялось как совокупность лепестков розы, каждый отражает определенную религию или религиозное учение [2].

Одно из главных качеств ноосферности – целостность, системность, необходимо рассмотреть более подробно. В настоящее время формируется глобальное религиозное сознание, обладающее качествами универсальности, коэволюции религиозных учений, образованием общего религиозного информационно-семиотического поля. Концептуальные, структурные, субстратные компоненты системы могут быть рассмотрены как уровни религиозного сознания и представлены в виде трех основных уровней религиозного сознания: конфессиональном

(отношения между религиозными общинами, конфессиями), коммуникативно-смысловом (диалог смыслов религиозных учений) и мировоззренческом (высшие уровни религиозного сознания, обеспечивают его целостность). Эти основные уровни также рассматриваются как троичные подсистемы, промежуточные уровни будем считать совпадающими. Тогда образуется семь уровней религиозного сознания: этнический, национальный, культурный, эмоционально-поведенческий, когнитивно-образовательный, системно-исторический, системно-духовный. Наиболее распространенные уровни религиозного сознания – этнический, национальный, культурный, отношения на этих уровнях отражаются шкалой от экстремизма до сотрудничества. Если на этих уровнях развивается толерантность к представителям других конфессий, то они приобретают качества ноосферности. Следующие уровни: культурный (религиозные тексты), когнитивно-образовательный, системно-исторический позволяют развивать знание религиозных учений, диалог религиозных смыслов и ценностей, историю мировых религий, их взаимодействие в разные исторические периоды и в настоящем. Такое смещение интереса от ритуальной стороны религиозной жизни к смысловой, происходящее в настоящем – благодаря развитию образования, коммуникаций, подъему интеллектуального уровня масс – можно назвать признаком ноосферизации религиозного сознания.

Ноосферизация религии в узком, более практическом смысле представляется в виде переноса социальной организованности в духовную, нематериальную сферу, усложнение и наделение ее более ментальными, рациональными компонентами. В более широком, идеалистическом ракурсе процесс ноосферизации наделяет религиозную сферу такими свойствами как системность, глобальность, саморегуляция, цивилизованность, в каком-то виде цифровизируемость. Вследствии ноосферизации религии увеличивается и расширяется информационный поток духовных знаний и учений, он становится более доступным и разнообразным. Основной ноосферный закон «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество» (И.В. Дмитриевская) раскрывается в данном значении в виде процессов, которые наблюдаются последние десятилетия – развитие и глобализация новых религиозных учений, расширение интерпретаций уже давно существующих священных писаний, адаптация «старых» и «новых» религий к современным условиям жизни, особенно ярко это проявляется в процессе цифровизации религии. «Информация» представляется в виде наделения религиозной сферы общими, глобальными характеристиками, усложнением ее содержания, а также переходом религиозного сознания от уровня национальной, этнической, культурной идентификации к уровню

когнитивизации и систематизации религиозных знаний и учений. Данный переход дает большой ресурс для выработки энергии в виде общечеловеческого отклика и структуризации определенных организационных форм.

Как известно, цефализация – увеличение массы и организованности головного мозга в процессе эволюции. У человека биологическая цефализация принимает социальные формы. Г.С. Смирнов вводит понятие цефализации ноосферы: «Цефализация ноосферы – особая надсоциальная (метасоциальная, социоприродная) форма биосферно-цивилизационного развития, имеющая космическую телесность» [6, с. 272]. Так цефализация ноосферы объединяет природную и социальную эволюцию, а также и новое качество – эволюции социальных форм и форм разума и сознания. Развивающееся сетевое общество способствует раскрытию познавательных способностей за счет коллективных форм организации разума. Эпоха глобальной коммуникации ускоряет коэволюционные процессы взаимодействия биосферы и цивилизации [6, с. 269].

Религиозное сознание, являясь определенным срезом глобального сознания человечества, встраивается в эти процессы. Церкви являются институциональным выражением религиозного сознания, его многотысячелетней цефализации и ноосферизации, формами развития религиозной мысли, проникновения ее в массовое сознание. Человек приобщался к религиозному мышлению через ритуалы, постепенно религиозные принципы внедряются в сознание человека, становятся его внутренними принципами. В настоящее время происходит взаимовлияние религиозного и социально-техносферного сознания: принципы религиозного мышления проникают в экологическое мышление, формируется экологический и нравственный императив, религиозное мышление приобретает светские формы в общественном сознании; с другой стороны, религиозное сознание приобретает новые формы своего воплощения и развития через процессы цифровизации, формирования новых религиозных движений.

Религиозное сознание эволюционирует вместе с общечеловеческим сознанием. От слепого выполнения Божьей воли человек переходит к осмысленным действиям, к осмыслению своей религиозности, которая из узкоконфессиональной становится более широкой, проникает в сферу повседневного мышления и действия в социуме и основывается на свободном религиозном мышлении.

Еще одной формой цефализации и ноосферизации религиозного сознания является распространение учений и практик самосовершенствования. В большой степени этот процесс определяется проникновением в западный мир восточных учений йоги и буддизма (работа с мыслью, медитация, достижение высших состояний сознания).

Примером проникновения религиозного мышления в общественное, коллективное, массовое, глобальное сознание является формулировка Н.Н. Моисеевым экологического и нравственного императивов. Экологический императив – это совокупность условий, «нарушение которых будет иметь для человечества катастрофические последствия» [4, с. 247]. Нравственный императив дополняет императив экологический, он содержит запреты, рамки, в которых должно двигаться человеческое поведение и мышление [4, с. 248]. Десять заповедей религиозного сознания, по мнению Н.Н. Моисеева, исчерпывают нравственный императив. На наш взгляд, краткая формулировка заповедей может быть выражена в положении о непричинении вреда мыслью, словом, эмоциональной реакцией, поступком – на всех уровнях организации личности.

Следующим шагом в развитии экологического и ноосферного мышления является формулировка Г.С. Смирновым ноосферного императива: «блага ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) – высшая цель, благо индивида – конечная цель, единство ноосферного блага и блага человека – абсолютная цель» [6, с. 323]. На этом принципе основано глобальное экологическое мышление, он обеспечивает коэволюцию общества, природы и отдельного человека. «Ноосферный императив рассматривает человека, общество и природу как единую целостную систему, делает акцент на их общечеловеческое, глобально-планетарное содержание, а ноосферу – как квинтэссенцию духовной и материальной культуры, функционирующей в мировом Универсуме» [5, 225]. Нетрудно видеть, что религиозное сознание имеет экологическую и ноосферную составляющую, по-своему формулируя идеи единства человечества, природы и Бога.

Ноосферизация религиозного сознания – это общий перенос доминанты религиозной жизни и сознания с обрядовой стороны и конфессионального сознания в коммуникативно-смысловую область, развитие свободы религиозной мысли, увеличение массы людей, занимающихся продвинутыми религиозными практиками самосовершенствования, формирование общего религиозного поля мировых религий, проникновение принципов религиозного мышления в массовое сознание, возможности формирования единого мировоззрения на основе синтеза мировых религиозных учений.

Таким образом, ноосферизация религиозного сознания идет по нескольким направлениям: смещение межрелигиозных отношений от преимущественно межконфессиональных к коммуникативно-смысловым, что постепенно формирует общее поле мировых религий; встраивание религиозного сознания в глобальное сознание человечества,

практически немедленный отклик религиозного сознания на происходящие события в мире.

Библиографический список

1. Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Мир Урании, 2004. 608 с.
2. Афанасьева М.А. «Роза мира» Д.Л. Андреева: мистическая глобальность // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2 (17). С. 71–76.
3. Дмитриевская И.В. Коммуникативное пространство ноосферы // Вестник Ивановского гос. ун-та. 2010. Вып. 2. Философия. С. 9–25.
4. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
5. Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
6. Смирнов Г.С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.

УДК 930.2

К.Е. Балдин,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ИНОЗЕМНАЯ СРЕДА И РУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПО ПАЛОМНИЧЕСКИМ МЕМУАРАМ НАЧАЛА XX ВЕКА *

Аннотация. В начале XX в. наблюдается расцвет православного паломничества в Палестину. В статье рассматривается то, как в мемуарах паломников отражалась иноземная среда, в которую они попадали и как конструировалась их религиозная и национальная идентичность.

Ключевые слова: православное паломничество, православное духовенство, Императорское Православное Палестинское Общество, иноземная среда, религиозная идентичность, национальная идентичность.

© Балдин К.Е., 2025

* Статья написана в рамках реализации госзадания Минобрнауки FZZM-2025-0001 по теме «Иноземная среда и русская идентичность: отражение конфессиональных и культурных реалий Святой Земли в мемуарах русских паломников XIX – начала XX в.»

K.E. Baldin,

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

FOREIGN ENVIRONMENTS AND RUSSIAN IDENTITY BASED ON PILGRIMAGE MEMOIRS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Abstract. At the beginning of the twentieth century, Orthodox pilgrimage to Palestine flourished. The article examines how pilgrim memoirs reflected the foreign surroundings, they found themselves in, and how their religious and national identity was constructed.

Keywords: Orthodox pilgrimage, Orthodox clergy, Imperial Orthodox Palestinian Society, foreign surroundings, religious identity, national identity.

В начале XX века православное паломничество из России за рубеж стало массовым, ежегодно тысячи россиян отправлялись на Афон, в Барград, на Синай и особенно много – в Палестину, где находились главные святыни вселенского христианства и которая в то время входила в состав Османской империи. Религиозные, культурные и географические представления или ожидания богомольцев по прибытии к месту назначения очень часто не совпадали с действительностью. Иерусалим оказывался вовсе не «сияющим градом на холме», а сравнительно небольшим городом, наполненным шумной и в основном иноверной толпой, своей мирской суетой не дававшей возможность сосредоточиться на благочестивых размышлениях. Священная река Иордан оказывалась совсем не такой широкой и величавой, как представлялось им ранее.

Все эти реалии отражались в мемуарах российских паломников. Одним из них являлся игумен Никандр (в миру – Чуватин Николай Андреевич). Он родился в 1839 году в городе Слободской Вятской губернии в купеческой семье. Образование получил в начальном училище и в восемнадцатилетнем возрасте был принят послушником в Соловецкий монастырь [2].

Учитывая административные способности о. Никандра, духовное начальство отправило его с крайнего севера на юг, где он был поставлен настоятелем Георгиевского монастыря в Балаклаве (Крым). Здесь он с большим размахом сумел организовать в 1891 г. празднование тысячелетия этой обители. Под эту круглую дату удалось собрать довольно крупные пожертвования и провести в монастыре значительные строительные работы. Георгиевский монастырь стал хорошо известен всей России после того, как его посетил в 1898 г. император Николай II [4].

В 1899 г. игумен Никандр оставил настоятельскую должность и удалился в Соловецкий монастырь, откуда в 1906–07 гг. «ходил» в Святую землю. В 1909 г. он скончался в возрасте 70 лет и был погребен

в Соловецком монастыре [1]. Его паломнические записки увидели свет в «Архангельских епархиальных ведомостях» уже посмертно.

Русские паломники, в том числе из простонародной среды, отправляясь в Палестину, разумеется слышали от бывалых богомольцев о том, что они там встретятся с «сестринской», т. е. дружественной, единоверной церковью. Действительно Иерусалимская православная патриархия, которой издревле руководило греческое духовенство, являлась наследницей первых христианских общин Святой Земли. Вместе с тем, многовековая история раздельного существования Русской и Иерусалимской церквей не могла не отразиться на обрядовых различиях, которые, не будучи очень серьезными, все же бросались в глаза нашим богомольцам. «Архиерейское служение здесь во многом отличается от нашего, — замечал соловецкий игумен. — Патриарх пришел без всякой встречи в алтарь Воскресенского храма и с помощью иподиаконов обласкался у престола...» [3, 1913, № 17, с. 478]. Общее впечатление автора заключалось в том, что в России служба все же выглядела гораздо более торжественно.

На христианском Востоке по-другому осуществлялся церковный звон, который был особенно любим и ценим русским духовенством и мирянами. Далеко не везде в условиях Османской империи он был разрешен властями, но в отдаленном и малонаселенном Синае, где в монастыре св. Екатерины обитали греческие монахи, с этой важной акустической составляющей православного культа проблем не было. Но здесь церковный звон выглядел весьма экзотично с точки зрения русских паломников. Автор мемуаров остановился на услышанных им необычных звуках довольно подробно: «Праздничное богослужение (в память св. великомученицы Екатерины. — *К. Б.*) началось торжественной большой вечерней, повестка к которой давалась так: сначала колотили в доску, затем — в железное полукружие, потом выстрел и трезвон во вся. И так повторялось три раза». Причем стреляли не из ружей, наших паломников разбудили «...в два часа ночи три пушечных выстрела и колокольный звон». Сигналом к началу монастырской трапезы также служила пушечная пальба, фоном для которой служил колокольный звон [3, 1913, № 18, с. 509–510].

При посещении святынь вселенского христианства, расположенных в Иерусалиме, Назарете, Вифлееме и других местах вооруженным взглядом было видно не просто присутствие турок, но и выставленный напоказ контроль османов за этими храмами. У входа в храм Гроба Господня вальяжно сидели турки, которые на ночь запирали его, так что желавшие принять участие в заутрене вынуждены были на ночь оставаться в храме. Еще в XIX в. за вход в эту святыню нужно было платить, однако, в начале XX столетия богомольцы были избавлены

от этих поборов. В других святых местах за их посещение с наших богомольцев турки и арабы продолжали брать деньги. В частности, в Вифании автор имел возможность проникнуть в погребальную пещеру Лазаря Четверодневного, только заплатив туркам так называемый бакшиш [3, 1913, № 17, с. 418]. Это слово означало нечто среднее между мздой, подарком и милостыней. Хотя в России взяточничество тоже было большой проблемой, но на Востоке бакшиш был почти всеобщим, ни у кого в местном обществе он не вызывал осуждения.

В условиях иноземной, т. е. иноверной, иноязычной и инокультурной среды россиянам как никогда важно было найти духовные и материальные опорные точки, отыскать соотечественников и регулярно общаться с ними, конструируя таким образом свою идентичность. Учитывая то, что автор являлся православным паломником, более того – клириком Русской Православной церкви, для него на первом месте находилась скорее не национальная и культурная, а религиозная идентичность. Несмотря на проблемы, связанные с регулярными поборами с греческих монахов с наших богомольцев, для него очень важным было не только посещение святынь вселенского христианства, но и получения права служить в них. Поэтому по прибытии в Иерусалим, игумен Никандр направился в патриархию, но не застав главы церкви, обратился к архиепископу Епифанию. Тот просмотрел документы, привезенные Никандром из России, и выдал ему разрешение на службу в храмах Иерусалимской патриархии. По свидетельству автора иерарх «долгонько разговаривал» с ним, причем беседа происходила без переводчика по-русски, которым Епифаний неплохо владел; это обстоятельство «вельми утешило» русского паломника [3, 1913, № 16, с. 459].

Греческая иерархия, мягко выражаясь, не приветствовала самостоятельного служения русских иереев (и даже епископата) в своих храмах, поэтому наши батюшки участвовали в литургии в порядке сослужения с клиром Иерусалимской церкви. Впрочем, это не смутило соловецкого игумена, тем более, что архиепископ Епифаний пригласил его совместно служить в главном христианском храме во имя Гроба Господня в Иерусалиме. Как видно из текста воспоминаний, участие Никандра в литургии было не номинальным: «Апостол и Евангелие читались сперва по-гречески, потом по-славянски; ектении и возгласы говорились поочередно. Я сказал два возгласа и прочел заамвонную молитву. Вол время проскомидии и разрешительной молитвы, которую произнес по-славянски Владыка, принимая дискос и потир при Великом выходе, я помянул своих родителей, родственников и знаемых» [3, 1913, № 16, с. 459]. Таким образом, значительная часть богослужения в главной святыне христианства на этот раз шла на церковнославянском языке.

Такие двуязычные богослужения в Святой Земле в начале XX века проводились регулярно. На следующий день после литургии у Гроба Господня, автор присутствовал на обедне в Гефсамании у Гроба Божией Матери. Здесь служил иеромонах-грек и пели два хора – греческий и русских, состоявший из русских паломниц [3, 1913, № 16, с. 460]. Не греческий, а русский и церковнославянский язык слышали наши паломники и при посещении большой русской женской общины (около 100 человек) в Горней неподалеку от Иерусалима. Как свидетельствует игумен Никандр, здесь во время трапезы одна из наших сестер читала Евангелие [3, 1913, № 19, с. 536].

Местопребыванием значительной части паломников в Иерусалиме были так называемые Русские Постройки, которые начали возводиться еще на рубеже 1850–60-х гг. и постепенно расширялись в последующие годы, а также другие подворья Святого Града, которые были выстроены уже Императорским Православным Палестинским Обществом. Здесь находились не только жилые помещения, но и храмы, прежде всего – большой Троицкий собор, в котором служило только русское духовенство и только на привычном и понятном для паломников славянском языке. Кроме того, на Русских Постройках регулярно проводились духовные собеседования с паломниками, в которых духовенство рассказывало о священных достопримечательностях Палестины, читало фрагменты Священного писания с подробными профессиональными комментариями членов Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В начале XX века эти чтения сопровождались демонстрацией «туманных картин» через «волшебный фонарь», т. е. слайдов через диапроектор [3, 1913, № 16, с. 460–461].

Идентичность православную и социокультурную очень трудно отделить друг от друга. Опорные точки русского влияния были расположены в целом ряде различных уголков Палестины, большую часть этих участков приобрел руководитель Русской Духовной Миссии архимандрит Антонин. Среди них игумен Никандр посетил русскую «странноприимцу» около Хеврона, устроенную рядом с библейским Мамврийским дубом, здесь автор провел богослужение, на котором присутствовало несколько паломниц-монахинь из Мензелинского монастыря Уфимской губернии. Посетив Иерихон, он и здесь нашел «русское подворье с прекрасной церковью, гостиницей и очень хорошим фруктовым садом» [4, 1913, № 17, с. 481, 484]. Еще одной опорной точкой идентичности являлся построенный о. Антонином русский приют с апельсиновым садом в портовом городе Яффе. Игумен Никандр здесь служил всенощную [3, 1913, № 18, с. 504].

Эти участки, принадлежавшие Антонину и переданные им в дальнейшем в российскую собственность, были расположены на

важных для верующих местах, связанных с событиями священной истории. Под Мамврийским дубом патриарх Авраам принимал трех юношей, в лице которых ему явился Господь. В Иерихоне на участке располагалась смоковница Закхея, который взобрался на это дерево, чтобы лучше видеть въезжавшего в город Иисуса Христа. Что касается яффского участка, то русская церковь на нем была построена на том месте, где апостол Петр воскресил праведную Тавифу, известную своим трудолюбием и благотворительностью.

Важным проявлением идентичности для русских паломников в Иерусалиме являлись специальные торжественные службы, на которых они присутствовали в храме Гроба Господня в царские дни, т. е. в дни рождения и тезоименитства членов царской семьи. Игумен Никандр с глубоким удовлетворением участвовал в службе в день тезоименитства цесаревича Алексея. Об уровне этого богослужения свидетельствуют, что в нем участвовали патриарх Дамиан, четыре архиерея и пятнадцать архимандритов, а также сам автор путевых записок [3, 1913, № 17, с. 477].

Идентичность проявлялась не только в службе на церковнославянском языке или ектениях с упоминанием членов Дома Романовых, но и в бытовых, обыденных ситуациях. Русское Общество пароходства и Торговли (РОПИТ) доставляло их в Яффу на своих пароходах. Игумен Никандр по дороге из Одессы в Палестину стал пассажиром трех отечественных пароходов – последовательно «Евгения Ольденбургская», «Азов» и «Великий князь Александр» [3, 1913, № 13–14, с. 376, 379; № 16, с. 457]. В Яффе партию паломников встречал, помог с таможенными формальностями и доставкой багажа из порта на вокзал, посадил на поезд до Иерусалима кавас (нечто среднее между гидом и охранником) Императорского Православного Палестинского Общества. Его автор называл в тексте Марко Георгиевичем Черногорцем, на самом деле фамилия его была Джурич, а черногорцем он был по национальности [3, 1913, № 16, с. 458, 460].

Подводя итоги, отметим, что по прибытии на место паломничества, т. е. на Ближний Восток, русский паломник сразу сталкивался с дихотомией «свой – чужой». Он погружался в восточный исламский мир, который был для него не просто «другим», но довольно часто просто «чужим». В этих внешних условиях для паломников как никогда важно было найти точки опоры, т. е. идентичность как русского и православного оказывалась для него экзистенциальной потребностью. Хранилищем этой русской идентичности оказывалась, соответственно, Русская Палестина, т. е. комплекс религиозных и социально-культурных объектов и людей принадлежащих к этому комплексу. Это были храмы

Иерусалимской патриархата и Русской Православной церкви, греческое и российское духовенство, возможность общаться с ним на русском языке, через что происходила и языковая идентификация. Национальная идентичность конструировалась через то, что паломники находились под охраной русских консулов, структур Императорского Православного Палестинского общества.

Библиографический список

1. История Соловецкого монастыря в начале XX века. URL: <http://solovkimonastyr.ru/abbey/history/XX> (дата обращения: 11.01.2025).
2. К 130-летию возрождения Печенгской обители в XIX веке. URL: <http://severeparh.ru/2015/04/12> (дата обращения: 14.01.2025).
3. Никандр, игумен. Из заметок о путешествии на Ближний Восток игумена Никандра, состоящего в братстве Соловецкого монастыря // Архангельские епархиальные ведомости.
4. Тур В.Г. Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX в. URL: <http://krimoved-library.ru/books/pravoslavnye-monastyri> (дата обращения: 04.02.2025).

УДК 792.09

А.Ю. Вакарчук,

главный библиограф, Центральная универсальная научная библиотека
Ивановской области

МАЛЫЙ ТЕАТР – МАЛОМУ ГОРОДУ: РОДНИКИ, 1935 г.

Аннотация. Статья освещает многоплановое культурное событие в текстильном городе эпохи первых пятилеток: гастроль Малого театра в г. Родники Ивановской промышленной области. Рассматриваются аннотации показанных спектаклей по пьесам А.Н. Островского, состав актеров, отзывы зрителей, формы взаимодействия актеров и рабочих вне сцены.

Ключевые слова: театральное искусство, гастроль, город Родники, пьесы А.Н. Островского, культурное строительство 1930-х гг.

A.Yu. Vakarchuk,

Chief Bibliographer, Central Universal Scientific Library of Ivanovo Region

THE MALY THEATRE FOR A SMALL TOWN: RODNIKI, 1935

Abstract. The article is devoted to a multifaceted cultural event in the textile city of the first five-year plans: the Maly Theatre's concert tour to the Rodniki in the Ivanovo industrial region. The author examines the annotations of the performances

based on the plays by A.N. Ostrovsky, the cast, audience reviews, forms of interaction between actors and workers off stage.

Keywords: theatrical art, concert tour, Rodniki, A.N. Ostrovsky's plays, cultural development in the 1930s.

5 июля 1935 г. читатель газеты «Родниковский рабочий» мог прочесть в ней: «15 июля в Родники приезжает Малый Академический театр. Он даст три постановки». Новостью это стало нетипичной и неординарной. Это были гастролы не первые в истории, но первые в советское время. Предыдущие позабылись: районная газета тогда не сообщила, что в Родники артисты Малого театра приезжали еще в 1907 г. и показали родниковцам бесплатно несколько спектаклей по пьесам А.Н. Островского, имя которого неразрывно связано с этим императорским театром. Те гастролы прошли в столовой для рабочих фабрики Красильщиковых (1903 г. постройки), где имела сцену (позднее – здание нарпита, ул. Советская, 18) [1]. Гастролы же лета 1935 г. предстояли в клубе им. В.И. Ленина, он же – бывшее здание общественного собрания для служащих фабрики Красильщиковых (1912 г. постройки, ул. Советская, 14). Причина их известна: они смогли произойти благодаря ударному труду работников меланжевого комбината «Большевик», который победил на областном конкурсе хлопчатобумажных предприятий, и в награду Центральный комитет профсоюза хлопчатобумажников организовал гастрольную поездку в Родники артистов Малого театра, о чем с гордостью рассказывала многотиражная газета «Ударник» [8, с. 1].

Билеты реализовывались в фабкоме комбината «Большевик». Приезд был на 4 дня с тремя спектаклями, и все они по А.Н. Островскому: «Бесприданница», «Бешеные деньги» и «Женитьба Белугина» (пьесы А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева). «Бесприданница» прошла 2 раза 15 и 18 июля, «Женитьба Белугина» 16 июля, «Бешеные деньги» 17 июля [3, с. 2]. Всё это были будние дни: с понедельника по четверг.

Накануне первого спектакля, 14 июля, районная газета анонсировала, что ждут знаменитых артистов Малого театра, некоторые из которых носили звания заслуженных и народных артистов РСФСР. Это народные артисты РСФСР Н.К. Яковлев и М.М. Блюменталь-Тамарина, заслуженные артисты Республики Е.Н. Гоголева и Н.Ф. Костромской, талантливые артисты В.Н. Аксенов, И.Г. Лепштейн, А.В. Карцев, А.С. Соловьев, Л.Ф. Александрова, О.С. Федоровский [4, с. 2].

Из трех спектаклей два анонсировались в «Родниковском рабочем» подробно. Во-первых, распределение ролей, во-вторых, что представляет интерес – редакционные (неподписанные) заметки, целью которых является просвещение рабочего зрителя в русле «классового» восприятия конкретного произведения классической литературы

и драматургии. Такого рода объяснительные анонсы были характерны для того времени и публиковались в газетах, программах спектаклей, специальных брошюрах. Общей чертой их была обличительная риторика – раскрытие на материале пьесы «ненавистного», «проклятого» капиталистического прошлого и на контрасте формирование еще большей любви к социалистическому настоящему.

Например, что «Бесприданница» – это пьеса о «трагедии девушки, ставшей жертвой уродливой буржуазно-мещанской морали, жертвой строя <...> Этот обычный, узаконенный буржуазным обществом, ограниченный круг, убивающий, удушающий сотни тысяч женских жизней, ярко, с большим чувством протеста изображен Островским» [4, с. 2]. Но если характеристики из этого анонса серьезных нареканий могли не вызвать бы и сегодня, то анонс следующий более показателен именно для своего времени.

17 июля 1935 г., день в день, был опубликован анонс на «Бешеные деньги». Эта пьеса показывает, гласит он, с одной стороны – «бессилие, полную никчемность и окончательное моральное падение и разложение семьи Чебоксаровых, продающей за деньги совесть, честь, душу и тело», с другой – победу Василькова – дельца, человека расчетливого и коммерчески инициативного [5, с. 4]. Далее можно увидеть пример того, что в Островском тогда готовы были ценить не всё: иногда его авторский взгляд просился на «корректировку». Еще бы – редакция прямо указывает, что драматургу Васильков видится героем положительным, а значит, его надо... развенчать: «снять идеализацию с образа Василькова, по Островскому героя положительного, развенчать Василькова, ставя акцент в нем, в первую очередь на его делячестве, преследующем только одну заветную цель – побольше нажить» [5, с. 4]. Это вульгарно-социологический поход, который осуждался, но все равно был распространен в те годы. В области духовной культуры вульгарный социологизм «видел свою цель в разоблачении писателей и художников прошлого как слуг господствующих классов. С этой точки зрения каждое произведение искусства – зашифрованная идеограмма одной из общественных групп, борющихся между собой за место под солнцем» [2]. Остается только добавить: не только писателей «разоблачали», но и их персонажей – как плод взглядов их автора. Но вот был ли этот вульгарный социологизм в постановке заслуженного деятеля искусств И.С. Платона или это размышления журналиста – неизвестно.

Рецензий в родниковских газетах не было, но от районной газеты и фабричной многотиражки их ожидать затруднительно, в то время как и в областном центре знающие рецензенты были наперечет. Зато сохранились отклики иного жанра: существовала практика (хотя и не повсе-

местная) собирать и публиковать в газетах отклики рабочего зрителя. В Родниках это было осуществлено. Приведем фрагменты некоторых.

Игра впечатляла: «И как только поднялся занавес – я до конца спектакля сидел зачарованный изумительной игрой. Артисты показали старый мир изумительно правдиво и красочно...» (о «Бесприданнице», зоотехник РайЗО [земельного отдела] Быков) [5, с. 4]. «Старый мир» – еще одно ходкое название того самого «проклятого прошлого», о котором говорилось выше. Это отсылка к «Рабочей Марсельезе» со словами народника П. Лаврова: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!».

Часто рабочие отзывались восторженно, но неконкретно, но не стоит их упрекать за нехватку слов. Иногда с конкретикой и выводами, но удивляющими: «Зрители старались уловить каждый произнесенный артистами звук. Сижу и не могу понять это сон или наяву»; других слов о «Женитьбе Белугина» этот зритель не привел, а вывод его неожидан: посмотрев постановку, он понял, что «...для поднятия своего культурного уровня» ему надо записаться в библиотеку и читать... нет, не Островского, а «...произведения наших пролетарских писателей – Шолохова, Максима Горького и др.» (А. Волков, должность не указана) [8, с. 1]. То ли дело другой рабочий, который, посмотрев две постановки, решил: «Я, как редактор стенгазеты «Ударник», первой смены, прядильной фабрики, буду отражать в своей газете литературные произведения классиков. А прежде, чем это сделать, прочитаю их сам» (Пистонов, рабочий валичного отдела) [8, с. 2].

Двое рабочих, не сговариваясь, отметили один и тот же факт: тишина на спектаклях стояла такая и артисты так «держали» зал, что любое неосторожное движение какого-нибудь зрителя, приведшее к шуму (типа скрипа стула) вызывало у них резкое негодование и желание шикнуть [5, с. 2; 8, с. 2]. А комсомолки прядильной фабрики комбината, получив от всех трех постановок «исключительные впечатления», вдохновились и решили организовать свою молодежную агитбригаду [8, с. 1].

Елена Фролова (должность не указана) вспоминала, как на товарищеском обеде ударников комбината с артистами с ней познакомилась М.М. Блюменталь-Тамарина, и они проговорили около двух часов, каждая о своей работе. Фролова сказала на прощание: «Я никогда не забуду, Мария Михайловна, нашей приятной встречи и твоих ласковых материнских слов. Я буду ждать следующего вашего приезда к нам в Родники и надеюсь, что в недалеком будущем мы скоро встретимся» [8, с. 2].

17 июля 1935 г. на городском стадионе по инициативе артистов был устроен футбольный матч между двумя местными командами на приз Малого театра – 500 рублей. Стадион был более чем полон: зрители

заполнили не только трибуны, но и проходы между ними. Со счетом 8:1 победила команда № 1. А стадион вскоре получил в свое название дополнение: «стадион имени Малого Академического театра» [6, с. 4].

Артисты не только играли спектакли и ходили на футбол, но и посещали цеха комбината, встречались с рабочими (в т. ч. в их общехитиях и квартирах). А также в немалом объеме делали то, что было тогда закреплено за профессиональными артистами: консультировали представителей художественной самодеятельности комбината. Драмкружок нуждался в творческом росте хотя бы потому, что родниковскому зрителю теперь было в чем сравнить, за 4 дня была задана очень высокая планка. Особенно благодарны были родниковцы артисту А. Карцеву, опытному педагогу. Ему было направлено открытое письмо от драмкружка комбината с 32 подписями. Оно в частности гласило: «Спасибо вам за то, что вы оказали нам большую помощь своими знаниями и методикой по драматическому искусству. Мы просим вас, тов. Карцев, взять заочное шефство над нашим кружком и надеемся, что вы нам в этом не откажете. Мы просим дирекцию Малого Академического театра выслать нам материалы по драматическому искусству...» (далее перечисляются 5 названий книг) [8, с. 1]. Коллектив агитбригады комбината тоже благодарил за ценные консультации [7, с. 1].

После насыщенных дней в Родниках коллектив театра выехал в Вичугу на фабрику им. В.П. Ногина. До начала там виноградовского движения оставалось около двух месяцев. Вполне вероятно, что артисты пересеклись в Родниках в Т.И. Одинцовой, в Вичуге с Е.В. и М.И. Виноградовыми, но – с еще не прославившимися.

Связи малого текстильного города Родники с Академическим Малым театром в различных формах непрерывно продолжались до самой Великой Отечественной войны. Она прервала их; возобновление произошло в 1960 г. Это была одна из форм, в которых реализовывалась идея В.И. Ленина о доступности искусства людям («Искусство принадлежит народу»). Театральное искусство активно использовалось для культурного воспитания рабочего класса, а также усиления его классового сознания, в том числе путем актуализации произведений классической драматургии в контексте социалистических идеалов.

Библиографический список

1. *Беляев И.* Московские артисты в Родниках // Родниковский рабочий. 1960. 20 марта.
2. *Лифшиц М. А.* Вульгарный социологизм // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 5. С. 507–508.
3. Родниковский рабочий (газета, орган Родниковского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсовета, г. Родники). 1935. 5 июля.

4. Родниковский рабочий. 1935. 14 июля.
5. Родниковский рабочий. 1935. 17 июля.
6. Родниковский рабочий. 1935. 20 июля.
7. Родниковский рабочий. 1935. 21 июля.
8. Ударник (газета, орган парткома и фабзавкома комбината «Большевик», г. Родники). 1935. 21 июля.

УДК [069+908](091)(470.315)

Ю.А. Виноградова,

аспирант кафедры истории России,

Ивановский государственный университет (Иваново)

ЛИЧНОСТЬ И.И. ВЛАСОВА И ЕГО УЧАСТИЕ В СОЗДАНИИ ГУБМУЗЕЯ И ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена роли И.И. Власова, как общественного деятеля, в создании Иваново-Вознесенского губмузея и губернского общества краеведения, а также в сохранении им историко-культурного наследия региона.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенская губерния, Народный комиссариат просвещения, И.И. Власов, Губмузей, общество краеведение.

J.A. Vinogradova,

Postgraduate student of the Department of Russian History,

Ivanovo State University (Ivanovo)

I.I. VLASOV'S PERSONALITY AND HIS PARTICIPATION IN THE CREATION OF THE GUBERNATORIAL MUSEUM AND THE IVANOVVO-VOZNESENSKY PROVINCIAL SOCIETY OF LOCAL LORE

Abstract. The article describes the participation of I.I. Vlasov, a representative of the Ivanovo-Voznesenskaya intelligentsia, in events aimed at the development of public education and its cooperation with Soviet organizations. Based on archival materials, some details of the biography are being clarified.

Keywords: The red province, People's Commissariat of Education, Gubernatorial Museum, sworn attorney, local history.

Гражданская война стала серьезным испытанием для Советской России. И, тем не менее, слухи о прекращении культурной жизни в старых и вновь образованных «красных» губерниях оказались «сильно

преувеличены». Она продолжалась с настойчивым поиском новых форм ее воплощения применительно к запросам трудящихся и директивам Народного комиссариата просвещения, созданного в столице. В губерниях эта работа была возложена на отделы народного образования, которые и стали организаторами культурной жизни регионов. Их структура была многоплановой и в том числе охватывала деятельность музеев и действий по охране памятников искусства и старины.

В Иваново-Вознесенске эту совершенно новую структуру – подотдела губернского отдела народного образования по делам музеев и охраны памятников искусства и старины возглавил «удивительно удачный и для дела полезный человек» – Иван Иванович Власов.

Иван Иванович Власов – широко известный представитель иваново-вознесенской интеллигенции. Его жизненный путь, как юриста, историка-краеоведа, литературоведа и общественного деятеля, изучали и описывали в своих статьях О.И. Захарова и А.М. Семененко [2; 3]. И тот, и другой исследователь в первую очередь обращали внимание на архивное строительство в Ивановской области, прошедшего сложный путь. Кроме того И.И. Власов был одним из тех, кто стоял у истоков высшего образования в губернии. Его воспоминания о создании в Иваново-Вознесенске политехнического института, как одного из активных участников событий, подготовил для печати А.М. Семененко [3].

И.И. Власов родился в январе 1880 г. в Москве. В период с 1899 по 1904 гг. он обучался на юридическом факультете Московского университета. В это время он активно участвовал в студенческих волнениях, в результате его несколько раз арестовывали, привлекали к дознанию и временно исключали из университета [1, ф. 1150, оп. 1, д. 90, л. 64]. Тем не менее, университет он окончил, и осенью 1904 г. присоединился в Москве к адвокатской социал-демократической группе, стал помощником присяжного поверенного и принимал участие в судебных процессах, одновременно занимаясь журналистикой. В результате к 1910 г., времени прибытия в Иваново-Вознесенск, И.И. Власов сформировался как активный общественный деятель, накопивший опыт адвокатской практики, а также навыки журналиста и историка.

В Иваново-Вознесенске И.И. Власов активно занимался адвокатской практикой, участвовал в различных организациях культурно-просветительского характера. Он был членом общества трезвости, закрытого владимирским губернатором за политическую неблагонадёжность, а также общества благоустройства местечка «Ямы». Кроме того, в этот период И.И. Власов присоединился к местной организации кадетской партии. В апреле 1915 г. его избрали гласным городской думы.

В составе училищной комиссии, образованной Иваново-Вознесенской городской думой, принимал активное участие в мероприятиях по народному образованию. В декабре 1916 г. комиссия обсуждала вопрос об учреждении школьного музея. В прениях по вопросу открытия школьного музея были констатированы две точки зрения. По мнению инспектора народных училищ А.В. Городского, «музей можно было устроить в 1 высшем начальном училище и в него собирать учебные пособия (книги, картины, физические инструменты и проч.) по всем отраслям преподавания, а так же все то, что относится к преподаванию о быте народов, о ремеслах и проч.» [1, ф. 1150, оп. 1, д. 90, л. 1 об.]. Школьный музей, по его мнению, должен быть как бы собранием научных кабинетов, какие существуют при средних учебных заведениях. При музее могла быть создана библиотека, в которой должны собираться все выпускаемые на рынок учебники для ознакомления с ними преподавателей, прежде применять тот или иной учебник на практике.

Другая группа участников заседания держалась более широкой точки зрения. «Помещение музея должно быть отдельно от школы, дабы не было помехи для учебных занятий. В музее следует собирать всякого рода коллекции и предметы, которые наглядно представляли бы жизнь местного края, его природу, быт, образ жизни народа, историю, промышленность, ремесла и проч.» [1, ф. 1150, оп. 1, д. 90, л. 2]. Кроме того, к делу собирания экспонатов, полагали они, можно привлечь самих воспитанников. Многие учебные заведения ежегодно устраивают научные экскурсии и накапливают много предметов, коллекций гербариев, но они разбросаны. В музей будут поступать всякого рода работы и коллекции, собираемые учащимися местных школ. Должны так же поступать экспонаты местных промышленных училищ по ткачеству, крашению и проч. [Там же]. В то же время существующий музей Д.Г. Бурылина создает реальную возможность учащимся обозревать экспонаты, характеризующие местную промышленность.

Член комиссии И.И. Власов представил несколько дополнительных соображений по вопросу организации научно-образовательного школьного музея. В своем заявлении на имя председателя училищной комиссии он напомнил, что впервые в Иваново-Вознесенске эту идею высказал Я.П. Гарелин еще в 1889 году. Он «выразил пожелание, чтобы в пожертвованном городу владению на Покровской улице был устроен городской музей изделий, ремесел и промышленности» [1, ф. 1150, оп. 1, д. 90, л. 7], причем в этот музей он завещал собрание монет и медалей, картины и образцы изделий. Несмотря на то, что уже прошло 36 лет после смерти Я.П. Гарелина, распоряжения, сделанные в его духовном завещании, городом до сих пор еще не выполнено. В связи

с этим Иван Иванович подчеркнул, что соединение двух задач – устройство центрального городского музея и музея по изучению местного края, как указано в завещании Я.П. Гарелина, может послужить обогащению культурно – просветительских мероприятий.

В конце апреля 1917 г. блок несоциалистических партий выдвинул И.И. Власова кандидатом на пост городского головы. По результатам голосования, голоса были распределены следующим образом: М.П. Кондратьев (39 голосов «за», 30 голосов «против»), И.И. Власов (36 голосов «за», 33 голоса «против») и А.М. Братенши (33 голоса «за», 36 голосов «против»).

В октябре 1917 г. городская дума была упразднена и власть в городе перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов. В марте 1918 г. были арестованы владельцы местных фабрик Н.Г., Д.Г. и И.Д. Бурылины, Н.М., Л.М. и В.А. Гандурины, П.Н. и В.А. Дербеневы, Н.Т. Щапов и Н.М. Калашников. Они были задержаны за неисполнение «срочно-опубликованного в местной газете обязательного постановления исполнительного комитета Совета рабочих депутатов о внесении местным Обществом фабрикантов и заводчиков 1 миллиона рублей, чего исполнить не могли за отсутствие в городе денежных знаков и невозможности собрать в краткий срок таковой большой суммы» [1, л. 5]. Представлять интересы арестованных «являться лично и подавать все нужные бумаги и прошения» [1, ф. 1150, оп. 1, д. 58, л. 1] их жены доверили И.И. Власову. Предлагая реальные условия уплаты налога и меры к освобождению своих доверителей, Иван Иванович обратил особое внимание на заслуги перед городом Д.Г. Бурылина, «как основателя и собирателя колоссальной культурной ценности Музея, теперь переходящего к народу» [1, ф. 1150, оп. 1, д. 58, л. 7].

С начала мая 1918 г. И.И. Власов начинает сотрудничать с советскими учреждениями. Перечень его должностей и мест работы разнообразен. Одно время он даже являлся заведующим губернским архивным бюро, возглавлял И.И. Власов и комиссию по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Одновременно он вел активную историко-краеведческую и литературную деятельность. Несомненно, она была учтена в дальнейшем продвижении И.И. Власова.

Так, 21 апреля 1919 г. состоялось организационное собрание по образованию в Иваново-Вознесенске подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. На должность начальника подотдела был назначен И.И. Власов, который в свою очередь пригласил в качестве хранителя Иваново-Вознесенского губернского музея его бывшего владельца – Дмитрия Геннадьевича Бурылина. Он занимался в губернском музее самыми различными делами – от описи музейных

коллекций и пополнения музейного фонда, осмотра бывших усадеб на предмет выявления предметов искусства до работы на выставках в качестве консультанта и поездок в Москву для выяснения вопросов по финансированию музея. Все это отражено в переписке И.И. Власова и Д.Г. Бурлыгина, как деловой, так и личной [1, ф. 1150, оп. 1, д. 74].

В 1923 г. в городе Иваново-Вознесенске с третьей попытки было организовано Научное общество краеведения. Первые две попытки не удались, «потому что не было подходящей к тому обстановки. Не было средств, инициаторы находились в тяжелых материальных условиях, общие условия работы были иные» [1, ф. 1151, оп. 2, д. 1, л. 1]. К 1923 г. появился центр, который стал регулировать и концентрировать работу по краеведению, да и общие условия жизни улучшились, а средства на работу – поступать из центра.

При этом следует отметить, что во вновь образованной Иваново – Вознесенской губернии еще не сложились краеведческие традиции, как это было в соседних – Костромской, Владимирской и Ярославской. Тем не менее новый губернский центр смог аккумулировать научные силы и это заложило основу для развития краеведения. Этому способствовало и то, что в Москве стал издаваться специальный журнал «Краеведение», где рассматривались основные направления и методы краеведческой работы. В уездах к этому времени так же стали организовываться уездные общества, объединить работу которых теперь уже предстояло губернскому центру [1, ф. 1151, оп. 2, д. 1, л. 1].

С самого начала И.И. Власов включился в работу по учреждению в городе Иваново-Вознесенск научного общества краеведения. Первое организационное собрание прошло 20 декабря 1923 г., на котором был представлен доклад инициативной группы, проект Устава и выборы временного бюро. В протоколе организационного собрания отдельно было выделено мнение Д.Г. Бурлыгина (хранителя музея), который считал «организацию общества весьма полезной и желательной, со своей стороны предлагал включить в задачу общества охрану памятников старины» [1, ф. 1151, оп. 2, д. 1, л. 1].

Стоит также отметить, что в состав организационного бюро вошли заведующий губархива Я.А. Осипов, заместитель заведующего губархива П.М. Экземплярский, секретарь издательства «Основа» т. Сокольников, профессор ИВПИ А.Н. Казанский, а в качестве кандидатов: заведующий библиотекой ИВПИ Н.А. Королев, хранитель музея Д.Г. Бурлыгин и член коллегии правозащитников И.И. Власов. При этом «в 1922 году И.И. Власову пришлось в последний раз выступать в качестве адвоката. От имени родственников (о беспорядках в Шуе при изъятии

церковных ценностей), он написал в Москву прошение о помиловании. Однако этот шаг лишь на 10 дней продлил жизнь обреченных» [3].

Широта интересов и работоспособность Власова были огромны. В октябре 1923 г. он писал в губисполком: «...Считаю необходимым сообщить, что, просматривая бумаги как местного общественного работника, краеведа и адвоката, я пришел к мысли о целесообразности передать значительную часть их в губархив, так как сам разработать и опубликовать их едва ли успею...» [2].

И все же жизнь отпустила ему для творческой работы еще 20 лет. Не стало И.И. Власова 17 января 1943 г., накануне дня рождения, ему исполнилось бы 63 [5]. Умер от истощения, не разрешая продавать богатейшую библиотеку. Страдал от голода и холода, но до последнего дня, когда был свезен в больницу на саночках, потому что уже не было сил двигаться, он работал – приводил в порядок свои записи, библиотеку... Он верил, что потомки будут благодарны за его свершения. Много было сделано И.И. Власовым. Но думается, что неординарные способности этого человека при его жизни, так и не нашли должного применения.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
2. *Захарова О.И.* Из истории Архивной службы Ивановской области // Вестник архивиста. 2008. № 4. С. 141–145.
3. *Семененко А.М.* И.И. Власов и образование Иваново-Вознесенского политехнического института // Интеллигенция и мир. 2003. № 1. С. 105–114.

И.В. Горячев,

доцент, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Иваново)

**«У НИХ ЕСТЬ РОДИНА»:
ОЦЕНКА СОВЕТСКОЙ КИНОКАРТИНЫ 1949 г.
В РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ**

Аннотация. Проанализированы оценки пользователей современных российских социальных сетей советской кинокартины «У них есть Родина» 1949 г. При сборе данных учитывалось общее количество отзывов в разрезе социальных сетей, их характер, оценки в форме символов симпатии и антипатии, наличие репостов. Несмотря на то, что фильм вышел на широкие экраны более 70 лет назад значительная часть интернет-аудитории, посмотревшая данное художественное произведение, считает его содержание достаточно актуальным в контексте ряда вызовов современной России, а также рекомендует кинопроизведение к просмотру другим зрителям. Количество отрицательных комментариев минимально. Делается предположение, что большая часть современной киноаудитории, посмотревшая фильм, склонна видеть в нём не «инструмент сталинской пропаганды» и «нарративы холодной войны», а художественное произведение, в котором показана защита государством прав его граждан на воссоединение семей, на воспитание детей в родных семьях и культуре.

Ключевые слова: онлайн-просмотр, онлайн-кинотеатр, советское художественное кино, репрезентация, социальная сеть, советский фильм, отзыв в социальной сети, комментарий, воссоединение семьи.

I.V. Goryachev,

Associate Professor, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Ivanovo)

**"THEY HAVE A HOMELAND": AN ASSESSMENT
OF THE SOVIET FILM OF 1949 IN RUSSIAN SOCIAL NETWORKS**

Abstract. The ratings of users of modern Russian social networks of the Soviet film "They have a Homeland" in 1949 are analyzed. When collecting data, the total number of reviews in the context of social networks, their nature, ratings in the form of symbols of sympathy and antipathy, and the presence of reposts were taken into account. Despite the fact that the film was released on wide screens more than 70 years ago, a significant part of the Internet audience who watched this work of art considers its content to be quite relevant in the context of a number of exports of modern Russia, and also recommends the film production to other viewers.

The number of negative ratings is minimal. It is suggested that most of the modern film audience who watched the film sees in it not "an instrument of Stalinist propaganda" and "Cold War narratives", but a work of art that shows the protection by the state of the rights of its citizens to family reunification, to raise children in their families and culture.

Keywords: online viewing, online cinema, Soviet art cinema, representation, social network, Soviet film, review on a social network, comment, family reunion.

Развитие современных информационно-коммуникационных технологий (создание и использование онлайн-кинотеатров, онлайн-платформ, диалоговых интернет-площадок и др.) предоставляет пользователям сети Интернет широкие возможности для ознакомления с художественными кинопроизведениями советской эпохи и последующего их обсуждения. К настоящему времени оцифрована и находится в открытом доступе значительная часть кинокартин из собрания Госфильмофонда, ведущих советских и российских киностудий, что формирует дополнительную возможность для россиян (особенно для молодежи) составить представление о различных кинопроизведениях советского времени, соотнести увиденное в кино с содержанием других источников (документов, мемуаров и др.).

Изучение аналитических материалов по вопросам просмотров кинофильмов показывает, что историческая тема в художественном кино у российских зрителей и исследователей вызывает устойчивый интерес, в т. ч. советские художественные фильмы о Великой Отечественной Войне (1941–1945 гг.), а также кинопроизведения на смежные темы послевоенного периода [4, 5].

С определенной долей условности к разряду последних кинопроизведений следует отнести кинокартину «У них есть Родина» 1949 г., которая была снята режиссерами В.Г. Легошиным и А.М. Файнциммером по пьесе С. Михалкова «Я хочу домой» на Московской киностудии художественных фильмов имени М. Горького.

В фильме показана трудная, кропотливая работа представителей советского государства по возвращению на Родину детей советских граждан разных национальностей: русских, украинцев и др., из западной зоны оккупации Германии в условиях жесткого противодействия со стороны британских специальных служб. Кинокартина получила высокую оценку со стороны властей. Впоследствии история и контекст её создания, сценарий, режиссерская, операторская работа, игра актеров, символическая и идеологическая составляющие неоднократно разбирались кинокритиками, специалистами в сфере истории кино и другими экспертами.

Советская кинокартина 1949 г. «У них есть Родина» не утратила своей актуальности и в наше время, что косвенным образом подтвер-

ждается вполне видимым интересом к ней со стороны пользователей российских социальных сетей: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Rutube», «Яндекс Дзен». При этом необходимо оговориться, что вопросы соблюдения авторских прав, правомерности размещения художественных фильмов в той или иной социальной сети, онлайн-кинотеатре остаются за рамками данной публикации, а представленные ниже данные отражают ситуацию по зрительским комментариям по состоянию на 30 декабря 2024 г.

«ВКонтакте» – крупнейшей социальной сети в Российской Федерации выявлено 39 аккаунтов, на которых размещен интересующий нас фильм, а также есть возможность его посмотреть. Наибольшее количество просмотров выявлено на странице «Советское кино» – более 16 тысяч просмотров. Здесь преобладают положительные отзывы о фильме. Пр процитируем один из них: «Очень хороший и очень справедливый фильм о наших советских детях, угнанных в Германию во время Великой Отечественной Войны, и возвращенных домой нашим правительством, с большим трудом вырвавших их из лап фашистских захватчиков!...» [1].

Возможность посмотреть кинофильм «У них есть Родина» есть у пользователей социальной сети «Одноклассники» и онлайн-портала «Rutube» [2, 3]. В «Одноклассниках» на канале «Кино нашей молодости» фильм «собрал» более 11 тысяч просмотров и несколько десятков репостов. Здесь следует отметить, что социальной сетью «Одноклассники», преимущественно, пользуются люди предпенсионного и пенсионного возраста, в целом не часто оставляющие комментарии и отзывы в социальных сетях. На размещенном в «Rutube» канале «Союздетфильм», зафиксировано более 2 тысяч просмотров фильма.

В поисковой системе «Яндекс Дзена» при запросе «У них есть Родина» отображается общее количество отзывов, написанных об интересующей нас кинокартине. По состоянию на 30 декабря 2024 г. их было 183. Спектр мнений о фильме различен, в целом, преобладают положительные комментарии. Приведем цитаты из отдельных высказываний: «К Советскому Союзу можно относиться по-разному, но фильм почти обязателен к просмотру, если и Вы считаете, что у Вас есть Родина...», «Великолепный и непростой по сюжету старый наш фильм о работе советской разведки по возвращению на Родину детей, угнанных в гитлеровскую Германию во время войны. Это надо смотреть и не забывать про отношение к нам так называемых «союзников», «Михалков красавчик, так снять в то время!». Впрочем, в крайнем примере автор отзыва видимо ошибочно приписывает участие в создании кинокартины режиссеру и актеру Н.С. Михалкову, вместо С.В. Михалкова (вероятно, путает сына и отца).

Объективности ради приведем примеры других оценочных суждений, оставленных комментаторами на «Яндекс Дзене»: «Ну очень древний фильм! Два советских разведчика из Германии возвращают детей сирот. Сейчас смотрится примитивно и допотопно», «Советский художественный фильм сталинской послевоенной эпохи, сюжет которого абсолютно вымышленный и является чистым пропагандистским кинопроизведением» [6].

Следует добавить, что «Яндекс Дзен» дает возможность не только оставлять суждения о кинокартинах непосредственно в самой социальной сети, но и оценки в форме символов симпатии и антипатии, т. е. «лайков» и «дизлайков». Согласно нашим подсчетам, проведенным вручную, положительные комментарии о фильме «собрали» больше «лайков», соответственно, в оценках отрицательных отзывов преобладают «дизлайки».

Подводя итоги выше сказанному, следует отметить, что социальное сети стали важной частью жизни современных россиян. Они предоставляют не только досуговые и диалоговые возможности для широкой аудитории, но и являются своего рода библиотеками кино, в которых пользователи могут найти необходимый им контент. Интерес российских пользователей нескольких социальных сетей к советской кинокартине 1949 г. и в целом положительные отзывы о ней, на наш взгляд, свидетельствует об актуальности кинокартины в контексте части вызовов современной России.

Изучение отзывов показывает, что большая часть зрителей склонна видеть в фильме не «инструмент сталинской пропаганды», а проявление государственного интереса в деле защиты своих граждан, реализации их родительских прав и прав детей на воспитание в кругу своих семей на родном языке. Последнее убедительно отображено в кинокартине с помощью художественных приемов середины прошлого века. На наш взгляд, спустя годы содержание советской кинокартины «У них есть Родина» не утратило своей практической значимости. Её содержание может быть предметом обсуждения в рамках семинарских занятий по учебной дисциплине «Основы российской государственности», при проведении кураторских часов преподавателей вузов, мероприятиях ассоциации студенческих патриотических клубов «Я горжусь».

Библиографический список

1. «ВКонтакте»: российская социальная сеть. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/search/video?c%5Bper_page%5D=40&c%5Bq%5D=%D1%83%20%D0%BD%D0%B8%D1%85%20%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0&c%5Bsort%5D=2&z=video-165903_456245133 (дата обращения: 30.12.2024).

2. «Одноклассники»: российская социальная сеть. [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/video/1892342762181> (дата обращения: 30.12.2024).

3. «Rutube»: российский видеопортал. [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/8778c6a322e86a53d7aa69294d512db0/> (дата обращения: 30.12.2024).

4. Тинина З.П. Отечественная историография о советском военном и послевоенном художественном кино // Искусство Культура Образование: современные тенденции. 2024. № 2 (2). С. 53–57.

5. Трофимов А.В. Визуальные образы Великой Отечественной войны в советском послевоенном кино // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 113–124.

6. «Яндекс Дзен»: российская социальная сеть. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=%D1%83+%D0%BD%D0%B8%D1%85+%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C+%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0+%D0%BE%D1%82%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%8B&lr=5> (дата обращения: 30.12.2024).

УДК 330.16

Л.И. Грошева,

доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (Тюмень)

ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интеграции социальных установок и паттернов экономического поведения молодёжи в рамках функционирования цифровой среды. Представлены данные исследования, раскрывающие проблему расширения влияния экономического фактора на социализацию молодёжи.

Ключевые слова: экономическое поведение, демонстративное потребление, поведенческие стратегии, социальные установки, культурные ценности, молодёжь.

L.I. Grosheva,

Associate professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov

INTEGRATION OF SOCIAL ATTITUDES AND ECONOMIC BEHAVIOR OF MODERN YOUTH

Abstract. The article examines the features of the integration of social attitudes and patterns of economic behavior of young people within the framework of the

functioning of the digital environment. The research data are presented, revealing the problem of expanding the influence of the economic factor on the socialization of young people.

Keywords: economic behavior, conspicuous consumption, behavioral strategies, social attitudes, cultural values, young people.

Современная жизнь характеризуется высокой погружённостью в интернет-коммуникации, которые интегрированы в большинство межличностных систем взаимодействия. Разнообразие и перманентное обновление данных приводит к усилению слияния различных сфер жизни общества и их взаимной обусловленности в транслировании основных культурных ценностей. По этой причине социальные ожидания и установки зачастую формируются не посредством социального заказа, а в ходе реализации экономических интересов крупных субъектов, политической стратегии информирования. Учитывая значительный объём данных, поступающих в рамках виртуальной информационной среды, усвоение трендов происходит на имплицитной основе, формируя определённые поведенческие паттерны.

Исследователи отмечают существенные сдвиги в объективном распределении личного времени современной молодёжи, что способствовало увеличению их интереса к коммуникативной среде, социальным движениям и вирусным поступкам [4, с. 38]. В развитых странах сокращение рабочего времени в среднем составило 19,2 %, что переориентировало молодых людей с собственно карьерных установок на самореализацию в рамках личного бренда, хобби и определённого образа жизни [2, с. 991]. Соответственно свободное время в совокупности с расширением возможностей для получения производственного и непроизводственного цифрового дохода, сформировало базис для увеличения возможностей получения дополнительных ресурсов и интереса к массовым социальным движениям потребительской культуры.

В исследованиях И.С. Важениной отмечается, что в своём развитии экономическая основа реализации собственных потребностей во многом трансформируется в специфический образ жизни, определяющий возможности конструирования личного бренда, виртуального образа и самопрезентации в условиях сверхнасыщенной виртуальной среды [3, с. 130]. Первоочередная роль материальной основы экономико-социального имиджа в таком случае обусловлена относительной простотой её демонстрации и позиционирования в категориях и единицах анализа, доступных для восприятия широкой или целевой аудитории. При этом возникает риск увеличения экономического давления на социальные образы посредством их дополнения аксессуарами, приёмами и действиями, которые не отвечают рациональным требованиям, но

формируют дополнительный спрос со стороны пользователей на инструменты и объекты, позволяющие достичь модального или референтного результата.

В тоже время данные И.Ф. Понизовкиной отражают естественный характер слияния экономических интересов производственной среды и социально-культурного кода общества, находящегося на определённом этапе морально-нравственного и этнокультурного развития [5, с. 294]. Наиболее актуальным феноменом в данном случае остаётся мода в исходном состоянии или в рамках небольших краткосрочных импульсов потребления в формате трендов или вайба. Несмотря на длительность существования самого понятия моды, её новые формы сопряжены со спецификой виртуальной коммуникации, что трансформирует её как более доступный для потребления и усвоения вариант. Природа модальности по мнению Р. Барта заключается в возможности придания смысла товарам и характера потреблению по аналогии с языковой системой, формирующей представления о границах нормативного поведения и значения объектов и символов [1, с. 81].

Структура потребительского тренда подразумевает краткосрочную ориентацию на поступки, внешний образ или самопрезентацию, которые позволяют формировать удалённые социальные ин группы. Учитывая тот факт, что в рамках сообществ по интересам в современных условиях большая часть пользователей территориально удалены друг от друга, возможность демонстрировать единство посредством потребления или статусных признаков становится одним из немногочисленных способов определить свои социальные атрибуты и правила, позволяющие формировать для отдельных субъектов референтные сообщества. В рамках тренда может транслироваться не только установка на конкретные границы спроса, но и формироваться способ общения, методы передачи информации и формат межличностного взаимодействия. Формирование тренда в значительной мере привело к усилению диверсификации производственных единиц, объединяющих классическую торговлю, ресурсы для знакомства, социальные движения (ювелирные компании, страховые и банковские группы), а также культурные архетипы (маскоты, талисманы, анимированные и персонифицированные символы). Исследователи отмечают, что специфика тренда ориентирована на краткосрочность, символичность, персонализацию, что стимулирует разработчиков видоизменять жизнеспособные направления ввиду потребности цифровой аудитории в перманентном обновлении контента. Тем не менее, характер тренда зачастую не учитывает специфику отдельных групп населения: склонность к консерватизму, стремление к личному комфорту, приоритет собственных ощущений и пр.

По этой причине виртуальная среда способствовала формированию более устойчивой формы модальности в формате вайб-культуры, опирающейся на паттерны определённых социальных групп, условий жизни и способов восприятия межличностного взаимодействия (медленная жизнь, хюгге и пр.). Таким образом, конструирование вайба также производится посредством реализации потребительских интересов, опосредованных приобретением вещей, системой питания (специфического, требующего продуктов с определёнными или символически присвоенными характеристиками) и поддержания определённого качества жизни [4, с. 41]. Устойчивость подобных образов существенно зависит от двух качественно различных факторов: обеспеченности целевой аудитории (параметры которой могут кардинально изменяться в условиях геополитической нестабильности, а также ввиду стихийных информационных волн), а также уровня и частоты информационной поддержки информационного поля (подразумевающего действие инфлюэнсеров, вирусность заданных тематических массивов, а также сопряжение феномена с современными социальными процессами). Учитывая демонстративную природу цифрового коммуникативного пространства вайб, отражающий исключительно личностное восприятие атмосферы и комфорта, трансформируется в устойчивую совокупность объектов и статусных единиц, доступных для потребительского интереса. Таким образом, даже концепция минимизации комфорта и системы благ (по типу хюгге) в системе потребления может быть сопряжена с дополнительной потребительской активностью в связи с демонстрацией особых образов и ассоциаций, которые могут отсутствовать в исходном жизненном пространстве молодого человека.

С целью анализа влияния экономической составляющей на реализацию социальной активности и поведение молодёжи автором статьи в феврале-сентябре 2024 года было проведено исследование методом фокус-групп (N = 37 групп по 5–7 человек), в которых были задействованы молодые люди в возрасте 18–35 лет, обладающие финансовой автономностью и проживающие отдельно от родительских семей.

В ходе интервьюирования молодые люди отметили высокую степень ориентации на виртуальные социальные тренды, которые позволяют им определять краткосрочное и среднесрочное жизненное планирование. Тем не менее, в большинстве случаев (62,4 % участников) отметили ориентацию на модальные образы в зависимости от уже имеющегося опыта, психоэмоционального состояния и актуального опыта межличностных коммуникаций. Каждый третий участник отметил, что предлагаемые образы непосредственно связаны с демонстрацией собственной принадлежности к определённой группе. К примеру, в среде коллекционеров актуализированы сообщества, содержащие не практи-

ческую информацию по приобретению и хранению артефактов, но объединения, нацеленные на демонстрацию пользователями приобретённых объектов, созданных предметов и пр. Коммуникативный фактор в данном случае выступает определяющим в следовании конкретному тренду. Так лишь 2 из 10 участников отмечали отсутствие интереса к дискуссиям, фото- и видеоматериалам пользователей в контексте их личных интересов. Превалирующая доля участников была ориентирована на активное или транс-активное участие в жизни подобных объединений. Заслуживает внимания тот факт, что треть участников значительно интенсифицировали свои траты на увлечения, хобби или образ жизни по мере включения в подобные сообщества даже при отсутствии непосредственной активности (т. е. без публичной демонстрации собственных достижений).

Молодые люди в среднем включены в среду 7–12 коммуникативных сообществ, транслирующих интересующих их жизненный концепт. При этом значительная доля участников отмечала ориентацию на выполнение тех рекомендаций и использование символов и артефактов, которые были наиболее доступны для потребления (содержали артикулы для покупки на маркетплейсах, пошаговую инструкцию или правила эксплуатации). Стоимостной показатель актуализированного блага или услуги имел значение для большинства участников, однако наиболее упоминаемым маркером вовлечения в тренд выступила частотность демонстрации и персонификация артефактов – т. е. использование предметов, посещение определённых мест лицами, вызывающими определённый уровень симпатии, отражающими относительно доступные и привлекательные образы. Следует отметить, что вне зависимости от гендерных характеристик сменяемость трендов рассматривается в модальной частоте – 2–4 раза в год, в то время как сверхпотребляемые артефакты чаще всего утилизируются или игнорируются (хранятся в необозреваемых пространствах) ввиду затруднительности их реализации на вторичном рынке.

Участники исследования отметили, что в последние пять лет количество трендов существенно возросло, и они ощущают неспособность следовать желаемым образцам поведения ввиду отсутствия возможности сформировать необходимые паттерны или приобрести минимальный набор благ для полноценного следования референтному примеру. По этой причине каждый третий интервьюируемый отразил общее ощущение разочарования и дискомфорта в системе формирования декларируемого образа жизни. Для каждого пятого участника проблема включения в референтные сообщества заключалась в высоком цензе потребительской и публичной активности, которую они оказались способны выдерживать в среднем 1–3 месяца, после чего ввиду ресурсных

ограничений приходилось искусственно переориентировать свой интерес на условно более доступные ориентиры, что приводило к повторению цикла достижения потребительской границы («статусного потолка»).

В ходе исследования был выявлен высокий уровень осознаваемой экономической основы социальных трендов и вайба, транслируемых в социальных сетях. При этом ответы участников позволяют говорить о коммерциализации образа жизни как такового вне зависимости от его исходного концепта. К примеру, опыт перехода к принципам хюгге (подразумевающего минимизацию затрат и ориентацию на наслаждение моментом) у молодых людей был сопряжён с материальными затратами. Для 12,3 % затраты были связаны с приобретением комфортной одежды, объектов домашнего обихода; в 32,1 % случаев была реализована кардинальная смена обстановки рабочего места, места проживания, приобретение средств передвижения или реализации досуга. В 7,3 % ситуаций молодые люди кардинально меняли обстановку, что вызвало снижение дохода, качества жизни и смену круга общения. В значительной мере образ комфорта был сформирован у участников посредством фотоматериала, демонстрирующего определённого рода дизайн, набор объектов и инвентаря, который отсутствовал в их исходном наборе жизненных благ или имел значительные отличия внешнего плана. Таким образом, символичность артефактов для них в ряде случаев имела большее значение, чем собственно достижение планируемого эффекта: ощущения личного комфорта.

Следует отметить, что молодые люди продемонстрировали двойственность в восприятии коммерциализации социального взаимодействия и декларируемых образов самореализации и жизненного уклада. С одной стороны, значительная доля опрошенных отражает внутренний дискомфорт ввиду отсутствия объективных возможностей достижения заданных параметров. С другой, молодёжное сообщество использует материальный фактор как средство облегчения достижения результата в его видимых формах и упрощения включения в референтные группы виртуального коммуникативного пространства.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашиных, 2003. 512 с.
2. *Бузмакова М.В., Полушкина И.Н.* Неконтролируемое потребление как следствие увеличения нормы свободного времени // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 5 (440). С. 982–997.
3. *Важенина И.С.* Возвышение потребностей и тупики потребления // ЭКО. 2012. № 11 (461). С. 129–134.

4. Климкина А.Г., Федорова Н.В. Осознанное потребление и его влияние на экономику и человечество // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2021. № 6. С. 35–47.

5. Понизовкина И.Ф. Общество потребления в XXI веке: проблемы и перспективы // Право и практика. 2019. № 2. С. 292–298.

УДК 316.346.32

И.А. Грошева,

доцент, Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области (Тюмень)

И.Л. Грошев,

профессор, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова (Тюмень)

СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье авторы рассматривают проблему кризиса социального института семьи. На основе эмпирических данных, полученных в ходе выполнения Проекта Российского общества социологов «Семья в современной России: взгляд студенчества. РОС-2024» выявлены факторы, оказывающие влияние на семейно-брачные установки и требующие особого внимания со стороны органов государственной власти.

Ключевые слова: молодежь, семейная политика, семья, традиционные семейные ценности, государственное управление, государство.

I.A. Grosheva,

Associate professor, Branch of ANO VO "IDK" in the Tyumen region

I.L. Groshev,

Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineer Troops A.I. Proshlyakov

FAMILY AND STATE IN MODERN SOCIETY: A YOUTH VIEW

Abstract. In the article, the authors consider the problem of the crisis of the social institution of the family. Based on empirical data obtained during the implementation of the Project of the Russian Society of Sociologists "Family in Modern Russia: theView of Students. ROS-2024", factors influencing family and marital attitudes and requiring special attention from government authorities were identified.

Keywords: youth, family policy, family, traditional family values, public administration, state.

В системе государственного управления вопросы, связанные с демографической политикой, являются ключевыми. От того, насколько эффективно они решаются, зависит не только качество демографических показателей в стране, но и уровень национальной безопасности, определяется место страны в мировых рейтингах. Демографические показатели – это важнейшие характеристики общества как настоящего, так и будущего, раскрывающие качество человеческого потенциала, демонстрирующие эффективность функционирования важнейших социальных институтов, в том числе и семьи.

В течение длительного периода в России формировалось целостное представление о семье как общечеловеческой ценности, воспринимаемой в качестве надежной опоры человека в условиях нестабильности в обществе. Однако институт семьи в течение последних тридцати лет подвергся многочисленным трансформациям под влиянием смены ценностных установок, имевших в большинстве случаев негативные последствия. Среди них повышенная толерантность к добрачным отношениям и разводам, развитие института неполных семей, рост индивидуализма и утрата многолинейных семейных связей и др. В результате изменения социального фона сформировался глубочайший кризис института семьи, проявившейся в снижении качества выполняемых семьей функций: деторождение и воспитание детей, что ощутимо сказалось на основных демографических показателях.

Согласно выводам специалистов-демографов, Россия переживает небывалый кризис рождаемости. К примеру, за первую половину 2024 года число умерших превысило число родившихся в полтора раза. Суммарная рождаемость составила 1,4 ребенка на одну женщину [3]. Согласно данным Росстата на 1 января 2024 года, численность постоянно-го населения России составила 146,204 миллиона человек, снизившись за год на 243,8 тысячи (-0,17 %) [2]. Необходимо отметить, что государственные органы власти предпринимают активные усилия для изменения ситуации. Программно-целевые показатели решения семейных и демографических проблем комплексно представлены в серии нормативных документов и программ, включающих помощь семьям, имеющим детей; стимулирование рождаемости и сокращение смертности; поддержку молодой семьи; регулирование миграционных процессов и др. Однако специалисты связывают успешность предпринятых шагов не только с материальными мерами поддержки, но и с благоприятными особенностями возрастной структуры, сформировавшейся на фоне высокой рождаемости со второй половины 1980-х гг. [1, с. 51]. Тем не менее с уверенностью можно констатировать, факт активной борьбы государства за сохранение института семьи с рефреном на материальные методы стимулирования рождаемости.

В контексте раскрытия проблемы реализации семейной политики представляет научный интерес изучение мнения студенческой молодежи о взаимодействии семьи и государства, о семье и родительстве в целом. С этой целью авторы статьи приняли участие в реализации Проекта Российского общества социологов (РОС) «Семья в современной России: взгляд студенчества. РОС-2024». С апреля по июнь 2024 года опрошены студенты 265 вузов, эмпирическую базу исследования составили 9168 человек. Доминирующая возрастная группа от 18 до 21 года. Вопрос о репрезентативности не ставился, могли принять участие все желающие. В полученном массиве наблюдается явный перевес в сторону девушек. В среднем по округам их оказалось в два раза больше, чем юношей (за исключением Южного федерального округа, где соотношение составило: м – 48,43 %, ж – 51,57 %), поэтому можно сказать, что был получен преимущественно женский взгляд на отдельные аспекты семейных отношений. Метод сбора первичной информации – онлайн-анкетирование (с использованием яндекс-form).

Для сравнительного анализа выбраны ответы студенческой молодежи следующих федеральных округов (количество опрошенных более 500 человек): Центрального (ЦФО) (N = 4174), Приволжского (ПФО) (N = 1445), Северо-Кавказского (СКФО) (N = 801) и Уральского (УрФО) (N = 672).

С мнением о том, что «государство оказывает достаточную помощь семьям с детьми» полностью согласилась лишь треть респондентов (35,76 %). Около половины ответивших выразили частичное согласие. При этом большая часть удовлетворенных оказываемой помощью (позиция «согласен» – 53,8 %) проживает в СКФО. Жители УрФО в меньшей степени проявили полное согласие (21,3 %) и по сравнению с другими округами чаще выбирали позицию «согласен отчасти» (56,4 %). Студенческая молодежь в целом не согласилась с мнением, что «в семье должно быть трое и более детей». Лишь среди студентов СКФО каждый четвертый отметил, что семья должна быть многодетной. Учитывая особенности округа, можно констатировать факт влияния традиционной культуры. С тем, что «семья может быть счастливой и без детей» в большинстве округов выразили согласие более половины респондентов (в целом по массиву – 55,4 %), что заставляет основательно задуматься. Лидирует в склонности к бездетности молодежь УрФО (63,6 %) по сравнению с проживающими в ЦФО (54,5 %).

Большинство молодых людей отметили, что карьера – такая же важная часть жизни, как семья (72,3 %), но на первом месте она оказалась у 48,3 % респондентов. Семья будет более прочной, по мнению студентов, если у нее есть свое жилье (78,2 %), сексуальная совместимость между супругами (76,8 %) и отсутствует вмешательство родителей

в отношении молодой семьи (69,9 %), а бабушки/дедушки помогают воспитывать внуков (54,4 %). Семья с их точки зрения – это сфера реализации гедонистических устремлений. При этом для ее прочности значимы одинаковый уровень культуры супругов (56,9 %), политические взгляды и вероисповедание (49,4 %), официальная регистрация брака (47,5 %), наличие общего «кошелька» (45,4 %).

Более половины опрошенных молодых людей (51 %) уверены, что наличие детей не имеет значения для укрепления семьи. В то, что государственная помощь студенческим семьям увеличит количество семей с детьми, не верит каждый четвертый представитель студенческой молодежи. Хотя большинство респондентов все-таки согласилось с этим утверждением (39,2 %). Причем в меньшей степени эта уверенность проявилась у студентов УрФО (33,5 %) по сравнению с молодежью СКФО (47,7 %).

Не менее интересным оказалось мнение молодежи о причинах отказа от рождения детей. Мужчины не желают становиться родителями, в первую очередь, из-за низкого уровня семейного дохода (73,2 %), отсутствия жилья (68,3 %) и неуверенности в прочности семейных отношений (63,1 %). Низкий уровень семейного дохода и отсутствие жилья как наиболее частые причины отказа от родительства мужчин в большей степени характерны для жителей УрФО (77,7 и 70,2 % соответственно), низкие доходы как веская причина отказа обнаруживается в ПФО (76, %). Среди мужчин СКФО на фоне других федеральных округов неуверенность в прочности семейных отношений фигурирует в меньшей степени, однако она занимает ведущую позицию среди других причин, смещая на второй план низкий семейный доход и отсутствие жилья.

В отказе от родительства женщины солидарны с мужчинами относительно низких доходов (71,3 %). Однако на второе место по значимости выходит неуверенность в прочности семейных отношений (70,7 %), причем тревожность в этом аспекте выше, чем у мужчин. На третьем месте по степени значимости также как и у мужчин оказалось отсутствие жилья (69,1 %). Среди женщин, проживающих в СКФО, неуверенность в прочности семейных отношений также выступает в качестве лидирующей причины отказа от детей и ощущается сильнее (63,7 % у женщин и 58,1 % у мужчин).

По сравнению с другими округами у женщин, проживающих в УрФО, низкий уровень семейного дохода является наиболее значимой причиной отказа от родительства (75,6 %). В ходе сравнения причин отказа у мужчин и женщин у последних обнаруживается ярко выраженное опасение измен со стороны партнеров, что особенно заметно среди

проживающих в ЦФО, ПФО и УрФО, причем этот показатель в полтора раза выше по сравнению с мужчинами. В итоге мы приходим к выводу, что материальные причины отказа от рождения детей являются весомыми, однако все больше актуализируются социально-психологические проблемы семейных отношений.

Результаты интерпретации мнений студенческой молодежи о мерах со стороны государства, которые могли бы способствовать увеличению числа детей в семьях, позволили сделать вывод о безусловной настоящей и пролонгированной актуальности материальной поддержки. Молодежь СКФО в первую очередь выбрала увеличение ежемесячных пособий на детей до достижения 18 лет, материнского капитала и прожиточного минимума для всех категорий населения. Для нее не очень важна уверенность в завтрашнем дне, что скорее всего следует из традиционного уклада жизни. Низкий уровень доходов, беспокоящий молодежь ПФО, сказался на первоочередном выборе такой меры как увеличение ежемесячных пособий на детей до достижения 18 лет (60,6 %).

Однако в остальных выбранных для изучения округах на первое место по значимости вышло формирование уверенности в завтрашнем дне, что является субъективным социально-психологическим фактором. Молодежь желает иметь чувство защищенности, уверенности в том, что им всегда помогут, а это возможно только благодаря грамотной государственной семейной политике.

К сожалению, просчеты в демографической политике, допущенные ранее (с 1990 по 2000-е гг.), сказываются на возможности формирования и сохранения института семьи в настоящее время. На этот процесс оказывают влияние объективные и субъективные факторы. Во-первых, пропаганда западных ценностей в течение длительного времени, акцент на индивидуализме, социальном и экономическом прагматизме сформировали установку, для которой роль и значение семейных ценностей оказались не принципиальными, жизненно не востребованными. Во-вторых, экономическая нестабильность снижает уверенность населения в будущем, что образует отрицательную эмоциональную установку на рождение детей с одной стороны и рост приоритетности эгоизма как ответ на психологический дискомфорт. В-третьих, пенсионная реформа внесла коррективы в семейное социальное планирование и в данном контексте наблюдаются две линии негативного развития: с одной стороны – бабушки и дедушки, готовые оказать физическую, морально-психологическую помощь молодым родителям теперь вынуждены продолжать профессиональную деятельность и в большей степени ориентироваться на собственные потребности; с другой стороны – отдаленная перспектива «отдыха на пенсии» для молодого выступает

дополнительным активатором жизненного принципа «танцуй пока молодой!»

В качестве обобщающих выводов на современном этапе реализации семейной политики в РФ целесообразно отметить:

1. Материальный стимул сыграл на начальном этапе мотивирующую роль, но в условиях экономической нестабильности и внешнеполитической напряженности этот стимул необходимо сочетать с формированием ценностных установок молодежи.

2. Многолетняя реклама, ориентированная на жизненный успех, карьерный рост, процветающий бизнес сформировала узконаправленное целеполагание, в котором дети являются фактической помехой к успеху. Акцентирование воспитательного процесса на развитие потребительского типа личности предполагает дальнейший отказ от каких-либо обязательств личности, в том числе и в процессе воспитания детей.

3. Все чаще молодежь ставит перед собой вопрос о необходимости семьи как малой социальной группы, ее экономической эффективности.

4. В условиях общества риска жизненное планирование осуществляется в коротком диапазоне от года до пяти лет, не более.

5. Содержание детей в настоящее время является существенной нагрузкой на семейный бюджет (по факту – повсеместное платное образование).

По мнению авторов, назрела необходимость трансформации государственной политики в отношении семьи с опорой на новые системные установки, кардинально меняющие основополагающие (базисные) подходы к управлению социальными процессами в сложившейся и формирующейся конъюнктуре.

Библиографический список

1. Гончарова Н.П. Демографическая политика в современной России: особенности реализации и методика оценки результативности: монография / Н.П. Гончарова, А.А. Еремин, Е.В. Тарасова. Москва; Берлин: ДиректМедиа, 2020. 135 с.

2. Карташева В. Численность населения России снизилась до 146,2 млн человек // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/chislennost-naseleniya-rossii-snizilas-do-1462-mln-chelovek.html> (дата обращения: 12.12.2024).

3. Росстат: в России зафиксирован исторический минимум рождаемости. URL: <https://myslo.ru/news/mir/2024-09-10-rosstat-v-rossii-zafiksirovan-istoricheskij-minimum-rozhdaemosti> (дата обращения: 12.12.2024).

Е.В. Дианова,

доцент, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск)

НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОГО КИНО 1920-х ГОДОВ

Аннотация. В статье говорится об использовании кино 1920-х годов в борьбе против суеверий и народной демонологии. Постановщики фильмов придумывали разные приемы разоблачения мифологических персонажей, чтобы показать, какой вред наносит вера в нечистую силу и ее пособников (колдунов, знахарей, ведьм), наживавшихся на суеверии и темноте крестьян.

Ключевые слова: кино, народная демонология, колдуны, знахари, ведьмы, суеверие.

E.V. Dianova,

Associate Professor, Petrozavodsk State University

FOLK DEMONOLOGY IN THE MIRROR OF SOVIET CINEMA OF THE 1920s

Abstract. The article discusses the use of cinema in the 1920s in the fight against superstition and folk demonology. Filmmakers came up with various methods of exposing mythological characters to show the harm caused by belief in evil spirits and their accomplices (sorcerers, healers, witches), who profited from the superstition and darkness of peasants.

Keywords: cinema, folk demonology, sorcerers, healers, witches, superstition.

В 1920-е годы советское кино, выполняя функции идеологического рупора, выступало инструментом атеистической агитации и пропаганды. Под прицел режиссеров и сценаристов попали представители официальных религий – православия и ислама, сектанты, церковные старосты и проч. Создатели фильмов не обошли вниманием и народную демонологию, систему народных представлений о мифологических персонажах и людях с демоническими свойствами и сверхъестественными способностями. Среди тех, кто подвергался разоблачению, оказались деревенские знахари и колдуны, а также участники народных обрядов, связанных с нечистой силой.

До революции 1917 года люди боялись употреблять слово *чёрт*, оно считалось грубым, а в церковных книгах – неприличным и неуместным, вместо него использовали другие нейтральные слова (эвфемизмы):

карачун (злой дух), синец (нечистый дух), хромой, худой (злой бес), ляд, нечистый. Основной причиной редкого употребления в духовной литературе слова чёрт является «табуированность данного демонологического наименования, связанного с языческими дохристианскими верованиями, с боязнью “накликать” злого духа, со словесным запретом» [1, с. 65, 66].

Кинематографисты игнорировали устоявшиеся в народной и церковной культуре запреты, заигрывая с нечистой силой, использовали слово *чёрт* в названиях фильмов. Еще в 1917 году фирма А.Г. Талдыкина выпустила кинодраму «Чёрт» (на афишах – «Чорт»). В 1920-е годы появились картины «Чёртова баба» (Межрабпомфильм, 1928), «Чёртово гнездо» (Госкино и Пролеткульт, 1924), «Чёртово колесо» (Ленинградкино, 1926). Дополнительное название «Чёрт» имел фильм «Транспорт огня» (Совкино, 1929) о подпольной деятельности рабочих дружин в канун первой русской революции. Тот факт, что слово чёрт представлено в названиях фильмов, говорит о том, что «вера в него исчезла, так как страх, боязнь чёрта раньше наводила к запрету упоминать его имя» [2, с. 132].

Об inferнальных сущностях распространялись суеверные рассказы, или былички, в том числе о самом популярном представителе низшей мифологии – чёрте. Сюжет комедии «Не так страшен чёрт» (Совкино, 1928) режиссера Александра Богданова построен на основе народной демонологической прозы – быличек – рассказов о конкретных случаях контактов людей с нечистой силой. Для всех быличек характерно «непосредственное общение реального и потустороннего мира». Причем «подобная тесная связь двух миров возможно только при восприятии сверхъестественного как реальности, как достоверного факта» [2, с. 21].

Сценаристы Роберт Майман и Зиновий Драпкин придумали историю, в которой разоблачались деревенские суеверия: «Крестьянка Акулина получила почтой от сына 50 рублей. Об этом узнал церковный староста Варлаам. Среди ночи в приоткрытую дверь избы Варлаам просунул на шесте чучело и заявил, что на следующую ночь хозяйка должна отдать все полученные деньги» [3, с. 279]. По законам жанра, событие произошло в темноте, поздней ночью. Акулина слышала, как «кто-то захохотал, загремел, застучал». Ей почудилось, что «кто-то большой, черный, косматый в сенцах стоит» [2, с. 24]. Что касается внешнего облика демонического существа, то, по всей видимости, чучело изображало чёрта (во всяком случае, об этом говорит название фильма). В народной мифологии чёрт являет собой злой дух, способный превращаться в разные предметы. Черти могут появляться где угодно и вмешиваться

в жизнь человека неожиданно, нежданно в любую минуту [2, с. 122]. Часто «чёрт изображается как зооантропоморфное существо, покрытое чёрной шерстью, с хвостом, козлиной бородкой и иногда с крыльями, с когтями на руках и копытами на ногах, на голове у него рожки либо вздыбленные волосы» [4].

Внезапное явление ночью страшного гостя нарушило течение нормальной жизни крестьянки, хотя и распространено поверье, что чаще всего чёрт навещает одиноких женщин и тоскующих вдов, являясь к ним в образе соседа или странника. Утром Акулина рассказала соседям о нечаянном визите нечистой силы, поделившись с ними ночными страхами и «эмпирическим опытом» соприкосновения с чёртом. Как полагается в быличке, которая «всегда носит характер свидетельского показания», рассказчица сообщила о неожиданном общении с представителем потустороннего мира, выдавая этот случай за «несомненно, истинное происшествие». Суеверный рассказ Акулины усиливал в сознании крестьян веру в низшие мифические персонажи, что подкреплялось особым психологическим настроением рассказчицы и слушателей, готовых к «восприятию дальнейших впечатлений от неизвестного, таинственного и страшного мира» [2, с. 14, 20].

Между тем не все жители деревни поверили в «бабьи сказки». В фильме «Не так страшен чёрт» показаны бесстрашные молодые люди, представители нового поколения, способные противостоять любому злу и наваждению. Сельская комсомольская ячейка решила разобраться в таинственном происшествии и пресечь возникшие пересуды, связанные с явлением каких-то темных сил. Комсомолка Таня, подговорив товарищей, организовала в избе крестьянки Акулины засаду. В результате «церковный староста, явившись за деньгами, попал в руки комсомольцев» [3, с. 279]. И чёрт, действительно, стал совсем не страшен. Так был разоблачен односельчанин, попытавшийся использовать в корыстных интересах веру в существование потустороннего мира. Можно представить, как сельские комсомольцы под общий хохот изгнали из дома Акулины ее соседа, посмеявшегося прикинуться слугой дьявола. По сути дела, они сделали дураком и чёрта и того, кто им прикидывался.

Сценаристы Р. Майман и З. Драпкин усвоили завет Н.В. Гоголя – «чёрта выставить дураком», использовать смех для борьбы с нечистой силой. В повести «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголь «как художник, при свете смеха, исследует природу этой мистической сущности; как человек, оружием смеха борется с этим реальным существом: смех Гоголя – борьба человека с чёртом» [5, с. 1, 2]. Первая экранизация повести «Ночь перед Рождеством» появилась еще в 1913 году, а в 1927 году на экраны вышел фильм «Черевички».

В 1920-е годы кинематографисты иногда изображали в своих фильмах людей, якобы обладавших сверхъестественными способностями, способных производить определенные действия по отношению к обычному человеку. Так, в фильме «Морока» / «Две силы» (Госкино, 1925) режиссеры Евгений Иванов-Барков и Юрий Тарич показали мельника Кудимыча, который, по слухам, общается с нечистой силой и поэтому обладает даром целительства. Исстари существует поверье, что с нечистой силой связаны все знахари и колдуны, будто «колдуны продали душу чертям», «колдун дает работу чертям» и др. Все эти суеверия порождали суеверный страх перед чародеями разных мастей из-за боязни получить порчу или наговор.

За оказание услуг колдун брал плату, что вводило в соблазн некоторых односельчан. Старуха Мокриха упростила знахаря научить ее искусству сбрызгивания с уголька, с помощью которого, считалось, можно исцелить любой опасный недуг. Чтобы получить этот дар, Мокриха обратилась к знахарю с просьбою передать ей тайну наговора над водою. «За солидную плату Кудимыч согласился. Разложил на полу уголь, золу и соль, велел Мокрихе залезть в печь и предупредил ее, что сейчас появится нечистый: “Только не бойся его, ежели выйдет, огладь...”». Для подтверждения своих контактов с чёртом «в сенях Кудимыч одел наизнанку тулуп и в таком виде, потушив лампу, направился к старухе». В кромешной тьме «полумертвая от страха, она гладила шерсть тулупа, приговаривая слова, которым ее научил Кудимыч», хотя сам он «отлично знал, что зола, уголь и соль никакой особой силы не имеют, что нечистого никакого нет. Но раз глупая женщина заплатила, то Кудимыч ей и нечистого согласен был представить. Для этого ему пришлось только вывернуть тулуп наизнанку». Постановщики фильма «Морока» разоблачали шарлатанство и «глупые фокусы» деревенских колдунов и знахарей, наживавшихся на суеверии и темноте крестьян [6, с. 4, 13].

Режиссер Павел Долина посвятил фильм «Чертополох» (ВУФКУ, 1927) борьбе с политической и культурной отсталостью в глухих уголках Украины в середине 1920-х годов. У жителей небольшой деревушки Ганиевки широкой популярностью пользовался знахарь Гисяр. Как и везде «отсталость крестьян позволяла ему набивать свои карманы» до тех пор, пока в деревню не приехала молодая фельдшерица Марина. Дед Гисяр, чтобы избавиться от нежелательной конкурентки, с помощью сестры фельдшерицы выкрал у жениха Марины ключи от кооператива и вынес кое-какие предметы. Краденый товар «жрец мрака» Гисяр подбросил на квартиру фельдшерицы. На Марину и ее жениха, молодого кооператора Алексея легла тень подозрения в краже. Не вынеся деревенских переудов, Марина покончила с собой. Для расследования дела из города

приехала комиссия, которая «разоблачила преступную деятельность Гисяра». Над знахарем Гисяром, который долго и «безнаказанно калечил доверчивых людей», был устроен показательный суд [3, с. 273].

Народное поверье приписывает контакты с inferнальными существами и ведьмам, которые имеют двойственную природу: они принадлежат к миру людей и одновременно к миру демонов [7, с. 230]. В обычной жизни к ведьмам крестьяне могли причислить женщин, переселившихся в их деревню из других мест. Здесь играла роль давняя оппозиция «свой – чужой». Как правило, образ «чужого» утверждается путем выявления этнической и конфессиональной принадлежности пришлого человека, которая отличается от традиционной локальной идентичности, религиозно-бытовой культуры местного общества. Представитель иного сообщества изначально воспринимается как враждебный, опасный элемент, способный навредить устоявшемуся порядку в социуме.

В данном отношении весьма примечателен фильм «Джальма» (ВУФКУ, 1928). Режиссер Арнольд Кордюм снял драму о том, как во время Гражданской войны красноармеец украинец Николай Барабаш был тяжело ранен в боях на Кавказе. Выходила и полюбила его чеченка Джальма. После войны Николай с Джальмой возвратился в родное село. Там «наиболее отсталая, темная часть крестьян, шедшая на поводу у кулаков и попа, враждебно встретила жену Барабаша – мусульманку, “нехристианскую душу”». Скоро «над селом нависла беда: начался повальный мор скота. В то время как Барабаш ездил в город за ветеринаром, кулачье вместе с попом распустили слух, что мор наслала Джальма». Разъяренная толпа направилась к хате, где жили Барабаш и Джальма, чтобы выпроводить женщину за пределы села. К счастью, вовремя «вернувшийся Барабаш едва успел спасти жену от разъяренной толпы». Ветеринар, приехавший в село, добился прекращения падежа скота [3, с. 256].

Ритуальные обряды по обезвреживанию и изгнанию ведьмы из жилого пространства порой приобретали характер жестокой расправы с женщиной вплоть до забивания ее камнями [7, с. 248]. В фильме «Джальма» показано, как неприятие чужаков и эпизоотия создали почву для активизации народных поверий в действие пособницы демонов – ведьмы, реальной женщины, которая будто знает с нечистой силой, обладает сверхъестественными свойствами и наносит вред как людям, так и домашним животным.

Распространенной «формой контактов с потусторонним прорицателем» выступают гадания, обусловленные «неистребимой потребностью человека заглянуть в свое будущее». Хотя во многих славянских

традициях гадание «осмыслялось как дело нечистое, грешное и опасное», гадательные ритуалы «являются одним из значительных фрагментов народной культуры». Приступая к гаданию, «созывали нехороших», т. е. «прикликивали чертовщину». Кроме того «в поисках контакта с потусторонними силами гадающие снимали с себя крест и пояс, развязывали все узлы на одежде, девушке распускали косы». Самыми массовыми гаданиями были молодежные ворожения о замужестве или женитьбе. С помощью сверхъестественных сил все хотели «получить знаки своей будущей судьбы». Девушки старались узнать имя будущего супруга, его внешний вид, возраст, характер, профессию, материальное положение и т. д. [7, с. 329, 323, 333].

Для гаданий выбирали особое «нечистое» место (баню, овин, хлев, сени и проч.). В фильме «Морока» старуха Мокриха предложила девушкам погадать в бане по зеркалам. Первой отправилась девушка Груня. В пустой бане ей было «темно и страшно», но Груня села перед зеркалом и, всматриваясь в него, стала приговаривать: «Суженый-ряженый, приходи ко мне поужинать...». Незаметно вслед за Груней отправился сын кулака Яшка Бухвалов, который, войдя в баню, бросился на Груню. «Груня боролась изо всех сил, но Яков был сильнее и постепенно увлекал ее по направлению к лавке». Следивший за Яшкой паренек Еремка побежал за помощью к взрослым. Хорошо, что «вовремя подоспели парни с вечеринки вместе с комсомольцем Шуркой и отбили Груню. Бухвалова же посадили в кадку с холодной водой, завязали руки назад. Еремка, потехи ради, облил его еще сверху мыльной водой, накрыл шайкой и поставил сверху свечку» [6, с. 6]. Гадание сорвалось, Груне не удалось узнать имени своего жениха, а в конце фильма им стал комсомолец Шурка.

Считается, что Октябрьская революция 1917 года привела к ослаблению веры во всякую нечисть, что обусловлено насаждением материалистического мировоззрения и рационального знания, ведением атеистической пропаганды. Свою роль в секуляризации общественного сознания, критике религиозных пережитков и суеверий сыграл кинематограф. Хотя в деревнях постепенно стала исчезать особая атмосфера мистицизма, советское кино 1920-х годов не могло уничтожить демонологические поверья, которые сохранились до сих пор.

Библиографический список

1. *Серебряная И.Б.* К истории слова чёрт в русском языке // Славяноведение. 1998. № 3.
2. *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука: 1975.

3. Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог: в 3 т. Т. 1: Немые фильмы. (1918–1935). М.: Искусство, 1961.
4. *Христофорова О.Б.* Чёрт // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/chiort-9aa65d> (дата обращения: 21.12.2024).
5. *Мережковский Д.С.* Гоголь и чёрт. М.: Скорпион, 1906.
6. *Туницкий З.* «Морока»: беседа по картине. М.: Кинопечать, 1927.
7. *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.

УДК 130.2; 130.3

М.В. Жульков,

доцент, Ивановский государственный университет (Иваново)

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. Система российской философии имеет фундамент, созданный в конце XIX – начале XX века: русская религиозная философия, русский космизм, марксизм-ленинизм. На их основе в настоящее время развиваются фундаментальные и прикладные направления: теоретическая философия, учение о ноосфере, социально-экономическая философия, российская национальная идея, геополитика, моделирование и прогнозирование будущего, безопасность национального сознания и ряд других.

Ключевые слова: русская религиозная философия, русский космизм, марксизм-ленинизм, российская национальная идея, учение о ноосфере, геополитика, моделирование и прогнозирование будущего, безопасность национального сознания.

M.V. Zhulkov,

Associate Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE XXI CENTURY

Abstract. The system of Russian philosophy has a foundation created in the late XIX – early XX century: Russian religious philosophy, Russian cosmism, Marxism-Leninism. On their basis, fundamental and applied directions are currently developing: theoretical philosophy, the doctrine of the noosphere, socio-economic philosophy, the Russian national idea, geopolitics; modeling and forecasting the future; security of national consciousness and others.

Keywords: Russian religious philosophy, Russian cosmism, Marxism-Leninism, Russian national idea, the doctrine of the noosphere, geopolitics, modeling and forecasting of the future, security of national consciousness.

Современный мир находится в периоде преобразований. Лучшие умы, включая искусственный интеллект, напрягаются, чтобы предвидеть изменения, решать текущие проблемы, стоящие перед человечеством и отдельными нациями. Тридцатилетний период господства в России либеральной идеологии в экономике и частично в социальной сфере, не привел к единству общества. Можно сказать, что эта идеология и философия в целом не были приняты народами нашей страны. Насущной стала задача утверждать и развивать, в соответствии с новыми условиями, национальную философию и национальную идею.

Философия, несмотря на кажущуюся абстрактность и далёкость от жизни, играет значительную роль в организации жизни общества. Наука, как известно, так же как и другие разделы культуры, имеют две составляющие: теоретическую, фундаментальную, и практическую и прикладную. Именно прикладные разделы науки имеют практическое применение. То же касается и философии, в ней есть основные разделы философского знания, на которых основаны вторичные философские дисциплины. Именно они имеют непосредственное значение. Так, два основных учения о социально-экономической организации – социализм и капитализм (либерализм) – уже несколько столетий определяют общество, в котором существует цивилизация.

Начавшийся очередной передел глобального мира требует от человечества и от стран (глобальных, региональных, национальных игроков) переосмысления истории, общественного уклада, форм моделирования, мировоззрения в целом. Мировоззрение основано на философии как системообразующем факторе, поэтому на каждом новом повороте истории философия переосмысливается и сама переосмысливает стоящие перед обществом проблемы.

Современное развитие европейской философии началось в эпоху Ренессанса, были сформулированы идеи гуманизма, социализма, либерализма. В дальнейшем эти идеи из Италии заполняя Европу, продвигались на восток, смешивались с национальными философскими школами и традициями, создавая новые вершины культуры и философии. В России такой подъем произошел в конце XIX – начале XX века и известен как серебряный век русской культуры. В философии были развиты три направления: русская теоретическая и религиозная философия, русский космизм, марксизм-ленинизм. Названные три направления, кажущиеся такими разными, все же составляют определенное единство: марксизм-ленинизм – учение о справедливом обществе, социалистической революции – материальный аспект троичности; религиозная философия составляет ее духовный аспект; русский космизм – среднее звено, синтез материального и духовного, включает научные и научно-философские учения. Учитывая религиозный характер русского коммунизма по

Н.А. Бердяеву [1, с. 129–153], отметим, что он не так уж сильно противоречит религиозной философии и является таким же следствием национального духа и характера русского народа, как и религиозная философия. Религиозная философия и космизм указанного периода стали вершиной развития русской философии в течение нескольких столетий, в них русская философия обрела свои классические формы. Однако, в настоящее время достижения этого периода являются не столько вершиной, сколько фундаментом для дальнейшего развития российской философии. По каким же направлениям идет развития современной российской философии?

Три основных раздела классической русской философии продолжают развиваться. Как известно, в России уже несколько столетий сосуществуют основные мировые конфессии. В настоящее время эта уникальное положение, взаимодействие существующих конфессий постепенно формирует общее религиозное сознание, которое может характеризоваться универсальными религиозными ценностями, такими как вера в Высшие силы, в Творца, любовь и взаимопомощь, утверждаются традиционные ценности (наличие двух полов, семьи, патриотизм и др.). Эти процессы нуждаются в дальнейшем философском осмыслении.

Русский космизм наиболее ярко представлен учением о ноосфере. Это учение, основы которого заложили работы В.И. Вернадского, объединяет естественные и гуманитарные науки, использует системный, синергетический, экологический, энергоинформационный и другие общенаучные подходы. Возрастает значение гуманитарной составляющей ноосферологии – учения о сознании и его эволюции, что наиболее полно выражено в работах Г.С. Смирнова [7].

Капитализм и социализм – основные типы современного общества. Обе эти социально-экономические модели резко ускорили развитие человечества, провели индустриализацию, резко поднялся уровень жизни. В сознании больших масс людей произошли кардинальные изменения – они стали получать образование, приобщаться к культуре, появилось свободное время, которое можно было потратить на путешествия, здоровый образ жизни, самосовершенствование и т. п. Тем не менее реализация этих моделей сопровождалась рядом негативных следствий – дифференциацией общества и государств, обнищание части населения, неизбежные кризисы перепроизводства – при капитализме; недостаток личной инициативы, возможность перехода к тоталитарной форме правления – при социализме. В настоящее время ряд государств ищут новые формы социально-экономического устройства общества, которые бы объединяли преимущества капитализма и социализма: смешанные формы собственности, наличие госсектора, сочетание частной

инициативы и регулирующей деятельности правительства, чтобы избежать кризисных явлений и достигать эффективных моделей развития, наличие социальных программ для различных групп населения. О направляемом развитии, о соединении капиталистической формы производства и социалистического характера распределения писал Н.Н. Моисеев [5, с. 338].

Большие и сложные системы, такие как философия в целом, со всеми ее направлениями, находятся в развитии, динамике, постоянных изменениях. При этом структура такой системы может быть проявлена, овеществлена не полностью. Тем не менее, по отношению к российской философии, могут быть сделаны некоторые утверждения.

Единство классического периода русской философии обеспечивает учение В. С. Соловьева о всеединстве (Творца, космоса, природы, человека), идея непосредственной связи человека с космосом лежит в основании русского космизма. Основной каркас классической русской философии образуют русская религиозная философия, русский космизм, учение о справедливом социально-экономическом устройстве общества. Далее идут вторичные философские направления, практическая философия. Они проявляют связи теоретической, фундаментальной философии с практическими разделами, и затем – с различными аспектами реальной действительности. Так система теоретической философии оказывается связанной и погруженной в культурное поле, а затем и в саму жизнь, влияя на принятие решений, формирование программ, моделирование в тех или иных областях социально-экономической, политической, культурной жизни. Философия удовлетворяет запросы на теоретическое осмысление проблем, стоящих перед человечеством и Россией, выработку практических моделей, программ, учений.

Синтезом практических направлений русской философии является русская идея – учение о предназначении русского народа, государства, культуры. В настоящее время русская идея становится российской, охватывая все живущие в России народы, особенности их характеров и менталитета. Она должна включать несколько разделов, покрывая все основные направления жизни нации: учение о желательном социально-экономическом строе, о государстве, характере русского народа, особенностях социальных групп, о русской истории и ее уроках, геополитику России, проблемы безопасности, включая безопасность сознания, демографические проблемы, взаимосвязь естественного и искусственного интеллекта и др. Национальная идея на современном этапе должна быть комплексной программой развития страны на несколько десятилетий вперед. Национальная идея строится, также как и вся философия – как система, имеющая идейное ядро, краткую формулировку нацио-

нальных целей развития, ценностных оснований российской цивилизации, на основе которых формируются различные разделы российской национальной идеи, такие как геополитика, учение о многополярном мире, философия безопасности национального и индивидуального сознания и другие.

В результате в российской философии формируются два центра – один – в теоретической философии, другой – в практической. Между идеей всеединства и российской национальной идеей многополярного справедливого миропорядка, справедливого устройства общества – существует прямая связь. Прикладные учения имеют основание в фундаментальных разделах философии.

Россия является одним из государств, от которых зависят судьбы не только регионального развития, но и планетарного. В настоящее время, как известно, начался новый передел мира, передел формы глобализации, которая перестает быть односторонне прозападной, становится многополярной. Россия находится на острие борьбы за новый миропорядок, поэтому и встречает такое сопротивление западного мира, выражающего старый порядок, в котором господствовали западный мир и его «правила». Л.Г. Ивашов предлагает евразийский проект России, который уже в какой-то степени реализуется: собственное возрождение и развитие; развитие в рамках ЕАЭС; обеспечение безопасности этого пространства с помощью ОДКБ; развитие и интеграция Евразии в рамках ШОС; наконец, БРИКС как основа нового миропорядка [3, с. 721–723]. В условиях информационных, гибридных войн все большее значение приобретают проблемы безопасности национального и индивидуального сознания [2].

Современное стратегическое планирование, понимание текущих национальных и международных проблем, основываются на синтетическом мышлении, которое развивается на основе и при непосредственном участии философии. Синтетическое мышление включает абстрактное мышление, развиваемое классической философией, знание подробностей той или иной проблемы, моделирующее мышление, образное мышление, тесно связанное с предвидением и планированием будущего, переосмысление прошлого, интуитивно формулируемые новые идеи как гипотезы для стратегического планирования. Как известно, моделирование осуществляется с применением суперкомпьютеров, но начинается оно со словесного описания системы, и чем оно точнее и полнее отражает систему, ее сущностные стороны, основные показатели, тем успешнее будет и моделирование. В современных моделях, описывающих человекообразные системы, необходимо учитывать субъективный фактор. Советская школа такого моделирования – учитывающая субъективность –

развивалась успешно, но была прервана перестройкой, что требует восстановления и развития собственных подходов в моделировании, см., например, [4]. На основе исследования циклов истории развиваются отечественные подходы к историческому прогнозированию, которое имеет значение для разработки национальных программ развития [6].

Таким образом, российская философия как система, состоит из ядра (идея единства Космоса, природы и человека), вокруг которого собраны смысловые образования трех ее классических направлений (теоретической и религиозной философии, космизма, учения о справедливом обществе), а также множества прикладных, образующих все многообразие философии, направленное на решение текущих и стратегических задач, которые синтезируются учением о российской национальной идеи. Современная российская философия может и должна развиваться на собственном основании, имеет ряд классических и новых направлений, от которых зависит будущее страны – идеология, культура, представления о структуре мира ближайшего будущего, планирование социально-экономического развития, политического устройства общества.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Жульков М.В. Целостность национального сознания: проблема национальной безопасности в свете энергоинформационных взаимодействий // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 67–74.
3. Ивашов Л. Геополитика русской цивилизации. М.: АО Издательский дом «Аргументы недели», 2020. 736 с.
4. Крылов В.Ю. Математическое моделирование субъективных пространств: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1988. 48 с.
5. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
6. Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2016. 408 с.
7. Смирнов Г.С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.

В.В. Комиссаров,

профессор, Верхневолжский государственный
агробиотехнологический университет (Иваново)

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ИНЖЕНЕРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Аннотация. Анализируются итоги социологического обследования инженеров, проведенного в середине 1970-х гг. в Ленинграде. Отмечаются основные сущностные черты и характеристики советской интеллигенции, выявленные в результате этого обследования.

Ключевые слова: интеллигенция, проектные организации, инженерно-технические работники, профессиональные и деловые качества, досуг.

V.V. Komissarov,

Professor, Upper Volga State Agrobiotechnological University (Ivanovo)

SOCIOLOGICAL SURVEY SOVIET ENGINEERS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Abstract. The results of a sociological survey of engineers conducted in the mid-1970s in Leningrad are analyzed. The main essential features and characteristics of the Soviet intelligentsia identified as a result of this survey are noted.

Keywords: intelligentsia, design organizations, engineering and technical workers, professional and business qualities, leisure.

В Советском Союзе действовали несколько социологических школ, изучавших структуру советского общества, основные слои и общественные классы, включая интеллигенцию. Так в Ленинграде тщательно анализировали социально-психологический облик инженерно-технического корпуса. Столь пристальное внимание к этому профессиональному отряду объяснимо и вытекало из ряда факторов. Именно инженерно-технический корпус играл значительную роль в развитии промышленности в целом, и оборонной индустрии в частности. Помимо этого, в 1960–1980-е гг. происходит заметный численный рост этой группы, как в удельном значении, так и в абсолютных цифрах. Если в 1960-м г. доля инженеров среди всех занятых в промышленности составляла 8,9 %, то к 1985-му она выросла до 14,6 %. В целом численность инженерно-технических работников выросла с 2 млн 18 тыс. чел. в 1960-м году до 5 млн 548 тыс. в 1985 г. [1, с. 129].

В первой половине 1970-х гг. ленинградские социологи провели длительное комплексное исследование, охватившее более 1000 респондентов – инженеров девяти ленинградских проектно-конструкторских организаций. Результаты обследования были обнародованы в коллективной монографии «Социально-психологический портрет инженера», опубликованной под общей редакцией основателя ленинградской социологической школы профессора В.А. Ядова [2]. Конечно, с точки зрения практической социологии данные этого обследования уже давно утратили какую-либо актуальность. Однако изложенные в этой работе сведения могут служить своеобразным срезом, демонстрирующим все особенности изучаемой социальной группы в период «зрелого социализма».

Изучаемая выборка из 1100 инженерно-технических работников была представлена разными возрастными, но преобладала группа респондентов, достигших к началу исследования 30–35 лет, то есть в большинстве своем они родились либо в самый канун Великой Отечественной войны, либо в ходе её или сразу после. Это наложило свой отпечаток на их жизненные траектории, авторы обследования подчеркнули, что многие выросли в неполных семьях, у 30 % опрошенных отцы погибли на войне [2, с. 201]. Следует заметить, что советские ИТР даже в середине 1970-х гг. были динамичной развивающейся группой. Только у 7,4 % респондентов родители тоже были инженерами, у 33,3 % – служащими с высшим образованием. Остальные рекрутировались из семей рабочих (14,3 %), колхозников (1,8 %), служащих без высшего образования (13,7 %) и др. При этом лишь 57,9 % обследуемых инженеров были уроженцами ленинградцами, остальные – приезжими [2, с. 201]. Эти цифры могут свидетельствовать о работающих *социальных лифтах* и высокой *социальной мобильности* общества.

Особый интерес представляют *материально-бытовые условия* респондентов. Из них 62,2 % проживали в отдельных квартирах, что для Ленинграда 1970-х гг. было очень высоким показателем. В среднем в то время в «северной столице» своим жильем обладали только 47 % семей, остальные жили в коммуналках. Столь же высокой по советским меркам была обеспеченность бытовой техникой: 10,2 % имели автомашины, 36 % – мотоциклы или мотороллеры, 90 % – телевизоры и радиоприемники, 74,7 % фотоаппараты и кинокамеры, 88,9 % – холодильники, 67,4 % – пылесосы и полотеры. Средний доход в семьях советских ИТР оценивался авторами исследования в 90 руб. на человека [2, с. 200–201]. С учетом того, что в семье того времени примерно половина её членов были неработающими (дети и пенсионеры), то среднюю зарплату можно грубо оценить в 180 руб., что для середины 1970-х гг. было

вполне достойным уровнем оплаты. Таким образом, советские инженеры «зрелого социализма» отнюдь не были нищей социальной группой, как это иногда пытаются представить в исторической публицистике.

Авторы исследования разделили респондентов на 6 категорий по **деловым и профессиональным качествам**: «инженеры поневоле», «исполнительные», «добросовестные», «непритязательные», «самопрограммируемые» и «самоуверенные» [2, с. 119–126]. Среди них высшие позиции заняли «самопрограммируемые» и «самоуверенные». Именно в этих группах ярче были выражены ориентация на профессиональный успех, инициатива, энергичность. Представители этих групп быстро добивались служебного продвижения. Каждый десятый из инженеров с 10-летним стажем выдвигался на должность руководителя группы. Среди инженеров с 15-летним стажем доля руководителей групп увеличивается вдвое, а при достижении 20-летнего показателя уже половина занимает должности старших инженеров или руководителей групп [2, с. 79]. Следует заметить, что продвижение по карьерной лестнице требовало от инженеров не только профессиональных, но и значительных организационно-управленческих компетенций. Авторы исследования особо отмечали: «главный инженер проекта решает не только технические, но и организационные вопросы... Главный инженер проекта обязан обеспечивать применение новейших достижений науки и техники, эффективных конструкций, материалов и изделий, снижение стоимости строительства. Он также руководит работой подчиненных групп, несет основную ответственность за выполнение плана работы, участвует в составлении заданий на проектирование, контролирует полноту и качество их выполнения, составляет технические условия и согласовывает их с заказчиком, защищает выполненные проекты» [2, с. 38–39].

Особое внимание авторы социологического обследования уделили **проблеме досуга**. Это во многом связано с тем, что в 1967 году произошел переход к пятидневной рабочей неделе, и у советских граждан появился второй выходной. Но скоро выяснилось, что данное решение имело и свои отрицательные черты, советские люди расходовали выходные отнюдь не на самые полезные и здоровые виды «отдыха». Это нашло свое отражение, например, в известной антрепризе А.И. Райкина «В греческом зале», растащенной на цитаты. Но, согласно данным обследования, ленинградские инженеры тратили свободное время на вполне добропорядочные занятия. 80 % респондентов посвящали свой досуг чтению художественной литературы и просмотру телепередач; 64 % – чтению газет; 51,9 % – отдыху в семейном кругу; 38,7 % – чтению документальной и научной литературы; 37,6 % – посещению кинотеатров; 27 % – прослушиванию радиопередач; 24,6 % – загородным

прогулкам [2, с. 191]. Эти цифры показательны и сами по себе, например, видно, как телевидение в информационном пространстве вытесняло радиовещание.

Конечно, сложно поверить, что среди обследуемых совсем не было пороков и вредных привычек. Не является секретом, что пьянство и алкоголизм в 1970-е гг. поразили в той или иной степени все слои населения, и интеллигенция не была здесь исключением. Но в данном исследовании, по крайней мере, в его открытой части, данные проблемы практически не изучались, хотя авторы включили в выборку такие виды досуга, как «интимные встречи», «кафе, ресторан», «застолье с друзьями». Под «интимными встречами» социологи зашифровали, видимо, то, чего в СССР «не было», то есть внебрачный секс. На прилагаемой авторами схеме удельный вес различных видов досуга был представлен в виде графика, но миниатюрные масштабы схемы позволяют только определить, что перечисленные «крамольные» виды отдыха не превышали в общей массе 10 %. В тексте монографии об их удельном весе застенчиво умолчали. И это были не единственные факты умолчания в работе ленинградских социологов.

Совершенно не рассматривались вопросы *политической активности* и *идейных пристрастий*. Это, впрочем, объяснимо. Предполагалось, что советский человек априори разделял положения господствующей идеологии, а ставить вопросы о доверии советской власти было небезопасно как для авторов исследования, так и для респондентов. Авторы обследования лишь отметили, что их респонденты тратили на общественную работу и политическое самообразование от 30 (женщины) до 35 (мужчины) минут в неделю, что, прямо скажем, немного [2, с. 189]. Но некоторые негативные явления ленинградским социологам пришлось отметить, хотя бы в неявной форме. Например, авторы цитируемого обследования не могли назвать своими словами «*сервизм*» или «*конформизм*». Но не упомянуть об этих явлениях тоже не могли, правда, представили их, как явления единичные. «Отсутствие привычки высказывать собственное мнение обернулось гражданской безответственностью, – пишут авторы исследования и продолжают. – Истоки подобной “диспозиции” следует искать в обстоятельствах семейного и школьного воспитания инженера, в том, какие нравственные качества сформировались ... в студенческие годы. Конечно, случившееся является также следствием организации труда и психологического климата ...» [2, с. 140].

Другим негативным фактором стала *нерациональная организация труда* инженеров. По приведенным сведениям от 20 до 30 % рабочего времени они тратили на выполнение вспомогательных операций:

печать документов, снятие копий, вычисления, курьерская связь и др. Как выразился один из респондентов, эти функции «свободно может выполнять школьница» [2, с. 26].

Гендерная проблематика в цитируемом обследовании специально не рассматривалась, но косвенно затрагивалась во многих аспектах. Например, авторы исследования замечали, что женщины в среднем на 3 года отставали от мужчин в темпах профессионального роста. Ленинградские социологи подчеркивали: «женщины, работающие в должности инженера, обнаруживая менее высокий уровень творчества и самостоятельности, отнюдь не уступают мужчинам во всех остальных показателях деловитости. Что же касается руководительниц групп, то они по всем данным превосходят представителей “сильного пола”. Очевидно, что на руководительниц групп выдвигаются наиболее способные, энергичные и деловые ...» [2, с. 81]. Причины столь неравного положения женщин по сравнению с коллегами-мужчинами объяснялись достаточно просто: семейно-бытовые обязанности, физиологические особенности, рождение детей и т. д. [2, с. 82]. Как выявили авторы исследования, женщины составляли большинство в группе специалистов, «не нашедших себя в жизни» и вошедших в категорию «инженеров поневоле» [2, с. 110].

Конечно, в данной публикации нельзя отразить всех аспектов социологического обследования почти полувековой давности. Тем более, что большинство этих данных приобрело исключительно историческое значение. Именно этим они и интересны в настоящее время, ибо позволяют по новому взглянуть на предыдущие поколения интеллигенции. Как отмечали сами ленинградские социологи: «на уровне ценностных ориентаций мы фактически имеем дело не столько с инженерами, сколько с советскими гражданами середины 70-х годов, мужчинами и женщинами, представителями интеллигенции, живущими в Ленинграде — крупном индустриальном и культурном центре СССР» [2, с. 117].

Библиографический список

1. Советская интеллигенция: словарь справочник / составитель В.С. Волков. М.: Политиздат, 1987.
2. Социально-психологический портрет инженера. М.: Мысль, 1977.

УДК 94 (57)

Е.В. Конев,

доцент, Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

АТЕИСТИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ХРИСТИАНЕ-БАПТИСТЫ В 1950-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЯ, КУЗБАССА И ХАКАСИИ)

Аннотация. В статье исследуется влияние атеистической кампании Советского государства на жизнедеятельность евангельских христиан-баптистов в 1950-е гг. Автор также затрагивает проблему отношений верующих внутри общин. Свидетельствуется, что в результате спланированной антирелигиозной работы Советского государства в евангельско-баптистских объединениях произошёл раскол.

Ключевые слова: антирелигиозная кампания, евангельские христиане-баптисты, научно-атеистическая пропаганда, партийные и советские органы, верующие, религиозные общины, «секта».

E.V. Konev,

Associate Professor, Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk)

THE ATHEISTIC CAMPAIGN OF THE SOVIET STATE AND EVANGELICAL BAPTIST CHRISTIANS IN THE 1950s (BASED ON MATERIALS FROM ALTAI, KUZBASS AND KHAKASSIA)

Abstract. The article examines the impact of the atheistic campaign of the Soviet state on the lives of Evangelical Baptist Christians in the 1950s. The author also touches upon the problem of relations between believers within communities. It is testified that as a result of the planned anti-religious work of the Soviet state, a split occurred in Evangelical Baptist associations.

Keywords: anti-religious campaign, Evangelical Christian Baptists, scientific and atheistic propaganda, party and Soviet organs, believers, religious communities, "sect".

С середины 1950-х гг. наблюдался очень интенсивный рост активности и численности религиозных объединений в Сибири. Протестантские организации, главным образом евангельские христиане-баптисты (ЕХБ), развернули миссионерскую работу среди неверующего населения. Основной причиной явилась начавшаяся десталинизация советского общества. Из мест заключения по амнистии возвратились

многие религиозные проповедники, немецкое население было освобождено от режима спецпоселения.

К этому времени в Кузбассе действовало 5 зарегистрированных объединений ЕХБ (Кемерово, Осинники, Ленинск-Кузнецкий, Сталинск, п. Байдаевка) [10, л. 3–4], столько же в Алтайском крае (Барнаул, с. Усть-Тальменка, с. Усть-Пристань, п. Озеро-Петровск Троицкого района, Славгород) [2, л. 12] и 1 – в столице Хакасии, Абакане [1, с. 60]. В трех указанных регионах Сибири находилось значительное количество незарегистрированных евангельско-баптистских общин. Как правило, зарегистрированные объединения ЕХБ в 1950-е гг. во многом пополнялись за счет верующих немцев. Так, в Байдаевской общине Сталинска летом 1954 г. приняло водное крещение 12 человек, и половина из них являлась немцами. А в сентябре следующего года уже крестилось 23, в их числе 18 немцев [13, л. 4–5, 11–12]. В Ленинске-Кузнецком в 1955 г. местная община евангелистов-баптистов пополнилась 31 новым членом и в их числе 7 немцев [11, л. 325].

Увеличение числа прихожан происходило и в незарегистрированных объединениях ЕХБ. Например, амнистированные верующие, а также бывшие спецпоселенцы становились лидерами и организаторами многих молитвенных собраний в городах и рабочих поселках Кузбасса, сельских районах Алтайского края и Хакасии, и чаще их деятельность являлась альтернативной «советскому образу жизни». В Прокопьевске в течение 1956–1958 гг. евангельско-баптистская община, насчитывавшая более 300 человек неоднократно обращалась в горисполком и уполномоченному Совета по делам религиозных культов (СДРК) Г.М. Яровому с просьбой о регистрации [12, л. 178]. В 15 населенных пунктах Знаменского района местными властями были учтены около 400 верующих, а в Кулундинском – около 200 [4, л. 98; 7, л. 2]. В селах Алтайского, Орджоникидзевского, Ширинского, Усть-Абаканского районов Хакасии молитвенные собрания проводили более 200 баптистов [19, л. 109–110].

В ответ на активизацию религиозной деятельности амнистированных и спецпоселенцев партийные и советские органы развернули широкую антирелигиозную кампанию среди населения. В 1954 г. вышло 2 постановления ЦК КПСС, непосредственно касавшихся научно-атеистической работы: «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (7 июля) и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (10 ноября) [16, с. 67–72]. Следует отметить, что ведущей формой пропаганды долгое время оставалась лекционная работа. Проводилась она специально подготовленными лекторами-атеистами в основном на предприятиях, учреждениях. Например, в Юрге только за 1 месяц было прочитано

15 лекций на машиностроительном заводе и стройтресте № 144 (Юргамострой), где в основном и работали баптисты и представители других протестантских объединений [9, л. 25]. Однако с проповедниками ЕХБ, которые прекрасно владели текстами Священного Писания, проводить беседы, дискуссии могли только опытные и наиболее компетентные пропагандисты. В сельских районах Алтайского края (Славгородский, Табунский, Благовещенский) ситуация еще усложнялась тем, что большинство верующих говорило на немецком диалекте, а специально подготовленных для этого лекторов-атеистов не было [7, л. 11].

В отчетах второй половины 1950-х гг. уполномоченные Совета по делам религиозных культов (СДРК) все больше акцентировали внимание на происходивших разногласиях и конфликтах внутри евангельско-баптистских общин. О случаях разлада верующих партсовработники, по материалам отчетов, помещали статьи на страницах краевой, областных, городских и районных газет. Также в средствах массовой информации по отношению к верующим использовался термин «секта». Кроме того, отделы пропаганды и агитации пытались привлечь некоторых бывших евангелистов-баптистов в атеистическую работу.

Например, в июне 1958 г. в городской газете Черногорска «Шахтер» Хакасской автономной области появилась статья «Как я вышла из секты баптистов», которая обличала лидеров местных ЕХБ. После неё партийными агитаторами было помещено ещё несколько публикаций. В. Галицкую, покинувшую ряды баптистов, местные власти для оказания помощи в антирелигиозной работе бесплатно направили в дом отдыха, и от неё редакция газеты получила письмо [18, л. 25–26]. А в Кемерове в клубе Химического завода неоднократно проводились антирелигиозные вечера «Почему мы порвали с религией». На одном из них вынужден был выступить бывший пресвитер ЕХБ С.А. Кирпиченков, заостряя внимание на внутриобщинных конфликтах между верующими. В областной газете «Кузбасс» была напечатана заметка «Почему они порвали с религией: антирелигиозный вечер в клубе» [14]. После этих материалов отделом пропаганды и агитации было помещено ещё несколько публикаций, связанных с противоречиями и конфликтами внутри общин. Несмотря на то, что научно-атеистическая пропаганда не имела для партийных и советских органов желаемого результата, тем не менее заметно усилила тенденцию к расколу в евангельско-баптистском движении.

Тем временем по причине начала атеистической кампании в зарегистрированных религиозных общинах существенно оживилась группа верующих, стремившихся выйти из-под подчинения ВСЕХБ и контроля законодательства о культах от 8 апреля 1929 г. И в основном «активи-

стами» являлись молодые евангелисты-баптисты и верующие немцы. Например, они добивались от местных властей разрешения проводить обряд водного крещения в открытых водоемах, а не в баптистериях. Споры и разногласия между отдельными верующими возникали постоянно. Так, в Осинниках уже в 1958 г. от зарегистрированной общины откололись немецкая группа, возглавляемая К.К. Крекером, и около 100 верующих из Калтана, руководителями и активными проповедниками которых являлись И.Я. Горобец, И.И. Старченков, С.И. Останин. А в самой многочисленной евангельско-баптистской организации Кузбасса, находившейся в Ленинске-Кузнецком, за выход из-под опеки ВСЕХБ выступали Куница и 18 его единомышленников [15, с. 514–515]. В том же году и в Абаканской общине ЕХБ выделилась группа из 30 верующих не согласных с советским законодательством о культах, возглавляемых ранее судимым по ст. 58 Уголовного кодекса (УК) РСФСР 1926 г. П.А. Евдокимовым [17, л. 25; 20, л. 3].

Во время развернувшейся антирелигиозной кампании местные органы власти под видом нарушения верующими санитарных и противопожарных норм в молитвенных помещениях, а также несоблюдения проповедниками законодательства о культах, запретили некоторым официально действовавшим общинам ЕХБ проводить богослужения. Например, в апреле 1958 г. был закрыт молитвенный дом в Славгороде. Штрафными санкциями подверглись барнаульская и усть-талийская общины [3, л. 39–40; 5, л. 57–58]. Однако СДРК инициативу Алтайского крайисполкома не поддержал [6, л. 47]. Евангельско-баптистская община Славгорода в течение долгого времени добивалась восстановления регистрации. Её члены неоднократно обращались с ходатайством в СДРК и даже в Президиум Верховного Совета (ВС). И только в октябре 1964 г. местный уполномоченный Л.Ф. Иванов направил в Славгородский горисполком заключение, в котором рекомендовалось пересмотреть вопрос об отказе в регистрации [5, л. 52, 54, 61, 63–66, 71, 73.75; 8, л. 5–7]. В Прокопьевске незарегистрированная община ЕХБ в 1956 г. приобрела молитвенный дом. Местные органы власти, согласно санкции прокурора, изъяли дом и после этого не раз разгоняли молитвенные собрания, находя нарушения в оформлении документов на регистрацию [12, л. 214–215, 225–226, 24–242].

В 1959 г. Всесоюзный Совет (ВС) ЕХБ, согласно директиве государственных органов власти, издал 2 документа: «Новое положение» и секретное «Инструктивное письмо», которые противоречили основным принципам баптистского вероисповедания. Первый документ упорядочивал проведения богослужений, и с ним были ознакомлены все пресвитеры зарегистрированных общин ЕХБ. «Инструктивное письмо»

было создано только для старших пресвитеров. И в нем, в частности, запрещалась миссионерская деятельность. Пресвитеры А.Ф. Прокофьев, Г.К. Крючков, Г.П. Винс, которых и без того не устраивало «Новое положение» ВСЕХБ, высказались по поводу «Инструктивного письма», назвав его содержание богоотступничеством. И спустя некоторое время, в начале 1960-х гг., произошел окончательный раскол в евангельско-баптистских объединениях. В регионах и городах Сибири верующие, которых не устраивали вновь принятые документы ВСЕХБ, вышли из зарегистрированных общин.

Между тем, следует отметить, что атеистическая кампания государства не прошла бесследно. Органам власти удалось в сознании советских граждан за верующими закрепить такие понятия как «сектант», «изувер», «неудачник». Ряд протестантских проповедников вынужден был отказаться от миссионерской работы, и лидеры объединений ЕХБ согласились на соблюдение советского законодательства о религиозных культах. Многие дети верующих активно вступали в пионеры и в комсомол, и в последующем они выбирали образование и продвижение по службе. И на протяжении еще долгого времени сопротивление властям оказывали только евангелисты-баптисты, стоявшие на позициях отколовшихся групп, в дальнейшем их стали называть сторонники Совета церковей ЕХБ.

Таким образом, оживление религиозной деятельности протестантских течений в 1950-е гг. привело как к созданию и увеличению общин, так и значительному пополнению верующих объединений ЕХБ из числа амнистированных и бывших спецпоселенцев. Партийные и советские органы власти в свою очередь усилили атеистическую и пропагандистскую работу. Многие положения и обряды евангелистов-баптистов являлись неприемлемыми для идеологии Советского государства. Несмотря на запреты, преследования, непонимания и пренебрежения со стороны большинства населения, проповедники ЕХБ поддерживали и распространяли свою веру, пополняли свои ряды, осуществляли богослужебную деятельность. Однако жесткий контроль со стороны государства и развернувшаяся антирелигиозная кампания привели в итоге к расколу евангельско-баптистских объединений.

Библиографический список

1. Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Манжиев Д.М. Протестантизм и народы Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 2006. 156 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 4.
3. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 12.
4. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 14.
5. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 46.

6. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 56.
7. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 58.
8. ГААК. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 61.
9. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-123. Оп. 14. Д. 38.
10. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 19.
12. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 41.
13. ГАКО в Новокузнецке. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 63.
14. *Зубань В.* Почему они порвали с религией: антирелигиозный вечер в клубе // Кузбасс. 1959. 3 декабря.
15. Из рукописного наследия нашего города. Григорий Митрофанович Яровой. Служебный дневник 1959–1963 // Кушникова М.М., Сергиенко В., Тогулев В. Страницы истории города Кемерово. Кн. 3. Кемерово, 1999. С. 497–615.
16. О религии и церкви: сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М.: Изд-во политической литературы, 1977. 143 с.
17. Центральный государственный архив республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2516.
18. ЦГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2517.
19. ЦГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2619.
20. ЦГАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2994.

УДК: 82-141:22.06

В.Л. Кукушкин,

доцент, Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина (Вологда)

И.А. Кукушкина,

преподаватель, Вологодский областной медицинский колледж (Вологда)

ХРИСТИАНСКИЕ СМЫСЛЫ И ОБРАЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М.В. ИСАКОВСКОГО «ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...»

Аннотация. В статье анализируется содержание стихотворения М.В. Исаковского «Враги сожгли родную хату...» в аспекте христианского определения смысла используемых поэтом художественных образов.

Ключевые слова: М.В. Исаковский, военная лирика, Великая Отечественная война, стихотворение «Враги сожгли родную хату...», христианские символы, Голгофа, евангельская чаша.

V.L. Kukushkin,

Associate professor, Vologda State Dairy Farming Academy
named by N.V. Vereshchagin

I.A. Kukushkina,

Teacher, Vologda Regional Medical College

**CHRISTIAN MEANINGS AND IMAGES
IN THE POEM BY M.V. ISAKOVSKY
«THE ENEMIES BURNED THE NATIVE HUT...»**

Abstract. The article analyzes the content of M.V. Isakovsky's poem «The enemies burned the native hut ...» in the aspect of the Christian definition of the meaning of the literary images used by the poet.

Keywords: M.V. Isakovsky, military lyrics, the Great Patriotic War, the poem «The enemies burned the native hut...», Christian symbols, Golgotha, The Gospel chalice.

В 2025 г. исполняется 80 лет Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Одновременно отмечается и юбилей многих произведений военной лирики, вышедших из-под пера советских поэтов в последний год войны. Одним из таких произведений является стихотворение «Враги сожгли родную хату...», написанное Михаилом Васильевичем Исаковским в 1945 году [6, с. 269–270]. Стихотворение характеризуется сложной судьбой, оно длительное время находилось под запретом к опубликованию и исполнению вплоть до периода «оттепели». Официальной причиной запрета стало обвинение поэта в пессимизме, в стремлении омрачить торжество государства личной трагедией [3, с. 163]. Другой причины установления ограничений советские цензоры, по-видимому, определить не могли, произведение имело вполне жизненный сюжет, прославляло советского человека, то есть было написано в соответствии со сложившейся традицией социалистического реализма. Тем не менее, за внешней реалистичностью сюжета в стихотворении скрыты более глубокие христианские символы. Не исключено, что это также послужило неофициальным мотивом для его запрещения в атеистическом государстве.

О наличии христианских образов в поэтике М.В. Исаковского утверждают авторы многих современных публикаций, посвященных исследованию творчества поэта. Так, Л.В. Гурленова полагает, что базовые христианские моральные ценности послужили источниками пафоса крестьянского «лада» в лирической поэзии М.В. Исаковского [4, с. 66]. М.О. Баруткина показывает использование им евангельского символа «чаши» [1, с. 216]. А.В. Петров освещает тему библеизмов и символа «богоизбранного народа» у М.В. Исаковского [7]. Связь с хри-

стианством женского имени Прасковья в стихотворении «Враги сожгли родную хату...» отмечает Т.В. Гончарова [3, с. 165]. В целом в современном литературоведении обнаруживается начало формирования нового похода к изучению творческого наследия М.В. Исаковского, связанного с отходом от тенденциозного восприятия поэта в качестве последовательного приверженца атеистических идей и осмыслением связи его стихов с христианскими культурными ценностями.

Христианское мировоззрение М.В. Исаковского сформировалось в детские и юношеские годы. В своем автобиографическом произведении «На Ельнинской земле» Михаил Васильевич в двух эпизодах (истории с утерянном огарком церковной свечи и с молоком, выпитым в Великий пост) показывает огромное впечатление, которое на него произвела родительская вера в Бога. Будущий поэт в 12 лет начал осваивать профессию псаломщика, читая «Псалтырь» над умершими односельчанами. В школе и в гимназии он изучал «Закон Божий», поэтому очевидно был хорошо знаком с основами православной веры и библейскими текстами. Первые лирические опыты, в особенности стихотворение «Просьба солдата», во многом основаны на христианских ценностях любви и смирения [5]. Становление в стране советского строя внесло значительные изменения в творчество М.В. Исаковского, о теме божественного нельзя было писать свободно и поэт применяет технику «обхода» идеологических установок путем возведения смысла к общечеловеческому [4, с. 67], использует скрытые метафоры и неоднозначные символы.

В 1944 г. Михаил Васильевич побывал на пепелище сожженного гитлеровцами родного дома [5], пережив потрясение, подобное испытанию библейского Иова от злодеяний сатаны [2, с. 512–535], что, по-видимому, послужило сюжетной основой для написания произведения «Враги сожгли родную хату...». Примечателен образ врага в военной лирике М.В. Исаковского, который иногда ассоциируется с библейскими описаниями «врага рода человеческого» («змея» и «нелюдь» в стихотворении «Калина», «зверь» в посвящении «Советскому воину» [6, с. 213, 249]), поэтому герой произведения-солдат пострадал не просто от людей-немцев. Глубокий сакральный евангельский смысл имеет вопрос: «Куда ж теперь идти солдату?» Подобный вопрос: «Господи, куда Ты идешь?» – впервые задал Христу на тайной вечере апостол Петр [Ин. 13: 36]. В дальнейшем, по преданию, тот же вопрос: «Quo vadis, Domine?» (в древнеславянском переводе: «Камо грядеши?») – задал встреченному на дороге Иисусу Христу апостол Павел, когда уходил из Рима, спасаясь от гонений на христиан во времена императора Нерона.

Второй вопрос в первом четверостишии: «Кому нести печаль свою?» – является по своей сущности намеком на призыв Христа в 11 главе Евангелия от Матфея: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я успокою вас» [Мф. 11: 28]. Что важно, призыв услышан. Солдат приходит в широкое поле, на перекресток двух дорог, где находится также и могила. Сочетание этих трех образов (поле, перекресток и могила) у автора, на наш взгляд, не является случайным, потому что в совокупности дает возможность ассоциировать их с главным христианским символом – Голгофой. В добавок к этому, автор также неспроста, как отмечает Т.В. Гончарова, выбирает имя Прасковья для жены солдата [3, с. 165]. Имя святой Параскевы в переводе с греческого означает «Пятница», а пятница – это день распятия и мученической смерти на кресте Иисуса Христа, что определяется как еще один намек присутствия описания Голгофы в произведении.

В нашем представлении разговор солдата с умершей женой является диалогом с Живым Богом. В христианской традиции образ Бога всегда строго отождествляется с мужским началом, тем не менее, в некоторых местах Библии допускается сравнение Бога с женскими образами [10, с. 209]. Возможно, М.В. Исаковский в целях скрыть от советской цензуры подлинный смысл произведения тоже прибегает к аналогичному приему скрытой метафоры. Символы «пира» («Готовь для гостя угощение, накрой в избе широкий стол...») и «брака» («Встречай, Прасковья, героя-мужа своего...»), являются типичными библейскими образами союза (завета) человека и избранного народа с Богом [8]. Господь не отвечает на обращение к нему явно («Никто солдату не ответил, никто его не повстречал...»), однако дает определенные знаки. Так, ветер, который в Библии символизирует собой проявление божественной воли [8], ласкает солдата своим теплом и качает траву на могиле, что правильно воспринимается человеком как утешительный ответ («Вздыхнул солдат, ремень поправил...»).

Ощущение вселенского одиночества человека в личном горе прорывается в отчаянном крике солдата: «...Но не сойтись вовеки нам...», по смыслу близкого к последнему возгласу распятого Христа: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты меня оставил?» [Мф. 27: 46]. Образ же медной кружки, испитой затем солдатом, следует связать с символической евангельской чашей искупительных страданий, об отведении которой молился Отцу Иисус в Гефсиманском саду [Мф. 26: 39–44]. В определенном смысле трагедия солдата, описанная в стихотворении М.В. Исаковского, это история блудного сына из иисусовой притчи, содержащейся в 15 главе Евангелия от Луки [Лк. 15: 11–32]. Ведь не случайно в конце произведения солдат говорит: «Я шел к тебе четыре

года, я три державы покорил...», то есть, пережив войну, испытав страшные лишения, он принял решение вернуться к своему Отцу. Высказывание солдата обрело бы свое истинное значение при написании местоимения «тебе» с заглавной буквы.

В последнем четверостишии обращает на себя внимание символ света («...А на груди его светилась медаль за город Будапешт»). Свет в Библии имеет божественную природу, отождествляется с Богом, божественной истиной и сопричастностью человека к божественному [9, с. 154–156]. «Вы – свет мира... Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» [Мф. 5: 14–16]. По смыслу светящаяся медаль на груди героя как частица света соотносится с идеей причастности человека к Богу и мессианского предназначения его носителя в судьбе человечества. Медалью «За взятие Будапешта» награждали воинов за участие в тяжелых кровопролитных боях за столицу Венгрии, сопровождавшихся массовым героизмом и самопожертвованием советских солдат и офицеров. Божественный свет в сущности тоже является наградой от Бога за высшее проявление любви «за други своя» [Ин. 15: 13]. Это весьма оптимистичный образ, олицетворяющий собой надежды поэта на спасение и возрождение русского народа и вместе с ним всего человечества к новой жизни.

Таким образом, произведение М.В. Исаковского «Враги сожгли родную хату...» отличается богатством использования автором христианских смыслов и образов, что объясняется сформированным в детские и юношеские годы религиозным мировоззрением поэта. В образе главного героя-солдата прослеживается многострадальная судьба русского народа, ищущего пути спасения и возрождения. При этом сам народ уподобляется Христу, а будущее России мыслится с надеждами на возрождение в православной вере. Об этом свидетельствует вся последовательность композиции христианских ценностей и символов в тексте произведения.

Библиографический список

1. Баруткина М.О. Мотив «моление о чаше» в лирике 1930–1940-х годов: к постановке вопроса // LITTEA TERRA: материалы VII Международной конференции молодых ученых. Екатеринбург. 2018. С. 214–218.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества. 1993.
3. Гончарова Т.В. «Вино с печалью пополам...» (Лингвостилистический анализ стихотворения М. Исаковского «Враги сожгли родную хату...») // «Хотят ли русские войны?»: материалы XVI Международного форума «Задонские

Свято-Тихоновские образовательные чтения». Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета (ЛГПУ). 2021. С. 163–166.

4. *Гурленова Л.В.* Песенная лирика М. Исаковского как предмет междисциплинарного исследования XX–XXI вв. // Человек. Культура. Образование. 2018. № 3 (29). С. 59–69.

5. *Исаковский М.В.* На Ельнинской земле: Автобиографические страницы. URL: <https://www.rulit.me/books/na-elninskoj-zemle-avtobiograficheskie-stranicy-read-715046-1.html> (дата обращения: 09.01.2025).

6. *Исаковский М.В.* Стихотворения / сост. А. Исаковская. М.: Современник. 1988.

7. *Петров А.В.* Поэтика цикла новогодних стихов М.В. Исаковского (сравнительно-типологический аспект) // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 4. С. 306–330.

8. Словарь библейских образов: справочник / под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Треппера Лонгмана III. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/> (дата обращения: 09.01.2025).

9. *Федотова Е.Я.* Свет и цвет в библейском богословии // Визуальная теология. 2023. Т. 5, № 2. С. 151–163.

10. *Шаров К.С.* Гендерно-нейтральное описание Бога и категорий божественности с позиций феминистского лингвистического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 204–216.

УДК 39

С.С. Михайлов,

научный сотрудник музея истории и культуры староверия (Москва – Боровск)

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ СВЯЩЕННИК ФОМА КАЗАКОВ И БАПТИСТСКИЕ ОБЩЕСТВА ВОСТОЧНОГО ПОДМОСКОВЬЯ В XX СТОЛЕТИИ

Аннотация. В статье автор касается вопроса участия старообрядцев в становлении евангельского движения в России в начале XX века. Рассматривается прецедент перехода в 1907 году в деревне Ёлкино, Коломенского уезда Московской губернии, в баптизм старообрядческого священника Фомы Казакова с частью своей паствы. Благодаря ему возникло как минимум два локальных баптистских общества, а духовное наследие проявляло себя на востоке Подмосковья практически все XX столетие.

Ключевые слова: баптисты, старообрядцы, протестантизм, Ёлкино, Егорьевск, Восточное Подмосковье, церковь, община.

S.S. Mikhailov,

Researcher at the Museum of History and Culture of the Old Believers
(Moscow – Borovsk)

OLD BELIEVER PRIST THOMAS KAZAKOV AND BAPTIST SOCIETIES OF THE EASTERN MOSCOW REGION IN THE 20th CENTURY

Abstract. In article, the author touches on the topic of the participation of Old Believers on the formation of the Baptists movement in Russia. As an example, the case of the transition in the early 20th century of the Old Believer priest Thomas Kazakov, which occurred the Moscow province, with part of his parishioners, in considered. His spiritual activity contributed to the formation of several Baptist communities in the east of the modern Moscow region.

Keywords: Baptists, Old Believers, Protestantism, Elkino, Yegoryevsk, East Moscow region, church, community.

Старообрядчество, в силу сложившегося подхода к этому сложному явлению в нашей стране, мало кто из исследователей рассматривает как одно из звеньев предыстории евангельского движения в России. Тем не менее, помимо молокан, хлыстов и других традиционных русских сектантов, адепты древлеправославия также нередко принимали участие в становлении региональных обществ русских протестантов. Например, беспоповское согласие «Бабушкина вера» к первой половине XX в. практически полностью ушло в баптизм и пятидесятничество. Хотя большей частью этот процесс касался радикальных ветвей беспоповщины, имели место и случаи перехода в евангельские направления и старообрядцев-поповцев. Об одном из таких случаев, который произошел в первом десятилетии XX в. на границе Коломенского и Егорьевского уездов Московской и Рязанской губерний, мы и хотели бы рассказать.

В 1907 г. в старообрядческой деревне Ёлкино, населенной приверженцами белокрыницкого согласия, находившейся на северо-востоке Коломенского уезда Московской губернии (сейчас – Воскресенский район), открыто перешел в баптизм священник местной моленной Фома Павлович Казаков, уведя и часть своих прихожан. Краткие упоминания об этом событии автор этих строк встретил в ходе поиска материалов по подмосковному старообрядчеству преимущественно в миссионерской антистарообрядческой периодике [2, с. 160; 3, с. 1784]. Собственно же белокрыницкие издания, которые появились после 1906 г., сей факт старательно замалчивали. Исключением стало скупое упоминание в журнале «Старообрядческая мысль», в материале, посвященном истории Ёлкинской общины: «...о. Фома, который впоследствии был запрещен

и лишен сана старообрядческим собором. После лишения сана он уклонился в сектанство, где и умер...» [6, с. 944]. Как мы увидим ниже, на деле ситуация складывалась совершенно иным образом и лишен сана священник был как раз за переход в баптизм, а не перешел в него позднее. К сведению, в указанных источниках нам не сообщают фамилию героя повествования, сообщая только «Фома Павлов», где последнее является традиционным написанием отчества человека.

В 1911 г. прежний священник Фома умирает, в прохановском журнале «Христианин» публикуется его достаточно большой некролог, написанный Ф. Саниным. Отсюда мы узнаем и родовую фамилию фигуранта – Казаков, – а также важные подробности его биографии. Этот источник принадлежит перу брата по вере Фомы Павловича, посему ему можно верить куда более, чем фактически выпадам миссионерских и белокрыницких недоброжелателей. Казаков родился в 1847 г., в дер. Молоково, на западной окраине знаменитого старообрядческого региона Гуслицы. В юности его отправили на работу на фабрику в соседнюю Гжель (10 верст от Молоково), где было много единомышленников, производивших посуду. Там он, традиционно для многих хорошо знавших службу работников-гусляков (жители Гуслиц) получил рекомендацию от хозяина и в 31 год (1878 г.) его ставят во диакона. Через год московский старообрядческий архиепископ Антоний рукополагает Фому в священника. Его направляют на приход в Новочеркасск, где он прослужил 7–8 лет, после чего переводят в соседний Ростов-на-Дону. Здесь и происходят события, повлиявшие на дальнейший духовный путь Фомы Казакова. В 1886 г. он, в составе небольшой группы старообрядцев, посещает баптистское служение. Далее он весьма часто посещает протестантские молитвенные собрания, как мы понимаем по санинскому материалу, постепенно становясь тайным баптистом. Для старообрядцев он остается своим, продолжает служить на приходе. Далее его переводят в Егорьевск, Рязанской губернии, фактически на границу с родной Московской. Видимо, здесь, в крупном промышленном городе, где было много пришлого люда, оторванного от своей традиционной среды, он потихоньку начинает проповедь. Из Егорьевска о. Фому на какое-то время направляют в Молдавию, в город Килия, но оттуда вскоре возвращают под Москву, в селение Ёлкино, Коломенского уезда, в 15 км. от его прежнего прихода. Здесь он служит относительно долгое время, однако, в 1907 г. его истинную принадлежность по вере раскрывают, и Казаков открыто разрывает со старообрядчеством, объявляя себя баптистом [5, с. 41–43].

Автору этих строк удалось зафиксировать, благодаря священнику нынешней Ёлкинской старообрядческой церкви, Димитрию Боярскому,

некоторые остатки исторической памяти о деятельности Казакова. Из немногочисленных старожилов помнили, что странное с точки зрения старообрядцев пение жители селения слышали давно. Дом Казакова находился в самой богатой части Ёлкино, сам был достаточно приметным и небедным. Когда баптистская принадлежность священника и группы его последователей стала открытой, именно в нем была устроена молельня. По сведениям Санина, на 1911 г. число членов ёлкинской общины было 10–12 чел. Касательно этого автора, под своим материалом он был подписан как ёлкинец, однако, его статью, видимо, сильно переработали в редакции журнала, сильно исказив незнакомую им егорьевскую топонимику – Егорьевск, к примеру, стал «Ново-Егорьевском» и т. п. [5, с. 44]. Здесь мы подозреваем «объединение» данного города с соседним селом Ново-Егорье. Как мы понимаем по указанной статье, а также отрывкам исторической памяти старожилов, Казаков активно проповедовал не только в их деревне. Он постоянно бывал в Егорьевске и окрестностях. Возможно, а на это предположение нас наталкивает много более поздних моментов, часть из которых покажем ниже, на стыке нескольких уездов было основано несколько групп, часть из коих, прежде всего Ёлкинскую и Егорьевскую, можно считать церквями.

В фонде Исполкома Моссовета, в той его небольшой части, которая попала в московский городской архив (нынешний ЦГА Москвы), в общей подшивке документов, касающихся религиозных общин за середину 1920-х гг. нам попался список членов баптистской церкви в Егорьевске. К сожалению, точного года создания этого источника не указано. Там среди 34 членов церкви (сюда не вошли несовершеннолетние, «приближенные» и т. п. не принявшие водного крещения) мы видим целых пять жителей д. Ёлкино. Весьма важно, но трое из них, а именно супруги Лиховы и В.И. Коблова, по датам «присоединения к данному исповеданию» были старейшими в общине: в 1908 г. стали баптистами первые и в 1909 г. последняя. Они были обращены еще самим Фомой Павловичем. Остальные фигуранты списка за исключением двух крещенных в 1914 и 1917 гг., приняли баптистское исповедание в первой половине 1920-х. Среди 34 человек только пятеро являлись мещанами, остальные, включая и бывших к тому моменту жителями Егорьевска, значились крестьянами. Помимо упомянутых ёлкинцев, в документе есть и пара жителей гуслицкой деревни Внуковская, а также несколько обитателей населенных пунктов Семеновская, Колычёво и Василёво, располагающихся к востоку от города, как раз вблизи Ново-Егорье [7, л. 42 об.–43]. Здесь мы сразу же вспоминаем топоним «Ново-Егорьевск» из некролога. Но, все местные крестьяне-баптисты стали членами церкви только в 1920-х. Наверняка, прежде в упомянутых селениях и не

только в них жили еще адепты, которые или к тому моменту ушли из жизни, или переехали в другие места. По любому, здесь мы видим наследие проповеди Ф. Казакова, которая началась еще в бытность его старообрядческим священником в Егорьевске.

Нам известно, что егорьевские баптисты, причем в достаточно большом числе, сохранялись и в послевоенные десятилетия, держась уже общины в соседнем райцентре Воскресенск. В общине, зарегистрированной в 1966 году, последние из них умерли в 1990-х, у «отделенных» какие-то егорьевцы есть до сих пор, но часть из них поздние переселенцы в город из других регионов.

Здесь нам хотелось бы коснуться еще одного момента. В списках членов баптистской (ВСЕХБ) церкви города Коломна за 1970-е гг., нам встретилась и М.С. Давыдова, 1913 н. п., член церкви с 1953 г., которая проживала в деревне Тимшино, Егорьевского района [7, л. 54]. Прежде это было селение с преимущественно старообрядческим населением, где численно доминировали белокринишники с небольшим вкраплением беглопоповцев-лужжан. Примерно до 1940-х через Тимшино проходила дорога на Коломну, которая связывала два уездных центра. К сожалению, мы сейчас уже нигде не сможем почерпнуть информацию о том, была ли фигурантка из старообрядческой семьи, откуда она восприняла баптистское учение и были ли евангельские верующие здесь ранее. В документах это не отражено, а те, кто мог что-то прояснить, давно ушли из жизни. Непонятно, почему стала членом Коломенской церкви, тогда как послевоенные егорьевские баптисты держались церкви в Воскресенске. Крайняя скудность информации о деятельности в Егорьевском крае Фомы Казаковане позволяет нам понимать даже приблизительную географию его деятельности. Он теоретически вполне мог бывать с проповедью и в Тимшино, стараясь просветить своих прежних собратьев по вере. Женщина вполне может быть последней представительницей группы верующих, появившейся в ходе такой миссионерской работы, хотя, как мы помним, в списке середины 1920-х гг. никого из Тимшино нет.

Уже почти под самой Коломной, ныне уже в ее административном подчинении, находится с. Маливо, прежняя окраина Егорьевского уезда. Там уже в 1923 г. упоминается достаточно активная группа баптистов, дочерняя от Коломенской церкви [1, с. 76]. В 1976 г. в списке коломенской общины фигурирует маливская жительница П.А. Рахманова, 1895 г. р., член церкви с 1923 г., т. е. крещенная еще в тот период [7, л. 54]. К сведению, Маливский приход, вместе с соседним Макшеевским, являл собой один из старообрядческих «углов» Егорьевского уезда. Контакты с другими единоверными местностями здесь были крепкие

и ими мог пользоваться Ф. Казаков. Возможно, тимшинские баптисты, если помимо таковые прежде были, являлись плодом проповеди со стороны Коломны и Маливо, откуда легко было попасть в селение по ныне исчезнувшему тракту. Наша героиня держалась именно Коломенской общины именно по этой причине. К сожалению, весьма бурная и интереснейшая история местного баптизма 1910–1920-х так и останется для нас «белым пятном», поскольку все документы тогдашних общин утрачены, а внешние источники почти ничего не фиксировали.

Здесь, говоря о Тимшино и Маливо, нам хотелось бы отметить еще один важный момент. Обе единственные женщины – члена церкви – упоминаются в списке в той его части, где перечислены преимущественно жители самой Коломны. Те же, кто проживал в Щурово (коломенский район, ставший частью города только в 1960 г.), Озёрах и Озёрском районе, поселках Лесной и Пески, Луховицах, в документе, равно как и в аналогичном списке 1972 года (луховицкие баптисты присоединились к коломенской общине только в 1974 г.) выделены отдельно [7, л. 53–57]. Не исключено, что здесь мы имеем дело с памятью о старых поместных церквях (в Озёрах таковая в 1920-х была точно), остатки коих при регистрации Коломенской церкви вошли в нее как в единственную в этой части области. В таком случае, и маливская, и тимшинская общины ранее были частью именно коломенского сообщества. Но, мы опять упираемся в то, что про деятельность Фомы Павлова Казакова как баптистского проповедника мы знаем крайне мало. Историю Коломенской общины мы знаем только с 1910-х гг., с момента поселения в городе одного из семейств, кто, а также обращенные им, оставались в городе в 1922 г., при советской регистрации общества. До этого в таком крупном промышленном центре однозначно жили какие-то евангельские верующие. Не исключено, что здесь также отметился Ф. Казаков, но его наследие потом по какой-то причине было «забыто», хотя в Коломне и прилегающих местностях оставались обращенные им.

Мы надеемся, что в ходе дальнейших изысканий будут выявлены какие-то новые источники, которые значительно расширят наши знания о Фоме Казакове и его деятельности как русского протестантского проповедника, прежде всего среди подмосковного старообрядческого населения.

Библиографический список

1. *Никольская Т.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009.
2. Отчет о деятельности противораскольничьей миссии за 1910 год (продолжение) // Братское слово. М., 1912. № 10. С. 159–162.

3. Переход австрийского попа в штундизм // Миссионерское обозрение. СПб., 1909. № 11. С. 1784.
4. *Проходцов И.* Состояние раскола и сектантства в Рязанской губернии // Календарь Рязанской губернии на 1905 год. Рязань, 1905. С. 368–393.
5. *Санин Ф.* Фома Павлович Казаков (последнее слово) // Христианин. СПб., 1911. № 8. С. 41–45.
6. *Хромов И.* Из истории старообрядческих общин. Ёлкино, Коломенского уезда // Старообрядческая мысль. М., 1911. № 11. С. 944–946.
7. Центральный Государственный Архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-1215. Оп. 3. Д. 123.
8. Центральный Государственный Архив Московской Области (ЦГАМО). Ф. 2484. Оп. 1. Д. 624.

УДК 94(47)

А.П. Павленко,

доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург)

ОДЕССА ВО ВРЕМЯ ПРИХОДА ИНТЕРВЕНТОВ В 1918 г.: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ОБСТАНОВКА В ГОРОДЕ

Аннотация. В докладе на основе информации опубликованных и архивных источников со стороны немецких интервентов описывается обстановка в городе Одесса в конце марта – начале апреля 1918 г.

Ключевые слова: Одесса, Гражданская война, иностранная интервенция, украинизация.

A.P. Pavlenko,

Associate professor, Russian State Vocational Pedagogical University

ODESSA DURING THE ARRIVAL OF THE INTERVENTORS IN 1918: PUBLIC SENTIMENTS AND THE SITUATION IN THE CITY

Abstract. The report, based on data from published and archival sources from the German interventionists, describes the situation in the city of Odessa in late March – early April 1918.

Keywords: Odessa, Civil War, foreign intervention, Ukrainization.

13 марта 1918 г. австро-венгерские интервенты без боя заняли город Одесса, ликвидировав Одесскую советскую республику. Вслед за

австро-венграми в город пришли их союзники немцы. Изучению обстановки в городе, описанной немецкими офицерами, будет посвящена наша работа. В основу ее положены четыре немецкоязычных делопроизводственных источника – доклады должностных лиц вышестоящему командованию.

Два источника – это архивные документы, отложившиеся в фондах военно-исторического отделения Федерального архива Германии. В ходе архивной революции часть фондов этого отделения была оцифрована и выложена на специальном ресурсе архива, став доступной для исследователей. Нами были выявлены и переведены на русский язык два источника. В докладе от 27 марта 1918 г. кратко, но емко описывается положение в Одессе и настроения в обществе относительно войск интервентов [2, fol. 7 recto, verso]. Доклад, копия которого датирована 2 апреля 1918 г., посвящен, главным образом, судам торгового флота, однако там есть информация о взятии Одессы, настроениях жителей и экономическом положении в городе [2, fol. 12–14].

В 2004 г. в Германии был издан сборник дневниковых записей, писем и делопроизводственных документов, автором которых был Альберт Гопман (1865–1942). В 1918 г. в чине вице-адмирала он руководил комиссией по заключению перемирия на Черном море, с апреля 1918 г. переименованной в НАТЕКО (навигационно-техническая комиссия). Эта организация была создана, в том числе, для вывоза захваченных ресурсов из причерноморского региона бывшей Российской империи [1, с. 461–462]. Сам вице-адмирал прибыл в Одессу 17 марта, т. е. являлся очевидцем описываемых в докладах событий. В этом сборнике опубликованы два документа, представляющих интерес для нашего исследования. Доклады, адресованные высшему военному руководству, датированные 24 марта [3, S. 1091–1093] и 31 марта [3, S. 1094–1097], подробно описывают ситуацию в захваченной Одессе.

Доклад от 2 апреля рисует драматическую картину положения в Одессе перед приходом интервентов: «В течение 14 дней, предшествовавших захвату Одессы германскими и австро-венгерскими войсками, город подвергался непрекращающемуся террору со стороны экипажей [советских] военных кораблей, стоявших у Одессы. Матросы требовали 10, а затем 20 миллионов выкупа, угрожая резней капиталистов и разрушением города. Понемногу, поддавшись шантажу, им заплатили 3 миллиона, по другим данным – 5 миллионов. Однако не удалось предотвратить того, что по мере приближения оккупационных войск матросы грабили городские кварталы, в которых жили зажиточные люди. Наконец, они хотели организовать Варфоломеевскую ночь, но им помешали это сделать войска союзников» [2, fol. 12]. Стоит отметить,

что в данном источнике такая информация играет роль своего рода морального оправдания для интервентов, выступивших спасителями населения от «банд большевиков». С другой стороны, описанные в документе факты: наложение контрибуции, угроза расправ, грабеж зажиточных горожан, недисциплинированность красногвардейских и матросских отрядов действительно имели место быть, причем не только в Одессе, но и в других городах Причерноморья. Стоит также сказать, что в том же Севастополе органы Советской власти пытались бороться с подобными крайними настроениями и действиями, но большого успеха не добились. А. Гопман дополняет эту информацию очень важным пояснением: «До вторжения наших союзных войск города находились во власти террора самых крайних анархистских элементов. Однако оно было направлено почти исключительно против богатых и поэтому почти не ощущалось массами. Напротив, они видели в нем могучую силу, способную победить ненавистную буржуазию и капиталистов» [3, S. 1094]. Описанные действия матросов против богатых горожан в Одессе были проявлением серьезного социального конфликта внутри российского общества, ставшего одной из причин начала Гражданской войны.

Общее количество жителей Одессы (с учетом беженцев) в марте 1918 г., по оценке А. Гопмана, составляло 800 тыс. чел. [3, S. 1092]. Эта масса людей состояла из представителей разных социальных групп, придерживавшихся различных взглядов на происходящие события. О настроениях среднего класса в Одессе говорят архивные немецкие документы. Доклад 27 марта: «Средний класс сразу согласился с оккупацией Одессы ввиду уменьшения опасности со стороны большевиков. ... Финансовые круги рады оккупации Одессы и надеются на скорое установление деловых связей» [2, fol. 7 verso]. В докладе от 2 апреля автор уделит внимание действиям матросов, направленных против зажиточных горожан. После всех притеснений, с точки зрения докладчика, настроения буржуазных слоев были следующими: «Наши армейские подразделения встретили как спасителей города, [жители] которого рассчитывали на то, что оккупация продлится как можно дольше, чтобы можно было восстановить мир и порядок» [2, fol. 12]. Другой, более критичной оценки ситуации придерживался А. Гопман: «Общее настроение масс определенно неблагоприятно по отношению к нам, даже богатые круги видят в нас полицейских, восстановивших порядок, но в остальном относятся к нам несимпатично» [3, S. 1095].

Взгляды рабочей части городского населения были иными. Доклад 27 марта: «Рабочие против занятия Одессы союзниками. Они считают, что из-за оккупации они потеряют завоевания революции. Поэтому их настроения однозначно против оккупационных войск» [2,

fol. 7 verso]. Вице-адмирал А. Гопман в своем докладе от 24 марта также приводит информацию о том, что рабочий класс Одессы отнесся к интервентам и их действиям весьма недоброжелательно [3, S. 1091]. Интервенты всерьез рассчитывали на то, что против них в Одессе может быть поднято вооруженное восстание. О планах рабочих и большевиков в городе ходили «дикие слухи». На руках у рабочего класса было оружие, слухи серьезно преувеличивали его количество. В итоге восстание так и не произошло, но в первые недели оккупации города такая перспектива вызывало обеспокоенность немцев [2, fol. 5 verso, 7 recto, verso; 3, S. 1092, 1096]. Отметим тот факт, что в источниках указывалось на ненадежность чехословацких солдат в составе австро-венгерской армии. Немецкие офицеры, на основании слухов и мнения одесситов, подозревали чехов и словаков в том, что они находятся под влиянием большевистской агитации [2, fol. 7; 3, S. 1095].

Еще одной категорией населения Одессы, важной из-за слухов о возможном мятеже, были бывшие солдаты развалившейся российской армии. В докладе 27 марта указывалось: «Приблизительное количество оставшихся солдат и офицеров сказать пока невозможно. Но они играют незначительную роль, т. к. в массе своей это дезертиры, а также безоружные и неорганизованные. Предполагается, что они сохраняют нейтралитет в случае восстания. Офицеры против восстания, так как оно не принесет им никакой выгоды. Многие предпочли бы стать дворянами, чем жить под тиранией большевиков» [2, fol. 7 recto, verso]. У А. Гопмана есть приблизительные оценки численности военнослужащих в Одессе. Процитируем его доклад от 24 марта: «Никто не может сказать, как поведут себя тысячи российских солдат. Среди них около 2–3 тыс. слабо организованных украинских войск, в которых нет полной уверенности, затем около 1000 поляков, остальные около 20–30 тыс. чел. – русские, и, вероятно, большей частью большевики. Численность офицеров составляет около 4–5 тыс. чел. Они тайно предложили нам свои услуги в обмен на плату. Я не знаю, согласились ли на это австро-венгры; говорят, что Коморный¹ не доверяет им [офицерам], так как подозревает, что среди них много монархистов» [3, S. 1092].

Острым для одесситов оказался вопрос об украинизации. На включение города в свой состав претендовала Украинская народная республика – государственное образование, провозгласившее свою независимость в начале Гражданской войны. В январе 1918 г. в Одессе

¹ Коморный Семен Семенович – деятель украинского движения, в марте–мае 1918 г. генерал-губернатор Одессы (при УНР и Украинской державе). Согласно докладу от 27 марта воспринимался населением города как ставленник Центральных держав [2, fol. 7 verso].

уже были бои между сторонниками Советской власти и силами националистов (главным образом из числа украинизированных армейских частей). Победу в январском противостоянии одержали большевики. Союзниками УНР были Центральные державы, войска которых и взяли Одессу. Источники немецкой стороны рисуют однозначную картину неприятия большинством одесситов украинских властей, языка и перспектив вхождения в состав Украины.

А. Гопман в докладе от 24 марта сообщал, что максимум 20 % населения выступает за присоединение Одессы к Украине. Малороссийский язык в городе почти неизвестен. Смешанное население (великороссы, евреи, греки, армяне, мусульмане) выступало за свободную Одесскую республику (особенно энергично за эту идею агитировали евреи) [3, S. 1091]. В следующем докладе вице-адмирал подробнее расписывает обстановку, связанную с украинизацией. Говоря о поддержке киевских властей в Одессе, он сообщал, что Украинская Центральная рада не нашла здесь ни влияния, ни последователей [3, S. 1095]. Описывая политическую расстановку сил, он отмечал, что городские власти делятся на два крыла: левые и правые. Но обе стороны выступают против украинизации Одесского района. Ее перспективы А. Гопман прямо оценил как «безуспешные». Он отмечал, что такие нормативные акты, как насильственное введение украинского в качестве государственного и школьного языка, а также другие подобные шаги, вполне способны помешать формированию украинского государства. Вице-адмирал давал такую оценку: Украины, как страны, на самом деле еще нет. «Все этнические, языковые и экономические связи отсутствуют. Невозможно перевернуть несколькими росчерками пера то, что создано многовековым влиянием великорусского языка и культуры. Украинский язык здесь вообще называют крестьянским языком, который даже в исконно украинских губерниях народ уже не понимает². То же самое относится и к Одесскому округу и в еще большей степени к восточным губерниям, таким как Херсон, Таврия, Крым и Кавказ. В лучшем случае можно говорить о федеральном союзе с полным уважением внутривластной и экономической свободы ... Население по-прежнему думает, чувствует и говорит на великорусском языке. Торговля и промышленность стремятся воссоединиться с Петербургом и Москвой. Идея политического воссоединения с Россией имеет глубокие корни» [3, S. 1096].

Архивные документы более лаконичны. Доклад от 27 марта четко сообщал: «Украина весьма несимпатична большинству населения, отча-

² Здесь докладчик несколько преувеличивает и искажает картину действительности. Описанная им картина знания малороссийского языка касается, прежде всего, городского населения, а не масс сельских жителей.

сти из-за боязни немедленной украинизации, отчасти из-за того, что Украина рассматривается как марионетка Центральных держав. Здесь ненавидят даже [украинский] язык» [2, fol. 7 verso]. Доклад от 2 апреля: «Обе основные части населения города, великороссы и евреи, не хотят украинской власти. Они недостаточно хорошо понимают их язык, а из прокламаций, написанных на двух языках – немецком и украинском – предпочитают читать немецкую половину» [2, fol. 12]. Объяснить подобную информацию о знании языка можно тем, что, скорее всего, здесь речь идет о еврейском населении, говорившем тогда на идише. Для них понять немецкий текст было явно проще, чем украинский. Чего не скажешь о великороссах, которым малороссийский язык был всё-таки ближе (тогда он рассматривался как диалект русского). Хотя хорошее знание немецкого языка среди образованной части русского общества позволяло им читать прокламации именно на немецком. Дальше автор документа крайне нелицеприятно для УНР пишет о настроениях среди одесситов: «Господство необразованного гайдамака (прозвище украинцев)³ в душе им ненавистно. Они предпочли бы жить под контролем союзников», т. е. Германии и Австро-Венгрии [2, fol. 12].

Экономическое положение Одессы было сложным. Город испытывал дефицит топлива (угля и нефтепродуктов). Были высокие цены на хлеб, мелкие скобяные изделия, фармацевтические товары, красители для местного суконного производства. Но из-за дороговизны были высоки и зарплаты рабочих: около 20 руб. за 7-часовой рабочий день (8 часов с перерывом на 1 час) [2, fol. 7, 13].

Немцы рассчитывали использовать занятые территории юга России для вывоза в Германию товаров, прежде всего, продовольствия. Сложное экономическое положение в этом регионе, в том числе в Одессе, серьезно мешало этим планам. Доклад от 2 апреля сообщал: «Хлебные злаки недоступны для экспорта, местные цены по-прежнему высоки, но с каждым днем колеблются и имеют тенденцию к снижению. Есть надежда на поставки и приемлемые цены примерно через 8 недель. В первую очередь был разрешен вывоз льняного и рапсового семени, жмыха, шерсти...» [2, fol. 14].

Вице-адмирал А. Гопман, комиссия которого так раз отвечала за вывоз ресурсов, писал: «Экспорт какой-либо продукции или сырья из Одессы в настоящее время вряд ли возможен. Предполагается, что в глубинке можно найти гораздо больше, но крестьянин очень подозрителен и сдержан. Он заработал за войну столько денег, что теперь ему

³ Именно так в источнике: *ungebildeten heidanak* (spitzname für die ukrainen). Слово «гайдамак» в немецком тексте транслитерировано неправильно.

ничего не нужно, и он предпочитает зерно рублевым купюрам, на которые он теперь не может ничего нормально купить. ... Раздел земли уже произошел во многих местах и полностью парализовал экономику крупных землевладельцев. Единственные, кто по-прежнему хорошо обрабатывал свои поля, – это немецкие колонисты» [3, S. 1093]. Говоря о перспективах интервентов получить из захваченных земель продовольствие, он предлагал: «Чем дальше наши войска будут продвигаться вглубь России, тем ожесточеннее будет сопротивление. Поэтому желательно на первых порах не ставить перед собой чрезмерных целей, а лишь занять территории, которые нам крайне необходимы для вывоза продовольствия, но затем действовать в них с достаточной силой и безжалостностью» [3, S. 1097].

Рассмотренные источники являются документами, предназначенными для информирования вышестоящего командования об обстановке в Одессе. В некоторых оценках докладчики субъективны и несколько искажают картину, но в целом они старались передать важную информацию о реальном положении дел в захваченном городе. Данные этих источников имеют значительный исторический интерес, а некоторые сведения, например, о настроениях горожан по украинскому вопросу, обладают актуальной общественной значимостью.

Библиографический список

1. *Лорей Г.* Операции германо-турецких сил в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Е. Шведе. СПб.: Полигон, 2004.
2. Bundesarchiv: Abteilung Militararchiv. RM 40/277.
3. *Hopman Albert.* Das ereignisreiche Leben eines «Wilhelminers». Tagebücher, Briefe, Aufzeichnungen 1901 bis 1920 / herausgegeben von M. Epkenhans. München: R. Oldenbourg Verlag, 2004.

Н.Н. Павлюченков,

доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

ВОЙНА И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА (ПО ЗАПИСЯМ СВЯЩ. П. ФЛОРЕНСКОГО)

Аннотация. В статье приводятся некоторые записи, сделанные свящ. П. Флоренским накануне и во время его поездки в санитарном поезде в начале 1915 года. Эти записи рассматриваются как свидетельство очевидца о духовно-нравственном состоянии российских солдат во время первой мировой войны.

Ключевые слова: санитарный поезд, война, исповедь, солдаты, народ.

N.N. Pavliuchenkov,

Associate professor, Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University

WAR AND THE SPIRITUAL AND MORAL TRANSFORMATION OF MAN (ACCORDING TO THE WRITINGS OF PR. P. FLORENSKY)

Abstract. The article contains some notes made by Pr. P. Florensky on the eve and during his trip on an ambulance train in early 1915. These records are considered as an eyewitness account of the spiritual and moral state of Russian soldiers during the First World War.

Keywords: ambulance train, war, confession, soldiers, people.

В современной литературе можно встретить различные оценки духовно-нравственного состояния интеллигенции и простого народа в России накануне революционных событий 1917 года. Образованная часть российского общества, как правило, представляется достаточно далекой от религии или ведущей духовные поиски вне ориентации на Православную Церковь. А относительно тех, кого принято именовать «простым народом», бытует стереотип наличия чисто внешнего или «обрядового» проявления религиозности, за которым не обнаруживается никакой сознательной духовной жизни. Эти обстоятельства, как кажется, дают возможность по человеческой логике объяснить успех происшедшего общественно-политического переворота и саму возможность гонения на Церковь, от которой в течение многих столетий до того не отделяло себя православное население великой страны. Достаточно много фактов говорит в пользу такой точки зрения и в данном случае нет необходимости ее оспаривать и заниматься поисками фактов другого рода, говорящих об обратном. Жизнь всегда многогранна и во

всех своих проявлениях не укладывается в жесткие рамки какой-либо одной, строго определенной исторической оценки.

В данном случае хотелось бы обратить внимание на одно известное, но в наши дни неожиданно ставшее особо актуальным свидетельство. Его можно назвать свидетельством очевидца, наблюдавшего процесс преобразования людей под влиянием грозных внешних обстоятельств, связанных с войной. И это свидетельство тем более важно, что оно исходит от священника, принимавшего исповедь у солдат, раненых на полях сражений первой мировой войны. Этот священник не только встречался с ранеными в тылу, но однажды выезжал на фронт в санитарном поезде. И, что, наверное, еще более важно, – этот священник отнюдь не склонен был к идеализации русского народа и написал до войны и после революции достаточно много строк, обличающих его духовную беспечность, горделивую уверенность в своем призвании «богоносца» и т. п. [3, с. 634–635]. Речь идет о священнике Павле Флоренском, которому всегда были чужды проблемы политики, общественного устройства, какое-либо религиозно-философское оправдание идей войны, мира, национализма и патриотизма. Он всегда мыслил «вселенскими» масштабами и разрабатывал глобальные метафизические концепции.

С сентября 1912 года свящ. П. Флоренский начал служить настоятелем и единственным священником в храме св. Марии Магдалины, устроенном при Убежище для сестер милосердия в Сергиевом Посаде. Это «Убежище» для престарелых и нетрудоспособных сестер основала великая княгиня Елизавета Федоровна, одновременно позаботившись о том, чтобы там оказывалась посильная медицинская помощь местному населению. Когда началась первая мировая война, в это «Убежище» стали помещать раненых на фронте солдат, за которыми ухаживали уже не только престарелые сестры, но и жительницы Сергиева Посада, окончившие открытые при «Убежище» курсы по уходу за больными и ранеными. Свящ. П. Флоренский исповедовал этих солдат и однажды поделился своими чувствами и впечатлениями в письме В.В. Розанову. Он сравнивал исповедь живущих в относительном комфорте городских жителей, с которой ему до сих пор доводилось встречаться, и откровение совести этих людей, как правило, призванных на войну из «просто-народья», пострадавших и испытывающих болезни от ранений разной степени тяжести.

«Более высокого и чистого состояния, – писал Флоренский, – на исповеди, чем со своими солдатами, я никогда не испытывал... Душа открыта, раскаяние легкое, от глубины души, чистосердечное. Себя извинять не стараются... да и не в чем. Если у кого и были грехи, то это –

сделанные ранее, в мирной жизни. В походе же, кажется, только у двух оказался грех и вон какой: один стащил где-то арбуз, а другой, несколько дней не ев, попросил в каком-то селении хлеба, и ему сказали, что хлеба нет, хотя тут же на столе лежал целый, – и тогда солдат отрезал себе часть. Вот, кажется, и все грехи...» [1, с. 114].

Флоренский с удивлением обращает внимание на то, что солдаты обижались, когда слышали его вопросы о возможных притеснениях гражданского населения в условиях военных действий. Он передает: «Спрашивал я всех, когда исповедовал, не обижали ли они мирных жителей. И ответ всегда в одном роде... «что вы, батюшка, ведь мы – по православному», «нет, этим не занимались, мы все – по вере», «нет, мы – православные» и т. д.» [1, с. 114–115]. «Ни у кого, – продолжает о. Павел, – во все время военной жизни (а некоторые ведь не с войной только, а ранее попали на службу) никаких признаков распутства, ни в какой форме... Все твердо и просто верят... Замечательные лица. От духовного ли подъема или от болезней и трудов, но все облагородилось, и даже кожа стала совсем не такой, как у простонародья. Удивляешься их благообразному виду, после столького пребывания на воздухе, в грязи, в мокроте и спанья на земле. Они сейчас благообразнее, чем были ранее, и одухотвореннее. Лица чистые, часто невинные, с ясными взорами и внутренней решительностью. Такого наше христоролюбивое воинство» [1, с. 115].

Обладая весьма тонкой душевной организацией, о. Павел, вероятно, не только осознал, но и глубоко прочувствовал глубокий духовный смысл происходящего. В одной из его записей, датированной 31 декабря 1914 года, можно прочесть, какие ощущения наполняли его в ту новогоднюю ночь. «Солдаты поют, – пишет он. – Горит елка. Но мне грустно и хочется плакать. Удивительно: чем веселее и шумнее кругом меня, тем мне грустнее и тем кажутся более грустными внутренне все окружающие. Чем разгульнее все кругом, тем отрешеннее душа от всего земного. Человеку не свойственно веселие – он и грустит при веселии, не свойственен разгул – он и делается от вида разгула более далеким всему. Вслушайся в веселую песнь, и на дне ее услышишь глубокую скорбь. Вслушайся в погребальные напевы – и найдешь на дне их радость... Кабачкиные песни – в основе своей бесконечно тоскливые, щемящие сердце. Порою они напоминают сдавленные рыдания. Не без причины же русские, лишь только выпьют, так легко переходят к слезам» [1, с. 114].

По всей видимости, именно такого рода чувства вдохновили о. Павла принять решение послужить в походной церкви санитарного поезда, совершавшего поездки на фронт для сбора и оправки в тыл

раненых солдат. Первая и единственная такая поездка состоялась у Флоренского в период с 26 января по конец февраля 1915 г. Уже 26 января Флоренский писал в письме своим студентам из Московской духовной академии: «Дорогие друзья! Под пение нашего санитарного отряда, под свистки паровозов, среди окликов и перекликов воинов, рассаживающихся по поездам, пытаюсь, довольно неудачно, читать Ваши семестры (курсовые сочинения. – *Н. П.*), но более думаю о Вас, чем о Ваших работах. Тут, у нас, не происходит ничего особенного, но в воздухе разлито тончайшее веяние Смерти, и какая-то торжественная жертвенность чувствуется в бегающих с чайниками или смело перебегающих их поезда в поезд солдатах... Нельзя сказать и о воодушевлении, о приподнятости их речей. Но за всем этим видится общая, неличная одухотворенность и нравственная сила, – видится за ними то, что я не умею назвать иначе, как Ангелом народа русского. Эти мелкие и слабые впечатления учат... принимать жизнь в ее глубине, в ее корнях» [1, с. 116].

Очень разные беседы с ранеными солдатами записаны о. Павлом. Был такой случай, о котором о. Павел с горестью заключал (об одном своем собеседнике): «Все мысли его в пределах земного, весь он пропитан запахом трехкопеечных брошюр о свободах и т. п.» [1, с. 116]. А в беседе с другим раненым о. Павел узнает, как массово гибли русские солдаты под огнем немецких пулеметов. Рассказчик не верит в победу, но, «несмотря на отчаяние, он все твердит: “видно такова наша участь”, т. е. сражаться и погибнуть. Но ни слова он не сказал о прекращении войны, о ее ненужности, даже о мире...» [1, с. 117]. И это, как можно видеть из всей записи о. Павла, – отнюдь не проявление какой-то наивности или нескритичности мышления рассказчика. Это – именно проявление христианской жертвенности, за которой стоит обретение самого главного духовного дара – христианской любви.

Не следует думать, что война и связанные с ней тяжелые обстоятельства однозначно и позитивно повлияли на всех. В ночь с 29 на 21 февраля 1915 г. на дежурстве, выполняя обязанности обычного санитаря, о. Павел пишет: «В каждой теплушке свой запах. В каждой и свое настроение. В одной все глядят приветливо, в другой – отчужденно; в одной почтительны, в другой показывают себя независимыми. В одной жаждут поговорить, а в другой отмалчиваются... Замечательно, что и температура в теплушках в каждой своя, свой воздух, свои нравы. Есть теплушки религиозные, есть индифферентные и, как мне чувствуется, затаенно враждебные к Церкви. Есть теплушки простодушные, есть "сознательные". В одних теплушках чувствуется фабричный дух, в других же, в большинстве, – крестьянский» [1, с. 117]. Но, вместе с тем, есть и такая запись: «Идешь рано утром по теплушкам... В углях

стоят человеки и истово крестятся. Лица их и глаза полны непоколебимой веры и искренности. Нет в этих душах лукавства и двойственности... Эти лица после сна, в утреннем освещении снега так убелены и просветлены, что сам омываешься внутри, бросив на них беглый взгляд походя. Душа умиляется при виде них» [1, с. 117].

Днем 21 февраля Флоренский записывает: «Миром веет от теплушек. Кто рассказывает сказки, кто читает Евангелие, кто греется у огня и тихо беседует с соседями. Удивительна внутренняя твердость и закаленность солдат, даже молодых... Рассказывают о смерти и гибели с лицами бесстрастными, скорее твердыми, без малейшего нервного напряжения. Это не холодность, но мужество... Никто не разыгрывает бесстрашных, и на вопрос о том, страшно ли было, большинство отвечает, что сначала-де страшно – "как же не страшно!", и смеется» [1, с. 118].

Флоренский планировал продолжить такие поездки, но не получил на это благословение своего духовника, еп. Антония (Флоренсова). Мотивация еп. Антония была очень простой: на такие поездки есть специально подготовленное для этого духовенство и каждый должен заниматься своим делом. Но о. Павел, как можно видеть из его записей, уже из одной, первой и последней совершенной им такой поездки, обрел очень ценный опыт созерцания возможности реального преображения человека в условиях войны. И это – именно возможность, поскольку, конечно, далеко не все преображаются. Но многие из тех, кого видел Флоренский и в стационарном лазарете, и в санитарном поезде, и бегущими (как он пишет) вокруг поездов перед отправкой на фронт, преображались не только внутренне, но и внешне.

Через полтора гола после этой поездки и ровно за 11 месяцев до октябрьского переворота в России, 25 ноября 1916 г. о. Павел служил панихиду по убитым воинам и в своем обращении к народу, в частности, сказал: «Мы говорим, что войны, бедствия, страдания происходят по грехам, но чьим грехам?! Ведь нельзя же сказать, что те, убитые, более грешные, чем мы, оставшиеся в живых или имеющие быть убитыми впоследствии. Но накопились грехи, загрязнили мы все ризы нашей Родины – и потребовалось омыть их, очистить ее и себя. А очищение греховных скверн совершается кровью и через кровь. И вот пролилась кровь, убеляющая грехи. Помолимся же, чтобы не понапрасну пролилась она, не всеу напиталась ею другая наша Мать-Земля, в которую все мы рано или поздно сойдем, чтобы эта кровь послужила залогом нашего обновления и утверждением наших братских уз навеки. Аминь» [2, с. 182–183].

Представляется, что это и есть тот духовный взгляд на войну, который сформирован не из чтения книг, а при непосредственном соприкосновении с вызванными войной человеческими страданиями и человеческим мужеством. И, при наличии доброй воли и стремления понять

христианский духовный опыт, этот пример может помочь преодолеть и те разделения, которые возникают и сейчас, в нашем современном обществе.

Библиографический список

1. Андроник (Трубачев), игумен. Таинство священства в жизни о. Павла Флоренского // Ныне и присно. Русский журнал для чтения. 2006. № 3–4.
2. Гомелитическое наследие священника Павла Флоренского // Ныне и присно. Русский журнал для чтения. 2006. № 3–4.
3. Флоренский П. свящ. Записка о православии // Флоренский П., свящ. Христианство и культура. М.: Фолио, 2001.

УДК 930.2

В.П. Пушкив,

старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова)

НИЖЕГОРОДЦЫ-ПЕРВОКУРСНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917 г.

Аннотация. В 1917 г. Нижегородская губерния заняла 10-е место по числу первокурсников (41) Московского университета, были представлены 3 уезда из 11. В основном это были гимназисты и семинаристы. Впервые 4 девушки стали студентками. По социальному составу в основном это были выходцы из семей духовенства, мещан и крестьян.

Ключевые слова: 1917, Московский университет, Нижегородская губерния, первокурсники.

V.P. Pushkov,

Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University
(Lomonosov Moscow State University)

NIZHNY NOVGOROD FIRST-YEAR STUDENTS MOSCOW UNIVERSITY IN 1917

Abstract. In 1917 Nizhny Novgorod province stood on the 10th place by the quantity of sophomores of Moscow university (41). 3 districts out from 11 were represented. Mainly gradutors of gymnasia and the seminary entered the university. For the first time 4 girls became students. Principally the social structure of students included clergy, petty bourgeoisie, and peasantry.

Keywords: 1917 Moscow University; Nizhny Novgorod region; university freshmen.

О дальнейшем процессе демократизации высшей школы в результате Февральской революции 1917 г. убедительно свидетельствует подготовленный университетской канцелярией объемный «Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академическом году» [1], основная информация которого в форме электронной таблицы вошла в базу данных «Первокурсники Московского университета 1917 г.» [2].

По этой БД в 1917/18 учебном году в Московский университет было принято 2389 первокурсников, хотя по опубликованному 6 июля 1817 г. решению университетского Ученого совета планировалось зачислить в полтора раза меньше – 1450 человек [3]. Впервые на равных правах с мужчинами было принято 154 женщины (6,4 %). В сложное военно-революционное время Московский университет не только продолжал оставаться ведущим центром отечественной высшей школы, но даже усилил свои позиции в деле научной мобилизации талантливой молодежи. В этот год в его стены пришли молодые люди и девушки из 212 населенных пунктов 80 губерний и областей страны [2, с. 303, 304], тогда как за предыдущее сорокалетие 1877–1916 гг. таких мест исхода университетских воспитанников было 202 [4, с. 224–226], что свидетельствует о серьезном приращении национального интеллектуального пространства. Максимально широкая география университетских новобранцев позволяет достаточно полно выявить источники формирования умственного капитала на переломе исторических эпох, с тем чтобы обеспечить возможность их сравнения с советским временем. И одним из ведущих центров формирования национального интеллекта, естественно, всегда была Москва, уроженцы которой продолжали лидировать и в 1917 г., составляя не более одной трети от всего нового набора – 828 человек.

41 нижегородский уроженец занимал весьма высокое 10-е место среди всех университетских первокурсников 1917 г. – выходцев из провинциальных губерний [2, с. 303]. Древняя Нижегородская земля в этот год была представлена в Московском университете своим центром и двумя уездными городами из 11 – Арзамасом и Городцом, причем абсолютное большинство университетских новобранцев (23 человека) получили гимназическое образование.

33 первокурсника из самого Нижнего Новгорода оказались воспитанниками пяти государственных и частных учебных заведений, основная доля которых (14 человек) вышли из главной губернской 1-й гимназии, пять студентов дала 2-я гимназия и по одной первокурснице подготовили Мариинская и частная Сусанинская женские гимназии (всего 21 человек). Губернская Духовная семинария дала университету 11 новобранцев (как правило, они становились медиками) и лишь

один человек оказался воспитанником Нижегородского кадетского корпуса имени А.А. Аракчеева. Уезды были представлены только двумя средними учебными заведениями, подготовившими по три абитуриента – Городецкая гимназия и Арзамасское реальное училище.

О высокой академической подготовке нижегородских гимназистов свидетельствуют полученные ими четыре медали (по две золотых и серебряных, т. е. каждый шестой гимназист стал медалистом, но все они были выучениками 1-й гимназии). Из четырех нижегородских гимназистов три были из Мариинской и одна из Сусанинской гимназии (все поступили на юридический факультет). Это, например, «дочь врача» Евгения Бедрина 1898 года рождения и одна из трех еврейских девушек «дочь купца» Бейля Трепель 1896 года рождения. Естественно, подавляющее большинство нижегородских первокурсников были православными (32 человека, в том числе один «единоверец»). Из остальных 9 первокурсников 7 человек, в том числе три девушки, были иудейского и два римско-католического вероисповедания.

Из 38 первокурсников, назвавших свое сословие, 13 человек (34 %) оказались выходцами из духовенства. Другие сословные группы были представлены гораздо слабее. Это по 5 первокурсников из дворян и чиновников, мещан (4 сына и 1 дочь), купечества (3 сына потомственных почетных граждан и по 1 сыну и дочери купцов), медицинских работников (по 1 сыну и дочери врачей, два сына провизора и 1 сын дантиста), Из 4 представителей крестьянства 3 были «сыновьями крестьян», а выпускник 1-й гимназии Петр Лобенский назвался просто «крестьянином», то есть он был главой семьи и вел самостоятельное хозяйство. И один первокурсник, видимо, затрудняясь в определении своего сословного статуса, назвался «сыном горнозаводского мастера».

Научные приоритеты нижегородских первокурсников явно склонялись в сторону физико-математического факультета, поскольку абсолютное их большинство – 23 из 41 избрало именно этот факультет, причём с огромным предпочтением его естественного отделения над математическим – 19 человек против 4, тогда как на все остальные факультеты – историко-филологический, юридический и медицинский пришло всего лишь по 6 нижегородца. Заметим, что за все предреволюционное 40-летие с 1877 по 1916 г. картина была диаметрально противоположной: максимальная доля нижегородских выпускников были юристами – 289 человек из 775, или 37,3 % (в эти годы Нижегородская земля по числу университетских выпускников среди всех провинциальных губерний занимала очень высокое 4-е место).

На фоне всех 2389 университетских новобранцев 1917 г. относительно физико-математического факультета нижегородские первокурсники примерно соответствовали общему уровню (56,3 % против

53,0 %), но заметно превышали его по юрфаку (14,6 % против 9,7 %), однако существенно уступали по медицинскому факультету (14,6% – 22,8 %) и немного по историко-филологическому: 14,6 % – 17,5 %). Приведенный ранжир научных интересов нового революционного университетского поколения коренным образом отличается от соответствующей картины за довоенное время, когда, наоборот, наиболее привлекательным был именно юридический факультет. Огромное падение интереса к юриспруденции, видимо, объяснялось малым авторитетом права и законов на переломном этапе истории, тогда как естественнонаучные специальности были остро востребованы военной промышленностью и наукой

Подавляющее большинство нижегородских первокурсников были молодыми людьми в возрасте 17–20 лет: по 11 человек 1898 и 1899 годов рождения, 10 – 1897, 5 – 1896 и 3 – 1895-го. Самым возрастным оказался поступивший на историко-филологический факультет бывший семинарист сын священника 41-летний Перфирий Иванович Виноградов 1876 года рождения, а зачисленный на математическое отделение физико-математического факультета 17-летний сын потомственного почетного гражданина воспитанник Арзамасского реального училища Александр Сперанский стал самым молодым студентом.

Среди 38 нижегородских фамилий три встретились дважды: Богоявленский, Воскресенский и Гинзбург (в последнем случае студент и студентка). Кроме первых двух названных обращает на себя внимание большое количество и других церковно-семинарских фамилий и не только среди бывших семинаристов (Архангельский, Виноградов, Иорданский, Лебединский, Лепорский, Малиновский, Митропольский, Модератов, Розанов, Сперанский, Троицкий, Фиванский), что убедительно говорит о большом вкладе духовного сословия в формирование отечественной умственной элиты. Среди же 21 личного имени первокурсников чаще одного раза встретились всего 9 имен: Александр и Николай (по 5 человек), Василий, Владимир, Иван, Михаил – по 3 и Валентин, Константин, Петр – по 2 раза, которые имели 28 первокурсников (68 %), а каждый четвертый носил царские имена, так что их родителей можно заподозрить в некой имперской ментальности, потому что среди 21 имени (отчеств) отцов нижегородских первокурсников, лидировали именно 6 Иванов, за которыми шли по 4 Михаила и Николая, а уже за ними по 3 Александра и Сергея.

Конечно далеко не всем нижегородским первокурсникам удалось завершить свое университетское образование – их ждали великие исторические потрясения, но многие внесли достойный вклад в науку, образование, культуру, общественно-политическую жизнь страны. Более полные данные о нижегородских первокурсниках Московского

университета можно получить по адресу электронной почты pushkov@wwwcom.ru.

Библиографический список

1. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14л. Д. 13312.
2. Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Списки первокурсников Московского университета 1917–1918 академического года как массовый источник // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. М., 2009. С. 302–311.
3. Русское слово. 1917. 6 июля.
4. Пушков В.П., Пушков Л.В., Завьялов С.М. Профессионально-географический состав выпускников Московского университета. 1877–1916 гг. // История Московского университета: 1755–2004: материалы V научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева). М., 2004. С. 222–234.

УДК 94 (47)

А.В. Сипейкин,

доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (Москва)

РАСЕКРЕЧЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОГПУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУСУЛЬМАНСКОГО СЪЕЗДА 1923 г.

Аннотация. Данная статья посвящена рассекреченным источникам по истории мусульманской общины в СССР в 1920-е гг. Протоколы Мусульманского съезда 1923 г. и секретные документы ОГПУ позволяют осветить важные аспекты взаимоотношений между Советской властью и мусульманами.

Ключевые слова: Мусульманский съезд 1923 года, советская антирелигиозная политика.

A.V. Sipeykin,

Associate professor, Moscow University of Industry and Finance “Synergy”

DECLASSIFIED DOCUMENTS OF OGPU ABOUT THE MUSLIM CONGRESS IN 1923

Abstract. This article is devoted to the declassified sources on the history of Muslim community in the USSR of 1920s. Protocols of the Muslim Congress of 1923 and classified documents of OGPU reveal some important circumstances of interrelations between Soviet Power and Muslims in Soviet Society.

Keywords: Muslim Congress of 1923 year, Soviet antireligious policy.

При изучении истории Съезда мусульман 1923 г. исследователи опираются на материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории [2, с. 283–286]. С учётом той огромной роли, которую играли в организации деятельности съездов религиозных организаций советские органы безопасности, анализ этой документации следует дополнить исследованием рассекреченных документов ОГПУ. Хранящийся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России «Материал о Всероссийском съезде мусульманского духовенства и мутаваллиев, происходившем в городе Уфе с 10 по 20 июня 1923 г.» представляет из себя перевод с татарского протоколов заседаний этого съезда с приложением принятых на форуме резолюций. Кроме того, включающее этот материал дело содержит чрезвычайно интересную переписку между подразделениями ОГПУ, касающимися работы с мусульманским духовенством. Основная масса этих источников рассекречена и доступна для исследователей [6]. Эти материалы дополняют уже введенные в научный оборот Д.Ю. Араповым и Г.Г. Косачем материалы Всероссийского съезда мусульманского духовенства 1926 г. и отдельные документы, связанные с работой съезда 1923 г., – принятые на нём резолюции и Устав Центрального Духовного Управления мусульман [1].

Наряду с материалами самого съезда, большой интерес представляет переписка между сотрудниками ОГПУ, касающаяся его организации. Она свидетельствует о том, что органы безопасности сыграли значительную роль в его организации [6, л. 119]. Среди методов, которые были использованы для того, чтобы манипулировать руководителями мусульманской общины, был сбор компрометирующих материалов [6, л. 196]. Все детали работы с агентами, завербованными ОГПУ среди религиозных лидеров, на данный момент выяснить невозможно, поскольку часть документов изученного дела пока остаются не рассекреченными.

Подготовка к съезду началась за несколько месяцев до его начала [3, л. 25–27]. Однако задача определения нужного власти состава делегатов съезда не была решена полностью. В докладной записке о съезде мусульманского духовенства утверждалось, что «мусульманское духовенство инсценирует «напор масс». В другой докладной записке признавалось, что «напор масс» не просто имитируется, но что мусульманское духовенство «сумело вовлечь в орбиту своего влияния некоторые слои коренного крестьянства». В документах отмечается проделанная ОГПУ на местах работа. Однако признаётся, что прибывшие самовольно на съезд из Башкирии и Татарии представители «низшего духовенства» контролируют поведение делегатов съезда. В результате последние оказались

в трудном положении. Они должны одновременно сохранить свой авторитет и дать отпор тем, кого представители советской власти считали «имитаторами» требований мусульманских масс [3, л. 13–14, 25, 26].

О деталях участия органов безопасности в выборах делегатов на Съезд мусульманского духовенства рассказывает циркулярное письмо Восточного отдела ГПУ от 24 мая 1923 г. В нём указывается, что в соответствии с распоряжением Центрального духовного управления от каждого районного мухтасибата можно было выбрать до трёх представителей [4, л. 45]. В циркулярном письме отмечается, что Восточный отдел «в своих циркулярах и отдельными указаниями, многократно подчеркивал всю важность всесторонней разработки мусульманского духовенства и давал конкретные распоряжения, причем, прежде всего, указывалось на необходимость расширения и углубления секретного осведомления в среде духовенства» [4, л. 46]. Авторы документа отмечают, что «предстоящий в июне съезд духовенства особенно привлекает наше внимание, потому что мусульманское духовенство не думает ограничиться на нем обсуждением только религиозных вопросов». Восточный отдел ГПУ ссылаясь на «точные данные, что виднейшие деятели мусульманского духовенства выдвигают в первую голову политические цели, которые в совокупности составляют обновленный панисламизм» [4, л. 47].

Тревогу у сотрудников органов безопасности вызывало то, что мусульманское духовенство успешно «укрепляло своё положение в массах» и «укреплялось материально». Поэтому местным органам ГПУ предписывалось «усилить его разработку, обратив главное внимание на расширение и углубление внутреннего осведомления в самой среде духовенства». По оценке сотрудников Восточного отдела ГПУ, «вербовка осведомителей из числа мусульманского духовенства (мулл и т. п.) не является чересчур трудным делом и при достаточной энергии работников ГПУ и правильном использовании заранее собранного компрометирующего и обвинительного материала дает нужные результаты». Как отмечалось в циркулярном письме, «органы ГПУ должны твердо помнить, что в этой области нашей работы без достаточно сильного осведомительного аппарата, без большого числа специальных осведомителей из среды духовенства нельзя будет произвести никакой серьезной работы, тем более широкой плановой кампании». Как считали авторы документа, «одна из таких кампаний вполне назрела». Это была «кампания раскола мусульманского духовенства, аналогичная (но не подобная) кампании по расколу православной церкви». Авторы циркулярного письма с удовлетворением отмечали, что «даже без нашего вмешательства» в среде мусульманского духовенства уже произошло разделение по национальному принципу. Возможность ещё более

глубокого раскола по этой линии сотрудники органов безопасности должны были «использовать, чтобы в максимальной степени подорвать вредную деятельность духовенства». Раскол должен был «идти также по линии догматического расхождения» [4, л. 48–49].

Для решения поставленных задач следовало «ввести в духовные органы и различные группировки духовенства своих осведомителей (там, где их еще нет), чтобы быть в курсе всех их деятельности и намерений». Кроме того, предписывалось «приложить возможные усилия к посылке на Уфимский съезд духовенства своих осведомителей», сообщив об их выезде на съезд Восточный отдел ГПУ и Башкирский Политотделу в Уфе. На местах следовало «осторожно начать» строго засекреченную «кампанию по расколу», которая должна была осуществляться «по заранее выработанному совместному с Обкомом плану». Не следовало при этом допускать «никаких видимых мер воздействия, особенно тщательно конспирируя участие органов ГПУ». О принятых мерах и их результатах сотрудники органов должны были еженедельно сообщать. Ответственность за реализацию этой политики несли персонально начальники отделов и полномочные представители ГПУ [4, л. 49–51].

В разосланной 5 июня 1923 г. в местные отделы ГПУ телеграмме начальник Восточного отдела ОГПУ Я.Х. Петерс предписывал «срочно собрать и выслать ... компрометирующий выезжающих в Уфу делегатов материал» Всероссийского съезда мусульманского духовенства [5, л. 2]. Эта информация, по замыслу сотрудников органов безопасности, должна была повлиять на поведение представителей верующих на съезде.

Очевидно, что не без влияния органов безопасности двумя основными темами для обсуждения на съезде с самого начала были заявлены вопрос о духовном главе всех мусульман и отношение к советской власти. С самого начала съезда «Центрального Духовного Управления мусульман внутренней России и Сибири, Кавказа и Крыма» в своём выступлении на открытии мероприятия 10 июня 1923 г. муфтий Центрального Духовного Управления Ризаэтдин Фахретдинов начал выступать с призывами продемонстрировать власти благодарность за разрешение собраться и обсудить насущные для верующих вопросы. По мнению муфтия, съезд был обязан «показать Правительству, что религия Ислама не была поддержкой монархии, а наоборот, она была всегда гонима последней, тогда Советское Правительство примет это во внимание, даст разрешение на вероучение». То есть с самого начала предполагалось обсуждение третьего, не менее важного для мусульман вопроса – о преподавании Ислама [6, л. 68]. Фраза Кашафутдина Тарджиманова «надежды наши на советское правительство очень

большие» [6, л. 70], по всей вероятности, также подразумевала в первую очередь именно положительное решение вопроса о религиозном образовании для детей мусульман. Официально провозгласить религиозное просвещение в качестве одного из основных вопросов для обсуждения не дали бы сотрудники ОГПУ, контролировавшие всё, что происходит на съезде. Однако анализ протоколов выступлений показывает, что в действительности именно эта тема по-настоящему интересовала верующих. Все заявления о лояльности к новой власти являлись в первую очередь способом решить этот насущный для мусульман вопрос.

Лица, выступавшие на следующих заседаниях («маджалисах») съезда, следуя призыву муфтия, также не забывали заявлять о своей лояльности советской власти [6, л. 69]. Славословия касались не только представителей верховной и центральной советской власти. Были выбраны два представителя съезда «для приветствия местной власти, чтобы показать, что съезд относится к ней сочувственно» [6, л. 69, 77–78, 81 об.].

В протоколах отражены вопросы, задаваемые делегатами авторам отчёта. Они касались финансовой стороны деятельности Центрального Духовного Управления, процедуры назначения мулл и мухтасибов. Вопросы рядовых делегатов съезда имеют особое значение, поскольку позволяют выявить реальные настроения верующих. В протоколах Съезда обращает на себя внимание то, что доминирующий нарратив о благополучном существовании мусульманской общины при советской власти не мешал многим выступающим указывать на те серьёзные материальные проблемы, с которыми сталкивалась Умма. Например, одним из выступающих, Жарби, было отмечено, что «с нас требуют очень много налогов». Но особенно делегатов интересовали проблемы религиозного образования для мусульман. Представителями верующих на местах выражалось недоумение по поводу сокращения времени преподавания в мектебе и чётко обозначалось настойчивое желание «чтобы преподавалось вероучение нашим молодым детям» [6, л. 69–70]. Именно в этом вопросе особенно сильным было различие между должным (нарратив о благодетельной советской власти) и сущим (лишение возможности преподавать вероучение детям, которое они осуществляли даже при «проклятом царском режиме»). Именно при обсуждении вопроса о религиозном образовании для несовершеннолетних мусульман делегаты оказывались наиболее требовательными и категоричными на грани «контрреволюционности» [6, л. 71 об.–72]. Вопрос о религиозном образовании был настолько важен для верующих, что поднимался почти на всех заседаниях Съезда. Специально вопросу о религиозном образовании был посвящён «маджалис» 18 июня [6, л. 73].

Испытанием для единства мусульман Советского Союза стал вопрос о судьбе «Мусхав-Гусмани» (Османи) – древней рукописи Корана, написанной пророком Османом. Вопрос о ней обсуждался на четвертом заседании Съезда 14 июня 1923 г. С 1917 г. священная книга хранилась при Центральном Духовном Управлении в Уфе. Мусульмане Туркестана просили вернуть священную рукопись, и делегаты высказались за удовлетворение этого желания братьев по вере [6, л. 70 об.]. Благополучное разрешение данного вопроса было достигнуто во многом именно благодаря тому, что органы советской власти считали это целесообразным, исходя из сложившейся внешнеполитической конъюнктуры.

В целом, работники ОГПУ смогли добиться своего и предотвратили принятие съездом тех решений, которые противоречили интересам советской власти. В результате «подавляющее большинство делегатов уехало со съезда 1923 г. с чувством разочарования и сознания бесполезности потраченного времени». Власть видела в этом «доказательство к тому, что съезд не оправдал «надежду наиболее ретивых слоёв духовенства» [3, л. 24].

Библиографический список

1. Ислам и советское государство: по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 г. / вступительная ст., составители и комментарии Д.Ю. Арапова и Г.Г. Косача; ответственный редактор А.Ю. Хабутдинов. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский дом Марджани", 2010; Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов. Вып. 2. / сост., авт. предисл. и примеч. Д.Ю. Арапов. М.: Изд. Дом Марджани, 2008. 152 с. (Ислам в России и Евразии).

2. *Крапивин М.Ю., Далгатова А.Г., Макаров Ю.Н.* Внутриконфессиональные конфликты и проблемы межконфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 624 с.

3. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 60. Д. 796.

4. Центральный архив службы безопасности России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655.

5. Там же. Д. 656.

6. Там же. Д. 725.

Д.И. Стогов,

доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург)

ВКЛАД И.И. КРАФТА В РЕОРГАНИЗАЦИЮ АРХИВНОГО ДЕЛА В ЯКУТИИ

Аннотация. В статье анализируются архивные материалы, касающиеся создания Якутской ученой архивной комиссии. Отмечается огромный вклад Якутского губернатора И.И. Крафта в создание, становление и развитие комиссии и архивного дела в целом.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, Якутская область, Якутская ученая архивная комиссия, И.И. Крафт, исторические документы, Церковь.

D.I. Stogov,

Associate professor, St. Petersburg State Electro-Technical University «LETI» (St. Petersburg)

I.I. KRAFT'S CONTRIBUTION TO THE REORGANIZATION OF ARCHIVAL BUSINESS IN YAKUTIA

Abstract. The article analyzes the archive materials concerning the creation of the Yakut Scientific Archival Commission. The great contribution of Yakut Governor I. I. Kraft to the creation, formation and development of the commission and archival business in general is noted.

Keywords: Russian Empire, Siberia, Irkutsk region, Irkutsk Scientific Archival Commission, I. I. Kraft, historical documents, Church.

Изучение становления исторической науки в России весьма актуально, так как дает возможность проследить этапы развития истории как науки, которые соотносятся с этапами развития всего общества. В этой связи представляет интерес изучение становления архивного дела в различных, в том числе отдаленных регионах России. Этот процесс шел постепенно и неравномерно в тех или иных частях страны.

С учетом перечисленных факторов весьма важным является изучение процесса становления и развития Якутской ученой архивной комиссии, которая появилась в Якутске в 1912 г. [1, с. 5]. Огромный вклад в ее создание и развитие внес тогдашний Якутский губернатор, видный государственный и общественный деятель, убежденный сторонник трезвости Иван Иванович Крафт (1861–1914). О вкладе Крафта

в становление архивного дела пишут современные исследователи [1, с. 5, 151, 184]. Известно, что современники высоко отзывались о деятельности И.И. Крафта, в том числе в Министерстве внутренних дел [6] и в качестве Енисейского губернатора [5; 7; 8]. Существует и ряд публикаций, посвященных деятельности И.И. Крафта в качестве Якутского губернатора (он занимал эту должность в период с 1906 по 1913 гг.) [2; 3; 4].

Настоящая статья построена на выявленных в фондах Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) документах, касающихся создания Якутской ученой архивной комиссии [9]. И.И. Крафт фактически выступил инициатором создания комиссии, а также всяческим образом способствовал ее дальнейшему становлению и развитию.

Окончивший в свое время в качестве вольнослушателя курс Императорского археологического института, Якутский губернатор проявлял неподдельный интерес к изучению памятников старины, в том числе архивных документов. 25 октября 1911 г. Крафт обратился с письмом в Санкт-Петербург к директору Императорского археологического института Николаю Васильевичу Покровскому [9, л. 1–3], в котором обрисовал состояние архивного дела в вверенной ему Якутской области. Губернатор отметил, что за много лет в городах и селах региона накопилось большое количество архивных документов, которые требовали систематизации и дальнейшего изучения. Пожар 1890 г. нанес невосполнимый ущерб большей части Якутского областного архивного управления [9, л. 1]. Не в лучшем состоянии находились документы окружных архивов Якутской области. По утверждению И. И. Крафта, как правило, они хранились в непригодных для хранения документов сараях, зачастую вместе с мукой и солью, при этом беспощадно истреблялись мышами, гнили от старости [9, л. 1 об.]. Вследствие указанных проблем, указывал губернатор, необходимо упорядочить архивное дело в Якутии. В первую очередь, требовалось каменное помещение. Губернатор добился, чтобы документы, в том числе из окружных архивов, стали перевозить в Якутск, в каменный дом 1707 года постройки, в котором ранее находилось переехавшее в новое здание Казначейство [9, л. 1 об.]. Вторая задача, на которую указывал И.И. Крафт, заключалась в разборке архивных дел. Ценные материалы требовалось изучить, а ненужный балласт утилизировать в целях освобождения места для других архивных материалов [9, л. 2]. Третья задача заключалась в увеличении оплаты работников архива, труды которых вследствие недостаточного финансирования носили «характер случайности» [9, л. 2]. По словам Крафта, проблемы можно было решить путем учреждения в Якутске Областной ученой архивной комиссии, которая состояла бы из местных архивистов и получала бы субсидии от правительства [9,

л. 2–2 об.]. Решение об утилизации не имеющих ценности архивных документов могла принять только губернская архивная комиссия, однако ближайшая к Якутску подобная комиссия находилась в Иркутске, на расстоянии около 2 800 верст от Якутска [9, л. 2 об.]. В связи с необходимостью решения перечисленных задач И.И. Крафт возбудил через Иркутского генерал-губернатора ходатайство о разрешении в порядке, определенном Высочайше утвержденном 15 апреля 1884 г. положением Комитета министров, на открытие в г. Якутске областной ученой архивной комиссии [9, л. 2 об.]. В связи с этим Якутский губернатор просил директора Археологического института поддержать начинание, а также прислать в Якутск руководящие указания для деятельности будущей комиссии в виду отсутствия в Якутии какого бы то ни было печатного материала, касающегося устройства архивного дела (в частности, отсутствовал даже текст положения или устава архивной комиссии).

8 декабря 1911 г. Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев обратился к Н.В. Покровскому в связи с обращением к нему И.И. Крафта с ходатайством об учреждении Якутской архивной комиссии. Генерал-губернатор в целом согласился с доводами Крафта о необходимости создания такой комиссии [9, л. 14–16] и попросил директора Археологического института «войти с представлением к министру внутренних дел об открытии в г. Якутске ученой архивной комиссии, с выдачею ей пособия от казны» [9, л. 16]. К письму генерал-губернатор приложил список лиц, изъявивших желание учредить в Якутске архивную комиссию, два фотоснимка фасадов зданий старого казначейства, в котором располагался архив Якутской области, и здания библиотеки-музея (которое И.И. Крафт также предлагал использовать для работы архивной комиссии), планы этих зданий.

В письме (в архивном деле сохранился его отпуск) от 24 января 1912 г. Н.В. Покровский сообщил И.И. Крафту о том, что «вошел с ходатайством» к министру внутренних дел о необходимости учреждения в Якутске архивной комиссии. Также директор Археологического института приложил к письму первый выпуск «Вестника археологии и истории», в котором содержались сведения по учреждению ученых архивных комиссий [9, л. 17].

24 апреля 1912 г. И.И. Крафт направил в Археологический институт телеграмму, в которой сообщал, что в тот же день в присутствии преосвященного епископа Якутского и Вилюйского Мелетия (Заборовского) и многочисленных представителей местной интеллигенции состоялось открытие Якутской областной ученой архивной комиссии. Губернатор подчеркивал: «Все присутствовавшие одушевлены горячим желанием работать на пользу русской исторической науки» [9, л. 20].

12 сентября 1912 г. И.И. Крафт вновь обратился с письмом к Н.В. Покровскому. В нем он сообщил, что вошел с представлением к Иркутскому генерал-губернатору о необходимости преобразовать архив Якутского областного управления в Центральный областной архив, поскольку именно в нем уже сосредоточились на тот момент все документы местных учреждений Якутии. Крафт требовал утверждения нового штата учреждения, дабы окончательно изжить тип старого «архивариуса», и привлекать к архивной работе настоящих специалистов. И если на момент написания письма на должности архивариуса случайно находилось лицо, окончившее курс Московского археологического института со званием ученого-археолога, то, указывал губернатор, если не принять мер, в любой момент эта ситуация может измениться в худшую сторону [9, л. 21–21 об.]. Преобразование ранее существовавшего архива в Областной архив, по мнению Якутского губернатора, стало бы хорошим прецедентом для других губерний. В связи с этим Крафт просил Покровского ходатайствовать о преобразовании перед Министерством внутренних дел и в законодательных учреждениях [9, л. 21 об.].

В тот же день И.И. Крафт направил письмо в адрес Иркутского генерал-губернатора, в котором изложил бедственное положение архивного дела в Якутии, требовал рассмотреть вопрос о расширении штата и дополнительном финансировании учреждения в установленном законом порядке [9, л. 22–23]. В частности, Якутский губернатор отмечал, что в Якутском областном архиве сосредоточились материалы 62-х разных учреждений, в том числе 23-х учреждений, к тому времени уже не существовавших. Фактически, указывал губернатор, центральный архив Якутской области делился на два архива: исторический и текущий. Крафт отмечал, что, согласно Высочайше утвержденному 17 марта 1903 г. штату Якутского областного управления, в его составе имелась должность архивариуса (IX класс Табели о рангах) с содержанием в 1050 р. в год наравне с журналистом и экзекутором. Архивариус должен был заведовать старыми делами одного Областного управления. По принятому в те времена порядку должность архивариуса обычно занимал старый, утративший способность к деятельной службе чиновник в виде поощрения за выслугу лет. Поскольку количество архивных документов резко увеличилось, то, по словам Якутского губернатора, изменение штата и увеличение финансирования стали насущными задачами [9, л. 22 об.].

Согласно проекту штата управления Якутским областным архивом, предполагалось учредить должность начальника архива (жалование 1000 р. в год, столовых 1000 р. и квартирных 1000 р.), его помощника (жалование 720 р., столовых 720 р., квартирных 360 р.), а также нанять писца и сторожа (на наем писца, сторожа и канцелярские расходы предполагалось выделить 1 200 р.) [9, л. 24].

В специальной записке «О положении Якутского областного архива и о мерах к надлежащей постановке его» [9, л. 25–27] И.И. Крафт отмечал, что в Якутском областном архиве хранилось 129 571 дело, отложившееся за период с первой половины XVIII в. до 1900 г. Губернатор подчеркивал, что «крайне важные и интересные в историческом отношении архивные дела находятся в хаотическом беспорядке» [9, л. 25]. Порядок выдачи архивных дел поражал «трогательной простотой». Дела выдавались читателям или вообще без записи, или без указания количества листов, что требовали правила, выработанные архивной практикой [9, л. 25 об.]. При таком раскладе, отмечал И.И. Крафт, вероятно многочисленны злоупотребления. Например, лицо, получившее дело в 200 страниц, окажется юридически право, если возвратит только 10 из них, причем даже в растрепанном виде. Часть архивных дел вообще оставалась не описанной; соответственно, их судьба оставалась исключительно в ведении местного архивариуса [9, л. 25 об.]. В целях упорядочения архивного дела в Якутии губернатор требовал создания карточной системы, при которой для каждого архивного дела составлялись бы три карточки: именная, предметная и географическая [9, л. 26].

Итак, Якутский губернатор И.И. Крафт всецело способствовал реорганизации архивного дела в вверенном ему регионе. Если в предыдущие годы местный архив находился в удручающем состоянии, то Крафту удалось получить хорошее помещение для хранения архивных дел. Также губернатор добился учреждения Якутской ученой архивной комиссии, главной задачей которой являлось преобразование архивного дела в Якутской области. И.И. Крафт ходатайствовал и о реорганизации существовавшего ранее архива в Якутский областной архив, добивался упорядочения архивной работы, а также увеличения штата сотрудников. К сожалению, после 1914 г. по причине недостаточного финансирования дальнейшая доставка документов из округов в областной архив была прекращена [1, с. 5], однако она была успешно продолжена в советский период.

Библиографический список

1. Национальный архив Республики Саха (Якутия): путеводитель в 2 ч. / Ком. гос. арх. службы Респ. Саха (Якутия); [сост.: И.И. Каженкина и др.; редкол.: М.М. Степанова (отв. ред.) и др.]. Якутск: Якутский край, 2007. Ч. 1: 1663–1919. 216 с.: ил.
2. Павлов А.А. Губернатор И.И. Крафт // Наука и техника в Якутии. 2002. № 2 (3). С. 67–72
3. Петров П.П. Новый документ к биографии губернатора И.И. Крафта // Якутский архив. Научный и историко-документальный журнал. 2010. № 3 (38). С. 76–80.

4. Реформатор земли Якутской губернатор Иван Иванович Крафт, 1906–1913: фот., док. / [сост. А.А. Калашников; редкол.: Ю.В. Заболев и др.]. Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2011. 376 с.

5. *Стогов Д.И.* Деятельность Енисейского губернатора И.И. Крафта на страницах Красноярских газет «Енисейская мысль» и «Сусанин» // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2024): Труды XXI Всероссийской научной конференции с международным участием / Санкт-Петербург, 1–2 февраля 2024 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2024. 514 с.

6. *Стогов Д.И.* Служба И.И. Крафта в Министерстве внутренних дел (1898–1906 гг.) // Герценовские чтения 2022. Актуальные проблемы русской истории: сборник научных и учебно-методических трудов / ред. кол. А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Л.Г. Рогушина, Т.Г. Фруменкова. СПб.: Астерион, 2023. 216 с.

7. *Терскова А.А., Белошапкин В.М.* Иннокентьевский приют // Основы собриологии, профилактики, социальной педагогики и алкологии: материалы XXIX Международного форума / под общей ред. проф. А.Н. Маюрова. Н. Новгород, 2021. С. 196–199.

8. *Терскова А.А., Белошапкин В.М.* Совместные проекты епископа Николая и губернатора И.И. Крафта // Вестник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 162–167.

9. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 119. Императорский археологический институт в Петрограде. Оп. 1. Д. 590. Дело института по Якутской губернской ученой архивной комиссии.

УДК 94 (47+57)

А.Ю. Сулов,

ведущий научный сотрудник, Академия наук Республики Татарстан

РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Аннотация. В статье рассматривается российская провинциальная театральная культура во второй половине XX – первой четверти XXI в. на примере Татарстана. Обращается внимание на основные тенденции театральной жизни.

Ключевые слова: история, культура, театр, Россия, Татарстан, Казань, XX век.

A.Y. Suslov,

Leading researcher, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
"Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan"

**RUSSIAN PROVINCIAL THEATRICAL CULTURE
OF THE SECOND HALF OF THE 20TH – FIRST QUARTER
OF THE 21ST CENTURY
(USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

Abstract. The article examines the Russian provincial theatrical culture in the second half of the twentieth and the first quarter of the twenty-first century using the example of Tatarstan. Attention is drawn to the main trends of theatrical life.

Keywords: history, culture, theater, Russia, Tatarstan, Kazan, XX century.

Театральное искусство в Казанской губернии и Татарстане имеет давние традиции, является ярким феноменом в культурной жизни России. Оно неуклонно расширяется, обретая новые грани и глубину. В конце XIX в. были напечатаны первые татарские пьесы, которые ставились на сценах школ-медресе и домашних театров. Начало XX века ознаменовалось рождением татарского профессионального театра. С 1908 г. в Казани и городах Казанской губернии начались регулярные выступления передвижной труппы «Сайяр» под руководством Г. Кариева. Первые татарские актёры – Н. Сакаев, С. Гиззатуллина-Волжская, В. Муртазин-Иманский, Н. Таждарова, З. Султанов, Ш. Шамильский, М. Мутин, Г. Болгарская, К. Шамиль, Б. Тарханов – заложили основы школы национального театрального искусства. В 1920 году был создан первый государственный татарский театр. Уже с начала XX века театральные коллективы появляются и за пределами Казани, например, в Бугульме. В 1930-е годы формируется сеть межрайонных передвижных колхозно-совхозных театров (Алексеевский, Альметьевский, Атинский, Буинский, Мамадышский, Мензелинский, Чистопольский) с татарскими и русскими труппами, обслуживающими сельского зрителя.

В годы Великой Отечественной войны преобладали спектакли на военно-патриотическую тему. 1960-е годы стали началом нового этапа в развитии театра в Казани и Татарстане в целом, когда, наряду с переосмыслением своего творческого наследия, театр заново открывал для себя свою общественную роль. Наконец, в 1990-е годы театр вступил в полосу новых испытаний, когда его роль начала подвергаться переоценке. Оставаясь, с формально-юридической точки зрения, по-прежнему государственным театром, пользуясь финансовой поддержкой Республики, театр утрачивает многие признаки, свойственные классическому

советскому театру, и приобретает вместе с тем какие-то черты, присущие театру частно-антрепризному.

Ведущую роль в формировании провинциальной театральной культуры играли и играют государственные театры. В настоящее время в Республике Татарстан функционируют 15 государственных театров: Татарский государственный академический театр оперы и балета им. М. Джалиля, Татарский государственный академический театр им. Г. Камала, Казанский государственный академический русский Большой драматический театр им. В.И. Качалова, Татарский государственный театр драмы и комедии им. К. Тинчурина, Казанский государственный театр юного зрителя, Казанский татарский государственный театр юного зрителя им. Г. Кариева, Татарский государственный театр кукол «Экият», Альметьевский татарский государственный драматический театр, Атинский государственный драматический театр им. Г. Тукая, Нижнекамский татарский государственный драматический театр им. Т. Миннуллина, Набережночелнинский государственный драматический театр, Набережночелнинский государственный театр кукол, Мензелинский государственный татарский драматический театр им. С. Амутбаева, Буинский государственный драматический театр, Бугульминский государственный русский драматический театр им. А.В. Баталова.

Любопытен феномен народных театров. Народные театры на территории Республики Татарстан работают при государственной поддержке и научно-методическом содействии «Республиканского центра развития традиционной культуры», имеют разный творческий стиль и репертуар. Это не только русские, татарские, но и коллективы многих народов, проживающих в республике, – чуваш, мари, мордвы и др.

Формирование репертуара театров с 1990-х гг. происходит в целом по принципу антологии, основу его составляют классические постановки мирового и отечественного театра и произведения современных авторов, в том числе сочинений драматургов и композиторов Татарстана. Так, в театре оперы и балета им. М. Джалиля широкий диапазон художественных возможностей коллектива позволяет ставить на сцену постановок академического плана в стиле «большой оперы» и «большого балета» а также, авторских и экспериментальных спектаклей выдающихся дирижёров, режиссёров, сценографов, хореографов современности. Используются различные художественные решения начиная от переноса популярных постановок ведущих театров мира, до применения актуальных тенденций современного искусства с привлечением последних достижений технического прогресса.

Частью театральной культуры является изучение истории театра, биографий ведущих актеров, гастрольной деятельности, фестивалей, конкурсов, премий. История театрального искусства Татарстана нашла отражение в трудах И. Крути, Ю. Благова [2], И. Ингвара, Р. Копылова [7; 8], М. Арсланова [1], И. Иляловой [6], Х. Кумысникова и других исследователей [3; 4; 5; 9]. В историографии театрального пространства Татарстана стоит особо рассмотреть труды энциклопедического и справочного характера. Они имеют первостепенное значение, так как аккумулируют накопленные знания, способствуют популяризации научной информации. Здесь выделяется 5-ти томная «Театральная энциклопедия», выпущенная в СССР в 1960-е годы [13]. Она впервые дает комплексную информацию по всем сферам театрального искусства Татарстана – общий обзор истории развития, сведения о режиссерах и актерах, наиболее значимых постановках, отдельные театры, драматургии, театральном образовании, библиографии. Традиции энциклопедических изданий были продолжены в 1990–2000-е годы, когда усилиями коллектива Института татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан было подготовлено первое универсальное научно-справочное издание, посвященное Татарстану и татарскому народу – «Татарский энциклопедический словарь» [11], а затем «Татарская энциклопедия» в 6-ти томах на русском и татарском языках [10]. В этих фундаментальных изданиях на новом уровне дается расширенная информация об истории и современном состоянии театров Татарстана, фестивалей, конкурсах, премиях. Необходимо выделить современный масштабный совместный проект Союза театральных деятелей России, Министерства культуры, Роспечати и Фонда культуры – «Театр России. XXI век: энциклопедия» [12]. Планируется выпуск пяти томов, посвященных, в том числе театральному искусству российских регионов.

Роль театра в культурном и общественно-политическом пространстве Татарстана эволюционировала в различные исторические периоды, отражая сложные процессы развития страны. Современная театральная культура вновь вступила в переходную фазу, которая завершится в XXI веке, очевидно, созданием некой новой формы российского театра.

Библиографический список

1. *Арсланов М.Г.* Татарский театр: энциклопедический словарь-справочник = Татар театры: энциклопедик сүзлек-белешмә. Казань: Заман, 2014. 584 с.

2. *Благов Ю.А.* Очерки истории Казанского русского драматического театра XX в. / редкол.: Д.В. Родионов и др. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2019. 332 с.

3. *Гилязов З.З.* Альметьевский татарский государственный драматический театр: основные этапы истории // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: сб. ст. научной конференции (г. Казань, 15 апреля 2024 г.) / ред.: Э.М. Галимова, М.З. Хабибуллин. Казань, 2024. Вып. 13. С. 30–34.

4. *Гилязов З.З.* Казанский татарский театр юного зрителя имени Габдуллы Кариева: основные этапы истории // История России и Татарстана: Итоги и перспективы энциклопедических исследований: сб. ст. итоговой научной конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Хасанова АН РТ (г. Казань, 20 мая 2024 г.) / Институт татарской энциклопедии и регионоведения им. М. Хасанова АН РТ. Казань, 2024. Вып. 16. С. 235–239.

5. *Гилязов З.З.* Татарская периодическая печать о театре (XX–XXI вв.) // Казанская наука. 2024. № 10. С. 534–536.

6. *Илялова И.* Всю жизнь с театром: [очерки, воспоминания]. Казань: Ак Буре, 2021. 303 с.

7. *Копылов Р.С.* Казанский академический русский Большой драматический театр им. В.И. Качалова (XVIII–XXI вв.): вопросы периодизации истории // Вестник Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2023. № 2. С. 12–17.

8. *Копылов Р.С.* Театральная культура Казани в свете исследований XIX–XX вв. // Вестник Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2020. № 1. С. 44–48.

9. *Суслов А.Ю.* Театры Татарстана в зеркале современной историографии // Власть истории – История власти. 2024. Т. 10. Ч. 3 (№ 53). С. 77–82.

10. Татарская энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002–2014.

11. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. 703 с.

12. Театр России. XXI век: энциклопедия / Министерство культуры Российской Федерации, Союз театральных деятелей Российской Федерации, Российский фонд культуры; [науч. ред. совет: Трубочкин Д.В. (пред.) и др.]. Т. 1: А–И. М.: Большая Российская энциклопедия, 2020. 736 с.

13. Театральная энциклопедия: в 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1967.

Е.А. Траудт,

лаборант-исследователь лаборатории этнокультурных и религиозных исследований Алтайского государственного университета (Барнаул)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ В БУРЯТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.*

На основе архивных материалов рассматривается деятельность последователей Свидетелей Иеговы в Бурятии во второй половине 1960-х гг. Отмечено, что в данный период происходит снижение их активности, которое могло быть связано либо с переселением в другие регионы СССР, либо с нежеланием иеговистов находится под контролем советской власти.

Ключевые слова: Свидетели Иеговы, Бурятия, государственно-конфессиональная политика, СССР, государственно-конфессиональные отношения.

E.A. Traudt,

Laboratory assistant-researcher at the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of the Altai State University (Barnaul)

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF THE ACTIVITIES OF FOLLOWERS OF JEHOVAH'S WITNESSES IN BURYATIA IN THE SECOND HALF OF THE 1960s.

Abstract. Based on archival materials, the activities of Jehovah's Witness followers in Buryatia in the second half of the 1960s are considered. It is noted that during this period there was a decrease in their activity, which could be related either to resettlement to other regions of the USSR, or to the reluctance of Jehovah's Witnesses to be under the control of the Soviet government.

Keywords: Jehovah's Witnesses, Buryatia, state-confessional policy, USSR, state-confessional relations.

За свою длительную историю Российское государство выстраивало отношения с различными религиозными общинами. Одной из таких стали Свидетели Иеговы¹, которые начали проникать на западные

© Траудт Е.А., 2025

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ (проект № 23-18-00117).

¹ Свидетели Иеговы – входит в перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

территории Российской империи еще в конце XIX в. [4, с. 31]. В период существования Советского государства осуществляемая властью государственно-конфессиональная политика не была однородной, а проводилась в зависимости от конкретных задач правящей коммунистической партии [17, с. 22]. В частности, в промежуток 1964–1985 гг., вошедший в историю как «развитой социализм» [20, с. 32], происходят значительные изменения в отношениях религиозных объединений и государственной власти. Многие исследователи отмечают, что в период руководства страной Л.И. Брежнева наблюдается тенденция к поиску конструктивных путей взаимоотношений между религиозными объединениями и государственной властью [3, с. 191; 10, с. 20; с. 15, с. 113 и др.]. В 1965 г. был создан Совет по делам религий при Совете Министров СССР, который руководил всей религиозной политикой на территории страны. Кроме центрального аппарата данной организации, в каждом административно-территориальном субъекте СССР действовал уполномоченный Совета по делам религий, который на региональном уровне осуществлял взаимодействия властных структур и религиозных объединений [16, с. 52]. Таким образом, государственно-конфессиональная политика периода 1964–1985 гг. характеризуется постоянным контролем за религиозными объединениями, посредством учета обрядовой и финансовой деятельности.

Отметим, что в данный временной отрезок, советская государственно-конфессиональная политика базировалась на Конституции СССР 1936 г., которая носила декларированный характер, во многом не реализовываясь на практике. Еще одним документом, который регулировал деятельность религиозных объединений на территории СССР стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., которое лишало религиозные организации прав юридического лица, а также запрещало им заниматься любой другой деятельностью, помимо непосредственного отправления религиозных культов [22, с. 139]. Таким образом, религиозные объединения были фактически исключены из общественной жизни СССР, что создавало значительные помехи для их функционирования.

В условиях существующей модели государственно-конфессиональной политики, а также специфики вероучения Свидетелей Иеговы, которое характеризовалось советскими органами как «антигосударственное» и «антисоциальное» [9, с. 28–29], отношения общин иеговистов и власти было нестабильным на всем периоде существования страны советов. Еще одной причиной настороженного отношения к Свидетелям Иеговы со стороны государственных структур стал тот факт, что их общины имели хорошо сложенную управленческую и финансовую структуру, поддерживаемая из-за рубежа [8, с. 39].

После присоединения территорий Западной Украины, Белоруссии, Бессарабии в 1939 г. религиозный ландшафт СССР пополнился небольшими, но довольно активными членами данного религиозного направления [1, р. 339–340]. Стоит отметить тот факт, что несмотря на значительное потепление отношений между советской властью и религиозными объединениями в период 1943–1944 гг. [19, с. 200–201], Свидетели Иеговы продолжали быть юридически непризнанными, действуя, преимущественно, в западных республиках СССР (Украина, Белоруссия, Молдавия, балтийские республики). Одними из самых массовых мероприятий по нейтрализации деятельности иеговистов стали события 1949–1951 гг. – массовые высылки в Казахстан, Сибирь и на Дальний Восток [18]. Именно после данных мероприятий на этих территориях впервые появляются представители Свидетелей Иеговы. Наибольший приток ссыльных иеговистов был зафиксирован в Иркутской и Томской областях, а также в Красноярском крае, включая Хакаскую автономную область. В остальных сибирских регионах Свидетели Иеговы представляли собой немногочисленные группы, включающие порядка 3–15 человек [8, с. 37].

После смерти И.В. Сталина в 1953 г. отношение государственных органов к иеговистам несколько сменилось, сроки многих заключенных снизили с 25 до 10 лет [18]. Проводимая Н.С. Хрущевым в 1958–1964 гг. антирелигиозная кампания затронула и общины Свидетелей Иеговы, которые вновь подвергаются гонениям как «антисоветские элементы». Для этого времени характерно создание в СМИ негативного информационного фона для дискредитации деятельности Свидетелей Иеговы [14].

Качественные изменения в государственно-конфессиональной политике по отношению к Свидетелям Иеговы происходят в 1965 г. Именно тогда Президиум ВС СССР издает Указ «О снятии ограничений по спецпоселению с участников сект Свидетели Иеговы, Истинно-православные христиане, Иннокентьевцы, Адвентисты-реформисты, а также с членов их семей», по которому высланные в Сибирь иеговисты получают право выехать с мест ссылки [18]. Многие Свидетели Иеговы смогли воспользоваться этим и переехали в различные части СССР, где контроль за деятельностью религиозных объединений со стороны государственных органов не был таким сильным [4, с. 31]. Несмотря на значительный шаг в сторону либерализации государственно-конфессиональных отношений, исследователями отмечается, что данный указ был непоследовательным шагом, так как увязывал возможность возвращения на родину только через согласие местных властей, которые, по большей части, не были в этом заинтересованы [18]. Кроме

того, этот нормативно-правовой акт не предполагал возврат личного имущества, конфискованного в ходе переселения [13, с. 61].

Переходя к рассмотрению положения Свидетелей Иеговы в Бурятской АССР нужно отметить, что информации об общинах последователей этого религиозного направления в рассмотренных нами архивных материалах недостаточно для конструирования их влияния на религиозную жизнь населения Бурятии.

В исследуемый период в Бурятской АССР были официально зарегистрированы три религиозных организации: православная община Вознесенской церкви г. Улан-Удэ, буддийская община Иволгинского дацана, община баптистов г. Улан-Удэ. На нелегальном положении в разные периоды времени находились старообрядцы, адвентисты седьмого дня, пятидесятники, а также Свидетели Иеговы [11, с. 145].

В отношении деятельности иеговистов на территории Бурятской АССР имеются данные об их численности и месте расселения во второй половине 1960-х гг. Некоторые современные исследователи указывают на начало деятельности представителей Свидетелей Иеговы в Бурятии лишь в 1970-х гг. [2, с. 118]. Однако просмотренные нами архивные материалы, а также данные некоторых исследователей [8, с. 41] позволяют говорить о том, что уже в 1960-е гг. в Бурятской АССР имелись небольшие группы последователей данной религиозной традиции. Так, в «Справке о состоянии и деятельности религиозных объединений на территории Бурятской АССР за 1966 г.» уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР Д.Б. Очиржапов зафиксировал, что на территории ст. Онохой Заиграевского района проживает около 10 иеговистов, которые ведут замкнутый образ жизни, регулярно проводят собрания по воскресным дням, не занимаясь враждебной деятельностью [5, л. 6]. В следующем году уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР Д.Б. Очиржапов указывает, что количество данной религиозной общины составляет несколько человек, которые не занимаются религиозной деятельностью [6, л. 10]. В 1968 г. уполномоченным Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР была сделана запись о том, что на территории ст. Онохой «еще осталось несколько семей иеговистов», которые никак себя не проявляют [7, л. 7].

В целом, можно заключить, что деятельность представителей Свидетелей Иеговы в Бурятской АССР во второй половине 1960-х гг. практически прекращается, что, наш взгляд, может быть вызвано двумя факторами. С одной стороны, скрытие деятельности незарегистрированных общин являлось распространённой практикой для нелегально действующих религиозных объединений. Их представители выбирали

тактику «ухода в подполье», тем самым, не обозначая свою религиозную принадлежность. Целью было избежание контроля и государственного вмешательства во внутреннюю жизнь верующих. Подтверждает этот факт и то, что Свидетели Иеговы в СССР старались максимально отстраниться от получения регистрации и сторонились любых контактов с советским государством.

С другой стороны, после принятия указа Президиума ВС СССР в 1965 г. причиной малой активности иеговистов мог быть отъезд их лидеров в разные административные субъекты СССР, так как эта тенденция была характерна и для других регионов Сибири [8, с. 52; 12, с. 101–102]. Отметим также, что официальную регистрацию иеговисты Бурятии получают сразу после окончательной либерализации религиозной политики в начале 1990-х гг. [2, с. 118]. Таким образом, именно в промежутке конца 1960-х гг. происходит снижение активности последователей Свидетелей Иеговы в Бурятской АССР, которые либо прекращают свою деятельность посредством отъезда в другие регионы страны, либо из-за нежелания находится под контролем государственных органов.

Библиографический список

1. Kolarz W. Religion in the Soviet Union. London. Macmillan&coLTD, 1962.
2. Ахмадулина З.С. Нетрадиционные религиозные организации в современной Бурятии // Вестник БГУ. 2009. № 7.
3. Белоусов С.С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016.
4. Бережко К.А., Слупина В. Истоки движения Свидетелей Иеговы СССР // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 9. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2011.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 49.
6. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 50.
7. ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 53.
8. Горбатов А.В. Свидетели Иеговы в Сибири 1951–1970 гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 9. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2011.
9. Гордиенко Н.С. Российские свидетели Иеговы: история и современность. СПб., 2002.
10. Дашиковский П.К., Дворянчикова Н.С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. унт-та, 2022.

11. *Дашковский П.К., Траудт Е.А.* Государственное регулирование религиозных процессов в национальных автономиях СССР в период «перестройки» (на примере Бурятской АССР) // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 2.
12. *Дроботушенко Е.А.* Особенности развития религиозной ситуации в Читинской области (1970-е гг.) // Вестник БГУ. 2014. № 7-1.
13. *Дударёнок С.М.* Свидетели Иеговы на российском Дальнем Востоке 1944–1990 гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 9. СПб.: Российское объединение исследователей религии, 2011.
14. *Жуков А.В., Кондакова Н.С.* Образ «Вероотступника» в религиозной организации «Свидетели Иеговы» (на примере Забайкалья) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2-1.
15. *Ибрагимов Р.Р.* Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005.
16. *Маслова И.И.* Совет по делам религий при Совете Министров СССР И Русская православная церковь (1965–1991 гг.) // Отечественная история. 2005. № 6.
17. *Одинцов М.И.* Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. М.: Российское объединение исследователей религии, 2010.
18. *Одинцов М.И.* Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно»: сборник документов и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.). М.: Объединение исследователей религии; Арт-Бизнес-Центр, 2002.
19. *Поспеловский Д.А.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
20. *Синицын Ф.Л.* Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 1.
21. *Советов М.И.* Свидетели Иеговы в России: от преследований к признанию // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2002–2004 гг. М.: Российское объединение исследователей религии, 2004. С. 449–471.
22. *Чумаченко Т.А.* Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция // Вестник ЧелГУ. 2008. № 15.

УДК 94(47)

Р.М. Уразгалиев,

учитель истории и обществознания, ГБОУ «Школа Новокосино»
имени Героя Советского Союза, адмирала А.П. Михайловского (Москва)

ОТНОШЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА ПРИВИСЛИНСКОГО КРАЯ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье рассматриваются причины и формы участия католического духовенства Привислинского края в антиправительственной деятельности в конце XIX – начале XX в. Автором характеризуются правовые и административные ограничения в конфессиональной жизни католиков, которые повлияли на отношения ксендзов к Православной церкви. Осуществлен анализ архивных документов и статистических материалов.

Ключевые слова: конфессиональная политика, костел, ксендз, Римско-католическая церковь, Январское восстание 1863–1864 гг.

R.M. Urazgaliev,

History teacher, Novokosino School named after Hero of the Soviet Union,
Admiral A.P. Mikhailovsky

THE ATTITUDE OF THE CATHOLIC CLERGY OF THE PRIVISLINSKY REGION TO STATE POWER IN THE LATE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

Abstract. The article examines the causes and forms of participation of the Catholic clergy of the Privislinsky region in anti-government activities in the late 19th and early 20th centuries. The author characterizes the legal and administrative restrictions in the confessional life of Catholics, which influenced the relationship of priests to the Orthodox Church. The analysis of archival documents and statistical materials was carried out.

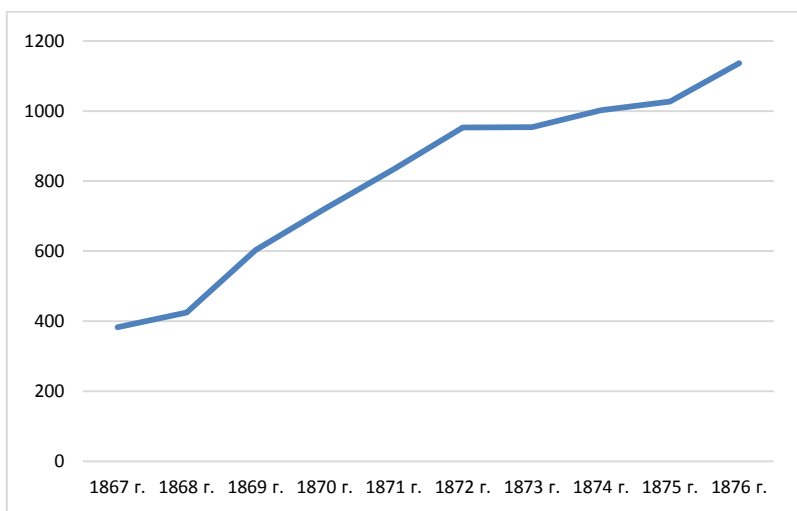
Keywords: confessional politics, church, priest, Roman Catholic Church, The January Uprising of 1863–1864.

Во второй половине XIX в. действия католического духовенства носили ярко выраженный политический характер, что выражалось в пропаганде восстания, разжигании конфессиональной розни, поддержке деятельности антиправительственных вооруженных отрядов. Как отмечал Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев: «Римско-католическое духовенство было везде во главе польской пропаганды, раздувало мятеж и внушало это всем от мала до велика даже и на исповеди» [1, с. 401].

И это несмотря на ряд правительственных мер, направленных на искоренение протестных настроений римско-католического духовенства после подавления Январского восстания 1863–1864 гг.: запрет проведения процессий вне костелов, ограничение деятельности католических братств, закрытие семинарий. В 1893 г. Келецкая римско-католическая епархиальная семинария была закрыта на четыре года, вследствие обнаружения в ней «противоправительственного воспитания клириков, в духе враждебном всему русскому» [3, с. 209].

Единственное чего удалось добиться – изменение формы борьбы, которую теперь избрали ксендзы. Однако единичные попытки поднятия прихожан на мятеж предпринимались. Например, 28 февраля 1905 г. в деревне Дзержковице Велюнского уезда Калишской губернии съехалось около 12 ксендзов, которые под видом исповеди, склоняли крестьян к восстанию против правительства, причем «в сохранении тайны и верности участия в восстании заставляли крестьян присягать» [2, л. 141].

Кампания по обращению католиков в православие, примеры которой отчасти можно проследить по графику, привела к тому, что за десять лет после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. православное население губернского центра Калишской губернии увеличилось с 383 до 1137 человек [4, с. 85], или почти в три раза. Это стало причиной формирования негативного отношения ксендзов и рядовых католиков к православию.

Число прихожан Православной церкви в городе Калиш в 1867–1876 гг.

Хранение оружия и укрывательство повстанцев сменились на противодействие деятельности Православной церкви, в частности, заключению межконфессиональных браков, что, впрочем, было характерно и для спокойного с точки зрения мятежных выступлений Нижнего Поволжья, где «католические священники отказывались выдавать своим прихожанам огласительные свидетельства, дабы не допустить заключения межконфессионального брака» [5, с. 230]. Кроме того, ксендзы стремились нанести вред российскому государству посредством обеднения казны и поэтому осуждали прихожан, употребляющих алкоголь, так как доходы с продажи него шли в государственный бюджет. Так, 12 июня 1905 г. жители гмины Лысе Кольненского уезда Ломжинской губернии в присутствии ксендза местного прихода Иосифа Концко на общем собрании составили приговор не пить водки и не курить табак, а за нарушение этого приговора виновных подвергали штрафу в первый раз 50 копеек, а во второй 1 рублю [2, л. 98]. Протестные настроения католических священников обострились во время Русско-японской войны, в особенно сложный момент для государства. «Нам следует благодарить Бога и Японию за ослабление России» [2, л. 34] – произнес ксендз Сувалкской губернии Пий Андзюлис в мае 1905 г. во время проповеди.

Таким образом, католическое духовенство не только разделяло требования восставших, но и транслировало их среди своей паствы через проповеди. Римско-католическая церковь Привислинского края стремилась вернуть себе статус Первенствующей в регионе через обретение независимости Польшей от Российской империи, используя костёл как арену для политической агитации.

Библиографический список

1. Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его о мятеже в Северо-Западной России в 1863–1864 гг. // Русская старина. 1882. Т. XXXVI. Вып. 11. С. 387–432.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 265. Оп. 1. Д. 1541.
3. Общий обзор деятельности министерства внутренних дел за время царствования императора Александра III. СПб., 1902. 347 с.
4. Памятная книжка Калишской губернии на 1880 год. Калиш: тип. К.В. Гиндемита, 1880. VIII, [1], 223, 093 (!) с., [1] л. ил.
5. Уразалиев Р.М. Межконфессиональные браки католиков и лютеран в начале XX в. (на примере Астрахани) // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей XVI Всероссийской научно-практической конференции, Астрахань, 04 октября 2024 года. Астрахань, 2024. С. 227–231.

С.М. Усманов,

профессор, Ивановский государственный университет (Иваново)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВОЖДЯ: МИФОЛОГЕМЫ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. Автор обращает внимание на постоянно возрастающую популярность фигуры И.В. Сталина в современной России. Вместе с тем отмечается, что это связано не столько с пропагандистскими усилиями тех или иных общественных сил, сколько с мифологемой Вождя. Такая мифологема в современном российском общественном самосознании оказывается востребованной, прежде всего, в контексте проблем нынешнего Российского государства и его политической элиты. В то же время подчеркивается, что реальный исторический опыт деятельности И.В. Сталина далеко расходится с параметрами идеального образа Вождя в представлениях наших соотечественников наших дней.

Ключевые слова: Вождь, Российское самосознание, мифологемы, И.В. Сталин, Историческая ретроспектива.

S.M. Usmanov,

Professor, Ivanovo State University (Ivanovo)

THE RETURN OF THE LEADER: MYTHOLOGEMS OF RUSSIAN IDENTITY IN HISTORICAL RETROSPECT

Abstract. The author draws attention to the ever-increasing popularity of J.V. Stalin's fiction in modern Russia. At the same time, it is noted that this is due not so much to the propaganda efforts of certain social forces as to the mythologeme of the Leader. Such a mythologeme in the modern Russian public consciousness is in demand, first of all, in the context of the problems of the current Russian state and its political elite. At the same time, it is emphasized that the real historical experience of Stalin's activities is far from the parameters of the ideal image of the Leader in the ideas of our compatriots of our days.

Keywords: The leader, Russian identity, mythologems, I.V. Stalin, Historical retrospective.

В жизни современной России нельзя не заметить весьма показательный феномен: нарастающая популярность в общественном сознании личности Иосифа Виссарионовича Сталина. Здесь нет необходимости приводить соответствующие данные различных социологических

опросов – они легкодоступны. Помимо прямых есть и некоторые косвенные свидетельства. Так, если обратить внимание на содержание и тон многих российских массовых изданий, то очень заметно, насколько они «подобрели» к Сталину. Мало того, рекламный образ Вождя весьма способствует успеху того или иного издания.

Однако было бы слишком простым объяснением считать подобное положение результатом усиленной пропаганды некоторых общественных сил, буквально «больных» сталиноманией (такова, например, деятельность главного редактора газеты «Завтра» Александра Проханова и связанного с ним Изборского клуба). Конечно, такая пропаганда имеет некоторые результаты, но этого слишком мало для объяснения феномена «возвращения Вождя» в российское общественное самосознание.

Думается, причины тут куда серьезнее и глубже. И самая главная из них – неудовлетворенность очень значительной части наших соотечественников нынешним положением в нашей стране и деятельностью российской политической элиты. Эта неудовлетворенность зачастую имеет латентный, не вполне осознанный и отчетливый характер. Но за внешними, весьма благополучными показателями многих рейтингов и мониторингов, кроется нечто иное. А именно – недовольство слабостью, непоследовательностью и вместе с тем эгоизмом нынешних российских властей. Вот почему постоянно слышатся сетования по поводу того, что у российского политического руководства «не хватает политической воли», что оно действует очень пассивно (как правило, «зеркально» и «прагматично» реагируя на угрозы). Для многих граждан России остаются непонятными перспективы на будущее.

В этих условиях и происходит возвращение к мифологеме Вождя – мудрого, сильного и успешного лидера и защитника своих подданных. В принципе, воплощением образа такого Вождя могли бы стать реальные исторические персонажи российской истории. В том числе – великий князь Александр Невский, российские императоры Петр Первый и Александр Третий. И даже очень недооцененный как в исторической науке, так и в общественном сознании великий князь Владимир Мономах. Но мы живем в постсоветский период, и большинство наших соотечественников во многом все еще остаются по сути своей советскими людьми. А потому образцом мудрого Вождя для них становится Сталин. Он воспринимается как успешный государственный, главный победитель во Второй мировой войне, создатель мощного экономического потенциала, которым Россия отчасти пользуется и в настоящее время. Сталинские методы подбора кадров, развития системы образования и воспитания новых поколений неизменно приводятся в пример

нынешним деятелям. И даже массовые репрессии сталинской эпохи, как правило, не смущают наших соотечественников: «А что? Врагов надо давить беспощадно!».

Другое дело, что реальный Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) во многом не соответствует своему идеализированному образу. Он далеко не всегда был тверд, проницателен и успешен, хотя и очень тщательно добивался создания такого впечатления о своей персоне и в Советском Союзе, и за рубежом. В чем-то он был очень ограниченным человеком, не лишенным свойственного всем большевикам авантюризма. Были у него и крупные провалы, особенно накануне и в начале войны с Германией и ее союзниками (что могло закончиться для Советского государства очень плохо). Наконец, не стоит забывать и то, что для советских людей жизнь под руководством Сталина была очень тяжелой, чреватой многими рисками.

Впрочем, все эти реалии советского прошлого, даже если о них постоянно напоминают те или иные историки, политики и деятели культуры, никак не колеблют мифологемы Вождя в российском самосознании нашего времени. Поскольку остается высокой востребованность главных его качеств (пусть отчасти и не совпадающих с действительной жизнью и деятельностью Сталина). Поэтому «возвращение Вождя» в современной России – это серьезный и значимый феномен нашей общественной жизни, что, скорее всего, будет иметь немаловажные последствия.

УДК 13. 130.3

Т.А. Чикаева,

заведующая кафедрой, Московский художественно-промышленный институт (Москва)

Б.К. ЗАЙЦЕВ О РОДИНЕ И ЛЮБВИ К НЕЙ

Аннотация. В статье анализируются взгляды мыслителя русского зарубежья Б. К. Зайцева на то, что есть Родина, какое место она занимает в системе ценностей, каково должно быть отношение к ней человека. Сделан вывод о том, что его рассуждения могут быть положены в основу современной научно-философской концепции Родины и патриотизма.

Ключевые слова: Родина, духовный субъект, духовная основа жизни, святость, любовь, учить любви к Родине, Б.К. Зайцев.

T.A. Chikaeva,

Head of the Department, Moscow Art-Industrial Institute

B.K. ZAITSEV ABOUT THE MOTHERLAND AND LOVE FOR IT

Abstract. The article analyzes the views of the thinker of the Russian diaspora B.K. Zaitsev on what the Motherland is, what place it occupies in the value system, what should be the attitude of a person towards it. It is concluded that his reasoning can be used as the basis for the modern scientific and philosophical concept of the Motherland and patriotism.

Keywords: Motherland, spiritual subject, spiritual basis of life, shrine, love, teaches love for the Motherland, B.K. Zaitsev.

Борис Константинович Зайцев – один из выдающихся деятелей русского зарубежья начала XX века. Будучи писателем и переводчиком он оставил множество мудрых мыслей, которые в той или иной степени раскрывают смысл мировоззренческих категорий, формируют систему ценностей, направленную на развитие человека, социальной группы, общества. В рассуждениях мыслителя содержится понимание им категорий «Родина», «патриотизм», представлений о том, как они связаны с человеком, стратегией и тактикой принятия им ключевых решений по обустройству личного и общественного бытия. Следует заметить, что Б.К. Зайцев старался максимально дистанцироваться от политических решений, поэтому его точка зрения на сущность «Родины» является особенно интересной, так как она стала итогом рассуждений без заданной цели, без стремления угодить той или иной политической и социальной группе.

Прежде всего Родину мыслитель рассматривает как святыню и указывает на то, что она занимает значимое место в иерархии ценностей. Более того, он подчёркивает прочность положения Родины в этой иерархии [1, с. 6], что, на наш взгляд, свидетельствует о признании объективности бытия Родины, отсутствия возможности её конструирования под собственные политико-идеологические нужды, так как иначе бы уровень ценности Родины изменялся бы различные культурно-исторические периоды.

Также прочность и неизменность высокого положения Родины в системе ценностей указывает на признание её вневременности и внепространственности, которые присущи духовным объектам и субъектам. Этот тезис находит подтверждение, например, в тех трудах мыслителя, в которых после эмиграции говорит о своей Родине-России. Он подчёркивает то, что для русского человека Родина – духовное существо, мать [4, с. 385]. Родина для Б.К. Зайцева, следовательно, живое духовное

существо, которому присуще особые характеристики, свойственные для самого близкого для человека лица – его матери.

Сущность Родины для мыслителя заключается в духовной основе жизни народа, создании и передаче из поколения в поколение ключевых ценностей и целей существования. Он называет её Великой Матерью, обладающей качеством безмерности, благодаря чему Родина способна дать человеку силу для жизни и творчества [3, с. 378]. Аксиология Родины для Б.К. Зайцева – это аксиология святыни, то есть высшей ценности, почитание которой проходит через все сферы бытия человека, физического и духовного. По словам мыслителя нет месту спору о том, каково место Родины в системе ценностей. Оно, безусловно, самое высокое. Образное понимание им того, что такое Родина, выражается в словосочетании «святая Мать» [4, с. 385].

Ключевая функция, которую Родина выполняет – это функция безусловной материнской поддержки, благодаря которой человек приобретает уверенность в своих силах и возможностях, сосредотачивается на решении задач, понимая, что все препятствия преодолимы. Б.К. Зайцев подчёркивает, что связь человека с Родиной, если он воспринял её как духовный субъект, святыню, нельзя поколебать, тем более разорвать. Особое внимание он уделяет тому, что сакральное отношение к Родине, понимание её как великой ценности и цели нельзя подвергнуть уничтожению через создание материальных трудностей.

Настоящая Родина даёт своему обладателю ощущение уверенности и достатка, каким бы ни было его материальное положение такого человека нельзя назвать нищим [1, с. 6]. Этот тезис, на наш взгляд также подчёркивает то, что в сознании человека может произойти путаница, и он начнёт воспринимать в качестве Родины то, что на самом деле ей не является. Так раньше и сейчас широко распространена дефиниция Родины как государства, где человек родился и чьим гражданином он является. Государство есть совокупность территории, населения и управления, и от качества последнего во многом зависит то, может ли оно быть формой существования Родины. Если управленческий корпус действует вопреки ценностям национальной культуры, объективным целям культурного и социального развития, то такое государство нельзя отождествлять с Родиной.

Вместе с тем, разрушение государства, по мнению мыслителя, также нельзя приравнять к потере Родины. Б.К. Зайцев утверждает невозможность жить и трудиться на благо национального государства не является потерей Родины. Он пишет: «Чужбина, беспризорность, беды – пусть. Для русского человека есть Россия, духовное существо, мать, святыни, которой мы поклоняемся и которую никому не уступим» [4, с. 385].

Родина для мыслителя одновременно древняя и современная. Он связывает её с достижениями древнерусского зодчества, иконописью, песнопениями, древней литературы [4, с. 382–383], а также с величием Российской империи, её значимым местом в мире, с тем, что её следует рассматривать как мировую державу [4, с. 385]. Качества Родины, объективно ей присущие, являются гарантией творчества и развития, того, что для человека возможно преодоление всех препятствий и движение к идеалу. Величие, мировая слава Родины, история не может быть отнята у человека, как указывает Б.К. Зайцев, это сохраняет надежду на возвращение в отчий дом, на развитие, на будущее [4, с. 384].

Отношение человека к Родине, согласно взглядам мыслителя, можно охарактеризовать только как отношение к любимому субъекту. Между человеком и Родиной может быть только любовь, которая является естественным чувством и возникает ещё до осознания человеком содержания категории «Родина». Он пишет о чувствовании Родины, её эстетическом восприятии, умении видеть то, что является ценным. Мыслитель сравнивает любовь к Родине с любовью детей к родителям [1, с. 6], которых любят просто так, без сравнений с кем-то, без выставления условий своей любви. Патриотизм, любовь к Родине чужды формальным рационалистическим отношениям, выверяющим вклад каждого из партнёров в общее дело и требующим уравнивания таких вкладов. Чувствовать Родину, быть ей интуитивно близким означает для Б.К. Зайцева способность видеть «сквозь тысячу лет бытия на горестной земле, борьбы, трудов, войн, преступлений... немеркнувшее духовное ядро, живое сердце» [1, с. 11].

В любви к Родине, следовательно, нет закрывания глаз на недостатки бытия, на отрицательные качества тех объектов и явлений, которые у человека ассоциируются с Родиной. Они признаются, но оцениваются как отступление от истины, как то, что препятствует осуществлению функций Родины, препятствует пониманию её сущности, поскольку происходит смешение Родины и иного, например, государства или органов власти.

Любовь к Родине имеет, по мнению мыслителя, глубокий смысл и значение. Она является основой для искусства, фактором появления значимых произведений, прославляющих отечественную культуру. Творец, который испытывает чувство любви к своей Родине, создаёт шедевры, которые всегда будут востребованы людьми. Напротив, те предметы, что были созданы под влиянием сиюминутных событий, политико-идеологической конъюнктуры, запроса рынка, быстро теряют своё место в ценностной системе. Б.К. Зайцев доказывает масштабность, величие, долголетия и мировую значимость русской литературы

и искусства, разделяет вечное и наносное, приходящее в национальной культуре, от чего обязательно люди откажутся. Из своих рассуждений он делает вывод о том, что патриотизм значим для человека и общества, отношение к Родине как к любимой личности является залогом творческого развития и совершенствования.

В этой связи Борис Константинович Зайцев поднимает вопрос, который является актуальным и в настоящее время. Это вопрос о том, следует ли учить любви к Родине, вести патриотическое воспитание. Мыслитель указывает на то, что в дореволюционной России не воспитывалось чувство России, оно считалось не уместным. Образованный человек читал о Западе много больше, чем о своей Родине. Он уважал Запад, относился к нему почтительно. «К России же так себе, запинибрата» [4, с. 381].

Сегодня, увы, мы, в определённой степени, наблюдаем последствия примерно такого же отношения к Родине, к воспитанию патриотизма в постсоветский период. Существенное количество людей, принадлежащих к тем, кто своим трудом, знанием, творчеством мог бы содействовать решению задач, стоящих перед Россией, у кого для этого есть возможности и полномочия, рассматривают её как ценность второстепенную, а иногда и отрицательную, отдавая предпочтения иным ценностям, проявляют по отношению к России, к отечественной культуре пренебрежение, отрицают ценность её существования.

На наш взгляд следует прислушаться к точке зрения Б.К. Зайцева о том, что чувству любви к Родине надо учить. В XX веке и, особенно, в веке XXI очень много социокультурных и прочих факторов затрудняют для человека понимание того, что есть Родина, зачем она необходима человеку, почему нельзя заменить связь с Родиной социальным контрактом, партнёрскими отношениями с органами государственной власти. Воспитание именно любви к Родине, осознающей все достоинства и недостатки отечественного бытия позволит, согласно мнению мыслителя также избежать трансформации патриотизма в национализм и шовинизм.

Мыслитель уделяет особое внимание тому, что патриотическую любовь нельзя рассматривать в качестве препятствия к сосуществованию народов, их взаимному и уважительному сотрудничеству. Б.К. Зайцев подчеркивает неприятие ксенофобии для патриота. «Любить – не значит превозноситься. Сознать себя «помнящими родство» и наследниками величия не значит ненавидеть и презирать другие народы, иные расы» [4, с. 386]. В этом тезисе заключено, в соответствии с нашим мнением, возможность взаимодействия между народами с сохранением их культурной идентичности, особенности бытия и собственного пути

к идеалу. Любовь к Родине позволяет человеку и социальной группе сохранить свою духовную особенность, особую культуру, ценности и достижения которой передаются из поколения в поколение, постоянно дополняясь и совершенствуясь.

Идеи, высказанные Борисом Константиновичем Зайцевым, могут быть взяты за основу формирования научно-философской дефиниции категорий «Родина», «патриотизм», а также способны лечь в обоснование необходимости проведения работы по патриотическому воспитанию среди всех лиц всех возрастов и социального статуса. Особое внимание следует уделить оценке онтологического содержания Родины как духовного субъекта. Это приобретает особый смысл на фоне включения произведений Бориса Константиновича Зайцева в школьное литературное образование [2, с. 680].

Библиографический список

1. *Зайцев Б.К.* Сочинения: в 3 т. Т 2. М.: Терра: Худож. лит., 1993. 588 с.
2. *Лазарев Ю.В.* Этнокультурный аспект в школьном изучении русской литературы начала XX века // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы VIII Междунар. науч. конф. Москва, 19–20 апреля 2024 года. М.: МХПИ, 2024. С. 680–683.
3. *Русская идея.* М.: Республика, 1992. 494 с.
4. *Русская идея: В кругу писателей и мыслителей Русского Зарубежья:* в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 539 с.

УДК 316.47

Г.С. Широкалова,

ведущий научный сотрудник, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Нижний Новгород)

О.К. Шиманская,

старший научный сотрудник, Институт Европы РАН (Москва)

АВТОРИТЕТНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ЗАПОВЕДЕЙ КАК РЕГУЛЯТОРА ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ СПО

Аннотация. В статье рассматривается значение религиозных заповедей как регулятора жизненных смыслов и повседневного поведения студентов средних профессиональных учебных заведений. Делается вывод о доминировании светских ценностей и стандартов поведения.

Ключевые слова: религия, заповеди, государственно-конфессиональные отношения, Нижегородский регион, студенты СПО.

G.S. Shirokalova,

Leading Researcher, Volga Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science (VB – FCTAS RAS), Nizhny Novgorod

O.K. Shimanskaya,

Senior Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow

THE AUTHORITY OF RELIGIOUS PRECEPTS AS A REGULATOR OF BEHAVIOR AMONG STUDENTS OF VOCATIONAL EDUCATION

Abstract. The article examines the importance of religious commandments as a regulator of life meanings and everyday behavior of students of secondary vocational educational institutions. A conclusion is made about the dominance of secular values and standards of behavior.

Keywords: religion, commandments, state-confessional relations, Nizhny Novgorod region, students, vocational education.

Статья 13 Конституции Российской Федерации содержит отказ от государственной идеологии и признает идеологическое многообразие, дающее основание плюрализму мировоззрений. Утрата государством функций патернализма, характерных для советской эпохи, актуализировала у россиян потребность в психологической защите «здесь и сейчас» и в неопределённом будущем, которую дают и религиозные институты. Но право на помощь человек получает при соблюдении ряда условий, сформулированных в виде традиционных ценностей и заповедей, аккумулировавших в их числе универсальные правила выживания и социума, и в социуме. В России, где первенствующей религией столетия было православие, логично выбрать для анализа отношение молодежи к Ветхозаветным заповедям.

Каков авторитет этих норм у студентов средних профессиональных образовательных учреждений (СПО)? Эта группа нижегородской молодежи выбрана по нескольким причинам: в силу возраста и небольшого социального опыта они еще остаются под влиянием семейного воспитания и, следовательно, их ответы дают информацию о семейных традициях. Нижегородская область в РСФСР была на третьем месте по уровню религиозности после Москвы и Ленинграда, что связано с большой долей старообрядцев [5], бежавших в керженские леса после реформы патриарха Никона; даже переходя в никонианство они были «крепки в вере». Монархические искания постсоветского времени подняли статус св. Серафима Саровского, на причислении которого к лику святых настоял Николай II, и, соответственно, Дивеевского монастыря с общероссийского до международного [7]. Активная хозяйственная

и миссионерская деятельность митрополитов Николая (Кутепов) и Георгия (Данилов) по строительству/реставрации храмов, открытию православных образовательных заведений, социальной работе церковных общин, введению уроков православной культуры в светских школах также должны были стать фактором роста религиозности населения. Но все они не смогли переломить общемировой тенденции к индивидуализации веры.

Для доказательства приведем данные, полученные в результате Всероссийского социологического исследования, проведенного в 2024 году Российским обществом социологов «Семья в современной России: взгляд студенчества» [3, с. 215–234], выбрав из массива студентов СПО Нижнего Новгорода (табл. 1). Назовем ряд характеристик 263 респондентов, которые могут быть в определенной степени факторами религиозности: все они граждане РФ, 91,2 % – в возрасте 17–19 лет, 90,5 % – русские, 80,6 % – девушки, профиль обучения у 73% – социальные и гуманитарные науки.

Таблица 1

Мировоззренческие ориентации студентов СПО,
% от опрошенных

Выберите суждение, которое наиболее точно описывает Ваше отношение к религии.	%
Я верующий/ая, имею тесные связи с общиной	12,6
Я верующий/ая, но к Богу обращаюсь без посредников	28,5
Я верю в высшие сверхъестественные силы	11,4
Я агностик (у меня нет доказательств, как отсутствия, так и существования Бога)	15,1
Я человек неверующий, безразличный к религии	11,8
Я убежденный атеист (отрицаю существование Бога)	4,2
Я не определился/ась, пытаюсь найти для себя правильное решение	9,9
Ни один из вариантов мне не подходит	6,5
Итого ответивших:	100,00

* Пропуски: 0 из 263 (0,00 %)

Сравнение распределения ответов у студентов СПО и студентов вузов (исследование РОС 2022 года), свидетельствует, что с возрастом утрачиваются связи с общиной, увеличивается доля агностиков, атеи-

стов [6, с. 7], что подтверждает нарастание влияния внерелигиозных причин на мировоззренческий выбор молодежи. Мы солидарны с утверждением М.Ю. Смирнова, что, «если определяющим фактором является постоянно происходящее изменение мировоззрения, как картины мира и человека в мире, то за этим неизбежно будет следовать аксиологическая трансформация, в том числе – ревизия привычного набора ценностных смыслов и значений» [4, с. 154].

Утрата связей с общиной – один из показателей вне воцерковленности и детерминанта разновидностей «богоискательства» удобных для субъекта в данных жизненных обстоятельствах. Начинаясь с обращения к богу без посредников, оно не нуждается в глубоком знакомстве с другими конфессиями. Индивидуализация веры не предполагает и трудного этапа неопитизма, который ставит под сомнение авторитет всех иных религий.

Охарактеризовав уровень религиозности респондентов, обратимся к анализу роли ветхозаветных заповедей, как нравственного регулятора в их жизни. Среди наших респондентов есть представители других религий (около 5 %), возможно, не знающих что им предложены христианские заповеди (впрочем, их не всегда перечисляют и называющие себя православными), но содержательно они аналогичны с правилами поведения верующих в других конфессиях и людей неверующих. Даже те, что должны иметь конкретно религиозное наполнение, в условиях тотального недоверия, порождаемого рыночными отношениями, наполняются светским содержанием, как, к примеру, «Да не будет у тебя других Богов пред лицом Моим» или «Не создавай себе кумира». Этот вывод подтверждается и тем, что среди студентов вузов (РОС-2022) с мнением «Бог один, а религии разные» согласилось 46,8 %; не согласных – 24,4 %, остальные в группе сомневающихся в правильности обеих позиций.

Для получения более адекватных мнениям респондентов результатов, разрешалось выбрать 5 позиций из 10, а сами заповеди были перечислены в анкете в последовательности отличающейся от данной в Ветхом Завете (в таблице они ранжированы по степени значимости для студентов). Вопрос формулировался следующим образом: «Культура многих стран формировалась перечисленными ниже принципами. Выберите 5 наиболее важных для Вас утверждений».

Таблица 2

**Отношение студентов к традиционным принципам организации
социальных отношений, % от опрошенных**

Выберите 5 наиболее важных для Вас принципов.	%
Не убивай	78,0
Не кради	70,7
Почитай отца твоего и мать твою	59,7
Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего	49,4
Не прелюбодействуй	36,5
Не делай себе кумира	32,7
Не желай ничего, что у ближнего твоего	30,0
Не произноси имени Бога твоего напрасно	22,0
Помни день субботний (воскресный), чтобы святить его	17,1
Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим	14,1
Другое (напишите)	6,8
Сумма:	417,1
Итого ответивших:	100,0

* Пропуски: 0 из 263 (0,00 %)

Итак, заповеди регулирующие отношение к Богу, оказались во второй половине списка, а главную из них вообще отметило лишь 14 % опрошенных, что на 2 % больше доли, поддерживающих отношения с религиозной общиной. Оптимист сделает упор на то, что первые три строчки отметило более половины студентов, но придерживаются ли они их в повседневной жизни? Приведем пример: около 60 % подчеркнули важность взаимного уважения в семье, заботы о воспитании детей, но в 2024 г. распалось 8 из 10 браков. Правда, семей распалось меньше, но насколько – неизвестно: посемейным/подомовым обходом никто не занимался. Сложился комплекс причин для увеличения разводов, в их числе увеличение льгот одиноким родителям, замена светского оформления брака традиционным/религиозным обрядом все с той же целью. При этом нарушаются и две другие заповеди: «не кради» (у государства), «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (обосновывая неизбежность развода). Актуальными остаются и такие причины разводов, как падение авторитета/значимости официального брака, финансовые трудности, деструктивное поведение партнера, нарушение коммуникации, утрата семейных ценностей, несовместимость супругов, неготовность к семейной жизни [2].

Заповеди, регулирующие взаимодействие «человек – человек», в первую очередь касаются отношений в рамках большой семьи. Поэтому понятно стремление религиозных организаций найти способы повышения их авторитета, в том числе через ужесточение требований к определенным социальным группам. Например, замглавы Синодального отдела РПЦ по взаимоотношениям церкви с обществом В. Кипшидзе предлагает при назначении на руководящую должность «учитывать семейный статус человека. Если человек не способен создать собственную семью, то большой вопрос, насколько он будет способен руководить большими коллективами» [1]. На первый взгляд, вывод логичен, на второй – сомнителен. Еще Платон, хорошо познав природу человека, предлагал запретить руководителям государства иметь семью и собственность, дабы не ставили личное выше общественного. В современных рыночных условиях первая стратегия ускорит формирование сословного государства, вторая – узаконит проституцию, впрочем, как и первая.

Подводя итог, можно сказать о доминировании светских общегосударственных ценностей у студентов СПО по сравнению с мотивацией обусловленной библейскими или иными религиозными заповедями авраамических религий как регулятора повседневного поведения или выбора жизненных ориентиров. Несмотря на изменение вектора в государственно-конфессиональных отношениях в сторону сотрудничества с традиционными для РФ конфессиями, поддержку их образовательных, культурных и социальных инициатив – общество остаётся антропоцентричным, секулярным и достаточно индивидуалистичным, что фиксируют многочисленные исследования в разных социальных слоях и когортах.

Библиографический список

1. В РПЦ призвали учитывать семейное положение кандидата при приеме на работу – РТ на русском // <https://russian.rt.com/russia/news/1390587-грс-семейное-polozhenie>.
2. ВЦИОМ. Новости: Разводы в России: мониторинг // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring>.
3. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В. Идеальная семья в представлениях современной студенческой молодежи России (по материалам социологического исследования) // *Философия хозяйства*. 2024. С. 215–234. DOI: 10.5281/zenodo.13920366.
4. Смирнов М.Ю. Современное религиозное поведение. Вопросы теории и методологии российских исследований религии: монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2024. 188 с.

5. *Шиманская О.К.* Глобальная современность и старообрядчество: амбивалентность взаимодействия // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии.* 2021. № 3. С. 40–58. DOI: 10.28995/2658-4158-2021-3-40-58.

6. *Широкалова Г.С., Шиманская О.К.* Религиозные искания студенческой молодежи (региональные аспекты) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Иваново, 27–28 марта 2024 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. 576 с. ISBN 978-5-7807-1447-7. С. 5–10.

7. *Широкалова Г.С., Шиманская О.К.* Международные православные ярмарки: путь к взаимопониманию? // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы II Междунар. науч. конф. (16 декабря 2022 года) [Электронный ресурс] / под. ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области, 2023. С. 149–156. ISBN: 978-5-6049007-3-4.

УДК 9 (908)

Е.А. Шушканова,

доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (Красноярск)

ХРИСТИАНСКИЕ ФОРМАТЫ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. Анализируется феномен советской идеологии, в которой атеистическое мировоззрение облекалось в разнообразные религиозные формы.

Ключевые слова: Русская православная церковь, христианство, идеология, духовность, советское общество.

E.A. Shushkanova,

Associate Professor, Siberian state University of Science and Technology named after academician M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk)

CHRISTIAN FORMATS IN SOVIET IDEOLOGY

Abstract. The author analyzes the phenomenon of Soviet ideology, in which the atheistic worldview was clothed in various religious forms.

Keywords: Russian Orthodox Church, Christianity, ideology, spirituality, Soviet society.

В этимологии греческого «идеология» двусоставность: идея – прообраз, логос – слово, разум, учение. Как и религия, идеология не относится к категории науки. Наука имеет своей задачей изучение явлений, данных во внешнем опыте. Религия же переходит на восприятие абсолютного начала, стоящего над внешним миром. При этом религия и

идеология – это разные варианты осмысления мира. Идеология есть гораздо более упрощенная мировоззренческая система в отличие от религии. Известный российский философ и культуролог Г.С. Померанц очень емко сформулировал коренное различие: идеология «это разум без умного сердца. Это рациональная схема, не проверяемая глубинным духовным чувством. Самая плохая религия содержит в своем сложном целом какой-то путь в глубину... Идеология, даже хорошая, не раскрывает глубины» [5]. Вследствие этого идеология более тяготеет к философии, а не к религии. По словам того же Г.С. Померанца «идеология – это популярная философия, доступная широким кругам, которая способна оттеснить и, по представлениям многих идеологов, вообще совершенно заменить религию» [5]. Идеология и утвердилась сравнительно недавно – в XVIII в., сам же термин «идеология» вошел в научный оборот еще позднее – в начале XIX в.

Предметом данного исследования является один из феноменов идеологии, которая оформилась на основе марксизма-ленинизма, получила широкое распространение в СССР и при этом загадочным образом в практическом своем воплощении обнаруживала абсолютно христианские форматы. Парадокс состоит в том, что отцы-основатели постбуржуазной идеологии К. Маркс и Ф. Энгельс отрицали всякую религию, как способа установления связи со Всевышним. Основоположники марксизма полагали, что религия имеет земное происхождение, что она является обманом, нелепостью, средством манипуляции населением («опиумом для народа») и по мере движения к социализму будет естественным образом исчезать. Что же касается В.И. Ленина, то он развил атеистическую тему в марксизме до степени воинствующего безбожия. И писал, что религия не просто опиум, но «род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [4, с. 143].

Как показала практика большевизма, отношение к религии стало для его адептов делом принципиальным. Сразу же после прихода их к власти тема борьбы с религией и с Русской православной церковью, вышли на передний план. Церковная политика советской власти, в особенности в период становления новой государственности, не может вызывать сомнений в оценке: это была политика богоборческая, антихристианская и экстремистская.

При этом в советской идеологии, которая была призвана прийти на смену религиозного миропонимания, присутствовало много аналогий с тем самым, что Ленин называл средневековой плесенью, одурачиванием человечества, религиозным туманом и т. п. Так, вместо поклонения иконам, в СССР сложился настоящий культ портретов вождей.

Причем если иконы в русских избах было принято ставить в красном углу, то в советской России стали повсеместно создавать красные уголки, непременным атрибутом которых были портреты коммунистических вождей. Крестные ходы верующих во Христа, нашли свою аналогию в массовых демонстрациях верующих в светлую победу коммунизма. Церковное пение получило свое революционное продолжение в традиции коллективного пения песен и гимнов, особо распространенного в ранний период существования советского государства.

Нельзя не заметить практику возвеличивания советских лидеров, когда они наделялись чертами не свойственными обычному человеку: непорочности, особой прозорливости, недюжинного ума, способности осчастливить всех и каждого. Демьян Бедный уже в 1918 г. написал стихотворение «Вождю», где так неуместно присутствовала религиозная канва:

Ты был за дальнею границей, но духом с нами был всегда.
Росла, страница за страницей святая библия труда...
Нам каждый день грозила кара. И беспощадный вражий суд,
Напор открытого удара. И козни тайные Иуд.

После смерти вождь был помещен в мавзолей в специальном саркофаге, где его забальзамированному телу отдавали почести сравнимые с поклонением мощам святых христианских угодников. Лозунг «Ленин всегда живой» не просто тиражировался, но при введении новых партийных билетов первый номер выписывался на его имя, как здравствующему. Поклонение И.В. Сталину приняло в СССР также совершенно невообразимые формы. Можно и дальше находить крупные и мелкие совпадения коммунистической идеологии и религии. Чего стоит основной лозунг социализма «Кто не работает, тот не ест», который почти дословно повторяет слова апостола Павла. Совершенно очевидно, что происходил некий синкретизм религиозного и антирелигиозного мировоззрений и не только в сфере обрядности и церемониала, но и в неких сущностях.

Есть разные попытки объяснить этот феномен. Например, путем причисления советской идеологии к новой религии: с ожиданием будущего рая на Земле, с необходимостью принесения жертвы во имя великой цели, с идеей нового человека и т. д. Интересно, что одной из ранних революционно-социалистических программ в России был так называемый «Катехизис революционера» С.Г. Нечаева. Однако представляется, что приравнивать коммунистическую идеологию к разновидности религии является грубой натяжкой. В религии есть Бог с конкретной сущностью: Бог есть дух, Он – личность, Он абсолютно свят, Бог есть любовь

и т. д. Ничего этого в советской идеологии нет, потому что там нет Бога. А соответственно не ставится задача обрести живую связь с Ним.

Есть другая историографическая версия, оценивающая советскую идеологию, как разновидность язычества. Если рассматривать язычество, как поклонение творению, а не Творцу, то такой взгляд на советскую идеологию в общем понятен. Идолопоклонство, мифотворчество – это характерные свойства советского идеологического проекта. Павел Флоренский выделял и такие характеристики язычества, как лжедуховность («духовное барахтанье») и самообольщение, которые легко обнаружить в советской идеологии. Скажем, последнее присутствовало в советском культе человека: человек – хозяин жизни; человек – это звучит гордо. Максим Горький назвал это геооптимизмом и возвышенно воплотил его в своей поэме-песне «Человек» [2, с. 423]. Однако представляется, что близкое сопоставление язычества и советской идеологии слишком упрощает последнюю, не говоря о том, что в язычестве все же присутствуют боги, причем в немалом числе.

Как объяснить этот заметный не просто религиозный, но христианский акцент в советской идеологии? Начнем с того, что в проекте коренного и принципиального переустройства российского общества и государства, духовные основы его должны были быть реформированы принципиальным образом. При этом Ленин и прочие идеологи коммунистического проекта не могли не сознавать, что сделать это быстро было невозможно. Ленин поэтому был против включения положения об атеизме в программу партии: он понимал, что провозгласить атеизм и сделать общество неверующим в Бога – это задачи разновременные. Поэтому в переходный период следовало методично и упорно заменять старые установки новыми.

Причем начинать нужно было с повседневности. Например, с выбора имен детям. Если до революции основанием выбора имени были святцы, то теперь стал революционный календарь. В загсах стали вывешиваться рекомендательные списки с именами. Для девочек: Индустрия, Октябрина, Февралина, Коммуна и тому подобное. Или аббревиатуры для мальчиков: Ким (Коммунистический Интернационал молодежи), Владлен (Владимир Ленин). Были просто дикие с точки зрения здравого смысла имена: Дазвсемир (Да здравствует всемирная революция), Леундеж (Ленин умер, но дело его живет) и пр.

Крупный советский деятель Л.Д. Троцкий в газете «Правда» указывал на некоторые примеры становления новой обрядности: осмотре младенца при участии фабзавкома и особым протокольным постановлением о включении новорожденного в число граждан РСФСР». Или его слова: «сейчас оркестр, выполняющий похоронный марш, способен, как

оказывается, нередко конкурировать с церковным отпеванием» [7]. Власть также считала особенно важным искоренить православные праздники, причем также путем параллелизма: в день Светлой Пасхи – «красная пасха», в Рождество Христово – «красное рождество», «день урожая» к «Спасу Преображения» и т. д.

Словом, была развернута широкомасштабная программа вытеснение православия из духовного пространства общества с целью занять его место, вклиниться в его духовные ниши, подчиняя тем самым умы и души людей. Из этого неизбежно вытекало подражание, эпигонство, то самое «духовное барахтанье». Часто для этого не нужно было никакой директивы: достаточно было убедить (в особенности молодежь), что попы – это злейшие враги простого народа и народ сам находил формы, в которые воплощалось поругание святынь.

Следующей причиной присутствия религиозных форматов в советской идеологии была, на наш взгляд, внутренняя ограниченность, а в отдельных вопросах просто примитивность советского идеологического проекта (скажем, в философии нового советского человека). Не говоря уже о том, что в принципиальных мировоззренческих вопросах этот проект часто не соответствовал объективной картине мира. Вспомним хотя бы его антагонистическое противоречие с генетикой, из-за чего та по понятным причинам долгое время считалась в СССР лженаукой. Нравственные и моральные критерии не в счет: в СССР разумеется осуждалось то, что является пороком в любом человеческом социуме. Но нравственность и духовность понятия не тождественные.

А в советском проекте духовности не было, что неизбежно стимулировало все возрастающие духовные искания в обществе. По этому поводу уместно вспомнить известного русского богослова XIX в., профессора Московской духовной академии Ф.А. Голубинского, писавшего о способах доказательства бытия Бога: «Еще Плутарх замечал, что путешественникам приходилось встречать много народов, у которых не было ни укреплений, ни наук, ни законодательства, – но нигде нет города, у которого не было бы никакого божества... Здравый разум, не увлекающийся предрассудками, может открыть часть истины и под оболочкою религиозных языческих мифов» [1].

Хотя следует признать, что на том историческом отрезке, когда теория коммунизма и идея нового строя начинали популяризироваться в обществе, они получили широкое общественное признание по ряду причин. Во-первых, в стране тогда было всего около 20 % грамотных. Во-вторых, присутствовало состояние беспочвенности, растерянности и глубочайшей тревоги от нарастающего с 1914 г. социального хаоса. Но со временем все более обнаруживалось дно советской идеологемы.

Г.С. Померанц, оценивая итоги 70 лет советской истории, описал это так: «В течение всего советского периода идеология пыталась вытеснить религию или по крайней мере свести ее на уровень терпимого народного предрассудка. Однако с конца сороковых годов идет медленный, но неуклонный процесс возвращения к религии. Религия и идеология оказались разными вещами, никак не заменяющими друг друга» [6, с. 222]. Таким образом, кризис советской идеологии был очевиден: помимо воли ее теоретиков, естественным образом в общественном сознании прорастало то, что давало связь с Вечностью.

Говоря о живучести религиозных форматов в советской идеологии, следует также обозначить понятие национальной почвы, национального кода, переформатировать который почти невозможно. Крупный социолог и философ А.А. Зиновьев утверждал, что «наивно рассчитывать на то, что реформаторы и оппозиционеры могут изменить тип общества. Они могут улучшить или ухудшить жизнь людей в данном обществе, способствовать его укреплению или крушению. Но тип общества неизблем. Он складывается «раз и навсегда» [3, с. 40–41]. Поэтому, например, закономерным образом отношение к советским вождям в бывшей российской империи приобретало религиозно-мистическую окраску. Несколько характерных примеров из стихов поэтов народов СССР, посвященных Сталину: «Впереди же поющих всех, он, сверкая лицом, идет»; «Твоя прекрасная улыбка бессмертной мудрости полна»; «Нам радость жизни создал Сталин и воплотил ее в закон». Представляется при этом сильной натяжкой утверждать, что кампанией по обожествлению Сталина руководил сам Сталин.

В конечном счете, идеология стала главным могильщиком СССР. Ведь с точки зрения чистой экономики советский проект оказался мощным: при известных недостатках плановой системы она вывела страну на передовые позиции в мире. Однако идеология не давала высоких духовных идеалов: лозунги «Пролетарии всех стран соединяйтесь» и «Наша цель коммунизм» довольно скоро сменились узко потребительскими целями «Догнать и перегнать Америку», «Обеспечить постоянно растущие материальные потребности советского человека».

Библиографический список

1. Голубинский Ф.А. Лекции по умозрительному богословию // Золотой корабль. Православная библиотека. URL: <http://golden-ship.ru>
2. Горький А.М. Человек // Собрание сочинений: в 16 т. М., 1979. Т. 3.
3. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994.
4. Ленин В.И. Социализм и религия // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. М., 1968.

5. Померанц Г.С. Религия и идеология // По ком звонит колокол. Миссионерско-просветительский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/1608>

6. Померанц Г.С. Выход из транса. М., 2010.

7. Троцкий Л.Д. Культура переходного периода: семья и обрядность // Правда. 1923. № 156.

УДК 174:35.08

Н.Г. Юркин,

заведующий кафедрой теории управления, Ивановский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «АДМИНИСТРАТИВНАЯ» И «СЛУЖЕБНАЯ ЭТИКА»

Аннотация. Акцентируется внимание на сложности идентификации таких смежных понятий, как «профессиональная», «административная» и «служебная этика». Автор предлагает логическую конструкцию взаимосвязи анализируемых категорий. Характеризуются основные сходства и отличия административной и служебной этики.

Ключевые слова: профессиональная этика, административная этика, служебная этика, требования к служебному поведению.

N.G. Yurkin,

Head of the Department of Management Theory, Ivanovo Branch
Russian Academy of National Economy and Public Administration

ON THE RELATION OF CONCEPTS "ADMINISTRATIVE" AND "SERVICE ETHICS"

Abstract. The attention is focused on the complexity of identifying such related concepts as “professional”, “administrative” and “service ethics”. The author offers a logical construction of the interrelation of the analyzed categories. The main similarities and differences between administrative and official ethics are characterized.

Keywords: professional ethics, administrative ethics, official ethics, requirements for official conduct.

В настоящее время существует неоднозначность толкования определений, связанных с одним из видов профессиональной этики – административной и служебной этикой. По нашему мнению, несогласованность категориального аппарата приводит к сложностям в организа-

ции научных исследований, особенно для молодых исследователей. В данной работе поставлена цель разграничить указанные понятия. В контексте данной статьи под этикой мы будем понимать совокупность норм поведения, применительно к какой-либо общественной группе [10, с. 1192].

Зачастую в научной литературе происходит отождествление понятий «служебная» и «профессиональная» этика. Например, авторы одного из учебных пособий, характеризуя понятие «профессиональная этика» подчеркивают, что основные нравственные нормы «*служебной этики*» «должны быть присущи *всем работникам*, независимо от того, где находится *их рабочее место*» (курсив мой. – Н. Ю.) [11, с. 13]. В выделенных фрагментах наблюдается уравнивание категорий «служба» и «профессия». Как нам представляется, это связано с тем, что в современной науке существуют два основных подхода к понятию «служащий».

Первый можно назвать «традиционным», поскольку он зиждется на классификации персонала, которая была разработана в Советскую эпоху. Под служащими в логике данного подхода понимались работники, осуществляющие трудовую деятельность в процессе управления производством с преобладающей долей умственного труда [8]. В такой логике отождествление понятий служебная и профессиональная этика выглядит вполне убедительным.

Второй подход появился в научном дискурсе сравнительно недавно, вместе с возрождением института служебного права. В соответствии с ним, под государственным служащим понимается лицо, осуществляющее профессиональную служебную деятельность по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, субъектов РФ, а также органов публичной власти и управления [7]. В этой связи уравнивание понятий служебная и профессиональная этика является некорректным. Правда, справедливости ради следует указать, что в утвержденном Минтрудом России новым справочнике термин «служащий» в качестве обобщающей категории по-прежнему используется: «в соответствии с принятой классификацией служащих на три категории: руководителей, специалистов и других служащих (технических исполнителей). Отнесение служащих к категориям осуществляется в зависимости от характера преимущественно выполняемых работ, составляющих содержание труда работника (организационно-административные, аналитико-конструктивные, информационно-технические)» [9].

Однако с точки зрения ясности терминологического аппарата, полагаем, что «профессиональную этику» нужно рассматривать отдельно

от служебной этики: как совокупность требований морального характера, предъявляемых к представителям определенного рода профессиональной деятельности. При этом она должна рассматриваться только как обобщающая категория, поскольку единого перечня таких норм, которые могут применяться ко всем видам деятельности, не существует. Хотя из данного правила есть определенные исключения. Например, фактически в любом виде профессиональной этики существует требование отказа от распространения информации, ставшей доступной в период исполнения должностных обязанностей. Но, как известно, любое исключение лишь подтверждает правило, и большинство моральных требований устанавливаются в зависимости от выполняемых функций. В этом контексте профессиональная этика логично включает в себя отдельные ее разновидности: врачебная, преподавательская этика, этика адвоката или журналиста и т. п. В этом плане служебная этика представляет собой один из видов профессиональной этики.

Также неоднозначно решается вопрос о соотношении понятий «административная» и «служебная этика». Высказываются различные точки зрения. Нередко указанные понятия также рассматриваются в качестве синонимов. В частности, в одном из энциклопедических словарей, читаем: «Административная этика представляет "адаптированные к практическим нуждам муниципальной и государственной службы сведения... о моральных требованиях к формам, методу и стилю служебной деятельности в области государственного и муниципального управления"» (цит. по: [1]). По нашему мнению, соотношение указанных категорий следует все-таки рассматривать как отношение общего к частному.

Мы согласны с теми исследователями, которые определяют административную этику как «вид профессиональной этики, который представляет собой совокупность принципов, норм, правил, стандартов, обусловленных социальным и публично-правовым характером деятельности *органов государственной власти* и органов местного самоуправления» (курсив мой. – Н. Ю.) [12, с. 7]. Мы бы еще уточнили выделенный фрагмент, включив в перечень не только органы госвласти, но иные государственные органы, исполняющие отдельные функции государственного управления (например, Аппарат Государственной думы и правительства РФ, следственный комитет и т. п.). Таким образом, указанные моральные нормы ориентированы к лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации и ее субъектов, должности федеральной и региональной государственной службы, лицам, замещающим муниципальные должности, а также должности муниципальной службы в РФ.

Обратим внимание на отличительную особенность административной этики, которая выделяет ее в ряду других видов профессиональной этики. Если последние формировались эволюционно вместе с развитием корпоративной культуры того или иного вида профессии и лишь позднее закреплялись в локальных актах, то моральные нормы административной этики изначально иницируются государством и поэтому закрепляются в законах или подзаконных актах.

При этом важно иметь в виду, что также, как и в случае с профессиональной этикой, данный термин может использоваться как обобщающая категория, поскольку единого набора требований к поведению всех вышеперечисленных лиц нет. Особенно ярко это проявляется по отношению к государственным должностям Российской Федерации. В правовой системе России отсутствует нормативный акт, который определял бы правовой статус всех государственных должностей как на федеральном, так и на региональном уровне. Правовой статус каждой такой должности определяется специальным законом. Несмотря на вышесказанное, некоторые ключевые, базовые элементы административной этики можно выделить, т. е. требования, которые распространяются на все вышеперечисленные лица. Мы бы свели данные базовые элементы к двум основным группам.

1. Стандарты поведения, направленные на профилактику коррупции. К их числу можно отнести необходимость уведомлять о попытках склонения перечисленных лиц к совершению коррупционных преступлений, обязанность отдельных лиц ежегодно декларировать сведения о своих доходах и доходах членов своей семьи, принимать меры по урегулированию конфликта интересов и т. д. [6].

2. Необходимость соблюдать меры, направленные на обеспечение государственного суверенитета. Здесь можно привести такие примеры как запрет на замещение должности иностранными гражданами и лицами, признанными иностранными агентами (см., напр.: [4]), запрет на владение счетами в иностранных банках [3] и т. п.

Указанные запреты в последнее время начинают распространяться также на руководящий состав государственных и муниципальных предприятий и учреждений, которые, как известно, не являются ни государственными или муниципальными служащими, ни лицами, замещающими госдолжности или муниципальные должности. Это позволяет нам уточнить понятие «административной этики» путем включения их в перечень лиц, на которых распространяются требования данного вида профессиональной этики.

Как уже указывалось, поскольку нормы административной этики отдельно закрепляются для каждой категории лиц, то можно сделать

вывод, что она включает в себя отдельные разновидности: этика депутата представительного органа, этика лица, замещающего госдолжности высших должностных лиц субъектов РФ и т. д. В этом ряду служебная этика, которую мы рассматриваем как совокупность требований, предъявляемых к лицам, замещающим должности государственной и муниципальной службы, занимает особое место. Большинство таких требований вобрал в себя типовой кодекс этики государственных и муниципальных служащих [13]. Однако он не вводил в действие новую норму права, а кодифицировал те нормы, которые ранее были закреплены в различных законах России.

Выделение служебной этики в особую разновидность административной этики обусловлено тем, что некоторые ее нормы существенно отличаются и могут даже вступать в противоречие с требованиями к служебному поведению. Например, служебная этика требует от государственного служащего политической нейтральности, то есть исключать «возможность влияния на их служебную деятельность решений политических партий и общественных объединений» [13]. В отличие от них лица, замещающие государственные должности, избранные от какой-либо партии, не могут после вступления в должность отказаться от своей политической программы, за которую проголосовали граждане на выборах. Другой пример: по большинству государственных должностей предусмотрен отказ от иной оплачиваемой деятельности. В частности, члены Правительства РФ не могут не только заниматься предпринимательской деятельностью, но и любой «другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности» [5]. В отличие от них, гражданские служащие имеют право с уведомления представителя нанимателя выполнять во внеслужебное время иную работу, получая за нее соответствующий заработок, при условии, что это не приводит к конфликту интересов [2]. Список примеров можно продолжать и дальше.

Объемы представленной работы не позволяют ей претендовать на полноту проведенного анализа. Однако, по нашему мнению, предлагаемая логическая конструкция соотношения анализируемых понятий сможет внести определенную ясность в терминологический аппарат по проблематике профессиональной этики.

Библиографический список

1. Балакирева М.А. Нормативно-правовое обоснование развития и реализации административной этики в системе государственной гражданской службы // Administrative Consulting: Сетевой научный журнал. 2019. Vol. 5. Is. 2 (10) [Электронный ресурс]. URL: https://spb.ranepa.ru/wp-content/uploads/2021/02/balakireva_m.pdf (дата обращения: 16.01.2025).

2. О государственной гражданской службе РФ: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 08.08.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102088054&rdk=> (дата обращения: 18.01.2025).

3. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ (в ред. от 10.07.2023). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102165163&rdk=> (дата обращения: 17.01.2025).

4. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ (в ред. от 13.12.2024) URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603158320> (дата обращения: 17.01.2025).

5. О Правительстве РФ: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46015> (дата обращения: 18.01.2025).

6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126657&rdk=> (дата обращения: 17.01.2025).

7. О системе государственной службы РФ: Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ (в ред. от 14.02.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102081744&rdk=> (дата обращения: 16.01.2025).

8. Об утверждении Единой номенклатуры должностей служащих: Постановление Госкомтруда СССР от 09.09.1967 г. № 443 (Извлечение) (утратил силу) [Электронный ресурс]. URL: https://e-ecolog.ru/docs/3cgPxJM6WJmZ4NrQRIJYx?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 15.01.2025).

9. Об утверждении Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих: Постановление Минтруда РФ от 21.08.1998 г. № 37 (в ред. от 27.03.2018). URL: <https://docs.cntd.ru/document/58839553/titles/OI2HNA> (дата обращения: 16.01.2025).

10. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 2007.

11. Профессиональная этика: учебное пособие / под ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2023.

12. *Султанова Е.В.* Этика государственного и муниципального управления: учебное пособие. Владивосток, 2017.

13. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420254359> (дата обращения: 17.01.2025).

**«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО
(РУБЕЖ XIX–XX ВВ. – НАЧАЛО XXI В.)»**

Ивановский государственный медицинский институт (ИГМИ) – высшее учебное заведение, основанное в 1930 г. с целью подготовки высококвалифицированных специалистов в области медицины в Ивановской промышленной области.

На 2 факультетах функционировали 26 кафедр – 18 теоретических, 18 клинических и 3 отдельных независимых от других отделения рентгенологии, стоматологии и туберкулёза.

Контингент преподавателей составлял 175 преподавателей, 2030 студентов на 1941 г. По количеству профессоров ИГМИ занимал 1 место в области и 5 место в РСФСР [4, с. 47]. В деятельности вуза выделялось несколько направлений.

Помощь ленинградцам. Поступление эвакуированных из г. Ленинграда в Иваново началось с 31 января 1942 г. Для оказания первой помощи эвакуированным ленинградцам в помещении вокзала ст. Иваново был организован медпункт с 26.01.1942 г. Отведена была хорошая комната, организатором медпомощи при ст. Иваново был врач скорой помощи – студент 5 курса ИГМИ И.Ф. Морозов. К этой работе были привлечены врачи, средний медперсонал из больниц, поликлиник и дружинницы. Особенно большую работу по приему ленинградцев провела 1-я городская больница – доктор Л.М. Кибардин, профессор Л.В. Сквирский, доктор О.А. Настюкова, профессор Игнатов, которые приняли первые эшелоны, идущие из Ленинграда [6, с. 312].

Работа в госпиталях. Преподаватели-клиницисты ИГМИ активно принимали участие в работе госпиталей. Большая часть из них состояла в руководящем составе. Так, профессор С.С. Мазель занимал должность начальника лечебного отдела местного эвакупункта № 35 (МЭП № 35), которому подчинялся 61 госпиталь области; доцент Г.Н. Смирнов – должность начальника отдела эвакуогоспиталей облздравоотдела; ассистент Ф.Н. Пряшников – должность заместителя начальника МЭП № 35; ассистент Е.Я. Выренков – должность старшего хирурга МЭП № 35; профессор М.А. Кимбаровский – должность главного хирурга эвакуогоспиталей; профессор А.М. Предтеченский – должность главного терапевта эвакуогоспиталей; доцент Р.А. Ткачёв – должность инспектора-невролога отдела эвакуогоспиталей; доцент П.М. Максимов – должность начальника областной станции переливания крови; доцент Г.П. Антошечкин – должность инспектора по физкультуре эвакуогоспиталей; доцент М.П. Жаков – должность главного стоматолога эвакуогоспиталей; доцент Г.М. Шпуга – должность руководителем линии Красного Креста. За работу в госпиталях получили благодарность облздравоотдела профессора Л.И. Виленский, М.А. Кимбаровский, А.М. Предтеченский, Р.А. Ткачёв и др. [2, л. 38].

Донорская служба. Еще шире становились ряды доноров. Во время перелитая кровь спасёт жизни многих тысяч бойцов. В стране не было недостатка в патриотах-донорах, движимых самыми благородными чувствами. Их нужно было только организовать, тщательно отбирать, установив внимательное наблюдение за их здоровьем [3].

Яркой страницей оказания помощи раненым была служба крови. Руководителем службы крови на протяжении 1941–1955 гг. был доцент ИГМИ П.М. Максимов, заведующий донорским отделом, ассистент Е.А. Кириллов, заведующий хирургическим отделом, ассистент С.И. Чистяков, хирургами-лаборантами, выпускницы ИГМИ А.Н. Бобровская, В.Н. Долгушева-Куроедова, А.И. Кашинцева, Е.И. Сенникова, Е.Н. Шумарина, З.К. Юшкевич [4, с. 58].

Для выполнения правительственного задания по массовой заготовке консервированной крови, исполком облсовета Ивановской области постановлением от 8 июля 1941 г. «По вопросу развертывания станции переливания крови» образовал в г. Иванове станцию переливания крови.

Постановлением был определен комплекс первоочередных мер для организации ее деятельности. Тогда же руководителем станции был назначен начальник административно-медицинской части госпиталя № 1388 военврач 3-го ранга П.М. Максимов. Из воспоминаний П.М. Максимова, начальника Ивановской станции переливания крови: «Забываясь о выполнении плана по снабжению действующей армии и эвакуогоспиталей кровью, мы ставили задачей получение высокого качества самого препарата консервированной крови. Хорошие отзывы врачей с фронта были лучшей благодарностью за это» [5, с. 80].

За отличную работу по организации донорского движения правительственных наград были удостоены: доцент П.М. Максимов, руководитель военной и гражданской службы крови; ассистент Е.А. Кириллов, заведующий донорским отделом С.И. Чистяков и др.

Научные исследования. В первую очередь перед научными работниками стояла проблема *военного травматизма*. Основной задачей учёных-медиков являлось скорейшее излечение раненого бойца для возвращения его в ряды Красной армии. Вопросы точной диагностики военно-травматических повреждений, раннее выявление осложнений, изыскание наиболее эффективных методов лечения в целях скорейшего восстановления боеспособности раненого, вопросы качества лечебной работы в эвакуогоспиталях составляли основную тематику научных исследований [1, л. 23]. Доцент С.М. Дерижанов разработал учение об огнестрельных остеомиелитах. Профессор А.П. Любомудров занимался учением о коллатеральном кровообращении. Профессор М.А. Кимбаровский работал над новыми способами лечения инфицированных ран. Профессор А.А. Козырев работал над введением кислорода в полость

раненой ткани. Доценты С.К. Понятовская, Р.А. Ткачев и Л.М. Шендерович занимались изучением лечения осложнений при огнестрельной травме черепа и травматических повреждениях периферической нервной системы. Ассистент А.Н. Стыскин работал над огнестрельными ранениями пальцев и кисти [4, с. 67].

Проблема *борьбы с инфекционными заболеваниями* приобрела исключительное значение. Неотложной задачей научной работы являлось недопущение развития инфекций в стране и проникновение их в Красную армию. Вопросы ранней диагностики лечения и профилактики инфекционных заболеваний, более совершенных противоэпидемических и профилактических мероприятий требовали разрешения, в частности, в связи с перемещением населения при эвакуации и реэвакуации районов [1, л. 23]. Профессоры Э.Р. Геллер, П.В. Сквирский, Г.Я. Хволес и ассистент Н.В. Хелевин изучали способы профилактики и борьбы с малярией, столбняком, сыпным тифом. Доцент А.И. Берлин изучал лечение и профилактику легочного туберкулеза [4, с. 68].

Борьба с детской заболеваемостью и смертностью являлась весьма важной проблемой. В военное время и после него существовал ряд проблем, требующих лечения и профилактики детских инфекций, вопросов питания в детском возрасте, наиболее эффективных мероприятий по борьбе со смертностью новорождённых [1, л. 23]. Профессор С.И. Игнатов, доценты М.М. Левит и С.Д. Носов, ассистент М.Ф. Вассерман разрабатывали вопросы, касающиеся детских воздушно-капельных инфекций: дифтерии, кори, цереброспинального менингита [4, с. 68].

В условиях войны особое внимание обращалось на условия работы промышленных предприятий. Поэтому научным работникам необходимо было связать свои исследования с проблемой *промышленного травматизма и промышленной интоксикации*. Результаты научной работы по вопросам этой проблемы должны были обеспечить реальное улучшение медико-санитарного обслуживания промышленных предприятий, что являлось ценным вкладом в оборону нашей страны [1, л. 23]. По данному направлению велась исследовательская работа специалистов ИГМИ на текстильных предприятиях области. Доцент А.В. Глико и профессор С.С. Мазель изучали болезни и травмы на предприятиях легкой промышленности. Доцент И.М. Соболев разрабатывал вопросы воздействия ткацкого производства на дыхание рабочих. Под руководством А. М. Предтеченского студенты проводили обследование состояния медицинской помощи на предприятиях города [4, с. 68].

В результате в рассматриваемый период сотрудниками ИГМИ было выполнено свыше 200 научных исследований, из которых больше половины имело оборонное значение. Труды Л.И. Виленского,

М.П. Жакова, П.М. Максимова, Г.Д. Сперанского, Л.С. Хавкина и др. были удостоены профессиональных премий. Своей активной научной работой сотрудники ИГМИ не только способствовали улучшению качества медицинской помощи, но также и решали ряд важных задач, связанных с лечением раненых, военных травм, инфекций и т. д.

Таким образом, рассматриваемый период Великой Отечественной войны стал для вуза тяжёлым испытанием, но вместе с тем временем напряженной работы, отличавшейся общим подъёмом деятельности каждого преподавателя и студента. Ивановский государственный медицинский институт не только продолжал осуществлять свою учебную и научно-исследовательскую деятельность, но и вносил бесценный вклад в развитие жизни фронта и тыла, помощью жителям Ленинграда, помощью раненым, службой переливания крови, научными исследованиями. Результатом общих усилий преподавателей и студентов стали эффективная работа с эпидемическими заболеваниями, успешное лечение раненых и больных военнослужащих Красной армии, их своевременное возвращение в строй, а также сохранение сотен людских жизней.

Библиографический список

1. ГАИО. Ф. Р-2101. Оп. 5. Д. 74.
2. Там же. Д. 91.
3. Забота о здоровье раненых бойцов // Известия. 1941. 29 августа.
4. *Лукин В.А.* Очерки истории Ивановского государственного медицинского института им. А.С. Бубнова. Иваново: Иван. гос. мед. акад., 1997. 236 с.
5. *Максимов П.М.* С благодарностью переливали вашу кровь // Врачи в шинелях фронтовых: Воспоминания выпускников и сотрудников ИГМИ о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Иван. гос. мед. акад. Иваново: ИГМА, 1995. С. 80–81.
6. *Околотин В.С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Иваново: А-Гриф, 2019. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново, 2019. 623 с.

А.М. Белов,

профессор, Костромской государственной университет (Кострома)

А.Н. Малинин,

аспирант, Костромской государственной университет (Кострома)

ПРОБЛЕМЫ КООПЕРАТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Костромской и Ярославской губерний)

Аннотация. Кооперативное движение во второй половине XIX – начале XX в. сталкивалось с проблемными ситуациями, которые мешали развитию кооперации. В статье рассмотрены основные проблемы кооперативного строительства в российской провинции. Используются материалы архивов Ивановской, Костромской и Ярославской областей.

Ключевые слова: кооперативное движение, кооперация, российская провинция, Костромская губерния, Ярославская губерния, кредитные и ссудосберегательные товарищества, потребительские общества, сельскохозяйственные общества.

A.M. Belov,

Professor, Kostroma State University

A.N. Malinin,

Postgraduate student, Kostroma State University

PROBLEMS OF COOPERATIVE CONSTRUCTION IN THE RUSSIAN PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (based on materials from Kostroma and Yaroslavl provinces)

Abstract. The cooperative movement in the second half of the XIX – early XX century faced problematic situations that hindered the development of cooperation. The article discusses the main problems of cooperative construction in the Russian province. Materials from the archives of the Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl regions were used.

Keywords: cooperative movement, cooperation, Russian province, Kostroma province, Yaroslavl province, credit and savings and loan partnerships, consumer societies, agricultural societies.

Кооперативное движение в России зародилось в 1860–1870-е гг., что было связано с реформаторской деятельностью Александра II, результатом которой стало складывание в стране новых социально-

экономических отношений. Это серьезным образом затронуло жизнедеятельность крестьянства. Во 2-й половине XIX в. – начале XX в. в губерниях появлялись кредитные, потребительские, производственные и сельскохозяйственные кооперативы. Их привлекательность для сельского и городского населения обуславливалась возможностью приобрести товары и продукты первой необходимости по сниженным ценам, получить ссуды на выгодных условиях, организовать совместный сбыт товаров собственного производства и т. п.

Пионером кооперативного движения стала Костромская губерния. 22 октября 1865 г. правительство утвердило устав Рождественского ссудо-сберегательного товарищества, расположенного в с. Дороватово (затем – Рождественское) Рождественской волости Ветлужского уезда. Свою деятельность товарищество начинает с 1 августа 1866 г. Уже тогда инициаторы развития кооперации столкнулись с серьезными проблемами. В.Ф. Лугинин, руководитель товарищества, отмечал, что крестьяне желали пользоваться «лишь дешевым кредитом». Поэтому они платили только «вступные деньги», а от паевых взносов стремились уклониться [13, с. 177]. Кроме того, далеко не все должники исправно выплачивали ссуды. Руководству приходилось обращаться к волостному правлению и мировому посреднику для взыскания долгов. По приговору суда были произведены «продажи имущества у неплательщиков» [13, с. 176].

Подобные инциденты встречались и в других губерниях. Ярославская губернская земская управа выявила ряд проблем при проверке отчета Режского ссудо-сберегательного товарищества за 1878 г. (Мологский уезд, Ярославская губерния). Члены кооператива неправильно понимали его цель. По их мнению, кооператив был основан «для того, чтобы лишь занимать деньги», поэтому каждый член обязательно должен быть в долгу у товарищества [11, л. 10]. При этом среди крестьян встречались и злостные должники. Против них руководство кооператива просило волостное правление возбудить судебное дело [11, л. 77].

В 1860–1870-е гг. сельское и городское население впервые познакомилось с особенностями работы кооперативных организаций и сделало первые шаги в их развитии. Однако с 1880-х гг., и вплоть до конца столетия, наступил период упадка кооперативов и потери к ним интереса. В первую очередь это касалось ссудо-сберегательных товариществ, которые не оправдали надежд трудового населения.

Новый этап в развитии кооперативного движения наступил в начале XX в. Несмотря на полученный опыт в прошлые десятилетия, организации продолжали сталкиваться с проблемными ситуациями в своей деятельности. Правление Костромского потребительского

общества (г. Кострома) в отчете за 1903 г. отмечало «не вполне аккуратную и своевременную» уплату членами своих долгов за взятые товары, а также «довольно безучастное» отношение большинства из них к работе общества [2, л. 255]. Составители отчета считали, что индифферентное отношение к делу кооперации «не есть исключение местного явления». Такое положение дел наблюдалось «почти во всех наших кооперативных учреждениях», что объяснимо отсутствием у большинства членов «чувства ответственности и привычки к самостоятельности» [2, л. 257].

Непонимание и безразличие местного населения являлись серьезным тормозом в развитии кооперации. Правление Сменцевского сельскохозяйственного общества (Мышкинский уезд, Ярославская губерния) в отчете за 1914 г. откровенно сообщало, что «преобладающее большинство» членов поступило в общество «совершенно случайно, не сознавая задач и стремлений» кооператива. Не состоялись и «многие» общие собрания общества, так как на них «не являлось законное число членов» [12, л. 81]. Другой проблемой в сельскохозяйственных кооперативах было то, что крестьяне надеялись не на собственные силы, а исключительно на внешнюю помощь со стороны правительственных и земских учреждений. Костромской уездный агроном А.К. Ковальковский в отчете за 1910–1911 гг. критиковал Кадыйское сельскохозяйственное общество (Макарьевский уезд, Костромская губерния) за то, что его правление отказалось от «агрономической деятельности» из-за отсутствия внешней агрономической помощи. Он иронично отмечал, что подобное общество «смотрит на себя, как на драгоценный сосуд, с которым должно носиться и земство, и агрономический персонал, и Департамент земледелия» [14, с. 20]. Губернское земство пыталось донести мысль о том, что многие агрономические начинания кооперативы должны осуществлять самостоятельно, не рассчитывая на помощь со стороны.

В полной мере значение кооперации не понимали и члены потребительских обществ. Возникали ситуации, когда они закупали в кооперативных магазинах только те товары, которые были дешевле, чем у частных торговцев [2, л. 259]. Правление Буйского потребительского общества (г. Буй, Костромская губерния) в 1912 г. столкнулось с тем, что «около 30–35» его членов «вовсе не забирают» товары в лавке [4, л. 290]. Такое положение дел свидетельствовало о том, что не только в сельской, но и городской среде население не совсем представляло, при каких условиях кооперативная организация может успешно развиваться и быть для них выгодной. Составители отчетов без каких-либо дополнительных разъяснений давали членам кооперативов следующие рекомендации: 1. Вовремя платить долги; 2. Забирать в магазине общества «по возможности все товары»; 3. Содействовать увеличению членов

общества и забора товаров, так как этим «обуславливается дешевизна последних» [2, л. 258].

Долгов могло быть много. Например, к 1 мая 1911 г. в потребительском обществе при фабрике «Товарищества мануфактур Анны Красильщиковой с сыновьями» (Юрьевецкий уезд, Костромская губерния) долгов числилось 5989 руб. 90 коп., а к концу года – 5865 руб. Правление общества выражало надежду, «чтобы эта неаккуратность членов была устранена ими же самими» [3, л. 309].

Подобные тенденции были характерны и для кредитных кооперативов. Инспекторы мелкого кредита старались не допустить открытие товариществ, члены которых вызывали сомнения. Так, в сентябре 1909 г. инспектор мелкого кредита изучал вопрос о возможном открытии Хаустовского кредитного товарищества (Кинешемский уезд, Костромская губерния). По его словам, учредители стремятся открыть кооператив «с корыстной целью», чтобы «разобрать деньги» между собой, а интересы населения волости у них стоят «на заднем плане». Помимо прочего, место правления выбрано «крайне неудачно» (деревня Хаустово), потому что там нет «ни одного человека», который бы мог справиться со счетоводством [8, л. 18]. Вообще место размещения правления кооператива имело большое значение. Так, сотрудники Ярославской уездной кассы мелкого кредита утверждали, что правления ряда товариществ «находятся далеко не в центре своего района», поэтому к нему «не тяготеет население, чем и объясняется слабая обращаемость некоторых селений» к их услугам [10, л. 1 об.].

В годы Первой мировой войны возникали новые проблемы. Правление Центрального сельскохозяйственного общества, одного из крупных кооперативных союзов Костромской губернии, обращало внимание на роль мобилизации в развитии кооперативного движения. По словам кооперативных служащих, «мобилизация выхватила их недр кооперации массу опытных старых работников: членов правлений, ревизионных комиссий, счетоводов, приказчиков и пр.» [5, л. 6]. Мобилизация «обезглавила кооперацию, нанеся тем самым серьезный удар по всему народному хозяйству» [5, л. 6 об.]. Военные события усложнили и основную деятельность кредитных кооперативов. Инспектор мелкого кредита при Костромском отделении Государственного банка в конце октября 1915 г. отмечал, что война «сильно повлияла на увеличение количества просроченных ссуд и сокращение ссудной операции» [9, л. 74 об.].

В сентябре 1916 г. инструктор «Союза кооперативов Кинешемского района» остался недовольным от посещения Лагунихского кредитного товарищества (Кинешемский уезд, Костромская губерния). Он писал: «Как и в других обществах этого района, общая постановка не

удовлетворяет требованиям и задачам кооперации». Всему виной стало «отсутствие подготовленных руководителей и полная неосознанность преследуемых обществом целей». Счетоводство же находилось в «неудовлетворительном состоянии», так как дьяк, отвечающий за это дело, не может самостоятельно разобраться в документации [1, л. 1].

Кооперативные организации в годы войны далеко не всегда были эффективными. Такая картина, в частности наблюдалась в Солигаличском уезде Костромской губернии, где в 1916 г. функционировали 22 потребительских общества (в 1915 г. их было 8). Уездный агроном в отчете отметил, что «радоваться такому болезненному росту потребительской кооперации не приходится». Это связано с тем, что членам обществ не хватает «коммерческих познаний», у них отсутствует «кооперативный дух», а отчетность ведется либо «примитивно», либо «не ведется совсем» [7, л. 16].

Безусловно, кооперативные служащие пытались исправлять ошибки в деятельности своих организаций. Именно в военный период чаще стала звучать мысль, согласно которой кооперативы должны уделять особое внимание культурно-просветительской деятельности. Однако данный призыв был не везде услышан. Так, на совещании Солигаличской уездной земской управы было заявлено, что в уезде «почти ни одно» кредитное товарищество «не идет на культурную работу», и выдача денег является «пока пределом» их работы [6, л. 37 об.].

Таким образом, во второй половине XIX в. – начале XX в. кооперативные организации различных типов имели схожие проблемы. Несмотря на это, годы Первой мировой войны стали временем резкого роста потребительских обществ и учреждений мелкого кредита. Трудовые массы сельского и городского населения испытывали нужду в кооперативах. Дешевые кредиты и товары по сниженным ценам оказались необходимы в сложных экономических условиях. Поэтому проблемы в деятельности кооперативов не стали серьезным препятствием в их количественном росте.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 99.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 133. Оп. 2. Д. 11709.
3. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12235.
4. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12424.
5. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 11185.
6. ГАКО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 357.
7. ГАКО. Ф. 210. Оп. 1. Д. 397.
8. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 203.

9. ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 245.
10. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 1089. Оп. 2. Д. 35.
11. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 257.
12. ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 4367.
13. Ковальковский А.К. Обзор агрономических мероприятий в Костромской губернии за 1910–1911 гг. / Изд-е Костромского губернского земства. Кострома: Типо-литография А.Н. Чемоданова, 1912. 129 с.
14. Колюпанов Н.П. Практическое руководство к учреждению сельских и ремесленных банков по образцу немецких ссудных товариществ. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1869. 277 с.

УДК 316.342.6

Ю.Г. Белоногов,

доцент, Пермский национально-исследовательский
политехнический университет (Пермь)

ВЫПУСКНИКИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ КАК «ГРУППА РИСКА» ДЕЗЕРТИРОВ С ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, влиявшие на высокий уровень самовольного оставления места работы выпускниками системы государственных трудовых резервов. Трудовое дезертирство стало реакцией маргинальных групп пролетариата на принудительные меры регулирования государством рынка труда в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дезертиры производства, рабочая молодежь, Пермский край.

Yu.G. Belonogov,

Associate professor, Perm National Research Polytechnic University (Perm)

GRADUATES OF THE SYSTEM OF STATE LABOR RESERVES AS A "RISK GROUP" OF DESERTERS FROM PRODUCTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article considers the factors that influenced the high level of unauthorized leaving of the place of work by graduates of the system of state labor reserves. Labor desertion was the reaction of the marginal groups of the proletariat to the coercive measures of state regulation of the labor market during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, deserters of production, young workers, Perm region.

Современная российская историография подробно описывает причины дезертирства с производства (самовольного оставления места работы). Таковые закономерно усматриваются в низком уровне жизни трудящихся (неудовлетворительные жилищно-бытовые условия в месте проживания, невысокая оплата труда), самоуправстве руководителей промышленных предприятий (сознательное нарушение существовавших законов о труде), слабой эффективности карательной политики по профилактике трудового дезертирства, непривычно тяжелых условиях труда для неподготовленных работников (в более широком смысле – трудности профессиональной социализации).

Однако следующий по логике развития сюжет в историографии данной проблемы – определение своеобразных «групп риска» работников-дезертиров – еще недостаточно разработан. Изучение данного аспекта позволит «очеловечить» причины самовольного оставления места работы, раскрыть механизмы влияния указанных факторов на мотивы дезертирства для каждой из этих «групп риска», выявить динамичную связь между дезертирством и регулированием государством рынка рабочей силы.

У явления самовольного оставления места работы были глубинные социально-экономические предпосылки. Автор придерживается утвердившейся в литературе точки зрения о том, что негативные трудовые девиации на первом этапе Великой Отечественной войны стали неизбежными издержками от перевода экономики на военные рельсы [10, с. 42].

Дефицит кадров predetermined значительно больший объем регулирования государством как процессов трудовой мобильности, так и, в более широком смысле, рынка рабочей силы. Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве уменьшилась за 1940–1942 гг. на 41 %: с 31,2 млн до 18,4 млн человек, хотя в сфере промышленности за тот же период снижение выглядело не таким уж катастрофическим: с 11 млн до 7,2 млн человек [5, с. 185]. Уменьшение численности работников за счет призыва кадровых рабочих в действующие Вооруженные Силы СССР восполнялось за счет маргинальных (слабо профессионально социализированных) групп трудящихся.

Одной из таких групп являлись набранные, в основном по мобилизации, ученики школ и училищ системы Государственных трудовых резервов. Во время обучения учащиеся считались мобилизованными, пребывали на казарменном положении и находились на полном государственном обеспечении. Они получали в сокращенные сроки началь-

ное профессиональное образование и после окончания обучения закреплялись за конкретными предприятиями на четыре года (на этот период им предоставлялась отсрочка от службы в армии). За осень 1940 г. – июль 1945 г. в систему государственных трудовых резервов было направлено 3411,4 тыс. человек, что было чуть выше аналогичных показателей по мобилизованным непосредственно на предприятия (3131,1 тыс. человек), в строительные батальоны и рабочие колонны (2307,5 тыс. человек). Причем за 1940–1942 гг. наблюдается последовательный рост с 602 тыс. до 826 тыс. человек, а потом последовательный спад до 499,8 тыс. человек (1944 г.). На 1944 г. приходится самый малый удельный вес данной категории мобилизованной рабочей силы [6, с. 282].

Архивные источники по Пермскому краю свидетельствуют о том, что дезертирство молодых работников из числа выпускников системы государственных трудовых резервов на протяжении всей войны являлось серьезной проблемой [3, л. 110–112; 4, л. 237–241]. Примечательно, что дезертирство было свойственно ученикам и в период их обучения, и в период нахождения их на производственной практике [2; 11]). По приводимым в работе И.Г. Докучаевой данным, за 1940–1942 гг. самовольно оставили место учебы 3,5 % от общего числа обучавшихся в системе государственных трудовых резервов [1, с. 588].

Какие факторы способствовали превращению выпускников системы государственных трудовых резервов в «группу риска»? Во-первых, подавляющая часть дезертиров из данной группы оказались на предприятиях и строительных объектах Молотовской области из других тыловых и прифронтовых регионов в порядке мобилизации и эвакуации соответственно. За 1941–1942 гг. из районов СССР, временно оккупированных немецко-фашистскими войсками, было эвакуировано 473 ремесленных и железнодорожных училища и 242 школы ФЗО с численностью учеников и преподавательского состава в 125 тыс. человек [1, с. 586]. В 1941 г. эвакуированная и мобилизованная молодежь стала одним из главных источников комплектования рабочих кадров, с 1942 г. увеличивается доля молодежи из сельской местности и других тыловых регионов [8, с. 101]. Выпускников системы государственных трудовых резервов после окончания школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ прикрепляли на четыре года к определенному производственному объекту. Столкнувшись с бытовыми трудностями, часть из них старалась вопреки существующим трудовым законам возвратиться на малую родину, к родственникам.

Во-вторых, в силу ускоренных и упрощенных методов обучения учащиеся системы государственных трудовых резервов получали

низкие квалификационные разряды: вместо планируемых 4–5 разрядов достаточно большая часть выпускников имела 2–3 разряд [1, с. 590–591]. Низкая квалификация рабочих-операционников обуславливала и невысокую оплату труда. По мнению Р.Е. Романова, заработная плата основной массы юных рабочих в условиях существенного роста налогового обложения и госзаймов, мощной инфляции позволяла им рассчитывать только на получение самых элементарных материальных благ – низкокачественной пищи и крыши над головой [7, с. 139–141].

Хозяйственные руководители, не желая увеличивать процент бракованной продукции, зачастую использовали такую низкоквалифицированную рабочую силу не по специальности, а на физически тяжелых работах. По данным А.В. Сперанского, только четверть выпускников учебных заведений Урала, подведомственных системе государственных трудовых резервов, работала по специальности; большая же часть была вынуждена с ущербом для себя переквалифицироваться или выполнять подсобную низкооплачиваемую работу [9, с. 111].

Естественно, проблемы материально-технического снабжения предприятий, очевидные недостатки продуктового и жилищно-бытового обеспечения таких работников, потребительское и бездушное отношение со стороны руководства предприятий приводили к росту негативных поведенческих стратегий: прогулы, самовольное оставление места работы стали распространенной формой протеста бывших учеников училищ и школ ФЗО. В местных отчетах о реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. на предприятиях военной промышленности Молотовской области подчеркивалось, что дезертиры не являлись кадровыми и имевшими большой производственный стаж рабочими, а были, в основном, мобилизованными и выпускниками школ и училищ системы Государственных трудовых резервов [4, л. 239].

Безусловно, государство предпринимало определенные меры для решения проблемы трудового дезертирства среди рассматриваемой «группы риска». В случаях массового бегства несовершеннолетних работников предприятия отправляли на их малую родину «розыскные команды», которые методами угроз и убеждений, длительных бесед с родителями и местными руководителями добивались возврата таких дезертиров. В отношении работников предприятий военной промышленности, еще не достигших возраста 16 лет, прокуратурой возбуждались уголовные дела по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. (наказание предусматривало заключение до одного года), а не по Указу того же органа власти от 26 декабря 1941 г. (наказание предусматривало заключение в диапазоне от пяти до восьми лет).

Даже в случае поимки таких работников им делалось настойчивое предложение вернуться обратно на предприятие и продолжать работать вместо направления в пенитенциарную систему.

В период Великой Отечественной войны органы прокуратуры осуществляли надзор за соблюдением трудового законодательства (особенно режима рабочего времени) в отношении несовершеннолетних работников. Прокуратура отказывала в возбуждении уголовных дел по направляемым от предприятий материалам в случае нарушения работодателем действовавшего КЗоТ. Судебные инстанции все чаще выносили оправдательные приговоры таким работникам по обвинениям их в прогулах по неуважительным причинам. В целом, органы юстиции именно в период войны стали существенной преградой на пути злоупотреблений хозяйственных руководителей в отношении несовершеннолетних выпускников системы Государственных трудовых резервов.

Одновременно вопросы трудовой жизни и быта молодых рабочих из числа выпускников школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ стали объектом контроля со стороны местных партийных комитетов. Не без давления «сверху» с середины войны на предприятиях фиксировалась деятельность по повышению производственной квалификации таких работников, освоению ими смежных рабочих профессий (т. е. превращению их из «операционников» в «универсалов»), выдвижению наиболее отличившихся на низовые руководящие должности, более активному использованию материальных и моральных стимулов к более производительному труду.

Таким образом, самовольное оставление места работы стало ответной реакцией маргинальных групп пролетариата, оказавшихся в очень сложных жизненных обстоятельствах, на административное регулирование государством рынка рабочей силы. При всей дискуссионности формата этого протеста (имел ли он активный или, наоборот, пассивный характер) следует признать его неизбежным элементом социальной напряженности, вызванной функционированием военной экономики. Низкая профессиональная социализация выпускников системы государственных трудовых резервов перманентно обеспечивала достаточно высокий уровень негативных трудовых девиаций. Государство реагировало на данный вызов путем совершенствования правоприменительной практики в наказании молодых рабочих за трудовые преступления. Попытки улучшения материально-бытового уровня жизни данной категории работников имели целью, прежде всего, профилактику трудового дезертирства.

Библиографический список

1. *Докучаева И.Г.* Учебные заведения трудовых резервов Западной Сибири в начале Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 3 (79).
2. *Лоскутов А.С.* Проблемы набора учащихся в учебные заведения трудовых резервов Кузбасса в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма: материалы симпозиума XIX (LI) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2024.
3. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 8. Д. 181.
4. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 131.
5. *Поляков А.И.* Решение кадровых проблем в тыловом регионе в годы Великой Отечественной войны (на примере Горьковской области) // Власть. 2016. № 9.
6. *Романов Р.Е.* Регулирование трудовой мобильности населения СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны: нормы и реальность // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16, № 2.
7. *Романов Р.Е.* Пассивный протест рабочей молодежи Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны («письма во власть») // Исторический курьер. 2019. № 5 (7).
8. *Романов Р.Е.* Формирование молодежных рабочих кадров оборонной промышленности Новосибирской области в военные годы (1941–1945) // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2.
9. *Сперанский А.В.* Военная доктрина Сталина и ее реализация на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28).
10. *Точёнов С.В.* Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области осенью 1941 года // Отечественная история. 2004. № 3.
11. *Хисамутдинов Р.Р.* Проблема самовольных уходов воспитанников Государственных трудовых резервов Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // Мы выстояли и победили. Международная научно-практическая конференция к 80-летию прорыва блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвы (Оренбург, 26–27 мая 2023 г.): сборник статей. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2023.

УДК 94 (47) «1914-1918»

С.Н. Блиняев,

кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин,
Чувашский государственный аграрный университет (Чебоксары)

В.А. Колесников,

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории
и социально-гуманитарных дисциплин, Костромская государственная
сельскохозяйственная академия (Кострома)

ОСОБЕННОСТИ КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам Костромской и Ярославской губерний)

Аннотация. Во время Первой мировой войны в Российской империи разразился продовольственный кризис. Местное самоуправление Костромской и Ярославской губерний с 1916 года использует карточную систему на продовольствие. Экономическая система России в отношении хлебного рынка претерпела существенные изменения от рыночной до командной и командно-принудительной. В этих условиях карточки должны были решить вопрос справедливого распределения продовольствия.

Ключевые слова: продовольственный вопрос, Первая мировая война, карточная система, Костромская губерния, Ярославская губерния, снабжение, революция.

S.N. Blinyayev,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General Education, Chuvash State Agrarian University (Cheboksary)

V.A. Kolesnikov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Social Sciences and Humanities, Kostroma State Agricultural Academy (Kostroma)

FEATURES OF THE FOOD CARD SYSTEM DURING THE FIRST WORLD WAR (based on materials from Kostroma and Yaroslavl provinces)

Abstract. During the First World War, a food crisis broke out in the Russian Empire. The local governments of Kostroma and Yaroslavl provinces have been using the food card system since 1916. The economic system in Russia in relation to the grain market has undergone significant changes from market to command and compulsory command. Under these conditions, the cards had to resolve the issue of fair distribution of food.

Keywords: food issue, World War I, card system, Kostroma province, Yaroslavl province, supply, revolution.

Продовольственный вопрос, ставший одним из спусковых крючков революции, в начале Первой мировой войны не был первоочередным. Цены на хлеб даже несколько упали. Однако в условиях военного времени одновременно стали действовать две системы экономических отношений: командная и рыночная. По командной системе правительство закупало продовольствие для армии. На хлеб были введены твёрдые цены. Однако деятельность хлебного рынка внутри страны, для снабжения регионов, регламентировалась привычной рыночной системой. В условиях военного времени это было определённым противоречием и неопределённостью, объяснить которое можно расчётом на скоротечность войны (около полугода). В течение первого года войны характер боевых действий перешёл к позиционной борьбе и к затяжному конфликту. Экономические отношения стали постепенно перестраиваться на военные рельсы. В сентябре 1916 г. с введением правительством твёрдых цен на все продовольственные операции состоялся переход к административно-военной экономике.

В условиях существования рыночной системы в 1914–1916 гг. в Костромской и Ярославской губерниях фиксировались случаи нехватки продовольствия. Эти верхневолжские губернии были зависимы от привозного хлеба. Экономически эти территории относились к промышленным, с развитыми отходническими промыслами, со слабо развитым сельским хозяйством ввиду климатического фактора (зона рискованного земледелия). Своих небольших урожаев, в основном ржаного хлеба, хватало на несколько месяцев. Основное снабжение происходило из низовых волжских губерний по реке Волге. Два крупных каравана барж весной и осенью доставляли необходимый хлеб. В г. Рыбинске Ярославской губернии находилась крупнейшая хлебная биржа. Это была конечная остановка для больших барж. Из Рыбинска снабжение значительной европейской части империи, включая две столицы, происходило с использованием речных каналов и железных дорог.

Первые кризисы с продовольствием были вызваны возросшим спросом и недостаточным предложением. Способом решения таких проблем стала система продовольственных карточек. Правительство не рисковало брать на себя ответственность за общеимперскую карточную систему, поэтому решение использовать карточки оставалось в ведении местного самоуправления.

В начале 1916 г. в Костроме возник дефицит белой муки. Цена на неё была ниже, чем в ближайших крупных городах. Всё это привело к спросу и повышенному вывозу муки из города. Этот локальный кризис

коснулся и Костромского уезда. Местное самоуправление разработало план нормированного снабжения населения хлебом. Впервые в Костроме были использованы продовольственные книжки (карточки), а распределение муки по городу и уезду происходило через систему торговых и кооперативных лавок [9]. Локальный продовольственный кризис был нивелирован. Весной стал поступать хлеб по Волге.

Летом 1916 года в Костромской и Ярославской губерниях появилась карточная система на сахар. В Ярославской губернии норма по карточке на человека в месяц составляла с 15 июня 1916 г. – 5/6 фунта для сельского населения и 1,5 фунта для городского. Карточки с июля месяца действовали по всей губернии [4]. В Костромской губернии существовали проблемы с учётом населения, карточки выдавались после долгой волокиты, не было создано учреждений, которые бы быстро и правильно вели регистрацию и раздачу. Уличные хвосты перед сахарными лавками стали чередоваться с хвостами ожидающих выдачи карточек около учреждений [11].

Осенью 1916 года рыночные отношения в системе продовольственного снабжения оказались ограничены государством. Дело снабжения регионов перешло в ведение уполномоченных особого совещания по продовольствию, представителей специального правительственного органа на местах. Фактически снабжением стали заниматься чиновники, далеко не всегда понимающие как работают механизмы хлебного рынка, или же наталкивающиеся на нежелание сотрудничества купечества. «Расстроив десятилетиями сложившиеся торговые организации, взамен них ничего не было создано, если не считать немногочисленных агентов уполномоченных, часто совершенно неопытных, случайных людей, несколько не заинтересованных в успехе дела» [5]. В итоге закупки продовольствия в Костромской и Ярославской губерниях в 1916 году не дали достаточных результатов. Запасов, чтобы спокойно пережить зиму 1916–1917 гг. не хватало. Для обеспечения провинции хлебом в количестве «действительной необходимости» необходимо было использовать железную дорогу [1]. Для распределения продуктов среди населения вводилась карточная система. Для её реализации местное самоуправление переписывало население и составляло поквартирные списки.

12 января 1917 г. любимский уездный исправник докладывал, что в Любиме и уезде у торговцев кончился сахар, не хватает пшеничной и ржаной муки, недостаёт пшена, гречи, крупы, масла [6].

В Костромской губернии карточная система действовала с 1 января 1917 г., но даже к февралю она работала не везде. В Чухломе к тому времени выдали горожанам оставшуюся ржаную муку на неделю. В городе и уезде остановилась выпечка хлеба в пекарнях. Городу

экстренно требовалось до 20 вагонов хлеба – сообщал председатель местного продовольственного совещания Степанов [2]. После перехода власти Временному правительству продовольственный вопрос стал не просто одним из важных. Происходит резкое ухудшение снабжения хлебом в городах. В условиях продолжавшейся Великой войны ключевой задачей оставалось снабжение фронта. Государство в марте 1917 г. вводит хлебную монополию. По ней хлеб по твердым ценам должен поступать государству, а власть через систему продовольственных органов, кооперативов, должна была снабжать население. Сохранялась карточная система. Во всех городах и поселках городского типа продажа продуктов должна была производиться по карточкам. В сельской местности форма и порядок выдачи устанавливалась продовольственным комитетом [3]. Но в условиях общегосударственного кризиса закупать хлеб становилось всё сложнее и сложнее. Крестьяне предпочитали приберечь зерно, чем реализовывать его по невыгодным для себя твердым ценам. В Костроме запасы белой муки распределялись только для детей по рецептам врача. Так катастрофически мало было пшеничного хлеба. Были случаи, когда люди вступали в несколько кооперативов и, соответственно, приобретали продукты в двух и более местах [10].

В конце 1917 года ситуация в Ярославле с карточками не была лучше. Ввести с 1 декабря 1917 года по всей Ярославской губернии единообразные карточки не удалось. В селениях карточки получали семьи, не имевшие хлеба. Были случаи, когда полученная мука под натиском толпы раздавалась всем поровну [8]. Продовольственный отдел Ярославского совета постановил разделить население на группы по доходу: бедные – до 300 р. в год, средние – до 500 р. в год, остальные – богатые. Бедным полагались красные карточки, средним – белые карточки. Богатые оставались без карточек [7].

За годы Первой мировой войны карточная система на продовольствие стала частью экономической жизни. На первых этапах карточки позволяли осуществить равномерную продажу хлеба в условиях рыночной системы. В условиях командной системы по карточкам шло снабжение населения в рамках ограниченного подвоза продовольствия, а с установлением советской власти карточки станут частью новых классовых отношений.

Библиографический список

1. Государственный архив Костромской области. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 117.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6831. Оп. 1. Д. 264. Л. 51.
3. Там же. Ф. 3087. Оп. 1. Д. 32. Л. 1, 2, 3.
4. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 1089. Оп. 1. Д. 1070. Л. 2 об.

5. ГАЯО. Ф. 1089. Оп. 1. Д. 1070. Л. 15, 15 об.
6. Там же. Ф. 1520. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
7. Там же. Ф. Р-1590. Оп. 2. Д. 7. Л. 16.
8. Там же. Ф. 931. Оп. 1. Д. 185. Л. 15 об.
9. Деятельность Костромского уполномоченного и учреждённых им в губернии продовольственных организаций за время с 15 ноября 1915 г. по 1-е апреля 1916 года // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 4. С. 20–26.
10. Продовольственное дело в Нерехтском уезде // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 14. С. 21–22.
11. Сахарная болезнь // Костромской кооператор. 1916. № 17. С. 3–5.

УДК 94(470.315)"1941/1942

К.О. Болтунова,

студентка 3 курса, Ивановский государственный университет (Иваново)

В.С. Околотин,

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет (Иваново)

СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941 ГОДУ

Аннотация. В 1941 году в Ивановской области началось строительство тылового оборонительного рубежа. Архивные документы раскрывают вопросы организации работ по возведению инженерных сооружений и противотанковых траншей, характеризуют условия труда, снабжение полевых строений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборонительный рубеж, инженерные сооружения, траншея, полевое строительство.

K.O. Boltunova,

3rd year student of Ivanovo State University

V.S. Okolotin,

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Russia, Ivanovo State University

CONSTRUCTION OF DEFENSE STRUCTURES IN THE IVANOV REGION IN 1941

Abstract. In 1941 in Ivanovo region the construction of rear defensive line began. Archival documents reveal the questions of organization of works on erection of engineering constructions and anti-tank trenches, characterize working conditions, supply of field construction.

Keywords: Great Patriotic War, defensive boundary, engineering structures, trench, system of field strengthenings.

В октябре 1941 года в связи с ожесточенными боями под Москвой возникла опасность окружения столицы и вторжения врага на территорию Ивановской области. При ухудшении ситуации на фронте Ивановская область, как и ее соседи – Рязанская и Ярославская области, могла оказаться в зоне боевых действий. О реальности такой опасности свидетельствуют секретные постановления Государственного комитета обороны (ГКО), принятые 13 октября 1941 года, которые затрагивали как центральные, так и южные регионы страны, в том числе и Ивановскую область. Среди них № 722 сс «Об оборонительном строительстве», подписанное лично И.В. Сталиным, [1, л. 130–131] и «О частичной эвакуации оборудования, а также рабочих, ИТР и членов их семей с предприятий текстильной промышленности г. Москвы, Московской и Ивановской областей» с приложениями [1, л. 121–123].

Согласно первому постановлению при НКО образовывалось Главное управление оборонительного строительства (ГУОБР) с «задачей форсированного строительства оборонительных линий типа полевых укреплений». В его распоряжение передавались строительные организации НКВД, а также военно-полевые армейские и фронтовые строительные организации. ГУОБР было разрешено создать саперную армию из 300 тыс. человек. Общее руководство оборонительным строительством было возложено на наркома внутренних дел Л.П. Берия. Определялась и география строительства. Это «строительство первой линии от Медвежьей горы по восточному берегу Онежского озера и восточному берегу Екатерининского канала, Череповецкий УР (укрепрайон. – *К. Б., В. О.*), **Рыбинско-Ярославский – Иваново-Вознесенский УР**, Горьковский УР, линия реки Ока, Цна, Дон в районе Лебедянь и далее на Юг по восточному берегу Дона. И одновременно с этим строительство второй линии по Северному и Восточному берегу Волги от Горьковского УРа до Астрахани с УРаи Казанским, Ульяновским, Куйбышевским (двойная линия), Саратовским, Сталинградским. Окончание работ 20 декабря 1941 года» [1, л. 130].

В свою очередь 13 октября 1941 года Ивановское бюро обкома ВКП(б) под грифом «совершенно секретно» также приняло три постановления: «Об усилении военной охраны городов и районов Ивановской области», «Об усилении истребительных батальонов в области и приведении их в боевую готовность» и «О вооружении истребительных батальонов» [2, л. 193–194].

Принятие постановлений аргументировалось тревожным положением на фронте, приближением боевых действий к области и необхо-

димостью подготовить города, районы и села области к «отражению наскоков противника». Наиболее важное внимание при этом надлежало уделить подготовке области «на случай вторжения танковых групп противника». Предстояло создать противотанковые заграждения на дорогах, минировать и подготовить к взрыву мосты, выделить и обучить отряды гранатометчиков и метателей бутылок с горючей жидкостью, наметить способы борьбы с танками и танковыми экипажами, прорвавшимися в города, села и другие населенные пункты [3, л. 216].

О драматичности ситуации свидетельствовало и сообщение секретаря Ивановского обкома Г.Н. Пальцева, доведенное им до членов бюро в конце заседания: «Завтра меня вызывают в ЦК ВКП(б), будет решен вопрос о строительстве прикрывательных полос, покрывающих область с Юго-Запада, с Северо-Запада и с Запада. Завтра же постараться возвратиться» [2, л. 194].

В ночь с 14 на 15 октября 1941 года в Кремле И.В. Сталин встречался с секретарями Горьковского (М.И. Родионов), Ивановского (Г.Н. Пальцев) и Ярославского (Н.С. Патоличев) обкомов ВКП(б).

А уже 15 октября 1941 года на заседании закрытого бюро Ивановского обкома ВКП(б) и горкома ВКП(б) Г.Н. Пальцев доложил собравшимся о результатах совещания в ЦК и встрече со Сталиным. В итоге на объединенном заседании бюро было принято совершенно секретное постановление «О строительстве оборонительных линий в Ивановской области». Согласно постановлению, линии рубежей необходимо было возвести в кратчайшие сроки. Предполагалось построить в течение 10 дней оборонительную полосу в виде дуги, опиравшейся на рубеж реки Волга. Полоса должна была представлять собой серьезное препятствие для танков. Для проведения строительства планировалось мобилизовать в порядке трудовой повинности около 300 тысяч человек трудоспособного населения (с сохранением зарплаты по месту работы), обеспечив его всем необходимым инвентарем для земляных и плотничьих работ, а также транспортом.

Председателям горрайисполкомов, секретарям РК и ГК ВКП(б) Ивановской области было направлено указание с требованием в однодневный срок с остановом предприятий произвести мобилизацию местных жителей в возрасте не моложе 18 лет. Она не распространялась на нетрудоспособное население, а также на лиц, занятых в выполнении оборонных заказов. Мобилизованных на трудовой фронт надлежало обеспечить необходимым инструментом, а также продуктами питания (хлеб, соль, крупа, сахар, картофель) сроком не менее чем на двенадцать дней. Свыше 60 % мобилизованных на работу составили женщины и молодёжь.

22 октября 1941 года бюро Ивановского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета приняли новое совершенно секретное постановление «О строительстве оборонительной линии Ивановской области». Этим постановлением были внесены изменения. В частности, продлен срок строительства оборонительной линии до 1 декабря 1941 года и отменено решение о создании штаба по ее строительству. Вместо этого за каждым полевым строительством (ПС) были закреплены уполномоченные обкома и облисполкома облсовета. Для нужд строительства надлежало мобилизовать 3000 лошадей, 520 грузовых автомашин, 130 тракторов и 14 легковых автомашин.

Например, от Шуйского района (место сбора – село Васильевское) на 11-е полевое строительство планировалось вывести 4000 человек, 150 лошадей, 4 автомашины. От Лежневского района (место сбора – село Лежнево) на 10-е полевое строительство планировалось вывести 3000 человек, 50 лошадей, 3 автомашины [3, л. 250–251]. Согласно отчету о строительстве рубежа всего на начальном этапе мобилизовали 250 тысяч человек, позднее их численность была сокращена до 75 тысяч человек [3, л. 237].

Организация медицинского обслуживания людей, работающих на строительстве, была возложена на заведующего Ивановским облздравотделом А.И. Голубева. Облздравотделу предстояло открыть не менее 40 медпунктов на 3–5 коек, снабдить их медикаментами и привлечь для работы в них студентов старших курсов Ивановского медицинского института. Начальникам ПС надлежало закрепить за каждым медпунктом лошадь на круглосуточное дежурство. Ответственность за медицинское обслуживание на полевых строительствах была возложена на заведующих здравотделами Тейковского, Шуйского, Лухского, Пучежского, Наволокского, Кинешемского и Сокольского районов соответственно [3, л. 247].

Для улучшения снабжения трудящихся, занятых на строительстве, было решено просить СНК СССР (тов. Микояна) выделить дополнительно 450 тонн мяса, 95 тонн животного масла, 950 тонн крупы, 150 тонн сахара. Одновременно секретарю обкома ВКП(б) Л.М. Энодину было предложено выделить для строительства необходимое количество газет и журналов, а также организовать агитационно-массовую работу и культурное обслуживание работающих. Для поощрения отличившихся среди рабочих, колхозов и сельсоветов были учреждены грамоты облисполкома [3, л. 249].

Прибывшими из столицы рекогносцировщиками в кратчайшие сроки были намечены линии рубежа. Государственная линия обороны проходила по рубежу: Гари, Ильинское, Гаврилов-Посад, Суздаль,

Владимир, Гусь-Хрустальный. Надежные полосы местного значения строились вокруг областного центра, Шуи и других крупных городов. Обводный рубеж проходил по левому берегу Волги – Кинешма и Сокольское, Палех, Лежнево, Тейково, Нерль. Укрепления располагались по линии: д. Плешково – д. Пахотино – д. Воробино – д. Ковшово (у п. Палех) – д. Сергеево – п. Майдаково [5, л. 4].

В помощь области выделялись саперы и строительные батальоны. Административно-технический персонал состоял из работников НКВД, ряда ивановских и московских строительных предприятий. В постановлении Иваново-Вознесенского городского комитета обороны № от 3 декабря 1941 г. сказано, что «каждый работающий в промышленных предприятиях обязан до 1 января 1942 г. отработать 3 дня, сотрудники учреждений – 7 дней, прочее трудоспособное население – 5 дней [6, л. 15].

Зачастую имела место тенденция к выполнению решений о высылке людей на «трассу» (так население называло окопы) только с точки зрения количественного состава. Иногда просто «гоняли» людей с места на место. А это вносило элементы недисциплинированности в среду граждан. Были случаи, когда на «трассу» посылались бригады, состоявшие из одних молодых девушек, которые были не в состоянии работать ударным инструментом. Такой подход к посылке мобилизованных не только непроизводительно использовал рабочую силу, но и удлинял сроки окончания работ, удорожал их стоимость. «Слабо велась борьба за укрепление дисциплины: случались прогулы, несвоевременная явка на работу, уход с нее, большие простои. Были случаи, когда без уважительных причин уклонились от работы четыреста пятьдесят человек Комсомольского и Лежневского районов» [4, л. 3]. Впоследствии руководители старались отойти от такой порочной практики.

Бывали случаи, когда мобилизованным самим приходилось заботиться о пропитании и отоплении жилищ. Из докладной записки секретаря Лухского райкома ВКП(б) Мочалова: «Часть рабочих размещена на квартирах на расстоянии от трассы на 10–12 километров. <...> Также отдельные квартиры дровами не обеспечены, а поэтому рабочие вынуждены носить дрова на себе сами, а отдельные лица встали на путь хищения дров у колхозов и учреждений» [7, л. 1].

Главной трудностью было выполнение огромного объема земляных работ в экстремальных природных условиях: морозы достигали 40 градусов. Кроме того, из-за нехватки взрывчатки большинство земляных работ выполнялось вручную. Из отчета прораба 2 участка В.Д. Павлова: «в 10 полевом строительстве у десятника Зиновьева бригада в 51 человек выработала в день 1,5 кубометра» [8, л. 55].

Со временем строители работы освоили и грамотно подошли к производственному процессу. Бригады разной численности (от 25 до 40 человек) делились на звенья: забойное, звено для расчистки снега, звено заготовки и подноски инструментов и др. В течение рабочего дня бригады старались дать полный профиль котлована, так как оставленный на ночь котлован мог сильно промерзнуть. Если не успевали закончить работу, то грунт прикрывался от промерзания лапником, хворостом или соломой. Отрывка основной траншеи выполнялась с помощью кувалд и клиньев. Одни звенья ломами снимали корку мерзлой земли, другие звенья рыли землю до половины нужной глубины, третьи углубляли грунт уступами.

За четыре месяца был выполнен грандиозный объем намеченных работ. Был построен рубеж обороны, а также возведены инженерные сооружения. Полоса протяженностью 285 километров представляла собой противотанковые рвы и препятствия. Противотанковая траншея — это ров шириной 6–7 метров и глубиной 3 метра с откосами, имеющими определенный угол наклона. Комплекс для ведения огня состоял из усиленных пулеметных и артиллерийских дерево-земляных огневых точек, артиллерийских и минометных площадок и окопов.

Успешные военные действия Красной Армии зимой 1941/1942 годов позволили отказаться от зимних типов сооружений (снежные валы, обледенения естественных крутостей).

В феврале 1942 года постройка земляных оборонительных сооружений была прекращена. Рубеж был сдан приемочной комиссии Московского военного округа с оценкой «отлично». В дальнейшем сооружения не понадобились, так как врага на территорию области не допустили. За выполнение работ по возведению оборонительных сооружений в срок большая группа участников строительства была награждена государственными наградами.

Библиографический список

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 22.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327. Оп. 19. Д. 12.
3. Там же. Д. 14.
4. Там же. Д. 15.
5. Там же. Д. 16.
6. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-1667. Оп. 1. Д. 1.
7. Там же. Д. 11.
8. Там же. Ф. П-773. Оп. 1. Д. 152.

А.О. Бунин,

профессор, Ивановский государственный медицинский университет

ССУДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ В 1925–1927 ГОДАХ

Аннотация. В 1925–1927 гг. ссудная деятельность сельскохозяйственной кредитной кооперации приобретает наибольший размах в период нэпа. Наблюдается рост долгосрочного кредитования, которое все же было недостаточным для крестьян. Анализируются размеры и направленность ссудной деятельности и многочисленные ее проблемы.

Ключевые слова: Товарищества с кредитными функциями, ссудная деятельность, просрочка ссуд

A.O. Bunin,

Professor, Ivanovo State Medical University

LOAN ACTIVITY OF THE RUSSIAN AGRICULTURAL CREDIT COOPERATIVE IN 1925–1927

Abstract. In 1925–1927, the loan activity of the agricultural credit cooperative acquired the greatest scope during the NEP period. There is an increase in long-term lending, which was still insufficient for the peasants. The size and focus of loan activity and its numerous problems are analyzed.

Keywords: Partnerships with credit functions, loan activity, overdue loans.

За 1925–1927 гг. общая сумма ссуд, выданных товариществами, выросла вдвое и составила на 1 октября 1927 г. 147,7 млн руб. Однако размер ссуды на одного члена товарищества был по-прежнему мал и достигал лишь 33,4 рублей [3, л. 100].

В течение 1925–1926 гг. значительно возросла доля долгосрочных ссуд (почти до половины), снизилось количество единоличных хозяйств в сумме полученных ссуд. Однако в 1927 г. выявившаяся тенденция роста долгосрочных ссуд была прервана и наблюдалось увеличение доли краткосрочных ссуд в товариществах. Это замедляло развитие производительных сил крестьянских хозяйств, так как краткосрочные ссуды чаще всего использовались сельским населением на непроизводственные нужды.

Вот как распределялись ссуды в товариществах в 1925–1926 гг. в процентном отношении: на рабочий скот – 26,2 %; сельхозмашины, орудия и хозяйственные постройки – 34,3 %; семена, обработку земли, уборку урожая и залог продуктов – 14,4 %; животноводство – 9,6 %; кустарные промыслы – 3,7 %; покупку и аренду земли – 0,1 %; землеустройство и мелиорацию – 2,1 %; сельскохозяйственную промышленность – 1,7 %; прочие нужды – 7,9 % [4, л. 104]. Что касается среднего размера ссуд на различные потребности, то по данным НК РКИ СССР по 34 товариществам 16 районов на 1 июля 1926 г. складывалась следующая картина: на тракторы и другие двигатели – 374 руб., рабочий скот – 69,2 руб., сельхозпостройки – 64 руб., сельхозмашины и орудия – 44,6 руб., обработку земли – 36,3 руб., корм для скота – 14,9 руб., семена – 13,3 руб. [5, л. 100].

Несмотря на явно недостаточный размер, сельхозкредит сыграл существенную роль в восстановлении Вологодского и Сибирского маслодела, развитии Архангельского сыроварения, возрождении сельского хозяйства ЦЧО, увеличении посевной площади в засушливых районах. С помощью сельхозкредита удалось значительно расширить машиноснабжение на Урале, в Сибири, Центрально-Промышленном и Западном районах. Крайне слабо кредитование машиноснабжения было поставлено в Волжском и Центрально-Черноземном регионах, средне – в Башкирии, Северо-Западном районе, на Северном Кавказе.

Характерно, что, как и во вкладной операции, в ссудной деятельности ряд преимуществ выявили сельскохозяйственные товарищества с кредитными функциями по сравнению с чисто кредитными кооперативами, которым покровительствовали общества сельхозкредита.

Работа государственных звеньев системы сельхозкредита по-прежнему затрудняла ссудную деятельность товариществ. Общества отпускали кооперативам слишком малые суммы в их основные капиталы, жестко регламентировали финансирование с помощью целевых кредитов. Кредит опаздывал к сроку, часто не отвечал спросу, население приучалось к указанию фиктивных назначений ссуд, шло удорожание кредита за счет поднятия цен на получаемые средства производства, правления становились техническим аппаратом по распределению государственных средств.

Сложившаяся практика отпуска ссуд страдала и другими недостатками. Так, ссуды выдавались по заявлениям, заверенным в органах власти, причем сведения о хозяйстве заемщика были неверны и уменьшены. Распределением ссуд в различных кооперативах занимались, где совет, где правление, где совместно совет, правление и ревкомиссия, хотя по уставу это являлось прерогативой правления. Часто

ссуды выдавались нечленам, без очереди, без учета нуждаемости; наблюдения за использованием ссуд практически не велось, как отсутствовали и журналы фиксации ссуд.

Все эти негативные явления в постановке ссудной операции привели к дальнейшему росту просрочки ссуд. В 1925 г. сумма невозвращенных кредитов превысила 7 % выданных ссуд. Руководство товариществ не предпринимало необходимых в случаях просрочки мер (работа на дому, рассылка повесток с предупреждениями и т. д.). Лишь в отдельных кооперативах сохранялась строгая дисциплина по возврату ссуд, привитая в дореволюционное время. Ряд товариществ пытался бороться с просрочкой путем исключения злостных неплательщиков из состава своих членов. Повсеместным же явлением стали огульные отсрочки, переписка ссуд, невыполнение судебных приказов и исполнительных листов, составление актов о безнадежности взыскания, применение к несостоятельным должникам мер исключительно общественно-го и морального воздействия.

Просрочкам способствовали распределенческий характер работы по кредитованию крестьянских хозяйств при проведении государственных заданий, большой район кооператива, краткосрочность ссуд, несоответствие сроков возмещения занятых средств с денежностью в крестьянском хозяйстве, слабость хозяйств и недостаточные размеры отпускаемых средств, слабое снабжение первичных кооперативов ссудами в основные капиталы, увеличение сельхозналога и уменьшение сроков его взимания. Глубинными же корнями просрочек являлись потеря товариществами кооперативных принципов, их огосударствление, бедняцкая направленность сельхозкредита. Проводившиеся обследования сельхозкредита выявили, что наибольшие просрочки наблюдались ввиду с более зажиточными. Для успешной борьбы с просрочками требовался отказ от классовой линии в сельхозкредите и пересмотр всей концепции политики партии в деревне, что выглядело иллюзорным в сложившихся условиях.

Несмотря на принятие СНК СССР 23 марта 1926 г. специального постановления «О мерах к своевременному погашению крестьянством задолженности по сельскохозяйственному кредиту», к концу 1926 г. процент просроченных ссуд превысил 12 %, число просроченных ссуд увеличилось почти в два раза, а сумма просроченных ссуд на одно товарищество – почти в 2,5 раза, по сравнению с уровнем конца 1925 года [1, л. 40 об.]. На первом месте в 1926 г. по просрочкам стояли Орловская, Курская и Тульская губернии. Наименьшие просрочки наблюдались в Архангельской и Нижегородской губерниях, Вотской области и Бурято-Монголии. Для улучшения собираемости просрочек постанов-

лением ВЦИК от 18 ноября 1926 г. были внесены изменения в 271 статью Гражданского процессуального кодекса РСФСР, разрешающие производить опись и продажу необходимых в хозяйстве крестьянина орудий производств, одной коровы, одной лошади или заменяющего их другого вида скота в случае приобретения их на ссуды в кредитных кооперативах и заложенных в обеспечение исправного платежа по выданной ссуде. Но как показала практика, это решение не смогло переломить кризисных явлений в ссудной работе товариществ, да и само постановление применялось крайне редко.

1927 год дал новый рост просрочек. Правительство предприняло лихорадочные усилия по возврату отпущенных крестьянству кредитов. 18 августа 1927 г. НКФ СССР выпустил постановление «О мерах по усилению кредитной дисциплины в кредитных кооперативных организациях и в учреждениях сельскохозяйственного кредита», месяцем позже подкрепленное циркуляром НКФ РСФСР «о мерах по борьбе с просрочками ссуд в системе сельскохозяйственного кредита».

Однако на сентябрьском совещании кооперативных работников в ЦК ВКП(б) было заявлено о бесперспективности возлагать на кооперацию возврат государственных средств от бедноты. А в декабре 1927 г. ЦСХБанк констатировал, что, несмотря на принимаемые меры, просрочка приобретает угрожающий характер.

Итог ссудной деятельности сельскохозяйственной кредитной кооперации подвел к концу 1927 г. К.Я. Бауман, выступая на XV съезде ВКП(б): «Мы зачастую занимаемся простым распределением кредита, и это зачастую получается все равно как бы бросать в бездонную бочку» [2, с. 1318].

Неспособность кооперации удовлетворять насущные потребности крестьянства в кредите заставляло его прибегать к услугам ростовщиков. Из-за усиления классовой борьбы межсоседский кредит тщательно скрывался, и его исследования были невозможны. Тем не менее, по ряду данных, ростовщичество в советской деревне в 1925–1927 гг. значительно выросло, составляя до 14 % займов у членов кооперации и до 76 % у некооперированного населения [6, с. 43]. По другим данным, даже у кооперированного крестьянства частные займы достигали 40 %.

Таким образом, 1925–1927 гг. стали противоречивым периодом в ссудной деятельности кредитной кооперации. С одной стороны, займы способствовали восстановлению крестьянского хозяйства и его развитию, с другой стороны, многочисленные недочеты и проблемы в ссудной деятельности товариществ приводили к низкой эффективности ссудной операции и нарастанию просрочек.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 895. Оп. 1. Д. 41.
2. Пятнадцатый съезд ВКП(б): Стенографический отчет: в 2 т. М., 1962. Т. 2.
3. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 161.
4. Там же.
5. Там же. Оп. 69. Д. 320.
6. Сельскохозяйственная кооперация. 1927. № 20.

УДК 94(47)083 «1894-1914»

Е.С. Бутрин,

Государственный архив Ивановской области (Иваново)

«ПИТЕЙНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ» В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Аннотация. В статье на материале документов городской Думы Иваново-Вознесенска анализируется «питейная политика» российских властей на рубеже XIX–XX вв. Автор приходит к выводу, что несмотря на все усилия, обывателя так не удалось приучить к «культурному» употреблению спиртных напитков. Трактиры и рестораны являлись заведениями для «среднего класса», а для социальных низов заменой «питейного дома» в конце XIX в. стал сначала «ренсковый погреб», а затем казенная винная лавка. Таким образом, употребление спиртного переносилось не в круг семьи, а в круг уличных приятелей. Такая ситуация лишь углубляла разрыв между представителями городской элиты и пролетариями.

Ключевые слова: Иваново-Вознесенск, городская Дума, алкоголь, трезвость, трактир, питейное заведение.

E.S. Butrin,

State Archive of Ivanovo Region (Ivanovo)

«DRINKING ESTABLISHMENTS» IN IVANOVO-VOZNESENK AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

Abstract. The article analyzes the «alcohol policy» of the Russian authorities at the turn of the 19th–20th centuries based on documents from the Ivanovo-Voznesensk City Duma. The author comes to the conclusion that despite all efforts, the average person could not be accustomed to the «cultural» consumption of alcoholic beverages. Taverns and restaurants were establishments for the middle class, and for the lower classes, the replacement of the «drinking house» at the end of the 19th century was a state-owned wine shop. Thus, drinking alcohol was transferred not to

the family circle, but to the circle of street friends. This situation only deepened the gap between the representatives of the city elite and the proletarians.

Keywords: Ivanovo-Voznesensk, City Duma, alcohol, sobriety, tavern, drinking establishment.

В начале XX в. Иваново-Вознесенск был одним из самых быстро развивающихся городов Российской империи. Если в 1897 г. в нем проживало 54,2 тыс. чел, то уже к 1905 г. – 98,1 тыс. чел., а к 1911 г. – 167,7 тыс. чел. Таким образом, менее чем за десятилетие численность городского населения выросла почти вдвое. Этот феноменальный рост обеспечивали крупные индустриальные предприятия. Одной из главных проблем адаптации крестьян, стремительно перетекавших из деревни в город на протяжении последней четверти XIX в., являлась борьба с алкоголизмом. Этот традиционный общественный недуг принимал устрашающие черты в среде «новых горожан», оторвавшихся от сельской общины, но не интегрировавшихся в городскую. А для фабричных рабочих пьянство являлось одним из главных социальных маркеров еще с XVIII в. Все описатели ивановского фабричного быта отмечают этот порок в числе главных недостатков местной жизни. Автор одного из самых обстоятельных очерков о с. Иванове отмечает: «Как во всех условиях, стоящих на низкой степени развития, здесь чрезвычайно развито пьянство» [3, с. 52]. Ему вторит известный экономист и публицист В.П. Безобразов – алкоголизм он называет одним из «общественных недугов ивановских жителей», достигающим «исключительно грандиозных размеров» [2, с. 292–293]. Признает этот порок и первый местный краевед, просветитель и фабрикант Я.П. Гарелин [4, с. 32–33].

Все это не могло не тревожить городскую власть, состоявшую главным образом, из представителей крупного капитала. Фабриканту был нужен трезвый рабочий – но поскольку никакой альтернативы предложить ему пока не получалось, действовать приходилось исключительно запретительными мерами. Борьба городской Думы с питейными заведениями ознаменовала уже первые годы существования Иваново-Вознесенска. В сентябре 1872 г. гласные Думы рассмотрели вопрос об ограничении в городе числа заведений «для раздробительной продажи крепких напитков к употреблению на месте». Было решено сократить их численность почти вдвое – до 40. Но Владимирское губернское правление сообщило, что вопрос этот находится не в компетенции учреждений местного самоуправления [5, д. 36, л. 1, 2, 9]. Уже через три года Дума вернулась к этой проблеме – в октябре 1875 г. появился циркуляр Министерства внутренних дел о праве органов городского самоуправления на ограничение числа питейных заведений. На сей раз гласные поддержали еще более масштабное сокращение – до

20 заведений. Однако Владимирское акцизное управление толковало циркуляр совсем в другом смысле. В ситуацию было вынуждено вмешаться губернское правление – в марте 1876 г. постановление Думы об ограничении числа питейных заведений было отменено [5, д. 599, л. 1–10, 57–64].

В обоих случаях решения гласных Думы принимались с целью сокращения пьянства «между рабочими людьми». В качестве «наглядного соблазна» для них выступали расположенные «почти сплошной массой» в разных местностях города питейные дома с распивочной продажей». Эта проблема осознавалась не только на местном, но и на государственном уровне. Следствием стремления правительства упорядочить систему виноторговли и заставить обывателя перенести место употребления алкоголя из публичного пространства в частное стало запрещение с 1886 г. «питейных домов», предоставлявших основной ассортимент для городских пьяниц. Отныне крепкие напитки можно было продавать только на вынос. Публичное их распитие же их должно было осуществляться только в заведениях общественного питания – трактирах и буфетах, где кроме алкоголя подавалась горячая пища и чай. Были определены виды торговых заведений с продажей крепких напитков «на вынос»: оптовые склады, винные лавки и «ренсковые погреба». Со складов вино отпускалось крупными партиями (в количестве не менее ведра), из винных лавок – только запечатанный в бутылках алкоголь российского производства, «ренсковый погреб» торговал «на вынос» также иностранными напитками. Пиво можно было употреблять вполне свободно – в «пивных лавочках». По мысли законодателя, эти правила должны были привести к постепенной замене крепких спиртных напитков на легкие – пиво и виноградные вина [7, с. 18–24].

Хотя «ренсковые погреба» могли торговать только на вынос, на практике отсутствие возможности постоянного контроля за ними приводило к злоупотреблениям в области «распивочной торговли». Именно эти заведения на первое время после реформы занимают место «питейных домов» в Иваново-Вознесенске. На 1892 г. городская управа выдала разрешения на открытие в Иваново-Вознесенске 95 ренсковых погребов, 12 пивных, 2 винных лавок, а также 6 оптовых складов [5, д. 2519, л. 1–86]. Несмотря на значительный рост населения на рубеже XIX–XX вв., в городе не слишком увеличивается число заведений общественного питания с продажей алкоголя, которые должны были по реформе 1885 г. заменить «питейные дома». В 1896 г. в Иваново-Вознесенске имелось 2 буфета при клубах «с продажей питей», 11 трактиров и 4 постоянных двора, в 1901 г. – 2 буфета, 10 трактиров и 3 постоянных двора. А вот количество заведений без продажи алкоголя

возрастает: в 1896 г. в городе отмечена лишь одна чайная лавка, а к 1900 г. – уже по 2 лавки с продажей горячей пищи и без таковой, а также 2 столовых и кофейня [12, с. 10–11; 13, с. 14–15].

Все изменило введение в городе с июля 1901 г. казенной винной монополии. Отныне розничная реализация алкогольной продукции по установленным государством ценам производилась «только на вынос» через казенные винные лавки. Главной задачей монополии было повышение качества алкогольной продукции – с одной стороны, и увеличение государственного бюджета – с другой. Введение винной монополии сильно изменило структуру «питейных заведений» Иваново-Вознесенска. Уже со второй половины 1901 г. из 10 трактиров в городе остался лишь один (заведение Н.С. Мясникова на ул. Александровской). Патенты сохранили также оба буфета, принадлежавшие Клубу приказчиков и Новому клубу. Зато в течение 1901 г. открылось 4 чайных-столовых с продажей горячей пищи и сразу 12 – без продажи [14, с. 12–15].

Оказались вынуждены «перестраиваться» и пивные лавки («баварии»), которые получили значительное распространение в 1890-х гг., постепенно заменяя «ренсковые погреба». Их хозяева в большинстве были вынуждены закрыть свои заведения. К этому времени система обслуживания во многих из них имела вполне определенный характер. В них под видом приказниц и прислуги «набирались женщины сомнительной репутации и допускалось непотребство и пьянство». Однако некоторые из владельцев сразу открыли в тех же самых помещениях и с тем же персоналом торговлю фруктовыми водами. «Таким образом, помещения эти, имея непосредственную связь с жилыми комнатами владельцев или их приказниц, продолжают служить притонами разврата и пьянства» – подводил итог иваново-вознесенский полицеймейстер. Он предлагал изменить обязательные постановления Думы об определении в черте Иваново-Вознесенска мест распития алкоголя, запретив его публичное потребление не только в черте города, но и за нею «в расстоянии по крайней мере 100 саж.» от построек. Продажа минеральных, фруктовых и прохладительных вод в жилых помещениях запрещалась. Городская дума 27 сентября 1901 г. согласилась с этими предложениями. Новые положения вступили в силу с мая 1902 г. [5, д. 3708, л. 1–4].

Между тем открытие значительного количества казенных «винных лавок» с относительно дешевым алкоголем привело отнюдь не к сокращению, а к резкому росту случаев «публичного пьянства». Завязых посетителей «питейных заведений» так и не удалось сподвигнуть к употреблению водки исключительно в домашней обстановке. Покупатели предпочитали не нести бутылку домой, а распить ее тут же

у «казенки». На основании циркуляра Министерства финансов от 8 марта 1902 г., владимирский губернатор И.М. Леонтьев представил в МВД предложения об увеличении состава полиции «в видах противодействия проявлениям публичного пьянства». Согласно им, в Иваново-Вознесенске численность полицейской команды повышалась на 26 чел., с ежегодным расходом на содержание новых служителей в сумме 6260 руб. Об этом губернатор известил городскую управу в январе 1903 г. Однако местные власти нашли принятие на счет города этой нагрузки невозможным [5, д. 3877, л. 1–4].

Городской бюджет также потерял значительные средства в результате винной монополии. В 1896–1900 гг. оклад сбора с патентов на заводы для выделки спиртных напитков и заведений питейной продажи в Иваново-Вознесенске вырос с 4500 до 5500 руб., тогда как оклад сбора с заведений трактирного промысла не изменялся (10000 руб.). Но уже с 1900 г. реальные «питейные» сборы сильно снижаются – в 1900 г. они составили 4888,75 руб., а в следующем – лишь 2166,25 руб. Значительно снижается и сбор с трактирных заведений – в 1901 г. он составил уже 7781 руб., в 1902 г. – 5237,77 руб., а в 1903 г. – 5080 руб. Для компенсации этих потерь Владимирское губернское акцизное управление рассчитало определенную сумму, которую ежегодно вносило в городской бюджет Иваново-Вознесенска. За вторую половину 1901 и 1902 гг. она составила 8025 руб., в дальнейшем выплачивалась ежегодно в объеме 5350 руб. По нашим расчетам, она примерно в 1,5 раза уступала реальной сумме потерь городского бюджета.

В Иваново-Вознесенске было открыто 25 казенных винных лавок. Это почти треть от всего числа «городских» лавок Владимирской губернии (их было 87). В 1902 г. в них было реализовано 116183 ведра спирта из общего числа 450012 ведер, проданного в городских лавках губернии – более четверти (25,8 %) [8, с. 33–34]. В первые годы XX в. число казенных лавок в городах губернии постепенно сокращается: к 1905 г. в Иваново-Вознесенске осталось 24 лавки, к 1909 г. – 22, а к 1913 г. их число сократилось до 21 (в других городах губернии к этому времени имелось 72 «казенки»). При этом объем продажи спирта в них постепенно рос, хотя и незначительными темпами. В 1913 г. в ивановских казенных лавках было продано 166912 ведер спирта – всего на 36,2 % больше, чем в 1903 г. [9, с. 33]. Если учесть, что за эти годы городское население по официальным данным выросло примерно вдвое (с 82,7 тыс. чел. в 1903 г. до 168,5 тыс. чел. в 1913 г.), можно с некоторой долей условности говорить о сокращении употребления алкоголя на душу населения в Иваново-Вознесенске.

Определенный успех в противостоянии с «зеленым змием» был обусловлен появлением целого ряда общественных организаций. В октябре 1897 г. в городе возникает общество трезвости, развернувшее на протяжении следующих лет обширную программу устройства «разумных развлечений» для городских обывателей. Общество открывает три дешевых чайных, при одной из них устраивает бесплатную библиотеку. Оно распространяет агитационные брошюры, проводит народные чтения, организует рабочий театр, устраивает концерты, танцевальные вечера, игровую площадку для детей [1, с. 153–175]. Но в декабре 1911 г. «отклонившееся от устава» общество ликвидируется. Имущество чайной распродается на аукционах 29 и 30 января 1912 г. Библиотека переходит в ведение города в феврале 1912 г. Общий годовой бюджет чайной в последний год работы общества составлял около 4500 руб., на библиотеку в год уходило более 1000 руб. [5, д. 4780, л. 10–25]. Кроме общественной организации, существовала и официальная – Иваново-Вознесенское городской комитет попечительства о народной трезвости был сформирован к марту 1902 г. Председателем его стал городского голова П.Н. Дербенев, в комитет вошли виднейшие представители городской элиты (всего 20 чел.) [6, д. 460, л. 1, 18–20].

Если в процентном отношении численность «употребляющих» алкоголь лиц в городе в первое десятилетие XX в. и снижалась, то резкий скачок численности населения слишком ярко высветил эту проблему перед обществом. Однако «позитивной программы» по сокращению «алкоголизации населения» местным властям выработать так и не удалось. Усилия комитета попечительства о народной трезвости предпринимались в тех же направлениях, что и действия общества трезвости – открытие чайных, устройство народных чтений, агитация. Их ограниченность стала видна уже в первые годы работы «трезвеннических» организаций. Поэтому появились новые запретительные проекты. В августе 1906 г. четверо гласных городской Думы во главе с врачами П.А. Алявдиным и А.Е. Напалковым обратились к городскому голове Н.Г. Бегену с просьбой об «изыскании мероприятий» по уменьшению в городе пьянства. «Перед глазами каждого из нас совершается весьма грустный факт прогрессивно возрастающего народного пьянства с его неисчислимыми гибельными последствиями» – писали они. В качестве предложения они озвучили возможность сокращения времени торговли водкой в казенных лавках.

Предложение обсуждалось Думой месяц спустя, но к определенному заключению гласные не пришли. Желание сократить «настолько возможно, время торговли крепкими напитками» оказалось всеобщим. Однако для обоснования этого ходатайства перед властями предрежащими

требовалась убедительная мотивировка [5, д. 4201, л. 1–2]. А в мае 1914 г. в дело вступил и полицмейстер, потребовавший запретить в черте городских поселений «публичное распитие» алкоголя. В своем отношении в городскую Думу он сетовал, что ежегодно с наступлением лета по окраинам города «наблюдаются почти каждый день случаи распития группами фабричных рабочих или других лиц крепких напитков». Дума пошла навстречу полиции, запретив распитие спиртного «где бы то ни было на улицах и площадях Иваново-Вознесенска» [5, д. 5190, л. 1–3, 11].

Между тем постепенно начинает возвращаться к жизни частная торговля алкоголем, сократившаяся в результате введения казенной монополии. Если в 1908 г. сумма оклада с заведений трактирного помысла составляла всего 5500 руб., то к 1913 г. сумма акциза, поступавшего в городскую казну с этих заведений, увеличилась втрое – до 15620,67 руб. К этому времени в городе действовали три буфета, 8 трактиров, 31 чайная и 2 постоянных двора [11, с. 11–13]. А главное – вновь появляется значительное количество пивных. Их возрождение к жизни во многом было положено утвержденным в апреле 1906 г. мнением Государственного совета об изменениях условий торговли крепкими напитками – в нем с пивных заведений снимался целый ряд ограничений. Городским властям необходимо было срочно разработать обязательные постановления о внутреннем устройстве пивных лавок, определить местности для их открытия, а также установить с лавок особый сбор в пользу города. Для составления соответствующего проекта 26 июля 1906 г. была избрана комиссия, в которую вошли четверо гласных во главе с П.А. Алявдиным.

Согласно составленному ими проекту, пивная лавка должна была располагаться только на первом этаже. Квартира хозяина при этом не должна была иметь «внутреннего сообщения» с ней. У входа в заведение следовало зажигать фонарь, при лавке обязательно устраивались теплые отхожие места – отдельные для мужчин и женщин. Разreshалось иметь открытую веранду и сад (без закрытых беседок). Из числа игр разрешались шашки, шахматы, бильярд и кегли, а также аппарат для «механического исполнения музыкальных пьес». При этом посетителям запрещалось пение, игра на собственных инструментах и танцы. В заведение не допускались пьяные, а подростки – только в сопровождении взрослых. В пивных можно было подавать лишь холодные («маркитантские») закуски. Серьезные требования предъявлялись к прислуге – запрещалось держать в услужении женщин, лиц до 18 лет, а также «одержимых заразными болезнями». Служители должны быть «трезвы, опрятны и вежливы», а также одеты в чистый белый фартук. Любые

нарушения «благочиния» – шум, ссоры и буйство – не допускались, нарушители тут же удалялись из заведения.

Если открытие «выносных» пивных лавок, не облагавшихся никаким налогом в пользу города, разрешалось на всех улицах, то «распивочных» – только на тех, где имелся надлежащий полицейский надзор [5, д. 4205, л. 3–6 об.]. В результате торговля была разрешена только на центральных улицах и торговых площадях. Всего в этом списке фигурирует 16 улиц, тогда как в числе попавших под запрет оказались около 100 улиц – в том числе все городские окраины. Сокращение списка произошло не в последнюю очередь благодаря усилиям полицмейстера, который отмечал, что имея ограниченное количество городских, не сможет установить «правильное наблюдение» за всеми питейными заведениями. Было принято во внимание и ходатайство мещан Н.Д. и Е.Д. Бурылиных о запрещении открытия пивной в доме на ул. Георгиевской, занимаемом 2-й чайной попечительства о народной трезвости «виду явного соблазна для ее посетителей». По времени пивная торговля была ограничена в предпраздничные дни 6-ю часами вечера, в праздничные она могла продолжаться с 12 до 9 часов вечера. Городской сбор был установлен в ограниченном размере – 30 руб. Этот проект был утвержден 23 ноября 1906 г. [5, д. 4205, л. 11–17]. Как видим, в основе своей эти правила направлены против появления пивных «с комнатами для отдыха», распространившимися в городе на рубеже XIX–XX вв. Еще одной задачей законодателя являлось обязательного полицейского контроля за «неблагочинными» заведениями.

Содержатели пивных имели свой взгляд на новое положение. Городская управа установила годовой оклад сбора с них из расчета 30 заведений (900 руб.), однако уже в 1909 г. сбора поступило всего на 555 руб., а в 1910 г. – на 570 руб. Это привело к изменению тарифа – в сентябре 1911 г. он был повышен вдвое – до 60 руб. [10, с. 50–51]. Постепенно увеличивается и численность лавок: в 1911 г. их было всего 16, в 1912 г. – 18 (еще 7 лавок были обложены «полугодовым» тарифом в 30 руб.), а в 1913 г. – 31 пивная лавка (и 4 с «полугодовым» окладом). В этот момент в городе появляются пивные «с подачей горячей пищи» – они попадают в число «трактирных заведений». Если в 1911 г. лавки А.А. Коуровой и М.М. Мягкова получили не самый высокий оклад (вместе – 108,5 руб.), то уже в 1913 г. трое владельцев пивных «с подачей горячей пищи» должны были уплатить в городскую казну 750 руб. Судя по всему, именно высокий оклад воспрепятствовал увеличению в городе численности этого типа заведений общественного питания.

Причина отмеченного выше скромного числа «распивочных» лавок сравнительно с ожиданиями властей достаточно проста. В отличие

от «распивочных» заведений, находившихся под плотным контролем полиции, торговавшие «на вынос» лавки были разбросаны преимущественно на окраинах города. Сбора в городскую казну они не платили и территориальных ограничений не имели, что позволяло торговцам пренебрегать исполнением законов и вести распивочную торговлю – ведь на этих улицах почти не было городских. И все же постепенно законность берет верх: если в 1911 г. в городе зафиксировано 56 пивных лавок с «выносной» торговлей, то в 1914 г. их осталось всего 43. А на исходе 1913 г. существующее положение заставило обратиться к городским властям доверенных пивоваренных фирм, управлявших складами в Иваново-Вознесенске. «Вследствие чрезмерного ограничения улиц, на которых допускается открытие пивных лавок», они просили разрешить торговлю еще на девяти крупных улицах. Для обсуждения их заявления была собрана специальная комиссия. Именно в ходе ее заседания 31 января 1914 г. прозвучали соображения, озвученные нами выше – о возможности в выносных лавках «продажи пива и распивочно». Обращалось внимание также на «неудовлетворительность» помещений в большинстве подобных заведений. Было решено значительно сократить их ареал, ограничив возможность открытия подобных лавок шестью центральными улицами города [5, д. 5026, л. 6–13]. Но позать плоды этой реформы городским властям было не суждено – уже в августе 1914 г. вводится «сухой закон» и все «питейные» заведения в городах империи закрываются.

Подводя итоги анализу эволюции питейных заведений Иваново-Вознесенска на рубеже XIX–XX вв. в свете правительственных реформ, можно наметить две основных тенденции. «Питейный дом» середины XIX в. не удалось превратить в приличное заведение. Трактиры и рестораны так и оставались местами отдыха для лиц «среднего класса» и состоятельных горожан. Пивные распространялись с большим трудом и питейный дом заменить не могли. Как верно отмечали современники, обыватель отправлялся в питейное заведение отнюдь не для культурного отдыха, а по причине стремления «забыться, отдохнуть от тяжелых впечатлений, от гнетущих опасностей, от страшных мыслей» [12, с. 447]. Поэтому употреблявших алкоголь представителей социальных низов так и не удалось приучить к питию с закуской, в кругу семьи. Они просто перенесли место употребления на улицу, а питейным дом им заменил сначала «ренсковый погреб», а затем – казенная винная лавка. С другой стороны, нельзя не отметить определенные успехи общества в борьбе с алкоголизацией населения – появляется значительное число мест дешевого «безалкогольного» общественного питания (чайные-столовые) и процент «употребляющих» спиртное лиц несколько снижается.

Библиографический список

1. Балдин К.Е. У истоков гражданского общества в российской провинции: общественные организации Иваново-Вознесенска (конец XIX – начало XX в.). Иваново, 2021.
2. Безобразов В.П. Село Иваново. Общественно-физиологический очерк // Отечественные записки. 1864. № 1.
3. Власьев М.С. Село Иваново // Вестник промышленности. 1859. № 2.
4. Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский Посад. Ч. 1. Шуя, 1884.
5. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 2. Оп. 1.
6. ГАИО. Ф. 2. Оп. 2.
7. Жолобова Г.А. Виды питейных заведений и правовой режим розничной торговли спиртными напитками в России в царствование Александра III // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1.
8. Обзор Владимирской губернии за 1902 год: приложение к всеподданнейшему отчету владимирского губернатора. Владимир, 1903.
9. Обзор Владимирской губернии за 1913 год: приложение к всеподданнейшему отчету владимирского губернатора. Владимир, 1904.
10. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1911 год. Иваново-Вознесенск, 1912.
11. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1913 год. Иваново-Вознесенск, 1915.
12. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1896 год. Иваново-Вознесенск, 1897.
13. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1900 год. Иваново-Вознесенск, 1901.
14. Отчет Иваново-Вознесенской городской управы за 1901 год. Иваново-Вознесенск, 1902.
15. Фридман М.И. Винная монополия. Т. 2. Пг., 1916.

УДК 94(470.315) «1941/1942»

Э.Ш. Велибеков,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

ЭВАКУАЦИЯ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ИХ РЕЭВАКУАЦИЯ В 1941–1942 гг.

Аннотация. Статья посвящена исследованию эвакуации и реэвакуации оборонных предприятий Ивановской области в 1941—1942 гг. Она основана на материалах Государственных архивов Ивановской и Владимирской областей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборонные предприятия, Государственный комитет обороны, постановления, Ивановская область.

E.S. Velibekov,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

EVACUATION OF DEFENSE ENTERPRISES OF THE IVANOV REGION AND THEIR RE-EVACUATION IN 1941–1942

Abstract. The article is devoted to the study of the evacuation and re-evacuation of defense enterprises of the Ivanovo region in 1941–1942. It is based on the materials of the State Archives of the Ivanovo and Vladimir regions.

Keywords: Great Patriotic War, defense enterprises, State Defense Committee, decrees, Ivanovo region.

В октябре 1941 г. под воздействием обстановки на Западном фронте в центральной части России возникла сложная ситуация. В результате по решению Государственного комитета обороны (далее – ГКО) началась эвакуация предприятий и прежде всего оборонной промышленности. В Ивановской области к ней приступили после встречи секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева с председателем ГКО И.В. Сталиным. По возвращении из Москвы Г.Н. Пальцев на закрытом заседании бюро Ивановского обкома и горкома ВКП(б) доложил собравшимся о результатах совещания в ЦК и встрече со И.В. Сталиным [11]. По результатам обсуждения было принято постановление «Об эвакуации из Ивановской области важнейших предприятий».

Согласно его содержанию из области подлежали эвакуации Ковровский завод № 2, Ковровский экскаваторный завод, Кольчугинский завод им. Орджоникидзе и «Электрокабель», Владимирский завод № 260 и ряд крупных текстильных предприятий. Для проведения работы по их эвакуации была создана комиссия по эвакуации, которой было поручено немедленно приступить к работе. Для выполнения поставленной задачи ей было разрешено привлекать для демонтажа оборудования в обязательном порядке необходимые силы и средства [12]. Однако Ковровский завод № 2 и экскаваторный завод так и остались на своих местах, а в отношении Кольчугинского завода им. Орджоникидзе и «Электрокабель», а также Владимирского завода № 260 была начата работа по эвакуации.

Итак, завод «Электрокабель» и завод № 7 в г. Кольчугино до 1940 г. составляли единое предприятие им. Серго Орджоникидзе, которое входило в состав Наркомата цветной металлургии. С целью усиления специализации производства в 1940 г. оно было реорганизовано. В результате были образованы два самостоятельных завода – «Электрокабель» и завод № 7, действовавшие в Кольчугине до октября 1941 г.

В октябре 1941 г. началась эвакуация завода «Электрокабель». Однако его реализация затянулась. Только 31 декабря 1941 г. в Сверд-

ловск был отправлен первый эшелон с количеством 500 человек, в том числе 346 рабочих. Отправка второго эшелона состоялась 5 января 1942 г. На нем эвакуировались 517 человек, из них 360 рабочих. Остальные 158 рабочих были оформлены на третий эшелон с отправлением 7 января 1942 г. Как говорилось в докладной записке на имя секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева, «рабочие отправлены в оборудованных вагонах, обеспечены продовольствием (хлеб, сахар, масло, рыба, мясо, соль) на 30 дней» [5].

Пребывание на Урале для многих кольчугинских рабочих оказалось непродолжительным. Уже 24 февраля 1942 г. ГКО принял постановление № 1338-с «О восстановлении производства металлических сеток» в Кольчугине. Этот процесс шел с большим трудом, о чем также свидетельствуют архивные документы. В частности, 18 марта 1942 г. секретарь обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцев обратился к наркому электропромышленности И.Г. Кабанову с просьбой дать указание о возврате на завод части металлотакающего оборудования, отправленного и неиспользуемого в г. Ташкенте, 5 волочильных машин, одного разрезного прессы и части фильерной установки. Кроме того, он просил выделить заводу фонд на трансформатор и электрооборудование с получением его в апреле месяце текущего года [6]. 23 марта 1942 г. Г.Н. Пальцев вновь обращается за помощью, но теперь уже к зампреду СНК СССР М.З. Сабурову. Из его содержания следовало, что на завод возвращается 17 вагонов эвакуированного в г. Краснокамск металлотакающего и волочильного оборудования. Наряду с восстановлением производства короткие сроки имел возможность организовать выпуск проводов с резиновой изоляцией, для чего требовались 3-х валковый каландр, 3 комплекта смесильных вальцев и 5 штук шприц-прессов. Такое оборудование, писал он, имеется на предприятиях Ивановской и Ярославской областей. Кроме того, он попросил оказать содействие в передаче заводу 10 ходов шнуроплеточных машин с текстильных фабрик 2 и 3 Главных управлений хлопчатобумажной промышленности и другого оборудования.

Первый отчет о результатах производственной деятельности завод «Электрокабель» представил в обком ВКП(б) за август 1942 года. Согласно ему на заводе работало 446 рабочих, а их средняя зарплата составила 307 руб. [9]. В октябре численность рабочих возросла до 533 человек, а их зарплата – до 328 руб. В трудовом коллективе предприятия насчитывалось 74 стахановца [10]. В этом же месяце заводу было присвоено наименование Государственный Союзный завод № 681.

Завод № 7 (позднее он получил название Государственный Союзный завод № 764) из г. Кольчугино был эвакуирован в октябре

1941 года. Однако, в постановлении ГКО № 1908-с «Об увеличении производственных мощностей по выпуску самолетных радиаторов», принятом 14 июня 1942 г., было решено восстановить его мощности в Кольчугине [8]. О возвращении части этого завода в Кольчугино и восстановлении производства свидетельствует ряд документов из регионального архива.

Так, в постановлении Кольчугинского бюро райкома ВКП(б) «Об организации школы ФЗО на базе № 7 и Электрокабель» от 26 мая 1942 г., говорится о необходимости подготовки кадров для указанных предприятий, которые «в настоящее время по постановлению ГКО восстанавливаются на базе эвакуированных заводов» [7]. Однако, в действительности о заводе № 7 речь шла в постановлении ГКО № 1908 с «Об увеличении производственных мощностей по выпуску самолетных радиаторов», принятом лишь 14 июня 1942 года. Решение этого вопроса, согласно указанному постановлению, планировалось через организацию филиала завода № 518 в Кольчугине [8]. В нем утверждалось, увеличение производственных мощностей по выпуску радиаторных трубок на площадях Кольчугинского завода № 7 НКЦМ выполняется крайне медленно. Полученный заводом 600-тонный пресс не монтируется из-за отсутствия вспомогательного к нему оборудования, аккумулятора насосной установки и цельнотянутых труб, которые должен поставить к 25 августа с. г. Ровденский завод № 518 НКЦМ.

Из 54 волочильных станков завод имеет только 5. К 15 августа с. г. 30 станков должен поставить Иркутский механический завод имени Куйбышева НКТМ и 17 станков завод № 518. Сроки поставки прошли, волочильные станки заводом еще не получены. Вспомогательное оборудование: заковочные машины, пилы и испытательные устройства Кыштымский и Верхневинский механические заводы НКЦМ в срок не изготовили и задерживают монтаж оборудования на заводе № 7 [4]. В конце октября 1942 г. заводу № 7 было присвоено наименование Государственный Союзный завод № 764.

Согласно отчету за октябрь 1942 г. на заводе № 764 работало 88 человек или 67,7 % от штатной численности, а их средняя зарплата составила 300 руб. В декабре 1942 г. число работников завода увеличилось до 90 человек, их выработка составила 1422 руб. или 92,5 % на одного рабочего, а средняя зарплата уменьшилась до 298 руб. Все это свидетельствовало о восстановлении деятельности завода и его включении в работу для обороны страны.

В отношении завода № 260 известно следующее. 14 июня 1939 г. постановлением Совнаркома СССР он был передан в ведение Народно-го комиссариата боеприпасов (далее – НКБ).

Эвакуация завода осуществлялась с октября по декабрь 1941 г. в г. Молотов (ныне Пермь). 21 января 1942 г. приказом НКБ № 21 эвакуированной части завода № 260 было присвоено наименование Государственный союзный завод № 260-А. 3 января 1942 г. выходит Постановление правительства «О прекращении эвакуации и возобновлении работы Госзавода № 260 во Владимире». 28 апреля 1942 г. приказом НКБ СССР № 203-с Владимирскому заводу было присвоено наименование Государственный союзный завод № 521, а заводу в г. Молотове – Государственный союзный завод № 260. Завод № 521 в годы войны выпускал минные взрыватели МП и МП-82, взрыватель ГВМЗ пневматического типа для осколочных и осколочно-фугасных снарядов среднего калибра и для реактивных снарядов первых «Катюш» (В-229), а также взрыватель АВД для авиабомб крупного калибра.

В Государственном архиве Владимирской области сохранились документы, свидетельствовавшие о настроениях рабочих в эвакуации имевшие отношение к 1942 году. Согласно протоколу собрания, работники завода высказывались в отношении ее крайне отрицательно. Они отмечали, что идейно-политическая работа идет в данных условиях ненормально, большая часть партийной организации распылена, находится в разных местах и для нормализации обстановки в трудовых коллективах необходимо взять шефство над работниками слабыми в идейно-политическом воспитании. Прозвучала острая критика в адрес руководства предприятия. Так, в протоколе сообщалось, что «руководители завода занимались в первую очередь спасением своих семейств, а на рядовой состав завода не обратили внимания. Вопросы, касающиеся эвакуации они ставили для того, чтобы затушевать свою робость. Руководители предприятия практически в первые же дни эвакуации снимали своих родственников с занимаемых должностей, стали массово увольнять коммунистов, по этой причине рабочие не знали, куда платить членские взносы, что привело к росту их задолженности» [1].

Внимание также было обращено на необходимость повысить темпы производства, с обязательным снижением брака в работе. В частности много упреков звучало в адрес цеха № 2, который не использовал все возможностей, имел низкую производительность с большим количеством случаев брака. В этой связи рекомендовалось вести кропотливую и настойчивую работу над обучением людей, приучать их к бережному отношению к инструменту, станкам и оборудованию, ценить его, как самое необходимое [2].

По мнению выступавших, необходимо было организовать социалистическое соревнование за повышение производительности труда, ликвидацию брака, экономию материалов и инструмента. Было крайне

важно заняться подготовкой кадров, особенно для цеха № 6, который также не справлялся с поставленными задачами. Предлагалось уплотнить рабочий день и добиться такого положения, чтобы станки не простаивали ни одной минуты у высококвалифицированных работников инструментального и ремонтного цехов [3].

Исходя из вышесказанного, партийное собрание завода № 260 пришло к выводу о необходимости обязать директора завода усилить требования к начальникам цехов по борьбе с браком, за повышение производительности труда, достижению наименьших затрат средств и времени для получения наибольшей эффективности. Партсобрание обратило внимание всех начальников цехов и отделов на необходимость бережного расходования денежных средств и материальных ресурсов, а также немедленного развертывания подготовки кадров, используя в первую очередь женскую рабочую силу, комплектуя группы наладчиков, слесарей, токарей, сборщиков и контролеров из местного населения. Кроме того, было решено использовать время до прибытия оборудования и полностью подготовить площадки цехов, места под станки и штаты руководящих работников, не допуская простоя вновь прибывающего оборудования.

Таким образом, эвакуированные с территории Ивановской области оборонные предприятия, частично приступившие к работе в новых местах дислокации, в скором времени решениями ГКО были возвращены в регион и после монтажа оборудования вновь приступили к выпуску военной продукции.

Библиографический список

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). ФП-1984. Оп. 1. Д. 8а. Л. 7.
2. Там же. Л. 8.
3. Там же. Л. 11.
4. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 478. Л. 87.
5. Там же. Д. 622. Л. 1–2.
6. Там же. Д. 626. Л. 19.
7. Там же. Л. 30.
8. Там же. Л. 60–60 об.
9. Там же. Л. 66.
10. Там же. Л. 76.
11. Там же. Оп. 19. Д. 12. Л. 195–208.
12. Там же. Д. 14. Л. 241.

А.О. Гулин,

кандидат исторических наук, преподаватель ОГБПОУ «Буйский техникум железнодорожного транспорта Костромской области»

ЯКОВ МОИСЕЕВИЧ ФИШМАН И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННО-ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути генерал-майора технических войск, начальника военно-химического управления РККА в 1920–30-е гг. Якова Моисеевича Фишмана и его вкладу в развитие военно-химической промышленности СССР.

Ключевые слова: Яков Моисеевич Фишман, эсеры, военно-химическое управление, химия, отравляющие вещества, противогаз.

A.O. Gulin,

Candidate of historical sciences, teacher OGBPOU "Buy's Technical school of railway transport of Kostroma region"

YAKOV MOISEEVICH FISHMAN AND HIS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE SOVIET MILITARY-CHEMICAL INDUSTRY

Abstract. The article is dedicated to the life of Major General of the technical troops, head of the military-chemical department of the Red Army in the 1920–30s Yakov Moiseevich Fishman and his contribution to the development of the military-chemical industry of the USSR.

Keywords: Yakov Moiseevich Fishman, Socialist Revolutionaries, military-chemical department, chemistry, poisonous substances, gas mask.

Фигура Я.М. Фишмана, руководившего Военно-химическим управлением РККА, Научно-техническим химическим комитетом и секцией военно-химической обороны Осоавиахима, представляет для специалистов определенный интерес, а созданные им разработки не теряют своей актуальности и в современных условиях.

Яков Моисеевич Фишман родился 11 апреля 1887 г. в Одессе в семье бухгалтера. В 1905 г. он с отличием окончил II Одесскую гимназию, после чего поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета. За год до поступления увлекся революционной борьбой и вступил в ряды партии социалистов-революционеров. Перебравшись по заданию партии в столицу, он вскоре стал членом Петербургского совета рабочих депутатов и, одновременно, руководителем

боевой дружины, сформированной из рабочих Охтинского порохового завода. В 1905 г., после серии арестов представителей рабочих депутатов, Я.М. Фишман вернулся в Одессу, где продолжил заниматься революционным террором. В 1908 г. его арестовали и приговорили к ссылке в Туруханский край, откуда Я.М. Фишман бежал в Китай, а позднее сумел добраться до Неаполя, где окончил химический факультет, специализируясь, главным образом, на взрывчатых и отравляющих веществах.

В Россию Я.М. Фишман вернулся в апреле 1917 г. Работавший в редакции эсеровской газеты «Воля народа» и лично знакомый с Я.М. Фишманом Михаил Пришвин, отмечал довольно быстрый «карьерный взлет» вчерашнего эмигранта [9]. Летом того же года Яков Моисеевич вступил в ряды Красной гвардии, в ночь на 26 октября участвовал в штурме Зимнего дворца. После Октябрьской революции занимал целый ряд руководящих должностей в центральном комитете партии левых эсеров, избирался в состав ВЦИКа и ЦИКа Украины. Летом 1918 г., после событий V Всероссийского съезда Советов и левозсеровского мятежа, опасаясь ареста, бежал на Украину [8].

Вернувшись в Москву осенью 1919 г., Я.М. Фишман был арестован, но, находясь под следствием, подписал так называемые «Тезисы Центрального комитета ПЛСР», в апреле 1920 г. был досрочно освобожден и направлен работать в Наркомат внешней торговли. В декабре 1920 г. Яков Моисеевич Фишман официально объявил о выходе из состава партии социалистов-революционеров, тогда вступив в ряды ВКП(б).

В 1923 г. в СССР начали проводиться мероприятия по повышению готовности армии к боевым действиям с применением химического оружия. В штаты стрелковых полков были введены так называемые противогазовые команды, а Главное артиллерийское управление осуществило издание «Сведений по военно-химическому делу». В апреле 1925 г. на базе Отдельной учебной химической и учебно-опытной рот был создан 1-й отдельный учебный химический батальон, предназначенный для подготовки младших специалистов химической службы. Высшая военно-химическая школа была преобразована в Химические курсы усовершенствования командного состава РККА [3, с. 127].

22 августа 1925 г. при химическом отделе Артиллерийского управления в соответствии с приказом РВС № 861 было образовано Военно-химическое управление (ВОХИМУ) РККА, руководителем которого был назначен Яков Фишман, а непосредственным куратором вновь созданной структуры стал замнаркома по военным и морским делам Иосиф Уншлихт.

В конце 1925 г. были созданы центральные органы по руководству химическими войсками. В штаты стрелковых и кавалерийских дивизий и полков, отдельных танковых и инженерных батальонов, частей связи и авиаэскадрилий вводилась должность начальника химической службы (НХС). Кроме того, в стрелковых и кавалерийских полках создавались полковые взводы противохимической обороны. Были введены должности НХС округа, которые осуществляли руководство химической службой и химическими войсками округа. Одновременно с этим в Военно-химическом управлении были развернуты Центральная военно-химическая лаборатория и военно-химический склад 1-го разряда. В 1927 г. инспекция химической подготовки РККА организационно вошла в ВОХИМУ, которое и стало единым органом руководства химическими войсками и химической службой [3, с. 127].

Изначально состав ВОХИМУ включал в себя всего 37 человек. Управление осуществляло руководство снабжением армии и флота военно-химическим имуществом, отвечало за подготовку научно-исследовательских работ в области создания средств противохимической защиты (ПХЗ) и организацию производства таковых средств. Созданные при Химическом комитете 4 секции отвечали за производство отравляющих веществ, а также средств защиты кожных покровов и органов дыхания.

К концу 1925 г. окончательно завершилось укомплектование ВОХИМУ квалифицированными специалистами. В составе управления начал функционировать Академический совет, куда входили ученые и высококвалифицированные инженеры. В 1927 г. штат ВОХИМУ был увеличен до 52 человек за счет создания учебно-строевого отдела, который также осуществлял функции инспекции химической подготовки различных структур РККА [2, с. 40].

Важнейшим направлением работы Я.М. Фишмана в должности руководителя ВОХИМУ стала разработка химических средств массового поражения. Испытывались новые типы и виды отравляющих веществ, вводились в эксплуатацию химические машины и танки, рассматривалась идея создания химических корпусов. По инициативе Я.М. Фишмана была досконально проработана схема заражения местности, занятой противником. Опытный полигон был оборудован в подмосковных Кузьминках, где, в частности, даже проводили пробные бомбометания снарядов с ипритом.

В аттестации, данной Я.М. Фишману наркомом по военным и морским делам К.Е. Ворошиловым, отмечалось следующее: «Много успел сделать за год работы в Химическом управлении. Дело, бывшее еще год назад в «беспорядочном» состоянии, теперь двинуто широко

вперед. Тов. Фишман обладает неиссякаемой энергией, любовью к своему делу (химическому), трудоспособен... Решителен, самостоятелен в работе, иногда слишком много берет на себя ответственности. Выдержанный и устойчивый партиец. В работе разбрасывается, что можно приписать его неиссякаемой энергии. Военная подготовка как теоретическая и особенно практическая недостаточна... Занимаемой должности только нач(альника) Военно-Химического управления соответствует» [9].

В 1928 г. Яков Моисеевич также возглавил Институт химической обороны СССР. Через 4 года, пройдя переаттестацию, получил вторичное назначение на должность начальника ВОХИМУ, а еще через год был награжден орденом Красной Звезды. В 1935 г. Фишману было присвоено звание корпусного инженера (соответствующее званию комкора РККА), а 20 декабря 1936 г. присуждена степень доктора химических наук. В период с 1924 по 1930 гг. Я.М. Фишман опубликовал 5 научных работ, посвященных развитию военно-химической отрасли [4–7].

Высокую оценку деятельности Якова Моисеевича Фишмана давали и заграничные специалисты. В частности, в вышедшей в 1929 г. в Германии работе «Химическая война» отмечалось, что ведущая роль в разработках советского химического оружия принадлежит именно Я.М. Фишману, которого немецкие коллеги называли настоящим профессионалом и блестящим инициатором в вопросах развития военной химии [2, с. 42].

В карьере Якова Моисеевича были не только взлеты и заслуженные награды. В июне 1937 г. он был арестован по обвинению в военнотроцкистском заговоре. Следствие продолжалось около 3 лет. 29 мая 1940 г. бывший начальник ВОХИМУ, обвиненный в принадлежности к партии социалистов-революционеров и связям с немецкой и итальянской разведками, был приговорен к 10 годам лишения свободы. От высшей меры наказания, по мнению ряда исследователей, его спасла специализация военного химика. Еще в январе 1939 г. Особым техническим бюро при НКВД было предусмотрено создание так называемой группы боевых отравляющих веществ и противохимической защиты. Возглавил группу заключенный Яков Моисеевич Фишман.

В марте 1940 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия докладывал председателю Совета народных комиссаров В.М. Молотову: «Группой под руководством заключенного Фишмана разработан новый боевой противогаз с новым химическим поглотителем, защитная мощность которого в два раза превышает мощность состоящего на вооружении противогаса МТ-4. Благодаря высокой активности нового химического поглотителя, удалось уменьшить вес и габариты существующего противогаса МТ-4 при сохранении требуемой мощности. При этом

конструкция нового противогаса не требует переоборудования заводов, так как новый противогас отличается от существующего только меньшей длиной, следовательно, штампы и весь заводской инструментарий останутся прежними. Изготовление нового химического поглотителя полностью основано на отечественном сырье» [9]. Следует отметить, что на момент разработки такого противогаса Яков Моисеевич Фишман еще не был осужден и работал в качестве арестанта.

Из мест заключения Я.М. Фишман был освобожден в 1947 году. Около года руководил кафедрой химии Саратовского института механизации сельского хозяйства, потом преподавал в Уманском сельхозинституте. В 1949 году Яков Моисеевич вновь был арестован, а через полгода направлен на работу в Норильский горно-металлургический комбинат, где вскоре «дослужился» до заместителя начальника цеха.

В 1955 г. по ходатайству маршала Г.К. Жукова приговор в отношении Я.М. Фишмана был отменен. Бывший начальник ВОХИМУ был полностью реабилитирован, получил звание генерал-майора технических войск, а через 2 года был восстановлен в партии. Выйдя в отставку, Яков Моисеевич проживал в Москве [1], где и скончался 12 июля 1961 года.

Библиографический список

1. Красная звезда. 1961 г. 15 июля.
2. Войска радиационной, химической и биологической защиты 1918–2008. М., 2008. 503 с.
3. Войска радиационной, химической и биологической защиты. 100 лет. Военно-исторический очерк, посвященный столетию со дня образования войск радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных сил Российской Федерации. М.: УНВ РХБ защиты, 2018. 709 с.
4. Фишман Я.М. Военно-химическое дело. М.; Л., 1929.
5. Фишман Я.М. Воздушно-химическая оборона тыла. М., 1928.
6. Фишман Я.М. Газовая война. М., 1924.
7. Фишман Я.М. Химическое оружие. М., 1924.
8. Яков Моисеевич Фишман, первый начальник института // Евреи в прогрессе человечества: страница группы рос. соц. сети ВКонтакте. 7 мая 2018 года. URL: https://vk.com/wall-4700158_32026 (дата обращения: 17.06.2024).
9. Яков Фишман. Главный химик Красной армии // Люди в истории, новости. URL: <http://cyberbox24.ru/news/56793/> (дата обращения: 17.06.2024).

Д. Добжыньска,

студент Государственного академического университета гуманитарных наук,
член Ассоциации историков Союзного Государства (Польша)

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX в.

Аннотация. На основе имагологического подхода в статье рассматривается образ Российской империи в романах Б. Пруса «Кукла», В. Реймонта «Земля обетованная» и С. Жеромского «Сизифов труд». Выбор данных произведений основан на их влиянии на польское общество: все эти книги весьма подробно изучаются в средних общеобразовательных учреждениях, зачастую экранизированы и до сих пор популярны в качестве своего рода «исторических путеводителей» по описываемым в них местам. На основании контент-анализа делается вывод о негативном образе Российской империи, который (хотя и противоречит исторической действительности) формируется у читателей данных произведений.

Ключевые слова: польская литература, Б. Прус, В. Реймонт, С. Жеромский, имагология, Польша, Российская империя.

D. Dobrzynska,

State Academic University for the Humanities (GAUGN),
member of the Association of Historians of the Common State

THE IMAGE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN POLISH LITERATURE OF THE 19TH CENTURY

Abstract. Based on the imagological approach, the article examines the image of the Russian Empire in the novels “The Doll” by B. Prust, “Promised Land” by V. Reymont and “Sisyphus' Labor” by S. Jeromsky. The choice of these works is based on their influence on Polish society: all these books are studied in great detail in secondary schools, are often screened and are still popular as a kind of “historical guides” to the places described in them. On the basis of content analysis the conclusion is made about the negative image of the Russian Empire, which (although it contradicts the historical reality) is formed in the readers of these works.

Keywords: Polish literature, B. Prust, V. Reymont, S. Zeromski. Reymont, S. Jeromski, imagology, Poland, Russian Empire.

Во время разделов польская культура перешла 4 эпохи: Просвещение, Романтизм, Позитивизм и «молодая Польша». Тогда же поляки получили первую нобелевскую премию по литературе. Лауреатом был

Генрик Сенкевич, который писал исторические романы. Хотя после январского восстания, царские власти ввели большую цензуру, в газетах в кусках, выходили другие польские романы. Романы выходили в газетах: «Tygodnik Ilustrowany – Przyjaciel Ludu» (рус. «Иллюстрированный еженедельник – Друг народа»), «Слово», «Курьер ежедневный» (польск. «Kurier codzienny») или «Курьер варшавский» (польск. «Kurier Warszawski») и через издательство «Гебетнер и Вольф» (польск. Firma księgarsko-wydawnicza «Gebethner i Wolff»). Литература этого периода и сейчас играет важную часть для польского самосознания. Рассмотрим подробнее ключевые произведения польской литературы, формирующие польский взгляд на Российскую империю до сих пор.

«Кукла» (польск. *Lalka*)

Роман Болеслава Пруса публиковался по частям в 1887–1889 годах в еженедельной газете «Kurier Codzienny», издававшейся в 1890 году в Варшаве издательством «Gebethner i Wolff». Этой историей о бывшем январском повстанце (имеются в виду события 1863–1864 года на польск) Станиславе Вокульском, который стал очень богатым купцом, несчастно влюбленным в аристократку Изабеллу Ленцкую. «Кукла» – роман периода критического реализма. Для него характерны горькая оценка польского общества, где идеалистам нет места, общество их не понимает, отвергает. Вокульский и его бухгалтер Жецкий терпят поражение, еще один его друг Охотский покидает страну. Остаются те, кто думает о себе, своих интересах, деньгах и руководствуется желанием наживы. В польских школах книга очень часто сравнивается с «Преступлением и наказанием», через очень похожие описания городов, хотя в романе появляется ещё Париж и дворянские усадьбы. Приведу типичные художественные описания из романа:

– *«можно было увидеть руины, утопленные под мостовую, с крышами, поросшими мхом, помещения со ставнями, запертыми день и ночь на решетку, двери, забитые гвоздями, стены, наклоненные взад и вперед, окна, заклеенные бумагой или заткнутые тряпками»;*

– *«... он заглядывал в квартиры через грязные окна и пресыщался видом шкафов без дверей, стульев на трех ножках, диванов с порванными сиденьями, часов с одной стрелкой и разбитыми циферблатами»;*

– *«вид поденных рабочих, вечно ожидающих работы, ремесленников, которые занимались только тем, что чинили старую одежду, торговцев, единственным богатством которых была корзина с сухим печеньем».*

В романе присутствуют исторические факты о январских повстанцах. Главный герой, Станислав Вокульский, после восстания был

осуждён и отправлен в ссылку в Сибирь. Купец, он там занимался геологией. Да, поляки, даже осужденные по делу 1863/64 гг., даже в ссылке, имели многие возможности. Например, родственник польской писательницы, Элизы Ожешко. Во время ссылки в Сибирь он стал директором местных больниц. Возвращаясь к персоне Вокульского, отметим, что он после ссылки вернувшись в Варшаву, уже не имел шанс на продолжение учебы. Благодаря своему бывшему работодателю Минцлу, получил у него место в магазине. После смерти своего благодетеля он женился на его вдове, а когда она умерла, наследовал её состояние и имущество.

Проблемы и войны Российской империи также присутствовали на территории Привисленского края. Соответственно эти исторические факты были описаны в «Кукле». Вокульский, влюблен в пустую аристократку Ленцкую, которой отец проиграл всё деньги в карты. Вокульский хотел исполнить всё её мечты и решить проблемы её отца. Когда он узнал, что началась русско-турецкая война, он уехал на неё, чтобы заняться торговлей. По возвращении он вошел в акционерное общество, которое вело торговлю с востоком: *«В Болгарии он за восемь месяцев значительно обогатился, снабжая армию. Он ушёл с 30 000 рублей и вернулся с суммой в десять раз большей».*

В книге представлен также разные жители Польши. В польской среде появляются много евреев, немцев и русских – не только в самой богатой среде, но и среди бедняков. Похожие примеры имеются и в книге Владислава Реймонта «Земля обетованная».

«Земля обетованная» (польск. *Ziemia Obiecana*)

Роман Владислава Станислава Реймонта написан в 1897–1898 годах и издан книгой в 1899 году. Сюжет книги представляет историю трех друзей, живущих в Лодзи на пике его развития. Инженер Кароль Боровецкий, торговец Мориц Вельт и сын фабриканта Макс Баум мечтают основать собственную фабрику. На фоне их истории представлена борьба за жизнь бедных и богатых жителей Лодзи и его пригорода. Хотя многие говорят, что книга имеет антироссийский настрой, однако в Лодзи большинством фабрик владели немцы и евреи, а также – немного – поляки. Город и его округа начали развитие после приезда сюда немцев ещё в начале XIX века.

Самые главные фабрики в Лодзи имели немцы и евреи. Промышленный рывок Лодзисвязан с трудами Израиля Познанского, Карла Шейблера, Эдварда Гербста, Юлиуса Хеинцеля и Максимилиан Гольдфедера. Их и вывел автор в главных героях своей книги. Она показывает, насколько разнообразным был Лодзь до 1 сентября 1939 года. Во

время Второй мировой войны, в Лодзи существовали гетто, лагерь для детей и лагерь для военнопленных из Красной Армии, Войска Польского и других стран. Евреи и поляки, работали на строительстве железной дороги, которая существует до сих пор.

Образ Лодзи в «Земле обетованной» показывает также, как в Привисленском крае создавалась промышленность. История фабрикантской Лодзи – важная часть в истории рабочего движения. В июне 1905 года на улицах города бушевало восстание против власти. Сам город, благодаря сохраненной застройке до сих пор используется в качестве естественной декорации для съемок исторических кинофильмов. Город нередко сравнивают с Петербургом из-за обилия дворцов в центре города.

«Сизифов труд» (польск. *Szyfowe Prace*)

«Сизифов труд» – книга Стефана Жеромского, написанная в 1897. Впервые она публиковалась в газете на территории Австро-Венгрии, а через 10 лет и с цензурными изъятиями – в Российской империи. Сюжет книги происходит после январского восстания и затрагивает проблемы дворян и русификации польской молодежи. Действие происходит во второй половине XIX века на польских землях, отошедших от России. Главный герой, Марцин Борович, начинает свое обучение в неполной средней школе в Клерикове. Там он сталкивается с русификацией, которой поначалу неосознанно поддается. Автор при описании использовал элементы своей биографии и истории своих друзей.

«Дворянский вопрос» раскрывается через семью главного героя. Марцин Борович – дворянин, сын участника январского восстания. После смерти матери главного героя перед юношей возникает тайна его отца. Семья потеряла много имущества в результате санкций властей против польских дворян после восстания. Это также осложняет учебу молодого парня.

Тема восстания 1863/64 г. показана не только через семью главного героя, но также и через демонстрацию общества. В школе, после этого как Марцина удалось (кратковременно) русифицировать, он многократно выступал против соучеников, чьи отцы тоже воевали против царской власти. Самый юный ученик, он не понимал смысла восстания и думал, что оно не имеет никакой идеи и смысла. На глазах герои введены были русские названия улиц, и популяризация русской культуры. В самой школе, учеников которых удалось перевербовать, ждали встречи с губернатором. Под конец XIX века весьма сильны были идеи панславизма. И этот момент появился в книге. Про санкции, указано как царские власти ввели обыски в пенсиях для учеников.

Важным элементом книги был факт того, что в гимназию поступил крестьянский сын, что было нетипично для этих времён. Этот персонаж, Анджей Радек, был счастливым: он нашёл работу, давая уроки дворянскому сыну. Хотя начало знакомства с отцом ребёнка не было простым, и ученик гимназии, должен был научиться есть ложкой, вилкой и ножом. Позже, после поступления другие ученики, смеялись над ним потому, что он – крестьянин, а остальные – дворяне или мещане. Не выдержав обид, он избил главного обидчика. Власти школы хотели его отчислить, но Борович спас коллегу, и вскоре стал его другом.

Персонажи русских героев, как и следовало ожидать, всегда показаны негативно. Все или пьянствуют, или полофобы. Зададимся вопросом, было ли так плохо на самом деле? Нет. Самые жестокие репрессии для польских граждан начались после январского восстания 1863/64 г. Напротив, после восстания 1830 года, практически ничего страшного не произошло. Получается, что сами поляки ухудшали свое положение, а царская власть не выдержав, наложила больше жестокие санкции. Страдали ли поляки? Страдали, но по собственной вине. Если полякам было так плохо, то почему в Варшаве и пригороде до сих пор с любовью вспоминают Сократа Ивановича Старынкевича? Этот российский генерал, президент Варшавы с царских времён имеет в Варшаве свой памятник, а на его могиле всё время горят свечи и лежат цветы.

Как видно, польская литература продолжает оказывать значительное влияние на историческую память польского населения. Рассмотренные книги изучаются в курсах истории и литературы, каждая книга изучается в течение нескольких недель. Роман «Лялька» до сих пор популярен, ибо описывает сохранившиеся и популярные у туристов достопримечательности Варшавы и пригорода, а также имеет сильные бонапартистские настроения, до сих пор актуальные в Речи Посполитой. Сюжет несчастной любви очень популярен сам по себе и потому «Лялька» востребована также и в поп-культуре.

«Земля обетованная», экранизированная в 1970-х годах, сохраняет популярность. Фильм после выхода был номинирован на «Оскар», а сейчас популярность ему придает интерес к истории Лодзи и его истории. Лодзь сохранилась, несмотря на Вторую мировую войну, и также пользуется туристической популярностью, а «Земля обетованная» выступает своего рода путеводителем. Популярность формируется и Нобелевской премией по литературе, полученной Владиславом Раймондом. А западные награды очень сильно ценятся в Польше.

«Сизифов труд» используется на протяжении всего школьного курса для повествования о разделах Польши, а в первую очередь – о жизни на «подроссийской» территории. Этой теме посвящены многие

другие книги, но им далеко по популярности до произведения Жеромского. Книга была экранизирована дважды: вначале – сериалом, а затем из него сделали односерийный фильм. Его сюжет регулярно появляется в театральных постановках.

Соответственно и оценки, высказываемые в этих книгах (часто необъективные, антирусские) внедряются и некритично воспринимаются массовым читателем. А управляющий прошлым (пусть и мифологизированным), как известно, определяет настоящее и будущее.

УДК 908

А.М. Иванов,

кандидат исторических наук, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Смоленск)

А.С. Азаренкова,

студентка, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Смоленск)

Э.А. Котова,

студентка, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Смоленск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УГРАНСКОГО РАЙИСПОЛКОМА НАЧАЛА 1980-х гг. ПО ВОПРОСАМ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена работе Угранского райисполкома по соблюдению законодательства о религиозных культах в начале 1980-х гг. по материалам Смоленской области. Исследование проведено на базе архивных источников, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Авторами дается оценка работе райисполкома, а также анализируется взаимоотношения государства и религиозных объединений. Сбережение и изучение региональной истории необходимо, это помогает обогащать историю многонациональной и многоконфессиональной страны.

Ключевые слова: баптисты, Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), райисполком, молитвенный дом.

A.M. Ivanov,

PhD in History, Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Smolensk)

A.S. Azarenkova,

Student, Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Smolensk)

E.A. Kotova,

Student, Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Smolensk)

ACTIVITIES OF THE UGRANSKY DISTRICT EXECUTIVE COMMITTEE OF THE EARLY 1980S ON THE ISSUES OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION ON RELIGIOUS CULTS ON THE MATERIALS OF THE SMOLENSK REGION

Abstract. The article is devoted to the work of the Ugransky District Executive Committee on compliance with the legislation on religious cults in the early 1980s based on the materials of the Smolensk region. The study was carried out on the basis of archival sources stored in the State Archive of the Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter referred to as GANISO), many of which are introduced into scientific circulation for the first time. The authors assess the work of the district executive committee, as well as analyze the relationship between the state and religious associations. Preserving and studying regional history is necessary, it helps to enrich the history of a multinational and multi-religious country.

Keywords: Baptists, All-Union Council of Evangelical Christian Baptists (VSEB), district executive committee, prayer house.

После Великой Отечественной войны положение Церкви в государстве и обществе начало стабилизироваться, так в 1943 году был создан новый государственный орган Совет по делам религиозных культов при СНК Союза ССР, занимавшийся контролем и регистрацией религиозных организаций [2, с. 52]. Основное внимание Уполномоченного по делам религии по Смоленской области в начале 1970-х годов было сосредоточено на практическом претворении в жизнь политики партии и правительства в отношении религии; выполнение положения о Совете и указаний Совета по делам религии при Совете Министров СССР; контроль за применением и соблюдением законодательства о культах местными религиозными организациями и служителями культа, а также местными советскими органами, должностными лицами, всеми гражданами; изучение религиозной обстановке в Смоленской области; информации Совета, партийных и советских органов о процессах и явлениях в религиях; принятие мер по предупреждению и пресечению нарушений законодательства о культах, рассмотрение заявлений и жалоб; оказание помощи комиссиям при исполкомах рай(гор)советах

депутатов трудящихся в осуществлении контроля за соблюдением законодательства о культах [7, с. 58–59]. Не допускалось, чтобы религиозные объединения (общество или группа верующих) приступали к своей деятельности, пока не будет принято решение о регистрации общества или группы верующих Советом по делам религий при Совете Министров СССР. Для регистрации религиозного общества учредители его в количестве не менее 20 человек направляют ходатайство о регистрации религиозного общества и об открытии молитвенного здания (церкви, костела, кирхи, мечети, синагоги и т. д.) в исполнительный комитет районного, городского Совета депутатов трудящихся [4, с. 205]. В начале 1980-х годов в Смоленской области числилось пять незарегистрированных религиозных групп, находившихся на учете в горрайисполкомах [6, с. 105].

По отчетам Уполномоченного по делам религии в Смоленской области Ф.Д. Навозова в начале 1970-х гг. подавляющее большинство населения области порвало с религией, постепенно снижалась религиозная обрядность. По состоянию на 1 января 1972 г. в Смоленской области оставалось 38 православных церквей, одна из них в течении последних 5–6 лет (д. Корсики, Шумяцкого района) из-за отсутствия священника не работала. В связи с недостатком священнослужителей и охлаждением интереса верующих к отправлению религиозных обрядов, отдельные церкви, например Николо-Яровна Смоленского района, Липицы Сычевского района и Юрковщина Хиславичского района прекратили свою работу. В Сафонове, Ярцеве, Велижском, Краснинском, Духовщинском, Сафоновском и Угранском районах не было действующих церквей. В 1961–1971 гг. 14 церквей Смоленской области совершенно прекратили свою деятельность [5, с. 62]. Согласно архивным данным, на территории области в 1970-х годах числилось четыре зарегистрированных общины евангельских христиан баптистов, а также две незарегистрированных общины [6, с. 106].

Проводимая работа по организации контроля за деятельностью религиозных организаций местными советскими органами позволила надежно держать церковь в рамках закона, не допуская в ней послабления, проявляя классовый подход к религии. Должностные лица, которым было поручено заниматься церковью стали более четко представлять, что церкви было положено делать, что не положено, повысилась требовательность к духовенству за неукоснительное выполнение советского закона о религии и церкви.

В результате принятых мер по осуществлению контроля за выполнением законодательства о культах улучшилась организация управления религиозными обществами. Органы по контролю за религией

добивались того, чтобы вопросы управления церковью стояли в центре внимания, чтобы во главе исполнительных органов стояли лояльные люди из числа верующих, добросовестно выполнявшие все требования законодательства [5, с. 52].

С 8 по 12 апреля 1980 г., проводилась проверка деятельности Угранского райисполкома, которая показала, что в Угранском районе неудовлетворительно проводились работы по соблюдению законодательства о религиозных культах. В Угранском районе действовали две группы евангельских христиан-баптистов (райцентр Угра и станция Баскаковка), входившие в зарегистрированное религиозное общество ВС ЕХБ в городе Вязьма, и группа христиан веры евангельской (пятидесятников) в поселке Угра. Контроля за их деятельностью не существовало. Комиссия содействия исполкому Угранского районного Совета народных депутатов по соблюдению законодательства о религиозных культах бездействовала, не проявляла должной активности комиссия содействия исполкому Ключиковского сельсовета (станция Баскаковка). Члены указанных комиссий свои обязанности не распределяли, пытались заниматься не свойственной им атеистической деятельностью, работу не планировали, молитвенных собраний не посещали, религиозную обрядность не анализировали, церковный актив не изучали [1, л. 26].

Председатель комиссии содействия исполкому Угранского районного Совета народных депутатов, секретарь райисполкома Л.М. Давыдова и старший инспектор Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Смоленской облатки А.В. Гришовцев посетили некоторых активистов сектантских групп и провели с ними соответствующие беседы.

По словам проповедника религиозного объединения ВСЕХБ в городе Вязьма Малименкова И.И., проживавшего в поселке Угра, ул. Пушкина, 28, их угранская группа состояла из 10 человек (в 1978 г. было 16). По воскресеньям верующие собирались в доме И.И. Малименкова. Пресвитер Т.П. Румянцев обряд хлебопреломления в Угре не проводил с весны 1979 г., хотя периодически посещал группу (последний раз 8 марта 1980 г., в субботу). И.И. Малименков уверял, что молодежь их не посещает, однако, это не соответствовало действительности. По сообщениям местных жителей, по воскресеньям у И.И. Малименкова собирались молодые люди. В беседе с сектантской активисткой В.А. Туржовой (станция Баскаковка, улица Мира, 9) было установлено, что их группа верующих сократилась с 11 человек в 1978 г. до 8 человек в 1980 г. (два человека умерли, один уехал). Молодежи в группе не было. Для участия в обряде хлебопреломления в первое воскресенье каждого месяца верующие ездили в город Вязьму, в другие воскресные дни

собирались в доме В.А. Туржовой (5–6 человек). Молитвенными собраниями руководил муж Туржовой – Антипин Н.В., являвшийся проповедником религиозного общества ВС ЕХБ в городе Вязьме. Пресвитер Т.П. Румянцев не был на станции Баскаковка около года. Группа регулярно выписывала журнал «Братский вестник», ее так же, как и угранскую группу, регулярно поздравлял со знаменательными религиозными датами старший пресвитер по Смоленской и другим областям В.А. Мацкевич [1, л. 26–27].

В райисполком для профилактической беседы была вызвана активистка-пятидесятница Куликова Александра Ниловна, 1925 г. рождения, 1955 г. водного крещения, работала кассиром в Угранской районной аптеке, проживала в поселке Угра, улица Октябрьская, 6. В беседе с ней принимали участие председатель комиссии содействия райисполкому Л.М. Давыдова и исполняющая обязанности заведующей аптекой С.М. Чечун. Выяснилось, что А.Н. Куликова работала в Угре с 1973 г., до этого жила в городе Спас-Деменске Калужской области. Все члены ее семьи, муж Куликов Николай Никитьевич, 1926 г. рождения, работал шофером в районной санэпидстанции (на момент проверки апрель 1980 г. – уволился), сын, 1951 г. рождения, дочери близнецы – 1957 г. рождения, являлись пятидесятниками. А.Н. Куликова заявляла, что на молитвенном собрании в городе Спас-Деменске 24 ноября 1979 г. якобы оказалась случайно, у себя дома молитвенных собраний не организовывала. Семья планировала переехать в город Ярцево. А.Н. Куликова была строго предупреждена о необходимости неукоснительного выполнения законов о религиозных культах, о недопустимости участия впредь в незаконных сборищах незарегистрированных христиан веры евангельской (пятидесятников) [1, л. 27].

Угранскому райисполкому была дана рекомендация усилить контроль за деятельностью сектантских групп в Угранском районе. В связи с тем, что в 1979 г. в городе Вязьме зарегистрировано религиозное общество евангельских христиан-баптистов, было предложено принять меры к пресечению сборов верующих на молитвенные собрания в райцентре и на станции Баскаковка путем активирования и привлечения активистов церкви, нарушающих закон, к административной ответственности. Райисполкому была оказана помощь в проведении необходимой работы по контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах. Был подобран новый состав комиссии содействия райисполкому, распределены обязанности ее членов, был составлен план работы на первое полугодие 1980 г., комиссия была проинструктирована по существу ее работы. Дан соответствующий инструктаж комиссии содействия исполкому Ключевского сельского Совета народных

депутатов по соблюдению законодательства о религиозных культах. Была оказана необходимая помощь в распределении обязанностей среди членов этой комиссии и составлении ее плана работы [1, л. 27–28].

Для работников Угранского райисполкома и поссовета была прочитана лекция «Основы советского законодательства о религиозных культах». Перед Уполномоченным по делам религии по Смоленской области Ф.Д. Навозовым отчитался старший инспектор Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Смоленской области А.В. Гришовцев, чья работа была признана удовлетворительной [1, л. 28].

Таким образом, духовенство Смоленской епархии поддерживали внутреннюю и внешнюю политику советского государства. Уполномоченный по делам религии по Смоленской области Ф.Д. Навозов в 1970-х гг. постоянно работал с областными и местными органами. Смоленский обком КПСС, облисполком, Совет оказывали помощь уполномоченному по осуществлению политики партии и государства в отношении религии и церкви, усилению контроля за соблюдением законодательства о культах, принимали меры по улучшению работы уполномоченного и инспектора [7, с. 73].

В середине 1980-х гг. произошли изменения во взаимоотношении государства и религиозных организаций, был ослаблен партийный контроль за деятельностью религиозных конфессий, что в дальнейшем привело к увеличению зарегистрированных религиозных обществ. Новые религиозные объединения воспитывали уважительное отношение к соблюдению законов, содействовало оздоровлению социально-политической обстановки в обществе, устанавливали нормальные взаимоотношений между верующими и органами государственной власти [3, с. 198].

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. 985. Оп. 3. Д. 38. Документы о деятельности религиозного общества евангельских христиан-баптистов в г. Вязьма за 1978–1988 гг. Л. 26–28.

2. *Азаренкова А.С.* Деятельность религиозного объединения Крестовоздвиженской старообрядческой церкви белокриницкого согласия в д. Малые липки Сычёвского района Смоленской области в 1950–1980-е годы // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. № 4 (17). С. 52.

3. *Аксёнова Е.К., Иванов А.М.* Русское православное общество и органы советской власти: взаимоотношения в период перестройки (1985–1991 гг.) по материалам Смоленской области // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVI Международной научно-практической конференции. Челябинск, 2020. С. 198.

4. Законодательство о религиозных культах (сборник материалов и документов). М.: Юридическая литература. 2-е издание, дополненное, 1971.

5. *Иванов А.М., Иванова Е.А.* Контроль за выполнением законодательства о культах и надзоре за деятельностью церквей в середине 1970-х гг. по материалам Смоленской области // Исторический бюллетень. 2024. Т. 4, № 7.

6. *Иванов А.М., Михайленков С.Ю.* Деятельность Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) во второй половине XX века по материалам Смоленской области // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. № 4 (17). С. 98–109.

7. *Иванов А.М., Силина К.В.* Деятельность Русской Православной церкви в начале 1970-х годов по отчётам уполномоченного по делам религии при совете министров по Смоленской области // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2024. № 1 (22). С. 58–74.

УДК 930.1/1917-1918

Ю.А. Ильин,

профессор, Ивановский государственный университет

**КРЕСТЬЯНСТВО И КРАХ ИДЕИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА:
ПО ПОВОДУ РАЗГОНА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ
(ноябрь 1917 г. – январь 1918 г.)**

Аннотация. На рубеж ноября – декабря 1917 г. приходится коренной перелом в сознании активной части российского крестьянства: дрейф в сторону принятия режима народовластия в форме советской власти. Показана «блестящая» тактика большевиков и ее успехи в решении вопроса о власти.

Ключевые слова: крестьянство, парламентаризм, Учредительное собрание, советская власть, большевики, левые эсеры, III (объединенный) Всероссийский съезд Советов Р., С. и К. Д.

Yu.A. Ilyin,

Professor, Ivanovo State University

**THE PEASANTRY AND THE COLLAPSE OF THE IDEA
OF PARLIAMENTARISM: ON THE DISPERSAL
OF THE CONSTITUENT ASSEMBLY
(November 1917 – January 1918)**

Abstract. At the turn of November – December 1917, there was a radical change in the consciousness of the active part of the Russian peasantry: a drift towards the adoption of the regime of democracy in the form of Soviet power. The "brilliant" tactics of the Bolsheviks and their successes in solving the issue of power are shown.

Keywords: the peasantry, parliamentarism, the Constituent Assembly, the Soviet government, the Bolsheviks, the left Socialist Revolutionaries, the III (united) All-Russian Congress of Soviets of R., S. and K. D.

По признанию В.И. Ленина, II Всероссийский крестьянский съезд (26 ноября – 3 декабря 1917 г.) «дал победу Советской власти. С Советом К. Д. 2-го созыва у нас установился тесный контакт. С ним мы организовали Советскую власть рабочих, солдат и крестьян» [1, с. 129]. Политические решения данного съезда, показавшие лояльность большинства крестьянства России к советской власти (и даже согласие с тем, что программой действий Учредительного собрания должны быть демократические завоевания «Октября»), придали уверенность режиму в деле выработки ультиматума созываемому Учредительному собранию о признании им Советов и радикальной программы реформ. Но, с другой стороны, большевикам были известны и результаты выборов в этот представительный орган: за эсеров и большевиков проголосовало соответственно 20,9 млн и 9,02 млн человек, то есть 62 % и 25 % голосов избирателей, принявших участие в выборах. Причем, целые регионы, как правило, аграрные, отдавали явное предпочтение эсерам (Черноземный центр, Восточный Урал, Сибирь, Украина) [8, с. 207, 218].

Было ясно, что результаты выборов уже не отражали реальные подвижки в политическом сознании крестьянства, зафиксированные Чрезвычайным и II Всероссийскими крестьянскими съездами. Но кто мог указать большевикам ту грань силового давления на Учредительное собрание, выход за которую грозил шквалом гнева со стороны многочисленных приверженцев данного представительного Собрания из среды крестьянства, еще находившегося в плену парламентских ожиданий. Поэтому правящая партия подстраховалась: признала возможным складывание двоевластия. Но при этом оговаривалась, что Учредительное собрание должно подчиняться Советам, а длительность существования комбинированной формы власти в стране будет зависеть от прочности конституционных иллюзий населения и тактики поведения действительного большинства Собрания.

Одновременно на заседании ВЦИК Советов Р. и С. Д. (от 23 декабря 1917 г.) была принята резолюция об Учредительном собрании, где, в частности говорилось: «<...> ЦИК считает необходимым всей организующей силой Советов поддержать левую половину Учредительного Собрания против его правой, буржуазной и соглашательской половиной и в этих целях постановило: созвать на 8 января III Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. и 12 января III Всероссийский съезд Советов К. Д.» [5, с. 177]. Политический замысел решения был таков: в случае проявления Учредительным собранием воли к сотрудничеству

с Советами, заставить первое по силовым давлением созданных всероссийских съездов Советов принять условия существования комбинированной формы власти, выгодные прежде всего Советам; в случае же прямой конфронтации Учредительного собрания с Советской властью и нежелания принимать демократическую программу «Октября» лишить данное Собрание статуса и на базе объединенных съездов Советов провозгласить «Советское Учредительное собрание», которое узаконит и советский режим и его декреты.

Что касается партии левых эсеров, то она, вступив в более тесный контакт с правящей партией, также перестроилась по отношению к Учредительному собранию с доверчиво-восторженной на осторожно-предупредительную «волну». Она даже не отвергала возможность разгона Собрания. Как мы знаем, политические события вокруг Учредительного собрания 5 января 1918 г. пошли по второму варианту: оно было разогнано.

Какая была реакция крестьянства на действия советской власти в отношении Учредительного собрания? В среде организованной части крестьянства явно преобладали одобрительные отклики на происшедшие в Петрограде события. Об этом говорят резолюции крестьян с мест, наказы депутатам и сам ход работы III Всероссийского съезда Советов К. Д. Из резолюции съезда волостных Советов К. Д. Островского уезда Псковской губернии (от 8 января 1918 г.): «Мы, крестьяне, депутаты Островского уезда, заслушав прения по текущему моменту, приветствуем решение ЦИК Советов Р. С. и К. Д. о роспуске Учредительного собрания за то, что оно не исполнило волю трудового народа о мире, земле и о признании власти Советов. Приветствуем настоящую власть в лице Советов <...>» Аналогичные решения принимались на съезде Советов Ростовского уезда Ярославской губернии, объединенном съезде Советов Орловской губернии, VI съезде Советов К. Д. Липецкого уезда Тамбовской губернии, съезде Советов К. Д. Великолуцкого уезда Псковской губернии и т. д. По горькому признанию правого эсера Быховского, «толща деревни», широкая крестьянская масса не понимала принципиальной сущности народовластия, выраженного Учредительным Собранием» [4, с. 144, 149].

Наглядно чувство разочарования в среде российского крестьянства идеей Учредительного собрания проявилось в ходе работы III Всероссийского съезда Советов К. Д. Прежде всего, это сказалось на партийном составе депутатского корпуса форума. Из 705 делегатов-большевиков насчитывалось 309 человек, левых эсеров – 278 человек. Это соответственно 47 % и 42 % их общего числа. Для сравнения, на Чрезвычайном и II Всероссийском крестьянских съездах присутствовало

большевиков и левых эсеров соответственно 11 % и 51 %, 12 % и 44 % общего состава. То есть налицо тенденция «большевизации» состава полномочных представителей Советов К. Д. на съезде. Далее, заметную роль на съезде стали играть объединенные Советы Р., С. и К. Д.: их было 94 (из 337 Советов). Для сравнения, обособленных Советов К. Д. на данном форуме насчитывалось 136. Тем самым, и высший представительный орган крестьянства подтягивался до уровня представительства депутатского корпуса, характерного для II и III Всероссийских съездов Советов Р. и С. Д.

Политическая ориентация посланцев крестьянства: из 422 делегатов съезда, заполнивших анкеты, 385 человек высказали положительное отношение к Советской власти, 5 человек – безразличное и 5 человек – отрицательное отношение к ней. На вопрос: как Вы смотрите на уход большевиков и левых эсеров с заседания Учредительного собрания? 322 делегата одобрили этот шаг, 17 делегатов отнеслись к этому отрицательно. Наконец, о настроениях крестьянства дает четкое представление содержание 203 наказов (в том числе 108 наказов, принятых на сельских сходах, уездных и губернских съездах Советов К. Д.), привезенных делегатами на очередные всероссийские съезды Советов Р. и С. Д. и Советов К. Д. в январе 1918 г. Так, в 113 наказах (из 117, принятых за период 28 декабря 1917 г. – 6 января 1918 г.) указывалось, что Учредительное собрание будет признано народом только в том случае, если оно одобрит Советскую власть и поддержит ее политику. И лишь в 4 наказах выдвигались требования передать власть в руки Учредительного собрания либо другого демократического органа. В 56 наказах (из 86, принятых после роспуска Учредительного собрания) одобряется роспуск данного Собрания, в 28 – требования либо роспуска Учредительного собрания, либо допущения его к работе на условиях признания советского правительства и его декретов. Лишь в 2 наказах содержатся требования возобновления работы Учредительного собрания и передачи ему всей полноты государственной власти. Таким образом, в 197 (из 203) наказах вопрос о форме власти решался с большевистских позиций [2, с. 293–299].

Наконец, показателем изживания в крестьянских массах идеи парламентаризма была та легкость и быстрота, с которой оба съезда шли на объединение друг с другом. Сначала III съезд Советов Р. и С. Д. 12 января 1918 г. принял резолюцию об одобрении политики Совнаркома и ВЦИК и объединении с крестьянским съездом, а 13 января Всероссийский съезд Советов К. Д. принял аналогичную резолюцию. «Известия ВЦИК» за 14 января 1918 г. писали: «Сам по себе факт слияния, состоявшийся без всяких условий, ясно свидетельствует о полном

согласии обоих съездов в основных политических и экономических вопросах». Эсеровская газета «Дело народа» и меньшевистский орган «Новый луч» признали, что объединение съездов означает полное поражение мелкобуржуазных партий в борьбе за государственную власть [6, с. 90–93]. Из речи М.А. Спиридоновой на III Всероссийском крестьянском съезде (13 января 1918 г.): «<...> Советы показали себя наилучшими организациями для разрешения всех социальных противоречий, оказались теми верными крепостями, которые могут служить надежной и единственной защитой подлинных интересов трудящихся масс <...> мы, исходя из этого, Советы С., Р. и К. Д. вправе утвердить подлинным Трудовым Учредительным Собранием, которому должны принадлежать во всей полноте все исполнительные и законодательные функции <...>» [3, л. 6].

Усилиями большевиков и левых эсеров III объединенный всероссийский съезд Советов Р., С. и К. Д. прошел именно как Советское Учредительное собрание представителей трудового народа. Им была принята «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ночь на 19 января 1918 г. принят в целом первый раздел «Основного закона о социализации», осуществлены выборы членов ВЦИК. Фракция большевиков получила в нем абсолютное большинство мест – 160, а левые эсеры – лишь 125 мест [7, с. 96, 110, 114].

Данные решения амортизировали процедуру перевода сознания широких крестьянских масс от приверженности идеям парламентаризма к глубокому верованию истинной народности советской формы правления, а, значит, и способствовала ускорению темпов «триумфального шествия» Советской власти на местах. Оформление правящей коалиции большевиков и левых эсеров стало мощным толчком для оживления процесса замены системы земского самоуправления Советами в регионах.

Библиографический список

1. *Городецкий Е.Н.* Рождение советского государства, 1917–1918 гг. М., 1987. С. 129.
2. Там же. Указ. соч. С. 293, 299;
3. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 2. Д. 10. Л. 64.
4. *Ерицяи Х.А.* Советы К.Д. в Октябрьской революции. М., 1960. С. 144, 149.
5. Протоколы заседаний ВЦИК второго созыва. М., 1918. С. 177.
6. *Смирнов Н.Н.* III Всероссийский съезд Советов: история созыва, созыв и работа. Л., 1988. С. 90–93.
7. Там же. Указ. соч. С. 96, 110, 114.
8. *Шавело Н.* Октябрьская Революция и Учредительное Собрание. М.; Л., 1928. С. 207, 218.

Т.А. Ковров,

кандидат исторических наук (Иваново)

УЧАСТИЕ КУПЦА Ф.А. ТАКМАНА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЁТНО-ССУДНОГО КОМИТЕТА ПРИ ЯРОСЛАВСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

Аннотация. В статье повествуется об участии купца Ф.А. Такмана в деятельности учётно-ссудного комитета при Ярославском отделении Государственного банка по торгово-промышленным кредитам. На основании архивных материалов выясняются причины утверждения Такмана в должности члена комитета и определяется продолжительность его пребывания в комитете.

Ключевые слова: Государственный банк, Ярославское отделение, купец, общественное служение.

T.A. Kovrov,

Candidate of Historical Sciences (Ivanovo)

THE PARTICIPATION OF THE MERCHANT F.A. TAKMAN IN THE ACTIVITIES OF THE ACCOUNTING AND LOAN COMMITTEE AT THE YAROSLAVL BRANCH OF THE STATE BANK

Abstract. The article talks about the participation of the merchant F.A. Tuckman in the activities of the accounting and loan committee at the Yaroslavl branch of the State Bank for trade and industrial loans. Based on archival materials, the reasons for Tuckman's approval as a committee member are clarified and the duration of his stay on the committee is determined.

Keywords: the State Bank, the Yaroslavl branch, the merchant, public service.

Государственный банк Российской Империи с 1862 по 1917 г. развивал сеть своих филиалов (отделений и контор) на территории империи. Согласно архивным данным РГИА, уже «в 1864 г. было открыто 12 отделений Госбанка в городах страны» [3, л. 12–12 об.]. Среди них было и банковское отделение в губернском городе Ярославле, открытое 21 июня 1864 г. [3, л. 185].

Деятельность Госбанка и его региональных филиалов регламентировалась Уставом Банка 1860 г. В частности, ст. ст. 167–179 Устава были посвящены разным аспектам функционирования учётно-ссудных

комитетов – структурных подразделений провинциальных учреждений Госбанка.

Подчеркнём, что названные комитеты формировались только после открытия в филиалах учётной операции (операции учёта векселей. – *Т. К.*). Дата открытия этой банковской операции зависела от Госбанка: именно он разрешал производство учётной операции в том или ином своём филиале.

Например, учётная операция Ярославскому отделению была разрешена Госбанком только спустя несколько лет после открытия отделения, причём определяющую роль здесь сыграло местное купечество. Именно они «в декабре 1865 г. обратились в правление Госбанка с докладной запиской, в которой просили Банк разрешить учётную операцию в Ярославском отделении» [4, л. 31–33]. Ярославские купцы привели весомые аргументы о необходимости производства учётной операции в отделении: «1. Незначительные средства Ярославского общественного банка, не обеспечивавшие кредитных потребностей населения Ярославля.

2. Отсутствие операции по учёту векселей в данном общественном банке.

3. Высокие обороты Ярославского отделения Госбанка в 1864–1865 гг.

4. Финансовые неудобства, испытываемые ярославскими купцами при обращении за кредитом в частные коммерческие банки» [4, л. 31 об.–32].

К сожалению, в архивных материалах не удалось обнаружить точную дату разрешения учётной операции Ярославскому отделению. Можно осторожно предположить, что Госбанк не стал затягивать с этим решением, приняв во внимание вышеизложенные аргументы ярославцев.

Обращение к дополнительным архивным источникам, в частности к документам фонда 518 «Ярославское отделение Госбанка» ГАЯО, позволяет подытожить, что учётно-ссудный комитет при отделении действовал уже к концу 1860-х – началу 1870-х гг. и развивал свою деятельность до 1917 г. Основным направлением комитета было торгово-промышленное кредитование.

Курируемые комитетом вопросы рассматривались на комитетских заседаниях. Статья 167 Устава Банка 1860 г. определяла тематику заседаний: «рассмотрение векселей, предъявленных к учёту, их приём, определение стоимости товаров, под залог которых испрашивался кредит, и обсуждение объёма запрашиваемого кредита» [6, л. 9 об.]. Статья 60 нового банковского Устава 1894 г. уточняла круг вопросов, входивших в повестку комитетских заседаний: «определение размера кредита,

который может быть открыт в банке частным лицам, фирмам и учреждениям, оценка благонадёжности представляемых к учёту векселей» [7, с. 29].

Согласно Уставам, «на заседаниях комитета присутствовали руководитель филиала Банка (управляющий отделением или директор конторы), контролёр и коммерсанты из местных торговых и промышленных кругов» [6, л. 9 об.; 7, с. 29–30]. Последние состояли в комитетах на правах его членов и подбирались на эту должность в соответствии с критериями, главным из которых была «компетентность в отраслях торговли и промышленности» [7, с. 29].

После проработки комплекса архивных документов фонда 587 «Государственный банк Российской Империи» РГИА и фондов 100 «Ярославская казённая палата» и 518 «Ярославское отделение Госбанка» ГАЯО автором статьи был сделан вывод, что учётно—ссудный комитет при Ярославском отделении на протяжении длительного периода своей деятельности состоял из наиболее успешных и предприимчивых торговцев и промышленников, принадлежавших к известным купеческим династиям г. Ярославля. Так, в разные годы в комитетских заседаниях принимали участие купцы Вахрамеевы, Дунаевы, Кузнецовы, Лопатины, Приваловы, Свойкины и др. Всех их отличал высокий профессионализм при исполнении полномочий члена комитета. Они обладали профессиональными познаниями в нескольких отраслях торговли и промышленности, имели торговые связи с представителями деловых кругов Ярославля и за его пределами и были уважаемы в обществе.

На наш взгляд, участие ярославских коммерсантов в заседаниях комитета было своеобразным примером общественного служения на пользу государству. Купцы состояли в комитете на добровольных началах и не получали никакого содержания за участие в комитетских заседаниях. Таким образом, можно говорить о безвозмездном служении в учётно-ссудном комитете при Ярославском филиале главного кредитного учреждения Империи (Госбанка).

Исследуем участие коммерсантов в комитете при Ярославском отделении на примере купца Ф.А. Такмана. Выбор темы обусловлен тем, что Такман был иностранного происхождения (из Германии). Здесь важно уточнить, что в ходе изучения социального состава учётно-ссудных комитетов отделений Госбанка Владимирской, Костромской и Ярославской губерний других случаев участия лиц иностранного происхождения в комитетах при банковских отделениях выявлено не было. Тем интереснее осветить служение Такмана в комитете в Ярославле и установить, какую пользу Ярославскому отделению принесло участие Такмана в деятельности комитета.

Подчеркнём, что подробная информация об участии Такмана в комитете при Ярославском отделении была найдена автором в материалах фонда 100 «Ярославская казённая палата» ГАЯО. В частности, в описи 19 имеется дело № 260, содержащее сведения о социальном составе комитета за 1893–1911 гг.

Согласно материалам дела, управляющий Госбанком направил Ярославскому отделению письмо от 4 октября 1911 г., в котором поручил управляющему отделением «озаботиться пополнением состава комитета лицами, осведомлёнными в льняной промышленности и торговле» [1, л. 354]. Своё поручение управляющий Банком обосновывал «весьма значительной ролью производства льна и льняной торговли для местного населения северных и северо-западных районов Империи и необходимостью в связи с этим для филиалов Госбанка, расположенных в главнейших пунктах льняной промышленности и районах льняной торговли, располагать достаточными сведениями о положении льняной культуры в данном районе и об изменениях в настроении льняного рынка» [1, л. 354].

Архивные документы свидетельствуют, что управляющий Ярославским отделением, ознакомившись с вышеозначенным письмом, предпринял поиск опытных в льняной отрасли промышленности и торговли предпринимателей и весьма оперативно нашёл подходящих кандидатов в комитет. Отметим, что свои рекомендации по подбору компетентных в льняном деле лиц на очередном комитетском заседании озвучили ярославские коммерсанты, состоявшие в комитете. Далее, в письме в канцелярию Госбанка от 10 ноября 1911 г. управляющий отделением представил Банку «Ф.А. Такмана и П.В. Ванчагова – наиболее крупных местных представителей льняной промышленности и торговли, причём Такман, по мнению учётно-ссудного комитета, как лицо, живущее на месте и ведущее торговые операции по всему району льняного производства, мог принести Банку много пользы своей осведомлённостью» [1, л. 355–355 об.] (об участии П.В. Ванчагова в комитете при Ярославском отделении было рассказано в докладе на XXXIV научной конференции «История и культура Ростовской земли», прошедшей в Государственном музее-заповеднике «Ростовский Кремль» 6–8 ноября 2024 г. – Т. К.).

Вместе с письмом в Банк была направлена справка с подробными сведениями о Ф.А. Такмане. Из содержания справки следует, что «Феликс Альбертович Такман – купец, лютеранин, 54-х лет. Торгует льном с 1877 г.: в Кёнигсберге, Двинске, Острове, Витебске (в последнем около 25 лет), а также в Вологодской, Ярославской, Костромской, Тверской, Владимирской, Вятской и других губерниях. Торгует

самостоятельно и в компании, оптом, за наличные деньги. Имеет состояние в наличных деньгах и в земле и доме в Невском Пассаже. Не занимается дисконтом векселей и ссудными операциями. Не кредитруется в учреждениях Банка. При безупречной нравственности, доверии и уважении общества обладает солидными познаниями и опытом по льняному делу. Самый крупный в Ярославле торговец льном» [1, л. 358 об.–360].

Из указанных сведений можно заключить, что в начале 1910-х гг. в комитет при Ярославском отделении стали приглашаться предприниматели, которые вели торговые дела не только в Центральном Промышленном районе (Владимирской, Костромской, Тверской, Ярославской губерниях), но и в Северном районе Империи (Вологодской, Вятской губерниях). Из чего, в свою очередь, можно сделать вывод, что к 1911 г. район Ярославского филиала Госбанка распространился далеко за пределы Ярославской губернии. Соответственно, на комитетских заседаниях стала ощущаться нехватка коммерсантов, обладавших познаниями в отраслях торговли и промышленности других губерний. К тому же среди наличного состава комитета (на 1911 г. – *Т. К.*) не было коммерсанта, специализировавшегося по льняной торговле. Ф.А. Такман в перспективе, состоя в комитете, мог сообщать интересующие Ярославское отделение сведения о положении льняной отрасли в Центральных и Северных губерниях Империи.

Согласно архивным данным фонда 518 «Ярославское отделение Госбанка», «министр финансов 28 ноября 1911 г. утвердил купца Такмана в должности члена комитета по торгово-промышленным кредитам на двухлетний срок» [2, л. 2], о чём Банк уведомил Ярославское отделение в донесении от 9 декабря 1911 г.

Есть основания полагать, что Ф.А. Такман состоял в комитете до конца первого двухлетия его полномочий (до 28 ноября 1913 г.). Наше суждение основывается на изученных материалах фонда 587 «Госбанк» РГИА. Так, в описи 41 этого фонда имеется дело № 2812, содержащее сведения об утверждении членов комитета при Ярославском отделении банка и списки коммерсантов, входивших в разные годы в состав означенного комитета. В ходе проработки искомого архивного дела были найдены данные о «члене комитета Ф.А. Такмане, представляемого к утверждению в означенной должности на следующее двухлетие» [5, л. 110–111]. В выявленных сведениях были указаны возраст купца и показатели посещаемости им заседаний комитета: «Такман, 56 лет. Из 280 заседаний пропущено 180» [5, л. 110 об.–111]. На момент утверждения в должности члена комитета Ф.А. Такману было 54 года (см. ранее в статье. – *Т. К.*).

Из чего можно заключить, что выявленная в РГИА информация о Ф.А. Такмане была составлена управляющим Ярославским отделением и направлена в Госбанк примерно в ноябре 1913 г., когда истекал первый двухлетний срок исполнения Такманом полномочий члена комитета. Очевидно, Ф.А. Такман хорошо себя зарекомендовал как опытный в льняной торговле коммерсант, вследствие чего его кандидатура была вновь представлена управляющим отделением Госбанку с предложением продлить его полномочия в комитете на новое двухлетие.

Однако дальнейшие материалы упомянутого дела РГИА свидетельствуют, что на новый двухлетний срок Такман в комитете утверждён не был. Так, в конфиденциальном донесении управляющего Ярославским отделением в центральное управление Госбанка от 12 февраля 1914 г. управляющий подчеркнул, что «Ф.А. Такман – человек неподкупной честности и правдивости, приглашённый 2 года назад, на основании соответствующего предписания управляющего Банком, как единственный в Ярославле знаток и специалист по льняному делу, но в текущем году он, как иностранный подданный, не был утверждён на новый срок и считается выбывшим из состава комитета» [5, л. 2 об.]. В завершение письма управляющий охарактеризовал Ф.А. Такмана как «человека во всех отношениях полезного, безупречного и уважаемого в обществе, и вновь ходатайствовал перед Банком об утверждении Такмана, так как других лиц, сведущих в льняном деле, в Ярославле нет» [5, л. 2 об.].

Проработка архивных данных РГИА и ГАЯО позволяет сделать вывод, что Госбанк в конечном итоге отклонил ходатайство управляющего отделением о продлении полномочий Такмана в комитете. Во всяком случае, фамилия и инициалы Феликса Альбертовича отсутствовали в пригласительных письмах управляющего отделением на комитетские заседания в 1914–1917 гг. В целом Ф.А. Такман состоял в комитете 2 года: с 28 ноября 1911 г. по 28 ноября 1913 г.

Таким образом, при Ярославском отделении Государственного банка к концу 1860-х гг. был учреждён учётно-ссудный комитет по торгово-промышленным кредитам. Согласно предписаниям банковских Уставов, членами означенного комитета в разные годы его деятельности состояли представители торгово-промышленных кругов Ярославля. Как правило, это были наиболее предприимчивые и уважаемые в обществе коммерсанты, принадлежавшие к известным ярославским купеческим родам (Вахрамеевы, Кузнецовы и т. д.) и осведомлённые в одной или нескольких торговых отраслях.

В 1911 г. состав комитета пополнился промышленником Ф.А. Такманом, опытным в льняной торговле и льняном производстве,

что было продиктовано необходимостью для Ярославского отделения банка иметь сведения о положении льняного рынка в районе отделения. И хотя новоизбранный член комитета исполнял свои полномочия в оном всего 2 года, но за этот относительно небольшой срок принёс немалую пользу отделению своими познаниями в льняной отрасли.

В завершение подчеркнём, что за своё двухлетнее пребывание в комитете Ф.А. Такман не получал никакого содержания и не был представлен к почётной награде. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что участие коммерсантов в комитетах при региональных филиалах Госбанка в целом и купца Ф.А. Такмана в комитете при Ярославском отделении банка в частности можно считать ярким примером добровольного общественного служения на пользу государству. К тому же участие Ф.А. Такмана в деятельности комитета является единственным примером общественного служения иностранного подданного в учётно-ссудном комитете филиала Госбанка на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 100. Оп. 19. Д. 100.
2. ГАЯО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 288.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 587. Оп. 30. Д. 163.
4. Там же. Д. 172.
5. Там же. Оп. 41. Д. 2812.
6. Там же. Оп. 56. Д. 1.
7. Устав Государственного банка (высоч. утвержд. 6 июня 1894 г.). Составил кандидат права Н.И. Арефа. Санкт-Петербург. Издание типографии Исидора Гольдберга. 1895. 156 с.

И.А. Комиссарова,

кандидат исторических наук, Ивановский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БОТАНИЧЕСКОГО САДА ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В статье представлена характеристика круга источников по изучению истории ботанического сада Ивановского государственного университета. Предпринимается попытка описать эвристический этап и назвать проблемы выявления источников.

Ключевые слова: Государственный архив Ивановской области, периодическая печать, архив Ивановского государственного университета, музей Верхневолжского государственного агробиотехнологического университета.

I.A. Komissarova,

Candidate of Historical Sciences, Ivanovo State University

SOME SOURCES ON THE HISTORY OF THE BOTANICAL GARDEN OF IVANOV STATE UNIVERSITY

Abstract. The article presents a description of the range of sources for studying the history of the Ivanovo State University Botanical Garden. An attempt is made to describe the heuristic stage and name the problems of identifying sources.

Key words: The State Archive of the Ivanovo region, the periodical press, the archive of the Ivanovo State University, the museum of the Upper Volga State Agrobiotechnological University.

История ботанических садов в мире и в России начинается в глубокой древности и продолжается до настоящего времени от простых коллекций растений, большей частью лекарственных до научно-исследовательских и образовательных центров, как самостоятельных так и созданных при образовательных организациях. В настоящее время в РФ по всей территории существует и действует целая сеть в 62 субъектах – 119 ботсадов, из них 46 университетских садов [2]. Вне зависимости от статуса ботанического сада среди его функций и назначения есть научная, образовательная, социальная, культурная. Все это делает ботанический сад – интересным объектом изучения для историков, в том числе. Дополнительную мотивацию нам давали: во-первых, обращение действующего директора Ботанического сада Л.С. Бугаенко и научного куратора ботанического сада – Л.Ю. Минеевой с просьбой

уточнить некоторые факты в истории ботанического сада и в судьбах людей с ним, связанных; во-вторых, 50-летний юбилей в 2024 Ивановского государственного университета.

Заметим, что уже при первом знакомстве с литературой, посвященной ботаническим садам, созданным и функционирующим при вузах, выяснилось, что историков среди авторов исследований крайне мало, большей частью это научные сотрудники того или иного ботанического сада. Тот факт, что историю садов писали не историки, объясняет почему, в работах нами не отмечено разнообразия в источниках, и, в целом, их количество не самое большое. Признаем, что, оказалось, очень непросто выявить источники по истории сада ИвГУ, в широких хронологических рамках.

Самый первый и очевидный шаг в начале поиска, узнать у действующих сотрудников сада сохранился и существует ли собственный архив. Оказалось, что архив сада практически не сохранился. Есть небольшое количество делопроизводственной документации о технических работах за 1976–1991 год в очень небольшом объеме. И есть журналы фиксации наблюдений за растениями и погодой, которые вел директор сада А.К. Малиновский. Эти журналы большие по объему еще требуют своего изучения, но могут дать ответы на вопросы о состоянии коллекции растений, о благоприятных и неблагоприятных погодных условиях. Сведений в этих журналах гораздо больше, но с исторической точки зрения они малоинформативны, так как подробно описаны специфические ботанические сюжеты и мало о жизни и деятельности сада, как структурной единицы.

Второе направление поиска – архив ИвГУ. Но и здесь документов, можно сказать – нет. Максимум, что нам удалось найти – это личные дела директоров, которых было 7 за период истории ботанического сада в ИвГУ, тоже, к сожалению, не все, только 4 личных дела.

В Государственном архиве Ивановской области (далее: ГАИО) поиск материалов пришлось вести по разным фондам, так как у ботанического сада нет своего фонда, нет описи или раздела в описи, посвященного собственно ботаническому саду, поэтому пришлось просмотреть большое количество дел и несколько фондов. Даже при таком объеме работы мы вынуждены констатировать, что полностью хронологию истории сада источниками закрыть не удалось. Например, нет материалов по 1940-м годам, когда в дендрарии, практически не велась деятельность, так как дачу отдали детскому дому для детей, вывезенных из Ленинграда.

В абсолютном большинстве выявленных дел, о ботаническом саде есть только упоминания, например в финансовых отчетах треста «Горзеленстрой», или в отчетах в отдел культуры парка имени 1905 года,

или в протоколах заседаний кафедры ботаники. Таким образом, в архивах ботанического сада, ИвГУ и ГАИО удалось выявить документы по истории сада, но, к сожалению, они очень неодинаково количественно и содержательно представляют историю ботанического сада.

Поиск в периодических изданиях помог заполнить некоторые лакуны в информации, но, количество выявленных статей не более 30 в общей сложности за весь период, т. е. ботанический сад не самый медийный проект в Ивановской области. Заметки А. К. Малиновского и других директоров ботанического сада в разные годы были опубликованы в областной газете «Рабочий край», орган Ивановского обкома и горкома ВКП(б) и облисполкома, «Ленинец», орган Ивановского обкома ВЛКСМ и многотиражки «Ивановский университет». Авторство статей принадлежит А.К. Малиновскому, директорам ботанического сада и корреспондентам газет. По тематике они очень разные, о текущих событиях, о проблемах, о достижениях и хорошо дополняют документы, выявленные в архивах.

Полезным оказалось обращение к фондам музея Верхневолжского государственного агробиотехнологического университета (до 2021 года – Ивановская государственная сельскохозяйственная академия, до 1995 года – сельскохозяйственный институт). Институт закончил А.К. Малиновский, который начал свою трудовую деятельность в дендрарии при Куваевской даче еще студентом этого института. В музее сохранились личные вещи и документы А.К. Малиновского (удостоверение, трудовая книжка, записная книжка) [3], именно эти материалы рассказали интересные факты и о биографии А.К. Малиновского и о коллекциях, отметим и помощь руководителя музея Л.А. Предыбайло [1].

С учетом специфики предмета изучения – ботанического сада, очень полезным оказалось общение с действующим директором ботанического сада Л.С. Бугаенко, его куратором Л.Ю. Минеевой, выпускниками и сотрудниками ботанического сада. Н.Б. Худяков, первый директор ботанического сада ИвГУ опубликовал, по сути, свои воспоминания о первых пяти годах в истории ботанического сада ИвГУ, хотя опубликовал их в сборнике материалов конференции [4, с. 253]. Но сама тема «История первых пяти лет ботанического сада», время директорства Николая Борисовича, отсутствие списка литературы в конце статьи и использование местоимения «я» дает основания считать это именно воспоминаниями.

Конечно, мы обращались к нормативным документам (приказы и распоряжения), использовали и фотографии. Нельзя не назвать еще один важный источник – это сам ботанический сад.

Подводя итог краткому обзору источниковой базы исследования, несмотря на проблемы с поиском и выявлением источников отметим, что они разнообразны и в целом дают возможность рассмотреть историю ботанического сада с момента закладки парка при даче до настоящего времени. Полнота исследования, в том числе, определяется кругом выявленных источников.

Библиографический список

1. Жизненные пути и судьбы выпускников Иваново-Вознесенского политехнического института агрономического факультета. Ч. 2. Серия: Жизнь замечательных выпускников ИВПИ, ИСХИ / авт.-сост. Л.А. Предыбайло. Иваново: ФГБОУ ВО Ивановская ГСХА, 2015. 158 с.
2. Информационный портал ботанических садов. URL: <http://www.botanic.ru> Иваново - Совет ботанических садов России (дата обращения: 15.02.2025).
3. Фонды музея Верхневолжского государственного агробиотехнологического университета.
4. Худяков Н.Б. История первых пяти лет ботанического сада // Актуальные проблемы сохранения и изучения биоразнообразия Верхневолжья: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 35-летию кафедры общей биологии и ботаники и ботанического сада ИвГУ. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012.

УДК 908

А.А. Корзинин,

методист, ГБУ ИО «Центральная универсальная научная библиотека»

САНИТАРНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ (1914–1918 гг.)

Аннотация. Масштабные боевые действия Первой мировой войны приводили к массовой сдаче в плен. На территории России находилось большое количество военнопленных стран Центральных держав. Их размещали в специально созданных для этого лагерях, которые, как правило, спешно создавались из-за наплыва узников и не соответствовали всем санитарным нормам. Такие места находились по всей стране, в том числе во Владимирской губернии. В статье анализируется малоизученный аспект истории военного плена: санитарно-бытовые условия размещения и содержания германских, австро-венгерских и турецких военнопленных в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: военнопленные, Первая мировая война, Иваново-Вознесенск, Шуйский уезд.

A.A. Korzinin,

Methodologist, State Budgetary Institution of the Ivanovo Region
«Central Universal Scientific Library»

SANITARY CONDITIONS OF DETENTION OF PRISONERS OF WAR OF THE CENTRAL POWERS IN IVANOVO-VOZNESENSK (1914–1918)

Abstract. Large-scale military operations of the First World War led to mass surrender. There were a large number of prisoners of war from the Central Powers on the territory of Russia. They were placed in camps specially created for this purpose, which, as a rule, were hastily created due to the influx of prisoners and did not meet all sanitary standards. Such places were located all over the country, including in the Vladimir province. The article analyzes a little-studied aspect of the history of military captivity: the sanitary conditions of accommodation and detention of German, Austro-Hungarian and Turkish prisoners of war in Ivanovo-Voznesensk during the First World War.

Keywords: prisoners of war, World War I, Ivanovo-Voznesensk, Shuisky district.

Широкомасштабные боевые действия Первой мировой войны привели к тому, что на территории Российской империи находилось огромное число военнопленных. Пленных стали размещать на всей территории большой страны, в том числе и в Владимирской губернии, в состав которой входил город Иваново-Вознесенск.

В роли источников в нашем исследовании выступают архивные фонды Государственного архива Ивановской области. В частности, дела Ивановской городской управы 1872–1918 гг. [2, ф. 2, оп. 1, д. 5477, 5660, 5737; оп. 2, д. 756, 783] и дело Управления Шуйского Военного начальника Владимирской губернии 1864–1917 гг. [Ф. 345, оп. 1, д. 189].

Первые военнопленные в Иваново-Вознесенске появились 28 сентября 1914 года. Они оказались в плену после наступательных операций русской армии в Галиции и Восточной Пруссии. Национальный состав первых военнопленных был пестрым – немцы из Германской империи (которых обычно называли германцы) и представители разных народов из Австро-Венгрии [1, с. 46]. Позже в Иваново-Вознесенск поступили пленные – подданные Османской империи. На протяжении войны пленные пребывали в город регулярно.

Согласно распоряжению по Московскому военному округу от 1 сентября 1916 года № 865 штатное количество военнопленных для Иваново-Вознесенска было установлено в 275 офицеров и 500 человек нижних чинов. По постановлению Городского распорядительного комитета военнопленных офицеров и рядовых селили раздельно. Для офицеров было выделено восемь домов, рассчитанных на прием от

20 до 50 чел.: дом Воронина на Большой Шереметевской улице (совр. Шереметевский пр-т), дома Хренова и Грачёва на Балаганной улице (совр. ул. Маяковского), дом Полушкина на Ново-Дмитриевской улице (совр. ул. Кузнецова), два дома Дворникова на Афанасьевской улице (совр. ул. Демидова), дом Полтева на Соковской улице (совр. Шереметевский пр-т) и дом Воробьева на Петропавловской улице (совр. ул. Дунаева). Всего помещения были рассчитаны на 290 мест. Рядовых пленных селили в Иваново-Вознесенске более компактно. Им выделили три дома, рассчитанных на прием 210–230 человек: дом Бегена и два дома Елина [2, ф. 2, оп. 2, д. 756, л. 8].

В течение войны военнопленные заняли также дома Муракова на улице Барашек (совр. ул. Красногвардейская), Киселева на Панской улице (совр. ул. Станко) и Шустенкова [1, с. 50; 2, ф. 2, оп. 2, д. 783, л. 3–4]. Все строения были взяты в аренду у их владельцев. Дома для пленных должны были быть оборудованы прачечной, баней, туалетом, плитой и кипятильником. На практике далеко не везде было так. Например, заведующий пунктом военнопленных в Иваново-Вознесенске прапорщик Рябцов запрашивал у Городской управы 500 кирпичей, 1 воз глины, песка, 3 чугунных плиты с комфорками и других материалов для обустройства в доме Полтева на Соковской улице, где размещались военнопленные офицеры [2, ф. 2, оп. 2, д. 756, л. 13].

С 1915 года ситуация с продовольствием в России ухудшилась. Некоторые продукты стали продаваться по карточкам. Это заставило местное население заняться «самообеспечением» на огородах. Этому же примеру решила последовать Городская управа Иваново-Вознесенска при решении вопроса о снабжении пленных. В ведение пункта военнопленных на три года были переданы в районе Варгинского ручья четыре десятины земли. Позже, правда, выяснилось, что выделенная земля оказалась непригодной для занятия огородничеством, и в мае 1917 года от аренды отказались [1, с. 51; 2, ф. 2, оп. 2, д. 756, л. 68].

23 февраля 1917 года Московский военный округ приказом установил табель довольствия военнопленных. По нему узники должны были получать: 2 ½ фунта хлеба¹, 24 зол. крупы², ¼ фунта мяса (при двух постных днях в неделю), 11 зол. соли, 60 зол. свежих овощей или 4 зол. сушеных, 5 зол. масла и соли, 4 зол. муки, 1/6 зол. перца, ½ зол. чая и 3 зол. сахара. В приказе также говорилось, что обеспечение (довольствие) мясом производить лишь в том случае, когда его можно приобрести на местном рынке. Если же такой возможности не было, то «довольствовать» пленных полагалось горячей пищей из гороха, фасоли,

¹ 1 русский фунт = 0, 40951241 кг.

² 1 золотник = 1/96 фунта или 4, 266 гр.

чечевицы, разных круп, лапши и с добавлением постного масла [2, ф. 2, оп. 2, д. 783, л. 107].

В январе 1917 года прапорщик Зоммерфельд, сменивший на посту заведующего пунктом военнопленных Рябцова, провел инспекцию помещений в доме Шустенкова, по итогу которой составил рапорт. В нем отмечалось, что военнопленные содержались в сыром полуподвальном помещении с недостаточным дневным освещением, в тесноте. Военнопленные жаловались, что отопление давали только раз в день и в небольшом количестве. Пищевое довольствие тоже оставляло желать лучшего. Хлеб узники получали по два фунта вместо установленных двух с половиной. Обед состоял из супа и каши. Мясо выдавали три раза в неделю по $\frac{1}{4}$ фунта. Ужинали тем, что оставалось с обеда. Питьевую воду носили из пожарного депо. Она хранилась в открытом ведре, хотя ее надлежало содержать в закрытой емкости. В ходе осмотра на военнопленных были обнаружены паразиты. Одной из причин такого положения стало несоблюдение графика посещения бани. Вместо положенного одного раза в две недели пленные мылись один раз в три недели [2, ф. 2, оп. 2, д. 783, л. 3–4].

Летом 1917 года очередной заведующий пунктом подпоручик Котельников запросил разрешения у Шуйского уездного воинского начальника на расселение офицеров из дома Воронина на Большой Шереметевской улице в связи с его ветхим состоянием [2, ф. 345, оп. 1, д. 189, л. 307]. В сентябре того же года по распоряжению Иваново-Вознесенского городского распорядительного комитета помещение было освобождено [2, ф. 345, оп. 1, д. 189, л. 788].

Уже после установления Советской власти, в ноябре-декабре 1917 года, была проведена еще одна комиссия, которая провела полный осмотр всех домов, где содержались военнопленные. В ходе осмотра из восьми оставшихся домов непригодными признали только два – дом Бегена на Соковской улице (совр. Шереметевский пр-т) и дом Елина на Владимирской улице (совр. ул. Комсомольская), где размещались нижние чины. В доме Бегена отсутствовала вентиляция и умывальники. Пленные перед тем как умыться, набирали воду в рот. Туалет был сломан. При проверке были выявлены девятнадцать больных: у одиннадцати обнаружили чесотку, двое имели грыжу, у троих не было зубов, двое болели сифилисом и один – туберкулёзом. Многие страдали малокровием. Дом Елина, как показала проверка, также не отличался соблюдением санитарных норм. Стены здания были сырыми с протекающим потолком. К тому же отсутствовала вентиляция. По результатам инспекции было принято решение: дом Бегена расселить, а дом Елина разгрузить; для выполнения решения следовало подобрать новое помещение на 300 человек [2, ф. 2, оп. 2, д. 756, л. 110–111].

В случае заболеваний военнопленных могли отправить на лечение в Больницу для мастеровых и рабочих, где для них было выделено 10 коек. Однако этих мест часто не хватало. Для решения вопроса в декабре 1916 года прапорщик Рябцов запросил у Городской управы дать больше кроватей, но получил отказ [ф. 2, оп. 2, д. 756, л. 31–33]. Позже, в сентябре 1917 года, Управараз решила военнопленных помещать в Городскую заразную больницу, известную как Небурчиловк (совр. больница № 1 на ул. Парижской Коммуны)³ [2, ф. 2, оп. 2, д. 756, л. 102].

Пленные, поступавшие в больницы Иваново-Вознесенска, вылечивались далеко не всегда. Были и умершие. В основном от туберкулеза. Каждая смерть фиксировалась: заведующие пунктом военнопленных составляли поименные списки умерших узников и отправляли их Шуйскому уездному воинскому начальнику для дальнейшего отчёта в Московский военный округ [2, ф. 345, оп. 1, д. 189, л. 336–337, 339–341, 342–344].

Именно благодаря источникам, связанным с лечением, мы узнаем, что кроме германцев, австрийских немцев, венгров, румын, евреев и славян среди военнопленных в Иваново-Вознесенске были подданные Османской империи. Например, в докладе заведующего пунктом военнопленных Котельникова Шуйскому уездному воинскому начальнику Швецову сообщается о том, что из вверенного ему пункта в Больницу для мастеровых и рабочих было отправлено четверо турок-инвалидов [2, ф. 345, оп. 1, д. 189, л. 24].

В связи с подданными Османской империи заметим следующее: в документах они все называются «турками», однако по факту это могли быть арабы или представители других народов Востока, исповедующие ислам. Далеко не все из них вернулись домой. Так, в одном из именных списков умерших в больнице Иваново-Вознесенска упоминается Сулейман Ибрагим, 28-ми лет из 49-го пехотного полка, уроженец г. Багдада. Его взяли в плен 25 августа 1916 года. Причиной смерти Сулеймана Ибрагима стал туберкулез. Еще одного военнопленного из Турции, упоминавшегося в списке, звали Осман Мустафа. Он служил во 2-м пехотном полку и попал в плен 23 декабря 1914 года. Осман Мустафа скончался от воспаления лёгких 20 августа 1917 года в возрасте 25-ти лет.

³ По фамилии купца И.В. Нибурчилова. На завещанные им средства в 1913–1914 гг. по проекту архитектора П.А. Трубникова был выстроен комплекс больницы «для заразных больных на 100 коек» (Архитектурный комплекс Первой городской больницы // Памятники архитектуры Ивановской области. URL: <https://culture37.ru/object/arhitekturnyj-kompleks-pervoj-gorod/> (дата обращения: 12.12.2024)).

При изучении источников нами был выявлен любопытный факт, который, правда, требует дальнейшей проверки. На данный момент мы не нашли информации о привлечении военнопленных из Османской империи к принудительным работам. Например, в докладе Шуйского уездного воинского начальника начальнику Московской местной бригады перечисляются используемые на работах в Шуйском уезде германцы, австрийские немцы, венгры, евреи, славяне; турецкие военнопленные не упоминаются [2, ф. 345, оп. 1, д. 189, л. 13].

Постепенное возвращение военнопленных Центральных держав домой началось вскоре после подписания Брест-Литовского договора 3 марта 1918 года. В Иваново-Вознесенске они оставались до августа – начала осени того же года. Именно в этот период Президиум Исполкома Иваново-Вознесенского городского совета рабочих и солдатских депутатов постановил: с 8 августа 1918 года снять всех военнопленных с городских работ и уволить с городской службы [2, ф. 2, д. 756, л. 162]. Второго октября того же года была ликвидирована Коллегия по делам пленных и беженцев при Иваново-Вознесенском губернском Совете [2, ф. 2, д. 756, л. 180].

Библиографический список

1. Балдин К.Е. Немецкие и австро-венгерские военнопленные в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны // Рождественский сборник. Вып. 12. Ковров, 2005. С. 46–52.
2. Государственный архив Ивановской области.

УДК 93/94

А.Н. Кураев,

профессор, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается классификация политических партий в Российской империи в начале XX в. Указаны особенности партогенеза в России. Проанализированы критерии типологизации партий. На этой основе сделан вывод о классификациях политических партий.

Ключевые слова: Россия, политические партии, РСДРП, эсеры, кадеты, октябристы, правые партии.

A.N. Kuraev,

Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)

CLASSIFICATION OF POLITICAL PARTIES IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Abstract. The article examines the classification of political parties in the Russian Empire in the early 20th century. The features of party formation in Russia are indicated. The criteria of party typologization are analyzed. On this basis, a conclusion is drawn about the classifications of political parties.

Keywords: Russia, political parties, RSDLP, Socialist Revolutionaries, Cadets, Octobrists, right-wing parties.

Партийное строительство в Российской империи существенно отличалось от западного. Во-первых, политические партии в нашей стране возникли примерно на полстолетия позже, чем их аналоги в Европе и Северной Америке. Весь этот сложный процесс происходил в очень сжатые сроки. Во-вторых, в России сначала появились социалистические партии, затем – либеральные и, наконец – правые (консервативные). В-третьих, политические партии в России начали формироваться не в великорусском центре империи, а на ее периферии, в национальных районах: прежде всего в Финляндии, Царстве Польском, затем в Прибалтике и Закавказье, а также в губерниях с чертой еврейской оседлости. В-четвертых, отечественная торгово-промышленная буржуазия вплоть до 1905 г. подчеркнуто сторонилась политики. Либералы долгое время предпочитали заниматься в основном лишь литературной, просветительской и благотворительно деятельностью, а также работой в органах земского и городского самоуправления. В результате решающую роль в создании революционных и оппозиционных партий сыграла радикальная интеллигенция. В-пятых, в России не существовало подлинных демократических свобод. Поэтому большинство партий вынуждены были действовать нелегально. Не было в России и настоящего парламента. А периодически созываемые с 1906 г. Государственные думы не являлись парламентом в западном смысле этого слова: они избирались недемократическим путем, не назначали министров, не контролировали значительную часть государственного бюджета и в случае непослушания распускались императором. В результате, политические партии в России оказались вне общественного контроля. Существовая в условиях авторитарного режима, многие партии предпочитали действовать авторитарными же методами.

Особенности многопартийности в России объясняются тем, что не только в экономике, но и в политической сфере наша страна представляла собой «второй эшелон», другими словами – «догоняющую модель» развития капитализма. То есть по темпам буржуазной эволюции Россия значительно отставала от передовых государств Запада. В начале XX века российское общество находилось в переходном состоянии от традиционализма к модернизации, когда страну буквально захлестнула волна разноуровневых проблем. В жесточайшем кризисе находились все и дофеодальные, и феодальные, и капиталистические структуры. В России произошло наложение противоречий разных исторических эпох. В результате появились самые различные идеологические модели общественного развития страны. Разнообразие и разновекторность этих моделей в значительной степени предопределили и многопартийность в России [8, с. 34].

В политологии существует много критериев типологизации партий. Рассмотрим наиболее существенные критерии, соотнося их с особенностями партийного строительства в России в конце XIX – начале XX века.

Партии можно поделить по географическому принципу, то есть по ареалу их деятельности. В нашей стране это были общероссийские и национальные партии. Согласно нашим подсчетам по таблице «Политические партии и организации России» в энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» [6, с. 725–743], в стране в 1905–1907 гг. функционировало ориентировочно 135 партий, из них общероссийских – приблизительно 44.

Если судить по идеологической доктрине, то в России были партии: марксистские (РСДРП с большевистской и меньшевистской фракциями), неонароднические (эсеровская партия – ПСР), либеральные (кадетская (КДП) и октябристская партии), традиционалистские или консервативные (организации правого толка).

Довольно распространена типологизация партий по их отношению к правящему режиму: правящие и оппозиционные, легальные и нелегальные. Однако в России не было правительственной (в западном понимании этого слова) партии, т. к. Совет министров назначался не Думой, а непосредственно императором. Поэтому все российские партии в той или иной мере находились в оппозиции к правительству: революционные и либеральные партии критиковали его политику слева, а консервативные (традиционалистские) – справа.

Кроме правых организаций и «Союза 17 октября», все остальные российские партии не были легализованы. Им приходилось действовать в подполье. Тем самым самодержавие фактически способствовало радикализации данных партий, подталкивая их к крайним средствам борьбы.

Один из важнейших критериев типологии политических партий – их организационная структура, основанная на условиях приобретения партийного членства. Партии делят, во-первых, на открытые, плюралистические. И во-вторых, на унитарные, т. е. массовые, строго централизованные, авангардные партии [3, с. 107–108]. Для первых характерна общая аморфность структуры: свободное членство в партии, отсутствие регулярной процедуры взимания взносов и перспективного планирования. Партии второго типа построены на принципах территориально-производственного объединения своих членов и демократического централизма: жесткая регламентация приема в партию и тотальный контроль над ее членами, постоянное взимание взносов, наличие множества иерархических звеньев, закрытость, строгая, почти военная дисциплина, зоркое наблюдение за идеологической «чистотой», диктат партийной верхушки и почитание партийных вождей.

Однако, на наш взгляд, в конкретных условиях России начала XX века все нелегально действующие партии, вне зависимости от их желаний, должны были иметь довольно жесткую структуру с элементами централизма и закрытости. В противном случае, они просто не смогли бы сохраниться из-за репрессий! Другими словами, это были их не вина, а беда. Так, несмотря на все обращения кадетов и народных социалистов (правое крыло эсеров), им власти постоянно отказывали в легализации. Более радикальные партии даже и не просили об этом. А меньшевики, столкнувшись с реалиями практической работы уже не за границей, а в самой России, очень скоро признали правильность ленинской формулировки § 1 устава партии [4, с. 33, 147, 149, 188]. Отметим заодно, что и Организационный устав ПСР также требовал от членов партии участия в одной из ее организаций. Поэтому мы считаем, что нельзя подавляющее большинство российских партий однозначно причислять к авторитарным, тоталитарным и т. п. И тем более недопустимо противопоставлять «тоталитаризму» большевиков «демократизм» меньшевиков [5, с. 702]. Роскошь являться открытыми могли позволить себе лишь легальные партии, коих в России было явное меньшинство.

С вопросом о типизации партий неразрывно связана проблема их классификации, то есть определения места каждой партии в системе (совокупности) всех других партий.

В.И. Ленин в основу своей классификации положил единственный, по его мнению, верный принцип – классовый. Данной проблеме посвящена вышедшая в сентябре 1906 г. его статья «Опыт классификации русских политических партий». Он писал, что отношение РСДРП к другим партиям «возможно лишь на основании научного, т. е. классового анализа их». Ленин выделял пять основных типов политических партий

в России: «1) черносотенцы; 2) октябристы; 3) кадеты; 4) трудовики и 5) социал-демократы». Далее он разбирал классовую природу каждого из типов партий: социал-демократия – это партия «сознательного, социалистического пролетариата»; трудовики – «партии радикальной или радикальничающей мелкой буржуазии и в первую голову сельской, т. е. крестьянства»; кадеты и левые октябристы – «партии либерально-буржуазные»; черносотенцы и правые октябристы – «Партии реакционно-буржуазные» [1, с. 21–27]. Отстаивание Лениным лишь классовообразующего принципа в оценке партий объяснялось, на наш взгляд, тем, что он абсолютизировал роль классовой борьбы в жизни общества и считал, что разжигание этой борьбы – главная задача партии.

Ссылаясь на Ленина, советская историография жестко делила все российские политические партии на четыре группы: пролетарские; мелкобуржуазные; буржуазные (иногда их подразделяли на либерально-буржуазные и реакционно-буржуазные); помещичье-монархические [7, с. 13].

Мы полагаем, что делить партии по классовому признаку недопустимо. Во-первых, в России не было, да и не могло быть партий с однородным социальным составом. Исторический опыт свидетельствовал, что устремления различных классов и социальных слоев зачастую осознавали раньше не их непосредственные представители, а выходцы из других классов и слоев, более образованные, но уже порвавшие связь со средой происхождения. Это – интеллигенты, которые стали организаторами и вождями большинства партий.

Во-вторых, вновь обратимся к историческому опыту России и других стран. Он показывает, что далеко не всегда реальная политика партий адекватно выражала интересы тех классов и социальных слоев, от имени которых эти партии выступали. В-третьих, если даже судить только по программным документам, то лишь РСДРП четко заявляла о своем классовом – пролетарском – характере. Остальные партии провозглашали, что защищают интересы нескольких классов (ПСР) или всего населения (кадеты, октябристы, правые).

Есть и другие классификации. Ю.О. Мартов оценивал партии на основе их отношения к существующей государственной системе – самодержавию и общественному строю – капитализму. Вышедшая в 1906 г. его книга «Политические партии в России» содержала следующую классификацию: «правые реакционно-консервативные партии»; «партии центра» («Союз 17 октября»); «либерально-демократические партии» (кадеты); революционные партии (РСДРП и ПСР) [2, с. 233–259].

Опираясь на ленинское положение о трех политических лагерях в первой революции, российские партии иногда подразделяют на правительственные (помещичье-монархические и буржуазно-консервативные),

либерально-оппозиционные (буржуазно-либеральные) и революционно-демократические (мелкобуржуазные и пролетарские).

На наш взгляд, наиболее оптимальной является классификация политических партий по их программным целям. Ведь деятельность любой организации, включая партии, направлена прежде всего на достижение этих целей. Поэтому мы поделили действовавшие в 1905–1907 гг. в России партии на три главных блока: социалистические (РСДРП, ПСР); либеральные (КДП, «Союз 17 октября»); правые (консервативные). Партии социалистической ориентации стремились к насильственному свержению самодержавия, республиканской форме правления и революционному общественному переустройству вплоть до достижения социализма. Либеральные партии выступали за постепенные, на основе сотрудничества с существующей властью, общественно-политические и социально-экономические реформы, конституционную монархию, создание фундамента гражданского общества и правового государства. То есть они отстаивали эволюционный путь капиталистического развития. Правоконсервативные партии выступали за сохранение существующего в России строя и традиционных укладов жизни. Правые идеологи считали, что Россия самодостаточна и должна развиваться по собственному, а не западному, пути. Реформы допускались ими лишь в крайнем случае и в ограниченных размерах.

У предложенной нами классификации есть и другие преимущества. Она соответствует очередности возникновения в России партий в конце XIX – начале XX века и степени их влияния на массовые организации.

В то же время внутри социалистического и либерального блоков партий мы применяем и более узкие критерии классификации. В первом блоке, в соответствии с идеологической доктриной, выделены РСДРП и ПСР. Среди социал-демократов отдельно выделяются большевики и меньшевики, т. к. эти две фракции имели разные воззрения по многим вопросам первой революции и политики РСДРП в ней. Среди неонародников, кроме ПСР, тоже образовались ультралевая (максималисты) и правая (народные социалисты) группировки. Также и в либеральном блоке: подразделение на кадетов и октябристов обусловлено различием в их взглядах на глубину и темпы осуществления преобразований и пределы сотрудничества с властью. Правые организации отличались схожестью программных установок. Поэтому внутри этого блока нет внутренней классификации.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 14.
2. Мартнов Ю.О. Избранное. М.: РОССПЭН, 2000.

3. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997.

4. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М.: РОССПЭН, 1996.

5. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. 3: Социалистические партии.

6. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996.

7. Спирин Л.М. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий России // Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917–1922 гг. М.: Политиздат, 1977. Ч. 1.

8. Шелохаев В.В. Многопартийность в России: особенности формирования // Политические партии в России. Страницы истории. М.: РОССПЭН, 2000.

УДК 908

А.А. Ладанова,

архивист 2-й категории отдела Публикации и использования документов
Государственного архива Ивановской области

ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ УЧЕНИКОВ В ШКОЛАХ ФЗУ ПРИ ФАБРИКАХ ИВГОСТРЕСТА В 1922/23–1925/26 гг.

Аннотация. В статье раскрываются основные виды заболеваний, которыми страдали рабочие-подростки. Анализируются качество медицинских осмотров и уровень работы школьных врачей. Подчеркивается важность физкультурных занятий и спортивных мероприятий в процессе оздоровления школьников.

Ключевые слова: НЭП, текстильная промышленность, фабрично-заводское ученичество, здоровье рабочих-подростков, Ивгострест.

A.A. Ladanova,

The second category archivist of the Department of Publication
and Using of Documents of the State Archive of Ivanovo region

CARING FOR THE HEALTH OF STUDENTS AT SCHOOLS OF FACTORY DISCIPLESHIP AT THE TEXTILE FACTORIES OF IVANOVO-VOZNESENSKY STATE TEXTILE TRUST IN 1922/23–1925/26

Abstract. Main types of diseases of teen workers are considered in the article. Quality of medical examinations and level of work of school doctors are analyzed. The importance of physical education class and sporting events for health improvement of students is emphasized in the research.

Keywords: NEP, textile industry, factory discipleship, the health of teen workers, Ivanovo-Voznesensky state textile trust.

Тяжелые условия труда на текстильных фабриках и насыщенный учебный процесс, включавший в себя не только теоретические и практические занятия в классах, но и внешкольную работу в различных кружках и секциях, подрывали здоровье учеников школ фабрично-заводского ученичества. Документы Государственного архива Ивановской области широко освещают данную тему.

Со всей серьезностью к здоровью учащихся подходило руководство Иваново-Вознесенской районной школы ФЗУ. При школе имелась своя амбулатория с одним врачом и одним фельдшером. Врач Вихман Михаил Савельевич (1870 г. р., имел стаж 27 лет, окончил Московский университет и 2 гимназии) на заседании школьного совета выступил с докладом, где подвел некоторые итоги: «В 1924 году осеннее исследование учащихся дало следующую картину: малокровных (снижение концентрации гемоглобина в крови) – 21 %, нервных – 5 %, страдающих бронхитом – 13,5 %, туберкулезом – 3 %, глазными болезнями – 1 %, болезнью носа – 0,5 %, здоровых – 56 %» [ГАИО. Ф. Р-1319 (Иваново-Вознесенский губернский отдел народного образования). Оп. 1. Д. 1269. Л. 41]. При весеннем обследовании 1925 г. данные изменились к худшему: количество малокровных выросло до 32 %, нервных – 6 %, бронхитом болело 11 %, туберкулезом – 6 %, болезнью носа страдало 3 %, здоровыми считались 40 % учеников [Там же]. Врача поражает увеличение малокровия, утомляемости, общей слабости. По его мнению, все это являлось результатом непосильной нагрузки учащихся. Он обращал внимание при выступлении, что «если не принять меры к ослаблению нагрузки, главным образом, за счет сокращения внешкольной работы, то можно получить в будущем нездоровых квалифицированных рабочих» [Там же. Д. 1269. Л. 41 об.]. Занятость некоторых учеников доходила до 16 часов в сутки. Учителя сообщали об апатии со стороны многих ребят во время уроков. При обследовании состояния питания оказалось, что только 7 % учащихся получали достаточное количество пищи [Там же. Д. 1078. Л. 87 об.].

Здоровье фабзавучеников при Середской Объединенной мануфактуре также вызывало большие опасения у руководства и учителей. Многие рабочие-подростки страдали малокровием, неврастенией, туберкулезом, сильным переутомлением. Освидетельствование врачебной комиссией состояния учеников Наволокской школы ФЗУ показало высокий процент заболеваемости малокровием (30 %) и около 5 % больных туберкулезом [Там же. Д. 1269. Л. 36 об.; Д. 1077. Л. 48 об.]. Таким образом, именно против этих двух заболеваний «велась самая упорная борьба».

Когда среди школьников фабрично-заводского ученичества при Кохомских фабриках сложилось мнение, что на льняных мануфактурах работа труднее и вреднее, чем на хлопчатобумажных, школьный врач В. Смирнов провел с ними разъяснительную беседу и доказал бесцельность перевода с одной фабрики на другую. Опираясь на последние данные литературы, он объяснил, что пыль льняных и бумажных производств одинаково влияет на органы дыхания. Работников с условным туберкулезом ждет одна участь на тех и других предприятиях, тем более с ослабленным организмом [Там же. Д. 805. Л. 68–68 об.].

Руководство школ фабрично-заводского обучения старалось реагировать на вспышки опасных заболеваний. В декабре 1922 г. из-за смерти одного из учеников Кохомской текстильной школы ФЗУ от натуральной оспы всем учащимся было сделано оспопрививание. Для регулярного осмотра ребят стал приглашаться врач [Там же. Д. 588. Л. 7 об.]. Когда ученик Иваново-Вознесенской районной школы 3-ей группы прядильного отделения первого года обучения Лебедев Леонид внезапно заболел скарлатиной, занятия в его группе приостановили, а в классе провели тщательную дезинфекцию [Там же. Д. 1297. Л. 48].

По инициативе губздравотдела перед зимними каникулами 1925/1926 учебного года все учащиеся районной школы ФЗУ были подвергнуты медицинскому осмотру на предмет выявления заболеваний полости рта и зубов. Оказалось, что из 410 учеников 391 рабочий-подросток в той или иной степени нуждался в лечении. В связи с этим учащимся разрешили посещать Центральную амбулаторию при фабриках Ивгостреста, где вели прием и зубные врачи, даже в рабочее время [Там же. Д. 1297. Л. 83].

Не все школы фабзавуча могли похвастаться регулярными медицинскими освидетельствованиями рабочих—подростков. Из отчета о состоянии школы при Середской Объединенной мануфактуре (по данным на апрель 1924 г.) узнаем, что медосмотр вновь поступивших «фабзайчат» был всего 1 раз (в октябре 1923 г.), а старших учеников вообще только в мае 1923 г. [Там же. Д. 1086. Л. 53 об.]. Периодически врачи осматривали учащихся Тейковской школы ФЗУ. Вопрос о приглашении врача для постоянного наблюдения за состоянием здоровья подростков при Бонячкинской фабрике имени В.П. Ногина был поднят только летом 1925 г. после проведенного в мае медицинского осмотра 117 учащихся, из которых лишь 47 ребят можно было признать здоровыми. Остальным ученикам назначалось курортное (2 чел.), санаторное (3 чел.) и амбулаторное лечение (12 чел.). Оставшиеся 53 человека направлялись в дома отдыха [Там же. Д. 1077. Л. 58].

Напротив, регулярное медицинское наблюдение за состоянием здоровья фабзавучеников Кохомской текстильной школы проводилось врачом В. Смирновым, который три раза в неделю посещал учебные мастерские и периодически обследовал места работы учеников в производстве. За время существования школы (с октября 1922 г.) было произведено 4 массовых обследования учащихся и прочитано 2 лекции на темы: «О сифилисе и его последствиях» и «О туберкулезе и борьбе с ним» [Там же. Д. 805. Л. 59 об.–60].

В апреле 1924 г. в Родниковскую школу ФЗУ был приглашен врач для непосредственного наблюдения за учениками и проведения некоторых простых психотехнических испытаний с целью выявления их специализации. Прошедший в это же время более основательный медицинский осмотр дал результат: 64,9 % здоровых учеников против 35,1 % больных [Там же. Д. 805. Л. 136]. Обследования проводились путем опроса по анкетам. Также проверялись антропометрические показатели: рост, окружность груди, вес.

На школьном совете Родниковской школы ФЗУ, состоявшемся 8 декабря 1924 г., врач Гарсков обратил внимание на важность квартирного вопроса и «отдельной постели для учеников», призывал отправлять больше учащихся в дома отдыха. Отметил «очень хорошее отношение администрации фабрики и педагогического персонала школы в деле оздоровления рабочей молодежи» [Там же. Д. 1077. Л. 228 об.]. Врач предложил созывать общие собрания родителей и учащихся, на которых он мог бы рассказывать о состоянии здоровья учеников и мерах по их оздоровлению в домашних условиях.

После выступления Гарскова школьный совет поручил ему и президиуму совместно с фабриком заручиться у местных органов соцстраха максимальным количеством мест в домах отдыха на каникулярное время, а в серьезных случаях разрешил посылать подростков в таковые и в рабочие дни [Там же. Д. 1077. Л. 230].

Кроме того, руководители школ фабрично-заводского ученичества, заботясь о состоянии своих учеников, задумались о продлении каникулярного отдыха. На школьном совете Середской школы ФЗУ 27 февраля 1925 г. было предложено возбудить перед губпрофобром ходатайство об увеличении летних каникул до 2-х месяцев, во время которых фабзавученики могли бы, разойдясь по деревням, отдохнуть и провести большую часть времени на свежем воздухе, улучшить питание [Там же. Д. 1269. Л. 36 об.]. Идею поддерживали директор и учителя школы при Красноволжской мануфактуре. 10 июня 1925 г. на школьном совете признавалось: «Ввиду того что на последнем медицинском освидетельствовании установлено, что до 60 % учащихся школы больны

и переутомлены, признать желательным продление летних каникул до 1 сентября» [Там же. Д. 1077. Л. 3]. Директор фабрики Белов С.А. при обсуждении этого вопроса высказался, что из-за сходства условий жизни и работы учащихся всех школ ФЗУ губернии, вопрос о продлении отпуска учащимся должен рассматриваться в губернских учреждениях, а не на местах. Тем не менее, о решении продлить каникулы до 1 сентября он не возражал. Также было выдвинуто предложение давать выпускникам школ фабзавуча отпуск в размере 1 месяца [Там же].

На собрании школьного совета Наволокской школы, которое состоялось 12 июня 1925 г., заведующий учебного заведения Галкин сообщил, что вопрос о летнем перерыве поднимался на съезде заведующих школ ФЗУ. Большинство высказывались за то, чтобы летний перерыв согласовывался с остановом фабрик, и чтобы он был увеличен до полутора месяцев [Там же. Д. 1077. Л. 48 об.].

Касаясь проблемы снабжения средствами защиты и улучшения условий труда, нужно отметить, что в начале 1923 г. вопрос о спецодежде учащихся был внесен в заключаемый между Союзом текстильщиков и Ивгострестом коллективный договор [Там же. Д. 701. Л. 13 об.]. Так фабзавученики наряду с фабричными рабочими стали снабжаться спецодеждой. Например, в ноябре 1923 г. между учениками 1-ого класса Кохомской школы в день школьного праздника были распределены 54 комплекта специальной формы из швейных мастерских Большой Кохомской мануфактуры [Там же. Д. 805. Л. 175]. В октябре того же года все учащиеся и руководители школы фабзавуча им. Кутузова при Шуйской Объединенной мануфактуре получили спецодежду, а работающие в кузнице и специальную обувь – кожаные сапоги [Там же. Д. 1086. Л. 146].

Заведующий Иваново-Вознесенской районной школы Бочков И.Н. в январе 1925 г. на основании заключения санитарной комиссии, выявившей ряд дефектов, поднял перед губпрофобром вопрос о разрешении учащимся, занятым во вредных отделениях ситцепечатных фабрик сократить рабочий день до 3-х часов, что и было сделано в 1925/26 учебном году [Там же. Д. 1078. Л. 82 об.].

Другим направлением деятельности в области оздоровления рабочих-подростков стало преподавание физкультуры, увеличение количества спортивных кружков и пропаганда здорового образа жизни, борьба с курением.

Согласно распоряжению губпрофобра от 12 сентября 1923 г. за № 3950 было введено преподавание физкультуры. Раньше занятия по этому предмету считались руководством Кохомской текстильной школы как внешкольные и велись за счет обеденного перерыва до наступления

холодного времени в школьном саду 2 раза в неделю по 15 минут. С наступлением холодов занятия переносились в рабочий клуб, где из-за недостаточности помещения учащихся приходилось разбивать на 4 группы. По указанию инструктора губпрофобра Б.Л. Мокровского от 14 января 1924 г. физкультура вводилась в учебный план с увеличением общего числа часов занятий в неделю [Там же. Д. 1086. Л. 142 об.].

В рамках урока физкультуры с учениками Тейковской школы фабзавуча проводились беседы на темы: «Что такое физкультура?», «Какую пользу приносят человеку солнце, воздух и вода?», «Вредные привычки». Изучались основы строевой подготовки. Особое место занимали упражнения из гимнастики и спортивные игры («Кот и мышки рядом», «Жгут», «Чехарда», «Передача мячей над головами и между ног», «Двух мало или третий лишний») [Там же. Д. 805. Л. 58]. В зимнее время учащиеся фабрично-заводских школ активно занимались сезонным спортом. Особенно популярны были лыжи. Поделка спортивного инвентаря включалась в общую производственную программу учебных мастерских, что-то закупалось дополнительно.

Как и сейчас, в 1920-е гг. находились ребята, которые не любили спортивные уроки. Школьный врач В. Смирнов обращался к заведующему школы ФЗУ при Кохомских фабриках А.И. Кучерову со словами: «Коснусь вопроса занятий по физкультуре ввиду желания некоторых школьников избавиться от физических упражнений, они ссылаются на головокружение и сердцебиение. Подобные заявления недопустимы. Все движения, изучаемые на физкультуре, строго преследуют развитие мышц всех частей человеческого тела, укрепляя организм и, тем более, органы дыхания благодаря работе грудной клетки. Это залог здоровья на будущее время, когда школьник станет профессиональным работником» [Там же. Д. 805. Л. 68 об.].

Вопрос преподавания физкультуры в школах ФЗУ в 1925 г. стал «ударным». Занятия приняли регулярный характер, организовывалось больше прогулок на свежий воздух. Наряду с уроками по физкультуре вводился отдельный курс гигиены, чтобы ученики были не только физически развиты, но и гигиенически грамотны [Там же. Д. 1077. Л. 243 об.].

В резолюции по докладу о работе Иваново-Вознесенского губернского совета физической культуры (август 1926 г.) отмечались рост физкультурного движения в городе и губернии, заинтересованность отдельных ведомств и организаций в данной области, увеличение количества спортивных мероприятий в течение зимнего периода, выразившееся в проведении звездного лыжного пробега, в устройстве соревнований по конькам и лыжам, улучшение качественного содержания спортивных кружков [Там же. Д. 1267. Л. 27].

Таким образом, в трудный для населения период восстановления экономики ученики школ ФЗУ, как и взрослые рабочие, чаще всего болели туберкулезом и страдали от малокровия. По мере возможностей в учебные заведения при фабриках приглашались врачи, организовывались медосмотры. С целью улучшения показателей здоровья учащихся стало больше уделяться внимания физическим упражнениям, лекциям о здоровом образе жизни, гигиене и отдыху рабочих-подростков.

УДК 930.1

Д.Ю. Листопадов,

архивист 1-й категории, Государственный архив Ивановской области

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ЗАХВАЧЕННЫХ РУССКОЙ АРМИЕЙ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о количестве взятых русской армией пленных Центральных держав во время Первой мировой войны, затрагивается роль военнопленных в экономической жизни России.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, историография, статистика.

D.Yu. Listopadov,

Archivist (category 1), The State Archive of the Ivanovo region

ON THE ISSUE OF THE NUMBER OF PRISONERS OF WAR CAPTURED BY THE RUSSIAN ARMY IN THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The article examines the number of prisoners of the Central Powers taken by the Russian army during the First World War, and touches upon the role of prisoners of war in the economic life of Russia.

Keywords: World War I, prisoners of war, historiography, statistics.

Одним из главнейших событий в истории российского государства и общества в XX в. является Первая мировая война. Несмотря на поистине огромное количество работ, посвящённых этому событию, многие важнейшие вопросы до сих пор приходится признать недостаточно исследованными.

Неотъемлемой частью войны 1914–1918 гг. являлся плен. Пленение вражеских военнослужащих играло важную роль как на фронте (эти люди безвозвратно выбывали из рядов неприятеля до конца войны), так и в тылу (по мере того, как работники уходили в армию, требовались дополнительные рабочие руки и пленные стали активно использоваться на различных работах, играя важную роль в экономике). Их содержание возлагало на российскую казну немалые расходы, а взаимное возвращение пленных прописывалось в одной из статей Брестского мира. В связи с этим вызывает удивление тот факт, что количество военнослужащих Центральных держав, находившихся в русском плену в течение Первой мировой войны до сих пор точно не установлено, и по этому вопросу можно увидеть разночтения даже в одной и той же работе. Так, М.В. Оськин в специально посвящённой этому вопросу работе со ссылкой на сведения Центрального статистического комитета оценивает численность прошедших через русский плен за всю Первую мировую войну в 1587099 австрийцев, 152760 немцев, 42988 турок, 199 болгар, а всего 1782966 ч. [5, с. 149]. Однако на другой странице указывается, что уже к 1917 г. в России находилось «более двух миллионов военнопленных» [5, с. 134].

Советский исследователь Б.Ц. Урланис в работе, специально посвящённой военным потерям, указывает, что в русском плену находилось до 1750 тыс. солдат австро-венгерской армии, значительная часть которых была захвачена в 1916 г., 177 тыс. германцев и 65 тыс. болгар и турок [7, с. 322–325].

Справочник «Россия в мировой войне в цифрах», ссылаясь на «данные бывшего Главного Штаба» считает, что на 1 сентября 1917 г. (все даты здесь и далее приводятся по старому стилю) в русском плену было зафиксировано 159390 германцев, 1736764 австро-венгра, 64509 турок и 670 болгар, всего 1961333 ч. (включая умерших, бежавших и выбывших по различным причинам) [6, с. 41]. Однако эти данные не выдерживают проверки документами. Например, по сведениям справочника на 1 сентября 1917 г. в Московском внутреннем округе содержалось 252 тыс. чел., в Иркутском 36 тыс., а всего во внутренних округах 836 тыс. На самом деле, в Московском округе на эту дату содержалось 408 тыс. чел., в Иркутском 138 тыс., а всего во внутренних округах 1250 тыс. [1. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 4].

А.В. Олейников попытался дать общее количество пленных в ходе войны по годам и армиям. Так, в кампанию 1914 г., по его сведениям, было пленено более 300 тыс. австро-венгров, около 20 тыс. германцев и 12 тыс. турок, соответственно в 1915 г. это количество составило свыше 800 тыс., 70 тыс. и более 30 тыс., в 1916 г. 500 тыс., более 80 тыс. и более 50 тыс., в 1917 г. до 100 тыс., свыше 20 тыс. и незначительное

число. За войну по его данным в плен попало более 1,7 млн австрийцев, до 200 тыс. немцев, до 100 тыс. турок [4, с. 186]. Такое количество выглядит преувеличенным и плохо согласуется с документами, особенно по 1916–1917 гг.

Приходится констатировать большой разброс данных, но в среднем общие потери неприятеля пленными оцениваются примерно в 1,8–2 млн человек. Некоторые публицисты идут ещё дальше, раздувая это количество даже до 2,5 млн (в основном, за счёт австро-венгров). Однако в настоящее время идёт активная оцифровка архивных документов, которые позволяют уточнить количество неприятельских военнопленных, игравших немалую роль в жизни российского государства и общества в 1914–1918 гг.

Нашими основными источниками являются как сведения о количестве зарегистрированных военнопленных во внутренних военных округах и на фронтовых работах, так и донесения фронтов о количестве захваченных пленных за тот или иной период времени. В то же время сведения могут несколько отличаться друг от друга. Причины этого могут быть различны: во фронтовых донесениях могли быть учтены люди, зафиксированные как пленные на поле боя, но умершие от ран или отбитые противником до попадания в тыл и фиксации их соответствующими органами, т. е. фактически пленными не являвшимися. В некоторых случаях возможен двойной учёт или намеренное завышение успехов. Кроме того, существовали и «гражданские пленные», которые должны были учитываться отдельно, но фактически некоторые попадали в лагеря военнопленных и учитывались там. Например, это произошло с гражданскими лицами, интернированными в Галиции в 1914 г. [3, с. 224]. Кроме того, практиковался и увод в плен военнообязанных. Так, русский Северо-Западный фронт к 15 сентября 1914 г. отчитался о захвате 2978 военнопленных и 425 военнообязанных, учтённых в графе «нижние чины» [1. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 543. Л. 2]. Хотя это были гражданские лица, на практике они вполне могли быть в итоге учтены как военнопленные.

После своего пленения русской армией военнослужащий Центральных держав или использовался для работ в прифронтовой зоне, или содержался во внутреннем округе (внутри страны), где мог либо находиться в пункте водворения, либо (если был ранен или болен) в лечебном заведении, либо привлекался к различным работам. В первый год войны пленные к работам почти не привлекались, но уход значительной части мужского населения на фронт вынудил государство использовать данный трудовой ресурс. Кроме того, содержание этих людей стоило казне немало: за 1914–1917 гг. только на германских

пленных было потрачено 68 млн 18 тыс. 888 рублей на провизию, и 28 млн 98 тыс. 467 рублей на вещевое довольствие [1. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 9, 10]. Привлечение пленных к работам «отбивало» хотя бы часть этих денег.

Уже на 1 сентября 1915 г. на работах находилось более полумиллиона австро-венгров, и более 20 тыс. германцев. К осени 1917 г. абсолютное большинство пленных солдат во внутренних округах было привлечено к работам: более 94 тыс. германцев (в пунктах водворения осталось лишь около 10 тыс.) и 1 млн 26 тыс. австрийцев (в пунктах водворения 63 тыс.) [1. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 2, 4]. Случаи привлечения пленных офицеров к работам крайне немногочисленны. Пленные использовались на следующих видах работ: сельскохозяйственные, земские и городские, углепромышленные и горнопромышленные, торгово-промышленные, землеустроительные, другие казённые работы. Некоторые трудились по линии путей сообщения и военного ведомства, крайне небольшое число находилось в распоряжении частных лиц.

Лучше всего оказалось задокументировано количество захваченных военнослужащих германской армии. На 1 января 1915 г. немцев в России было зафиксировано: 64 офицера и 3747 солдата «на фронте», т. е. при армии, и 323 офицера и 17242 солдата «внутри страны». К 1 января 1916 г. это количество выросло до 237 и 14296 «на фронте» и 11787 и 71480 «внутри страны». Всего, таким образом, за 1915 г. было взято в плен не менее 65824 германских военнослужащих, без учёта умерших, бежавших и отосланных по инвалидности домой. К 1 января 1917 г. «на фронте» фиксировалось 364 офицера и 18675 солдат, а «внутри страны» 1823 и 93398, т. е. за 1916 г. количество наличных немецких пленных выросло на 27 тыс. и достигло 114 тыс. человек [1. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 9]. Таким образом, с учётом прочей убыли, всего в 1916 г. могло быть взято более 30 тыс. (а не 80 тыс.) пленных немцев.

Количество пленных австро-венгров мы не можем установить настолько точно, есть только сведения об их наличии во внутренних округах. На 1 января 1915 г. и 1916 г. оно составляло 234748 чел. и 921586 чел., к 1 сентября 1917 г. насчитывалось уже 1125440 чел., без учёта выбывших по различным причинам и находящихся при фронтах [1. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 2, 3, 4].

Всего по сведениям Центрального справочного бюро (ЦСБ) о военнопленных, с начала войны по 1 декабря 1916 г. было взято 1319097 австро-венгров (из них 37416 офицеров), 134284 германца (в т. ч. 2371 офицер), 17168 турок (в т. ч. 1161 офицер), всего 1470549 военнослужащих. Кроме того, удерживалось 102047 германских и 41637 австрий-

ских «гражданских пленнх» [1. Ф. 160. Оп. 708. Д. 1845. Л. 9]. При этом на 1 января 1917 г. во внутренних округах находилось 1144097 германских, австро-венгерских и турецких военнопленных [1. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 575. Л. 4], другая часть была в распоряжении русских фронтов – 19390 чел. Северного, 66688 чел. Западного, 259743 чел. Юго-Западного, 16129 Румынского, 8395 чел. Кавказского [1. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 550. Л. 58, 71]. Всего в наличии, таким образом, было 1514442 чел., что близко к цифрам ЦСБ. Разница может объясняться тем, что сведения Бюро несколько неполны: некоторое количество взятых в 1916 г. пленнх сразу попало на работы, поэтому не были учтены ЦСБ. Возможен также неточный учёт и зачисление некоторого количества гражданских лиц как военнопленнх.

Имеются также сведения о количестве взятых фронтами пленнх за весь 1916 г. Согласно этим сведениям, Северный фронт захватил 18 офицеров и 1551 солдата, Западный 108 и 5586, Юго-Западный 8770 и 412987, Румынский 34 и 2055, Кавказский 1442 и 46962 соответственно. Всего 10372 офицера и 469141 солдат [1. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 550. Л. 90]. Вызывают удивление данные Кавказского фронта: к январю 1917 г. во внутренних округах было зафиксировано 14 тыс. турок, а 8 тыс. находилось на работах при фронте. Подобная разница может объясняться изначальным завышением заявок, большой смертностью пленнх до учёта Центральным справочным бюро, учётом гражданских в качестве пленнх, либо же переброской этих людей не во внутренние округа, а на работы при других фронтах. Сведения о количестве пленнх турок на Кавказе приходится признать противоречивыми. Но 580 тыс. пленнх австро-германцев в 1916 г. не наблюдается, эти цифры завышены.

Что касается 1917 г., мы располагаем донесениями Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов о количестве взятых ежемесячно пленнх с января по октябрь включительно. Согласно этим сведениям, Северный фронт сумел захватить за 1917 г. 1204 пленнх (национальность не указана, но в абсолютном большинстве это, безусловно, германцы) [1. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 550. Л. 103, 106, 131, 163; Д. 551. Л. 8, 69; Д. 552. Л. 44, 85, 122, 275, 289, 11]. Западный фронт взял в плен 2526 ч., из них 2413 германцев и 113 австрийцев [1. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 550. Л. 44, 93, 134, 203; Д. 551. Л. 44; Д. 552. Л. 7, 49, 51, 131, 284, 326]. Подавляющее большинство – 1998 чел. – было захвачено в июльских боях. Румынский фронт пленил 9857 вражеских военнослужащих (1165 германцев, 8214 австрийцев, 36 турок и 442 болгарина) [1. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 550. Л. 87, 123, 156, 197; Д. 551. Л. 37, 43, 186; Д. 552. Л. 60, 61, 62, 85, 118, 129, 134, 273, 321]. Юго-Западный фронт захватил 34490 пленнх, без разделения по национальностям [1. Ф. 2003. Оп. 2.

Д. 550. Л. 95, 97, 129, 161, 200, 206; Д. 551. Л. 65; Д. 552. Л. 30, 64, 66, 185, 283, 324]. По этому фронту есть и более высокие оценки – в телеграмме генерала Духонина от 2 июля указывается, что за июньское наступление взято в плен 834 офицера и 35809 солдат, всего 36643 чел. [1. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 618. Л. 180]. Однако это плохо соотносится с более поздними телеграммами по конкретным армиям, где количество пленных в июне составляет 27208 чел., т. е. на 9,5 тыс. меньше. Причиной этого может быть как двойной учёт, так и отбитие значительного числа пленных обратно противником. Не исключено и намеренное приукрашивание картины штабом Юго-Западного фронта. Пленные в 1917 г. были ещё и чрезвычайно ценным трудовым ресурсом, и за рабочие руки шла борьба. Так, херсонский продовольственный комитет в начале июля просил Главное управление Генерального штаба выделить 10 тыс. военнопленных на уборку хлеба, угрожая срывом хлебозаготовок, с подобными просьбами обращались комитеты и других губерний. Однако наступление провалилось, и Главное управление отвечало, что все пленные, взятые в последних сражениях, распределены, свободных рук не имеется [1. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 551. Л. 179, 181].

Таким образом, общее количество зафиксированных фронтами пленных составило до конца октября 1917 г. 48007 чел., из которых менее 5 тыс. достоверно являлись военнослужащими германской армии. В то же время, если учесть изменение количества пленных немцев во внутренних округах с 1 января по 1 сентября 1917 г. можно сделать вывод, что всего в плен за 1917 г. могло попасть 14–15 тыс. немцев. Общее же количество военнослужащих германской армии, прошедших через русский плен в Первую мировую войну, с учётом убитых, умерших и бежавших, можно оценить максимум в 145–150 тыс. человек. Что касается австро-венгров, то отталкиваясь от цифр Центрального справочного бюро и статистики по внутренним округам и фронтам можно предположить 1,4–1,5 млн пленных за войну, из которых до 35 тыс. в 1917 г. и около 400 тыс. в 1916 г. В таком случае, в 1914–1915 гг. в плен попало от 900 тыс. до 1 млн австро-венгров. Количество попавших в плен турок противоречиво, и нуждается в уточнении, болгар же было пленено крайне немного. В любом случае, вряд ли общее количество военнослужащих Центральных держав, побывавших в русском плену, превысит 1,7 млн. Оценки в 2 млн и более следует считать завышенными. Для сравнения: через германский плен прошло 1,4 млн русских солдат и офицеров, а через австро-венгерский – около 1 млн [2, с. 145–146]. При этом основная масса пленных была захвачена в первые полтора года войны, в то время как их роль в экономической жизни государства чрезвычайно выросло как раз в 1916–1917 гг.

Библиографический список

1. [https:// gwar.mil.ru](https://gwar.mil.ru). Документы Российского государственного военно-исторического архива.
2. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939.
3. Нелипович С.Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914. М., 2019.
4. Олейников А.В. Захвачены в бою. Трофеи русской армии в Первой мировой. М., 2015.
5. Оськин М.В. Неизвестные трагедии Первой Мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011.
6. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.
7. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960.

УДК 930.1.

Ю.Г. Листопадов,

руководитель Центра развития палаточных лагерей

КОММУНАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КОММУНАРСКИЕ СБОРЫ В 1960-х гг.

Аннотация. В статье рассматривается феномен коммунарского движения в подростковой среде и особенности коммунарских лагерей.

Ключевые слова: коммунарские лагеря, школьники, летний отдых.

Yu.G. Listopadov,

Head of Tented Camps Development Centre

THE COMMUNAR MOVEMENT AND COMMUNAR FEES IN THE 1960s.

Abstract. The article examines the phenomenon of the communar movement among teenagers and the peculiarities of communar camps.

Keywords: communar camps, schoolchildren, summer holidays.

Коммунарское движение в подростковой среде, которое возникло в начале 1960-х годов – феномен, как ни странно, малоизученный, хотя вроде бы написано о коммунарстве много. При этом четкого определения того, что же такое коммунарское движение нет. Мы, исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, будем исходить из следующих постулатов:

I. Коммунарское движение имеет три основных источника:

1. Скаутская система работы, поскольку основатель первого коммунарского коллектива И.П. Иванов ориентировался на лучшие методики времени становления пионерской организации в России в начале 20-х годов XX в., а пионерскую организацию СССР создавали скаутмастера и работали первые пионеры по скаутским методикам [5].

2. Опыт С.Т. Шацкого, в первую очередь опыт его летних «колоний» с детским самоуправлением и ежедневными вечерними «сходками» – прообраз коммунарских сборов с «огоньками» [6].

3. Макаренко с «мажором» и креативом с одной стороны, и с дисциплиной, трудовой деятельностью и «большими летними походами» с другой Коммунарское движение и педагогика сотрудничества: вчера, сегодня, завтра [3].

II. Поскольку есть «три источника», то есть и «три составные части коммунарского движения»:

1. Вера в близкий приход коммунизма, в соответствии с партийной программой 1961 г.

2. Эффективная методика, основанная на лучших педагогических практиках XX в., далее мы будем называть её «коммунарской методикой».

3. Желание «вложиться душой в доброе дело» у целого слоя взрослых людей, которое не могло быть ими реализовано в обыденной жизни нигде, кроме коммунарского движения.

Заметим, что под «коммунарской методикой» разные авторы понимают довольно разные вещи, при этом, с нашей точки зрения, под коммунарской методикой следует понимать совокупность следующих применяемых педагогических приемов:

- наличие собственной атрибутики
- работа в малых группах
- обязательная летняя трудовая программа (это можно называть сбором, лагерем труда и отдыха, Целиной и т. д.)
- постоянная песенная среда
- вечерние разговоры в кругу
- выездные сборы как минимум с одной ночевкой.

В рамках данной статьи мы не имеем возможности подробно рассмотреть ни феномен коммунарского движения, ни коммунарскую методику, поэтому сосредоточимся на ключевой, по нашему мнению, составляющей коммунарской методики, а именно на коммунарских сборах.

Коммунарские сборы имеют следующие характеристики:

1. Выход из привычной среды обитания (как минимум, одна ночевка вне дома)

2. Наличие группы организаторов, обычно именной «комиссарской бригадой» («комбриг»)

3. Размещение в спартанской обстановке

4. Интенсивная работа в малых группах, расписанная буквально поминутно

5. Максимальное самообслуживание

6. Обязательная трудовая деятельность для помощи окружающим

По продолжительности коммунарские сборы имеют следующие стандартные типы:

– с одной ночевкой

– с тремя ночевками

– девять и более ночевок

Конечно, могли быть и были коммунарские сборы иной продолжительности, однако именно одна-три-девять ночевок являются, исходя из имеющихся у нас данных, оптимальными для проведения сбора.

Как правило, коммунарские сборы проводились во время школьных каникул, а потому, соответственно, делились на весенние, летние, осенние и зимние.

Родоначальником как коммунарского движения, так и конкретно коммунарских сборов является широко известная в педагогических кругах «Фрунзенская коммуна», которая на самом деле называлась «Пионерская коммуна им. Фрунзе» (далее КЮФ), которая была образована в Доме пионеров и школьников (ДПШ) Фрунзенского района г. Ленинграда в 1959 г. В этом же году, а именно в августе 1959 г., был проведен первый летний коммунарский сбор. Вот что рассказали о нем организаторы: «материальная база была создана на пустом месте: пустой дом, требующий основательного ремонта, не было кухни – её строили заново, нет одеял, матрасов, нет колодца, электричества и т. д. ... Нашу слабую материальную базу мы решили использовать как воспитательное средство. Заготовка воды и дров, доставка продуктов, приготовление обедов, стирка, мытьё полов, ремонт забора и т. д. – всё это и многое другое должны были делать сами ребята. ... Мы решили не сидеть на базе, а активно вторгаться в окружающую жизнь ... В центре нашей жизни было два похода: четырёхдневный и пятидневный. Отряды вышли во все концы Гатчинского района – на север, северо-восток, юг и юго-запад. Нам важно было, чтобы пионеры побывали не просто туристами, а деятелями... Каждый вечер наш огонёк начинался песнями» [2].

В 1961 г. после 3-го летнего сбора, который проходил в форме палаточного лагеря, о КЮФ появилось несколько статей в центральной прессе, из которой важнейшей оказалась публикация в «Комсомольской правде» [4, 10.01.62], подготовленная С.Л. Соловейчиком. Важность ее

была в том, что после нее по стране стали организовываться клубы юных коммунаров (которые назывались секциями), а в «Комсомольской правде» [4, 24.01.62] появилась рубрика «Клуб юных коммунаров» (далее – КЮК), в которой, в том числе стали публиковать задания для секций юных коммунаров, например [4]:

- «привести в порядок классную комнату. Провести поход в колхоз, украсить красный уголок или помочь сельской библиотеке» [4, 24.05.62].

- «КЮК» объявил операцию «Зима»: «залить каток, электрифицировать, оборудовать для игры в хоккей. В соседних дворах помочь малышам сделать горки, создать бригаду по уходу за катком. Узнать, продаются ли в городе коньки и лыжи, крепления, лыжные мази, санки. Если нет – добиться от городского отдела торговли, чтобы весь зимний инвентарь появился в продаже. Организовать в школе лыжную и конькобежную секции» [4, 27.12.62].

Надо понимать, что авторитет «Комсомольской правды» в те времена был чрезвычайно велик, и, скорее всего, именно поддержка «Комсомолки» способствовала тому, что в 1962 г. удалось провести смену во Всесоюзном лагере «Орленок», а КЮФ удалось провести вместо одного летнего сбора коммуны несколько лагерей-спутников. Кроме того, в 1962 г. в Ленинграде появились последователи КЮФ, так, летом 1962 года провели свой летний сбор ребята из Кировской коммуны (то есть объединение школьников Кировского района Ленинграда) [1, с. 140].

Хотя летом 1962 г. собрались в «Орленке» всего 50 представителей КЮК, но после этого сбора в Москве, Киеве, Новосибирске были проведены коммунарские сборы на зимних и весенних каникулах [4, 15.04.64].

В 1963 г., кроме летних сборов на местах, вновь был проведен сбор в Орленке, который дал свои результаты. Так в весенние каникулы 1964 г., помимо Ленинграда, коммунарские сборы были проведены в Челябинске, Свердловске, Тайшете, Горловке, Белебе, Москве... Причем сборы были масштабными, например, в Челябинск прибыли коммунары из Москвы, Магнитогорска, Смоленска, Горловки, Чимкента, а всего в сборе участвовало примерно 150 человек. Одновременно 3 группы челябинцев уехали на сборы соответственно в Горловку, Тайшет и Свердловск [4, 22.03.64].

Весной «Комсомолка» объявила о начале операции «Брезентовые крыши» [4, 26.04.64], то есть операции по подготовке к проведению ребятами летних коммунарских палаточных лагерей, при этом в качестве опыта рассказали об опыте ребят из Горловки, которые: провели 3 смены по 100–110 человек, а всего в сборе приняли участие

320 человек, при этом на сборе жили по принципу самокупаемости, что выразилось в том, что заработали 2515 рублей, а потратили 2544 руб. 73 коп., но долг погасили первым же субботником, а с ребятами не было ни одного взрослого, хотя по профсоюзным нормам на лагерь такой численности положено 22 взрослых человека, то есть это было не формальное, а реальное самоуправление.

Информации о том, сколько было в рамках операции «Брезентовые крыши» проведено палаточных лагерей, найти не удалось, но достоверно известно о том, что такие лагеря проводились в Перми и Горьком (ныне Нижний Новгород). Вот что говорят нижегородские организаторы этого лагеря: «Идея «брезентовых крыш» была простой – при каждой школе лагерь актива создать (почти туристический). Но мы ею так увлеклись, что «Юность» наша (так мы называли свой лагерь) аж 29 лет просуществовала. ... это даже не лагерь был, а целая система жизни, с четким устройством – 8 отрядов с комиссарами во главе, дежурным командиром, который буквально за все отвечал, большим вечерним советом, на котором дежурство по лагерю сдавалось и принималось, конечно же, коммунарскими делами. С утра зарядка, завтрак, работа в поле (4 часа) и каждый вечер – новое дело» [9].

Коммунарские сборы являлись «точками сборки» новых коммунарских коллективов, так, например, в 1964 г. делегация членов Архангельского пионерского штаба по приглашению КЮФ побывала на коммунарском сборе – «Зимовке». Результатом поездки явилось решение общего сбора штаба о проведении коммунарских сборов в городе Архангельске [10]. Весной того же года прошел первый Коммунарский сбор школьников города Архангельска. В июле состоялся второй Коммунарский сбор, проходивший на берегу Северной Двины в селе Копачево, где до настоящего времени ежегодно проходят летние сборы. Отметим, что «до настоящего времени» – это не оборот речи: в июле 2024 г. был проведен 65-й летний сбор... Да, он теперь не называется «коммунарский» и штаб теперь называется штабом школьников, но факт остается фактом... Вообще, коммунарских коллективов (ну или тех, кто считал себя таковым) в 1963–1965 гг. было довольно много, так, «Комсомолка» сообщила, что сотни комсомольских групп старшеклассников регулярно присылают отчеты [4, 18.04.63] (отметим, что в Ивановской области также действовали Клубы Юных Коммунаров, о чем писала областная газета «Ленинец»), чему очень способствовала работа «по-коммунарски» лагеря «Орленок». Однако в 1965–1966 гг. «Орленок» подвергся сокрушительной критике ЦК ВЛКСМ [8], после чего перестал работать как своеобразный методический центр коммунарского движения, и само движение довольно быстро если не угасло вообще, то уж точно стало намного менее масштабным...

Вообще, коммунарство как таковое – как объединение коммунарских клубов, жило (живет) до тех пор, пока были (есть) люди, владеющие «коммунарской методикой», верящие в то, что коммунизм достижим и на практике к нему готовящиеся путем воспитания детей как коммунаров. Не случайно всплеск интереса к коммунарскому движению пришелся на конец 80-х годов, когда горбачевская перестройка породила новые надежды и люди (пусть не все, но многие) поверили, что страна встала на верный путь и вот теперь-то... Исходя из этого тезиса, возможно, что и сейчас где-то есть именно настоящие коммунарские объединения, и, то есть, коммунарство живо по сей день...

При этом поиск в интернете показывает, что как минимум в десятках разных мест России сегодня проводят некие мероприятия, которые организаторы называют «коммунарскими сборами», но я бы поостерегся говорить о том, что «коммунарское движение живо», хотя, несомненно, что его опыт не пропал втуне... Его использовали некоторые школы [7], внешкольные объединения, студенческие строительные отряды. Более того, в 1990-е годы некоторые скаутские отряды были организованы людьми с коммунарским опытом.

Но это уже предмет другого исследования.

Библиографический список

1. Димке Д.В. Летние трудовые школьные лагеря начала 1960-х годов как анклавы советского идеализма // Вестник Пермского университета. Вып. 2 (22). Пермь, 2013.
2. Иванов И.П. Выступление перед старшими пионервожатыми Фрунзенского района (сентябрь 1959 года) <https://kommunarstvo.ru/istor/istkyulag11.html?ysclid=m5hwkttfqmn206280918>
3. Коммунарское движение и педагогика сотрудничества: вчера, сегодня, завтра. Архангельск, 2001.
4. Комсомольская правда. Орган ЦК ВЛКСМ.
5. Листопадов Д.Ю. Пионерское движение в 1922–1929 гг.: на материалах губерний Верхнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук 07.00.02. Иваново, 2014.
6. Листопадов Д.Ю., Листопадов Ю.Г. История российских детских лагерей до 1917 года (лагеря кадетов, потешных, скаутов, летние детские колонии, трудовые дружины учащихся). Шуя, 2017.
7. Маслюк О.Н. Педагогическая система И.П. Иванова в современном контексте духовно-нравственного воспитания школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01. Рязань, 2004.
8. Мудрик А.В. The dark side of the moon или забытые страницы истории «Орленка» 1960-х // Воспитательная деятельность детского оздоровительного лагеря: история и современность. Новосибирск, 2008.
9. Нижегородская правда. 04.04.2009.
10. Полищук А.В. Становление и развитие идей коммунарской педагогики: автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01. Архангельск, 2010.

Н.А. Личак,

доцент, Ярославский государственный технический университет (Ярославль)

Д.А. Личак,

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

ОРДЕНА И МЕДАЛИ УШАКОВА И НАХИМОВА – ФЛОТСКИЕ НАГРАДЫ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье актуализируется история появления высших военно-морских орденов и медалей СССР – Ушакова и Нахимова. Главнокомандующий Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов предложил И.В. Сталину ввести для советских моряков собственные награды – ордена имени Ушакова и Нахимова. Орденами Ушакова и Нахимова обеих степеней награждались не только офицеры советского военно-морского флота, но также и различные соединения и части ВМФ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Военно-Морской Флот, Орден Ушакова и Нахимова I и II степени, медали Ушакова и Нахимова, 1944.

N.A. Lichak,

Associate Professor, Yaroslavl State Technical University (Yaroslavl)

D.A. Lichak,

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl)

ORDERS AND MEDALS OF USHAKOV AND NAKHIMOV – NAVAL AWARDS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article updates the history of the appearance of the highest naval orders and medals of the USSR – Ushakov and Nakhimov. The Commander-in-Chief of the Navy, N.G. Kuznetsov, proposed to I.V. Stalin to introduce his own awards for Soviet sailors – the orders of Ushakov and Nakhimov. The Orders of Ushakov and Nakhimov of both degrees were awarded not only to officers of the Soviet Navy, but also to various formations and units of the Navy.

Keywords: The Great Patriotic War, the Navy, the Orders of Ushakov and Nakhimov I and II degrees, Medals of Ushakov and Nakhimov, 1944.

Каждая морская держава чествует своих героев военного флота, уделяя внимание памятным датам и поощрениям. Награды военнослужащих имеют свою историю и нередко представляют собой настоящие произведения искусства.

В начале Великой Отечественной войны, в 1941–1943 гг., за особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите Отечества, награждали учрежденными еще в довоенную пору орденами Ленина, Красного Знамени. За личные или коллективные заслуги перед советским государством и обществом, связанные с совершением подвига, присваивалось высшее звание Героя Советского Союза. Однако возврат к русским дореволюционным армейским традициям, начавшийся еще накануне войны, в мае 1940 г., с введения генеральских и адмиральских званий, и продолжившийся в ходе военных действий, очень скоро проявился и в изменениях советской наградной системы.

Морских офицеров практически не награждали «сухопутными» полководческими орденами А. Суворова, М. Кутузова, Б. Хмельницкого и А. Невского. В годы Великой Отечественной войны возникла необходимость в учреждении специальных флотоводческих наград. Два «морских» ордена – Ф.Ф. Ушакова и П.С. Нахимова, а также две «морских» медали, названные именами тех же адмиралов, были учреждены 3 марта 1944 года.

В период Великой Отечественной войны советский военачальник – главнокомандующий Военно-Морского Флота, Герой Советского Союза адмирал Николай Герасимович Кузнецов, внесший заметный вклад в развитие ВМФ и усиление обороноспособности нашей страны, предложил И.В. Сталину ввести для советских моряков собственные награды – ордена имени Ушакова и Нахимова (рис. 1). В Наркомате ВМФ разработкой проекта создания орденов и медалей для Военно-Морского Флота занимались начальник организационно-мобилизационного управления капитан 1 ранга Б.М. Хомич, капитан 2 ранга Н.А. Волков, сотрудник газеты «Краснофлотец» А.Л. Диодоров и известный советский архитектор М.А. Шепиловский.

Орден Ф.Ф. Ушакова должен был иметь более высокий статус. Первая степень награды предназначалась для награждения за выдающиеся успехи в разработке и проведении флотских операций, приводящих к победному результату, вторая – за уничтожение численно превосходящего врага, проведение победного генерального боя, эффективной рейдерской операции на коммуникациях врага или десантной операции. Комиссия решила награждать орденом Ф.Ф. Ушакова за наступательные, а орденом П.С. Нахимова за оборонительные действия, опираясь и руководствуясь историческими фактами. Адмирал Ф.Ф. Ушаков известен своими решительными и дерзкими атаками. Всегда наступая, он не проиграл ни одного сражения, разделив свою славу с великим Суворовым. Адмирал П.С. Нахимов известен как командующий обороной

Севастополя. Его грамотные оборонительные действия и стойкость позволили не просто нанести врагам катастрофические потери, но и не допустили их дальнейшего продвижения из Крыма вглубь страны [2, с. 167].

О деятельности Ф.Ф. Ушакова, о его победах, о заслугах и достижениях в Советском Союзе знали мало. Нашлись даже недоброжелатели, обвинившие автора идеи в искажении истории. Вместе с тем И.В. Сталину идея понравилась, и в 1944 г. ордена были учреждены.

Первый Указ о награждении орденом Ф.Ф. Ушакова I степени появился 16 мая 1944 г. [11]. Данным Указом были награждены командир бригады подводных лодок Черноморского флота контр-адмирал П.И. Болтунов, командующий авиацией Черноморского флота генерал-лейтенант В.В. Ермаченков.

Рис. 1. Знаки орденов Ф.Ф. Ушакова и П.С. Нахимова I и II степени

Кавалерами двух орденов Ушакова I степени стали адмирал В.Ф. Трибуц, адмирал флота И.С. Исаков, адмирал Ф.С. Октябрьский, адмирал флота Н.Г. Кузнецов.

Всего орден Ф.Ф. Ушакова I степени был вручен 47 раз. Орден Ф.Ф. Ушакова II степени вручался 194 раза [3].

Флотоводческий орден Ф.Ф. Ушакова соответствовал полководческому ордену А.В. Суворова. Он состоял из двух степеней и вручался за выдающиеся успехи в разработке и проведении активных морских

операций. Ордена двух степеней практически идентичны по рисунку и конструкции, они отличались материалами изготовления. Первая степень изготавливалась преимущественно из платины, а вторая из золота.

Орден П.С. Нахимова соответствовал полководческому ордену М.И. Кутузова и имел две степени. Он отличался от остальных наград тем, что первая степень по личному предложению И.В. Сталина была дополнительно украшена крупными рубинами. Таким образом, орден П.С. Нахимова I степени стал единственным из всех советских наград, за исключением ордена Победы, при украшении которого были применены драгоценные камни. Для второй степени рубины заменили на красную эмаль, а золото на серебро [9, с. 5].

Медаль Ф.Ф. Ушакова изготавливалась из серебра, на ней располагалось рельефное погрудное изображение адмирала. Уникальность награды состоит в том, что круг медали был наложен на якорь, а поверх колодки располагалась серебряная цепь, внешний вид сразу выделял ее [1, с. 34]. Медаль П.С. Нахимова изготавливалась из бронзы, на лицевой стороне располагалось рельефное изображение прославленного адмирала в профиль, украшенное лавровыми ветвями с пятиконечной звездой (рис. 2). Вдоль краев находилась надпись: «Адмирал Нахимов». На оборотной стороне было изображение парусного корабля [7].

Рис. 2. Медали Ушакова и Нахимова

После войны Н.Г. Кузнецов неоднократно поднимал вопрос о популяризации личности Ф.Ф. Ушакова и предложил снять о нём фильм. И.В. Сталин лично одобрил и эту инициативу.

Подводя итог, отметим, что вручение медалей и орденов – одна из важнейших военных традиций. С огромным уважением относились моряки к созданным флотским наградам, на флоте считалось, что награждение орденами и медалями Ф.Ф. Ушакова или П.С. Нахимова офицеров – знак высокого отличия, свидетельствующий об их личном

мужестве и участии в боях вместе с рядовым составом. Очень важны были эти ордена и медали морским пехотинцам и артиллеристам береговой обороны, т. к. эти награждения подтверждали их причастность к военно-морскому флоту.

Орденами и медалями Адмирала Ф.Ф. Ушакова и Адмирала П.С. Нахимова награждались многие офицеры и моряки Черноморского, Балтийского, Североморского и Тихоокеанского флотов, моряки морских, озерных и речных флотилий. За годы Великой Отечественной войны орденом Ф.Ф. Ушакова I степени были награждены 25 человек (36 награждений) и 8 флотских соединений, орденом П.С. Нахимова I степени – 75 человек (80 награждений), орденом Ф.Ф. Ушакова II степени – 182 человека (194 награждения) и 12 соединений, орденом П.С. Нахимова II степени – 458 человек (460 награждений).

Примечателен тот факт, что многие моряки в годы войны заслужили обе морские медали – Ф.Ф. Ушакова и П.С. Нахимова. Командир катерного тральщика 7-го дивизиона катерных тральщиков Балтийского флота старшина 1-й статьи, Герой Советского Союза Давиденко Григорий Митрофанович в годы войны был удостоен двух морских медалей – Ф.Ф. Ушакова и П.С. Нахимова. Обе медали получил и Портнов Александр Михайлович, воевавший на подводных лодках М–74 и М–102. Позднее А.М. Портнов входил в экипаж подводного минного заградителя Л–3, потопившего вражеский транспорт «Гойя» с 6200 гитлеровцами на борту. Медалями Ф.Ф. Ушакова и П.С. Нахимова награждены старший краснофлотец Дуркин, воевавший на Балтийском флоте, военные моряки А.П. Бусарев, А.Д. Кравченко, В.А. Родик, Г.И. Титков и другие моряки.

Обе медали сохранены в наградной системе Российской Федерации в неизменном виде. В настоящее время систематически производятся награждения отличившихся военных моряков ВМФ России.

Библиографический список

1. *Балязин В.Н.* Самые знаменитые награды России. М.: Вече, 2003. 416 с.
2. *Борисов А.А.* Причины введения орденов Ушакова и Нахимова и их статут // Памятные даты истории: сборник научных статей студентов. М.: ООО ИД «Научная библиотека», 2024. С. 162–168.
3. *Изотова М.А., Царева Т.Б.* Награды России и СССР. Популярная энциклопедия. Ордена, медали, нагрудные знаки. М.: Владис, 2010. 736 с.
4. *Колесников Г.А.* Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1974. 269 с.
5. *Михеев Г.Н.* Воспитание флотской души // Морской сборник. 2024. № 5 (2126). С. 77–80.
6. *Овчинников В.Д.* Критика и актуальные аспекты исследования личности, жизни и деятельности Ф.Ф. Ушакова // Наука. Общество. Оборона. 2019.

№ 2 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-i-aktualnye-aspekty-issledovaniya-lichnosti-zhizni-i-deyatelnosti-f-f-ushakova> (дата обращения: 20.12.2024).

7. Редчайшие «морские» награды СССР. Ордена и медали Ушакова и Нахимова. URL: https://pikabu.ru/story/redchayshie_morskie_nagradyi_sssr_ordena_i_medali_ushakova_i_nakhimova_12129801 (дата обращения: 20.12.2024).

8. *Рассохо-Анохина В.Н.* Проблематика в отечественной историографии адмирала Федора Федоровича Ушакова // Армия и флот. 2014. URL: <http://www.armiyaiflot.ru/images/ePages/ushakov.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).

9. *Смирнов Ю.Н.* В память о святых воинах. Награды Великой Отечественной войны // Центр и периферия. 2016. № 4. С. 4–10.

10. *Суржик Д.В.* Ушаков Федор Федорович. Сайт Российского Военно-исторического общества. URL: <http://100.histrf.ru/commanders/ushakov-fedor-fedorovich/> (дата обращения: 20.12.2024).

11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 г. «Об учреждении военных медалей: медали Ушакова и медали Нахимова» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/70822584/?ysclid=m5lhumfiys680580470> (дата обращения: 05.01.2025).

УДК 378

Н.А. Макаров,

аспирант, Ивановский государственный университет

ПЕРВЫЙ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД РКП(б) КАК ОРГАНИЗАТОР ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

Аннотация. В статье анализируется подготовка и проведение первого губернского партийного съезда РКП(б) в Костромской губернии. В частности, показывается неудовлетворительное состояние местных организаций, обусловленных слабой агитационной и организационной работой. Анализируются решения, принимавшиеся на первом партийном съезде региона, направленные на повышение влияния большевистских организаций губернии, и их последствия на проведение политики большевиков в губернии.

Ключевые слова: губернский съезд, российская коммунистическая партия (большевиков), продовольственный вопрос, сельскохозяйственная коммуна, костромской губернский комитет.

N.A. Makarov,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

THE FIRST KOSTROMA GUBERNIYA PARTY CONGRESS OF THE RCP(b) AS AN ORGANIZER OF THE REGIONAL PARTY LIFE

Abstract. The article analyzes the preparation and holding of the first guberniya party congress of the RCP(b) in the Kostroma region. In particular, it shows the unsatisfactory state of local organizations, due to weak agitation and organizational work. The decisions taken at the first party congress of the region, aimed at increasing the influence of the Bolshevik organizations of the guberniya, and their consequences for the implementation of the Bolshevik policy in the region are analyzed.

Keywords: regional congress, Russian Communist Party (Bolsheviks), food issue, agricultural commune, Kostroma regional committee.

Изучение опыта формирования и функционирования системы власти в период с 1918 по 1920 гг. представляется интересным для исследований по проблеме трансформации российской государственности. Период гражданской войны в России в политическом аспекте характеризуется сочетанием и конфликтом традиций и новаций в сфере государственной власти и управления. В результате Октябрьской революции 1917 г. в России была провозглашена власть Советов. Председатель Совета народных комиссаров (СНК) был первым лицом именно в системе исполнительной Советской власти. Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов являлся верховным законодательным, распорядительным и контролирующим органом [6, ст. 31] Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР).

В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г., не признавалось разделение законодательной, исполнительной и судебной власти: каждая функция правительства составляла единое целое, и ее должна была осуществлять с единственной целью единая, неделимая власть [5, с. 131]. Объединяло вновь формирующуюся власть в стране руководство большевистской партии, которая занимала основное число мест в Советах, в т. ч. местных. Позднее, заметив тенденцию оттока лучших партийных кадров в Советы и ослабления, таким образом, партийной работы, ЦК РКП(б) забил тревогу [4, с. 66]. 18 мая 1918 г. было вынесено постановление о том, что «все члены партии, независимо от рода их работы и выполняемых ими функций, обязаны принимать непосредственное участие в партийных организациях и не могут уклоняться от партийных поручений, даваемых соответствующими партийными центрами» [7, с. 5].

По инициативе Костромского Губисполкома и Костромского Общегородского Комитета партии было создано Бюро по подготовке первого губернского Съезда и выяснению состояния партийных организаций в губернии. Для успешного начала деятельности Российской коммунистической партии (большевиков) в Костромской губернии в течение полутора месяцев (1 августа – 11 сентября 1918 г.) была проведена колоссальная работа, включающая в себя, главным образом, агитационную и информационную деятельность в уездах.

В данный период времени Бюро выпустило воззвание ко всем партийным товарищам Костромской губернии; усилило агитационную и пропагандистскую работу газеты «Северный Рабочий», в которой приступило к печатанию раздела «Партийная Жизнь», где систематически разбирались вопросы, касающиеся партийного строительства, роли партии в жизни и взаимоотношении партии и Советов; направило агитаторов и партийных организаторов по уездам.

Несмотря на продолжительный срок подготовки съезда, обследованными оказались только уезды Костромской, Галичский, Чухломской, Солигаличский и Кологривский. Необследованными остались Буйский, Ветлужский, Варнавинский, Макарьевский, Ковернинский и Нерехтский уезды [2, л. 1].

Позднее на I губернском Съезде заслушивались доклады организаторов, принявших участие в обследовании уездов, которые и подчеркнули особую значимость данного Съезда в определении партийной жизни региона. В результате выяснилось, что партийные организации в уездных городах находилась в крайне тяжелом положении; фракции коммунистов в уисполкомов не играли в жизни уездов существенной роли; самостоятельные партийные организации чаще всего числились на бумаге, не принимали никаких мер к развитию политической и партийной работы в волостях; местные партийные работники были совершенно оторваны от партийного центра и были неосведомленными не только в общеполитических вопросах текущей жизни, но и в своих прямых обязанностях как партийных работников на местах [2, л. 1].

Фактически I губернский Съезд стал силой централизующей и формирующей партийные начала Костромской губернии, определив текущее состояние дел, предложил программу действий для повышения эффективности дальнейшей работы.

Заседание I губернского Съезда РКП(б) открылось 12 сентября 1918 г. в Костроме в торжественной обстановке: большая белая зала бывшего дворянского собрания была декорирована красными знаменами, принесенными из всех рабочих и советских организаций города [2, л. 2].

Важно определить основные особенности представительства партийных организаций на данном Съезде:

1. Все десять уездов Костромской губернии были представлены на Съезде. Однако это представительство было непропорциональным. Отдаленные от центра уезды, с которыми сообщение весьма затруднено, послали небольшое количество делегатов. Например, Макарьевский уезд прислали 1 делегата, Ковернинский – 1 делегата, Ветлужский и Варнавинский – по 2 делегата.

2. Практически однородный социальный состав: на I Съезде присутствовали исключительно рабочие и крестьяне, а также один железнодорожник-электротехник [2, л. 2]. В целом, в работе Съезда приняло участие 43 делегата от десяти уездов и города Костромы.

Повестка Съезда, представленная Бюро по подготовке первого Съезда, была направлена на выяснение состояния партийных организаций в Костромской губернии и включала в себя вопросы о взаимоотношениях Советов и партий, оказание помощи в создании частей Красной Армии, распространении литературы, агитационной и организационной работы на местах.

Главнейшей работой, которую исполнил Съезд, следует считать организацию Костромского губернского комитета РКП(б). Всего в Комитет было избрано 19 членов: по одному делегату от 11 уездов и 8 – от крупнейшей Общегородской Костромской организации. В соответствии с уставом партии пленум Комитета предполагалось созывать один раз в месяц. На пленуме планировалось решать принципиальные вопросы. Текущей работой должно было руководить Бюро Комитета, состоящее из 10 лиц: 8 от Общегородской организации и 2 делегата от ближайших уездов – Костромского и Нерехтского. На Губернском Бюро, заседавшем еженедельно по воскресеньям, должны были разрешать текущие вопросы общегубернского характера, не могущие быть отложены до созыва месячного пленума. Вся же техническая и повседневная работа, а также вопросы экстренного характера возлагались на секретариат в составе 3-х лиц, которые должны были нести ежедневное дежурство в губернском комитете. Верховным органом Костромской партийной организации был признан губернский Съезд, который должен был созываться один раз в 6 месяцев. Столь продолжительные промежутки для губернского съезда вызываются исключительно бездорожьем и трудностью сообщения с губернским центром [2, л. 3].

В рамках деятельности I Съезда рассматривались также следующие актуальные проблемы темы. Во-первых, работа в деревне. Основная задача большевистской партии – это реализация ее политики на местах, в т. ч. и в сельской местности, в сфере продовольственного

вопроса. Местные партийные организации дифференцировали всех крестьян в отношении хлебного вопроса на три категории: «бедняк», который ничего не имеет, заинтересованный в низких ценах; «средняк», способен обходиться своим хлебом, знает, что хлебная цена лежит в основе всего, поэтому выступает за ее невысокое значение; «кулак», который держит в руках весь хлебный рынок, заинтересован в этой политике, которая противоположна политике Советской власти [3, л. 38]. Именно «кулаки» толкают губернию на контрреволюционные выступления.

Одним из способов решения данной проблемы является деятельность земельного отдела по организации коммун, которые призваны постепенно ликвидировать частную собственность. И первым шагом к их формированию была организация инструкторского отдела, основной задачей которого была выработка инструкций и уставов коммун [3, л. 41]. Коммуны были организованы в Нерехтском, Галичском, Солигаличском и Костромском уездах. Причем, коммуны организовывались не только среди мирян, но и среди служителей церкви. Так, часть монашества в Солигаличском уезде организовали сильную коммуну: монахи не ссорятся с Советской властью, потому что Советы не запрещают делиться с другими продуктами честного труда.

Тем не менее, в ходе I губернского Съезда подчеркивалось, что в организации коммун было допущено ряд ошибок: 1. В коммуну вступала интеллигенция, шли крупные хозяева, которые видят в коммуне средства для выкачивания дохода, т. к. за последние несколько месяцев для организации коммун было передано около 2 млн. рублей.

2. Замечается «аристократизация» коммун: «кулаки», не желая делиться доходами коммуны, ограничивают в нее вход более широким слоям деревни.

3. Коммуны не увеличивают производство продуктов потребления, не вводят культурные усовершенствования, что превращает их в кастообразную систему, использующую экстенсивные методы ведения хозяйства.

Главной причиной всех вышеперечисленных процессов, по мнению губкома партии являлась царящая в деревне «темнота» и безграмотность [3, л. 44].

В ходе I губернского Съезда разгорелась дискуссия на тему принципов формирования губернского комитета партии. Большая часть делегатов предлагала принцип поуездного представительства: представитель каждого уезда обязательно должен быть представлен в комитете. Данной позиции придерживались товарищи Н.К. Козлов, Петров, М.С. Степанов. Другая часть Съезда настаивает на принципе пропорционального

представительства: в комитет входят лучшие представители губернии, причем неважно из какого они уезда. Данного принципа придерживались Анохин, Н.П. Растопчин [3, л. 47].

В результате был утвержден поуездный список кандидатов: Костромской уезд – Миловидов, Нерехтский уезд – Кузьмин, Макарьевский уезд – Титов, Варнавинский уезд – Шишкин, Кологривский уезд – Анохин, Кавернинский уезд – Нерольский, Буйский уезд – Соловьев, Солигаличский уезд – Танков, Галичский уезд – Петров, Ветлужский уезд – Смирнов, город Кострома – Степанов, Козлов, Виноградова, Растопчин, Фиге, Кривошеина, Низковская [3, л. 48].

Подводя итоги проведенного I губернского Съезда, можно сделать следующие выводы. Во-первых, съезд выявил неудовлетворительное состояние местных партийных организаций. Во-вторых, причиной неудовлетворительного состояния дел отмечалась слабая агитационная и организационная работа на местах, отсутствие необходимых материалов и литературы, а также непосредственно организаторов. В-третьих, причиной недостаточного усиления влияния партии большевиков в Костромской губернии являлось противодействие зажиточного крестьянства и интеллигенции, которые войдя коммуны, фактически вели анти-советскую деятельность.

Съезд принял решение создать мощные ударные центры в уездах и с опорой на них вести работу по укреплению волостных и сельских ячеек. В виду того, что отправление печатных и письменных инструкций было затруднительно по причине неправильного функционирования почты, было принято решение сформировать летучие отряды организаторов и агитаторов из уездов, обучать их в Костроме, а затем уже посылать группами по 10 человек на уезд [1, л. 21].

Таким образом, несмотря на сопротивление со стороны кулаков, части интеллигенции и духовенства, партия продолжала активную деятельность, направленную на увеличение местных партийных организаций, усиление роли большевиков в жизни Костромской губернии. В дальнейшем данные решения способствовали формированию большевиками в стране однопартийной системы.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Костромской области. ФП-1. Оп. 9. Д. 2.
2. Там же. Д. 3.
3. Там же. Д. 4.
4. Данилов В.А., Овчаров Г.А Формирование руководящих структур партии большевиков в первые послереволюционные годы // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом. Новосибирск, 2015. № 2.

5. *Карр Э.* Большеви́стская революция. 1917–1923. М., 1990. Т. 1.
6. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.12.2024). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010143&intelsearch=%EA%EE%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%FF+%F0%F1%F4%F1%F0> (дата обращения: 23.12.2024).
7. *Баевский Д.А.* Из истории строительства большевистской партии (октябрь 1917 – март 1919) // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 3–21.

УДК 94(47).083

М.В. Медоваров,

доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

РУССКАЯ ПРЕССА О ДОГОВОРАХ О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СКАНДИНАВСКОМ РЕГИОНЕ (1907–1908 гг.)*

Аннотация. Статья посвящена реакции российских газет и журналов на заключение Христианийской конвенции 20 октября (2 ноября) 1907 г. о безопасности Норвегии и Петербургской декларации 10 (23) апреля 1908 г. о безопасности на Балтийском море. Исследуются причины различных оценок этих международных договоров или их отсутствия.

Ключевые слова: независимость Норвегии, Христианийская конвенция, Балтийская декларация, русское общественное мнение.

M.V. Medovarov,

Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

THE RUSSIAN PRESS ON COLLECTIVE SECURITY TREATIES IN THE SCANDINAVIAN REGION (1907–1908)

Abstract. The article is devoted to the reaction of Russian newspapers and magazines to the conclusion of the Christiania Convention of 20 October (2 November) 1907 on the security of Norway and the St. Petersburg Declaration of 10 (23) April 1908 on the security in the Baltic Sea. The reasons for the different assessments of these international treaties or their absence are examined.

Keywords: independence of Norway, Christian Convention, Baltic Declaration, Russian public opinion.

© Медоваров М.В., 2025

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

Россия, охваченная революцией 1905 г., стала первой страной в мире де-юре признавшей независимость Норвегии от Швеции. Русская пресса всех направлений приветствовала этот акт, что сопровождалось формированием достаточно положительного образа России в Норвегии [1; 2; 3; 4] и продолжением роста в Швеции антироссийских настроений. Панические ожидания шведами русского вторжения в Норвегию и захвата Нарвика были предметом насмешек в норвежском общественном мнении, а русско-норвежские отношения после 1905 г. развивались конструктивно, охватывая целый комплекс проблем [5; 6]. Вместе с тем будущее Скандинавского региона после этих событий оставалось неопределенным: рассматривались разные проекты, вплоть до заключения Панскандинавского союза [7], что повлекло бы серьезные угрозы безопасности всей Европы. В России опасались шведского вторжения в Финляндию и даже далее, в прогерманской Швеции – российского и британского вторжения, причем Свен Гедин всерьез опасался, что «в союзе с Россией Норвегия может выступить против нас» [8, с. 4].

Переломными моментами в изменении международного статуса региона явились акты подписания многосторонних договоров о безопасности. 20 октября (2 ноября) 1907 г. Россия, Германия, Великобритания и Франция подписали в Христиании конвенцию о безопасности и неприкосновенности территории Норвегии. 10 (23) апреля 1908 г., в Петербурге была заключена декларация о неприкосновенности территорий государств Балтийского моря. Ее подписали Россия, Германия, Швеция и Дания. В тот же день в Берлине Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды, Дания и Швеция подписали декларацию о статус-кво на Северном море. Эти акты существенно улучшали безопасность России в Скандинавском регионе и теоретически оставляли за ней право поднимать вопрос о милитаризации Аландских островов.

Реакция русской прессы на данные события оказалась куда более сдержанной, чем на становление норвежской независимости в 1905 г. Тогда Норвегия казалась всем примером установления конституционной монархии и рассматривалась через призму внутрироссийской повестки дня. Теперь же осенью 1907 г. международный договор о Норвегии интересовал публику гораздо меньше, чем происходившие одновременно выборы в III Государственную Думу или события на полях Гаагской конференции. К тому же информация о договорах доходила до прессы с опозданием от 2 до 5 дней.

Из «толстых» журналов того периода лишь один «Вестник Европы» упомянул содержание деклараций апреля 1908 г.: «Эти международные акты соответствуют общему современному стремлению культурных наций к мирным соглашениям для избежания будущих

политических замешательств или недоразумений, и в этом смысле они должны считаться безусловно благоприятными для интересов прочного мира в Европе» [9, с. 448].

Умеренно-правое «Новое слово» отреагировало на рассматриваемые договоры очень краткими заметками. Отмечалось, что конвенция в Христиании увенчала переговоры, шедшие более года, и отменила ноябрьский трактат 1855 г., и что полный текст новой декларации и договора 1907 г. будет засекречен вплоть до вынесения его на ратификацию норвежского стортинга [10]. В апреле 1908 г. газета упомянула о подписании Берлинской конвенции о Северном море, но умолчала о Петербургской конвенции о Балтийском море [11].

«Московские ведомости» по случаю подписания Христианийской конвенции 1907 г. промолчали, но в тот же день опубликовали аналитическую статью о политике трех скандинавских королевств в области безопасности. Отметив строгий нейтралитет Норвегии, газета интерпретировала активное вооружение Швеции и Дании как чисто оборонительную меру [12]. Относительно заключения Петербургской конвенции 1908 г. «Московские ведомости» ограничились перепечаткой телеграммы с кратким изложением содержания договора и официальным разъяснением о неприменимости договора к реализации суверенных прав, например, на Аланды [13; 14].

Умеренно-либеральные «Санкт-Петербургские ведомости» следили за ситуацией внимательнее прочих газет, посвятив Христианийской конвенции три заметки. Сначала они перепечатали мнения шведских газет «Стокгольм дагблад» и «Свенска дагбладет» [15]. Затем они подчеркнули отмену антироссийского договора 1855 г., содержащуюся в новой конвенции, и привели мнение английской «Таймс» о ее антишведском характере [16]. Спустя неделю «Санкт-Петербургские ведомости» называли ее не иначе как «договором о нейтралитете Норвегии» и соглашались с мнением «Таймс», называя его «бестактным и несправедливым», «оскорбительным для Швеции» [17]. Утверждалось, будто Швеция просила для себя таких же гарантий от великих держав и аналогичного договора, но Норвегия не согласилась на это. В апреле 1908 г. «Санкт-Петербургские ведомости» трижды освещали подписание конвенции о Балтийском море. Сначала они перепечатали телеграмму ПТА о ее подписании [18], затем вслед за английской и немецкой прессой подчеркнули заявление Лондона и Парижа о сохранении в силе запрета 1856 г. России укреплять Аландские острова [19], при этом в дружественном тоне описав визит шведского короля в Россию [20].

Три леволиберальные газеты («Русские ведомости», «Русское слово», «Речь») уделили неравное внимание скандинавским конвенциям.

«Русское слово» сначала в спецвыпуске сообщило о подписании Россией, Англией и Францией в Христиании акта об отмене договора 1855 г. и новой конвенции (с участием Германии) о «неприкосновенности Норвегии» [21]. Сутками позже газета посвятила подписанному договору серьезную аналитическую статью, сделав акцент на его антишведском характере и на устранении Швеции (по инициативе Франции) от самого процесса тайных переговоров, предшествовавших подписанию [22]. «Русское слово», как и «Санкт-Петербургские ведомости», перепечатало резкие заметки двух шведских газет, обвиняющих великие державы в пристрастности и антишведском сговоре.

«Русские ведомости» тоже перепечатали мнение стокгольмской прессы о Христианийской конвенции, упрекая и Норвегию, и великие державы во враждебных замыслах против миролюбивой Швеции, в провоцировании конфликтов в Скандинавии путем выдачи «гарантий» норвежцам [23]. Отвергая аналогичные «гарантии» для себя, Швеция утверждала свой суверенитет и клеймила Норвегию как вассала великих держав. Со своей стороны, «Русские ведомости» повторяли оценку Христианийской декларации как отмены антироссийского договора 1855 г. и замену его на антишведские гарантии [24]. О подписании Берлинской и Петербургской деклараций в апреле 1908 г. «Русские ведомости» лишь сухо проинформировали читателей [25]. На следующий день газета со ссылкой на ПТА разъяснила нюансы договора и отметила содержащийся в нем запрет апеллировать к договору при осуществлении суверенных прав держав (что, конечно, относилось к Аландским островам) [26].

Кадетская «Речь» подчеркнула два важнейших момента обеих конвенций: сохранение территориального статус-кво всех держав на берегах обоих морей и отмену антироссийского Стокгольмского договора 1855 г. [27] Панславист А.Н. Брянчанинов разъяснял в «Речи» смысл названных соглашений в крайне миролюбивом духе [28]. Подчеркивая отсутствие прямого упоминания Аландских островов в декларации 1908 г., А.Н. Брянчанинов указывал, что условия Парижского мира об их демилитаризации продолжают действовать, что шведы справедливо боятся укрепления их Россией, а Россия продолжает нести старые обязательства и не должна укреплять Аланды. А.Н. Брянчанинов упрекал «Новое время» и «Русь» в прогерманской позиции ввиду их желания пересмотреть статус Аландских островов и объявить Парижский мир 1856 г. уничтоженным. По мнению публициста, в Берлине хотят при помощи аландского вопроса посорить Англию либо с Швецией, либо с Россией, тем самым толкнув последнюю на сближение с Германией.

«Биржевые ведомости», в отличие от других газет, обвинявших Францию в недопущении Швеции к подписанию Христианьейской конвенции, приводили мнение МИДа и прессы Франции, утверждавших, что Париж стремился помирить Швецию с Норвегией, а неучастие Стокгольма было обусловлено стремлением остальных держав побыстрее заключить конвенцию [29]. В апреле 1908 г. «Биржевые ведомости», наряду с телеграммой о соглашениях о Балтийском и Северном морях [30, с. 2], опубликовали полноценную аналитическую статью о значении подписанных актов. Подчеркивалось, что эти договоры составляют единый пакет с одновременно подписанным актом об отмене Стокгольмского договора 1855 г. Газета утверждала, что отныне мир между Россией, Швецией и Норвегией обеспечен и что Швеция якобы «пошла навстречу желаниям России в пресловутом аландском вопросе» [30, с. 1]. Полагая, что Россия может сочетать право де-юре укреплять Аландские острова с де-факто отказом это делать, автор статьи воспринимал свершившиеся договоры как «приятный подарок» к Пасхе. «Биржевые ведомости» единственными в России цитировали мнение датской газеты «Данеброг», восхвалявшей англо-германскую договоренность как основу для подписания соглашений, столь выгодных для малых стран [31]. «Биржевые ведомости» отметили в шведской прессе призывы к дружбе с Россией и миролюбию, а во французской – уверенность, что новые конвенции упрочат мир в Европе [32].

Многие органы русской печати просто проигнорировали заключение коллективных договоров о безопасности по Скандинавии в 1907–1908 гг. Нами выявлены отклики лишь семи газет и одного журнала, неравные по подробности и ценности. Как правая, так и либеральная пресса оказалась сдержанной в оценках, скупое приветствуя надежды на мир в регионе. Ни одно периодическое издание не заняло антишведскую позицию; более того, либералы, в отличие от 1905 г., изменили свою точку зрения с пронорвежской на прошведскую, достигшую апогея у А.Н. Брянчанинова в «Речи». Лишь «Биржевые ведомости» усматривали в договорах о Скандинавии 1907–1908 гг. шанс для России построить крепости на Аландских островах, в то время как остальные газеты исключали такую возможность.

Библиографический список

1. Садова Л.А. Российская общественность о расторжении шведско-норвежской унии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 131–137.
2. Садова Л.А. Российская империя и расторжение шведско-норвежской унии в 1905 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 131–149.

3. *Исаев М.А.* Расторжение шведско-норвежской унии в 1905 г. К столетию годовщины // Московский журнал международного права. 2009. № 2 (74). С. 146–168.
4. *Топтунов А.А.* От «чудовища» к «охотнику»: изменение образа России в Норвегии на фоне распада шведско-норвежской унии // Сотрудничество и соперничество в циркумполярном регионе: история и современность. Вып. 2. Архангельск: Кира, 2016. С. 105–110.
5. *Осинова Е.А.* Проблема определения границы России и Норвегии (1905–1907) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5. С. 5–9.
6. *Карелин В.А.* Российско-норвежские торгово-экономические связи: хлебная торговля в довоенный период 1905–1914 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, № 8 (130).
7. *Гусева Н.С.* Россия и проблема заключения Панскандинавского союза в контексте разрыва шведско-норвежской унии (по материалам донесений военного агента и императорских посланников России в скандинавских странах за 1905 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 5 (103). С. 30–34.
8. *Гриценко С.А.* «Прогерманизм» как явление в политической жизни Швеции в последней трети XIX – начале XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, № 7 (81). С. 4.
9. Вестник Европы. 1908. № 5. С. 437–448.
10. Новое время. 1907. 21 октября (3 ноября). № 11354. С. 2.
11. Там же. 1908. 11 (24) апреля. № 11524. С. 2.
12. Московские ведомости. 1907. 21 октября. № 241. С. 4.
13. Там же. 1908. 11 апреля. № 85. С. 3.
14. Там же. 12 апреля. № 86. С. 1.
15. Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 23 октября (5 ноября). № 234. С. 5.
16. Там же. 25 октября (7 ноября). № 236. С. 3.
17. Там же. 27 октября (9 ноября). № 238. С. 4.
18. Там же. 1908. 11 апреля. № 84. С. 6.
19. Там же. 18 апреля. № 87. С. 4.
20. Там же. 19 апреля. № 88. С. 4.
21. Русское слово. 1907. 22 октября. № 242. С. 1; 23 октября. № 244. С. 4.
22. Там же. 25 октября. № 245. С. 2.
23. Там же. 23 октября. № 242. С. 2.
24. Русские ведомости. 1907. 25 октября. № 244. С. 4–5.
25. Там же. 1908. 11 апреля. № 85. С. 2.
26. Там же. 12 апреля. № 86. С. 2.
27. Речь. 1908. 11 (24) апреля. № 87. С. 2.
28. Там же. 12 (25) апреля. № 88. С. 1–2.
29. Биржевые ведомости. 1907. 24 октября. № 10164. С. 2; № 10165. С. 2.
30. Там же. 1908. 11 апреля. № 10448. С. 1–2.
31. Там же. 12 апреля. № 10450. С. 2.
32. Там же. № 10451. С. 3.

В.С. Околотин,

заведующий кафедрой истории России, Ивановский государственный университет (Иваново)

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ И РЕПАРАЦИИ
В ЭКОНОМИКЕ РОДНИКОВСКОГО РАЙОНА
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1945–1946 гг.)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию труда военнопленных в Родниковском районе Ивановской области, их быте, а также использованию имущества, поступившего в СССР в счет репараций из Германии. Для ее подготовки использованы материалы из Государственного архива Ивановской области, а также местной периодической печати

Ключевые слова: Великая Отечественная война, комбинат «Большевик», военнопленные, лаготделение, строительство, узкоколейка, репарации.

V.S. Okolotin,

Head of the Department of Russian History, Ivanovo State University (Ivanovo)

**PRISONERS OF WAR AND REPARATIONS IN THE ECONOMY
OF THE RODNIKOVSKY DISTRICT
OF THE IVANOV REGION (1945–1946)**

Abstract. The article is devoted to the study of the labor of prisoners of war in the Rodnikovsky district of the Ivanovo region, their way of life, as well as the use of property received in the USSR due to reparations from Germany. For its preparation, materials from the State Archive of the Ivanovo region, as well as local periodicals, were used.

Keywords: The Great Patriotic War, the Bolshevik combine, prisoners of war, lag division, construction, narrow-gauge railway, reparations.

В конце Великой Отечественной войны немцы и их союзники все же побывали на родниковской земле, но не в качестве завоевателей, а в виде рабочей силы, выполнявшей различные виды работ. Сохранились архивные материалы и свидетельства очевидцев, которые помогают получить представление об этой странице истории Родниковского района.

Итак, согласно архивным документам вопрос о привлечении военнопленных в качестве рабочей силы на комбинат «Большевик» рассматривался еще в 1944 г. Об этом свидетельствует ответ начальника управления по делам о военнопленных и интернированных генерал-майора Петрова секретарю обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцеву от 11 марта

1944 г. под грифом «секретно». В нем сообщалось, что управление конвойных войск НКВД СССР из-за недостатка в боевом составе, а также исходя из нерентабельности организации лаготделений с численностью контингента в 200 человек, выделить военнопленных для работы на текстильном комбинате «Большевик» (Родники) в настоящее время не может [1].

Несмотря на отрицательный ответ данный вопрос, по всей вероятности, продолжали решать. 15 февраля 1945 г. приказом директора комбината М.А. Сорокина строительному отделу было предложено в срочном порядке завершить подготовительные работы по приему военнопленных в Хлябове. Для этого требовалось построить забор, четыре вышки, проходную будку и завершить эту работу к 1 марта 1945 г. [2. Д. 47. Л. 52]. Первая партия военнопленных для строительства узкоколейной железной дороги Хлябово – Родники прибыла в Хлябово в начале мая 1945 г. Начальником строительства дороги приказом зам. директора В.И. Шевченко от 7 мая 1945 г. был назначен П.В. Кукушкин.

Вторая партия военнопленных примерно около 350 человек поступила в конце мая 1945 г. Для ее приема была срочно расширена территории лагеря, оборудован второй барак и перенесен забор. На кухне были установлены два новых котла и перенесена раздатка. Контроль за осуществлением строительных работ по расширению лагеря был возложен на начальника строительного отдела В.И. Кочетова [2. Д. 47. Л. 165]. В течение мая во временное пользование «штабу военнопленных» были переданы 3 шкафа и один железный сундук, а также пишущая машина системы «Мерседес» [2. Д. 51. Л. 153, 137]. В сентябре 1945 г. ему была также передана швейная машина, по всей вероятности для самостоятельного ремонта пленными своей одежды.

Однако строительством лагеря для военнопленных в Хлябове не ограничились. Сохранилось распоряжение М.А. Сорокина по комбинату «Большевик» от 5 мая 1945 г., которым начальнику ВСО (вооруженная стрелковая охрана) Лоскутову было предписано в срок до 10 мая освободить караульное помещение, занимаемое стрелками, для «отделения лагеря военнопленных и конвойной охраны». Стрелковая охрана комбината переводилась в помещение технической библиотеки, а последняя в помещение агитпункта [2. Д. 51. Л. 139].

По всей вероятности, первоначально условия для содержания военнопленных в Родниках не отвечали предъявляемым требованиям, и комбинат был вынужден срочно дооборудовать лагерь. Для этого была сооружена предупредительная зона к отделению лагеря, установлен дополнительный столб с электролампочкой, восстановлено освещение на других опорах и установлена сигнализация на вышках, а также перенесены нары для шоферов в помещение военной службы и т. д. Кроме

этого, строительному отделу по просьбе командования конвоя было предписано изготовить 20 табуреток и 20 тумбочек [2. Д. 51. Л. 152].

24 мая 1945 г. при директоре комбината состоялось узкое техническое совещание, посвященное рассмотрению проекта постройки узкоколейной железной дороги Родники – Хлябово. От лагеря военнопленных на нем присутствовали Стукман, Милашова и Кукушкин. В ходе обсуждения мер по реализации проекта Стукман попросил дирекцию комбината не распылять имеющийся контингент пленных и направлять их на работу большими партиями для удобства в конвоировании. По его словам, как только зона будет готова, прибудет 3-я партия военнопленных. Однако для вывода пленных на работу необходима спецодежда и обувь. Его заверили, что инструментом военнопленные будут обеспечены, а в качестве обуви им будут пошиты чуни.

Итог обсуждению подвел М.А. Сорокин. Он предложил сформировать штат строительства, наделить его полномочиями, а его начальника по статусу приравнять к заместителю директора. Поверку трассы он предложил начать 25 мая для того, чтобы определить, где лучше начать работы. Их лучше осуществлять по графику, утвержденному директором комбината и Главком. Наркомат, сообщил М.А. Сорокин, обещал принять все меры для снабжения строительства дороги, в том числе и выделить автотранспорт.

Пошив спецодежды, а также палаток он предложил возложить на мастерскую ОРСа, а также надомниц. Обувью для военнопленных должны стать веревочные лапти (веревка у нас есть), которые они должны изготовить самостоятельно. Начать строительство дороги, по его словам, целесообразно от топливной будки и котельных. В части мостов, говорил он, будет правильно использовать проекты, разработанные в годы войны, но возможно с небольшими коррективами [2. Д. 51. Л. 38–38 об.].

Говоря о подготовке к строительству, следует назвать и тот факт, что в середине мая бригада рабочих с комбината из 6 человек была командирована в Восточную Пруссию для отгрузки в счет репараций в его адрес рельс и паровозов [2. Д. 51. Л. 147].

Работы по строительству узкоколейной дороги были начаты в июне 1945 г. Однако, несмотря на привлечение военнопленных, рабочей силы для ее строительства не хватало. В июле Родниковский ордена Ленина комбинат «Большевик» объявил набор на постройку железной дороги, зданий и сооружений рабочих разных квалификаций, а также прорабов, техников, десятников и нормировщиков. Им обещалось жилье, питание в столовой и оплата труда по соглашению [3].

В течение лета было выполнено большое количество земляных работ и завершена разработка проекта дороги. Осенью 1945 г. было

решено перевести военнопленных на комбинат «Большевик» и лагерь в Хлябове был закрыт. Это решение было принято начальником управления лагерей 6 октября 1945 г. Из данного документа следует, что начальником лаготделения №1 в Родниках значился гвардии капитан И.И. Шагин [2. Д. 47. Л. 354а]. 20 ноября 1945 г. начальником строительства узкоколейной железной дороги Родники – Хлябово был назначен В.М. Вихляев [2. Д. 47. Л. 383].

В.Д. Сафронов, почетный гражданин Родниковского района, в своих воспоминаниях так рассказывал о быте военнопленных: «Одежды пленные были в ту же одежду, что носили на фронте: короткие куртки и брюки, заправленные в низкие сапоги с толстыми подошвами. На головах – высокие фуражки-котелки с закругленным козырьком. И вся эта униформа какого-то неприятного серо-зеленого цвета. Ни у кого не было ни погон, ни нашивок, никаких-либо других регалий. На пленных смотрели мы по-детски наивно, но с каким-то боязливым интересом. Все понимали, что это враги, принесшие на нашу Родину страшную войну. Но явной злобы никто к ним не проявлял, в городе не было никаких враждебных актов по отношению к бывшим оккупантам.

Жили военнопленные в бараках возле бывшего конного двора, на территории нынешнего автотранспортного предприятия. Охраняли их наши солдаты с красными погонами. По городу военнопленные всегда ходили колонной, под конвоем. По одиночке их никогда не выпускали.

Сегодня, спустя многие годы, я все больше убеждаюсь в том, что наш русский народ велик не только своей численностью, но и своим духом. Величие этого духа в народном добродушии, незлобivosti. Сердечная доброта – исконно национальная черта русского народа. И пусть она не вырождается, несмотря на сегодняшние нелегкие времена» [4].

Другой очевидец, ветеран труда В. Смирнов, рассказал о военнопленных следующее: «Я немецкий начал учить с первых дней войны – в Белоруссии, в Брестской области. Потом были два немецких лагеря, Германия. Так что, к 10 годам, когда стал жить в Родниках, немецкий знал довольно хорошо.

Вспоминается один случай. В очередной раз мы гуляли около железнодорожной линии. Нас подозвал один немец и попросил купить курева (я его понял). Дал мне деньги, а сколько сейчас уже не помню. С приятелями пошли в магазин «горпо». Дошли до него, постояли, поспорили и... подались в город. Сходили в кино. Короче, все деньги прогуляли. Потом несколько дней там, где работали немцы, не появлялись. И побаивались, и было стыдно. До сих пор сожалею об этом.

Помню, как немцев отправляли домой. Вагоны, украшенные еловыми ветками, транспарантами и портретами тогдашних руководителей

ГДР, стояли напротив теперешнего профилактория «Орбита». Немцы играли на губных гармошках, на аккордеонах. Им было, конечно, весело – они ехали домой.

Ну а железная дорога Родники – Хлябово, я думаю, сослужила хорошую службу нашему району. По ней возили не только торф, но и кирпич, строевой лес, дрова и даже... грибы» [5].

Относительно узкоколейной железной дороги Родники – Хлябово следует сказать, что постановлением бюро обкома ВКП(б) Ивановской области от 9 августа 1946 г. она была объявлена народной стройкой. Кроме ресурсов ордена Ленина комбината «Большевик» на ее строительство были привлечены силы Лухского и Родниковского районов. За каждым из них был закреплен соответствующий участок дороги. Так, Лухский район методом народной стройки должен был завершить участок трассы длиной 11 км от Хлябово до деревни Нестерова, а Родниковский район оставшуюся часть от д. Нестерова до Родников протяженностью 16 км [2. Д. 51. Л. 24]. Поэтому кроме военнопленных эту дорогу также строило местное население Родниковского и Лухского районов.

Согласно архивным документам, кроме военнопленных, в восстановлении экономики района было задействовано также трофейное имущество, поступившее в нашу страну, в том числе и Ивановскую область, в счет репараций. Речь идет о двух турбогенераторах мощностью в 2000 и 275 кВт, которые согласно указанию наркома текстильной промышленности И.К. Седина были направлены в Родники для установки на Ордена Ленина меланжевом комбинате «Большевик».

Их монтаж был осуществлен досрочно силами монтеров комбината под руководством шеф-монтера М.Е. Орловского и инженера А.А. Жукова. За самоотверженную работу в процессе монтажа турбогенераторов приказом М.А. Сорокина денежными премиями и отрезами по 4 метра одежной ткани были награждены: главный механик комбината А.С. Шилов, зам. главного механика Н.А. Охапкин, шеф-монтер М.Е. Орловский, инженер А.А. Жуков, заведующий электроотделом Б.С. Филиппов и его заместитель М.Г. Годовицын, а также монтеры П.А. Туманов, М.А. Коконов, В.Я. Малышев, П.А. Смирнов, И.К. Кузнецов, Г.Я. Гусаров, И.Ф. Кальцов, М.И. Суханов, А.К. Кузнецов, Г.Ф. Лебедев, А.П. Смирнов, Н.С. Беляков и С.А. Кузнецов [2. Д. 50. Л. 45]. Благодаря установке турбогенераторов с 13 февраля 1946 г. комбинат стал работать в 3 смены при уменьшении лимитов электроэнергии, отпускаемой с ИвГРЭС [2. Д. 50. Л. 48].

Для восстановления страны вновь был необходим напряженный труд советских людей, связанный с лишениями и постоянным отсут-

ствием самого необходимого. В документах того времени была определена и конечная цель такого труда. В постановлении, принятом на совещании районного партактива 26 апреля 1946 г., говорилось, что встречая с большой радостью новую сталинскую пятилетку, советский народ готов отдать все свои творческие силы и энергию за дело восстановления и развития народного хозяйства СССР и «победоносного движения к коммунизму» [2. Д. 51. Л. 24].

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7. Д. 1157. Л. 31.
2. Там же. ФР-197. Оп. 4.
3. Родниковский рабочий. 1945. 5 июля.
4. Сафронов В.Д. Военнопленные в Родниках // Родниковский рабочий. 1998. 13 мая.
5. Смирнов В. И я помню военнопленных // Родниковский рабочий. 1998. 3 июня.

УДК 94(47).084

А.Д. Реутова,

доцент, Ивановский государственный медицинский университет (Иваново)

ДЕТСКИЕ ТРУДОВЫЕ КОММУНЫ В 1920–1930-е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассказывается об организации детских трудовых коммун. Основанные на принципах самоуправления и трудового воспитания они помогли вернуть в общество большое количество несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова: беспризорность, трудовые колонии, советская власть, Ф.Э. Дзержинский.

A.D. Reutova,

Associate professor, Ivanovo State Medical University

CHILD LABOR COMMUNES IN THE 1920–1930s

Abstract. The article describes the organization of children's labor communes. Based on the principles of self-government and labor education, they helped to bring back a large number of juvenile offenders to society.

Key words: Homelessness, labor colonies, the Soviet government, F.E. Dzerzhinsky.

В начале двадцатых годов прошлого века Советскую Россию захлестнула волна беспризорности. Несколько миллионов детей оказались на улице, попав под влияние которой, многие беспризорники оказались втянутыми в преступную среду. Для борьбы с беспризорностью советская власть использовала самые разнообразные меры. Одной из них стало создание детских трудовых коммун.

Трудовые коммуны представляли собой воспитательные учреждения интернатского типа. В них направлялись ребята школьного возраста обоих полов чаще всего от 13 до 16 лет, но как показала практика, часто в данные организации попадали молодые люди до 21 года и даже 25 лет. Естественно, повышенное внимание в них уделялось трудовой подготовке. Идея организации трудовых коммун не была новой. Первые попытки создания подобных учреждений были предприняты ещё в до-революционной России и на Западе.

В начале 1920-х гг., признавая детские дома наиболее совершенной формой педагогического воздействия, очередной задачей, поставленной перед ними, было дать детям трудовое воспитание. Государство было обеспокоено увеличивавшимся числом детей, находившихся под влиянием улицы и ведущих аморальный образ жизни. Считалось, что заставить ребёнка забыть о прошлом и прокормить в настоящем мог только труд. Поэтому труд рассматривался как важнейший элемент в деле борьбы с беспризорностью, который «стоит в неразрывной связи с общественными задачами восстановления народного хозяйства» [2].

Трудовые коммуны стали создаваться при ГПУ – ОГПУ для несовершеннолетних правонарушителей по инициативе Ф.Э. Дзержинского. Для размещения подростков приспособлялись имевшиеся помещения, в том числе монастырские и бывшие дворянские особняки. В то время не существовало чёткого определения понятию «детская трудовая коммуна». Поэтому данный тип учреждений часто назывался детской трудовой колонией. В трудовых коммунах-колониях активно использовались принципы самоуправления и самообеспечения. На местах реорганизация ряда детдомов в трудовые производящие коммуны началась с 1922 г. В трудовые коммуны отправлялись не только беспризорники, но и переводились юные правонарушители из мест заключения. Правда осуждённых за тяжкие уголовные преступления, как и за политические, не брали. Если в коммуны поступал подросток из тюрьмы, где он имел срок от двух до пяти лет лишения свободы, то точно такой же срок он должен был отбыть и в трудовой коммуне, после чего становился полноправным членом советского общества и мог отправиться в любую точку Союза.

Члены трудовых коммун не только привлекались к общественно-полезному труду, но и получали начальное образование, а с середины

двадцатых годов – среднее. Инициатива в приобретении знаний нередко исходила от самих воспитанников, у которых просыпался интерес к естественным наукам, вызванный работой в производственных мастерских. Образование давало возможность получить хорошую квалификацию, а значит и заработок. Над отдельными коммунарами брали шефство вузы. В таком случае у вчерашних хулиганов появлялась возможность получить высшее образование.

Большое внимание уделялось свободному времени воспитанников. В трудовых коммунах открывались клубы, различные кружки и спортивные секции. Досуговая деятельность развивалась в духе того времени. В коммунарской среде активно работали профсоюзная и комсомольская организации.

Первоначально, многие подростки с недоверием относились к коммунарам. Это было вызвано разными причинами. Часто привыкшая к безнадзорной жизни молодёжь не хотела и не умела работать. Так, воспитанник детдома Василий Морозов в письме к Н.К. Крупской в 1924 г. писал следующее: «... все у нас разъезжаются, потому что всех хотят отправить в колонию, а в колониях не чему не учат, а только работают...если нас отправят в колонию, то мы там ничему не научимся, и выйдут из нас не друзья советской России, а хорошие хулиганы» [5].

В художественной литературе чаще всего приводится очень удачный опыт таких коммун, как «Трудовая колония № 10 НКВД Украинской ССР им. М. Горького» (руководитель А.С. Макаренко), Трудовая коммуна № 2 ОГПУ им. Ф.Э. Дзержинского (под руководством Ф.Г. Мелихова), Болшевская Трудовая Коммуна (руководитель М.С. Погребинский, Московская обл.). Однако это были передовые учреждения в данной сфере во главе с отличными педагогами, ратовавшими за своё дело. Это были воспитательные трудовые организации, поддерживаемые властью. К сожалению, был и другой опыт. Недостаточно продуманная политика советского руководства, отсутствие необходимых материальных средств и людей, сочувствовавших беспризорным и бывшим преступникам, привели к тому, что к середине 1920-х годов воплощение идеи трудового воспитания стали замедляться. Не хватало мастерских и сельскохозяйственных колоний. А многие из тех, которые работали, представляли собой жалкую картину. В них отсутствовало в нужном количестве оборудование, инструменты, материалы. Трудовым обучением были охвачены не все подростки. Например, во Владимирской губернии находился единственный на весь регион трудовой воспитательный институт на 50 человек, а каких-либо отдельных мастерских не существовало [4]. Мало того, само указанное учреждение досталось советской власти в наследство от царского режима (основано

в 1892 г., первоначально называлось Владимирской исправительной ремесленно-земледельческой колонией для несовершеннолетних и беспризорных детей). В начале двадцатых годов прошлого века хозяйство института пришло в упадок, новое здание было разрушено. Имевшиеся в его распоряжении 32–36 десятин (34,9–39,3 га) земли оставались необработанными [6]. В подобных случаях из-за отсутствия нужных навыков фабрики и заводы не спешили брать на производство выпускников трудовых коммун и колоний. Поэтому в 1925 г. ВЦИК и СНК РСФСР подписали постановление [1], по которому Народный комиссариат труда был обязан размещать бывших воспитанников детских учреждений на производственные работы, в школы фабрично-заводского ученичества, как в счёт брони, так и в порядке сверх брони на правах первоочередности, наравне с детьми рабочих. Однако, это не привело в первой половине 1920-х гг. к коренным изменениям ситуации. А в тридцатые годы XX в. изменился и сам тип беспризорника.

В апреле 1935 года было принято постановление правительства о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних [7]. Теперь преступления подростков рассматривались уголовными судами. С этого времени к несовершеннолетним, начиная с двенадцатилетнего возраста, уличённых в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству и даже уличённых в совершении краж, применялись все меры уголовного наказания. В 1936 г. было заявлено, что с уличной беспризорностью в СССР покончено [3]. Поэтому к концу 1930-х гг. трудовые коммуны в своём первоначальном виде перестали существовать. Они были либо расформированы, либо преобразованы в производственные комбинаты и предприятия. А несовершеннолетних правонарушителей стали отправлять в специально приспособленные места лишения свободы. Это были исправительные учреждения для подростков, в отношении которых педагогические меры в детских учреждениях типа трудовых коммун оказывались безрезультатными.

Несмотря на то, что работа трудовых коммун не была чётко организована, тем не менее, они вернули к полноценной жизни тысячи подростков, оказавшихся однажды в криминальной среде.

Библиографический список

1. Богуславский М. О трудовом воспитании беспризорных // Правда. 1925. 2 октября.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). А-2306. Оп. 69. Д. 51. Л. 1.
3. Там же. Оп. 70. Д. 1110. Л. 7–37.
4. Там же. Д. 190. Л. 59.

5. Там же. А-7279. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.
6. На помощь беспризорному ребёнку. Владимирский трудовой воспитательный институт // Призыв: Орган Владимирского окружкома ВКП(б), ОКР-Исполкома и ОКРПрофсовета. 1923. 20 мая.
7. О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. Постановление ЦИК и СНК СССР // Советская юстиция. 1935. № 13. С. 11.

УДК 332.81:94(470.341)''195''

Г.Ш. Сагателян,

профессор, Международный юридический институт (Москва)

ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛЬЯ В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ В 1950-х ГОДАХ (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Освещаются проблемы низких темпов строительства жилья в Горьковской области в 1950-х годах, связанных с нехваткой ресурсов, финансирования, квалифицированных кадров, организации работ, а также выявляется необходимость перевода строительства жилья на индустриальную основу

Ключевые слова: жилищное строительство, низкая эффективность, нехватка материалов, невыполнение планов, кадры строителей, индустриализация строительства.

G.S. Saghatelyan,

Professor, International Law Institute (Moscow)

PROBLEMS OF HOUSING CONSTRUCTION IN THE RUSSIAN COUNTRYSIDE IN THE 1950s (BASED ON MATERIALS FROM THE NIZHNY NOVGOROD REGION)

Abstract. The problems of low rates of housing construction in the Gorky region in the 1950s, associated with a lack of resources, financing, qualified personnel, organization of work, are highlighted, and the need to transfer housing construction to an industrial basis is revealed

Keywords: housing construction, low efficiency, lack of materials, non-fulfillment of plans, construction personnel, industrialization of construction.

Жилищное строительство в СССР в 50-х годах XX века сталкивалось с многочисленными проблемами объективного и субъективного характера. Несмотря на огромные потребности в жилье, темпы его ввода не соответствовали потребностям населения. Только в конце 1950-х

годов произошел революционный переход на индустриальные методы строительства жилья.

Цель настоящей статьи показать их необходимость и значимость, для чего, по нашему мнению, следует осветить проблемы строительства жилья в российской глубинке (на материалах Нижегородской (Горьковской) области) накануне начала массового жилищного строительства.

Отметим, что если по промышленности Горьковская область в 1950-х была в числе передовых по СССР, то по жилищному строительству находилась в числе отстающих.

Бурное развитие промышленности в регионе в исследуемый период вызвало резкое увеличение численности промышленно-производственного персонала. Имея в виду низкий уровень обеспеченности жильем в предшествующий период, медленные темпы ввода жилья приводили к тому, что очереди не только не сокращались, но, наоборот росли.

И в таких непростых условиях большинство строительных организаций области работали неудовлетворительно. Так, государственный план по капиталовложениям по жилью в Горьковской области и городе Горьком за 6 месяцев 1953 г. был выполнен только на 36,5 %. Не менее удручающими были данные по вводу жилья. План ввода в эксплуатацию жилья по Горьковской области был выполнен всего на 12,4 %!

Возникает резонный вопрос, в чем причины такого катастрофического состояния дел. Их анализ показывает, что они были обусловлены низкой организацией труда, неэффективным использованием машин и механизмов. На стройках области царил вопиющая бесхозяйственность и расточительство. В Горьком, на объектах строительства не было ни проектов организации работ, ни суточных графиков, наряды рабочим до начала работ не выдавались, стали нормой массовые простои [4, л. 48–49]. В крупнейшем центре химической промышленности СССР, Дзержинске, положение было не лучше. План по сдаче жилья в 1953 г. здесь был выполнен на лишь 10,7 % [3, л. 22–33]. В г. Выкса, строители также провалили все планы по строительству и вводу жилья (17,9 % от плана) [4, л. 17].

Недостаточное внимание партийных и хозяйственных органов привело к тому, что на строительстве жилья перманентно не хватало строительных материалов, особенно кирпича, оконного стекла и др. Виной такого состояния дел были как местные и центральные планирующие органы, так и обыденная бесхозяйственность. Процветала ведомственность, низкая организация дел в строительной отрасли в целом.

Директор стеклозавода Жеребин, говоря о выполнении плана по строительству жилья, отмечал: «Развяжите нам сегодня оковы центра-

лизованного снабжения, дайте возможность больше кооперироваться, и каждый найдет такие способы и методы, чтобы помочь трудящимся выполнить эту задачу» [5, л. 28]. Такие высказывания находили повсеместную поддержку среди строителей.

Серьезной проблемой была текучесть кадров. Рабочие на стройках долго не задерживались. Как только находили подходящую работу, уходили. Так, на работу в тресте «Арзамасстрой» за 5 месяцев 1956 г. приняли 641 человек, а уволилось 310 работников [6, л. 23]. Понятно, что при такой текучести, не могло быть и речи о качественном и эффективном строительстве.

Не менее остро стояли проблемы качества жилья. Особенности планирования и хозяйственного механизма приводили к тому, что руководители строительных организаций стремились в первую очередь выполнить планы по вводу в строй количества квартир, квадратных метров. Поэтому, большинство объектов сдавались с многочисленными недоделками. Например, в Горьком на строительстве жилого дома по ул. Минина швы наружных стен местами не были заполнены раствором, кладка дымоходов выполнена с пустыми швами. Металлические балки были уложены без утепления, в местах примыкания деревянных перегородок к кирпичным стенам отсутствовала гидроизоляция [3, л. 46].

В Арзамасе в двух сданных жилых четырехквартирных домах в печах был выложен силикатный кирпич, который в течение 3-х месяцев выпал из стен печей и завалил дымоходы. В трубах образовались дыры, что угрожало возникновением пожаров [6, л. 49].

Низкие темпы строительства жилья приводили к тому, что процесс улучшения жилищных условий в Горьковской области был крайне медленным. Это вызывало недовольство населения, которое в условиях послевоенного мира, хотело жить в нормальных условиях. В начале 1956 г. на одного жителя в среднем приходилось: в Горьком – 4,3, а в области – 4,9 кв. м. жилой площади. Это средние цифры. Очень часто в комнате на 12–14 кв. метрах жили по 4–5, а иногда 7 человек, то есть приходилось по 2–3 кв. м. на человека. Минимальная площадь на каждого жителя в СССР была определена в 6 кв. м. Для того, чтобы довести площадь жилья до 6 кв. м. на человека, необходимо было построить 2,5 млн кв. м. жилья [4, л. 5]. Добавим к этому, что в 1956 г. 60 % жилого фонда Горького составляли деревянные дома. Значительная часть жилого фонда (около 1 млн кв. м.) состояла из временных бараков, пришедших в негодность и подлежащих сносу, а также из непригодных под жилье помещений [5, л. 87].

Отметим, что в Горьковской области медленный процесс улучшения дел со строительством жилья начался во второй половине 1950-х

годов. Началось широкое строительство недорогих квартир, которые впоследствии прозвали «хрущевками». Но благодаря их ускоренному строительству, удалось в сравнительно короткие сроки переселить большое количество людей из бараков и подвальных помещений. И многие люди в те годы были благодарны Н.С. Хрущеву за такое решение жилищной проблемы [2, с. 72].

Горьковский автозавод стал инициатором строительства жилья методом народной стройки. Он получил широкое распространение не только в Горьковской области, но и по всей стране. Понятно, что это было не от хорошей жизни. Но острота проблемы зашкаливала, поэтому власти поддерживали эту инициативу. Работники ГАЗа, только в 1957 г. ввели в эксплуатацию свыше 60 тыс. кв. м. жилой площади. Это составило около 80 % от жилой площади, полученной автозаводцами за годы пятилетку [1]. По Горьковской области в 1957 г. методом народной стройки было построено 136 тысяч кв. м. жилья [5, л. 9].

Нехватка строительных материалов приводила к тому, что строители стали использовать экзотические строительные материалы. Так, например, многие организации в 1956–1957 годах широко использовали камышит вместо кирпича. Достаточно сказать, что его выпуск в объеме 80 млн кв. метров позволял заменить примерно 8 млн штук кирпича. Горьковские речники привезли по Волге из Астрахани камышитовые плиты и построили несколько домов с применением в стенах камыша [5, л. 83].

Чтобы улучшить положение дел с кадрами строителей, власти вынуждены были гарантировать новым строителям предоставление жилой площади через год работы в размере 8–10 кв. м, а за каждый следующий год до 1960 г. включительно еще 5–7 кв. м. Заметим, что по тем временам это были весьма привлекательные предложения. Молодежь пошла на стройки. Газета «Автозаводец», отмечала, что молодые люди успешно овладевали строительными профессиями, повышали свое мастерство [1].

Необходимо отметить, что региональные власти изменили отношение к строительству жилья после принятия постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором была поставлена задача: в кратчайшие сроки достигнуть значительного прироста жилищного фонда [8, с. 195].

Тем не менее, автоматического улучшения дел не произошло. «Известия» информировали, что темпы жилищного строительства по стране в целом, и по отдельным республикам отставали от заданий пятилетки. Согласно этой информации, девятимесячный план сдачи жилой площади за 8 месяцев 1957 г. был выполнен в целом по СССР немногим более чем на 66 % [7].

Горьковская область также не справлялась с планами по строительству жилья. Подразделения главной строительной организации региона треста «Горьковоблстрой», по разным причинам, не справлялись с планами. Так, в СУ № 1 «Дзержинское» основной причиной невыполнения плана считали необеспеченность квалифицированной рабочей силой. Если план предусматривал для выполнения строительно-монтажных работ 414 человек, то фактически имели 340. Управление не располагало опытными прорабами и мастерами. Только за 1957 г. здесь сменилось 2 главных инженера [10, л. 7–8].

В целом, за 1957–1959 гг. ситуация в тресте не изменилась в лучшую сторону. В результате проверки деятельности треста в 1959 г. вскрылись многочисленные негативные факты. В 1959 г. план только каждый третий объект был вовремя введен в строй [5, л. 29]. То есть, не смотря на взятый правительством курс, региональные власти, не отошли от прежней практики, не уделяли должного внимания строительной отрасли.

Главной причиной невыполнения плана ввода важнейших государственных объектов являлось распыление материальных, трудовых и денежных ресурсов на многочисленные внеплановые объекты строительства. В практике строительных управлений укоренилась штурмовщина в работе. В отдельных организациях имели место массовые недовольства со стороны рабочих по причине длительной задержки зарплаты [5, л. 33, 46].

Перевод строительства на индустриальную основу стал насущной потребностью. В Горьком впервые крупнопанельное домостроение было начато в 1959 г. Первоначально работы выполнялись в цехе, производительность которого составляла 25 тыс. кв. м. жилой площади в год. В 1960 г. был введен в эксплуатацию завод крупнопанельного домостроения (КПД) № 1, мощность которого составляла 55 тыс. кв. м. жилой площади в год [11, л. 3]. В дальнейшем мощности ДСК непрерывно увеличивались как в регионе, так и в целом по стране. Видный руководитель строительного комплекса СССР И.Т. Новиков отмечал, что число домостроительных комбинатов в 1960–1970 гг. увеличилось с 8 до 129, а их суммарная мощность возросла с 1.445 тыс. кв. м. общей жилой площади в год до 20.950 тыс. кв. м., или в 14,5 раза [9, с. 111–112].

Приведенный материал свидетельствует о том, что в 1950-х гг. коренного сдвига в строительной отрасли не произошло, а, следовательно, темпы жилищного строительства в Горьковской области отставали от потребностей населения региона. Очереди на квартиры росли быстрее, чем сдавалось новое жилье. Строительные организации со слабой материально-технической базой и механизацией труда не справлялись

с планами ввода жилья. Болезненной проблемой всех строительных организаций была низкая квалификация работников всех уровней. Организация труда отставала от потребностей времени и, как следствие, приводила к низкой зарплате и текучести кадров. В совокупности это приводило к тому, что вместо планового снижения стоимости строительства жилья допускалось существенное его удорожание.

Можно констатировать, что, все принятые центральными и местными властями меры по улучшению организации жилищного строительства, ускорению ввода жилья в 1950-х гг. не давали должного эффекта. На материалах Горьковской области, очевидно, что на старой организационной и производственной базе, это было невозможно. Выход был один – перевод строительства на индустриальную основу. То есть, этот перевод стал закономерным этапом развития строительства жилья в СССР.

Библиографический список

1. Автозаводец. 1957. 1 сентября. № 173.
2. *Байбаков Н.И.* Сорок лет в правительстве. М.: Республика, 1993.
3. ГУ ГАНО (Государственное учреждение Государственный архив Нижегородской области) № 2. Ф. Р-2991. Оп. 1. Д. 15.
4. ГУ ГОПАНО (Государственное учреждение Государственный общественно-политический архив Нижегородской области). Ф. 3. Оп. 1. Д. 9702.
5. Там же. Оп. 2. Д. 526, 1177, 917.
6. Там же. Ф. 4752. Оп. 1. Д. 586.
7. Известия. 1957. 24 сентября. № 227.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. 1956–1960. М.: Политиздат, 1986. Т. 9.
9. *Новиков И.Т.* Научно-технический прогресс в строительстве. М.: Стройиздат, 1983. С. 111–112.
10. ГУ ЦАНО (Государственное учреждение Центральный архив Нижегородской области). Ф. 5990. Оп. 1. Д. 121.
11. Там же. Ф. 6332. Оп. 1. Д. 13.

Е.Ю. Синин,

старший научный сотрудник, экспозиционно-мемориальный отдел «Пресня»
Государственного центрального музея современной истории России (Москва)

«СЕЙ ПОВАР БУДЕТ ГОТОВИТЬ ТОЛЬКО ОСТРЫЕ БЛЮДА»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЕНИНСКОЙ ФРАЗЫ

Аннотация. Статья посвящена известному из мемуаров Л.Д. Троцкого и, по его мнению, сказанному в 1921 г. В.И. Лениным выражению «сей повар будет готовить только острые блюда». Выявляется, что источником слов для Л.Д. Троцкого был Г.Е. Зиновьев, который, вероятно, слышал их от Ильича. Хотя такая фраза могла быть им произнесена, но доподлинно это не обнаруживается. Однако время и контекст использования слов указывают на неё как подкреплённый событиями внутрипартийной борьбы антисталинский политический слух.

Ключевые слова: И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Л.Д. Троцкий, внутрипартийная борьба в 1920-е гг., большевики.

E.Yu. Sinin,

Senior scientist, Exhibition and Memorial Department "Presnya"
of the State Central Museum of Contemporary History of Russia

“THIS COOK WILL COOK ONLY SPICY DISHES”: THE HISTORY OF ONE LEININ PHRASE

Abstract. The article is devoted to probably belong to Lenin and was told in 1921 phrase “this cook will cook only spicy dishes”, which is famous from Trotsky’s memories. We maintain that Trotsky highly likely took this phrase from Grigory Zinoviev, who can hear it from Lenin. Although Lenin can to say this phrase, but we have not absolute proofs about it. However, we think that substances of using this phrase show it as antistalinist political rumor.

Keywords: Joseph Stalin, Grigori Zinoviev, Leon Trotsky, internal party struggle in 1920s, Bolsheviks.

Политическое мифотворчество носит обоюдоострый характер и регулярно порождает слухи. Они могут быть или не быть основанными на реалиях, но они всегда носят полемичный характер и часто начинают жить как исторический факт. Ярким примером этого является, вероятно, сказанная В.И. Лениным о И.В. Сталине фраза «сей повар будет готовить только острые блюда». Не имевшие однозначного источника слова были использованы как оружие во внутрипартийной борьбе, а характе-

ристика «остроты» генсека осталась частью его публичного образа и ныне попадает даже в школьные задания.

Самое известное упоминание фразы про «острые блюда» было сделано в вышедших в 1930 г. мемуарах Л.Д. Троцкого: «должность генерального секретаря, впервые на X съезде установленная, могла, при Ленине, иметь технический, а не политический характер. И, тем не менее, Ленин опасался: "Сей повар будет готовить только острые блюда" – говорил он о Сталине. Именно поэтому Ленин на одном из первых заседаний ЦК после Съезда так настойчиво подчеркнул "лояльность Троцкого"» [13, с. 202]. Также, по его мнению, И.В. Сталин стал генсеком против воли В.И. Ленина, но благодаря Г.Е. Зиновьеву [13, с. 202].

К 1930 г. Л.Д. Троцкий уже был выслан из СССР, а И.В. Сталин укрепился в Кремле. Контекст упоминания фразы про «острые блюда» был однозначным: И.В. Сталин победил преступно и вопреки В.И. Ленину, а истинный наследник вождя – Л.Д. Троцкий. В этой трактовке «острые блюда» наступили позже – при разгроме И.В. Сталиным внутрипартийной оппозиции, что Лев Давидович развил ещё в ряде работ – «Сверхборджия в Кремле», «Сталин», «Самые острые блюда ещё впереди», причём уточнил в них время произнесения слов – февраль–март 1921 г. [14; 15; 16]. С теми же целью и смыслами «острые блюда» встречались в других текстах. В «Открытом письме Сталину» (1939) невозвращенец Ф.Ф. Раскольников писал, что генсек – «повар, готовящий острые блюда, для нормального человеческого желудка они не съедобны» [17, с. 544]. Экономист-меньшевик Н. Валентинов указывал в 1950-е гг., что Л.Д. Троцкий опасался И.В. Сталина из-за его поста и умения «изготавливать острые блюда» [3, с. 11]. В 1980 г. один из бывших секретарей ЦК Б. Бажанов вспоминал фразу, но приписывал её появление в обороте Г.Е. Зиновьеву и говорил, что в момент появления слов они до него не дошли [2]. Однако все трое указали на них позднее Л.Д. Троцкого и, скорее всего, были знакомы с его мемуарами. Посему источник стоит искать у самого Льва Давидовича и упомянутого Бажановым Григория Евсеевича.

Обнаружилось, что и Л.Д. Троцкий, и Г.Е. Зиновьев упоминали «острые блюда» ранее 1930 г. – на октябрьском (1927 г.) объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). На фоне обострения преследования оппозиции Лев Давидович уверял, что «Сталин в качестве генерального секретаря внушал В.И. Ленину опасения с самого начала. Сей повар будет готовить только острые блюда – так говорил Ленин в тесном кругу X съезда», а Григорий Евсеевич высказался так: «Сталин вынужден угощать вас все более и более острыми блюдами, которые никак не лезут в рот партии» [8, с. 179, 199]. Интересно, что Л.Д. Троцкий говорил

про нарушение воли Ленина, а Г.Е. Зиновьев – нет. Но само упоминание обоими этих слов говорит, что они как минимум не были позднейшей выдумкой Л.Д. Троцкого.

«Острые блюда» действительно встречались не только на октябрьском пленуме. В ноябре 1927 г. Г.Е. Зиновьев комментировал внутривнутрипартийный раскол: «вот результат "острые блюда". Мы предупреждали» [10, л. 49]. А ранее, 23 сентября он же, И. Смилга и А. Петерсон подали заявление в ЦК с протестом против преследования меньшинства, считая, что генсек намеренно не давал оппозиции открыто опровергнуть обвинения, «потому, что те «острые блюда» (Ленин о Сталине), которые он готовит, можно изготовлять лишь в тесной компании», то есть, не допуская дискуссии [19, с. 251].

Самое раннее упоминание фразы нашлось в одном из хранящихся в РГАСПИ черновиков Г.Е. Зиновьева: «1921 / Избрание Ст[алина] секретарём вместо Крестинск[ого] / Передать беседы с В.И. о «поваре» и пр[очем]» [9, л. 85]. В тексте не было даты, поэтому её стоит восстановить по соседним заметкам на тему. В одной из них автор обратился к ленинскому «Письму к съезду» и последовавшим событиям: «2 ½ года без Лен[ина] – опасен[ия] Ленина / Лен[ин] сказал не только про грубость и не груб[ость] он считал главн[ым], а – неумение пользует[ься] громадн[ой] властью, сосредот[оченной] в рук[ах] Генсека» [9, л. 78]. В другой заметке мысль излагалась так: «действит[ельный] смысл завещ[ания] В. И.: 1) снимите Ст[алина], 2) вместе с Тр[оцким]» [9, л. 80]. Упоминание двух с половиной лет без Ленина конкретизирует время заметки о «поваре» – вторую половину 1926 г., что как раз было временем тесного антисталинского союза автора со Львом Давидовичем.

Зиновьевская заметка говорила о «беседах с В.И. о поваре» и необходимости их «передать». Но куда и кому передать? Более раннее, чем у Л.Д. Троцкого, время использования фразы вкупе с указанием одного из мемуаристов (Б. Бажанова) говорит о том, что именно Г.Е. Зиновьев мог передать её Л.Д. Троцкому и другим оппозиционерам. Стоит также сказать, что Григорий Евсеевич вполне мог услышать её от Ленина – памятью о вожде он дорожил и активно её использовал, что снижает вероятность фальсификации пассажа о «поваре» [18, с. 185]. Кроме того, Г.Е. Зиновьев ранее, летом 1923 г. сравнивал демократичность и последовательность В.И. Ленина со «свинством» и «единодержавием» И.В. Сталина, ссылаясь как раз на ленинское завещание [5, с. 197–198].

Но именно фраза про «острые» блюда далее зиновьевской заметки 1926 г. не находится. Бесспорных свидетельств произнесения или написания её В.И. Лениным нет, поздние упоминания нуждается

в анализе. И Л.Д. Троцкий, и Г.Е. Зиновьев утверждали, что «повар» и «острые блюда» были в 1921 г. на X съезде. Причём Лев Давидович привязал их к выборам генерального секретаря ЦК и совещанию у В.И. Ленина, а Григорий Евсеевич – к замене Н.Н. Крестинского в секретариате на Сталина. На X съезде совещание с избранным кругом лиц у В.И. Ленина по поводу секретариата и ЦК действительно было [22, с. 536, 540, 542, 891]. Там обсуждались кандидатуры в ЦК, причём тогдашний ответственный секретарь ЦК (и сторонник Л.Д. Троцкого) Н.Н. Крестинский вновь на неё намечен не был, по итогам съезда уступив её В.М. Молотову. Однако должность генерального секретаря в 1921 г. отсутствовала: её ввели по итогам XI партсъезда (1922 г.) и им стал И.В. Сталин. Но Г.Е. Зиновьев с Л.Д. Троцким вспоминали именно 1921 г. и замену И.В. Сталиным Н.Н. Крестинского. Представляется, что оба рассказчика постфактум слили в памяти отстранение Н.Н. Крестинского и избрание И.В. Сталина, а также отождествили «генерального секретаря» и «ответственного секретаря», что, например, делал уже на X съезде С.К. Минин, назвавший Н.Н. Крестинского «наш генеральный секретарь» [22, с. 98].

Что касается же избрания И.В. Сталина, то показания разнились. Г.Е. Зиновьев не упоминал вопрос вовсе, а Л.Д. Троцкий утверждал, что оно произошло против воли Ильича и по воле Григория Евсеевича. Здесь стоит обратиться к третьему мемуаристу, В.М. Молотову: «на XI съезде появился так называемый список десятки – фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников В.И. Ленина. И против фамилии И.В. Сталина рукой В.И. Ленина было написано: генеральный секретарь. В.И. Ленин организовал фракционное собрание десятки» [21, с. 181]. Молотовская интерпретация противоречила троцкистской: в ней В.И. Ленин не мог выступить против «острых блюд» генсека. Правда, В.М. Молотов говорил не о 1921 г., а о 1922 г. – мемуаристы могли иметь ввиду разные собрания. Однако, в современной историографии установлено, что избрание И.В. Сталина генсеком было проведено по инициативе В.И. Ленина, видевшего его организаторскую хватку [11, с. 63–64; 20, с. 100–102].

Но означало ли это, что Ильич не мог назвать И.В. Сталина «поваром», готовившим «острые блюда», т. е. политиком крутого нрава? Здесь стоит обратиться к контексту 1922 г. Продвинутый как противоязв Л.Д. Троцкому И.В. Сталин сумел наладить работу партаппарата и стал продвигать на посты свои кадры [11, с. 65–66]. Летом И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев решили оказать противодействие Л.Д. Троцкому, что было замечено Ильичом, предупредившим Л.Б. Каменева, чтобы они не думали «выкидывать Троцкого за борт» [4, с. 544].

Осенью укрепившийся генсек столкнулся с В.И. Лениным по вопросам образования СССР, в частности «грузинскому делу», в ходе которого проявил негативно расцененную вождем грубость. А в конце декабря случился и личный конфликт, вызванный нетактичным поведением И.В. Сталина в отношении Н.К. Крупской, завершившийся к марту 1923 г. угрозой Ильича порвать все личные связи.

В данном свете В.И. Ленин продиктовал «Письмо к съезду» и дополнения к нему [1, с. 36–38; 11, с. 67–71; 20, с. 106–111]. В науке установлен факт его подлинности, что не оспаривали и фигуранты [20, с. 112]. И хотя Ильич раскритиковал всех своих потенциальных преемников, но именно в адрес И.В. Сталина были выражены сомнения в распоряжении им «необъятной властью» и указано на его грубость с нетерпимостью, а также дана рекомендация снять с поста генсека [7, с. 345–346]. «Острота» И.В. Сталина была известна В.И. Ленину и ранее. Например, он мог её понять из полученного в ходе Царицынского конфликта (1918 г.) письма: «вдолбите ему (Троцкому. – *прим.*) в голову <...> Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело <...> Отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит» [12, с. 120–121]. Тот спор завершился отзывом И.В. Сталина В.И. Лениным с фронта, но до конца 1922 г. Ильич не заострялся на этой «остроте». И хотя у В.И. Ленина не встречались ни «повар», ни «острые блюда», именно его осведомлённость о сталинском нраве, и выраженная в конце 1922 г. реальная критика, дают основания полагать, что *в целом* сказать это вождь мог.

Хотя Ильич вероятно и говорил что-то похожее, но однозначно установить это уже не удастся. А время и характер их последующего использования заставляют думать, что перед нами классический пример *слуха*. «Острые блюда» вполне укладывается в социологическое понимание слуха как «повествования об особом событии вокруг особого героя, развивающегося как нарушение нормы (или предвосхищение этого), вмешательство и восстановление её», имевшего достаточную обобщённость, привязку ко времени и среде, актуальность, неофициальность [6, с. 77–81]. Фраза была привязана к 1921 г. и совещанию ленинцев на X съезде, питалась актуальностью ленинского наследия и вместе с тем излагалась в общих формах. Слух при этом не обязан иметь документальной базы (ему это не принципиально). А сам вопрос о правдивости слуха может привести к описанному историком внутрипартийной борьбы 1920-х гг. И. Халфиным парадоксу: погружение в большевистскую риторику, как со стороны ЦК, так со стороны

оппозиции, приводит не к истине, а к упрощению, если не фальсификации изложения процесса [19, с. 617].

Поэтому мы предлагаем такую интерпретацию. Ленин принципиально мог в какой-либо частной беседе с Г.Е. Зиновьевым или при нём в 1921 г. назвать Сталина «поваром», готовившим «острые блюда», из-за известного ему крутого нрава героя. Но эти слова вряд ли были связаны с назначением Сталина генсеком и не несли тогда однозначно негативного заряда. Негатив в отношении Сталина появился у В.И. Ленина лишь на рубеже 1922–1923 гг. – обвинения в «грубости» и невозможности оставаться генсеком. Эти уже реальные слова Ленина стали одним из тезисов собравшейся в 1926 г. объединённой оппозиции. Именно тут Г.Е. Зиновьев мог вспомнить возможно произнесённую Лениным в 1921 г. фразу и увидеть в ней подтверждение высказанной им в конце 1922 г. реальной критики. Далее Григорий Евсеевич передал эти слова другим оппозиционерам, среди которых законченный вид мифа им придал Л.Д. Троцкий. Именно как пример, возможно, обоснованного, но всё же политизированного слуха и стоит рассматривать фразу «сей повар будет готовить только острые блюда».

Библиографический список

1. *Апальков Д.И.* Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. М., 2022. 192 с.
2. *Бажанов Б.* Сталин с близкого расстояния / пер. с англ. В. Бушуева [Электронный ресурс]. URL: <https://aleksandr-kommari.narod.ru/bazhanov.htm?ysclid=lo1idraex9296621330> (дата обращения: 10.11.2024).
3. *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина. М.: Терра, 1991. 240 с.
4. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 671 с.
5. Г.Е. Зиновьев – Л.Б. Каменеву. 30 июля 1923 г., Кисловодск // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 197–199.
6. *Дубин Б.В., Толстых А.В.* Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77–81.
7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. 729 с.
8. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 471 с.
9. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 49.
10. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 50
11. *Сарабеев В.* Троцкий, Сталин, коммунизм. СПб.: Питер, 2021. 528 с.
12. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1947. 487 с.
13. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 2. Берлин: Гранит, 1930. 337 с.

14. *Троцкий Л.Д.* Самые острые блюда ещё впереди [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotm396.html> (дата обращения: 10.11.2024).

15. *Троцкий Л.Д.* Сверхборджиа в Кремле [Электронный ресурс]. URL: <https://iskra-research.org/Trotsky/sochineniia/1939/19391013.html> (дата обращения: 10.11.2024).

16. *Троцкий Л.Д.* Сталин. Том 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/works/trotl031.html> (дата обращения: 10.11.2024).

17. Федор Раскольников о времени и о себе: Воспоминания. Письма. Документы / сост. И.П. Коссаковский. Л.: Лениздат, 1989. 574 с.

18. *Флигинская Е.Д.* Конструирование культового образа Г. Е. Зиновьева в 1920-е годы // Роль личности в историческом процессе. Чтения памяти профессора С.В. Тютюкина: материалы всероссийской научной конференции (10–11 декабря 2022 года, г. Москва). Казань: Бук, 2023. С. 182–186.

19. *Халфин И.* Автобиография троцкизма: в поисках искупления. Том 1. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 960 с.

20. *Хлевнюк О.В.* Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: CORPUS, 2019. 464 с.

21. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. 623 с.

22. X съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М.: Партиздат, 1933. 954 с.

УДК 656.2

В.А. Смирнов,

аспирант, Ивановский государственный университет, библиограф,
Центральная универсальная научная библиотека Ивановской области

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ВЕТКИ ГОРКИНО – РОДНИКИ – ХЛЯБОВО (1950-е – нач. 2000-х гг.)

Аннотация. Статья посвящена истории становления и развития промышленной железнодорожной линии на территории современных Родниковского и Лухского районов Ивановской области в XX – нач. XXI в. Небольшая по протяженности ветка все эти годы являлась надежным транспортным коридором как для промышленности и сельского хозяйства, так и для жителей северо-востока Ивановской области. Особое внимание уделено анализу факторов, приведших успешное предприятие к кризису и ликвидации в нач. 2010-х гг.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, грузовая железнодорожная ветка, Родниковский район, Лухский район, родниковский комбинат «Большевик».

V.A. Smirnov,

Postgraduate student, Ivanovo State University, Bibliographer,
Central Universal Scientific Library of Ivanovo Region

FROM THE HISTORY OF THE GORKINO – RODNIKI – KHLIABOVO RAILWAY LINE (1950-s – early 2000-s)

Abstract. The article is devoted to the history of the formation and development of the industrial railway line on the territory of modern Rodnikovsky and Lukhsky districts of the Ivanovo region in the 20th – early 21st centuries. The small branch line has been a reliable transport corridor for industry and agriculture, as well as for residents of the north-east of the Ivanovo region, all these years. Particular attention is paid to the analysis of the factors that led the successful enterprise to crisis and liquidation in the early 2010s.

Keywords: railway transport, freight railway line, Rodnikovsky district, Lukhsky district, Rodnikovsky combine "Bolshevik".

Железная дорога Иваново – Кинешма в 1871 г. положила начало истории железнодорожного транспорта на северо-востоке Иваново-Кинешемского промышленного района. В результате спора между родниковскими фабрикантами Красильщиковыми и вичугскими Коноваловыми о трассировке будущей железнодорожной линии было решено проложить ветку на 9 км севернее села Родники, напрямую на село Новая Вичуга, «вотчину» купцов Коноваловых. Стремясь обеспечить выход продукции своего предприятия на общероссийский рынок и увеличить объемы промышленного производства, «Товарищество мануфактуры А.М. Красильщиковой с сыновьями» в 1897 г. проложило соединительную ветвь протяженностью 9 км до расположенной на магистральной Иваново – Кинешма станции Горкино, ставшей с данного момента узловой станцией для предприятий появившихся в XX в. Родниковского, Лухского и Пучевского районов Ивановской области. 7 ноября 1927 г. на данном участке пути было открыто пассажирское сообщение. В 1950 г. для нужд местного торфопредприятия была построена 25-километровая ветка Родники – Хлябово, где также было открыто пассажирское движение [13]. Таким образом, к началу 1950-х гг. на территориях современных Родниковского и Лухского районов действовало 36 км железнодорожных путей промышленного назначения (без учета подъездных путей к предприятиям), эксплуатируемых изначально транспортным отделом меланжевого комбината «Большевик», затем – Родниковского объединенного железнодорожно-автомобильного хозяйства, а с 1968 г. – железнодорожным отделом Родниковского автотранспортного комбината (АТК).

Что представляло собой данное предприятие промышленного железнодорожного транспорта? В 1950–1980-е гг. коллектив предприятия достигал 120 человек различных профессий – от грузчиков и весовщиков до диспетчеров и проводников пассажирских вагонов. К 1990 г. штат предприятия за счет внедрения средств механизации производственных процессов сократился до 66 человек [11, 16]. Предприятие располагало собственным локомотивным депо в г. Родники, на балансе которого в 1950–1960-е гг. находилось несколько паровозов серии «Эр» и «Ов», точное количество которых по материалам местной прессы установить не удастся. Известно лишь, что на постоянной основе в депо работали 8 смен локомотивных бригад и обслуживающего персонала, следовательно, на балансе депо одновременно находилось 3–4 локомотива. Наше предположение косвенно подтверждается данными о количестве пришедших на смену паровозам тепловозов: в 1970–1980-х гг. депо эксплуатировало 3–4 машины моделей «ТГМ1», «ТГМ4» и «ТГМ6», размешавшихся в здании, построенном еще в 1926 г. и за весь период эксплуатации не подвергавшемся реконструкции [8, 16].

Как отмечалось выше, с 1927 г. на участке Горкино – Родники, а затем и Родники – Хлябово, действовало пассажирское сообщение. Сведений о наличии прямых поездов Родники – Иваново в рассматриваемый период нами не обнаружено, однако, на постоянной основе курсировали товарно-пассажирские и пассажирские поезда как до узловой станции Горкино, так и на участке Горкино – Хлябово, превращая Родники и Горкино в транзитные узлы для населения Родниковского и Лухского районов Ивановской области.

Модернизация путевой инфраструктуры в 1969–1974 гг. (укладка железобетонных шпал и рельсов тяжелых типов, реконструкция путепроводов под составы до 20 вагонов) позволила увеличить среднюю скорость поездов с 25 км/ч до 50 км/ч., а время в пути пассажирского поезда на участке Родники – Хлябово со всеми остановками сократилось с двух с половиной часов до полутора [9, 16]. Кроме того, процесс обновления затронул и парк пассажирских вагонов: к сер. 1970-х гг. на ветках Родниковского АТК начали курсировать современные вагоны с электрическим освещением, ориентировочно, типа «ЦМВ» с генератором электропитания от вращающейся оси колесной пары [3]. О регулярности пассажирского движения говорит факт наличия в штате нескольких проводников пассажирских вагонов. Среди них – Татьяна Иосифовна Кузьменко – ветеран АТК, к началу 1980-х гг. уже 20 лет перевозившая пассажиров по веткам Родники – Горкино и Родники – Хлябово и зарекомендовавшая себя как грамотный специалист [4]. Анализ материалов районной газеты «Родниковский рабочий» за 1968–

1990 гг. дает косвенное представление о росте среднегодового пассажиро-потока по узловой станции Горкино в период расцвета советской плановой экономики: так, если за 1 полугодие 1968 г. в пригородном пассажирском сообщении перевезено 18 тыс. человек, то к началу 1990-х гг. эти показатели возросли до 25 тыс. пассажиров за 1 полугодие 1990 г. [15, 16]. С 1980 г. для удобства жителей Родниковского и Лухского районов пассажирской службой ст. Горкино была внедрена услуга предварительного (до 45 суток) бронирования билетов на все направления следования пассажирских поездов [14]. Станция Горкино Ивановского отделения Северной железной дороги стала, таким образом, поистине «железнодорожными воротами» Родниковского и Лухского районов.

Однако, основной функцией железнодорожной ветки Горкино – Родники – Хлябово по-прежнему оставалась транспортировка народно-хозяйственных грузов в адрес многочисленных промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Так, в 1986 г. ст. Горкино ежемесячно отправляла в адрес родниковских промышленных объектов до 180 вагонов с грузами различной номенклатуры [5]. По данным начальника железнодорожного отдела Родниковского АТК А. Клепцина в начале 1980-х гг. железнодорожники обслуживали более 20 предприятий Родниковского и Лухского районов, среди них такие как промышленный гигант меланжевый комбинат «Большевик», Лухское торфопредприятие, колхозы и совхозы, а также многочисленные строительные площадки и объекты ЖКХ г. Родники [8]. Основными грузами на протяжении 1950–1980-х гг. оставались текстиль, торф и минеральные удобрения, сельхозпродукция, а также строительные материалы и жидкое топливо. Объемы грузоперевозок на протяжении рассматриваемого периода оставался неизменно высоким, отражая общий рост экономики СССР. Так, за 1 полугодие 1954 г. родниковские железнодорожники доставили 115 тыс. тонн различных народнохозяйственных грузов. В начале 1960-х гг. этот показатель возрос до 175 тыс. тонн, а к началу 1970-х гг. объемы грузоперевозок за полугодие возросли до 250 тыс. тонн. Пиковым стал 1984 год, когда родниковские железнодорожники перевыполнили план по грузоперевозкам, доставив 365 тыс. тонн грузов за 1 полугодие. К 1990 г. объем грузоперевозок за полугодие стабилизировался на отметке 280 тыс. тонн. Ежегодная прибыль предприятия к 1990 г. составляла 932 тыс. рублей [1, 2, 7, 10, 16, 17].

В 1986 г. предприятие на волне начавшейся в СССР перестройки подверглось реформированию: на базе железнодорожного отдела Родниковского АТК был сформирован Родниковский участок Вичугского межотраслевого предприятия промышленного железнодорожного

транспорта (МППЖТ) Владимирского Управления ППЖТ МПС СССР. Создание нового предприятия было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, включение ветки в сеть промышленных подъездных путей МПС СССР было призвано помочь дальнейшей модернизации разветвленного путевого хозяйства и локомотивного парка. Во-вторых, повышение статуса работников предприятия и распространения на них льгот штатных сотрудников МПС способствовало укреплению трудовой и производственной дисциплины работников и, по мнению руководства, должно было ликвидировать проявившийся кадровый дефицит среди локомотивщиков, путейцев и движенцев [6]. Однако, на практике реформа лишь ускорила кризисные тенденции в работе предприятия: к очередному Дню железнодорожника 1990 г. «Родниковский рабочий» выпустил полную тревогу за судьбу местных железнодорожников статьёй «Непраздничные мысли», где резюмировались итоги четырехлетней работы реформированного ППЖТ. Предприятие по-прежнему с трудом справлялось с планом грузоперевозок, обещанная модернизация производственной базы не произведена, а работники так и не получили обещанных льгот от МПС. Более того, Родниковское ППЖТ фактически утратило финансовую самостоятельность, как и соседние Вичугское и Кинешемское. В соответствии с новой структурой подчинения вышеуказанные производственные предприятия 60 % общей прибыли должны были перечислять Владимирскому Управлению, а оставшиеся средства делить между собой. Таким образом, по итогам реформы бывший железнодорожный отдел Родниковского АТК не только утратил экономическую независимость, но и стал предприятием-донором Владимирского Управления ППЖТ [16].

С распадом СССР и единого народнохозяйственного комплекса, а также переходом от плановой к рыночной модели экономических отношений предприятия Родниковского и Лухского районов оказались в затяжном кризисе, что негативно сказалось на деятельности Родниковского ППЖТ. С начала 1990-х гг. резко сократилось количество пассажирских поездов. К 1996 г. кардинально упали объемы грузоперевозок – до 3–10 тыс. тонн в месяц, а долг предприятий-заказчиков возрос до 800 млн. рублей. В 2 раза – до 30 человек, сократился коллектив предприятия [12]. 100-летний юбилей ветки родниковские железнодорожники отметили скромными производственными успехами: вследствие продолжающегося экономического кризиса промышленники и аграрии района за 1 полугодие 1998 г. отгрузили всего 26 тыс. тонн продукции. Однако, ППЖТ удалось сохранить на балансе весь подвижной состав и 20 км железнодорожного пути [11].

Начавшийся XXI век поставил крест на истории железнодорожного транспорта Родниковского и Лухского районов. Последние упоминания о работе ППЖТ на страницах «районки» относятся к августу 2001 г.: объемы грузовой работы оставались в пределах 25 тыс. тонн за полугодие, коллектив на фоне экономического роста 2000-х гг. с надеждой смотрел в будущее [11]. По данным исследователя железных дорог С.Д. Болашенко, размещенным на его персональном сайте, участок Родники – Хлябово к 2007 г. полностью демонтирован, поездная работа на участке Горкино – Родники завершена в 2014 г., на данный момент участок демонтирован.

Библиографический список

1. *Абакумов И.* Грузы идут бесперебойно // Родниковский рабочий. 1965. 31 июля. С. 1.
2. *Абакумов И.* Потрудились неплохо // Родниковский рабочий. 1968. 3 авг. С. 2.
3. В четком ритме // Родниковский рабочий. 1974. 3 авг. С. 2.
4. *Голубев Ю.* Её уважают люди // Родниковский рабочий. 1979. 4 авг. С. 2.
5. *Грекова Г.* «Нельзя отложить на завтра» // Родниковский рабочий. 1986. 2 авг. С. 2.
6. Идет перестройка // Родниковский рабочий. 1986. 2 авг. С. 2.
7. *Киселев Б.* Обязательства – досрочно // Родниковский рабочий. 1984. 4 авг. С. 2.
8. *Клепцин А.* С высокими показателями // Родниковский рабочий. 1980. 2 авг. С. 2.
9. *Ковшов М.* Труженики стальных путей // Родниковский рабочий. 1969. 2 авг. С. 2.
10. *Коробкова Л.* Встречая праздник // Родниковский рабочий. 1989. 5 авг. С. 2.
11. *Коробкова Л.* Завтра – День железнодорожника // Родниковский рабочий. 1998. 1 авг. С. 1.
12. *Ларин С.* Завтра – День работников железнодорожного транспорта // Родниковский рабочий. 1996. С. 1.
13. *Лебедев И.* Две годовщины // Родниковский рабочий. 1957. 1 нояб.
14. *Полякова В.* Силами небольшого коллектива // Родниковский рабочий. 1980. 2 авг. С. 2.
15. *Помарин Ю.* Бегут по рельсам составы // Родниковский рабочий. 1968. 3 авг. С. 2.
16. *Рощина Е.* Непраздничные мысли // Родниковский рабочий. 1990. 4 авг. С. 2.
17. *Сорокин А.* План перевозок перевыполнен // Родниковский рабочий. 1955. 1 авг. С. 2.

Л.Н. Соза,

доцент, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»

**КОЛОМЕНСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА
И МЕСТНЫЕ ПИТЕЙНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ:
ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация. В статье на примере уездной Коломны Московской губернии пореформенного времени проанализированы действия органов местного самоуправления по регулированию работы питейных заведений с целью упорядочения торговли и увеличения доходов городского бюджета. Рассмотрена позиция владельцев питейных заведений в связи с такого рода мероприятиями городской Думы.

Ключевые слова: Московская губерния, уездный город, городская дума, питейные заведения, городской бюджет.

L.N. Soza,

Associate Professor, State Educational Establishment of Higher Education «State Social and Humanitarian University»

**KOLOMENSKOYE CITY DUMA
AND LOCAL DRINKING ESTABLISHMENTS:
ISSUES OF RELATIONS
IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20TH CENTURIES**

Abstract. Using the example of the post-reform district Kolomna, Moscow province, the article analyzes the actions of local governments to regulate the work of drinking establishments in order to streamline trade and increase city budget revenues. The position of the owners of drinking establishments in connection with such events of the City Duma is considered.

Key words: Moscow province, district city, city дума, drinking establishments, city budget.

Питейные заведения являлись неотъемлемой частью быта любого российского города (столичного либо провинциального) XVIII – начала XX в. Однако они не были сферой исключительно частного интереса и традиционно находились под пристальным вниманием государства. Причина этого прозрачна – трактирные заведения с продажами в них спиртных напитков служили важным источником пополнения бюджетов всех уровней: как государственного, так и местного. В связи с этим

представляет интерес изучение взаимоотношений органов городского самоуправления (городской Думы) и заведений питейной торговли на примере уездной Коломны Московской губернии.

При исследовании темы использовался круг источников, как опубликованных, так и архивных. К первым относятся справочно-статистические издания: «Обзоры Московской губернии» за 1871–1914 гг., «Военно-статистическое обозрение Российской империи» за 1853 г., «Города России в 1910 г.». Неопубликованные источники представлены документами фондов Коломенского уездного полицейского управления (ф. 492), Московского губернского по земским и городским делам присутствия (ф. 65) и Канцелярии Московского губернатора (ф. 17) Центрального государственного архива г. Москвы. Обращение к хранящимся здесь донесениям, справкам, представлениям, ведомостям и др. позволило выявить сведения о деятельности органов самоуправления города Коломны, состоянии городского бюджета, местных питейных заведениях и их владельцах, и др.

К середине XIX в. в Коломне присутствовали все виды заведений, где производилась продажа напитков – винные лавки, питейные дома, ведерные лавки, постоялые дворы, ренсковые погреба, трактиры и буфеты. В пореформенное время в российской торговле спиртным (столичной и провинциальной) происходили серьезные перемены: в 1861 г. были повсеместно отменены винные откупа и сняты сословные ограничения на продажу напитков и принято «Положение о трактирных заведениях». «Положение» сформулировало понятие «трактирное заведение» как открытое для публики помещение, в котором либо отдаются в наем особые покои «со столом», либо производится продажа кушаний и напитков, т. е. припасов «для употребления на месте». К таковым относились: трактиры, рестораны, харчевни, духаны, ренсковые погреба, кухмейстерские, буфеты при театрах. Открытие этих заведений находилось в компетенции органов местного самоуправления – городских дум. Для открытия трактирного заведения необходимо было получить разрешение, выкупить патент на право торговли (выдавался на год или полгода) и обязательно освидетельствовать торговое помещение полицией. Документ запрещал открытие трактиров ближе 20 сажень от христианских храмов, монастырей и часовен, а в центре города – питейных домов и ренсковых погребов с распивочной продажей.

Со своей стороны, Коломенская городская дума посредством постановлений существенно детализировала условия работы трактиров, оптовых складов пива и меда, пивных лавок. Эти заведения должны были располагаться в нижних этажах домов, а вход – обозначен соответствующей вывеской и освещен фонарем. Указывались размеры помещений, требования к внутреннему строению, предметам интерьера

и посуде, доступности преysкурантов. Вход нижним воинским чинам, ученикам и малолетним в пивные лавки был строго воспрещен [5]. В рамках реализации винной монополии в городе запрещалось распитие крепких напитков на улицах, площадях, проездах, бульварах, общественных садах, скверах, подворотнях, дворах, а равно и в заведениях, торгующих крепкими напитками, где дозволялась лишь продажа питей на вынос. Виновные в нарушении этих постановлений подвергались штрафным санкциям.

В пореформенное время в Коломне наблюдался заметный рост числа заведений, как без распивочной, так и с питейной продажей. Если в 1852 г. статистикой было отмечено 18 питейных заведений, то спустя 30 лет (в 1883 г.) в городе числилось 203 подобных заведения (в т. ч. 80 трактиров) [3]. Отметим, что максимальное число городских питейных заведений было зафиксировано статистикой в 1891 г. – 238 предприятий. Питейные заведения приносили устойчивые денежные поступления владельцам: годовой оборот питейных домов составлял около 150 тыс., винных погребов – до 20 тыс., а в трактирах и гостиницах – до 50 тыс. руб. серебром [1].

Столь высокие частные питейные доходы положительно сказывались на городском бюджете. Дело в том, что, согласно «Городовому Положению» 1870 г., сборы с документов на право торговли и промыслов определялись Городской думой. Основные поступления по статье «Сбор с торговли и промыслов» происходили патентов на продажу и выделку питей и купеческих свидетельств с трактирных заведений и составляли 50 % от общей суммы сборов с торговли и промыслов [4]. Коломенская городская дума ежегодно определяла размер взимаемого с трактирных заведений сбора, который обычно не устраивал владельцев, считавшие его избыточным. Архивные документы сохранили многочисленные ходатайства о понижении городского сбора, которые оставались без внимания как «не заслуживающее уважения» [6].

Городская дума была заинтересована в развитии трактирного промысла, как источника пополнения городских доходов. В связи с этим является показательной позиция Думы в отношении беспитейных заведений (чайных и др.), которые создавали конкуренцию трактирам в борьбе за клиентуру. Это было связано с низкими ценами на кушанья и услуги, ибо в отличие от трактиров «беспитейные» не платили высокие сборы за патенты. Архивы сохранили прошения трактирщиков в Городскую думу о «подрыве их торговли заведениями, торгующими одним чаем» (1894 г.). Здесь Дума заняла своеобразную позицию. Своим постановлением она решила ходатайствовать перед Сенатом об отнесении «беспитейных» к числу заведений трактирного промысла с воспрещением соседства с ними винных лавок и прочих питейных заведений.

Цель такого ходатайства прозрачна. Ведь трактир был местом не только питания, но и дешевого кушанья. Исходя из этого, можно с уверенностью говорить, что мелкие торговцы чаем и кушаньями были не выгодны местным властям из-за малых платежей и переманивания потенциальных посетителей трактиров. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют проследить, чем завершилось это своеобразное дело.

О значимости для города доходов от трактирных заведений свидетельствует рапорт коломенского уездного исправника Московскому губернатору. Исправник отмечал сокращение количества трактиров в Коломне: и, если в 1884 г. числилось 67 трактиров, то в 1891 г. всего 53. Это обстоятельство объясняется стагнацией в экономике города, снижением доходов населения и конкуренцией со стороны беспитейных заведений. Комментируя приведенные показатели, уездный исправник в рапорте губернатору указывал, что «открытие всех трактиров в г. Коломне вызвано тем, что город имеет более 20 тыс. жителей, и кроме того в нем бывает значительное число рабочих летом и весной, и круглый год значится рабочих Коломенского машиностроительного завод» [7].

Сокращение числа питейных заведений продолжилось, в том числе и трактиров, в связи с введением с 1895 г. рассчитанной на семь лет государственной винной монополии (т. н. винная реформа министра финансов С.Ю. Витте). В частности, в Московской губернии винная монополия устанавливалась с 1 июля 1901 г. Её неизбежным следствием стала отрицательная динамика поступлений в городской бюджет с торговли и промыслов: с 47,6 % в 1880 г. до 16 % в 1897 г. На сложности с пополнением бюджета ссылался Коломенский городской голова, который в представлении губернатору отмечал, «что с введением винной монополии город утратил дохода на несколько тысяч рублей». Основные поступления, производившиеся только от трактирных заведений, за два десятилетия снизились с 20250 руб. в 1880 г. до 6323 руб. в 1901 г. (т. е. почти в 3 раза) [8].

В конце XIX – начале XX в. число ренсковых погребов, трактиров, пивных лавок и др. продолжало уменьшаться: в 1898 г. действовало 14 трактиров, в 1905 г. – 9, а 1910 г. в Коломне было учтено только 6 трактиров и ресторанов [2]. Прекратил деятельность завод А.С. Озерова, ежегодные обороты которого к 1900 г. достигли 13500 руб. при выработке около 2300 ведер водочных изделий [9]. Соответственно сократились и поступления в городской бюджет от доходов с торговли и промыслов; отрицательная динамика сохранилась вплоть до 1916 г.: если в 1906 г. «Сбор с торговли и промыслов» составлял 8,2 %, то в 1916 г. – всего 3,8 % бюджета.

Городские власти, озабоченные снижением доходов от заведений трактирного промысла, неоднократно обращались в Московское губернское правление и даже в Министерство финансов с ходатайствами о разрешении открытия таковых. Но, признавая недостаточность «существующих в Коломне трактирных заведений», высшие власти подобные просьбы отклоняли. «Без последствий» оставались и просьбы частных лиц. Так, в 1902 г. не были удовлетворены прошения Нефедова, Ивановой, Терехова об открытии трактирных заведений и пивной лавки. И это не случайно, поскольку властями предпочтение отдавалось расширению не частных, а казенных винных продаж. В 1901 г. Управление акцизными сборами Московской губернии уведомило Московского губернатора, что «открытие в Коломне 5 казенных лавок недостаточно для удовлетворения потребностей населения, вследствие чего является настоятельной необходимостью в открытии там еще одной лавки, для которой уже имеется подходящее помещение» [10].

Несмотря на ограничительные меры государства, питейный и трактирный промысел в Коломне продолжал приносить владельцам немалые доходы. В начале XX в. владельцем оптового склада с правом продаж пива и меда (оборот 11 тыс. руб.) и ряда пивных лавок был Торговый дом «Корнеев, Горшанов и Компания». Ренсковые погреба принадлежали крестьянину С.Ф. Нестерову с оборотом 25 тыс. руб., мешанам Н.В. Равинскому и И.М. Макулову. Среди трактиров с продажей напитков высшим оборотом (20 тыс. руб.) отличалось заведение крестьянки Зарайского уезда А.И. Шмелевой. Противоположность алкогольным, трактиры «без продажи напитков» имели меньшую прибыль – к примеру, принадлежавшие крестьянам Е.С. Живилину и К.Т. Богданову заведения – по 12 тыс. и 10 тыс. руб. соответственно [11].

На местах же, с целью получения большего дохода, городскими властями нередко устанавливались равные сборы с трактирных заведений III и II разрядов. Далеко не всех трактирщиков это устраивало, что порождало претензии. К таковым относится жалоба, направленная в 1907 г. в Коломенскую городскую думу содержательницей трактира III разряда А. Шмелевой, по поводу раскладки налога в размере 1000 руб., действовавшего и для заведений II разряда. Такое уравнивание в сборе, по мнению заявительницы, «грозило заведению подрывом» (решением Думы жалоба была «оставлена без последствий») [12]. Заметим, что несмотря на уменьшение сборов с заведений трактирного промысла к 1916 г., поступления с них продолжали составлять немалую часть доходной части статьи «Сборы с промыслов и торговли».

Таким образом, трактирные заведения являлись важной составляющей экономической и социальной жизни города. В их деятельности

отразились все изгибы государственной налоговой («алкогольной») политики и причудливо переплелись: интересы государства (повышение доходов, улучшение качества алкоголя, снижение пьянства), местных властей (пополнение бюджета) и, разумеется, городских обывателей, которые видели в трактирах не только пункт продажи желаемых напитков, но и место общения и развлечений.

Библиографический список

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Московская губерния. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1853. С. 232.
2. Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 304.
3. Обзор Московской губернии за 1883 г. М., 1884. С. 20.
4. ПСЗ. Собрание 2-е. Т. 45. Отд. 1. № 48498. СПб., 1874. С. 836.
5. ЦГА г. Москвы. Ф. 65. Оп. 43. Д. 206. Л. 2.
6. Там же. Оп. 5. Д. 233. Л. 39.
7. Там же. Ф. 17. Оп. 81. Д. 257. Л. 4.
8. Там же. Ф. 65. Оп. 18. Л. 12. Л. 2 об.
9. Там же. Ф. 492. Оп. 2. Д. 50. Л. 30.
10. Там же. Ф. 17. Оп. 81. Д. 257. Л. 124, 197, 215.
11. Там же. Ф. 492. Оп. 2. Д. 659. Л. 51 об.–52.
12. Там же. Ф. 65. Оп. 23. Д. 2. Л. 437.

УДК 93/94

И.А. Суздальцева,

доцент, Дагестанский государственный педагогический университет
имени Р. Гамзатова (Махачкала)

ТРУДОВЫЕ ПОБЕДЫ РАБОТНИЦ МАХАЧКАЛИНСКОГО ЗАВОДА ИМЕНИ М. ГАДЖИЕВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье на примере Махачкалинского ремонтно-механического завода, которому в декабре 1942 г. было присвоено имя подводника, капитана 2-го ранга, Героя Советского Союза М.И. Гаджиева, показана роль женщин в перестройке работы промышленности Дагестана на военный лад. В условиях Великой Отечественной войны многие работницы завода впервые пришли производство, заменив мужчин. Они осваивали рабочие профессии, выполняли и перевыполняли план, участвовали в создании комсомольско-молодежных и фронтовых бригад, вступали в группы народного ополчения, работали бригадами и т. д.

Ключевые слова: военная перестройка, промышленность, рабочие специальности, комсомольско-молодежные и фронтовые бригады, группа народного ополчения.

I.A. Suzdaltseva,

Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University
named after. R. Gamzatova (Makhachkala)

LABOR VICTORIES OF THE WOMEN WORKERS OF THE MAKHACHKALA PLANT NAMED AFTER M. GADZHIEV DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article uses the example of the Makhachkala repair and mechanical plant, which in December 1942 was named after the submariner, captain of the 2nd rank, Hero of the Soviet Union M.I. Gadzhiev, to show the role of women in the restructuring of Dagestan's industry on a war footing. During the Great Patriotic War, many female workers at the plant came to production for the first time, replacing men. They mastered blue-collar jobs, fulfilled and overfulfilled the plan, participated in the creation of Komsomol-youth and front-line brigades, joined people's militia groups, worked as foremen, etc.

Key words: military perestroika, industry, blue-collar jobs, Komsomol-youth and front-line brigades, people's militia group.

С первых же дней Великой Отечественной войны в Дагестане развернулась напряженная политическая, организаторская и хозяйственная работа. Главное внимание было сосредоточено на перестройке работы всей экономики на военный лад.

В интересах мобилизации всех сил республики на организацию помощи фронту в октябре 1941 г. на основании решения Государственного Комитета Обороны (ГКО) СССР был создан Махачкалинский Комитет Обороны [6, л. 79].

Перестройка работы промышленности Дагестана на военный лад была сопряжена с большими трудностями. Предприятия испытывали острый дефицит рабочей силы: значительное число рабочих, в том числе квалифицированных, с началом войны было призвано в армию или добровольно ушло на фронт. Одной из мер, направленных на решение кадровой проблемы стало привлечение на предприятия женщин, особенно горянок. Большую помощь в этой работе оказали женские советы республики [5, с. 132].

Одним из ведущих предприятий металлообрабатывающего производства Махачкалы был ремонтно-механический завод. До войны он выполнял штучные заказы и ремонтные работы для республиканской промышленности.

С началом Великой Отечественной войны перед заводом была поставлена задача перехода на выпуск военной продукции и организация массового поточного производства. Планировалось в короткий срок перестроить производственные площади, переставить оборудование по технологической цепочке, оснастить станки высокопроизводительными приспособлениями и инструментами, научиться выполнять каждую отдельную операцию и освоить производство в целом. По воспоминаниям главного технолога завода И.А. Таранцева, это требовало от работников высокой технической культуры и профессиональной подготовки. На заводе был введен 11-часовой рабочий день, квалифицированных работников перевели на самые ответственные участки, но рабочих рук и инженерно-технических сил не хватало. В этих условиях, по решению Махачкалинского Комитета Оборона сюда начали переводить работников других предприятий. В их числе на завод поступило много молодежи и женщин. Многие девушки с первых дней работы встали к станкам – например, Жидкова, Михеева и др. [2, с. 136–137]. В июне – сентябре 1941 г. на завод пришли 125 работниц. Многие из них уже к концу 1941 г. работали самостоятельно и выполняли по две-три производственные нормы. В их числе было 33 женщины, которые освоили токарное дело. В их числе была токарь высокой квалификации М. Нанахова, которая вырабатывала по 2–3 нормы в день [7, л. 193].

По решению ГКО завод получил дополнительное задание. В связи с этим пришлось создать новый производственный участок и набрать новый контингент рабочих. В результате, коллектив пополнила молодежь, которая заняла все рабочие места, были созданы комсомольско-молодежные бригады, в которые вошли молодые работницы. В их числе была А. Анашкина, ставшая одной из лучших бригадиров завода [3].

Широкое распространение на заводе получила инициатива создания фронтовых бригад. Это звание присваивалось лучшим трудовым коллективам, которые выполняли план не менее чем на 150 % в течение 2-х последних месяцев, выпускали продукцию высокого качества, экономили материалы и электроэнергию, отличались образцовой организацией рабочего места и трудовой дисциплиной. И.А. Таранцев упоминал об активном участии женщин этом трудовом движении: «Вступая во фронтовую бригаду, каждый знал, что он обязан непременно выполнять задания - таково было главное условие. Бригадиром первых фронтовых бригад были Михеева, Романенко, Чувилина, известная на заводе многогостаночница Жидкова и другие» [2, с. 138]. Так, бригада Чувилиной ежемесячно выполняла по три плановых задания, и в январе 1945 г. завоевала переходящее Красное Знамя Махачкалинского городского комитета ВЛКСМ [4].

Под руководством Махачкалинского городского военкомата на заводе была организована группа народного ополчения из девушек-добровольцев. После непродолжительной подготовки некоторые из них ушли на фронт (Юлина, Помысова и др.) [1, с. 80].

1 декабря 1942 г. Махачкалинскому ремонтно-механическому заводу было присвоено имя прославленного подводника, капитана 2-го ранга, Героя Советского Союза Магомеда Имадутдиновича Гаджиева.

В 1943 г. коллектив завода выполнил план на 102,4 %. В числе передовиков были работницы Михеева, Балашова, Болохова и др. [1, с. 81].

В годы войны на заводе продолжалось совершенствование организации и техники производства. Приемка каждой детали требовала большого внимания и физического труда. Контролерами качества продукции часто работали женщины. И.А. Таранцев так описал контроль резьбы на резьбо-фрезерных полуавтоматах: «Работница на станке вкладывала деталь и зажимала, применяя незначительное усилие; приемщица, чтобы проверить правильность резьбы, голой рукой ввертывала проходной и непроходной калибры» [2, с. 142]. Он отмечал, что «особенно тяжело доставалось приемщикам, когда резьба получалась на нижнем пределе. На этой работе образцы трудолюбия и добросовестности показали работницы контроля Дараган, С. Гасанова Пастернак, Брюзгина, сестры Покоевы, Насрулаева и другие» [2, с. 142]. Токарем высокой квалификации на заводе работала М. Нанахова. Она успешно справлялась со своей работой и вырабатывала по 2–3 нормы в день [8, л. 193].

Постановлением Государственного комитета обороны от 21 октября 1943 г. завод им. М. Гаджиева передали в ведение Народного комиссариата морского флота СССР. В 1945 г. завод продолжал выполнять государственные задания. По итогам социалистического соревнования в январе он получил переходящее Красное знамя Народного комиссариата морского флота, которое осталось в коллективе и в феврале. В марте производственные показатели завода стали еще лучше, и он получил переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. В достижение этих трудовых побед огромный вклад внесли работницы завода.

Таким образом, история Махачкалинского ремонтно-механического завода времен Великой Отечественной войны показывает многочисленные примеры трудовых побед работниц. Они достойно заменили мужчин, ушедших на фронт, освоили многие рабочие специальности, требующие тяжелых физических усилий, и смогли выполнять по несколько плановых заданий. Кроме того, девушки старались совершенствовать производство, создавали группы народного ополчения,

комсомольско-молодежные и фронтовые бригады. Во многом благодаря участию женщин предприятие смогло успешно справляться с задачами военного времени, побеждало в социалистическом соревновании и с гордостью носило имя Героя Советского Союза М. Гаджиева.

Библиографический список

1. *Гаджиева С.Ш., Мелешко А.Г.* Женщины советского Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 144 с.
2. Дагестан в годы Великой Отечественной войны. Воспоминания участников событий / составители: О. Блюмфельд, М. Кичева, А. Мелешко. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1962. 497 с.
3. Дагестанская правда. 1944. 18 марта.
4. Там же. 1945 г. 16 марта.
5. *Суздальцева И.А.* Педагогические вузы Дагестана в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2, Искусствоведение. Филологические науки. 2021. № 4. С. 131–143.
6. Центральный государственный архив Республики Дагестана (ЦГА РД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4906.
7. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 22. Д. 540.
8. Там же. Ф. 260-р. Оп. 20. Д. 6.

УДК 93/94

Н.И. Суханова,

профессор, Государственный университет просвещения

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Аннотация. Многонациональный состав Российской империи конца XIX – начала XX в. содействовал формированию политических организаций практически во всех этнических регионах страны. Большинство национальных политических партий настаивали на праве культурно-национальных автономий в составе федеративного Российского государства. Это требование не принимала партия большевиков, подчиняя национальный вопрос задачам мировой революции.

Ключевые слова: Российское государство, национальные политические партии, большевики, национальный вопрос, революция.

N.I. Sukhanova,

Doctor of Historical Sciences, Professor at the State University of Education

THE NATIONAL QUESTION IN THE PROGRAMS OF NATIONAL POLITICAL PARTIES IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The multinational composition of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries contributed to the formation of political organizations in almost all ethnic regions of the country. Most national political parties insisted on the right of cultural and national autonomies within the federal Russian state. The Bolshevik Party did not accept this demand, subordinating the national question to the tasks of the world revolution.

Keywords: Russian state, national political parties, Bolsheviks, national question, revolution.

Процессы начала XX века в России отразили множественные и многомерные эволюционные перемены, продиктованные как внешними, так и внутренними вызовами. Наряду с социально-экономической потребность политической модернизации проявилась в росте количества общественно-политических движений и зарождении политических партий. Политические партии зарождались и в национальных регионах России. Этот факт подтверждал процесс становления национальной идентичности в новых исторических условиях. Кое-где политические организации были созданы раньше, чем на собственно русской территории. В их числе были партии и организации в Польше, Литве, Латвии, Белоруссии, Финляндии, Украине, Армении, Грузии, Азербайджане, Туркестане. Активно работали Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (БУНД) и Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП). Политические позиции их были различны – от крайне радикальных до либеральных. Но важнейшим вопросом их программ был национальный. И здесь спектр требований был пестрым: от выхода из состава России до прав автономии в ее составе [4, с. 99–100].

Длительный и непоследовательный процесс перехода России от докапиталистических к рыночным формам хозяйствования особенно рельефно проявился (помимо западных территорий) и в этнической провинции в конце XIX – начале XX в. Зарождение политических партий в значительной степени было обусловлено национальным характером их программ. Политическое переустройство российского государства, в рамках которого видели свое будущее большинство национальных политических партий, они связывали в первую очередь, с собственным национальным возрождением. По их программам можно было определить как российское, так и европейское либеральное или

социалистическое влияние. Западные национальные регионы воспринимали европейские идейные традиции. Сначала марксизм, затем идеи К. Каутского и Э. Бернштейна влияли на формирование политических идей в Польше, Финляндии, Прибалтийских территориях. Более радикальное революционное мировоззрение формировалось в аграрных окраинных районах: Украина, Кавказ, Центральная Азия. При различиях в политической стратегии национальные партии считали вопросы национально-государственного устройства, развития национальной культуры определяющими. Именно они содействовали единению того или иного народа в революционные периоды. Наиболее передовыми в организации национальных политических партий стали те регионы, где издавна существовали традиции борьбы за независимость. Усиливались процессы политического «взросления» национальных окраин еще и из-за радикальных программ консервативных политических партий. В трактовке русских консерваторов инородческий вопрос поднимался в связи с ростом национальных движений и угрозой окраинного сепаратизма [5, с. 175]. Решение этого вопроса русскими консерваторами колебалось от концепции «удержания русскими покорителями всех инородцев и управления ими, как покоренными народами» до признания «национальных особенностей и их развития, если это не будет угрожать русскому государственному единству» [5, с. 176].

Политическая элита Польши показала пример зрелого подхода к системному формированию партий со всеми необходимыми атрибутами политической организации. В 1880–1890-е гг. было сформировано несколько социалистических партий, а также крупнейшая либерально-консервативная партия Королевства Польского – Народно-демократическая. В Литве в 1896 г. была создана Литовская социал-демократическая партия. Там же (в Вильно) годом позже оформился Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд). Их национальная программа ориентировалась на еврейское население восточноевропейского региона. В целях избежания ассимиляции, сохранения своей культурной идентичности на основе идиша, бундовцы требовали культурно-национальной автономии в рамках того государства, где они проживали.

В Финляндии в середине XIX в. возникли протопартии – Финская и Шведская. Требования финской партии были направлены как против русского, так и против шведского засилья в языковой деловой культуре региона. С 1900 г. действовал Латышский социал-демократический союз, боровшийся за национальное освобождение трудящихся Латвии и создание независимого латвийского государства. Организованная в 1902 г. Белорусская социалистическая громада выдвигала требования свержения самодержавия и автономии в рамках Российского буржуаз-

ного республиканского устройства. При этом требования в отношении проживавших на территории Белоруссии этносов сводились к культурно-национальной автономии.

Активно проявили себя армянские национальные политические силы. В начале 1880-х гг. возникла Армянская социал-демократическая партия Гнчак (Колокол), а несколько позднее – Армянский революционный союз Дашнакцутюн. Эти организации стали первыми в регионе социалистическими партиями. Опираясь на теорию марксизма, члены достаточно многочисленной партии боролись за освобождение турецкой Армении и объединение армянских земель в самостоятельное государство вне Российской империи и Турции.

На южном Кавказе с 1901 г. действовала Революционная партия социалистов-федералистов Грузии. В программе партии сочетались идеи автономного вхождения Грузии в состав федеративного Российского государства с ярко выраженными националистическими лозунгами.

В 1900 г. в Харькове была образована Украинская социал-демократическая рабочая партия. Своей главной задачей члены партии считали национальное объединение украинцев в борьбе за национальную независимость и самостоятельность. Еще одна партия с начала XX в. (Украинская партия социалистов революционеров) формировала свою национальную программу на основе равноправия и самоопределения наций в федерации демократических республик в составе Российского государства. Малочисленные либеральные организации Украины считали возможным вхождение в состав Российского государства на основах автономии. Практически все национальные политические организации выдвигали главное требование собственного национально-государственного статуса в рамках федеративного Российского государства.

Антиправительственные настроения националистических партий усилились с началом Первой мировой войны. Призывы не идти на фронт, проводить антироссийские собрания, послужили причиной ареста многих членов этих партий. С началом событий февраля 1917 г. наиболее ярко заявили о себе процессы межэтнических и внутриэтнических отношений. Рост национального самосознания, ощущение принадлежности не только к государству, но к этносу, нации стали активно проявляться в общественном сознании многих народов. Очевидным являлся противоречивый процесс роста национальной идеологии в этнических регионах на фоне усиления шовинистических государственных тенденций. Национальные регионы заявляли о себе все более активно, проявляя собственную политическую субъектность.

Интересным представляется тот факт, что позиции национальных партий не совпадали с ленинской концепцией национального вопроса

в дореволюционный период. Искровцы во главе с В.И. Лениным не допускали строение партии и государства на федеративных основах, поскольку такой принцип усилил бы разделение рабочего класса. Они считали национальный вопрос подчиненным, вторичным по отношению к задачам внутренней, а затем и мировой революции. Главным консолидирующим пролетариат фактором искровцы считали классовую принадлежность, единство задач борьбы с эксплуатацией в ходе классовой борьбы и революции. Поэтому всё, что могло содействовать разделению интересов пролетариата, Ленин и его соратники считали вредным в политической борьбе. Не отрицая необходимости уважения к национальным особенностям, большевики настаивали на утверждении национальной самобытности каждого народа России. При этом они отрицали идею культурно-национальной автономии, которую отстаивали почти все национальные партии, а также ряд социалистических и либеральных партий России. Лозунг национально-культурной автономии Ленин считал проявлением буржуазного национализма, поскольку тот соединял «пролетариат и буржуазию одной нации, разделяет пролетариат разных наций» [3, с. 208]. Считая национальную культуру узко помещичье-буржуазной, большевики активно выступали против лозунга национальной культуры, призывали к интернационализации культуры «социалистического пролетариата» [1, с. 209]. Большевики формировали свою национальную программу на праве наций на самоопределение и создании собственных государств. При этом данный подход они декларировали в отношении начального этапа пролетарских революций, направленных против монархий и буржуазных режимов. По мере освобождения пролетариата от гнета эксплуатации он, по мнению лидера большевиков, подойдет к пониманию наднационального и классового единства пролетариата. При этом до 1917 г. Ленин был активным противником федеративного устройства государства, считая, что для государства нужно полное политическое единство народов. Как и в системе построения партии на централистских основах, государственным в лице лидера большевиков, защищал централизм и в управлении многонациональным государством по политическим и экономическим мотивам [2, с. 66]. Стоявший на позиции необходимости единения пролетариата в буржуазно-демократической, а затем и пролетарской революции, В.И. Ленин был поглощен идеями революционного преобразования общества. За этими задачами на задний план уходили многие важные проблемы развития многонациональной России. Воспринимая национальный вопрос как часть революционных задач российского пролетариата, унифицируя систему руководства национальной политики, вождь не очень углублялся в многомерность и сложность таких явлений, как

национальная политика, сложности проблематики межнациональных и внутринациональных отношений. Между тем следует отметить эволюцию ленинского подхода к национальной политике большевистской партии. С осени 1917 г. требование федеративного устройства Российского государства становится в порядок дня большевистской партии. Если учитывать позицию Ленина в известном споре со Сталиным по поводу национально-государственного устройства страны, можно предположить, что динамика его взглядов двигалась в сторону более демократических основ национальной политики.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. Т. 23.
2. Ленин В.И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 27.
3. Ленин В.И. Проект платформы к IV съезду социал-демократии Ла-тышского края // Полн. собр. соч. Т. 23.
4. Маслов Д.В., Лазарева Л.Н., Суханова Н.И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: РОССПЭН, 2022. 399 с.
5. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в.: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2022. Т. 1: Консервативные партии. 599 с.

УДК 94 (470.55) «1920/1930»

А.И. Сысов,

учитель истории МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 112»
(г. Трехгорный Челябинской области)

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Аннотация. В статье рассматривается рост протестных настроений среди жителей горнозаводской зоны Южного Урала в условиях форсированной модернизации. Особое внимание уделяется факторам и причинам, которые привели к нарастанию этих настроений. Анализируется роль районных органов управления в обострении ситуации в регионе, а также их действия по преодолению негативного восприятия населением их деятельности в ходе реализации установок Центра в период сталинских преобразований.

Ключевые слова: горнозаводская зона Южного Урала, форсированная модернизация, индустриализация, коллективизация, «культурная революция», раскулачивание.

A.I. Sysov,

History teacher MBOU «Secondary school number 112»
(Trekhgorny, Chelyabinsk region)

PROTEST MOODS OF RESIDENTS OF THE MINING ZONE OF THE SOUTH URAL IN THE EARLY 1930s.

Abstract. The article examines the growth of protest sentiments among residents of the mining zone of the Southern Urals in the conditions of forced modernization. Particular attention is paid to the factors and reasons that led to the growth of these sentiments. The role of district governments in the aggravation of the situation in the region is analyzed, as well as their actions to overcome the negative perception of their activities by the population during the implementation of the Center's installations during the Stalinist transformations.

Keywords: mining zone of the Southern Urals, forced modernization, industrialization, collectivization, «cultural revolution», dispossession.

Южный Урал занимал видное место в модернизационных процессах 1920–30-х годов и в планах советского правительства ему отводилась особая роль. Согласно этим планам, Южный Урал должен был превратиться во вторую угольно-металлургическую базу страны: здесь предполагалось построить несколько гигантских металлургических, машиностроительных, химических и др. предприятий. Кроме того, следовало провести коллективизацию сельского хозяйства. Решение этих грандиозных задач, поставленных перед регионом, «легло на плечи» государственного и партийного аппарата управления, созданного за годы Советской власти.

Значительная часть методов, которые применялись органами управления в ходе сталинской модернизации, часто негативно воспринималась населением, так как эти методы приводили к ущемлению прав жителей и к ухудшению их экономического положения. Принуждение становится в это время основным способом проведения в жизнь тех или иных решений правительства. К тому же, многие мероприятия районных властей, проводившиеся в это время, такие как, например, коллективизация и раскулачивание, неоднозначно оценивались населением. Население горнозаводских районов Южного Урала, значительная часть которых (Миныйрский, Катавский, Саткинский, Кусинский, Миасский, Медведевский) в 1923–1930 гг. находилась в составе Златоустовского округа Уральской области, в полной мере испытало на себе всю тяжесть и противоречивость принудительных методов работы районных органов управления. В результате, здесь происходит рост протестных настроений среди населения. В зависимости от причин, которые привели к их возникновению, протесты жителей горнозаводской зоны Южного Урала

можно разделить на несколько видов: во-первых, трудовые протесты, вызванные ухудшением условий труда; во-вторых, экономические протесты, к которым привело общее ухудшение экономической ситуации в стране, ухудшение снабжения населения продовольствием и товарами первой необходимости; в-третьих, социальные протесты, связанные с ущемлением гражданских прав жителей и ломкой традиционных отношений (в том числе закрытием церквей); в-четвертых, политические протесты, вызванные недовольством политикой, проводимой коммунистической партией.

В советской историографии фактически отрицалась возможность возникновения среди широких слоев населения социального или трудового протеста против действий властей в период социалистического переустройства общества. Современные историки признают закономерность и естественность возникновения протеста как результата противоречий, возникавших в ходе форсированной модернизации [2; 3; 11 и др.].

Протестные настроения среди жителей горнозаводских районов Южного Урала накапливались на протяжении 1920-х гг. и в начале 1930-х гг. достигли своего пика. В значительной степени в возникновении данной ситуации виновато районное и местное руководство, чьи часто непродуманные и непрофессиональные действия способствовали обострению ситуации в регионе. Свое несогласие с политикой партии и правительства жители выражали с помощью различных форм протеста и критических высказываний экономического и, в меньшей степени, политического характера. Информационные сводки ОГПУ и ВКП(б) фиксировали недовольство населения материально-бытовыми условиями жизни, разочарование в действиях руководителей, рассуждения об ошибочности выбранного курса, обвинения в адрес власти об отклонении от первоначальной линии партии, неверие в успех начавшихся преобразований, сравнение дореволюционной ситуации и социальной реальности периода первой пятилетки. Так, некоторые колхозники Саткинского района во время уборочных работ летом 1932 г. выражали свое возмущение несправедливостью в распределении урожая, в результате чего колхозникам практически ничего не оставалось. Некоторые даже призывали уйти из колхоза, саботировать выполнение плана [9, л. 243–245 об.]. Критические отзывы по отношению к районным и местным руководителям исходили и от саткинских рабочих: они ругали их за пьянство, круговую поруку в органах власти, грубое обращение, невнимательное отношение к нуждам простых рабочих и т. д. [9, л. 175–176] Показателем роста недовольства населения действиями властей в этот период являются прокламации, которые были обнаружены в нескольких районах горнозаводской зоны в 1929–1933 гг.: в Катав-

Ивановске [7, л. 11–13], Усть-Катаве, Симе, Нязепетровске [10, с. 494]. В этих листовках органы власти подвергаются жесткой критике с использованием ненормативной лексики, имеются даже призывы к свержению существующего строя. В какой-то степени протестный характер носили и распространившиеся в этот период массовые прогулы, пьянство, текучесть кадров.

Модернизация 1920–30-х гг. привела к изменениям не только в экономической и политической сфере. Происходили масштабные преобразования в области культуры, общественных отношений, идеологии. В 1920–30-е гг. на Южном Урале была закрыта большая часть культовых учреждений: мечетей, церквей, монастырей, старообрядческих храмов и скитов. В ряде мест горнозаводской зоны и соседней Башкирии в 1930–1931 гг. произошли стихийные акции протеста, вызванные закрытием церквей и мечетей. Наиболее массовый характер они носили 6–7 апреля 1930 г. в Катав-Ивановске, деревне Карауловка Катавского района, деревне Мендишкино БАССР. В Катав-Ивановске 6 апреля 1930 г., на следующий день после закрытия церкви, на городской площади стихийно собрались более 300 местных жителей с требованием вернуть здание верующим. При этом присутствовавшие здесь представители власти подверглись оскорблению, а некоторые даже избиению (председатель горсовета и др.). С большим трудом собравшихся удалось убедить разойтись. Милицейский пост, выставленный у церкви, вынужден был даже применить огнестрельное оружие (стреляли в воздух), чтобы остановить наседавшую толпу [5, л. 12–12 об.]. Пересмотр дела о закрытии церкви, проводившийся в Катав-Ивановске с участием уполномоченного Златоустовского окрисполкома П.И. Ветошева, хотя и вскрыл здесь большое количество нарушений в организации этой процедуры (в протоколах увеличивалось количество проголосовавших за закрытие, некоторые протоколы были составлены без созыва собраний, процедура закрытия началась еще до утверждения этого решения и др.), однако не изменил самого решения [5, л. 57–58 об.]. Подобная акция неповиновения прошла и в деревне Карауловка. Здесь местным жителям удалось добиться пересмотра решения о закрытии церкви в свою пользу, убедив районное и окружное начальство в несоблюдении установленной законом процедуры опроса населения [5, л. 57–58 об.]. Правда в дальнейшем церковь в Карауловке все равно была закрыта.

Аналогично власти действовали и в отношении старообрядческих общин. В том же Катавском районе Уральской области на основании постановления местного райисполкома от 9 сентября 1932 г. старообрядческие скиты были также принудительно закрыты: 11 сентября 1932 г. – Месединский скит, а на следующий день, 12 сентября 1932 г.,

такая же участь постигла и Александровский скит [1, л. 1]. Закрытие скитов и незаконное изъятие имущества их обитателей вызвало волну возмущений и жалоб в прокуратуру Катав-Ивановска, окружные и областные органы власти. Однако, это практически ничего не поменяло.

Другой причиной протестов населения стали коллективизация и раскулачивание. Практически в каждом районе Златоустовского округа зимой-весной 1930 г. на почве несправедливостей и произвола районного и местного аппарата управления во время коллективизации и раскулачивания произошли массовые выступления жителей. В деревне Александровка Катавского района местные жители в количестве около 90 человек протестовали против раскулачивания и выселения ряда семей, которые на деле оказались беднячками. Особое возмущение собравшихся вызвала попытка выселения семьи местного бедняка Кузнецова, состоящая из четырех детей в возрасте от 2 недель до пяти лет, и его жены, находящейся только что после родов, которые не имели даже нормальной одежды и обуви. В селе Аратском Катавского района на открытом собрании жители также выступили против выселения семьи середняка Чернова. Как следует из секретной переписки Златоустовского окружного отдела ОГПУ с райкомами партии за 1930 г., население районов (не только сельское, но и городское) в массе своей было настроено не в пользу коллективизации и в разговорах резко критиковало эту политику. Было зафиксировано несколько случаев активного противодействия политике властей: в селах Аратское, Кундравы, Сыростан, Непряхино, Мельниково произошли поджоги колхозных построек, в Миньярском районе прямо у ворот своего дома огнестрельное ранение получил местный активист, проводивший раскулачивание [8, л. 56, 72–74]. Хотя эти и аналогичные факты официально объяснялись происками классового врага, однако, причины таких событий во многом были спровоцированы действиями самих органов власти.

Весной 1932 г. на почве обострения проблемы продовольственного снабжения волна протестов прокатилась по многим рабочим поселкам горнозаводской зоны Южного Урала. Одним из самых сильных выступлений стали волнения в Катав-Ивановске 19 апреля 1932 г. Согласно специальной сводке Катавского райотдела ОГПУ зачинщиками этого выступления стали катавские рабочие Александр Михайлович Верушкин, Иван Дмитриевич Землянский и Максим Семенович Малахов, которые выступили перед толпой стоявших у магазинов в очереди за продовольствием жителей поселка (более 300 человек) и раскритиковали районные власти за плохое снабжение продовольствием, а также покровительство работникам потребкооперации, которые злоупотребляли своим положением. Воодушевленная этими выступлениями толпа

хотела двинуться к райисполкому, чтобы озвучить свои требования там, но была остановлена милицией, начальник которой «дипломатично» убедил всех добровольно разойтись. Тем не менее, обстановка в поселке на протяжении нескольких дней оставалась напряженной. Поэтому, руководство райотдела ОГПУ, опасаясь возможности повторения протестов на майские праздники, запросило санкции у областного руководства ОГПУ на арест Верушкина, Землянского и Малахова. Хотя в ходе этого стихийного митинга не раздавалось никаких политических лозунгов, но ряд высказываний говорят о недовольстве населения горнозаводской зоны Южного Урала многими направлениями деятельности центральных и местных органов управления: ущемлением прав и свобод, вседозволенностью районного аппарата управления, особенно коммунистов, отправкой хлеба на экспорт за границу, вместо того, чтобы накормить своих граждан [6, л. 106–108].

Рост протестных настроений среди населения и необходимость заручиться поддержкой населения для дальнейшего проведения модернизации заставили органы управления заняться проблемой повышения своего авторитета среди населения. Меры, предпринятые руководством в этом направлении (создание культа героев революции, различные пропагандистские мероприятия, распространение новой «пролетарской» культуры, нагнетание военной опасности, проведение чисток партийного и советского аппарата, меры по улучшению материального положения, «оживление Советов», расширение социальной базы партии и др.), способствовали снижению количества протестных настроений среди населения горнозаводского Урала. В какой-то степени на это повлияло и принятие сталинской Конституции 1936 г., которая декларировала отмену большей части дискриминационных мер, формально уравнивая в правах всех граждан страны.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации Катав-Ивановского муниципального района (АОАКИМР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
2. Кабытов П.С., Леонтьева О.Б. Зенит «прекрасной эпохи»: сталинизм глазами американских историков // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Изд-во Самарский университет, 2001. С. 3–20.
3. Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара: Изд-во Самарский ун-т, 2001. С. 250–328.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-308. Оп. 7. Д. 1.
5. Там же. Д. 6.
6. Там же. Оп. 8. Д. 4.

7. Там же. Д. 5.
8. Там же. Ф. П-317. Оп. 1. Д. 955.
9. Там же. Ф. П-319. Оп. 2. Д. 17.

10. Письмо информационного отдела ПП ОГПУ по Уралу о листовке антисоветского содержания на Нязепетровском заводе // Общество и власть. Российской провинция. 1917–1985: научное издание. Документы и материалы (Пермская, Свердловская, Челябинская области). Т. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. С. 494.

11. Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России. Санкт-Петербург: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2001. 129 с.

УДК 94(470.67) «20»-029:338.45

Л.А. Труженикова,

профессор, Дагестанский государственный университет (Махачкала)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В 2000-е ГОДЫ

Аннотация. В статье анализируются основные направления развития промышленно-производственной сферы экономики республики; отмечается положительная динамика ключевых показателей промышленности в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Республика Дагестан, промышленность, индекс промышленного производства, машиностроение, энергетика.

L.A. Truzhenikova,

Professor, Dagestan State University (Makhachkala)

THE TREND OF INDUSTRIAL PRODUCTION DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN 2000

Abstract. The article analyzes the main directions of development of the industrial and production sector of the republic's economy; the positive dynamics of key industry indicators in the period under review is noted.

Keywords: Republic of Dagestan, industry, production index, mechanical engineering, energy industry.

С начала 2000-х годов в Российской Федерации последовательно начал проводиться курс на укрепление государственности, стабилизацию экономики и повышение благосостояния населения. Наметившаяся положительная динамика охватила все регионы страны, в экономическом

развитии которых, в том числе и при активной помощи федерального центра, отмечался рост объемов производства.

С началом нового столетия в Республике Дагестан начался последовательный процесс восстановления промышленного производства, особенно это было заметно в сравнении с предыдущим десятилетием. Импортозамещение, активизация экспорта ряда товаров, рост денежных средств позволили достичь увеличения объемов выпускаемой промышленной продукции на 17 % по сравнению с 1999 годом. Такие впечатляющие показатели были достигнуты благодаря работе предприятий, входящих в военно-промышленный комплекс, а также производству стройматериалов. Успешно себя зарекомендовали новые и возрождающиеся предприятия деревообработки, пищевой, легкой и химической промышленности.

Меры государственной поддержки, поощрение высокоэффективных проектов, помощь региону от федерального центра, общеэкономические факторы роста также способствовали оживлению производства и росту потенциала республиканской промышленности.

Положительно сказался факт размещения заказов для республиканских нужд на предприятиях республики. Заключенные договоры на сумму 35,7 млн рублей позволили 17 предприятиям республики обеспечить дополнительную загрузку. Так, например, республиканским бюджетом после проведенного конкурса 20-ти предприятиям консервной промышленности в сезон переработки был предоставлен кредит на 45 млн рублей [1, л. 3].

Согласно данным за 2002 год продукция, произведенная промышленностью республики, составила 112,4 % относительно 2001 года в общей сумме 8740 млн рублей. Ростом объемов производства характеризовались многие отрасли промышленности, однако химическая, нефтехимическая, мукомольно-крупяная и комбикормовая отрасли пока еще не показывали ожидаемых результатов. Вместе с тем производство электроэнергетики, машиностроение, лесная и деревообрабатывающая, легкая и пищевая промышленности демонстрировали опережающий рост.

Низкие показатели некоторых отраслей были обусловлены рядом причин, в том числе – сократился выпуск стеклопластика и изделий из него, прервались заказы на продукцию лакокрасочных предприятий, а также не хватало средств на закупку сырья.

В 2002 году структура промышленного производства региона претерпела некоторые изменения: повысился удельный вес электроэнергетики, производства стройматериалов, пищевой промышленности, сократился удельный вес машиностроения, металлообработки, топлив-

ной, лесной и легкой промышленности, химической и нефтехимической отрасли, деревообработки. Удельный вес стекольной, медицинской и полиграфической промышленности остался на прежнем уровне. При этом, аналогично с предыдущим годом, лидирующие позиции в промышленности принадлежали топливно-энергетическому комплексу, машиностроению и производству продуктов питания (83,2 % и 85,7 % соответственно).

Машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия обеспечили на 160,5 % рост объемов производства в 2002 году даже в условиях сохраняющейся задолженности по гособоронзаказу предприятиям машиностроения. К началу октября 2002 года она составляла 440,4 млн рублей, из них – 180,1 млн рублей со стороны Министерства обороны России [2, л. 43].

В 2003 году на развитие промышленной отрасли была выделена большая по сравнению с 2002 годом денежная сумма в размере 9967 млн рублей (106 % по сравнению с предыдущим годом). В 2003 году общий рост объемов промышленного производства составил всего 6 %, но при этом некоторые отрасли сделали значительный скачок: химическая и нефтехимическая промышленность (на 95,4 %), легкая промышленность (на 57,2 %), лесная и деревообрабатывающая промышленность (на 40,7 %), машиностроение (на 29,7 %), производство стройматериалов (на 24,2 %).

Однако некоторые отрасли, имевшие в предыдущий период неплохие показатели, отметились спадом темпов производства на 10 и более процентов (электроэнергетика, полиграфия, пищевая промышленность), что объяснялось слабой наполняемостью водохранилищ гидроэлектростанций, спадом спроса на полиграфическую продукцию, невыполнением обязательств по вылову рыбы и другими обстоятельствами.

Осложняло положение дел в перечисленных отраслях и отсутствие полноценного финансирования, слабая техническая оснащенность, недостаточный оборотный капитал, ослабление маркетинговой деятельности, а также сниженная покупательская активность, ставшая следствием роста цен на продукцию и без того низкого качества. Наряду с общими каждая отрасль вместе с тем имела и свои отличительные тенденции развития в складывающихся экономических реалиях [3, л. 16–17].

Основу всей промышленности региона составляет топливно-энергетический комплекс, непосредственно от него во многом зависит экономическое благополучие Республики Дагестан. Вопреки финансовому кризису, который охватил Россию, топливно-энергетическому

комплексу региона удалось на тот момент обеспечить теплом, газом и светом и население, и промышленный сектор. Энергетика стала одним из собственных источников пополнения доходной части республиканского бюджета.

Ключевыми предприятиями топливно-энергетического комплекса региона были ОАО «Дагэнерго», ОАО «Сулакэнерго», ОАО «Роснефть-Дагнефть», ОАО «Геотермнефтегаз», ООО «Каспийгазпром», ООО «Дагестанрегионгаз», показавшие в 2003 году высокие итоговые результаты деятельности [4, л. 5].

В 2004 году промышленность региона произвела товаров на общую сумму 10938,6 млн рублей (рост на 116,6 % в сравнении с показателями 2003 года). При этом темпы роста были превышены на 10,4 %.

Объемы производства увеличивались практически во всех отраслях, особенно впечатляющими они были в нефтехимической и химической промышленности (на 100,0 %), лесной и деревообрабатывающей промышленности (на 170,0 %).

Однако в машиностроении и легкой промышленности замедление темпов роста в сравнении с 2003 годом составило 7,8 %. В машиностроении во многом это было обусловлено задолженностью по гособоронзаказу и падением спроса на производимые некоторыми предприятиями товары. В легкой промышленности ряд ранее ключевых предприятий продолжал простаивать, а производимые другими фабриками товары не отличались высокой конкурентоспособностью; к тому же потребительский спрос продолжал оставаться весьма невысоким [5, л. 26–27].

Индекс промышленного производства по видам экономической деятельности «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства» и «производство и распределение электроэнергетики, газа и воды» за 2005 год был зафиксирован на уровне 135,5 % (в 2004 году – 116,7 %).

В 2005 году высокие темпы промышленного производства вновь были зафиксированы в обрабатывающих производствах – 170,2 %. Однако добыча полезных ископаемых и производство и распределение электроэнергии, газа и воды снизились. В 2005 году добычи нефти, включая газовый конденсат, снизилась и составила 91,6 % по сравнению с 2004 годом. Во многом такая ситуация объяснялась тем, что сократилось количество вводимых в эксплуатацию новых скважин, что было обусловлено слабым инвестированием в разведочное бурение.

Также в 2005 году по сравнению с предыдущим годом снизился индекс промышленного производства и распределения электроэнергии, составив 98,3 %. В 2005 году продолжились мероприятия по освоению гидроресурсов республики и наращиванию мощностей в электроэнерге-

тике. Так, за счет собственных и привлеченных средств было завершено строительство Гунибской ГЭС, проводилась работа по наращиванию мощностей Ирганайской ГЭС, строительству средних и малых ГЭС. В 2005 году на Ахтынской ГЭС в рамках правительственной программы развития малых электростанций были установлены три агрегата общей мощностью 1,8 мВт.

В 2005 году наблюдался рост индекса производства пищевых продуктов, издательской и полиграфической продукции, производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производства прочих неметаллических минеральных продуктов. Так, например, индекс промышленного производства судов, летательных аппаратов и прочих транспортных средств вырос в 3,2 раза, что было связано с увеличением производства продукции ОАО «Авиаагрегат» – серийного выпуска системы электромеханического усиления рулевого управления для автомобилей ВАЗ, в изготовлении комплектующих изделий которой было задействовано более 10 машиностроительных предприятий республики. Также ОАО «Дагстекло» возобновило производство оконного стекла и современной стеклотары. Продукция реализовывалась на предприятиях консервной промышленности республики и Южного Федерального округа, а также направлялась в Республику Азербайджан [6, л. 3–4].

Во второй половине первого десятилетия XXI века продолжился рост промышленного производства в республике. Например, динамика индексов в 2007 году по сравнению с 2006 годом составила: январь – 159,5 %, январь – март – 149,6 %, январь – июнь – 128,2 %, январь – сентябрь – 117 %, январь – декабрь – 117,4 %.

В 2007 году стабильный рост показывали обрабатывающие производства (на 25,6 % в сравнении с 2006 годом), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (14,4 %) [7, л. 3–4].

2008 год также завершился ростом индекса промышленного производства (118,9 %). Обрабатывающий промышленный сектор региона заметно превышал по темпам роста средние значения. Прирост составлял 32,5 %, что было выше предыдущих лет и соответствовало уровню 2007 года. Среди большинства видов обрабатывающих производств, у которых наблюдался рост, можно отметить производства-лидеры: производство пищевых продуктов, которое приросло до 151,3 %, машиностроительное производство – до 136,2 %, производство пластмассовых изделий – до 135 %, производство прочих неметаллических изделий, минеральной продукции – до 120,6 %.

Наиболее заметные показатели демонстрировали ОАО «Завод им. Гаджиева», ОАО «Избербашский радиозавод», ОАО «Дагэлектро-

автомат», ОАО «Кизлярский электроаппаратный завод», ОАО «Буйнакский агрегатный завод», ОАО «ДагЗЭТО», ОАО «ДНИИ Волна», ОАО «Электросигнал», ОАО «Каспийский завод точной механики», ФГУП «Завод сепараторов».

В рассматриваемый период предприятия региона активно кооперировались с ведущими предприятиями страны, успешно интегрировались в профильные госкорпорации, развивали сотрудничество с федеральными промышленными центрами. Например, начался процесс интеграции ОАО «Концерн КЭМЗ» с авиационной холдинговой корпорацией «Сухой», сотрудничество ОАО «НИИ «Сапфир» с Федеральной аэронавигационной службой. В 2008 году ОАО «Концерн «КЭМЗ» и «НИИ «Сапфир» вошли в госкорпорацию «Ростехнологии» [8, л. 4–5].

Индекс промышленного производства в 2009 году в республике составил 108,1 %, при этом доля перерабатывающей промышленности составила 117,1 % [9, л. 1].

Таким образом, можно отметить, что в исследуемый период в промышленном секторе экономики республики, преодолевшем трудности предыдущего десятилетия, произошли положительные изменения, предприятия были нацелены на дальнейшее развитие и взаимовыгодное сотрудничество с российскими корпорациями, продолжали процесс переоснащения производства, стремились выпускать конкурентоспособный на рынке товар.

Библиографический список

1. Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. р-1620. Оп. 2. Д. 97.
2. Там же. Д. 134.
3. Там же. Д. 148.
4. Там же. Д. 149.
5. Там же. Д. 166.
6. Там же. Д. 182.
7. Там же. Д. 241.
8. Там же. Д. 271.
9. Там же. Д. 295.

УДК 94 (471.66)

Д.В. Тумаков,

доцент, Ярославский государственный медицинский университет,
Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (Ярославль)

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЧЕЧНЕ ЛЕТОМ 1996 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ВЕДОМСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

Аннотация. Анализируются оценки ситуации в Чеченской республике, приводившиеся летом 1996 г. в ведомственной периодике. Используются типичные по содержанию статьи, опубликованные в данных изданиях. Сделан вывод о непопулярности этой позиции в российском обществе тех лет.

Ключевые слова: Чечня, военные действия, «Красная звезда», «На боевом посту», пресса, сепаратизм, боевики.

D.V. Tumakov,

Associate professor of Yaroslavl State Medical University,
Yaroslavl State University named P.G. Demidov

MILITARY OPERATIONS IN CHECHNYA IN THE SUMMER OF 1996 IN THE COVERAGE OF RUSSIAN DEPARTMENTAL PERIODICALS

Abstract. The article analyzes the assessments of the situation in the Chechen Republic, given in the summer of 1996 in departmental periodicals. Articles typical in content published in these publications are used. The conclusion is made about the unpopularity of this position in the Russian society of those years.

Keywords: Chechnya, military operations, Krasnaya Zvezda, Na boevom postu, press, separatism, militants.

Боевые действия федеральных властей против незаконных вооружённых формирований (НВФ) чеченских сепаратистов в 1994–1996 гг. стала первой крупной военной кампанией в истории России, получившей полноценное освещение в центральных масс-медиа. Чаше предметом научного анализа становятся публикации прессы, осуждавшей силовые способы разрешения кризиса на Северном Кавказе [9, с. 50–63], в то время как материалы центрального печатного органа Министерства обороны РФ ежедневной газеты «Красная звезда» и еженедельного журнала Внутренних войск (ВВ) МВД РФ «На боевом посту» гораздо менее популярны у историков. В этой связи особенно интересен период лета 1996 г. – от завершения выборов Президента РФ и переми-

рия на фронте до атаки сепаратистов на Грозный. Вскоре после переизбрания Б.Н. Ельцина на пост главы государства телефонный опрос в Москве показал, что 57,8 % респондентов считали вероятным возобновление активных столкновений в Чечне сразу после окончания выборов, иначе считали лишь 9,9 % москвичей [10]. В силу этого представляется интересным, какие аргументы в поддержку официальной позиции находила ведомственная периодика. Этому и посвящена данная статья.

Как известно, 9 июля возобновились активные боевые действия в Чечне. После очередного обострения обстановки собственный корреспондент «Красной звезды» П. Карапетян категорично утверждал, что «наступила пора окончательно распрощаться даже с призрачными надеждами на то, что эти люди (чеченские сепаратисты. – *Авт.*) действительно одумались и намерены решать проблему исключительно в рамках мирных договорённостей» [4]. В связи с этим военный журналист добавлял, что «единственно понятный для них язык – это сочетание силовых и переговорных методов, а когда и – только силовых» [4]. Тем самым он давал понять читателям, что предвыборное перемирие в мятежной республике близко к завершению, но одновременно позиционировал возобновившиеся боевые действия лишь как принуждение боевиков к уступкам, а не как попытку федерального Центра навести конституционный порядок в Чечне исключительно военным путём.

Весьма любопытны оценки, данные журналистами ведомственных СМИ тем местам, где разворачивались бои в июле и начале августа 1996 г. Так, горный Веденский район Чечни был охарактеризован тем же П. Карапетяном как «форпост боевиков». Он писал, что сторонники независимости Чечни «даже в самые трудные для них времена (весной-летом 1995 г. – *Авт.*) ... похвалялись тем, что сделают из района неприступную крепость» и напоминал, что и тогда федеральные силы смогли штурмом овладеть райцентром Ведено. Тем не менее, подытоживал он, «урок впрок не пошёл и его придётся повторить», добавляя при этом, что «шансов на серьёзное военное сопротивление нашему продвижению в горы у дудаевцев нет» [5]. Весьма примечательно то, что противостоявшие Центру чеченские вооружённые формирования были названы в публикации по фамилии своего верховного лидера, убитого в результате успешной операции силовых структур России несколькими месяцами ранее. Очевидно, «Красная звезда» таким способом стремилась изобразить сепаратистов как прошлое, а не будущее Чечни.

В свою очередь, относительно небольшое селение Бамут Ачхой-Мартановского района, где в течение 1995–1996 гг. также неоднократно происходили кровавые бои между федеральными силами и чеченскими боевиками, характеризовалось как имевшее важное стратегическое

значение. Как писали летом 1996 г. журналисты «Красной звезды», данный населённый пункт было невозможно обойти в случае выдвижения к Грозному с западного направления, а обладание Бамутом означало и контроль над западными подступами к чеченской столице [1]. Тем самым российская ведомственная периодика давала понять читателям и подписчикам, что после завершения президентских выборов в мятежной Чеченской республике происходят не просто локальные стычки, а довольно масштабные бои, имеющие едва ли не стратегическое значение.

Журналисты данных масс-медиа нередко публиковали материалы силовых структур, свидетельствовавшие о высоких потерях сепаратистов. Так, согласно информации старшего оперативного группировки ВДВ России в Чечне полковника С. Пивоварова, рейдовые отряды 104-й и 7-й воздушно-десантных дивизий обнаружили в горах на юге республики несколько лесных лагерей НВФ, уничтожив запасы продовольствия и оружия, и пленили 8 боевиков [2]. По тем же данным, в ущелье реки Басс в Веденском районе был обнаружен учебный центр сепаратистов с оборудованными классами и спортивным городком. Трофеями федеральных сил несколько сотен кг. муки, круп, сахара, мясные консервы турецкого производства, а также до 40 тысяч патронов, средства связи, 82-мм мины и РПГ [2]. НВФ несли немалый урон и в живой силе. Так, мотострелковый полк близ села Борзой при отражении атаки отряда из примерно 10 боевиков рассеял и уничтожил противника прицельным огнём артиллерии [2]. Согласно сводке пресс-центра Временных объединённых сил (ВОС), ещё 11 сепаратистов погибли и 4 были пленены в ходе военных действий в Веденском и Курчалойском районах [2].

Помимо аналитических материалов или публикации сводок пресс-центра ВОС, на страницах «Красной звезды» или журнала «На боевом посту» в те дни выходили и вполне конкретные репортажи с места событий. В одном из них военный журналист Н. Асташкин сообщал о действиях 693-го мотострелкового полка МО РФ в горном Шатойском районе республики, где он побывал 1 августа в составе группы представителей СМИ. Из его описания следовало, что на юге Чечни идут широкомасштабные военные действия. Журналисты были доставлены в горы на транспортном вертолёте Ми-8, который сопровождали два боевых вертолёта Ми-24, постоянно отстреливавшие тепловые ракеты во избежание поражения с земли. При этом для высадки на небольшой площадке среди лесистых гор военные дали работникам прессы 30 секунд, после чего в вертолёт погрузили раненых для доставки в Ханкалу – главную военную базу федеральных сил в мятежной республике [3]. Встретивший Н. Асташкина командир 693-го полка полковник

С. Левкин также рассказывал о крайне тревожной обстановке в Шатойском районе. С его слов, незадолго до прибытия журналистов группа российских мотострелков на бронетехнике попала в засаду НВФ в тот момент, когда отправилась за водой к горному ручью. Командование полка отправило им в помощь резервы и в результате столкновения вынудило боевиков отступить в горы [3]. О вероятных потерях обеих сторон журналист не сообщал.

По словам военных, чеченские сепаратисты оборудовали опорные пункты на двух господствующих горных высотах Солнечная и Ламамаисти, откуда спускались по тропам вниз, устанавливали на основных автодорогах района мощные фугасы, а также устраивали засады или обстреливали расположение российских войск из различных видов оружия [3]. Свидетелем такого боя стал и сам автор статьи, наблюдавший миномётный обстрел передовых позиций одного из батальонов 693-го полка, в результате которого были ранены 2 солдата. Для отражения атаки чеченских боевиков полковник С. Левкин был вынужден вызвать штурмовую авиацию и реактивную артиллерию, однако сепаратисты переждали огневой налёт в укрытиях, после чего возобновили обстрел позиций полка. Заставить их прекратить огонь смог лишь залп гаубичной батареи [3]. Любопытно, что сам журналист Н.С. Асташкин давал понять, что на стороне противника выступает местное население, включая созданные в Шатойском районе органы правопорядка, а потому открыто сомневался в эффективности действий федеральных сил в горах Чечни.

Другой «горячей точкой» мятежной республики в то время оставалось селение Бамут. В конце мая 1996 г. оно было взято федеральными силами под командованием генерал-майора В.А. Шаманова после тяжёлого штурма [8, с. 118–121], но уже летом того же года отряды чеченских сепаратистов предприняли ряд яростных контратак на него. Неудивительно, что данные бои вскоре также стали предметом интереса российской ведомственной периодики. Первые их подробности сообщала газета «Красная звезда» в номере от 26 июля. По её информации, ночью 18 июля отряд из 50 боевиков с гранатомётами и стрелковым оружием атаковал позиции роты ВВ МВД РФ на Лысой горе – господствующей высоте над Бамутом. Под покровом ночи чеченцы подошли к заставе буквально вплотную, но всё же были обнаружены дозором военных. Бой продолжался несколько часов, солдаты ВВ отвергли ультиматум сепаратистов о сдаче, после чего отразили все их ожесточённые атаки. На рассвете противник был вынужден отступить в соседний лесной массив, так и не достигнув цели. О потерях сторон журналист писал крайне скупое, упомянув лишь о тяжёлом ранении

командира роты капитана В. Николаенко, который в публикации подавался как опытный, стойкий и мужественный офицер, раненный уже в восьмой раз за время чеченской кампании [7]. С тем же результатом завершались атаки НВФ и в последующие дни.

Подробный репортаж о боях в районе Бамута вышел и в журнале «На боевом посту», корреспонденты которого побывали в расположении оперативного полка дивизии особого назначения ВВ МВД РФ 23–24 июля [6, с. 2–6]. Батальон из 57 бойцов во главе со старшим лейтенантом И. Здоровым отбивал атаку чеченских боевиков, которые мелкими группами просачивались в порядки обороны военных на стыках между подразделениями, подбирались к окопам на 20–30 метров и вели очень плотный огонь с кладбища, из развалин домов и с окрестных высот одновременно [6, с. 6]. Ранение получил командир, после чего руководство боем приняли на себя прапорщик С. Шлапак и сержант контрактной службы В. Кузьменко. В бою, по информации журналистов, солдатами активно использовались стрелковое вооружение, гранатомёты и бронетехника. Утром на помощь к гарнизону подошёл отряд спецназа ВВ «Росич», после чего нападение НВФ было отражено ценой гибели 5 и ранения 6 военнослужащих [6, с. 6].

Чуть позднее, когда открытые нападения боевиков в районе Бамута прекратились, в расположении полка ВВ МВД РФ в селе побывали специальные корреспонденты «Красной звезды» Н. Асташкин и А. Антонюк, которые писали, что «попытки сепаратистов овладеть Бамутом обречены на неудачу» [1]. В личной беседе с ними командир полка подполковник А.Н. Скрипкин уверял, что после новых атак сепаратистов вокруг села было создано двойное кольцо обороны, поэтому «здесь не то, что банде не пройти, здесь мышь не проскочит» [1]. В подтверждение этих слов его подчинённый подполковник В.А. Александров приводил статистику, согласно которой в среднем в сутки на минно-взрывных заграждениях происходило примерно 12 подрывов, что заметно превосходило показатели предыдущих месяцев [1]. Офицер обвинял сепаратистов в преступных способах ведения боевых действий, так как они регулярно устанавливали мощные взрывные устройства на дорогах и в населённых пунктах Чечни, пренебрегая жизнями и здоровьем своих земляков. Тем не менее, российские сапёры научились эффективно противостоять этой тактике: из каждых 7 фугасов обезвреживались 6 [1].

Таким образом, публикации в периодической печати российских силовых ведомств, выходившие в июле и начале августа 1996 г., были призваны продемонстрировать исключительную ответственность чеченских боевиков за срыв достигнутых ранее мирных договорённостей в Назрани и вынужденный характер ответных силовых действий ВОО,

а также многочисленные успехи федеральных войск во время наступления в предгорных и горных районах республики и заметные потери сепаратистов в этих боях. Однако последующий ход событий – прорыв крупных сил НВФ в Грозный 6 августа и подписание Хасавюртовских соглашений в ночь на 31 августа 1996 г. при вполне лояльном отношении к происходившему со стороны большей части российского общества – лишний раз показал острую непопулярность чеченской кампании 1994–1996 гг. среди россиян.

Библиографический список

1. Асташкин Н., Антонюк А. Бамут сепаратистам не отбить // Красная звезда. 1996. 1 августа.
2. Асташкин Н., Антонюк А. Затишье только временное // Красная звезда. 1996. 2 августа.
3. Асташкин Н., Антонюк А. В горах под Шатоем // Красная звезда. 1996. 3 августа.
4. Карапетян П. Обстановка в Чечне обостряется // Красная звезда. 1996. 10 июля.
5. Карапетян П. Боевиков теснят в горы // Красная звезда. 1996. 16 июля.
6. Карпов Б., Смирнов О. Бамутский треугольник // На боевом посту. 1996. № 9. С. 2–6.
7. Панченков В. Бой на горе Лысой. Сегодня появилась возможность рассказать о событиях под Бамутом более подробно // Красная звезда. 1996. 26 июля.
8. Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2001. 383 с.
9. Тумаков Д.В. Российская армия и чеченские сепаратисты в боевых действиях зимы-весны 1996 года (по материалам периодической печати) // Социогуманитарные коммуникации. 2023. № 4. С. 50–63.
10. Шевелев М. Корыстное военное преступление // Московские новости. 1996. 14–21 июля.

С.Н. Филимончик,

кандидат исторических наук, доцент (Петрозаводск)

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ АВТОНОМНОЙ КАРЕЛИИ В 1920–1930-е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассмотрен состав и основные направления деятельности высших органов государственной власти Карелии в 1920–1930-е гг. Показано, что конституционная реформа 1930-х гг. не привела к активизации законотворческой деятельности республиканской власти, основные усилия депутатов были направлены на решение текущих социально-экономических проблем.

Ключевые слова: выборы, Всекарельский съезд Советов, Центральный исполнительный комитет АКССР, Президиум Центрального исполнительного комитета АКССР, Верховный Совет КАССР, Президиум Верховного Совета КАССР.

S.N. Filimonchik,

PhD in History, docent, Petrozavodsk

HIGHEST BODIES OF AUTHORITY OF THE KARELIAN ASSR IN THE 1920–1930s

Abstract. The article analyzes the composition and the main areas of activity of the supreme bodies of state power of Karelia in the 1920–1930s. It demonstrates that the constitutional reform of the 1930s did not lead to the activation of lawmaking activity of the republican authorities, as the main efforts of the deputies were directed to the solution of current socio-economic problems.

Keywords: elections, All-Karelian Congress of Soviets, Central Executive Committee of the KASSR, Presidium of the Central Executive Committee of the KASSR, Supreme Soviet of the KASSR, Presidium of the Supreme Soviet of the KASSR.

В условиях Первой мировой войны и Революции Российское государство конституционно закрепило федеративную основу развития. Важным стимулом создания первых автономий явились военная интервенция и рост сепаратизма в приграничных регионах. На Северо-Западе РСФСР после провозглашения Финляндской Республики пограничным районом стала Карелия, где большевики противостояли как аннексионистским стремлениям Финляндии, так и местному сепаратизму. В этих условиях в 1920 г. в составе РСФСР создана Карельская

Трудовая Коммуна. В 1923 г. КТК была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику и получила статус государства. По завершении советско-финляндской войны, рассчитывая на дальнейшую советизацию Финляндии, советское руководство в 1940 г. пересмотрело политико-правовой статус Карелии – она была преобразована из автономной республики в составе РСФСР в союзную Карело-Финскую ССР. В данной статье ставится задача охарактеризовать деятельность высших государственных органов Карелии по осуществлению властных полномочий на территории автономной республики в 1920–1930-е гг.

Согласно Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. высшим органом власти на территории автономии являлся избранный гражданами съезд Советов. Законодательство о производстве выборов позволяло регулировать его состав, предусматривая политический и трудовой ценз, неравное и непрямое представительство, открытое голосование. Большинство делегатов Всекарельских съездов Советов составляли члены правящей партии, хотя удельный вес коммунистов не превышал на местах 1–2 % взрослого населения.

Всекарельские съезды Советов не представляли полный спектр общественных настроений республики. В то же время это был важный опыт привлечения к государственной деятельности рабочих и крестьян в регионе, в котором еще в начале XX в. большинство трудящихся были отчуждены от политической деятельности. Особое значение на съездах имел отчетный доклад ЦИК и правительства Карелии, с которым выступал Председатель СНК АКССР Эдвард Александрович Гюллинг. Он акцентировал внимание на расширении автономных прав республики, на укреплении аппарата управления и органов правопорядка, стабилизации политической ситуации в пограничных районах. Докладчик подчеркивал, что Карелия – полноправный член Союза и «для Карреспублики это очень выгодно» [1, с. 9]. При этом доклады Э.А. Гюллинга не были парадными, в них трезво характеризовалось состояние бюджета, экономики, остро ставились проблемы обеспечения населения хлебом, жильем, лекарствами. Главной проблемой АКССР Э.А. Гюллинг называл «техническую отсталость всех видов нашего хозяйства» [2, с. 16]. Протоколы заседаний съездов сразу же издавались на русском и финском языках. Съезды Советов являлись важным каналом связи между руководством и населением Карелии.

В период между съездами Советов высшим органом государственной власти являлся избранный на съезде Центральный исполнительный комитет АКССР. По закону деятельность ЦИК должна была регулироваться Конституцией автономной республики, но до 1937 г.

Карелия не имела своей Конституции, и полномочия КарЦИК законодательно не были закреплены.

Сессии ЦИК, собираясь дважды в год, заслушивали доклады о деятельности Президиума ЦИК АКССР, Правительства АКССР, уездных исполкомов Советов, членов ЦИК АКССР. Особое внимание уделялось обсуждению бюджета республики, уездов и волостей, сбору налогов, другим злободневным социально-экономическим вопросам. При ЦИК АКССР работали комиссии – административная, бюджетная, детская, по улучшению труда и быта трудящихся женщин и др., дисциплинарный суд.

В состав республиканской власти впервые выдвигались рабочие и крестьяне. Деловитых, с лидерскими качествами людей отмечали среди делегатов съездов Советов, участников разных совещаний, комиссий. В 1926 г. Председатель ЦИК АКССР А. Ф. Нуортева докладывал, что из 47 членов ЦИК АКССР 27 «выдвинуты из среды рабочих от станка и крестьян от сохи» [5, с. 119]. К концу НЭПа большинство членов ЦИК АКССР (55 %) являлись карелами и финнами [6, с. 72].

Согласно Положению о членах ЦИК АКССР 1927 г., член ЦИК АКССР мог присутствовать на всех заседаниях центральных и местных органов власти, государственных учреждений и общественных организаций на территории АКССР, получать там необходимую информацию. Он имел право возбуждать вопросы о пересмотре незаконных действий органов власти на территории Карелии, мог принимать от граждан заявления, ходатайства, жалобы [3, с. 73].

Широкими полномочиями обладал Президиум ЦИК АКССР, в который входили 7–9 человек. Заседания Президиума проходили еженедельно. Президиум ЦИК АКССР утверждал постановления об административно-территориальном делении, в период между сессиями назначал наркомов и их заместителей, проводил амнистию, рассматривал финансовые вопросы и др. В 1926 г. половину членов Президиума ЦИК АКССР составляли члены Совнаркома Карелии, в том числе глава правительства Э.А. Гюллинг, его заместитель Н.В. Архипов, нарком внутренних дел И.А. Данилов, нарком юстиции Г.Г. Копырев. Таким образом, небольшая группа региональных политиков держала в своих руках основные рычаги управления. Политическим лидером являлся Председатель правительства АКССР Э.А. Гюллинг.

Партийная организация Карелии была малочисленной, при этом коммунисты составляли 81 % среди руководящих работников СНК и ЦИК АКССР. Важные вопросы до заседания ЦИК АКССР решались на закрытых собраниях партийной фракции ЦИК республики [6, с. 81]. Курировали деятельность парторганизации Карелии Северо-Западное бюро ЦК ВКП(б), а с 1928 г. Ленинградский обком партии.

В 1929–1930 гг. прошла чистка госаппарата, в ходе которой проверялась лояльность государственных служащих политике форсированной индустриализации и сплошной коллективизации. В феврале 1931 г. IX Всекарельский съезд Советов поддержал новый курс. Тем не менее, в 1932–1934 гг. съезды Советов в Карелии не созывались

Не полагаясь на советы, центр санкционировал создание чрезвычайных органов управления. Они проводили превентивные репрессии по отношению к гражданскому населению, в том числе принудительные миграции. Под руководством Центральной республиканской комиссии по переселению кулаков осенью 1931 г. прошли акции по выселению более 1 тыс. крестьян. В 1930–1935 гг. не предусмотренные законом тройки принудительно выселили более 3,5 тыс. граждан из пограничных районов Карелии. Основной удар чрезвычайных органов власти в первой половине 1930-х гг. пришелся на раскулаченных крестьян и карелов, вернувшихся на родину из Финляндии по амнистии в годы НЭПа.

Последние Всекарельские съезды Советов прошёл в 1935–1937 гг. В это время была отстранена от власти команда Э.А. Гюллинга, ядро которой составляли выдвиженцы эпохи Гражданской войны и активные участники революционного движения в Финляндии. В условиях роста военной опасности в Европе и Азии руководство ВКП(б) приостановило пропаганду мировой революции, финских иммигрантов в Карелии сочло проводниками интересов Запада. Партийную организацию и правительство Карелии возглавили управленцы, присланные из Ленинграда. Однако в 1937 г. ленинградскую команду обвинили в участии в партийных оппозициях, потворстве национализму и репрессировали.

Судьбы Председателей ЦИК АКССР конца 1920-х – 1930-х гг. схожи. Н.А. Ющикова обвинили в связи с кулаками, В.П. Аверкиева – в поддержке партийной оппозиции, Н.В. Архипова – в сотрудничестве с националистами. В.П. Аверкиев покончил с собой, Н.А. Юшков и Н.В. Архипов были расстреляны. Из 15 членов Президиума ЦИК АКССР, избранного в январе 1935 г., 13 человек в период массовых репрессий были арестованы, в том числе 9 членов Президиума ЦИК АКССР расстреляны [4, с. 55–56].

После принятия Конституции СССР 1936 г., Конституции РСФСР 1937 г., Конституции Карельской АССР 1937 г. была сформирована система новых высших органов власти Карелии. В 1938 г. впервые прошли всеобщие, равные, прямые, тайные выборы Верховного Совета Карельской АССР. Демократическая по закону избирательная кампания проходила в условиях продолжавшихся репрессий. Во всех избирательных округах выдвигался только один кандидат, предварительно

одобренный партийными органами и НКВД. Всякий случай отказа от участия в выборах расценивался как проявление антисоветских настроений. Подсчет голосов на избирательных участках проводился часто в присутствии партийных работников. Все 102 кандидата были избраны депутатами, за них проголосовали 99 % избирателей.

За время своей работы депутаты провели три сессии Верховного Совета КАССР. Конституционно закрепленные сроки созыва сессий нарушались. На сессиях были созданы две постоянные комиссии Верховного Совета КАССР, сформировано правительство республики, избран Верховный суд КАССР, принято несколько важных законов. В 1938 г. депутаты единогласно приняли решение об исключении из Конституции КАССР финского языка как государственного и внесли соответствующие изменения в текст Конституции КАССР. Однако через два года Верховный Совет КФССР фактически признал неверным это политизированное решение. В августе 1939 г. Верховный Совет с запозданием принял Закон о бюджете Карельской АССР на 1939 г. Исполнение этого бюджета депутаты, избранные в 1938 г., уже не рассматривали.

Основную работу депутаты вели в своих округах. Их отчеты показывают, что народные избранники являлись надежными пропагандистами проводившегося политического курса, активно участвовали в текущих хозяйственных кампаниях. Ведущей формой связи являлись письма избирателей, в основном это были жалобы и просьбы помочь. Полномочия депутата Верховного Совета КАССР позволяли помогать особо нуждающимся гражданам, решать местные злободневные проблемы, однако возможности депутатов системно решить социальные проблемы через законотворческую деятельность в конце 1930-х гг. оставались незначительными.

В перерывах между сессиями Верховного Совета высшим органом власти в Карелии являлся Президиум Верховного Совета КАССР. В 1938 г. в состав Президиума вошло 12 депутатов, в том числе 4 карела, 1 вепс, 7 русских (национальный состав депутатов тщательно отслеживался). Заседания Президиума проводились 1 раз в месяц. С марта 1940 г. заседания не проводились, решения принимались опросным порядком.

Президиум Верховного Совета КАССР ставил задачу повышения эффективности в работе госаппарата и усиления его ответственности перед гражданами. На заседаниях систематически рассматривались вопросы о состоянии работы с жалобами трудящихся в республиканских наркоматах и райисполкомах. Президиум Верховного Совета КАССР, регулярно заслушивая отчеты райисполкомов, выявлял серьезные

нарушения в их работе. В 1939 г. из 89 обязательных постановлений, вынесенных районными и городскими советами Карелии, 65 были изданы с нарушениями законодательства РСФСР [6, с. 161]. Президиум Верховного Совета КАССР отменял такие решения.

Депутаты вели определенную работу по совершенствованию аппарата управления, борясь с бюрократизмом, нарушениями прав граждан, стремились снизить остроту социальных проблем. Трибуна заседаний использовалась ими для критики исполнительной власти, обеспечивающей повседневные нужды жителей республики. В то же время Верховный Совет КАССР выполнял, прежде всего, указания федеральной власти и партийного руководства, реализация им властных полномочий на автономных началах была существенно ограниченной.

Библиографический список

1. V Всекарельский съезд Советов: протокол. Петрозаводск: Издательство КарЦИКа, 1924. 101 с.
2. VI Всекарельский съезд Советов: протокол. Петрозаводск: Издательство КарЦИКа, 1926. 135 с.
3. VII Всекарельский съезд Советов: протоколы. Петрозаводск: Издательство КарЦИКа, 1927. 143 с.
4. Народные избранники Карелии. Депутаты высших представительных органов власти СССР, РСФСР, РФ от Карелии и высших представительных органов власти Карелии, 1923–2006: справочник / авт.-сост. А.И. Бутвило. Петрозаводск: ПетроПресс, 2006. 319 с. ISBN 5-84300109-1.
5. Советы Карелии. 1917–1992: док. и материалы / науч. рук. Л.И. Вавулинская. Петрозаводск: Карелия, 1993. 547 с. ISBN 5-7545-0634-1.
6. *Филимончик С.Н.* Карелия в период советской модернизации 1920–1930-х гг. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2024. 903 с. ISBN 978-5-8021-4192-2.

С.П. Хрулев,

аспирант, Ивановский государственный университет (Иваново)

«ФАКТОР ПОЛЬШИ» В СБЛИЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В 1918–1922 гг.

Аннотация. В статье рассматривается значение экспансионистской политики Второй Речи Посполитой в сближении Советской России и Германии в 1918–1922 гг.

Ключевые слова: Советско-польская война, Силезские восстания, польско-литовский конфликт, В.Л. Копп, А. фон Мальцан.

S.P. Khrulev,

Postgraduate student, Ivanovo State University (Ivanovo)

"THE POLISH FACTOR" IN THE RAPPROACHING OF SOVIET RUSSIA AND GERMANY IN 1918–1922

Abstract. The article examines the significance of the expansionist policy of the Second Polish Republic in the rapprochement between Soviet Russia and Germany in 1918–1922.

Keywords: Soviet-Polish War, Silesian Uprisings, Polish-Lithuanian conflict, V.L. Kopp, A. von Maltzan.

Первая мировая война привела к гибели нескольких континентальных европейских империй и образованию множества новых государств. Ярким примером подобного может служить восстановление независимости Польского государства. Формально это произошло 11 ноября 1918 г. – в день подписания Компьенского перемирия, знаменовавшего окончание Первой мировой войны и победу Антанты. В этот день в Варшаве польские части разоружили местный немецкий гарнизон, и власть оказалась в руках лидера польского национального движения Ю. Пилсудского. Можно утверждать, что тогда же вопрос о границах Польши, обострившийся в годы Первой мировой войны [2], перешел в практическую плоскость его решения.

В 13 пункте проекта мирного договора с побежденной Германией, разработанного в США при участии президента В. Вильсона, обговаривалось, что Польша может претендовать лишь на земли с преимущественно польским населением [3, с. 5]. В отношении территорий со смешанным немецко-польским населением Версальский договор предусматривал проведение плебисцитов, на которых местные жители

должны были решить, остаться ли им в германском подданстве или перейти под власть Варшавы [3, с. 41]. Однако развитие событий пошло несколько иным путем.

Лидеры Второй Речи Посполитой, ведомые Ю. Пилсудским, мечтали о возрождении Великой Польши от «моря и до моря». Их имперские амбиции распространялись на территории центральной и восточной Европы, населенные немцами, литовцами, чехами, украинцами, белорусами и т. д. Они быстро прошли путь от идеи федерализации к прямому захвату сопредельных земель [7]. С декабря 1918 г. армии Ю. Пилсудского развернули боевые действия с Красной армией и национальными вооруженными формированиями на территории Украины, Белоруссии и Литвы, где им в течение 1919 г. удалось захватить Вильно, Галицию, часть Белоруссии, включая Минск и др. земли. Имелись успехи и на западе. В 1918–1919 гг. в результате Великопольского восстания к Варшаве присоединилась Познань. Однако в Верхней Силезии достичь желаемого Варшаве не удалось. Польские националисты, недовольные тем, что Версальский договор предписывал проведение плебисцита, подняли 17 августа 1919 г. восстание (Первое Силезское восстание), которое уже 26 августа было подавлено силами резерва и Временной армией Веймарской республики. Для предотвращения дальнейших столкновений в Верхнюю Силезию вошли войска Франции, Италии и Великобритании. Самый большой воинский контингент имел Париж. Единства между союзниками не было. Французы явно симпатизировали полякам, а англичане и итальянцы (правда, менее открыто) – немцам.

В ситуации польской экспансии, которую открыто и закулисно поддерживала Франция, перед советской и германской элитами встал вопрос о недопущении расширения Второй Речи Посполитой и превращения её в геополитического лидера Центральной и Восточной Европы. Так в политике Москвы и Берлина возник «польский вопрос», т. е. вопрос если не о полном уничтожении новообразованного государства, то о существенном ограничении его территориальных и геополитических амбиций.

Со стороны Советской России одной из центральных фигур в решении «польского вопроса» стал уполномоченный Наркоматов по иностранным делам и внешней торговли в Германии В.Л. Копп. С немецкой – кадровый дипломат А. фон Мальцан – сначала рейхскомиссар Германии на Востоке, а затем глава российского департамента Министерства иностранных дел Веймарской республики. Советский и германский представители быстро нашли общий язык. Москву и Берлин к сближению на антипольской основе подталкивали как имперские

устремления Варшавы, так и то, что за спиной Второй Речи Посполитой стоял главный враг большевистской России и Веймарской республики – Франция, чья сухопутная армия доминировала в Европе.

Советско-германские контакты резко активизировались с началом обострения советско-польского весной 1920 г., которое 25 апреля переросло в наступление армий Пилсудского на востоке, поддержанное украинскими и другими националистами. В этих условиях А. Мальцан на переговорах с В.Л. Коппом заверял советскую сторону в том, что Германия не окажет поддержки ни Польше, ни ее протектору Франции; более того, немцы при определённой ситуации могут прийти на помощь Красной армии [6, с. 31]. В отчетах руководству А. Мальцан, желая, по-видимому, усилить в германской элите просоветские настроения, отмечал дисциплинированность и мотивированность Красной армии, ее многочисленность и то, что она возглавляется опытными царскими офицерами. Писал А. Мальцан также о том, что большевистские вооруженные силы могут оказать поддержку Веймарской республике в борьбе с поляками за Данциг и Силезию.

Контакты В.Л. Коппа и А. Мальцана участились, когда советские части остановили войска Польши и их союзников и сами перешли в наступление. Дипломаты при прямом или косвенном участии руководителей Советской России и Веймарской республики в июле – августе 1920 г. начали обсуждать вопросы будущего Польши и ее границ [9, с. 166–204]. А. Мальцан приступил к разработке проекта возобновления полномасштабных германо-советских связей [12, р. 307]. Причем, опираясь на положение о праве наций на самоопределение, считал, что Западная Белоруссия должна отойти к Советской Белоруссии, воссоединившись с восточной частью [5, с. 203]. Кроме того, допускал, что и сама Вторая Речь Посполита, потерпев поражение от Красной армии, может стать Советской республикой. Однако ситуация стала развиваться в ином ключе. Польские части остановили большевистское наступление и сами перешли в контрнаступление. Советско-польская война завершилась 18 марта 1921 г. подписанием Рижского мирного договора, который означал победу Польши [4, с. 618–658]. Вторая Речь Посполита закрепляла за собой Западную Белоруссию, Западную Украину и часть Псковской губернии России. Кроме того, должна была получить 30 млн зол. руб. за вклад Царства Польского в хозяйственную жизнь Российской империи и имущество на 18 млн зол. руб.

Во время активной фазы советско-польской войны при отсутствии единства в действиях сил Антанты произошло Второе Силезское восстание (19–25 августа 1920 г.), по итогам которого поляки укрепили свои позиции в спорном регионе. Новый всплеск насилия был вызван

плебисцитом о государственной принадлежности Верхней Силезии, который был проведен 20 марта 1921 г., т. е. через два дня после подписания Рижского договора. Большая часть жителей региона высказалась за оставление их в составе Германии. Слухи о том, что Верхняя Силезия войдет в состав Веймарской республики стимулировали польских националистов, которые 2 мая 1920 г. начали Третье Силезское восстание. Их действиям известную помощь оказали французы. Против поляков выступили отряды фрайкоров – немецких добровольцев-националистов, большая часть которых состояла из ветеранов войны. При вмешательстве сил Антанты боевые действия завершились в начале июня 1921 г, а 21 июля восстание было окончательно прекращено. В октябре 1921 г. Верхняя Силезия была разделена, причем большую часть ее промышленности и угольных копий достались Польше.

Хотя уже в 1922 г. «силезский вопрос» стал терять остроту в германском общественно-политическом дискурсе [11, с. 194], его очень болезненно воспринимал А. Мальцан. Именно он укреплял его в приверженности планам по оттеснению «Польши в ее этнографические границы» [1, с. 133]. Разумеется, при поддержке Москвы и влиятельной части немецкой общественности. В Германии после Третьего Силезского восстания сформировалась влиятельная крупная группа реваншистки настроенных политиков, военных, представителей тяжелой оборонной промышленности и финансового капитала. Ее главной целью стало уничтожение Польши, унижение Франции и возвращение германских границ 1914 г. Цели германских реваншистов отчасти совпадали с интересами РСФСР и ее союзников, которые мечтали о пересмотре Рижского договора и ратовали за углубление связей с Веймарской республикой.

С советско-польским и немецко-польским конфликтами оказался переплетен и конфликт Польши с Литвой. Ю. Пилсудский при создании Второй Речи Посполитой надеялся на вхождение в нее литовских земель, что стимулировало его в 1919 г. к борьбе на этих землях с большевиками и провоцированию здесь пропольских выступлений. Однако 15 мая 1920 г. Учредительное собрание Литвы провозгласило независимость, что сразу же привело к польско-литовским спорам об обладании Сувалкским и Виленским краями. Советская Россия 12 июля 1920 г. признала Литву и подписала с ней мирный договор, по которому признавала Виленский край за этой республикой [4, с. 30]. Через 2 дня Красная армия заняла Вильно и передала его литовцам. Однако в октябре 1920 г. на волне успехов Речи Посполитой в войне с советскими войсками польские отряды генерала Л. Желиговского захватили Виленский край. Правительство в Варшаве и лично Ю. Пилсудский отрицали свое участие в этой акции, но для всех было ясно, что план операции разра-

батывался в польском Генштабе. Как сказал глава Наркоминдела Г.В. Чичерин: «Польша желает пожрать Литву с помощью мятежного генерала».

С первых дней польско-литовского конфликта В.Л. Копп и А. Мальцан искали варианты оказать Литве помощь. Ведь присоединение к Речи Посполитой Виленского края еще более затрудняло создание сухопутного коридора между РСФСР и Советской Белоруссией с германской Пруссией. В.Л. Копп в свое время разрабатывал планы использования американского капитала для установления транзитной связи через Прибалтику [10], а германские военные на этой территории с 1919 г. не только (и не столько) боролись с большевиками, но и стремились «пробить “искусственную плотину” между Россией и Германией из созданных Антантой прибалтийских стран» [9, с. 117].

Действия Л. Желиговского вполне вписывались в планы Франции, которая стремилась окружить Веймарскую республику союзными странами, отделить ее от Советской России и создать «санитарный кордон» на пути распространения большевистской идеологии в страны Европы. В период советско-польского, немецко-польского и польско-литовского конфликтов во французской и польской прессе стали регулярно появляться обвинения А. Мальцана и его коллег в том, что они якобы подписали договор с большевиками об оккупации Данцига и «Польского коридора», отделившего Пруссию от основного массива германских земель и давшего Польше выход к Балтийскому морю [5, с. 133]. Материалы прессы, по сути, оправдывали действия А. Желиговского. В конфликт вмешалась Лига Наций, в которой одну из ведущих ролей играл Париж. Боевые действия между Литвой и Польшей были остановлены. Причем в тот момент, когда литовские войска прорывались к Вильно. В итоге, благодаря политике Франции и Польши, усилия В.Л. Коппа и А. Мальцана на литовском направлении успеха не имели. На оккупированных территориях Виленского края было создано марионеточное государство Срединная Литва, которое в конце марта 1922 г. вошло в состав Польши. Лига Наций признала это в феврале 1923 г.

В целом, «польский вопрос» стал одним из важнейших в геополитике Советской России и Веймарской республики в начале 1920-х гг. и сыграл важную роль в подписании в 1922 г. Рапалльского договора, означавшего установление полномасштабных отношений Москвы и Берлина. Соглашение полностью поддержали почти 500 представителей крупных торговых и промышленных фирм Германии [8, с. 39].

Библиографический список

1. *Ахтамзян А.А.* Рапалльская политика: советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М.: Междунар. отношения, 1974. 303 с.
2. *Борисова А.А.* «Польский вопрос» в политике России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Манускрипт. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polskiy-vopros-v-politike-rossii-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny-1914-1918-gg> (дата обращения: 09.11.2024).
3. Версальский мирный договор: полн. перевод с франц. подлинника / под ред. Ю.В. Ключникова. М.: Литиздат НКВД, 1925. 197 с.
4. Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат. Т. 3. 723 с.
5. *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М.: РОССПЭН, 2019. 277 с.
6. *Кантор Ю.З.* Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов. М.: РОССПЭН, 2014. 383 с.
7. *Польвянный Д.И.* От идеи федерации к практике оккупации: генезис агрессивности в восточной политике Польши в 1918–1920 гг. // Гуманитарное измерение меняющегося мира: материалы Фестиваля гуманитарных наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. С. 137–140.
8. Советско-германские отношения. 1922–1925 гг. Документы и материалы: в 2 ч. / редколл. С. Дернаберг и др. М.: Политиздат, 1977. Ч. 1. 407 с.
9. *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1919–1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. 436 с.
10. *Черноперов В.Л.* США в планах «полугофициального полпреда» РСФСР в Веймарской республике В.Л. Коппа по развитию советско-германских экономических связей в 1919–1920 годах // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., Рязань, 18–19 апреля 2018 г. / под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савостиной, Ю.И. Лосева. Рязань: ИП Коняхин А.В. (Books Jet), 2018. С. 186–193.
11. *Черноперов В.Л.* «Силезский вопрос» в политической жизни Германии и международных отношениях по донесениям советских и британских дипломатов (1920–1922 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та, 2023. № 488. С. 191–195.
12. *Debo R.K.* Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918–1921. Montreal: McGill-Queen's Press – MQUP., 1992. 520 p.

Т.Г. Чекменёва, А.А. Прибытков,

доценты, Воронежский государственный технический университет (Воронеж)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА И ПРОБЛЕМА РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Аннотация. В настоящее время в некоторых странах активно проявляется неонацизм, который характеризуется героизацией нацизма, восхвалением Гитлера, использованием нацистской символики. Поэтому принципы Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками продолжают сохранять свою актуальность.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, нацизм, геноцид.

T.G. Chekmenyova, A.A. Pribytkov,

Associates professor, Voronezh State Technical University (Voronezh)

HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE NUREMBERG TRIALS AND THE PROBLEM OF REHABILITATION OF NAZISM

Abstract. Currently, neo-Nazism is actively manifested in some countries, which is characterized by the glorification of Nazism, the glorification of Hitler, and the use of Nazi symbols. Therefore, the principles of the Nuremberg Trials over the main Nazi criminals continue to remain relevant.

Keywords: Nuremberg Trials, Nazism, genocide.

Приговор Нюрнбергского суда, принципы, положенные в его основу, сохраняют свою актуальность и злободневность. В СССР Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.) воспринимался как эпилог великого воинского подвига советского народа, как результат исторической победы над нацизмом [10].

Уместно напомнить, что в США, Великобритании и некоторых других странах антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны имелись влиятельные круги, которые выступали против суда над главными военными преступниками, так как в ходе международного судебного процесса могли вскрыться факты, порочащие политику правящих кругов западных стран. Кроме того, на процессе неизбежно всплыли бы (как это и произошло впоследствии) обстоятельства прихода Гитлера к власти, преступная роль германского генералитета и промышленников, Мюнхенский сговор и другие шаги, нацеленные

на то, чтобы подтолкнуть Гитлера к войне с Советским Союзом. В Англии У. Черчилль, А. Иден, целый ряд членов палаты лордов высказывались за казнь без суда и следствия Гитлера и его соратников. Аналогичной позиции в США придерживались государственный секретарь К. Хэлл, председатель Верховного суда Х.Ф. Стоун, министр финансов Г. Моргентау. За казнь без суда выступали некоторые французские политические деятели, например, представитель национального комитета Сражающейся Франции в СССР Р. Гарро [5, с. 58–60].

Советское правительство занимало в данном вопросе четкую и последовательную позицию и в заявлении от 14 октября 1942 г. потребовало предания суду специального международного трибунала и наказания по всей строгости уголовного закона Гитлера, Геринга, Гесса, Геббельса, Гимлера, Риббентропа, Розенберга и других главарей нацистской Германии. Английское правительство лишь на Сан-Францисской конференции в мае 1945 г. дало согласие на создание такого суда.

Международный Военный Трибунал не имел прецедента в истории. В Нюрнберге впервые международный суд привлекал к уголовной ответственности правящую верхушку самостоятельного государства, в данном случае Третьего рейха. Впервые международный суд рассматривал преступления против мира и человечности конкретных физических лиц, причем не рядовых исполнителей, а всей гитлеровской клики. Уже поэтому Нюрнбергскому суду пришлось пролагать новые пути, развивать существовавшие правовые нормы и создавать новые.

История не знала такой концентрации и такого размаха преступлений, которые принесла с собой агрессия нацистской Германии. Истребление военнопленных и мирного населения захваченных стран были возведены на уровень государственной политики. Не хватало терминов и понятий для характеристики преступлений нацистских главарей и нацистских организаций. Пришлось прибегать к неологизмам. Так, в частности, в ходе Нюрнбергского процесса для обозначения такого вида международного преступления, как истребление целых этнических групп по расовым, национальным или религиозным признакам стало употребляться понятие «геноцид». По приблизительным подсчетам в годы Второй мировой войны гитлеровцы умертвили в концлагерях и других лагерях смерти более 12 млн. человек [7, с. 4]. На известного писателя ФРГ Г. Бёлля сильное впечатление произвели такие статистические данные: в Первую мировую войну смертность среди русских военнопленных в Германии составляла 5,4 %, а смертность среди советских военнопленных в гитлеровских лагерях – 57,8 %. Как заключает Г. Бёллер, это было уничтожение [8, с. 118].

ФРГ с самого своего создания ставило под вопрос и правомерность Нюрнбергского суда. Таковую позицию ФРГ занимала не только в течение 14 лет канцлерства К. Аденауэра, но и при правительствах Л. Эрхарда (1963–1966 гг.) и К.Г. Кизингера (1966–1969 гг.) Общий курс правительства ФРГ в отношении итогов Второй мировой войны определил и позицию западногерманской юстиции в отношении наказания нацистских преступников. «Реабилитация, покровительство, предоставление привилегий и возвращение на влиятельные посты в государственном аппарате и экономике виновных в совершении тяжких преступлений с самого начала составили фундамент государственной политики ФРГ», – отмечает И.А. Ледях [3, с. 131].

Немецкие суды выработали целую систему норм, направленных на ограждение нацистских преступников от заслуженного наказания [1, с. 31–32]. И.А. Ледях указывает: «Анализ правовой доктрины и судебной практики по вопросам преследования и наказания нацистских военных преступников в ФРГ за прошедшие после Нюрнберга 25 лет свидетельствует, что западногерманская политика в этой области с самого начала проводилась на доктринальном отрицании и практическом отказе от соблюдения Нюрнбергских решений. Эта позиция была возведена в ФРГ в принцип» [4, с. 11]. Следует добавить, что до настоящего времени в данном вопросе никаких существенных изменений не произошло. Именно такая официальная политика ФРГ и поддержка ее со стороны правящих кругов США поощряют фальсификацию значения Нюрнбергского процесса и ревизию вынесенного в Нюрнберге приговора.

Процесс «денацификации», который по решению оккупационных властей, проводился в западных оккупационных зонах Германии, представлял собой сложнейшую задачу. В 1946 г. было принято решение о передаче процесса «денацификации» под контроль самих немцев. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что мера ответственности за преступления совершенно не соответствовала характеру этих преступлений. Так, по решению западных оккупационных властей, максимальный срок лишения свободы составлял только десять лет. И это за участие в массовых убийствах и других преступлениях против человечности! Вместо «денацификации» по сути дела имела место реабилитация военных преступников. Й. Фридрих, который пишет о немцах как «жертвах», в одной из своих первых книг под названием «Холодная амнистия: нацистские преступники в Федеративной Республике Германии» подробно описал, как в действительности проходил в этой стране процесс денацификации [2, с. 139].

По 131-й статье новой Конституции, принятой в мае 1949 г., все бывшие государственные служащие нацистского режима стали автома-

тически служащими ФРГ, со всеми вытекающими отсюда материальными благами и социальными гарантиями. На практике это привело к тому, что весь аппарат министерства иностранных дел нацистской Германии теперь работал на новое государство. То же самое можно сказать и об армии, где высшие чины сохранили свои посты. Не были восстановлены как государственные служащие только бывшие сотрудники тайной полиции, но многие из них успешно скрывали свое прошлое. В то же время часто люди, пострадавшие от нацистов, не имели возможности получить какую бы то ни было компенсацию. Можно согласиться с немецким публицистом Р. Джиордано, который говорит о том, что фундаментом нового немецкого государства стал позорный договор с бывшими нацистскими преступниками [2, с. 141].

Самой одиозной фигурой периода реставрации в ФРГ был Ганс Глобке, который на протяжении многих лет занимал влиятельный пост государственного секретаря в правительстве Конрада Аденауэра. Он и при нацистах занимал достаточно высокое положение; занимался разработкой и комментированием законов, в том числе и так называемого «Закона о защите крови» (имеется в виду закон о защите чистоты немецкой крови). По его комментарию, «враждебной» кровью признавалась еврейская и цыганская кровь. Эти «законы» были смертным приговором для миллионов невинных жертв.

После того, как 9 мая 1955 г. ФРГ была принята в НАТО, и для нее формально окончился оккупационный период, юридическое преследование нацистских преступников практически прекратилось. Если в 1949 г. прошло 3346 процессов против нацистских преступников и было вынесено 1474 приговора, то в 1955 г. – всего 276 процессов и 15 приговоров [9, с. 27].

В мае 1985 г. президент США Р. Рейган совместно с канцлером ФРГ Г. Колем посетили военное кладбище в Битбурге. Это посещение преподносилось как жест примирения между американцами и немцами в 40-ю годовщину разгрома гитлеровского нацизма. Р. Рейгану заблаговременно указали на то, что в Битбурге похоронены 47 эсесовцев, и что «примирение» с ними вызовет возмущение мировой общественности. Однако американский президент поехал в Битбург для отдания почестей. А в сентябре 1985 г. в нескольких городах ФРГ состоялось очередное братание ветеранов бывшей 70-й пехотной дивизии США с бывшими солдатами и офицерами 6-й горно-стрелковой дивизии СС «Норд», которая несла карательную службу в нацистских лагерях смерти. Один из ее командиров обергруппенфюрер СС Крюгер прославился уничтожением варшавского гетто, а другой – генерал-полковник Рендунг был осужден военным трибуналом в Нюрнберге за массовые

расстрелы заложников. Действия администрации США и правительства ФРГ можно квалифицировать как попытку реабилитировать преступную организацию СС.

Польский публицист К. Малцужиньский в 1945 г. был на Нюрнбергском процессе и в 1946 г. опубликовал книгу о нем. 20 лет спустя он написал еще одну книгу, где констатировал: «В течение многих, слишком многих лет в ФРГ не говорили правды об истоках второй мировой войны, о гитлеровских злодеяниях. Не говорили той правды, которую установил и подтвердил документами процесс в Нюрнберге» [6, с. 44]. Известный немецкий публицист Ральф Джиордано, переживший нацистский режим, в книге «Вторая вина, или Бремя быть немцем» (1987) пишет, что есть достаточно оснований говорить о «второй вине» немцев. Их «первая вина» заключалась в том, что они оказались неспособными предотвратить установление нацистского режима и, более того, в своем большинстве сохраняли ему лояльность вплоть до его полного краха; это вина за все преступления, которые были совершены при нацистском режиме, как внутри страны, так и за ее пределами. «Вторая вина» - отсутствие критического осмысления этого режима и собственного поведения, в особенности же отсутствие желания преследовать и наказывать тех, кто этот режим представлял и кто был ответственен за его преступления. Вторая вина – это «подавление», вытеснение из национального сознания и в конечном счете отрицание первой вины. Р. Джиордано говорит о «потере гуманистической ориентации» у немцев [2, с. 137].

Показательными являются результаты голосования в Генеральной Ассамблее ООН по внесенной Россией резолюции под названием «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», которое состоялось в ночь с 15 на 16 декабря 2022 г. Документ поддержали 120 стран. 10 государств воздержались. 50 стран голосовали против принятия резолюции о борьбе с героизацией нацизма. *Впервые в истории ООН против документа, осуждающего нацизм, а также подтверждающего незыблемость итогов Второй мировой войны проголосовали государства – бывшие члены «Оси». Выступившие против резолюции государства, в первую очередь Германия, Япония, Италия, проявили откровенное кощунство в отношении памяти жертв германского нацизма, итальянского фашизма и японского милитаризма.*

В заключении можно отметить, что в ходе Нюрнбергского процесса преступления нацистов были осуждены, главные военные преступники понесли заслуженное наказание. Тем не менее, мы являемся очевидцами непрекращающихся попыток возродить нацизм. На

протяжении многих лет в ФРГ и других западных странах ведется пропагандистская компания по реабилитации нацистских преступников. В то же время преступления нацистского режима замалчиваются. Нюрнбергский процесс – это не просто символ победы добра над злом. Он является серьезным предостережением истории. О ней напоминают не только миллионы могил жертв нацизма, бронзовые и гранитные памятники скорби и торжества победы. Ее носят в себе многие тысячи живущих ныне бывших узников нацистских лагерей, солдат, победивших нацизм и переживших его ужасы.

Библиографический список

1. *Алексеев Н.С.* Против «теорий», реабилитирующих нацистских преступников // Советское государство и право. 1969. № 18. С. 30–39.
2. *Дрозджин С.Н.* Призрак неонацизма. Сделано в Новой Европе. М.: Алгоритм, 2006. 240 с.
3. *Ледях И.А.* Наказание или оправдание (о политике боннских властей в отношении нацистских военных преступников) // Советское государство и право. 1969. № 12.
4. *Ледях И.А.* Нацистские преступники и судебная практика ФРГ. М.: Юрид. лит., 1973. 159 с.
5. *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М.: Наука, 1975. 236 с.
6. *Малиужинский К.* Преступники не хотят признать своей вины / пер. с пол.; под ред. и с предисл. В.Д. Ежова. М.: Прогресс, 1979. 378 с.
7. *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. М.: Воениздат, 1969. 557 с.
8. *Пустогаров В.В.* Нюрнбергский процесс и идеологическая борьба // Нюрнбергский процесс и современность. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1986. С. 108–136.
9. *Филитов А.М.* Проблема наказания нацистских преступников в послевоенной Германии: история и историография // Новая и Новейшая история. 2023. № 5. С. 18–33.
10. *Чекменёва Т.Г., Прибытков А.А., Обертяева И.А., Мухина Н.Е.* Итоги и результаты участия СССР во Второй мировой войне // Глобальный научный потенциал. 2020. № 3 (108). С. 27–30.

Т.И. Шупенько,

доцент, Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка (Минск, Республика Беларусь)

Е.В. Ефимович,

доцент, Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка (Минск, Республика Беларусь)

ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ДЕЛОВЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются принципы оценки профессиональных и личностных качеств государственных служащих в Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблеме определения таких качеств (компетенций) и поиск критериев, по которым они могут быть оценены, а также сложностям, связанным с процессом поиском специалистов, способных проводить оценку в соответствии с современными стандартами и методами.

Ключевые слова: государственная служба, кадровая политика, государственные служащие, деловые и личностные качества, компетенции, оценка компетенций.

T.I. Shupenko,

Associate professor, Belarusian State Pedagogical University (Minsk, Belarus)

E.V. Efimovich,

Assistant professor, Belarusian State Pedagogical University (Minsk, Belarus)

PRINCIPLES FOR ASSESSING THE BUSINESS AND PERSONAL QUALITIES OF CIVIL SERVANTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article analyzes conceptual approaches to assessing the professional and personal qualities of civil servants in the Russian Federation. The special attention is given to the problem of defining such qualities (competencies) and searching for criteria by which they can be assessed, as well as the difficulties associated with the process of finding specialists capable of conducting assessments in accordance with modern standards and methods.

Keywords: civil service, personnel policy, civil servants, business and personal qualities, competencies, competency assessment.

Оценка деятельности государственных служащих является важной частью совершенствования всей системы управления в целом. Вопрос о том, что и как оценивать, обычно раскрывается в нормативных

актах, касающихся сферы государственной службы. Как правило, система оценки работы служащего включает в себя оценку профессиональных и личностных качеств (компетенций). В Российской Федерации в последние годы был принят подход, согласно которому отбор и оценка претендентов на государственную службу должен основываться на лучших российских и международных практиках.

Министерством Труда Российской Федерации еще в 2013 году был разработан «Методический инструментарий по внедрению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку)» [1]. В документе понятие «комплексная оценка» включало в себя оценку необходимых профессиональных знаний и навыков, а также требования к образованию, стажу работы на государственной службе или опыту работы по специальности.

К «Методическому инструментарию...» прилагался справочник профессиональных качеств государственных служащих, разделенных на три группы: «общие профессиональные качества (нацеленность на результат; укрепление авторитета государственных служащих; межличностное понимание и стиль общения), прикладные профессиональные качества (сбор и анализ информации; высокое качество подготовка документов; направленность на обеспечение защиты законных интересов граждан и т. д.) и профессиональные управленческие качества (планирование деятельности и ресурсов; постановка целей и организация деятельности; контроль и оценка эффективности работы; мотивация и развитие подчиненных; управленческие решения; стратегическое видение; управление изменениями; публичные выступления и внешние коммуникации)» [1].

В 2016 году появилось Постановление Правительства Российской Федерации «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [6], в котором вводится новый термин «компетенции», не использовавшийся ранее. На основе Постановления Министерства Труда Российской Федерации совместно с Российской академией народного хозяйства и государственного управления (РАНХиГС) разработало «Методические рекомендации по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности». В соответствии с этими рекомендациями предлагается оценивать следующие компетенции: квалификационные, личностные, управленческие и прикладные. Личностные и управленческие компетенции – это набор личностных качеств, необходимых для эффективной деятельности (лидерство, стратегическое мышление, принятие управленческих решений, личная эффективность, командная

работа, гибкость и готовность изменяться). Прикладные компетенции – способы поведения в различных ситуациях [3].

В 2018 году было утверждено Постановление Правительства Российской Федерации «Единая методология проведения конкурсов на замещение вакантных должностей в государственных гражданских органах службы и включения в кадровый резерв государственных служащих». В этом документе перечислены следующие профессиональные личностные качества для оценки: стратегическое мышление, командное взаимодействие, личная эффективность, гибкость и готовность к переменам (для всех кандидатов). Для кандидатов, претендующих на замещение руководящих должностей – такие качества как лидерство и управленческие решения [5].

В таком нормативном акте, как «Методический инструментальный по формированию кадрового состава гражданской службы Российской Федерации» дается определение термину «компетенция», а также описывается методология оценки разных компетенций [2].

В 2023 году экспертами РАНХиГС разработана модель ключевых компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти. В документе предлагается развести понятия «компетенция» и «компетентность». Термин «компетенция» определяется как «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), необходимых для качественной продуктивной деятельности» [4], а «компетентность» как «способность к интеграции знаний и навыков, способность их использования в условиях изменяющихся требований среды» [4]. На наш взгляд, такое разделение понятий может приводить к путанице и затруднениям при оценивании, поэтому при разработке подобного документа белорусскими специалистами, следует использовать один из них. Также в документе вводится новое понятие «метакомпетенции». Это понятие шире понятий компетенция и компетентность, которые являются частью метакомпетенции.

Что касается непосредственно списка компетенций, на основании которых должна осуществляться оценка госслужащих, то эксперты РАНХиГС назвали это «моделью управленческой готовности РАНХиГС» и выделили следующие характеристики: «стратегическое лидерство, настойчивость, целеустремленность и сила личности, компетентности межличностного и социального взаимодействия, управленческая компетентность, компетентность самоуправления, готовность к командной работе, масштабность мышления, готовность к саморазвитию и изменениям, экспертно-аналитическая компетентность, социальная направленность» [4]. Отметим, что данная модель не является единой для всех регионов и органов государственной власти в Российской

Федерации. При этом, разработчики заявляют о том, что это «первая модель ключевых – сквозных и дифференцирующих компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти, не только основанной на теоретической модели или экспертной оценке, но и прошедшей стадию эмпирической разработки, валидизации и подтверждения ее состоятельности на основе статистических данных и широкой апробации» [4].

Таким образом можно сделать вывод, что современная профессиональная, стратегическая и инновационная государственная служба должна обладать необходимым набором инструментов и методов для оценки компетенций своих сотрудников в соответствии с новейшими технологиями в HR-сфере. Исследование нормативных актов показало, что в Российской Федерации совершенствуется законодательство в этой сфере, что оказывает положительный эффект непосредственно на процесс оценки деловых и личностных качеств государственных служащих. При этом единая методика оценки деловых и личностных качеств государственных служащих четко не определена. Вместе с тем, необходимо отметить, что внедрение передовых HR-практик и технологий связано с рядом трудностей. Во-первых, в целом сфера госуправления достаточно консервативна в отношении внедрения инноваций. Существует также проблема недостаточной квалификации сотрудников отделов кадров государственных органов. Привлечение сторонних специалистов-консультантов потребует дополнительных финансовых и организационных затрат. Также существует проблема разработки стандартов тестирования и других инструментов и методов (интервью, анкетирование).

Библиографический список

1. Методический инструментарий по внедрению комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку) [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/4/0>. (дата обращения: 26.12.2024).
2. Методический инструментарий по формированию кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации Версия 3.1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72098548/>. (дата обращения: 26.12.2024).
3. Методические рекомендации по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности (утв. Минтрудом России) (вместе с «Требованиями к компетенциям государственных гражданских служащих-участников проектной деятельности») [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291113/. (дата обращения: 26.12.2024).

4. Модель ключевых компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти: исследование и обоснование применения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ganepa.ru/>. (дата обращения: 06.06.2022).

5. Постановление Правительства РФ от 31.03.2018 № 397 (ред. от 20.06.2023) «Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_295086/. (дата обращения: 26.12.2024).

6. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 21.12.2023) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/. (дата обращения: 26.12.2024).

УДК 94(47).084.9

К.А. Юдин,

доцент, Ивановский государственный химико-технологический университет
исполнитель по гранту, Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена

«...СЕГОДНЯ НА ПОЛИТБЮРО МЫ ТЕБЯ И УТВЕРДИМ»: ВЛАСТЬ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ В МЕМУАРАХ МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ СССР В.Г. ЗАХАРОВА*

Аннотация. Статья обращена к конкретно-историческим аспектам и концептуально-теоретическим проблемам изучения технологий, механизмов власти, международных связей во второй половине 1980-х гг. Основным источником выступили мемуары министра культуры СССР В.Г. Захарова. Делаются выводы о востребованности историко-биографического ракурса для детализации функционального потенциала ведущих институциональных акторов и трансформации системы управления в целом, особенно на переломных этапах – перестройки в СССР и кульминации «холодной войны».

Ключевые слова: Министерство культуры СССР, В.Г. Захаров, интеллигенция, перестройка, механизмы власти, «холодная война».

© Юдин К.А., 2025

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

K.A. Yudin,

Associate professor, Ivanovo State University of Chemistry and Technology,
grant executor, The Herzen State Pedagogical University of Russia

**«...TODAY AT THE POLITBURO WE WILL APPROVE YOU»:
POWER, INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MEMOIRS
OF THE USSR MINISTER OF CULTURE V.G. ZAKHAROV**

Abstract. The article addresses specific historical aspects and conceptual and theoretical problems of studying technologies, mechanisms of power, and international relations in the second half of the 1980's. The main source is the memoirs of the USSR Minister of Culture V.G. Zakharov. Conclusions are made about the relevance of the historical and biographical perspective for detailing the functional potential of leading institutional actors and the transformation of the management system as a whole, especially at turning points – perestroika in the USSR and the culmination of the «cold war».

Keywords: USSR Ministry of Culture, V.G. Zakharov, intelligentsia, perestroika, mechanisms of power, «cold war».

Изучение институциональных аспектов государственного управления, как отдельных акторов, так и всей системы, механизмов властно-политической и иной коммуникации через призму источников личного происхождения приобретает все более возрастающую научную актуальность и практическую востребованность. Это обусловлено не только феноменом «мемуарного бума» – чисто количественным ростом такого рода рефлексии, на которую по завершении жизненного или творческого пути решились известные люди из мира культуры, искусства, государственные деятели, но и совершенствованием теоретико-методологических подходов к реконструкции исторического процесса. Традиции интеллектуальной истории, имагологии [1] опыт «новой биографии» [3, с. 42], поддерживаемые в новейшей историографии [5], в сочетании с озвученной в исследовании О.В. Хлевнюка и Й. Горлицкого концепцией регионально-сетевого взаимодействия [7], – все это позволяет выйти на более высокий уровень репрезентации прошлого.

Василий Георгиевич Захаров (5.01.1934 – 17.10. 2023 гг.) занимал пост министра культуры СССР с 1986 по 1989 гг., а затем являлся заместителем председателя Совета Министров РСФСР (1989–1990 гг.) в переломный период, связанный с перестроечными процессами, когда административные эксперименты, новые внутри- и внешнеполитические ориентиры, «имагологический поворот» [8, с. 47] в восприятии «своих» и «чужих», продолжали сосуществовать с апробированными, консервативными механизмами и технологиями власти.

Биография В.Г. Захарова и его воспоминания показательны тем, что непосредственно отражают и верифицируют происходившие на

протяжении длительного времени трансформации взаимоотношений среди партийно-государственной номенклатуры. Принцип «доверия к кадрам», провозглашенный на XXIII съезде КПСС в 1966 г., стал катализатором для формирования «сетей в регионах, возглавляемых партийными губернаторами» [7, с. 353, 377]. Постепенный демонтаж сталинских традиций «бомбардировки» компрометирующими материалами и обвинениями, привел, с одной стороны, к стабилизации номенклатуры, с другой – к нового типа «непредсказуемости» в виде «внеочередных повышений» [7, с. 377], все же, несмотря на «сетевые» социальные лифты, остававшихся прерогативой «ЦКовского арбитража».

Эта модель затронула и В.Г. Захарова, который стал участником, как он сам выразился в главе «Мои служебные университеты», нескольких турниров подобной игры в «кадровые шахматы» [2, с. 6]. В первый раз это случилось, когда секретарь Ленинградского обкома КПСС и одновременно заместитель Министра культуры СССР З.М. Круглова не оставила для него альтернативы переходу в обком, несмотря на то, как писал Захаров, он до этого «не был ни на комсомольской, ни на партийной работе» [2, с. 8–9], в резкой форме заявив ему следующее: «Вам оказано очень высокое доверие, а Вы начинаете рассуждать, где Вам больше нравится работать. Вы коммунист, и куда Вас партия призовет, там Вы и будете трудиться. Через три дня Вас примет Романов (Г.В. Романов – первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. – К. Ю.), и в тот же день – на бюро. И не вздумайте у Романова и тем более на бюро высказывать мысли о Ваших желаниях» [2, с. 10].

Вторым «трамплином» в высшие эшелоны власти для В.Г. Захарова стала работа в Москве, сначала в качестве заведующего Отделом ЦК КПСС, затем – вторым секретарем Московского горкома КПСС (1983–1986 гг.), где он попал, тем самым, в команду Б.Н. Ельцина. Захарову пришлось постепенно осваивать номенклатурную нагрузку с ее планомерным расширением. «Культуру, – писал он, – я упросил мне не поручать по причине перегрузки. Ее вел другой секретарь. Примерно через месяц после начала работы вызывает Б. Ельцин и предлагает “взять культуру” <...>. Так я стал вновь, как в Ленинграде, заниматься культурой вплотную. В условиях подготовки к съезду я неоднократно встречался с деятелями культуры Москвы самого различного направления. Встречи носили очень живой характер и, думаю, они сыграли немалую роль в решении о назначении меня на должность министра культуры СССР» [2, с. 26]. О принятии этого решения в августе 1986 г. Захарову сообщил секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев, а затем и лично сам М.С. Горбачев, произнес фразу, вынесенную в названии статьи [2, с. 8].

Сразу необходимо сделать ремарку, что должность министра культуры стала для В.Г. Захарова не формальной обязанностью,

поскольку он курировал эту сферу из искренней и добросовестной сопричастности к ней, сам принадлежал к научно-педагогической интеллигенции, являлся доктором экономических наук, профессором. Уровень образования, реальные знания, безусловно, повлияли и на специфику коммеморации его жизненного пути.

Воспоминания имеют продуманную структуру. Построенные по проблемно-тематическому принципу, они представляют собой соединенные воедино очерки различных эпизодов – встреч с государственными деятелями (глава «Люди во власти»), мэтрами советской / отечественной культуры. В одних случаях, Захаров оценивает перспективы деятельности, профессиональные качества отдельных политиков или личностные особенности. Например, период нахождения у власти М.С. Горбачева называет «правлением упущенных возможностей» [2, с. 128], но при этом признает положительный эффект перестройки и гласности, поскольку они «помогли покончить с практикой запретов, некомпетентного вмешательства в творческий процесс и т. д.» [2, с. 127].

В других случаях В.Г. Захаров просто делится впечатлениями. Показательно название главы, в которой фигурируют воспоминания о коммуникации с А.И. Райкиным, С.Т. Рихтером, А.Н. Пахмутовой и Н.Н. Добронравовым, Р.Я. Пляттом, Ю.В. Никулиным, К.Ю. Лавровым, Г.С. Улановой и многими другими – «О тех, кого я помню и люблю». С некоторыми из них, например, с русским и советским оперным певцом, народным артистом СССР С.Я. Лемешевым, Захаров непосредственно лично не встречался (не считая посещения концертов), не общался, поэтому в мемуарах имеется и пласт публицистической рефлексии только от имени поклонника и почитателя таланта.

В.Г. Захаров характеризует различные ситуации ведомственного контроля, материальных проблем (глава «Головная боль культуры – материальная база»), но особняком стоит раздел, связанный с международными отношениями. Министерство культуры в период очередной «разрядки», наступившей в годы перестройки в СССР, становится одним из ведущих институциональных индикаторов улучшения советско-американских отношений и контактов с другими странами. В.Г. Захаров писал, что «в 1986 и 1987 гг. была проделана значительная работа по восстановлению механизма культурных обменов между СССР и США» [2, с. 104], отчасти прерванных в годы «второй» «холодной войны» 1979–1985 гг.

В январе 1988 г. исполнилось 30 лет со дня (27 января 1958 г.) подписания основополагающего документа международного характера, установившего нормативно-правовую базу для советско-американского сотрудничества – Соглашения Лэйси-Зарубина. Захаров вспоминал, что для празднования этой даты была сформирована делегация, включавшая

«25 выдающихся деятелей культуры», среди которых фигурировали директор Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина И.А. Антонова, народный артист РСФСР Н.Н. Губенко, хоккеист В.А. Третьяк и многие другие. «Наша делегация, – отмечал Захаров, – была очень тепло встречена в Соединенных Штатах. Госсекретарь США Дж. Шульц принял меня как главу делегации <...> [2, с. 105]. Результативным оказалось и общение с директором Информационного агентства (ЮСИА) США Ч. Уиком, с которым В.Г. Захаров был знаком и ранее. «В заключении американской темы, – констатировал он, – могу сообщить, что через четыре месяца, во время визита в Москву президента США Р. Рейгана, наряду с другими документами я и Ч. Уик подписали программу обмена и сотрудничества на 1989–1991 гг. между СССР и США в присутствии руководства наших стран» [2, с. 112].

Особую роль в реализации переговорного процесса, организации музейно-выставочных обменных программ, В.Г. Захаров справедливо отводит И.А. Антоновой: «<...> Так было и тогда. Американская сторона предлагала нам далеко не лучшие свои экспонаты, а от нас хотела получить уникальные полотна. Но не тут-то было! И. Антонова прекрасно знала возможности этих американских музеев и называла конкретные работы художников в обмен на работы наших музеев» [2, с. 251]. В это же время, по воспоминаниям В.Г. Захарова оживились и другие международные связи – с Великобританией, Францией, Испанией, Китаем, советско-германские отношения тоже были достаточно активны, хотя и усложнялись вопросами реституции (возвращения) художественных ценностей, вывезенных в годы Второй мировой / Великой Отечественной войны [2, с. 252].

Уделяет внимание в своих мемуарах В.Г. Захаров и проблемам повседневности культурно-политического диалога, коммуникации в неформальных условиях, которая в не меньшей степени способствовала взаимопониманию, легитимации встречной заинтересованности в результатах переговорного процесса. «Однажды после переговоров, во время обеда, – вспоминал он, – когда мы с удовольствием дегустировали виски, один из шотландцев спросил меня, почему, дескать, мы с русскими очень близки по духу, характеру? Я, удивленный, пытался найти общность в происхождении ряда деятелей культуры, имевших шотландские корни (Лермонтов), крупных полководцев-шотландцев, служивших в русской армии и т. д. “Нет, – возразил спрашивающий, – в другом. Вот вы перед употреблением водки разбавляете ее водой?” Я отвечаю, что нет. “И мы виски не разбавляем, а вот англичане ввели моду разбавлять! Это же глупость! Какая же у нас с ними общность, – заявил он, – и с кем она действительно существует всем понятно!” Все дружно поддерживали это заключение» [2, с. 113].

В целом, подводя итоги, следует отметить, что воспоминания В.Г. Захарова заняли достойную нишу в информационном, социокультурном пространстве. Как и все источники личного происхождения, субъективность, свойственная этой группе видов источников, в отображении определенных событий, выступает одновременно и недостатком и достоинством, синкретично соединенным в фокусе «эго-документов» [4, с. 518]. В одном из разделов В.Г. Захаров выразил своеобразное профессиональное и моральное кредо, представление об интеллигенте во власти: «Министр – это государственный пост, на котором должен стоять управленец высшего уровня. Конечно, он должен знать культуру и искусство, быть образованным человеком. Но его главной задачей является создание условий для развития культуры – и материальных, и идеологических, а не исполнение прямых функций управления, не отдача указаний, где и что творить и т. п.» [2, с. 232]. Поэтому, отсутствие излишней эмоциональности, претенциозности, публицистического пафоса, а также верификация достоверности приводимых сведений, осуществляемая на основе сравнения с данными архивных материалов из фонда Министерства культуры СССР [6, ф. 2329, оп. 35, д. 2897, л. 27; д. 2889, л. 11, 31, 49], фотокопиями документов, приводимых самим автором воспоминаний, – все это позволяет говорить об их историко-источниковедческой ценности.

Библиографический список

1. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / Рябов О.В., Белов С.И., Давыдова О.С., Кубышкин А.И., Рябов Д.О., Рябова Т.Б., Смирнов Д.Г., Спутницкая Н.Ю., Юдин К.А.; под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
2. *Захаров В.Г.* От Смольного до Правительства СССР: записки министра культуры СССР. М.: Издательство РАГС, 2010. 353 с.
3. История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М.: Квадрига, 2010. 720 с.
4. Источниковедение. Информационные ресурсы истории и археологии / отв. ред. В.И. Дурновцев. М.: РГГУ, 2024. 586 с.
5. *Никифоров Ю.С.* Партийная власть Ярославской области (1936–1991 гг.) как объект исторического анализа // Социально-политические исследования. 2024. № 3 (24). С. 97–110.
6. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).
7. *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М.: НЛЮ, 2024. 432 с.
8. *Юдин К.А.* «Имагологическая перестройка»: специфика культурной политики СССР второй половины 1980 – начала 1990-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2024. № 2. С. 38–50.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Лукьянчикова Л.В. Военно-патриотическая подготовка советских граждан в январе–июне 1941 года (по материалам газеты «Правда»)	5
Крайнов Г.Н. Историческое значение освобождения территории СССР от немецко-фашистских оккупантов в 1944 г.	10
Попов Д.В. Взаимодействие церкви и государства во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на примере Костромской области	17
Корников А.А. Новые документы по истории ранних лет жизни маршала А.М. Василевского и его семьи. (Обзор современной литературы)	21
Черноперов В.Л. Митрополит Сергей (Страгородский) и обновленцы	26

Секция 1

«РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Беззубов С.С. Приходская жизнь Вичугского края на рубеже XIX–XX веков	32
Вашкау Н.Э., Новиков Н.С. Антирелигиозная пропаганда в годы хрущевских гонений на церковь на страницах комсомольской газеты «Ленинец»	38
Верещагин И.Ф. Процесс десекуляризации социального пространства (на примере Архангельской области)	43
Ганчар А.И. Изменение программы преподавания Закона Божия для уездных училищ Виленского учебного округа (1893)	48
Горожанина М.Ю. Церковное строительство на черноморском побережье Кубани в период его вхождения в состав Российской империи	54
Игумен Герман (Г.И. Дворцов). Образование Иваново-Вознесенской епархии в контексте развития административно-территориального деления Ивановского края в 1920–1940-е гг.	59
Дежнев В.Н. Армия и церковь в годы великих потрясений	65
Дмитриев Н.А. Религиозная жизнь Калининской области в годы Великой Отечественной войны	70

Дроботушенко Е.В. Состояние православия в Китае в середине 1940-х гг.: по секретной записке заместителя председателя совета по делам Русской Православной церкви С.К. Бельшева	76
Игумен Агафангел (Гагуа). К вопросу об образовании Алма-Атинской епархии	81
Лабынцев Ю.А. Витебское и Могилевское епархиальные древле-хранилища и их организатор Е.Р. Романов (последние годы XIX – начало XX в.)	86
Литвинов В.П. Духовенство на окраине империи: военные священники в Туркестанском крае	91
Минько С.И. 4-й Всебелорусский крестный ход «Церковь и армия»	97
Ожиганов А.Н. Антирелигиозная деятельность и пропаганда в отношении детей и молодежи в Хакасской автономной области во второй половине 40-х – первой половине 60-х гг. XX в.	103
Пенькова Т.А. Церковная дипломатия в векторе культурной дипломатии СССР в начале Холодной войны	109
Половникова М.Ю. Святая земля и Афон в истории Вятской губернии (XIX – начало XX в.)	114
Рашитова О.А. Священнослужители провинциального Ямбурга	119
Реброва М.И. К вопросу о деятельности уполномоченного совета по делам Русской Православной церкви в Ворошиловградской области в 1945–1946 гг.	125
Рослякова М.В. Русская Православная церковь и социальная деятельность: возможности базы данных по социальному служению	130
Сазонов Д.И. Оценка экклезиологических убеждений Патриарха Алексия I в свете его деятельности в 1945–1948 годы	136
Смирнова О.С. Закрытие последних действующих храмов города Суздаля в 1937 г.	141
Соколов А.С. Русская Православная церковь в условиях «религиозного нэпа»	147
Степанов А.В. Православная церковь, газетная печать и народное пробуждение в январе 1905 г.	151
Федотов А.А. Город Иваново в 1930-е гг. как православный административный центр	158
Шадрина А.В. Особенности государственно-церковных отношений в Ростовской области в 1947 г.	163
Щавинская Л.Л. Православные имперской России в границах новой межвоенной Европы: судьба одной полесской матушки	168

Секция 2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ/ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ИСТОРИИ РОССИИ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ОСМЫСЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. НЕПРАВОСЛАВНЫЕ ДЕНОМИНАЦИИ

Апанасенок А.В. Изучение церковной истории позднесоветского периода: размышления о методологических проблемах современной исследовательской практики	174
Атаманова Е.Т. Православная святыня Ельца в становлении паломнического туризма	180
Афанасьева М.А. Ноосферизация религиозного сознания: основные направления	186
Балдин К.Е. Иноземная среда и русская идентичность по паломническим мемуарам начала XX века	192
Вакарчук А.Ю. Малый театр – малому городу: Родники, 1935 г.	198
Виноградова Ю.А. Личность И.И. Власова и его участие в создании губмузея и Иваново-Вознесенского губернского общества краеведения	203
Горячев И.В. «У них есть Родина»: оценка советской кинокартины 1949 г. в российских социальных сетях	209
Грошева Л.И. Интеграция социальных установок и экономического поведения современной молодёжи	213
Грошева И.А., Грошев И.Л. Семья и государство в современном обществе: взгляд молодежи	219
Дианова Е.В. Народная демонология в зеркале советского кино 1920-х годов	225
Жульков М.В. Русская философия в XXI веке	231
Комиссаров В.В. Результаты социологического обследования советских инженеров как источник по истории интеллигенции	237
Конев Е.В. Атеистическая кампания советского государства и евангельские христиане-баптисты в 1950-е гг. (на материалах Алтая, Кузбасса и Хакасии)	242
Кукушкин В.Л., Кукушкина И.А. Христианские смыслы и образы в произведении М.В. Исаковского «Враги сожгли родную хату...»	247
Михайлов С.С. Старообрядческий священник Фома Казаков и баптистские общества восточного подмосковья в XX столетии	252
Павленко А.П. Одесса во время прихода интервентов в 1918 г.: общественные настроения и обстановка в городе	258

Павлюченков Н.Н. Война и духовно-нравственное преображение человека (по записям свящ. П. Флоренского)	265
Пушков В.П. Нижегородцы-первокурсники Московского университета 1917 г.	270
Сипейкин А.В. Рассекреченные материалы ОГПУ о деятельности мусульманского съезда 1923 г.	274
Стогов Д.И. Вклад И.И. Крафта в реорганизацию архивного дела в Якутии	280
Суслов А.Ю. Российская провинциальная театральная культура второй половины XX – первой четверти XXI века (на примере Республики Татарстан)	285
Траудт Е.А. Некоторые аспекты изучения деятельности последователей свидетелей Иеговы в Бурятии во второй половине 1960-х гг.	290
Уразгалиев Р.М. Отношение католического духовенства Привислинского края к государственной власти в конце XIX – начале XX в.	296
Усманов С.М. Возвращение вождя: мифологемы российского самосознания в исторической ретроспективе	299
Чикаева Т.А. Б.К. Зайцев о Родине и любви к ней	301
Широкалова Г.С., Шиманская О.К. Авторитетность религиозных заповедей как регулятора поведения студентов СПО	306
Шушканова Е.А. Христианские форматы в советской идеологии	312
Юркин Н.Г. О соотношении понятий «административная» и «служебная этика»	318

Секция 3

«РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО (РУБЕЖ XIX–XX вв. – НАЧАЛО XXI в.)»

Балахонова М.А. Вклад Ивановского медицинского института в развитие фронта и тыла в 1941–1942 гг.	323
Белов А.М., Малинин А.Н. Проблемы кооперативного строительства в российской провинции в начале XX века	329
Белогонов Ю.Г. Выпускники системы государственных трудовых резервов как «группа риска» дезертиров с производства в период Великой Отечественной войны	334
Блиняев С.Н., Колесников В.А. Особенности карточной системы на продовольствие в годы Первой мировой войны (по материалам Костромской и Ярославской губерний)	340

Болтунова К.О., Околотин В.С. Строительство оборонительных сооружений в Ивановской области в 1941 году	344
Бунин А.О. Ссудная деятельность российской сельскохозяйственной кредитной кооперации в 1925–1927 годах	350
Бутрин Е.С. «Питейные заведения» в Иваново-Вознесенске на рубеже XIX–XX вв.	354
Велибеков Э.Ш. Эвакуация оборонных предприятий Ивановской области и их реэвакуация в 1941–1942 гг.	363
Гулин А.О. Яков Моисеевич Фишман и его роль в развитии советской военно-химической промышленности	369
Добжыньска Д. Образ Российской империи в польской литературе XIX в.	374
Иванов А.М., Азаренкова А.С., Котова Э.А. Деятельность Угранского райисполкома начала 1980-х гг. по вопросам соблюдения законодательства о религиозных культах по материалам Смоленской области	379
Ильин Ю.А. Крестьянство и крах идеи парламентаризма: по поводу разгона Учредительного собрания (ноябрь 1917 г. – январь 1918 г.)	385
Ковров Т.А. Участие купца Ф.А. Такмана в деятельности учётно-ссудного комитета при Ярославском отделении Государственного банка	390
Комиссарова И.А. Некоторые источники по истории ботанического сада Ивановского государственного университета	397
Корзинин А.А. Санитарно-бытовые условия содержания военнопленных центральных держав в Иваново-Вознесенске (1914–1918 гг.)	400
Кураев А.Н. Классификация политических партий в Российской империи в начале XX века	405
Ладанова А.А. Забота о здоровье учеников в школах ФЗУ при фабриках Ивгостреста в 1922/23–1925/26 гг.	411
Листопадов Д.Ю. К вопросу о количестве военнопленных, захваченных русской армией в Первую мировую войну	417
Листопадов Ю.Г. Коммунарское движение и коммунарские сборы в 1960-х гг.	423
Личак Н.А., Личак Д.А. Ордена и медали Ушакова и Нахимова – флотские награды времен Великой Отечественной войны	429
Макаров Н.А. Первый Костромской губернский партийный съезд РКП(б) как организатор партийной жизни региона	434
Медоваров М.В. Русская пресса о договорах о коллективной безопасности в Скандинавском регионе (1907–1908 гг.)	440

Околотин В.С. Военнопленные и репарации в экономике Родниковского района Ивановской области (1945–1946 гг.)	446
Реутова А.Д. Детские трудовые коммуны в 1920–1930-е годы	451
Сагателян Г.Ш. Проблемы строительства жилья в российской глупбинке в 1950-х годах (на материалах Нижегородской области)	455
Синин Е.Ю. «Сей повар будет готовить только острые блюда»: история одной ленинской фразы	461
Смирнов В.А. Из истории железнодорожной ветки Горкино – Родники – Хлябово (1950-е – нач. 2000-х гг.)	467
Соза Л.Н. Коломенская городская дума и местные питейные заведения: вопросы взаимоотношений во второй половине XIX – начале XX в.	473
Суздальцева И.А. Трудовые победы работниц махачкалинского завода имени М. Гаджиева в годы Великой Отечественной войны	478
Суханова Н.И. Национальный вопрос в программах национальных политических партий в России начала XX в.	482
Сысов А.И. Протестные настроения жителей горнозаводской зоны Южного Урала в начале 1930-х гг.	487
Труженикова Л.А. Тенденции развития промышленного производства в Республике Дагестан в 2000-е годы	493
Тумаков Д.В. Военные действия в Чечне летом 1996 года в освещении российской ведомственной периодики	499
Филимончик С.Н. Высшие органы власти автономной Карелии в 1920–1930-е годы	505
Хрулев С.П. «Фактор Польши» в сближении Советской России и Германии в 1918–1922 гг.	511
Чекменёва Т.Г., Прибытков А.А. Историческая значимость Нюрнбергского процесса и проблема реабилитации нацизма	517
Шупенько Т.И., Ефимович Е.В. Принципы оценки деловых и личностных качеств государственных служащих Российской Федерации	523
Юдин К.А. «...Сегодня на политбюро мы тебя и утвердим»: власть, международные связи в мемуарах министра культуры СССР В.Г. Захарова	527

**ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО, ЦЕРКОВЬ
В ИСТОРИИ РОССИИ XX–XXI ВЕКОВ**

**Материалы XXIV Международной научной конференции,
посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне**

Иваново, 26–27 марта 2025 г.

[12+]

Издается в авторской редакции

Директор издательства *Л.В. Михеева*
Технический редактор *И.С. Сибирева*

Подписано в печать 20.02.2025.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 31,39.
Уч.-изд. л. 24,5. Тираж 300 экз. Заказ № 05. Цена свободная.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

АО «Ивановский издательский дом»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Степанова, 5
☎ (4932) 30-14-11. E-mail: 301411@rambler.ru

